Ю
К66
т.3

Ю. КОРБЕТТ

ОПЕРАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД,
1930

ФО
К66

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

355.49 (42)

Ю. Корбетт

ОПЕРАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА

В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ТОМ III

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 117370/8

Sir Julian S. Corbett. History of The Great War. Naval Operations. London 1923.

Перевод М. Л. Бертенсона

Управление Военно-Морских Сил РККА
ЛЕНИНГРАД
1930

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

16/VI-37
28/V 85-212

Колич. предыд. выдач

Ленинградский Областлит. № 52397. Тираж 1500 экз. 2 л.6 Заказ № 1210.

Тип. Гидрогр. Упр. Управл. В.-М. Сил РККА. Ленинград, здание Гл. Адм.

От Лордов Адмиралтейства.

Адмиралтейство предоставило в распоряжение автора официальные документы, но оно ни в какой мере не ответственно ни за результат его работы, ни за точность изложения.

Лорды Адмиралтейства находят, что некоторые принципы, защищаемые в этом труде, и в особенности тенденция умалить важность одного из них—„искать боя и довести его до решительного конца", находятся в полном противоречии с их собственными взглядами [1]).

Предисловие к английскому изданию.

Содержание настоящего тома посвящено событиям в Отечественных водах, имевших место с весны 1915 г. до Ютландского боя включительно, операциям у Дарданелл вплоть до окончательной эвакуации, началу Салоникской экспедиции, кампании в Месопотамии до боя у Ктезифона и операциям на второстепенных театрах.

Сэр Юлиан Корбетт закончил III том лишь за несколько часов до своей смерти и таким образом не смог просмотреть и проверить работы, а также провести ее корректуру, подобно тому, как он это делал при выпуске предыдущих томов.

Задача эта легла на меня, связанного с автором тесной работой в течение многих лет и хорошо осведомленного с методами его работы. Мне пришлось сличить текст рукописи с основными материалами и документами и исправить замеченные ошибки, однако, отнюдь не нарушая оригинала. Особенное внимание было обращено на то, чтобы сохранить в точности те места, в которых автор высказывает свои собственные взгляды или делает выводы из тех или иных фактов.

Кроме источников, указанных в I и II томах, покойный исследователь в вопросах, связанных с германской страте-

[1]) Первым морским лордом в это время был адм. Битти. *Ред.*

гией и политикой войны, широко пользовался следующими трудами:

1) Граф Бернсторф. [1]) „Мои три года в Америке "(My Three years in America")

2) Ген. Эрик фон-Фалькенгайн. «Главная Квартира 1914 — 1916 гг. и ее важнейшие решения" („General Headquarters 1914—1916 and its Critical Decisions") [2]).

3) Ген. Людендорф. (Мои мемуары по войне 1914 — 1918 гг.) („My War Memories 1914—1918").

4) Кап.-лейт. Гайер. Германские подводные лодки в войне 1914—1918 г. т.т. I и II („Die Deutschen U-Boote in ihrer Kriegführung 1914—1918").

Описывая начало Салоникской экспедиции, автор пользовался сочинениями ген. Саррайля—„Мое командование на Востоке в 1914 — 1918 гг." („Mon commandement en Orient 1914—1918") и ген. Жоффра — „Первый кризис командования" („La première crise du commandement").

Что же касается германской официальной „Истории войны на море", то ею охвачен по настоящее время лишь тот период, который описан автором ранее [3]).

Диаграммы Ютландского боя вычерчены по данным капитана-лейтенанта в отставке Ю. Поллена, который ответствен также и за все карты и чертежи боевых столкновений, помещенных в I и II томах.

Е. Даниэль

Секретарь Исторической Секции
Комитета Имперской Обороны.

---

[1]) Германский посол в С. Ш. А. *Ред.*

[2]) Издано в переводе А. Е. Снесарева. Фалькенгайн «Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях». Москва. ВВС 1920 г.

[3]) Относится к 1923 году. *Ред.*

ГЛАВА I.

Общее положение после отставки адмирала Фишера и первого лорда Адмиралтейства Черчилля к моменту образования коалиционного министерства в мае 1915 г. Действия на второстепенных театрах. Месопотамия.

Карты 1 и 2.

Новый кабинет сформировался к концу мая 1915 года. Премьер-министр Асквит, министр иностранных дел Грей и лорд Китченер сохранили свои портфели. Главные перемены в составе правительства, имевшие непосредственное отношение к ведению войны, заключались в том, что должность первого лорда Адмиралтейства занял Бальфур, а Ллойд Джордж оставил министерство финансов и стал во главе впервые образованного министерства снабжений. Образование подобного органа считалось необходимым средством для удовлетворения тех нужд, которые все с большей настойчивостью давали себя знать и служили помехой на театрах войны как во Франции, так и в Дарданеллах. Адмирал Джаксон, чье умелое руководство всеми океанскими операциями указывало как на естественного заместителя адмирала Фишера, вступил в должность первого морского лорда. Обстановка, с которой пришлось столкнуться новому правительству, вызывала не мало беспокойств. Всюду стояли неразрешенные проблемы и положения. Наш план войны потерпел крушение и впереди не имелось никаких перспектив получить в свои руки инициативу. 25 мая, в день сформирования нового кабинета, фельдмаршал Френч, вследствие недостатка в снарядах, вынужден был прекратить бой у Фестюбер не достигнув каких либо положительных результатов, оправдывающих понесенные потери. Далее к югу, хотя французам и удалось несколько продвинуться, но борьба у Артуа все еще продолжалась и сулила мало надежд на существенное улучшение положения союзников. Ни крупное наступление, предпринятое французской армией, ни неминуемое вступление в войну Италии, не ослабили нажима германцев на русском фронте в Галиции.

Здесь центральные державы нанесли сокрушающий удар русским силам и были накануне обложения важной кре-

пости Перемышля. Их крупные успехи в Галиции здесь гасили существовавшую ранее надежду на решительное русское наступление и вместе с нашими затруднениями в Дарданеллах грозили фатально отозваться на расчетах Антанты образовать блок на Балканах, который являлся единственным средством парировать выгоды, извлекаемые Германией из вовлечения в войну Турции.

Одним из первых действий нового правительства была попытка побудить Болгарию присоединиться к борьбе против ее исконного врага Турции, но те минимальные территориальные уступки, которые могли бы повлиять на Болгарию в благоприятном смысле, были далеко от тех, которые соглашались обсуждать Сербия и Греция. Попытка не имела успеха и только с большей очевидностью, чем когда либо, выяснила, что если возможно помешать Германии открыть „дорогу“ в Константинополь и недопустить ее создать „непроходимую пропасть“ между Россией и западными державами, то в этом деле мы должны полагаться главным образом на собственные силы. Имелись ли у нас такие силы, или нет, в этом и заключался критический вопрос, ответить на который было исключительно трудно. Фактически ответ зависел от того, должны ли наши функции во Франции сводиться преимущественно к обороне, или же мы должны принимать непосредственное участие в попытках французов достигнуть решительных результатов наступательными действиями. Ясного, а тем более единодушного, ответа на этот вопрос не последовало, да и не легко было его получить при наличии трений политического характера, неразлучных при совместных действиях с союзником, чья территория была занята вторгнувшимся врагом. Оставляя вопрос об этих трениях в стороне, тем не менее являлось неоспоримым, что при невозможности рассчитывать в данный момент на решительные действия с русской стороны единственно правильный и соответствующий нашим традициям путь заключался в бдительной обороне во Франции и переброске всех сил, ненужных для такой обороны, на второстепенный театр, на котором мы могли рассчитывать на решительный успех и где, таким образом, без сомнения имелись шансы повлиять на ход кампании. Таким театром являлись Дарданеллы в тот момент, когда план операции начал осуществляться. Теперь этот вопрос терял свою ясность. Хотя поражение России являлось добавочным доводом в пользу нанесения возможно сильного удара именно на Ближнем Востоке, оно в то же время являлось аргументом в пользу мнения о неизбежности общего наступления союзников во Франции. В результате кардинальной аксиомой нашей военной политики был признан взгляд, что наступление в Дарданеллах, при всех возможностях этого театра, имеет

второстепенное значение и ради него нельзя жертвовать ничем, что могло бы подвергнуть опасности надежду развернуть в ближайший срок основное наступление союзников на главном театре. Итак, для Дарданелл могли быть использованы только „излишки" войск; однако, мерой этих излишков служили не потребности оборонительных задач во Франции, а то количество наших солдат из числа не находящихся на фронте, отправление которых на другой театр не волновало бы французов.

Излишки наших сил, т.-е. войска, не предназначенные к посадке на транспорты для следования на континент, были значительны, но они были далеко не свободны. Многие из них все еще оставались занятыми в океанских экспедициях, которыми мы положили начало широкого плана установления нашего господства на океанском просторе. Повсюду, за исключением Тихого океана и Тоголанда, операции эти были далеки от ликвидации. В двух пунктах—в Восточной Африке и в Месопотамии — они грозили осложниться и затянуться и только в германской Юго-Западной Африке обстановка судила обнадеживающий успех. Читатель припомнит, что только в начале февраля ген. Бота вышел из Кэптоуна, чтобы приступить к началу своей прекрасно разработанной операции [1]). Его успехи вполне отвечали законченности и разумности всех подготовительных мер. После месяца боевой работы оказалось, что против искусно собранных воедино различных сил Союза немцы не могут устоять и оставляют всю южную часть колонии, концентрируясь около главного города Windhuk. Поэтому к началу апреля план был упрощен. Центральная, южная и восточная колонны были реорганизованы и слиты в одну—южную—под командованием ген. Смутса. К 20 апреля он занял Keetmanshoop, железнодорожный узел Luderitz'кой железной дороги, после чего ген. Бота двинулся вперед с целью перехватить отступающего к северу противника. Он шел настолько быстро, что 5 мая его авангарды перерезали железную дорогу к северу от г. Windhuk, а неделю спустя овладели этим городом, захватив при этом пленными 3.000 европейцев, 12.000 туземцев, много железнодорожного подвижного состава и мощную радио-станцию. В этих операциях флот не мог принять участия. Он сделал свое дело у Фалкландских островов и на необъятной шири Атлантики. Но его роль была существенна, ибо дала возможность ген. Бота оперировать на далеко отстоящих друг от друга направлениях, в результате чего был достигнут быстрый и заслуженный успех.

---

[1]) См. том II, стр. 241.

В Камеруне обстановка сложилась значительно менее благоприятно. Начало операций, выразившееся в захвате побережья, сопровождалось успехом, но теперь становилось очевидным, что раз вопрос сводится к овладению широкими пространствами в глубине страны, где содействие флота невозможно, наличные силы слишком малочисленны для поставленной задачи [1]).

Ген. Доббель просил о присылке ему 4 000 индийских войск, но, получив отказ, высказался за то, чтобы впредь до прибытия подкреплений удерживать занятую им позицию на линии от Edea до северного железнодорожного узла. Однако, французская военная миссия, прибывшая для согласования операций в Duala, настаивала на наступлении на Yaunde — пункт расположения главной квартиры немцев. Идея операции сводилась к тому, чтобы Доббель с французскими войсками, находившимися под его командованием, наступал двумя колоннами из Edea, а ген. Аймеринг также двумя колоннами двигался с юга и востока через Lomie и Dume. Доббель не мог одобрить подобного плана. По его мнению наличных войск для столь широкой операции было недостаточно. Yaunde отстояла в 100 милях от Edea и в 150 милях от Lomie и Dume, до которых ген. Аймерингу надо было еще дойти. Однако, уступая настояниям французов, он в конце концов согласился на их доводы и назначил наступление на 1-ое апреля.

6 апреля движение колонн началось. Французские войска шли вдоль Midland'ской железной дороги на Eseka, английские держались на их левом фланге, следуя по прямой дороге в Yaunde [2]). По началу противник оказывал серьезное сопротивление. Для отвлечения его сил и с целью помешать сосредоточению немцев было условлено, что кап. 1 р. Фуллер будет производить мелкие диверсии в различных пунктах побережья, высаживая с своего отряда судовую морскую пехоту вместе с туземными частями. Фуллер приступил к выполнению этой задачи, насколько позволяла другая — прекращение потока контрабанды с Fernando Po.

Вследствие положения, которое заняли местные испанские власти, последняя задача представляла настолько большие трудности, что по предложению Фуллера состоялось решение установить блокаду всего побережья на тех же основаниях, как это имело место в германской Восточной Африке.

---

[1]) В марте число французских войск равнялось 6 000 чел., англичане имели 4 000 чел., а бельгийцы 600. Немцы имели 3 000 чел. регулярных войск и неизвестное количество туземных. Французы и мы имели по одному крейсеру и по одной канонерке. Мы кроме того располагали 18-тью мелкими речными и морскими вооруженными судами.

[2]) С 3 апреля высшее руководство и наблюдение за операцией приняло на себя военное министерство.

Соответствующие меры по усилению его отряда были приняты Адмиралтейством в середине марта и 21 числа *Sirius* и *Rinaldo* получили приказание готовиться к походу на заграничную станцию [1]). Кроме того нами был вооружен один из местных пароходов, а французы дали вооруженный трауллер. Блокада была объявлена не ожидая прибытия подкреплений и 24 марта вступила в законную силу. Линия блокады тянулась по всему побережью к северу от испанских владений, на протяжении около 200 миль. К югу установления блокады не требовалось, так как берег находился в руках французов. В северном районе р. Камерун оставалась открытой; Duala объявлялась „свободной гаванью".

В Duala стояло флагманское судно старшего морского начальника, теперь уже не крейсер *Challenger*. Требования, вызывавшиеся необходимостью стеречь *Кенигсберг* и подкрепить станцию мыса Доброй Надежды, заставили привести в исполнение давно намеченный план замены *Challenger*'а старым легким крейсером *Astraea*. Но Фуллер, командир *Challenger*'а вследствие настойчивых представлений ген. Доббеля, остался и перешел на *Astraea*, а командир последнего вступил в командование *Challenger*'ом и 1-го мая ушел на нем в Walfish Bay.

К этому времени продвижение войск приостановилось. В середине апреля обе колонны, выступившие из Edea, преодолев упорное сопротивление противника, достигли ближайших объектов наступления—Ngwe и Kele, расположенных в 30 миллях от Edea. Затем были получены сведения о наступлении значительных сил немцев с севера, которое ставило под угрозу линию английского наступления, и ген. Доббелю пришлось выделить отряд на свой левый фланг для удержания Sakbajeme, расположенного на реке Sanaga, которую пересекала дорога, идущая с севера и соединявшаяся с главной дорогой между Ngwe и Wum Biagas. Последний пункт представлял собою следующий объект наступления. Одновременно ген. Аймеринг дал знать, что он не может дойти до Lomie ранее конца месяца, и наступление обеих колонн остановилось. 1 мая войска снова двинулись вперед и 4 мая англичане заняли Wum Biagas, а французы Send. Неделю спустя французы выбили немцев из Eseka, захватив при этом семь паровозов и сто вагонов. Вся железнодорожная сеть оказалась в руках союзников, но отряд ген. Аймеринга не смог к этому сроку дойти ни до Dumé, ни до Lomie. Для ген. Доббеля было совершенно

[1]) *Sirius*—легкий крейсер постройки 1889 г. 3.600 тонн, II-6″ орудия, VI-4,7″, VIII-6 фунтовых. *Rinaldo*—канонерка, постройки 1898 г. 980 тонн, IV-4″. Оба судна до этого были использованы при обстрелах побережья. См. том II, стр. 240.

очевидно, что задуманное концентрированное наступление, как он и ожидал, продолжаться не сможет и что единственно правильное решение поставленной задачи — достигнуть Yaunde до начала периода дождей — это решительное наступление всеми силами по кратчайшему пути. Поэтому французская колонна была продвинута на север в Wum Biagas и 25 мая началась новая попытка. Однако, немцы успели произвести новое сосредоточение сил и оказывали сильнейшее сопротивление. За десять дней наши части продвинулись не более двенадцати миль. Перед немецкими позициями тянулись непроходимые топи, приближался период дождей, войска жестоко страдали от дизентерии, а от ген. Аймеринга не приходило никаких вестей. При таких обстоятельствах ген. Доббель в середине июня решил отступать в исходное положение. Некоторым утешением в неудаче служили успехи на севере, где наконец пала Garua. С усилением судового состава блокада побережья стала вполне действительной [1]).

На другой стороне материка дела обстояли без перемен. Сухопутные операции сводились к обороне. *Кенигсберг* по прежнему оставался недосягаемым. Его присутствие требовало не малых забот с нашей стороны. Немцы, повидимому, совершенно не собирались предоставить крейсер его собственной участи и в начале апреля к нам стали поступать сведения о готовящихся попытках оказать ему помощь и доставить для сухопутных сил вооружение и боевые запасы. По слухам первая попытка намечалась к началу наступления весенних приливов, между 7 и 15 апреля, т.-е. как раз в такое время, когда можно было ожидать, что *Кенигсберг* постарается выбраться из реки и встретиться у устья с высланным на помощь пароходом. Поэтому *Chatham*, ремонтировавшийся в Бомбее, получил приказание немедленно по окончании работ идти на восточное побережие. Но ремонт, оказавшийся серьезнее, чем предполагалось, затянулся и адм. Кинг-Холл принужден был обходиться наличными силами.

Блокада несколько ослабела. *Weymouth*, *Kinfauns Castle* и *Pioneer* остались у устья р. Rufiji наблюдать за *Кенигсбергом*, а адмирал на *Hyacinth*'е ушел на поиски парохода, ожидавшегося на помощь немецкому крейсеру. Как выяснилось впоследствии, это был бывший английский пароход *Rubens* [2]) с грузом 6.000 тонн угля, 1.500 винтовок и значительными запасами снарядов и провизии. Ко времени приближения весенних приливов его радио было перехвачено одним из английских судов, а также французской станцией на Мада-

---

[1]) *Sirius* и *Rinaldo* пришли 6 июня.

[2]) Пароход этот был задержан в Гамбурге перед началом войны, переименован в *Кронберг* и замаскирован под датского «купца».

гаскаре на северном конце Мозамбикского пролива. Германский пароход безусловно следовал этим путем, но *Hyacinth*'у не удалось с ним встретиться. Позднее обнаружилось, что с 8 по 10 апреля он находился на островах Aldabra, расположенных в ста милях на юго-восток от р. Rufiji. С полной водой он снялся с якоря и, насколько можно было судить по принимаемым радио, направился к северу. *Кенигсберг* к этому сроку не сделал никакой попытки прорваться и адм. Кинг-Холл, решив, что наиболее вероятным местом назначения *Rubens*'а является Tanga, пошел туда. С рассветом 14 апреля, когда пароход был уже замечен *Hyacinth*'ом в проливе Kilulu, на крейсере произошло повреждение в правой машине и противник успел проскользнуть в бухту Mansa и скрыться за ее высокими берегами. Однако, травившийся пар выдавал его местонахождение, и *Hyacinth*, подойдя ближе, открыл по нему перекидной огонь. Войдя в глубину бухты, *Hyacinth* обнаружил, что *Rubens* приткнулся к берегу и горит. Посланные шлюпки не смогли спасти ничего кроме карт. При рассмотрении их выяснилось, что пароход вышел из Skaw 19 февраля и, пользуясь темным временем года, смог пройти незамеченным дозорами Гранд-Флита между Шетландскими и Оркнейскими островами и, обогнув с запада Ирландию, скрылся в южном направлении [1]).

В первых числах марта этот блокадопрорыватель прошел Канарские острова. Здесь так же, как и в водах Северной Америки, мы держали довольно значительную эскадру для наблюдения за подходами к Гибралтару и за 120 германскими и австрийскими судами, укрывшимися в испанских и португальских портах. Хотя эта эскадра, на которую за последнее время была возложена также задача защиты торговли в районе мыс Финистер—острова Зеленого мыса, насчитывала в своем составе девять британских и три французских крейсера, пароход *Rubens* и здесь прошел необнаруженным. Следуя далее на юг, он в конце марта обогнул мыс Доброй Надежды и 8 марта пришел на острова Aldabra.

Вследствие невозможности спасти его груз адмирал Кинг-Холл решил докончить его артиллерийским огнем с короткой дистанции. Пожар на пароходе усилился и после трех последовавших взрывов адмирал ушел, считая, что весь боевой запас погиб [2]). Но на этом попытки немцев не остановились. Были получены сообщения еще об одном пароходе, идущем на помощь к *Кенигсбергу*. Однако, пароход не показывался и это заставляло думать, что он решил

---

[1]) Единственная дозорная эскадра, находившаяся в это время в море была 10-ая крейсерская из состава „Северного Патруля", сформированная из вспомогательных крейсеров. В течение недели она задержала 51 судно.

[2]) Часть боевого запаса все-таки уцелела и немцам удалось впоследствии им воспользоваться.

выждать до конца месяца, когда снова наступит высокая вода, при которой *Кенигсберг* может попробовать выбраться из реки. Воспрепятствовать ему эскадра Кинг-Холла вряд ли могла, принимая во внимание, что *Hyacinth* с трудом давал средний ход и требовал серьезного ремонта. Поэтому к устью Rufiji был экстренно направлен крейсер *Cornwall*, прибывший из Англии неделю тому назад на мыс Доброй Надежды, а также крейсер *Chatham*, наконец закончивший исправления в Бомбее. Одновременно были тщательно осмотрены острова, расположенные севернее Мозамбикского пролива, но безуспешно. Никаких следов парохода обнаружено не было.

При таких обстоятельствах необходимость покончить с *Кенигсбергом* как можно скорее ощущалась еще более чем раньше. Присланные по просьбе адмирала Кинг-Холла гидроаэропланы не отвечали требованиям. Вполне пригодные для целей дальней разведки, они по климатическим условиям не могли подниматься настолько высоко, чтобы, не страдая от огня неприятельских противовоздушных орудий, сбрасывать бомбы. 5 мая один из них упал в море и разбился совершенно. Потерпев неудачу воздушного нападения, адмирал хотел организовать торпедную атаку, но Адмиралтейство не дало своего согласия, предполагая разрешить вопрос иначе, а именно—послать в Rufiji два монитора, стоявшие в то время на Мальте. До их прибытия предписывалось беречь воздушные аппараты. Таким образом, операции против *Кенигсберга* свелись лишь к строгой его блокаде, которая и продолжалась до окончания периода дождей, после чего *Cornwall* и *Chatham* 16 мая ушли в Средиземное море. До прихода мониторов и присылки новых гидроаэропланов ничего нельзя было предпринять.

Сухопутные операции, из-за недостатка сил, затихли. Ожидать помощи из Индии не приходилось, Месопотамская экспедиция сама требовала очень многого. 16 апреля туда был отозван генерал Уаншейр и в командование отрядом Восточной Африки вступил генерал-майор Тайг.

Затруднения в Месопотамии принимали зловещий характер и грозили занять далеко не последнее место среди вопросов, стоявших перед новым составом правительства. Со времени занятия Kurnah (9 декабря) никаких попыток дальнейшего наступления не предпринималось. Деятельность экспедиционных сил сводилась исключительно к упрочению собственного положения и до конца года не прекращались работы по устройству оборонительных позиций на р. Тигр. Одна позиция была расположена в двух милях выше Kurnah, а другая—на противоположном берегу у Muzair. Ночью на реке дозорное судно всегда светило прожекторами. После ухода 13 декабря в Суец л. к. *Ocean*, командир его кап. 1 р.

Садлер, сдал командование судами экспедиции командиру канонерки *Espiegle*, кап. 1 р. Нунн. В распоряжении нового начальника остались канонерка *Odin*, однотипная с *Espiegle*, индийский военный пароход *Lawrence* и четыре вооруженных катера. С этими силами он мог, насколько позволяла дальность огня канонерских лодок, удерживать на почтительном расстоянии непокорные арабские племена, населявшие деревни, расположенные среди окрестных топей, откуда из засад велась регулярная ружейная стрельба, беспокоившая английский лагерь. Покончить раз навсегда с подобными выступлениями он не мог, т. к. селения постоянно передвигались с места на место, а организовать карательную экспедицию было не легко. Наибольшую активность проявляли арабы, селившиеся на низменных берегах Евфрата к западу от Kurnah, при чем один из шейхов, живший в Kubaish, в тридцати милях вверх по реке, в местности, окруженной непроходимыми болотами, вошел в сношения с неприятелем. Сэр Перси Кокс—старший из британских дипломатических представителей — предложил командиру канонерки *Espiegle* принять соответствующие меры против шейха. Карт для плавания по реке не имелось, однако, это не остановило командира канонерки и 6 января, он вместе с резидентом пошел на *Espiegle* в сопровождении трех вооруженных катеров и двух местных речных пароходов с отрядом солдат. Навигационные условия в реке оказались гораздо проще, чем ожидалось, и *Espiegle* подошел почти вплотную к селению шейха. Катера проникли в расположенное выше озеро Hammar и мятежный шейх был доставлен в Kurnah и низложен.

Мятежному настроению арабов способствовало наступление турецких войск на юге. После захвата Kurnah, дивизия Мосульского армейского корпуса сосредоточилась у Багдада и выдвинула авангардный отряд на Тигре у Ruta, около 8 миль выше Kurnah. Соединенная разведка, произведенная в день нового года, выяснила, что турки окопались по обоим берегам, сейчас же за излучиной реки у Ruta, а ниже ее заградили фарватер, затопив четыре железных лихтера. Дальнейшая разведка, во время которой *Espiegle* потопил выше Ruta турецкий пароход, выяснила значительное усиление неприятельских сил. Передовые турецкие посты подвинулись значительно и стояли теперь в шести милях к северу от передовых окопов нашего укрепленного лагеря у Muzair, расположенного на восточном берегу Тигра. Ген. Баррет решил дать противнику урок и 20 января с крупными силами, поддержанными *Espiegle*'ем, катером *Miner* и пароходом *Mejidieh*, перешел в наступление. Операция закончилась успешно. Неприятель отступил в беспорядке, оставив свою

первоначальную укрепленную позицию. Главная цель операции предусматривала лишь разведку и наступление не получило дальнейшего развития. Выяснив численность сил противника, достигавших 5—6 тысяч штыков и состоявших преимущественно из жандармерии, наша пехота, под прикрытием судового огня, отступила в исходное положение.

Однако, общая военная обстановка продолжала оставаться весьма тревожной. Незадолго до последней операции племя Muntafik начало сосредоточиваться на Евфрате у Nasiriya в тридцати милях выше озера Hammar, а затем выяснилось, что к нему присоединились турки и они совместно перешли реку и двигаются по южную сторону болот по направлению Басры. Одновременно другой турецкий отряд, продвигавшийся от Amara на Тигре, перешел персидскую границу и, соединившись с местными арабскими племенами, направлялся, повидимому, на Ahwaz, расположенный на реке Karun, и к нефтепроводу, проложенному от района нефтяных разработок в Abadan.

Произведенная противником в конце января незначительная атака нашего лагеря у Muzair давала лишнее доказательство, что турки не дремлют. Не оставалось сомнения, что они предполагают перейти в общее наступление и одновременно атаковать Басру, Kurnah и Ahwaz. С нашей стороны никакое наступление в этот момент не представлялось возможным.

Предпринятые операции первоначально были вызваны намерением утвердить наше господство в водах Индии и обеспечить интересы Англии в Персидском заливе, но теперь они должны были принять другую форму, т. к. становилось совершенно очевидным, что вырастает проблема гораздо более крупного масштаба. Германская индустрия послужила тем цементом, который соединил воедино мир арабов, и вопрос о том, кто воспользуется этим обстоятельством, Германия или Англия, зависел от того, что мы сумеем сделать в Месопотамии. Это остро чувствовалось в центральной Аравии, где панисламистское движение имело глубокие корни. Однако, именно здесь первую удачную игру сделали мы. Центр мусульманского движения находился в Hail и руководился влиятельным шейхом Ибн-Рашидом. 29 января на шейха напал сторонник Англии партизан Ибн-Сауд совместно с кап. Шекспиром, английским дипломатическим агентом в Kuwait. Произошла жаркая схватка, стоившая нам жизни кап. Шекспира. Обе стороны понесли тяжелые потери, и хотя ни та, ни другая не могли считать себя победителями, все же успех, достигнутый нашими сторонниками, лишил Ибн-Рашида возможности организовать поход в Месопотамию.

В Месопотамии непосредственная опасность грозила нефтеразработкам и нефтепроводу, судьба которого особенно беспокоила Адмиралтейство. В виду этого вооруженные катера *Shaitan* и *Comet* получили приказание подняться вверх по реке. 1 февраля катера прибыли в Ahwaz; за ними пришли войска, а также арабы, собранные на подмогу шейхом Мохамера. Несмотря на принятые меры, противнику все-таки удалось в течение февраля повредить ряд нефтяных складов и перерезать в нескольких местах нефтепровод. Что касается Kurnah, то в середине месяца после половодия он сделался недосягаемым для врага и войска можно было послать как раз во-время в Басру, чтобы встретить наступление, развивавшееся от Nasiriya. Турки и перешедшие на их сторону арабы сосредоточивались в Nukhaila, расположенной лишь в 30 милях от Басры, куда боевое снабжение и продовольствие доставлялось водою через новый канал, который брал свое начало в озере Hammar и впадал в Тигр выше Басры. Наши части занимали позицию у Shaiba в 8 милях к западу от Басры на границе пространства, затопленного водою, поднявшейся после прорытия канала. Отсюда 3 марта была сделана попытка нанести удар по неприятельской коммуникационной линии отрядом войск, посаженным на особые местные большие лодки—*bellums*—передвигавшиеся посредством колес с ручным приводом, или же просто при помощи длинных шестов. Неприятель получал снабжение из местечка Nukhaila на Евфрате и этот пункт представлял собою объект намеченной операции. Однако, попытка эта не удалась, равно как и крупная разведка, произведенная для отвлечения внимания турок. Неприятель оказался в подавляющих силах и высланный разведочный отряд отступил. Сосредоточение врага принимало грозные размеры и становилось очевидной необходимость что-то сделать, чтобы положить ему предел.

Единственным выходом из положения представлялось повторение операции против Nukhaila при поддержке флотилии. Однако, вопрос о том, может ли она здесь действовать—решить было не так просто.

В Kurmat Ali, в семи милях выше Басры, имелся наш пост в пункте, где новый канал впадал в Тигр, но навигационные условия оставались неизвестными. Насколько удалось пока выяснить, ни канонерка, ни *Miner* не могли маневрировать в том водном районе, который фактически был ничто иное как обширное болото, имея под килем не более 3-х фут., а местами и того меньше. Катера *Shaitan* и *Comet* требовались в Karun, откуда их нельзя было отозвать, почему пришлось организовать новую специальную флотилию. В состав ее вошли: пароход *Shushan* с двумя 3-фунтовыми орудиями и шестью человеками команды

Espiegle'я, такой же пароход—*Muzaffri* с пятидесятью солдатами Норфольского полка и баржа, вооруженная двумя 4″ орудиями 104-ой тяжелой батареи с сорока солдатами, под командой майора артиллерии Фармера. Буксирный пароход и моторный катер дополняли состав флотилии, командовать которой был назначен кап.-лейт. Сеймур. 11-го марта она тронулась в путь и 13 марта, благополучно миновав многочисленные отмели, подошла на дальность орудийного огня к неприятельскому лагерю у Nukhaila. Лагерь и подвозившие к нему грузы баржи, так называемые mahailas, были немедленно обстреляны, в результате чего сразу же остановилось движение последних, не рисковавших более идти к Nukhaila и останавливавшихся, повидимому, где-то выше. На следующее утро флотилия поднялась еще десять миль вверх по течению до Allawi, где находился небольшой форт и военные склады, расположенные близ Ratawi. Склады были уничтожены и вместе с ними еще несколько mahailas. Работа флотилии продолжалась изо дня в день с частыми посадками на мель и постоянными преследованиями неуловимых, мелко-сидящих mahailas, искусно укрывавшихся в чаще камышей. Выше Ratawi навигационные условия оказались лучше, что открывало возможность установить здесь полную блокаду. Выяснив этот важный факт, флотилия возвратилась в Nukhaila и 20 марта произвела 24-часовую бомбардировку лагеря, уничтожив при этом несколько барж с грузами. В лагере произошел пожар и множество арабов бежало в пустыню. Барж, однако, погибло не много, т. к. в скором времени оказалось, что они выгружаются не далее как в Ghabishiya—местечке, расположенном в двадцати милях выше Ratawi, откуда грузы доставляются в Nukhaila на верблюдах. Флотилия сразу же пошла в Ghabishiya, где и обнаружила множество верблюдов и большое скопление барж. Оставаясь здесь, флотилия постаралась нанести неприятелю максимум вреда и совершенно прекратила всякое движение неприятельских грузов водой, пока не была вынуждена уйти за снарядами. Таким образом и создалась, так называемая, „блокада Евфрата". Эта блокада оказала весьма ценные услуги не только делу обороны левого фланга позиции у Басры, но и произвела весьма крупный моральный эффект. Арабы очень боялись судового огня, а задержка в предпринятом наступлении, вызванная блокадой, сильно понизила их пыл и вызвала массовое дезертирство.

На правом фланге на р. Karun дела обстояли не столь удовлетворительно. Желая предупредить прибытие турецких и арабских подкреплений, наши части 3 марта атаковали противника к западу от Ahwaz, но опоздали. Неприятель в превосходных силах перешел в контр-атаку, которая по началу казалась весьма серьезной. Karun'скую колонну

пришлось усилить и довести ее численность до состава бригады. Но и здесь неприятельские ряды стали редеть. Под впечатлением тяжелых потерь, не сопровождавшихся успехом, арабы начали покидать турок. К концу месяца позиция у территории нефтяных разработок несколько окрепла, хотя нефтепровод все еще оставался перерезанным.

Тем не менее, обстановка в общем оставалась серьезной, в особенности ввиду неудачи морской атаки Дарданелл. С того момента, как выяснилось, насколько грозные размеры принимает подготовляемая турками попытка вытеснить нас с Шат-эль-Араба, вопрос о подкреплениях встал весьма остро. Как только обнаружилась опасность, угрожающая нефтеснабжению, Адмиралтейство сразу начало настаивать на соответствующих энергичных действиях армии. Одновременно оно отправило из Египта канонерку *Clio*, а после последнего дела у Kaгun, распорядилось погрузить в Порт-Саиде для отправки в Месопотамию четыре десантных бота для перевозки лошадей, вооруженных 4,7″ орудиями. Найти свободные войска для подкреплений—было труднее. Индийское правительство, озабоченное соображениями внутреннего характера, не могло уделить ничего из состава своих сокращенных гарнизонов. В конце концов вопрос разрешился посылкой из Египта индийской бригады ген. Мелисса, что дало возможность довести силы экспедиционного отряда до численности армейского корпуса в составе двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады, но без штатного количества артиллерийских частей. 9 апреля в командование корпусом вступил прибывший из Англии ген. Никсон. Полученные им директивы сводились к следующему: ему надлежало удержать господство в Нижней Месопотамии, включая вилайет Басры и все подходы к морю, а также и все окрестные районы, могущие иметь оперативное значение. Кроме того, ему предписывалось пытаться обеспечить безопасность нефтяных разработок и нефтепровода, но не в ущерб основной директиве, и разработать материал для составления плана возможного в будущем наступления на Багдад.

Блокада Евфрата оказалась настолько действительной, что давно ожидаемое наступление противника задержалось и развернулось лишь после прибытия Никсона. Начало наступления возвестила бомбардировка 11 апреля Kurnan с турецких позиций, расположенных выше. На следующий день турки произвели демонстрацию против Ahwas и одновременно энергично атаковали крупными силами нашу позицию у Shaiba.

Занимавшие позицию две пехотные и одна кавалерийская бригады ожесточенно дрались до наступления темноты

и успешно отбили атаку, нанеся противнику тяжелые потери.

12 апреля командовавший участком ген. Меллисс перешел в контр-атаку и заставил турок отступить на четыре мили к юго-западу на заранее подготовленную ими позицию у Barjisiya, которую затем атаковал 14 апреля. Отчаянный бой продолжался весь день, турки оказывали доблестное сопротивление, но сломленные настойчивостью нашей пехоты в конце концов не выдержали удара. Началось поспешное отступление, которое быстро перешло в бегство. Наши измученные части не были в состоянии преследовать, но Евфратская флотилия только ждала удобного случая, чтобы вступить в дело. Во время всего боя она бездействовала, хотя п/х *Shushan* удалось завязать перестрелку с 2-мя сторожевыми моторными катерами и заставить их скрыться. К вечеру к флотилии присоединились новые единицы. С их приходом флотилия располагала двумя 4,7″ морскими орудиями, одним 12-фунтовым, тремя 3-фунтовыми орудиями, а также одной 18-фунтовой и одной 5″ пушками сухопутного образца. С этими силами флотилия вышла к Nukhaila. Подойдя с рассветом к месту назначения, флотилия обнаружила спешно уходящую группу барж. Хотя флотилия еще не имела сведений о результатах боя, но картина, которая представилась, ясно говорила о поражении противника. Наши суда немедленно бросились в погоню и в непродолжительном времени частью захватили, частью уничтожили двенадцать самых больших барж. Разразившийся вслед за этим дождь с ветром, достигавшим силы шторма, лишил флотилию возможности производить какие либо операции до вечера следующего дня. Как только стихло, она двинулась дальше и дошла до Ghabishiya, которая уже оказалась брошенной противником. Турки в полном беспорядке бежали в пустыню, а их недавние союзники арабы грабили у них в тылу. В Naziriya остатки отряда добрались беспорядочной, деморализованной толпой. Когда арабы изменили и обратились против турок, начальник отряда собрал своих офицеров и на их глазах покончил жизнь самоубийством. Неприятель потерял 6 000 человек, множество винтовок и громадное количество боевого снабжения.

После этого боя блокадная деятельность флотилии прекратилась и она была отозвана. Попытка обойти наш месопотамский фланг потерпела катастрофический крах, результаты которого оказались очень значительны. Этот крах не только открыл ген. Никсону возможность крупных операций вверх по реке Karun с целью очистить от противника Персидский Арабистан, но имел своим последствием также и то, что по всему району арабы начали отрекаться от своих недавних друзей.

В результате, когда ген. Горринж в конце апреля был послан со своей дивизией вверх по реке—турки перед ним бежали. Поход Горринжа сопровождался исключительными трудностями, так как, поставив себе задачей отрезать противнику отступление, начальник дивизии оставил реку, не доходя 20-ти миль до Ahwaz и бросил свою колонну к горному кряжу напрямик через болота. Однако, турки отступали столь быстро, что наши части не могли сделать большего как преследовать их по пятам. 4 мая Горринж вошел в Bisaitin, с занятием которого очищался от неприятеля Персидский Арабистан и надежно обеспечивалась безопасность нефтяных разработок и нефтепровода.

В последней операции флотилия не принимала участия. Она в это время была занята подготовкой другой операции более крупного масштаба, разработанной Никсоном. Для укрепления своего положения в Нижней Месопотамии, он считал необходимым занять Nasiriya и Amara, т. е. те два пункта, откуда противник произвел свои нападения на оба фланга английского расположения. План наступательного движения получил одобрение из Лондона и суда флотилии, имеющие второстепенное значение, были посланы произвести промер каналов в районе озера Hammar с целью выяснить возможность наступления вверх по Евфрату. Однако, с этой работой представлялось возможным не спешить. Более важной и более срочной являлась задача захватить Amara: отсюда началось наступление неприятельских колонн, атаковавших Ahwaz и, казалось, что разбитые войска должны отступать на Amara. Поэтому, если бы удалось отрезать им отступление, нам был бы обеспечен полный и решительный успех.

В первую очередь предстояло овладеть турецкой позицией выше Kurnah, передовые посты которой тянулись по обоим берегам реки в расстоянии полутора, двух мил от наших передовых постов. Сделать это было нелегко. Половодье достигло своего максимума, Kurnah превратилось в остров, и все пространство кругом, насколько хватал глаз, было покрыто водой и лесом тростника, из которого торчали редкие песчаные холмы с вырытыми на них окопами. Ближайший холм, известный нам под названием „Норфолькской горы“, находился на западном берегу, т. е. Kurnah'ском. В тылу его на восточном берегу стоял другой—прозванный нами „гора с деревом“ и третий—„гора с башней“, тоже на западном берегу. За этими холмами возвышался еще один—„пушечная гора“, наиболее сильно укрепленный пост, а еще дальше в деревне Abu-Aram находилась главная неприятельская позиция. На горизонте виднелся лагерь турок, расположившихся в Muzaibila и Ruta, ниже которой они заградили фарватер, потопив несколько

железных барж. Раньше чем атаковать подобную позицию, надо было проделать совершенно новую небывалую еще работу. Вода на затопленной местности стояла не выше 2-х фут, но она пересекалась многочисленными каналами и рвами настолько глубокими, что о переходе вброд не могло быть и речи. Поэтому единственным способом передвижения пехоты являлся способ применяемый арабами, т. е. перевозка людей на плоскодонных баржах (bellums). Пришлось собрать сколько нашлось таких барж и забронировать их легкими стальными листами против ружейных и пулеметных пуль. А затем, как только войска научились управляться своими „кораблями", было произведено бригадное тактическое учение применительно к новому оригинальному способу передвижения. Кавалерия, само собой разумеется, не могла принять участие в предстоящей операции и ее задачи, равно как и задачи полевой артиллерии, возлагались на флотилию. По началу прикрывать наступление должны были тяжелые батареи в Kurnah, но по мере продвижения наступающей пехоты роль эта переходила к флотилии. Подвижность судовой артиллерии давала нам то преимущество, что предоставляла возможность угрожать флангам неприятельской позиции, хотя главное наступление должно было быть фронтальным, т. е. идти вверх по течению Тигра. По обоим берегам реки вели к северу два рукава: один — Al-Huwair шел от Евфрата, другой—речка Shwaiyib соединялась с Шат-эль-Арабом ниже Kurnah. Эти водные пути были подвергнуты тщательному обследованию, пока разрабатывались подробности предстоящей операции и собирались необходимые ловучие средства. К описываемому моменту начальник флотилии имел в своем распоряжении кроме канонерок *Espiegle* и *Odin* также и канонерку *Clio*. Последняя сильно задержалась на пути из Суеца, т. к. на суда, состоящие при экспедиционных силах, кроме их непосредственной службы при войсках, ложилась также обязанность показывать флаг во всех тех портах Персидского залива, в которых обнаруживались признаки брожения или враждебного к нам настроения. Не успел *Clio* прибыть в Мускат, как в Бушире—важном в морском и дипломатическом отношениях пункте, германская пропаганда создала такую тревожную атмосферу, что канонерку пришлось отправить туда; здесь она и оставалась с 12 марта по 16 апреля, пока волнение не улеглось. Индийский военный пароход *Dalhousie* тоже посылался с подобной миссией, другой же однотипный с ним—п/х *Lawrence* оставался безотлучно при флотилии. Рукав Al Huwair оказался минированным и потребовалось некоторое время на его очищение, равно как и на очищение раскинувшихся среди окрестных болот деревень и приве-

дения всего кругом в состояние, не внушающее опасения. Только в конце мая все сложные приготовления закончились и войска сосредоточились в Kurnah под общим командованием ген. Тауншенда, назначенного начальником VI индийской дивизии и 22 апреля прибывшего из Индии [1]).

Ему ген. Никсон вверил окончательную организацию и руководство всем предприятием. Хотя руководящая идея предстоящей операции заключалась в одновременном комбинированном фронтальном и фланговом наступлении, фронтальная атака, намечавшаяся вдоль линии главного водного рукава, должна была быть решающей и ее именно надлежало обеспечить основными силами береговой и пловучей артиллерии. Поддерживать фронтальную атаку должна была канонерка *Espiegle*, на которой предполагал находиться ген. Тауншенд и его штаб. Ввиду того, что имелись сведения, что река выше Kurnah минирована, вместе с *Espiègle*'ом, сопровождаемом двумя вооруженными катерами, шла канонерка *Odin*, две баржи для перевозки лошадей, обращенных в орудийную платформу с двумя 4,7″ пушками, и две таких же баржи с 5″ и 4″ пушками. Канонерке *Clio* и пароходам *Lawrence* и *Miner* вменялось в обязанность поддерживать в начале операции огонь полевых тяжелых батарей, прикрывая наступление. Прибывший из Ahwaz буксир *Comet* назначался идти соединенно с вооруженным транспортом вверх по реке Shwaiyih и стать против турецкой позиции, чтобы прикрывать фланговую атаку 22-го индийского батальона против холма „горы с деревом“ — единственной неприятельской позиции, расположенной на восточном берегу реки. Мелкосидящие пароходы — *Shushan* и *Muzaffri* (с кормовыми колесами) имели задачу пройти в другой водный рукав и совместно с отрядом арабов, на их собственных *bellums*, во главе с дружественным нам шейхом из Медины [2]), произвести демонстрацию против противоположного фланга.

31 мая в 5 часов утра началась артиллерийская подготовка. К этому времени 22-ой батальон уже успел на бар-

---

[1]) При дивизии состояли: 1 полевая гаубичная батарея, две полевых тяжелых батареи, одна горная батарея, 2-й батальон Норфолькского полка, 2 саперные роты, понтонные части, минная рота и рота дивизионной службы связи. Кроме трех канонерок, п/х *Lawrence*, трех вооруженных катеров, пароходов с кормовыми колесами и барж—орудийных платформ, была организована громадная флотилия мелких пловучих средств. Все боевое и интендантское снабжение, а также лазареты, были погружены на них. Баржи (bellums) имелись для погрузки целиком бригады пехоты (шестьдесят на батальон), не считая тех, на которых находились плоты для пулеметов.

[2]) Медина—деревня на южном берегу Евфрата в 15 милях выше Kurnah.

жах незаметно подойти на милю к объекту действий и развернуться. Как только заговорили орудия, батальон двинулся дальше и около 6 ч. 30 м. у. бросился на штурм позиции, без труда захватив ее слабый гарнизон. Легко достигнутый успех имел весьма важные последствия, так как с занятого холма открывалась возможность обстреливать из пулеметов анфиладным огнем „Норфолькскую гору“. Против этого пункта остальные части 17-ой бригады тоже начали наступление и, на подобие водяных крыс, медленно пробирались на своих *bellums* сквозь густую чащу тростника, совершенно скрытые от глаза противника. Турки, не подозревавшие опасности с этой стороны, естественно обратили все свое внимание на суда флотилии. С тральщиками — *Shaitan*'ом и *Sumana* впереди, *Espiègle* и *Odin* выбирались против течения, имея в поддержке *Clio* и *Lawrence* с 16-ой бригадой, посаженной на пароходы. Неприятельские орудия, установленные на „горе с башней“ и на „пушечной горе“, сосредоточили на них свой огонь, но быстро были приведены к молчанию огнем наших канонерок и тяжелых полевых батарей. К 7 ч. 30 м. у. Норфолькская гора уже находилась в руках оксфордцев, а через час сдалась и „гора с башней“. Оставалось занять „пушечную гору“, на которой теперь сосредоточился огонь судовых орудий и в 11 ч. 40 м. и она пала под натиском 103-го батальона. Таким образом к полдню дело было кончено. Благодаря тщательно разработанному плану, умению и ловкости, проявленным войсками при маневрировании на баржах, операция была разыграна как по нотам и заранее подготовленная неприятелем позиция была захвачена в течение одного утра с ничтожными для нас потерями. Турки потеряли 100 человек убитыми, 250 пленными и три орудия. Но это было лишь начало; главная оборонительная линия врага тянулась впереди. В двух милях выше находилась позиция у Abu-Aran, а в двух милях дальше позиция у Muzaibila и Ruta, ниже которой турки заградили реку лихтерами при первом своем отступлении от Kurnah. Эти позиции не предполагалось атаковать ранее следующего дня. Надо было сначала закрепиться на выигранном пространстве и дать отдых войскам, и измученным работой и ужасающей жарой. Предстоящий маневр предполагалось начать с рассветом фронтальной атакой Abu-Aran флотилией и одновременно глубоким обходом фланга с запада 16-ой бригадой. Бригада должна была высадиться в Abu-Aran и оттуда действовать совместно с флотилией против Muzaibila. Артиллерийская подготовка началась в назначенное время, но противник упорно молчал, а когда из Басры (единственный пункт, где было достаточно сухое место для посадки аэропланов) пришли донесения воздушной разведки, то оказалось, что турки

находятся в полном отступлении. Тауншенд немедленно решил, не теряя ни минуты, преследовать отступающего противника, не давая ему возможности передохнуть, использовав для этой цели в качестве кавалерии суда флотилии. Пехота получила приказание сосредоточиться в Abu-Aran, командующий же отрядом уходил вперед с флотилией. 16-ой бригаде предписывалось удерживать Abu-Aran, а 17-ой совместно с Норфолькским батальоном грузиться на освободившиеся пароходы и следовать за флотилией. Отдав все распоряжения, Тауншенд с чинами штаба, в сопровождении двенадцати человек личного конвоя, пошел на *Espiegle*'е дальше вместе с *Clio* и *Odin*, имея впереди тральщиков *Shaitan* и *Sumana*. Погоня оказалась в достаточной мере рискованной, так как несколько мин было уже затралено и имелись сведения, что выше по течению имеются еще мины. По счастью среди пленных оказался саперный офицер, ставивший заграждения, который, будучи доставлен на один из тральщиков для допроса, сейчас же указал местонахождение мин. Однако, оставалось другое препятствие—затопленные ниже Ruta железные лихтера. По мере приближения к ним показались турецкие канонерка *Marmariss*, пароход и еще одно мелкое судно, уходящие вверх по реке. Произведенное наспех обследование обнаружило, что течение, повидимому, промыло канал с одной стороны лихтеров, и начальник флотилии решил рискнуть. Очень скоро все три канонерки благополучно „проползли" через узкий проход и началась серьезная погоня, единственная в своем роде и, вероятно, небывалая в летописях военной истории. Вряд ли когда либо командующий отрядом со штабом, находясь далеко впереди своих войск, преследовал противника, о котором он знал не более того, что последний бежит. В оперативном приказе Тауншенда предусматривалась возможность, в случае отступления турок, преследование их флотилией совместно с 16-ой бригадой, но самоличное преследование не входило в его планы и явилось неожиданной импровизацией. С каждой милей река все суживалась, течение становилось сильнее, а повороты все круче и круче. При поворотах канонерки почти каждый раз сильно стукались бортами то об один, то о другой берег. Подобное фантастическое плавание, конечно, никогда не представлялось даже самому пылкому воображению. Построенные для охранной службы в океанских водах, канонерки, находясь в ста пятидесяти милях от берега моря, преследовали бегущую пехоту, пробираясь вглубь древней империи по необследованному, совершенно неведомому фарватеру, по которому никогда еще не ходили подобные им суда.

Головным шел *Shaitan*, так как *Sumana* был оставлен подобрать брошенную близ Muzaibila массу винтовок. Суда

очень медленно выгребали против течения, но постепенно расстояние между ними и неприятелем уменьшалось. К закату солнца турецкий отряд начал отчетливо вырисовываться: сначала показались паруса арабских лодок, борящихся с течением, затем набитый солдатами пароход *Mosul*, ведущий на буксире две баржи, переполненные войсками, а еще дальше виднелась канонерка *Marmariss*, тоже с двумя баржами на буксире и тоже полная солдат. К моменту захода солнца *Shaitan* смог открыть огонь по ближайшим арабским лодкам, а вслед за ним *Espiegle* начал обстреливать *Mosul*. Результат не заставил себя ждать. Турецкие суда немедленно отдали буксиры, арабские лодки начали спускать паруса, а другие более мелкие прижались вплотную к берегам. Концевая канонерка *Odin* получила приказание захватить все оставшиеся турецкие плавучие средства, а остальные продолжали погоню, поддерживая при тусклом освещении сумерек огонь по *Mosul*'у и *Marmariss*'у, пока наступившая темнота не скрыла цели. Полный мрак в 8 ч. в. заставил флотилию остановиться. *Espiegle* открыл освещение прожекторами и захватил обнаруженные два больших лихтера и несколько арабских барж с войсками, пушками, минами и снабжением, брошенных турецкими судами. Кроме того в наши руки попал небольшой пароход, утопленный снарядом с *Shaitan*'а.

В 2 часа ночи взошла луна и вся флотилия, за исключением *Odin*'а, оставленного охранять пленных и добычу, двинулась дальше. С каждым оборотом винта навигационные условия становились все труднее и труднее; однако, канонерки настойчиво подвигались вперед, пока в 4 ч. 15 м. утра *Espiegle* не остановился, завязнув в густом илу. В этот самый момент снова показался *Marmariss*, по которому немедленно был открыт огонь, но турецкая канонерка молчала. Посланная вооруженная шлюпка донесла, что *Marmariss* разбит, брошен командой и горит. В скором времени за ближайшим поворотом реки был замечен *Mosul*. Обстрелянный с *Clio*, он сразу поднял белый флаг и сдался подошедшему к нему *Shaitan*'у.

Неприятель явно находился в состоянии полной деморализации и естественно, что при таком положении дел соблазн идти дальше и разузнать, что делается в Амара, был велик. Однако, предстояло пройти не менее пятидесяти миль, на этот раз уже без канонерок, при чем войска находились в пятидесяти милях позади. Преследование же разбитого противника лишь возбуждало желание рискнуть, и начальник флотилии кап. I р. Нунн, после краткого совещания с Тауншендом, решил идти вперед на *Comet* с *Shaitan*'ом и *Sumana*, имевших на буксире баржи-платформы с 4,7″ морскими орудиями. *Miner* из-за сравнительно боль-

шой осадки в скором времени оказался не в состоянии следовать за ними и был заменен подошедшим пароходом *Louis Pelly*. Преследование продолжалось беспрепятственно. Днем „эскадра“ достигла Qala-Salih, расположенного на полпути до Amara, рассеяв несколькими выстрелами замеченные на берегу группы пехоты и кавалерии, после чего на *Comet* прибыли старейшины города и изъявили свою покорность. Пройдя еще несколько миль, суда остановились на ночь.

С рассветом 3-го июня суда тронулись дальше. Выше Qala Salih река становилась извилистее, а повороты один другого круче. За каждым из них могла быть устроена засада, но население прибрежных деревень выходило с белыми флагами, выражая знаки покорности; никаких судов неприятеля не было видно. Тем не менее, благоразумие все-таки требовало некоторой осторожности и, когда флотилии оставалось не более двенадцати миль до места назначения, она замедлила ход и *Shaitan* (лейт. Синглетон) как наиболее быстроходный, вместе с небольшим моторным катером, был послан вперед произвести разведку. На *Shaitan*'е отправился и один из чинов штаба ген. Тауншенда — кап. Пиль.

В 2 ч. дня *Shaitan* подошел на три мили к Amara, нигде не заметив турок, но как только обогнул последний мыс, закрывавший город, и вошел в бухту, он сразу обнаружил значительные силы отступающего неприятеля. Турки спешно покидали город, переправляясь через понтонный мост, и садились на баржу, стоявшую у другого берега, рядом с пароходом. Мост был немедленно разведен, но раньше, чем пароход успел пройти, удачный выстрел с *Shaitan'a* принудил его остановиться. Войска начали выскакивать на берег и разбегаться. *Shaitan* миновал разведенный мост и поднялся выше, рассеяв батальон пехоты, пытавшийся боковыми тропами уйти дальше от берега. При виде *Shaitan*'а батальон повернул назад и бросился врассыпную в узкие улицы города. Лейтенант Синглетон не остановился и продолжал подниматься вверх по течению. За западным мысом, выше города, показались войска, отступающие по обеим сторонам реки. По одному берегу впереди и сбоку *Shaitan*'а двигалось человек пятьсот, по другому не менее полутора тысячи. Таким образом, Синглетон, имея турецкие войска кроме того и в тылу, фактически был окружен неприятелем. Хотя ширина реки не превышала кабельтова, ни с правого, ни с левого берега не последовало ни одного выстрела, а когда *Shaitan* прошел еще около 5 каб., 100 человек турок приблизились к воде и сдаваясь подняли руки. Приняв винтовки на пароход, Синглетон повернул обратно, приказав пленным держаться рядом. Вслед за ними появилось еще 150 ту-

рок, тоже пожелавших сдаться. Поступив с ними так же, так и с предыдущими, *Shaitan*, медленно конвоируя всю партию, пошел навстречу показавшемуся из-за мыса *Comet* с остальными судами.

Солнце жгло немилосердно, в воздухе стояла полнейшая тишина, такая же как и в городе. У набережных стояли брошенные командами паровые суда и лихтеры. Недалеко от них *Comet* отдал якорь. Нельзя было заметить ни малейших признаков готовящегося сопротивления, но это обстоятельство не облегчало решение вопроса, что же делать дальше. Amara представлял собой важный торговый и административный центр с населением свыше 20-ти тысяч человек помимо гарнизона, а наши войска находились в расстоянии почти двухсуточного перехода. Флотилия же насчитывала в своем составе не более ста человек, включая штаб ген. Тауншенда и его личный конвой. Но смелость и решительность, которые привели к достигнутому успеху, и на этот раз указали правильный путь. На берег была послана шлюпка с унтер-офицером и 12 рядовыми и „сказка" кончилась. Турецкий генерал, гражданский губернатор и сорок офицеров отдали свои сабли на *Comet*. Днем над домом губернатора был поднят британский флаг.

Однако, положение далеко нельзя было считать прочным. Число пленных вместе с взятыми *Shaitan'ом* достигало уже 700 человек и все время увеличивалось новыми партиями, опасающимися мести со стороны арабов, включая офицеров и команду *Marmariss'a*. Часть пленных, сколько можно было вместить, посадили на лихтер и поставили на якорь по середине реки, но это составляло лишь десятую часть всей массы. К тому же такие прекрасные солдаты, как турки, не могли не оправиться ст паники и, придя в себя, не сообразить, с какими силами они имеют дело. Приближающимся войскам были посланы приказания двигаться как можно скорее. Проходили томительные часы в ожидании подкреплений, темнело и никто не мог сказать, что окажется на следующее утро. Но около рассвета блеснули лучи прожекторов, а с восходом солнца показался дым головных транспортов. В 10 часов утра 4 июня прибыл батальон Норфолькского полка. Норфолькцы подоспели едва ли не в последнюю минут; арабы поняли истинное положение вещей, открыли стрельбу и уже начали грабеж города. С приходом батальона снова наступило полнейшее спокойствие. На этот раз Amara была надежно в наших руках. За четыре дня операций противник потерял канонерку и два парохода, утопленных при перестрелке, а также три захваченные нами парохода, несколько моторных катеров, десять железных барж и много других ловучих средств. На одной из барж было найдено 1 000 фунтов стерлингов

золотом. Пленных насчитывалось 139 офицеров и 1 634 солдат, орудий было взято 17, винтовок 2 700, патронов свыше миллиона. Этим успехи не ограничивались. Турецкие части, отступавшие от Ahwaz, тоже пострадали и были частично отрезаны нашими войсками. Авангард отступавшей неприятельской колонны, попал в плен целиком, часть войск успела разбежаться, потеряв два орудия, остальные отступили к северу, на Kut, куда бежали и остатки Amar'ского гарнизона.

Столь благоприятные результаты всей операции в целом явились не только следствием решительных действий начальников, но и плодом искусной и тщательной работы штаба, благодаря которой все сухопутные и морские начальники от первого до последнего могли действовать в полном согласии. Последнее обстоятельство, как доносил ген. Никсон, и „было отличительной чертой операции".

ГЛАВА II.

Дарданеллы. С 5 по 7 июня. Подвиги подводных лодок E 14 и E 11 в Мраморном море. Гибель «Triumph»'а и «Majestic»'а. Третий бой у Критии.

Карта 3.

Успех в Месопотамии явился особенно ценным потому, что главное наступление на Оттоманскую империю развертывалось далеко не успешно. Если до этого времени дела в Дарданеллах шли плохо, то теперь они стали еще хуже.

Слабость, ощущавшаяся до этого времени только в сухопутных силах, распространялась теперь и на морские. Эскадра не только сократилась численно. Наступил день, когда она лишилась возможности претендовать на неоспоримое господство в Егейском море. Ушел л. к. *Queen Elisabeth*; затем, согласно конвенции с Италией, ушли под флагом ад. Терсби линейные корабли *Queen*, *Prince of Wales*, *Implacable* и *London*. 27 мая ад. Терсби прибыл в Таранто и присоединился к итальянскому флоту. Обещанные Италии четыре легких крейсера — *Dartmouth*, *Dublin*, *Amethyst* и *Sapphire* — уже стояли в Бриндизи. С уходом всех этих кораблей и крейсеров адмирал Де-Робек лишался судов, опыт которых делал столь продуктивной их боевую работу. Одновременно к нему прибыли из Англии *Exmouth* и *Venerable* в свою очередь получившие боевой опыт на побережьи Бельгии. Франция, по условиям конвенции, довела число своих линейных кораблей до шести, прислав *Suffren'a* *Charlemagne* и *Patrie*. Корабли пришли под флагом адм. Николь, который и вступил в командование всей француз-

ской эскадрой. Предусмотренное соглашением увеличение числа крейсеров было достигнуто присылкой из Бреста *Kleber'a* а *Dupleix* и *Bruix*—из Средиземного моря. Эти устаревшие крейсера годились для поддержки сухопутных операций, но, конечно, не могли заменить тех легких крейсеров, которых лишился Де-Робек, и на место последних пришлось отозвать из Восточной Африки *Chatham'a* и *Cornwall'я*.

Эскадры Де-Робека и после переформирования могли бы продолжать с успехом выполнять свою роль, не появись новая опасность, „Суда поддержки", которыми теперь командовал адм. Веймисс, возвратившийся к месту своей основной службы на Мудрос, попрежнему, по мере сил и возможности, поддерживали окопавшийся десант и обстреливали новые тяжелые батареи противника, установленные на азиатском берегу, огонь которых начинал создавать серьезную угрозу делу снабжения южных участков. Однако, боевая деятельность судов в этом направлении вскоре приостановилась. Появление германских подводных лодок в Егейском море рано или поздно было неминуемо и не могло не ухудшить обстановки. Неизбежность этого ясно сознавалась всеми давно, но неопределенность положения в Отечественных водах не давала возможности предпринять серьезные меры против новой опасности. Свободных миноносцев не было, тральщиков также не хватало и взамен их был отправлен в Дарданеллы материал для устройства противолодочного бона. Однако течение здесь оказалось настолько сильным, что идею постановки бонового заграждения поперек пролива пришлось оставить. Между тем слухи о прибытии лодок становились все настойчивее и настойчивее. Турки, повидимому, ожидали их к 17 мая, подтверждением чему было получение на следующий день донесения дозора у Смирны, что большая германская лодка вошла в порт. Эти сведения вызывали не малую тревогу, т. к. разведка сообщала, что две новые турецкие дивизии прибыли на Галлиполи со специальной целью действовать против Анзакского участка и что следует опасаться атаки подводных лодок на „суда поддержки" у Габа-Тепе. Как теперь известно, сведения разведки вполне соответствовали действительности. Лиман-фон-Сандерс решил соединить первую попытку подводного нападения с отчаянной атакой Анзакской позиции, дабы сбросить австралийцев в море и обезопасить свои линии сообщений с Критией и Ачи-Баба. Новоприбывшие дивизии поступали под командование Эссад-Паши.

Рано утром 19 мая Эссад, имея в своем распоряжении две прежних и две новых дивизии, перешел в наступление, начав с первыми лучами солнца яростные атаки. Несмотря

на большую опасность, Де-Робек оставил все корабли „поддержки“ (*Canopus*, *Triumph*, *Vengeance* и *Bacchante*) вместе с четыремя миноносцами на позиции. Поддерживая непрерывный огонь, корректируемый с берега, эскадра, хотя и не могла стрелять по турецким окопам, расположенным слишком близко от наших, но успешно подавляла турецкую артиллерию. Немецкие подводные лодки не появлялись, и никакой попытки с этой стороны помешать бомбардировке не последовало. Корабль, стоявший в узкости, пытался было открыть огонь, но *Triumph* быстро заставил его замолчать. Ни разу еще турки не дрались с такой настойчивостью. Однако, не достигнув ничего, они понесли столь тяжелые потери, что вынуждены были просить перемирия, чтобы похоронить груды трупов.

Лучших результатов вряд ли можно было ожидать. „После 19 мая“, сообщало турецкое военное министерство, „выяснилось, что английские оборонительные сооружения на участке Анзак неприступны и без тяжелой артиллерии, обеспеченной неограниченным запасом снарядов, на этом участке нельзя достигнуть никаких успехов“.

В течение последующих двух месяцев противник не предпринял здесь ничего более или менее серьезного.

Через два дня после последней турецкой атаки, т. е. 22 мая, с нескольких судов заметили лодку между Габа-Тепе и Текке-Бурну. Транспорты получили приказание спешно подымать пары и уходить на Мудрос, а суда, не имевшие сетей, сняться с якоря и держаться на ходу. Тщательные поиски не обнаружили подводного противника и весьма возможно, что тревога была ложной. Но сомневаться в наличии новой опасности не приходилось и меры предосторожности, конечно, должны были быть приняты.

Перед адмиралом Де-Робеком встала чрезвычайно трудная проблема. Оставление на позиции некоторого числа „судов поддержки“ он считал необходимым для безопасности десанта, так как недостаток снарядов ставил войска, при отсутствии помощи судовой артиллерии, в беспомощное положение в борьбе с турецкими батареями. Поэтому наиболее правильным и отвечающим обстановке решением считалось сокращение числа кораблей, стоявших у Габа-Тепе, до двух, с посылкой третьего в резерв на Имброс. Южную эскадру он сокращал с семи судов до четырех. На необходимость оставления этих шести кораблей он смотрел как на нравственный долг флота перед армией, но армия думала иначе и находила, что решение адмирала вызвано „соображениями панического характера“. С подобным взглядом, конечно, согласиться нельзя. Де-Робек несомненно пошел на крайний допустимый риск, тесно свя-

занный с охраной безопасности коммуникационных путей армии.

Решение адмирала отнюдь не влекло за собою перехода к оборонительному образу действий. И если противник, потерпевший неудачу в своих попытках выбить нас прямым ударом, намеревался поколебать наше положение операциями на наших морских сообщениях, то и мы, насколько позволяла обстановка, должны были стараться нарушить его сообщения. Достигнутые в этом направлении результаты теперь уже выяснились. *E-14* возвратилась из Мраморного моря и командир ее кап. лейт. Бойль подробно доложил о своем походе. После успехов в борьбе с преследовавшими *E-14* дозорными судами, имевших место 1 мая, последние стали действовать осторожнее и счастье несколько изменило нашей лодке. До 5 мая не представилось ни одного случая для нападения; в этот же день был замечен большой транспорт, шедший под конвоем миноносца—одного из лучших построенных в Германии для Турции. Мертвый штиль и умелое маневрирование миноносца очень осложняли задачу лодки. Тем не менее, воспользовавшись моментом, когда миноносец закрылся транспортом, Бойль, незамеченный противником, выпустил торпеду с полутора кабельтова. Торпеда попала, но не взорвалась.

6 мая показался еще один транспорт, но он во-время обнаружил опасность и повернул в Константинополь. С 7 по 10 *E-14* ежедневно безуспешно гонялась за турецкими пароходами. Большинству пароходов удавалось уйти, те-же, которых лодка догоняла, оказывались с беженцами и их не трогали. 10 мая прошло более оживленно. Утром, когда *E-14* находилась в восточной части моря, над ней прошел миноносец, а вечером показались два больших транспорта, конвоируемые миноносцем немецкой постройки. Первая торпеда, выпущенная по головному транспорту, не попала, но на этом неудачи кончились. Следующая пошла прямо в середину второго парохода. Попадание сопровождалось сильнейшими взрывами, было видно как обломки и люди летели в воздухе и падали в воду. Взорванный 5000-тонный пароход, принадлежавший „White Star Line“, переименованный в *Гул-Джемаль*, шел из Константинополя в Галлиполи, имея 600 человек пехоты и артиллерийскую батарею. Наступившая темнота не позволила узнать дальнейшую судьбу транспорта, но впоследствии через лицо, проживавшее на близлежащем острове, выяснилось, что, едва успев повернуть на обратный курс, он сразу же затонул. Никто спасен не был [1]).

---

[1]) Постановление призового суда. „Известия Ллойда“ 30 января 1917 г.

Достигнутый успех давал командиру *E-14* полное удовлетворение. Он нанес противнику не только тяжелый материальный ущерб, но и серьезный моральный удар. Торпед на лодке оставалась одна, да и то негодная для употребления, орудия не было, перископ тоже оставался один, выставить который Бойль не решался, опасаясь попадания в него ружейных пуль. И все-таки он продолжал крейсерство, считая, что присутствие лодки в Мраморном море не может не повлиять на подвоз неприятелем подкреплений и снабжения.

17 мая *E-14* была отозвана, заставив незадолго перед тем выброситься турецкий пароход на берег.

Тем временем турки в ожидании прибытия германских подводных лодок делали все, чтобы нарушить доставку нашему десанту боевого снабжения и продовольствия. Число и калибр батарей, обстреливавших побережие высадки и места якорных стоянок транспортов, все увеличивались. Необходимость подавлять эти батареи огнем судовой артиллерии давала себя чувствовать все с большей настойчивостью. Каждый день дежурные линейные корабли, ежечасно ожидая подводной атаки, стояли на своих позициях. Двое суток после первой тревоги ничего не случилось, но затем обстановка переменилась. 25 мая *Swiftsure* под флагом адмирала Никольсона стоял на якоре у мыса Хеллес, ожидая себе на смену *Majectic*'а; поблизости стоял *Agamemnon*, готовый в назначенное время идти внутрь пролива поддержать французские корабли, обстреливавшие тяжелые батареи противника на азиатском берегу. В районе Анзака—у Габа-Тепе, держался на ходу, с поставленными сетями, *Triumph* на случай, если потребуется открыть огонь по турецким судам, которые, войдя в узкость, будут пытаться обстреливать расположение наших войск. С левого фланга Анзакской позиции находился *Canopus* под брейд-вымпелом кап. I р. Гранта. В этот день *Canopus* рано утром ходил в бухту Сувла на поддержку набега, организованного с целью уничтожения сторожевого поста противника, вновь установленного на мысу Нибрунези, после того как он был нами уничтожен две-недели тому назад. Пятьдесят человек, высаженные миноносцами *Chelmer* и *Colne*, быстро выполнили эту задачу и в 7 ч. у. *Chelmer* пришел на охрану *Triumph*'а. После этого *Canopus* снялся и пошел на встречу идущему с Мудроса ему на смену *Vengeance*. Все необходимые меры предосторожности были приняты своевременно, так как уже рано утром было очевидно, что по близости имеется неприятельская лодка.

Первым поднял тревогу тральщик *Minoru*, рыбачий трауллер из Гримсби, одно из тех маленьких судов,—„мастеров на все руки“ как их называли—которые всегда прекрасно исполняли при эскадре те многочисленные работы,

для которых не находилось других выполнителей. Находясь при входе в пролив *Minoru* около 7 ч. у. начал подавать частые резкие свистки сиреной. Обратить внимание другим способом он не имел возможности. Трауллеры были посланы из Англии специально только для тральных работ и не получили артиллерийского вооружения. Да его в то время и неоткуда было взять. Единственно, что им оставалось делать при появлении подводного врага—это таранить, но и для подобного маневрирования им не хватало хода. Однако, они всегда могли передать тревогу на миноносцы. Миноносец *Harpy*, занятый совместно с другим миноносцем дозорной службой при линейных кораблях, стоявших у мыса Хеллес, немедленно бросился к месту тревоги и сделал соответствующий сигнал. Быстро обнаружив лодку, идущую в атаку повидимому на *St. Louis*, стоявший у Седд-ул-Бахра, *Harpy* поспешил за ней. Французский корабль, как выяснилось впоследствии, вероятно не подвергся нападению потому, что лодка имела инструкции атаковать корабли, поддерживавшие Анзакский участок.

Через десять минут между *Swiftsure*'ом и *Agamemnon*'ом был замечен перископ лодки, подвигавшейся в северном направлении. *Swiftsure* открыл огонь, лодка скрылась и до одиннадцатого часа никаких признаков ее не было видно. В это время *Vengeance*, зигзагируя, шел с Мудроса и, придя на W от мыса Кефало, заметил идущую в него от берега торпеду. Быстро положив „право на борт", корабль увернулся и, сделав несколько залпов по перископу, снова лег курсом на Габа-Тепе. Лодка пошла вдоль берега. Державшийся в районе участка „J" легкий крейсер *Talbot*, все миноносцы и тральщики бросились на ее поиски. Четыре раза открывался огонь по перископу; а один из миноносцев удачно прошел над самой лодкой, но не коснулся ее. Когда *Vengeance* прибыл к Габа-Тепе, кап. I р. Грант перешел на него, а *Canopus* пошел на Мудрос, проложив курс с расчетом пройти более безопасным путем, т. е. обогнув Имброс с севера. Так как лодка по всем признакам двигалась в северном направлении, то Грант приказал пароходу *Manica* и наличным транспортам спешно уходить к безопасному якорному месту в бухте Кефало на Имбросе. Вскоре после этого тревога еще усилилась. Через четверть часа с *Canopus*'а, находившегося на полпути до Имброса, был сделан сигнал „вижу вторую лодку в 10 каб. на N, идущую курсом S". *Canopus*, который охранялся миноносцем *Ribble* и к этому времени развивал почти полный ход, шел зигзагами и не подвергся атаке. Получив сообщение *Canopus*'а, адм. Никольсон в полдень сделал сигнал на *Lord Nelson*, стоявший под флагом Де-Робека на Имбросе, испрашивая разрешение убрать все суда в бухту Кефало. Если на *Canopus*'е не

ошиблись, приняв какой либо плавающий предмет за перископ, то лодок должно было быть действительно две. Впечатление о присутствии именно двух лодок, а не одной, очень быстро усилилось[1]).

В шести милях на SO от Габа-Тепе, оставаясь на ходу, держался на своей позиции *Triumph*. Сети были опущены, все водонепроницаемые двери закрыты, прислуга противоминной артиллерии стояла у орудий. Миноносец *Chelmer* 15-ти узловым ходом кружился вокруг. В 12 ч. 25 м. в тот момент, когда *Chelmer* огибал форштевень *Triumph*'а, он заметил на правом его траверзе в расстоянии $2^1/_2$ каб. подозрительное светлое пятно. Миноносец мгновенно кинулся вправо, но было поздно. Торпеда прорвала сети, как паутину, и попала прямо в середину. *Triumph* сразу открыл огонь по перископу, но через минуту удар необычайной силы потряс весь корабль и, как казалось, поднял его. Некоторое время носовая и кормовая часть *Triumph*'а оставались в тумане от воды и угольной пыли. Когда туман рассеялся, корабль имел крен 10° и продолжал валиться на бок. *Chelmer* лихо подошел с кормы и успел снять несколько человек, хотя уже через 10 минут после взрыва *Triumph* перевернулся. Полчаса он держался на плаву вверх килем, а затем вдруг сразу так сел носом, что встал почти вертикально, после чего медленно опустился на дно, провожаемый криками спасенной команды—„Прощай *Triumph*, прощай старина!“. Как только крен принял опасные размеры, был сыгран сигнал „оставить корабль“. Люди в порядке спустились за борт, держась за стрелы сетевого заграждения и за самые сети, откуда их приняли *Chelmer* и другие мелкие суда, поспешившие к месту катастрофы. Спасти удалось 500 человек, погибло три офицера и 75 матросов.

Потеря *Triumph*'а являлась тяжелым ударом. Австралийцами и ново-зеландцами она ощущалась буквально как потеря близкого человека и они долго не хотели верить, что не существует более того корабля, который во всех тяжелых случаях их боевой жизни оказывал им столь мощную поддержку. Результат блестяще произведенной атаки не ограничивался моральным успехом. Последний представлялся ничтожным по сравнению с теми последствиями, которые он оказывал на осуществление плана операций в целом. Результат атаки не только чрезвычайно усложнял вопрос снабжения боевых участков, но и ставил нас перед фактом невозможности постоянной поддержки десанта артиллерийским огнем линейных кораблей.

---

[1]) Присутствие двух лодок сомнительно. Даже на *Canopus*'е мнения разделились. С *Ribble* лодку никто не видел.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ №

Majestic (флаг адм. Никольсона) на ночь ушел в бухту Кефало, остальные корабли были отозваны на Мудрос и их места заняли миноносцы. На гибели *Triumph*'а жестокий урок не кончился. Следующий день (26 мая) прошел спокойно, если не считать встречу *Jauréguiberry* с подводной лодкой при входе в пролив. По счастливой случайности французский корабль как раз во-время положил руля и не только избежал попадания торпеды, но прошел над самой лодкой. На *Jauréguiberry* многие считали, что лодка протаранена [1]).

По получении с него известий о новом появлении подводного врага, немедленно была организована „охота", но снова безуспешно. Никольсон утром вернулся к мысу Хеллес и оставался на позиции, приняв все возможные меры предосторожности против атаки.

Задача, поставленная немецким подводным лодкам, была совершенно ясна: избавиться от линейных кораблей союзников, огонь которых больше всего мешает операциям. А пока это не будет выполнено—на транспорты можно не обращать внимания. Таким образом, стоя среди транспортов, линейные корабли могли скорее всего рассчитывать на известного рода безопасность. Руководствуясь последним соображением, *Majestic* отдал якорь посреди пароходов, выгружавших боевые припасы и снабжение для южных участков. Якорное место было выбрано как можно ближе к берегу, но с расчетом иметь возможность держать под обстрелом главные турецкие позиции. За линией транспортов держался дозор миноносцев, а при входе в пролив—дозор невооруженных тральщиков. Казалось, что якорное место достаточно безопасно и вряд ли достигаемо даже для такого опытного и смелого противника, каким являлись немецкие подводные командиры. Однако, уже с восходом солнца 27 мая выяснилось, насколько принятые меры оказались несовершенны. В 6 ч. 45 м. на левом траверзе *Majestic*'а не более как в 2 каб. заметили перископ. Сразу же был открыт огонь, но одновременно в одном из промежутков между стоящими кругом транспортами показался след торпеды. Более удачного выстрела трудно было представить. Торпеда прошла сети как через масло и попала в середину цели. За первым выстрелом почти мгновенно последовал второй, столь же успешный и через семь минут старый доблестный корабль перевернулся. Благодаря исключительному порядку и дисциплине, все офицеры и почти вся команда спаслись. Погибло лишь около 40 человек убитых взрывом и запутавшихся в сетях. Вследствие малой глубины (9 саженей), корабль не утонул и, упираясь фок-мачтой в грунт, остался

[1]) Vedel. „Nos marins à la guerre".

частично на поверхности воды, напоминая своим видом раненого кита; носовая часть киля и днища только окатывались волной.

С гибелью *Majestic*'а рухнула последняя надежда на возможность придерживаться системы, на которой был построен план поддержки и снабжения десанта. Вряд ли когда либо на сухопутную операцию столь сильно повлияло подобное само по себе ничтожное средство. Искусство и лихость командира германской лодки вызывали восхищение всех свидетелей его блестящей атаки; начальник, поставленный в его положение, не мог показать большего искусства. Имя его выяснилось впоследствии: это оказался кап. лейт. Херсинг, тот самый командир, который в апреле месяце, не взирая на все затруднения, провел свою лодку *U-21* через Гибралтар в Средиземное море, доказав, — чему никто до тех пор не верил—возможность дойти в Адриатику не имея по пути ни одной базы. Придя 13 мая в Каттаро с запасом горючего, не превышавшим полутонны, Херсинг отдохнул неделю и продолжал свой поход в Дарданеллы.

Великое моральное значение результатов его смелого предприятия было, конечно, неоспоримо. Многие сотни турецких солдат, подавленные тяжелыми потерями и деморализованные действием судового огня, видели панику, овладевшую теми самыми кораблями, которых они так боялись; тысячи наших солдат являлись свидетелями этой паники и видели гибель кораблей. Они прекрасно понимали, что отныне лишь крейсера и миноносцы остаются для поддержки оставшегося десанта.

По счастью день гибели *Majestic*'а совпал с получением известий с *E-11*. Подвиги нашего командира не уступали противнику ни в отваге, ни в умении. Подводная лодка *E-11* (кап.-лейт. Насмит), сменившая *E-14*, была та самая, которая после неудачной попытки пройти в Балтийское море так блестяще спасла в первый день Рождества четырех наших летчиков, атакованных в Гельголандской бухте цеппелином. *E-14*, возвращаясь из Мраморного моря прошла узкость, не обнаруженная турецкими батареями, и благополучно миновав все подводные препятствия, 18 мая прибыла к эскадре. Получив от командира *E-14* подробные сведения об обстановке, кап.-лейт. Насмит в ту же ночь вышел по назначению. Проход узкости сопровождался полным успехом и, хотя турецкие суда и батареи неоднократно обстреливали перископ лодки, уже утром 19 мая *E-11* находилась в Мраморном море. Весь этот и последующий день в западной части моря не было замечено ни-

[1]) См. том I, стр. 254 и том II стр. 74.

кого кроме нескольких миноносцев устаревшего типа и вооруженных тральщиков. Руководствуясь опытом своего предшественника, Насмит перешел в восточную часть моря, в которой дозорная служба была слабее. Захватив вскоре небольшой парусник, лодка взяла его на бортовой буксир, закрепив швартовы за боевую рубку, и начала крейсерство, располагая курсы с таким расчетом, чтобы ее не могли видеть с восточной части горизонта. Но хитрость пользы не принесла. Факт появления английской лодки в проливе, подымавшейся против течения, повидимому, приостановил всякое движение в Мраморном море; на горизонте никто не появлялся. Отпустив приз, *E-11* снова пошла на W. В западной части попрежнему рыскали лишь одни дозоры и кап.-лейт. Насмит опять повернул на Ost. Рано утром 23 мая он подошел к расположенному в восьми милях к югу от входа в Босфор острову Оксиа, где захватил еще один небольшой парусник. Заметив в момент операции пустой транспорт, возвращающийся в Константинополь, он также пошел за ним. На этот раз счастье сопутствовало *E-11*. На якоре против города стоял миноносец. Не теряя ни минуты Насмит его атаковал. Торпеда попала в середину и миноносец начал тонуть. Однако, он успел сделать несколько выстрелов из 6-фунтового орудия и первым же снарядом повредил передний перископ лодки. Лодке пришлось отойти и искать убежище на острове Калолимно, где командир хотел попробовать исправить перископ. Этого ему сделать не удалось и после нового поиска в западном направлении он на следующее утро (24 мая) повернул на норд-ост, начав крейсерство в направлении на Родосто. Новый курс вскоре привел к встрече с небольшим пароходом, который на сигнал с приказанием остановиться не обращал внимания. Не имея на лодке артиллерийского вооружения и лишенный возможности подкрепить свое требование пушечным выстрелом, командир *E-11* приказал выстрелить по мостику парохода из винтовки. Ружейный выстрел оказался вполне действительным средством. Пароход сразу остановился и находившийся на нем американский журналист объяснил, что пароход вез в Чанак отряд турецкой морской пехоты. Солдаты к моменту подхода лодки уже спустили шлюпки, но в панике их перевернули и барахтались в воде, цепляясь за борта. Так как все солдаты были снабжены спасательными поясами, то их оставили справляться с шлюпками собственными средствами, а пароход, на котором нашли погруженными 6″ пушку, несколько 12-фунтовых установок и запас 6″ снарядов, был уничтожен подрывными патронами. Почти одновременно в восточной части горизонта был замечен дым, и *E-11* погрузилась, чтобы выйти на позицию для атаки. Однако, звуки взрыва возбудили тревогу; заме-

ченное судно изменило курс, повернув на Родосто. Когда лодка снова всплыла, то увидела пароход и немедленно за ним погналась. Преследование продолжалось, пока пароход не подошел к стенке. Погружаться для атаки на мелководьи представляло громадный риск, а орудия, из которого легко можно было уничтожить пароход, на лодке не имелось. Пароход был сильно загружен, палуба завалена ящиками. Командиру *E-11* конечно не хотелось упускать богатую добычу и он решил рискнуть и погрузиться. Перископ лодки подвергся ружейному огню, но первая выпущенная мина попала и пароход запылал. Из-за мелководья перископ все время оставался открытым, что заставило лодку поспешно отойти. Не успела она выйти из бухты, как показался третий пароход. По полученным потом сведениям он шел с грузом колючей проволоки. Приказания остановиться пароход не исполнил и пытался таранить лодку, но не удачно, после чего повернул и выбросился на берег. Кап.-лейт. Насмит немедленно приготовил подрывную партию, послать которую, однако, не пришлось. На берегу появился отряд всадников, открывший столь жаркий огонь, что Насмит счел благоразумнее отойти.

Французская пословица говорит „аппетит приходит с едой“. В открытом море командир *E-11* не видел надежды найти „крупную дичь“ и решил опять повернуть на запад и идти к Босфору. Вскоре после полдня, в момент фатальной гибели *Triumph*'а, он подошел к устью Босфора и по его собственному выражению „нырнул в Константинополь“. Всплыв почти вплотную к американскому стационеру, он заметил большое судно, стоявшее у стенки арсенала. Судно называлось *Стамбул* и ему *E-11* и нанесла удар. Первая торпеда уклонилась в сторону, описав широкую циркуляцию, вторая сразу пошла хорошо. Видеть результатов Насмит не мог, так как лодка, подхваченная сильнейшим неправильным течением, была брошена на мель. Однако, два почти одновременных взрыва определенно говорили за то, что и первая торпеда нашла себе цель. В течение двадцати минут лодку, потерявшую всякую способность управляться, подхватывало то одним, то другим течением; стукаясь днищем по отмели, она уцелела буквально чудом, и когда, наконец, выбралась из водоворота и поднялась на поверхность, то оказалась далеко от входа в пролив. „Следующий день“ писал командир „мы провели отдыхая на середине Мраморного моря“.

Материальный успех лихого набега, не имевшего прецедента в прошлом, был невелик. *Стамбул*—старое судно — турки успели отвести на мелкое место, но большего морального успеха нельзя было желать. Более 500 лет тому назад

впервые был поднят над стенами столицы турецкий флаг и с тех пор никогда еще иностранный противник не „осквернял“ своим присутствием вод Золотого Рога.

Вдоль всех набережных началась паника; магазины закрылись, войска с транспортов спешно высаживались обратно на берег, морские сообщения Константинополя с Галлиполи прекратились. *E-11* оставалась в Мраморном море еще одиннадцать суток, продолжая столь же активно свои операции. 26 мая, возвращаясь к Босфору, она вскоре после полуночи заметила идущий на W большой линейный корабль, повидимому—*Хайредин-Барбаросса*. Лодка быстро погрузилась для атаки, но в тот же момент обнаружила освещенный луной эскадренный миноносец почти что у себя над головой и вынуждена была поспешно пойти на глубину. На следующий день ей посчастливилось встретиться с конвоем в составе одного большого и четырех мелких транспортов и, несмотря на присутствие охранных миноносцев, удачно выпустить торпеду по большому транспорту. Продолжая плавание прежним курсом, она затем атаковала пароход, шедший в Пандерма — железнодорожный порт на южном побережьи—но неудачно. Торпеда, хотя и попала, но не взорвалась.

Следующие два дня прошли безрезультатно. Движение турецких судов совершенно затихло и кап.-лейт. Насмит решил осмотреть рейд Пандерма, где обнаружил большой пассажирский пароход компании Рикмерс. Торпеда попала удачно, однако, пароход не утонул; его успели отбуксировать к берегу. 1 июня прошло в ожидании транспортов с войсками, по слухам, вышедшим из Измида, но никто не появился. 2 июня счастье снова улыбнулось отважному командиру. Переговорив с миноносцем *Jed*, стоявшим в заливе Сарос для поддержания с ним радио-связи, Насмит пошел вдоль по северному побережию и вскоре встретился с показавшимся от Оста пароходом. Быстро, выйдя на позицию, лодка выпустила торпеду. Оглушительный взрыв потряс воздух. У парохода вырвало буквально всю верхнюю палубу и он скрылся под водой. Сила взрыва определенно говорила за то, что груз составляли боевые припасы. Через час атаке подвергся еще один транспорт, на этот раз значительно меньшего водоизмещения. Торпеда не попала. Сильный ружейный огонь с берега не дал возможности ее выловить и не позволил при помощи подрывной партии, уничтожить транспорт, ставший на якорь под берегом и брошенный командой. Встреченное позже посыльное судно с двумя миноносцами также избежало гибели; торпеда отклонилась и прошла мимо, но на этот раз ее удалось выловить.

Крейсерство лодки продолжалось до 7 июня, не взирая на опасность от энергично гонявшихся за ней миноносцев. Последние дни не сопровождались никакими успехами. Наступало время возвращаться, состояние механизмов настойчиво говорило за это. Торпед оставалось лишь две, предназначенные на случай встречи в проливе на обратном пути с линейными кораблями. *E-11* прошла до Чанака, тщетно высматривая врага, но кроме стоявшего порожняком большого транспорта у банки Моусса, в восьми милях выше мыса Нагара, кругом было пусто. Хотя торпеды и береглись для более „крупной игры", но за неимением лучшего объекта, командир не хотел упускать подвернувшегося случая. Повернув обратно, он снова обогнул опасный мыс Нагара, взорвал турецкий транспорт и только тогда решил окончательно возвращаться. Ожидавшее его препятствие превзошло все испытанное до сих пор. Когда, опустившись настолько, чтобы пройти под заграждениями, *E-11* миновала узкость, в лодке послышались как бы удары днища о грунт. Но до грунта было далеко. Не оставалось другого выхода как подняться и осмотреться. Как только перископ поднялся над поверхностью воды, обозначилась какая-то уродливая масса, двигающаяся в двадцати футах впереди перископа. Масса эта не могла быть ничем иным как сорвавшейся миной. Лодка зацепила ее запутавшийся минреп. Худшего соседства едва ли можно было представить, но оба берега блистали вспышками выстрелов и не приходилось и думать о том, чтобы всплыть и очистить форштевень. Единственно, что представлялось возможным, это двигаться дальше, вместе с „спутником". Кошмар продолжался целый час, пока лодка не отошла на достаточное расстояние от входа в пролив. Затем началась работа по освобождению от мины. Находчивость и уменье командира спасло положение. Затопив носовые цистерны на столько, что нос лодки ушел под воду, а корма оставалась на поверхности, кап.-лейт. Насмит дал ход назад, постепенно доведя его до полного. Прошло несколько томительных жутких мгновений. Наконец, благодаря движению лодки назад и струе воды, которую винты гнали вперед, мина как ошейник соскользнула с форштевня. Выдержка и хладнокровие, проявленные командиром *E-11*, увенчали его боевые успехи. За время крейсерства он утопил канонерку, два парохода с боевыми припасами, два войсковых транспорта, два транспорта с снабжением. Кроме того, он повредил и заставил выброситься на берег еще один транспорт. В довершение же своих подвигов он вывел порученное ему судно буквально из безвыходного положения.

Таким образом, действия противника, не менее отважного и не менее умелого, не остались без ответа. Коммуника-

ционные пути турок шли главным образом по морю, и противник не мог не считаться с последствиями крейсерства наших лодок в Мраморном море. Количество его транспортных судов было ограничено: заменить потопленные суда турки не могли, ремонтировать поврежденные—также. Приходилось предъявлять все большие и большие требования к сухопутному транспорту, средства которого были далеко не достаточны. Железная дорога на Галлиполи отсутствовала; ближайшая станция на Адрианопольской линии—Изун-Кепри—отстояла на 50 миль от Булаира. Нарушение морских сообщений наносило туркам громадный вред, создавая массу затруднений. Доставка людей и грузов морем могла продолжаться только на мелких судах и лишь в ночное время.

На наших операциях в Дарданеллах действия германских лодок отразились слабее. Но все же мы оказались вынужденными совершенно реорганизовать систему снабжения. Транспорты не могли более оставаться на якоре у побережий высадки и там выгружать боевые запасы и продовольствие на мелкие суда. Единственно безопасным якорным местом оставался остров Мудрос. Бон, предназначавшийся первоначально для заграждения входа в Дарданелльский пролив, был доставлен на Мудрос и установлен поперек канала, ведущего во внутреннюю гавань. Кроме того, шла работа по устройству еще одного бона для заграждения входа во внешнюю бухту острова. Выгрузку транспортов пришлось перенести туда. Такая перемена жестоко сказалась на измученных работой тральщиках и других вспомогательных судах; вместо того, чтобы делать рейсы протяжением в 5—10 каб., им предстояло теперь покрывать расстояние в 50 — 60 миль. Подобное положение грозило серьезными задержками и запаздыванием, особенно не желательными в этот момент, так как ген. Гамильтон подготовлял последнюю попытку нового общего наступления, предполагая штурмовать Критию и Ачи-Баба. На миноносцы, тральщики и мелкие суда кроме того тяжелым бременем ложилась необходимость систематического осмотра побережья Эгейского моря и многочисленных мелких островов с их изрезанными берегами, весьма удобных для устройства баз подлодок. В один из таких осмотров крейсер *Dupleix* зашел в порт Будрум, давно вызывавший подозрения.

Гавань оказалась переполненной коммерческими судами и командир *Dupleix* поднял сигнал, что намерен подвергнуть суда осмотру, на что турецкий губернатор ответил просьбой дать ему срок. По истечение срока от крейсера отвалили шлюпки под парламентерским флагом. Встречен-

ные ружейным огнем, шлюпки понесли серьезные потери и возвратились. *Dupleix* в ответ на это подверг город бомбардировке. Получив донесение французского командира, адмирал Де-Робек выслал крейсер *Bacchante* и эск. миноносец *Kennet* с приказанием уничтожить целиком все стоящие в гавани Будрума суда. 28 мая все суда были сожжены, а замок в городе и казармы были обращены в развалины.

В связи с необходимостью воспрепятствовать германским лодкам получать снабжение из их секретных баз, надобность в подобных операциях говорила сама за себя. В отношении островов, не находившихся во владении турок, ничего нельзя было сделать, но в отношении материка дело обстояло иначе. Поэтому по предложению Де-Робека состоялось решение объявить блокаду всего побережья от Дарданелл до Самоса. 2 июня объявление вошло в законную силу. Линия блокады начиналась от гавани Иера на Митилене, где имел свое пребывание на линейном корабле или на крейсере начальник блокирующего отряда: там же находился и аэродром, устроенный с разрешения греческих властей.

Таково было в общих чертах положение дел, с которым пришлось столкнуться новому составу Адмиралтейства. Однако, требования создавшейся обстановки уже были учтены прежними руководителями флота, принявшими соответствующие срочные меры. Часть мониторов, предназначенных заменить линейные корабли, находилась уже в кампании; работа по переустройству крейсеров типа «Edgar», которым пристраивали противоминные утолщения, долженствующие обезопасить их от взрыва мин и торпед, подвигалась весьма успешно. Но до их прихода на театр операций необходимо было ясно и определенно выяснить, до каких пределов может простираться поддержка десанта флотом. Первая телеграмма, отправленная новым составом Адмиралтейства адмиралу Де-Робеку, говорила именно об этом. Адмиралтейство также рекомендовало по возможности держать линейные корабли на Мудросе, пока на эскадру не прибудут сети нового образца и другие противолодочные средства, могущие гарантировать бомбардирующим кораблям некоторого рода безопасность. Производство бомбардировок ограничить крайней необходимостью, т.-е. теми случаями, когда будут иметь место сухопутные операции крупного значения. Но и в этих случаях Адмиралтейство настаивало на желательности держать корабли на позиции самое короткое время, соблюдая при этом такие меры предосторожности, как постановку вплотную к борту кораблей транспортов. Для облегчения выполнения указанных мероприятий адмиралу высылались 20 трауллеров,

а также 30 дрифтеров специально для работ с «сетями-указателями» [1]).

Отвечая Адмиралтейству, Де-Робек телеграфировал о сделанных им последних распоряжениях относительно сокращения числа линейных кораблей, высылаемых в море, сообщая, что поддержка флангов боевых участков поручена эскадренным миноносцам типа «Beagle». При этом три линейных корабля стоят в резерве в часовой готовности. Два из них находятся на Мудросе, а третий, *Exmouth*, в бухте Кефало. *Exmouth* имел противоминные сети особого утолщенного образца, и это обстоятельство позволило считать его там в сравнительной безопасности. До получения подобных сетей для остальных кораблей Де-Робек, ожидая прихода мониторов, не видел возможности предпринять что-либо другое. Мониторы же не могли успеть подойти ко времени начавшейся крупной сухопутной операции.

В течение недели, за время которой развернулось подводное наступление немцев, фронт союзников несколько подвинулся вперед. Дистанция между противниками позволяла перейти к штурму турецких позиций и Гамильтон предпочел, не ожидая прибытия подкреплений, сделать еще одну попытку завладеть Ачи-Баба раньше, чем неприятель успеет ее укрепить. Германские лодки продолжали показываться то тут, то там, но Де-Робек тем не менее согласился поддержать наступление десанта двумя линейными кораблями. 4 июня *Exmouth* (флаг адм. Никольсона), *Swiftsure* и легкий крейсер *Talbot* были посланы к мысу Хеллес, а французский крейсер *Latouche-Tréville* вошел в пролив к побережью долины реки Керевец для поддержки правого фланга своих войск [2]). Линейные корабли не могли сделать многого. Аэропланы доносили о присутствии подводных лодок и корабли, хотя и хорошо „охраняемые“ миноносцами и „окутанные“ сетями, вынуждены были все время оставаться на ходу. При таких условиях стрельба по невидимой цели могла иметь лишь моральный эффект, но не более того. Однако, атака началась блестяще. День выдался исключительно жаркий; пыль, поднимаемая сильным ветром, стояла в воздухе густым туманом, скрывавшим все кругом. Артиллерийская подготовка с моря и с берега началась ровно в 8 часов утра и продолжалась свыше трех часов. В 11 ч. 20 м. последовало приказание примкнуть штыки и выставить их на бруствер, с целью принудить турок занять передовые окопы и принять атаку. Бомбардировка затем возобновилась и, постепенно усиливаясь, продолжалась пока

---

[1]) См. II том, примечание на стр. 41.

[2]) Французский корпус находился под командованием генерала Гуро, сменившего ген. Д'Амада.

передовая неприятельская линия не заполнилась солдатами. После этого полчаса продолжался ураганный огонь. Ровно в полдень люди по всему фронту выскочили из окопов, и закипел штыковой бой. Несмотря на упорное сопротивление турок, лучшего результата нельзя было и ожидать. На правом фланге при мощной поддержке *Latouche-Tréville*, французы ворвались в укрепления долины Керевец, столь долго удерживавшие их на месте; примыкавший к их левому флангу матросский батальон «Anson» штурмовал редут, не уступая в умении и лихости регулярной пехоте. Батальоны «Howe» и «Hood» захватили окопы, расположенные впереди этого редута. Четвертый батальон морской дивизии «Collingwood», высланный на поддержку, понес тяжелые потери [1]). Особенно отличалась Манчестерская бригада, действовавшая совместно с частями 5 ланкаширского стрелкового полка на левом фланге морских батальонов. В течение пяти минут они овладели передовыми окопами, которые, по словам турок, невозможно было удержать из-за обстрела с судов, и через полчаса заняли вторую линию в расстоянии 250 саженей.

Левее их наступала XXIX дивизия, включая и индийскую бригаду. Они тоже могли занять первую линию, но здесь окопы меньше пострадали от огня с моря и победа далась лишь после жестокого штыкового боя и дорого обошлась как противнику, так и нам [2]).

На крайнем левом фланге всего расположения обстановка сложилась хуже. Этот участок фронта не мог обстреливаться с моря и все проволочные заграждения остались нетронутыми. Несмотря на исключительное доблестное поведение гурков и других индийских частей, они не смогли продвинуться ни на шаг.

Однако, в общем, положение сулило успех. Манчестерцы залегли на склонах Ачи-Баба. Между ними и желанной возвышенностью не стояло никаких препятствий, солдаты только ждали приказания ринуться вперед. Но, увы, оно так и не последовало. Правый фланг союзников оказался в западне. Французы попали на фугасы и были буквально выброшены из долины Керевец, отступив под натиском подавляющей контр-атаки турок на свои первоначальные позиции. Правый фланг морской дивизии оказался обнаженным. Дивизия попала под жестокий анфиладный огонь и также вынуждены были отойти. Манчестерцы остались висеть в воздухе. Однако, они держались еще несколько

---

[1]) Бригада морской пехоты и 1 бригада морской дивизии, за исключением батальона „Drake", состояла в резерве.

[2]) В этот день ген. Вестон получил в командование VIII армейский корпус и сдал командование дивизией генерал-майору Де-Лизль.

часов, пока делались попытки восстановить положение. Но французы понесли столь тяжелые потери, что не могли возобновить наступления, а XXIX дивизия не имела возможности двигаться дальше, пока ее приморский фланг оставался прикованным к месту. Не оставалось другого выхода, как приказать манчестерцам отступить. Отступление состоялось с заходом солнца и стоило не малых потерь. Блестяще начавшийся день, суливший крупные перспективы и захват столь нужной позиции, которая казалось вот-вот перейдет в наши руки, закончился лишь овладением нескольких передовых окопов в центре неприятельского фронта. Геройские усилия войск и тяжелые потери убитыми не оправдывали ничтожного успеха [1]). Наши войска и войска неприятеля, измученные боем и страшной жарой, задыхаясь в пыли, подымаемой сильным ветром, совершенно выбились из сил. Второй акт трагедии закончился так же, как и первый — неудачей и разочарованием.

Но ни потери, ни тяжести неудачи—не вызывали мысли об отступлении и в этом отношении мы отличались от противника. Турецкие солдаты пали духом, батальоны и роты перепутались, людей приходилось чуть ли не загонять в окопы. Как в настоящее время точно известно, демонализация была настолько велика, что начальник штаба турецкого главнокомандующего настаивал на оставлении укреплений впереди Критии и отхода на позиции Ачи-Баба и Килид-Бахра.

ГЛАВА III.

Западный фронт и Дарданеллы. Обстановка в июне и июле в Отечественных водах, в Белом море и в Балтике. Уничтожение «Кенигсберга».

С неудачной попыткой захватить ключи от Дарданелл наличными силами экспедиционного отряда общая военная обстановка окуталась мраком. Смелый план — вырвать Турцию из германской коалиции, так называемым, „coup de main", т.-е. одним стремительным ударом, рухнул и вместе с ним рухнула надежда привести войну к быстрому окончанию.

Эта надежда всецело зависела от возможности повести на центральные державы концентрированное наступление в подавляющих силах, при чем Турция представляла собою единственное препятствие на пути ее осуществления. С выходом из войны Оттоманской империи, освобождалась боль-

[1]) Одни только морские бригады потеряли 1 170 чел. Убитых насчитывалось 170 человек, раненых 632, пропавших без вести 368 человек.

шая часть наших войск в Индии и Египте, открывались внешние коммуникационные линии России, а намерения Балканских государств переставали вызывать сомнение. Центральные державы оказались бы окончательно изолированными, имея лишь небольшую лазейку поперек Балтийского моря. Масса брошенных против них войск представила бы собою непреодолимую стихийную силу.

Немного найдется в настоящее время людей, которые рискнут оспаривать, что именно на этой узкой полоске земли, где слабый отряд Гамильтона из последних сил удерживал линию окопов, тянувшихся перед Критией и Ачи-Баба, решалась участь войны. В Дарданеллах образовались новые Фермопилы и там решалась судьба борьбы между англо-саксонской и латинской цивилизациями и цивилизацией германской. Нигде как в Дарданеллах можно было слабыми силами достигнуть крупных результатов, только там небольшое удачное наступление сулило великие возможности и только там дальнейшее кровопролитие давало надежду на всеобщий мир.

Удар был намечен правильно, но нанесен нерешительно, неэнергично и без должной веры в успех. И если по началу посылка экспедиции рассматривалась как слепое разбрасывание сил, то теперь значение предпринятой операции начало сознаваться яснее.

Россия из-за недостатка снарядов и снабжения не могла восстановить боевую способность своих армий и была почти парализована; Австрии, освобожденной на востоке от русской угрозы, ничто не мешало возобновить наступление на Сербию, а Болгария, побуждаемая Германией, только ждала случая присоединиться к одерживающей верх стороне. При таком положении дел не представляло труда сказать, где лежит ключ к решению задачи. Не могло быть и речи о допустимости неудачи. Когда успех был столь близок, когда небольшое усилие обещало многое, нельзя было бросать наполовину конченное дело.

Однако, решение энергично продолжать предпринятую операцию влекло за собою весьма сложные затруднения. Стоящая проблема остро ставила вопрос и об основных различиях между традиционными формами британской военной доктрины и военной доктрины Наполеона, принятой всеми континентальными государствами за незыблемый догмат. Наш метод всегда заключался в наступательных действиях против слабых неприятельских пунктов. Континентальная доктрина учила другому — наносить удары в местах главнейшего сосредоточения неприятельских войск, где решительная победа связывалась с уничтожением вооруженных сил врага и, следовательно, обеспечивала скорейшее окончание войны. В общем континентальный метод

как более быстрый и решительный, был бы лучше, но требовал соответствующего перевеса в силах. И если мы его не придерживались в великих войнах прошлого, даже и тогда, когда инициатива находилась в наших руках, то лишь потому, что незначительность нашей армии никогда нам не давала этого перевеса.

По мнению лорда Китченера и членов британского Кабинета, ответственных за ведение войны, союзники долгое время не могли рассчитывать на образование в главном театре необходимого перевеса в силах. Очевидным и логическим последствием такого взгляда явилось бы решение отложить попытки наступление на главном театре и обратить энергию союзников на накапливание всеми доступными средствами нужного избытка сил. При подобной точке зрения Дарданеллы являли собой идеальный объект. Севастопольская кампания и война на испанском полуострове достаточно ясно говорили в пользу нашей доктрины, но ни та, ни другая не подходили столь определенно к ее требованиям как Дарданеллы. Подсказываемое инстинктом желание довести до конца приостановленное предприятие было очень велико. Не вызвало сомнений, что оно было осуществимо, если бы только мы смогли собрать всех людей, орудия и снаряды, нужные для удержания фронта во Франции и Фландрии и послать все те силы флота, которые не требуются в Отечественных водах для схватки с Флотом Открытого моря на случай проявления им активности.

Для тех, кому освященные вековым опытом традиции продолжали служить путеводной звездой, дело было ясно как день, но прошло столетие со дня последней большой войны и в глазах людей, неверно уяснивших себе континентальную доктрину, звезда эта померкла. Доктрина Наполеона незаметно получили сомнительную окраску и стала пониматься слишком широко. Ей придали характер первенствующей задачи и присвоили требование сосредоточения на главном, или как обычно его называют, *решающем* театре, всех наличных сил, не считаясь с их численностью, т.-е. другими словами, не думая о том, могут ли эти силы составить необходимый перевес. Конечно, подобное понимание вылилось, так сказать, *non sequitor*, т.-е. приняло ошибочную форму не потому, что доктрина была неверна в своей основе. Хотя сложное ее понимание широко распространялось среди военно-сухопутных кругов, общественное мнение — во всяком случае в Англии — к нему относились скептически. Но при создавшихся обстоятельствах побороть взгляд военных авторитетов было трудно. Французы находились накануне новой крупной наступательной операции, которая более чем когда либо вызывала серьезные опасения с нашей стороны. Неудача английских весенних

наступательных действий была очевидна. Бои еще только замирали и британский кабинет не мог не придти к твердому убеждению в безнадежности попыток „прорыва германского фронта“. С другой стороны, приходилось учитывать предстоящее вступление в войну Италии, а также и то обстоятельство, что с падением Перемышля, могущего дать толчек для германского выступления на востоке, для западного фронта назревал момент для нанесения Германии сокрушительного удара с целью ослабить нажим на Россию. Сторонники противоположной школы смотрели на новую наступательную политику Германии иначе. Для них переход немцев в наступление на восточном фронте служил определенным доказательством необходимости перейти на главном театре к обороне и сосредоточить все наступательные средства в пункте столь важном для восстановления боевой мощи России.

Однако, настаивать на подобной точке зрения не приходилось. Считая политику французского правительства не правильной и торопливой, наш кабинет тем не менее сознавал, что иная политика будет отвергнута пылким и нетерпеливым народом, чьи самые богатые провинции попирались вековым врагом. Кабинет понимал, что единственный путь к уменьшению нежелательных и вредных трений заключается в поддержке подготовляемого наступления по мере наших сил и возможностей. Поэтому нельзя было думать об исключительно оборонительном образе действий.

Решить же вопрос, насколько количество английских войск во Франции соответствовало необходимому минимуму, представляло очень трудную задачу. Решать его надо было на театре борьбы и притом людям, естественно не склонным преуменьшать опасность.

Таковой в общих чертах вырисовывалась обстановка к 7 июня, когда впервые после образования коалиционного министерства вновь собрался Военный Совет. За этот срок пропало не мало драгоценного времени. Из двух дивизий, просимых Гамильтоном, отправилась только LII Лоуландская территориальная. К 30 мая были готовы транспорты для 2-ой дивизии, но в хаосе министерского кризиса транспорты разошлись по другим назначениям и дивизия осталась в Англии. Таким образом, Гамильтон получил лишь половину того, что просил, т.-е. того минимума, на который он соглашался на случай, если к нему присоединятся еще какие либо части союзников, или в войну с Турцией вступит одно из нейтральных государств. Если же на подобную помощь он не мог рассчитывать, то он настаивал на присылке двух армейских корпусов. Эти требования были посланы до последнего неудачного наступления 4 июня,

теперь же после понесенных тяжелых потерь обстановка в Дарданеллах значительно ухудшилась. Первейшей обязанностью Военного Совета было найти выход из тяжелого положения. Вынесенное решение сводилось к следующему: действовать, руководствуясь нашей освященной веками системой, не отступая от нее насколько возможно, но не вызывая открытого конфликта с общественным мнением Франции. Операции в Дарданеллах продолжать, и новые формирования в первую очередь предоставить генералу Гамильтону. Из состава „новой армии" одна дивизия уже находилась во Франции, остальные три должны были отправиться в Дарданеллы с расчетом прибыть туда ко времени намеченного наступления на турецкие позиции, т.-е. между 7—15 июля. Отозвание *Queen Elisabeth* оставалось в силе, но ее место заменяли мониторы из числа тех, которые лорд Фишер готовил для военных действий на побережьи Германии. Кроме того, посылались два старых крейсера из состава 10 эскадры—*Endymion* и *Theseus*, снабженные противуминными утолщениями, шесть подводных лодок и четыре новых канонерки [1]). Решение совета не соответствовало принятой военной политике и согласно конституционных обычаев было представлено на усмотрение кабинета, который через два дня его утвердил [2]).

Открытым оставался вопрос о резервах. Неудачу своего первого наступления Гамильтон объяснял именно отсутствием резервов. Это упущение заставило отдать распоряжение о подготовке к отправке на Мальту и в Александрию двух первоочередных территориальных дивизий, все еще остававшихся в Англии. По мере готовности „новой армии" нервность, вызванная призраком вторжения, начинала утихать. Отправка двух дивизий более не встречала возражений и было решено послать их как можно скорее. Но увы, между отдачей приказания и моментом его выполнения оказалась „дистанция огромного размера". А срочность посылки стояла на первом плане. Нанести туркам готовящийся удар необходимо было раньше, чем они успеют оправиться и укрепить галлипольские позиции, а главное, пока дальнейшие успехи центральных держав на восточном фронте не втянут Болгарию в орбиту их влияния и не откроют дорогу из Берлина в Константинополь.

---

[1]) В готовности находилось около 15 мониторов. 4 из них имели по два 14″ орудия в одной башне; 6 были вооружены 9,2″ орудиями, 5 получили 6″ орудия, снятые с кораблей типа „Queen Elisabeth", на которых нижнюю батарею заливало волной. Остальные мониторы были почти закончены постройкой. Из этой серии два вооружались 15″ новыми орудиями, а на восьми, наиболее крупных, устанавливалось по одной 12″ башни с четырех старых кораблей типа *Majestic*.

[2]) Отчет Дарданелльской Комиссии, стр. 23—26.

Положение же с транспортными средствами принимало весьма острые формы. Война начинала серьезно сказываться на торговом флоте и тоннажа не хватало. Плавание в Дарданеллы занимало много времени, транспорты там всегда задерживались и не успевали возвратиться к сроку для следующего рейса. Помимо этого угроза подводных лодок требовала конвоя, и транспорты могли выходить только тогда, когда можно было получить для их охраны все те же перегруженные работой миноносцы.

Предоставить миноносцы всецело для конвоирования транспортов не представлялось возможным из-за постоянной необходимости охранять торговое мореплавание; сплошь и рядом приходилось отменять отданные распоряжения о назначении тех или иных миноносцев для конвоирования войсковых транспортов, вследствие частых сигналов о помощи коммерческих судов, атакованных подводными лодками. Вполне понятно, что на флоте стремление к активным действиям против германских лодок и желание воспользоваться случаем уничтожить подводного противника всегда брало верх над соображениями пассивной обороны. С получением сигнала о появлении лодки, миноносцы немедленно бросались в указанный район, в результате чего уход транспортов задерживался. Все увеличивающееся число таких сигналов определенно указывало на намерение противника всемерно использовать новое оружие. Несмотря на протест Америки после потопления *Lusitania*, никаких признаков ослабления подводной деятельности Германии не наблюдалось. Донесения о появлении немецких лодок поступали со всего нашего побережья, в среднем не менее семи в сутки, и казалось, что ноты Вашингтонского Кабинета не произвели ожидаемого впечатления.

Но фактически дело обстояло иначе; мы не знали, что в Германии уже шел жаркий спор о методах подводной войны. Гражданские члены германского правительства с самого начала не соглашались с допустимостью применения подводных лодок против торговли, считая, что подобный образ действий неминуемо приведет Америку в ряды врагов. Такое же убеждение, царившее в Англии, в значительной степени повлияло на нашу отсталость в деле подготовки средств для борьбы с новыми формами нападения на торговлю. До войны мы никак не могли представить себе ту удивительную черту немецкого характера, как называет ее Тирпиц — „способность непреодолимого самообольщения“,—которая привела их к мысли о возможности безнаказанно уничтожать трансатлантические пассажирские и грузовые пароходы и одновременно то пытаться пугать Америку, то искать ее дружбы.

Указанное выше расхождение во взглядах между канцлером и руководителями морского и сухопутного генеральных штабов определенно подчеркивалось в ноте американского правительства. Это расхождение не могло не существовать в такой стране, как Германия, где на военных и морских авторитетов смотрели как на высших экспертов в вопросах военной политики, хотя на самом деле им следовало быть лишь экспертами в вопросах оперативных. Они не обладали познаниями необходимыми для решения вопросов внешних сношений и экономики. В этих областях экспертами являлись гражданские государственные деятели. Вполне естественно, что канцлер не мог принять на себя ответственность за последствия, могущие произойти при условии, что военное и морское командования будут продолжать делать то, что считалось им величайшей ошибкой. Поэтому он горячо настаивал на серьезных ограничениях подводной войны. Руководители флота не менее горячо протестовали против требований канцлера и возникшее разногласие было представлено на усмотрение императора. На последовавшем совещании сухопутное командование поддержало канцлера, император же стал на точку зрения моряков и заявил, что если канцлер не берет на себя ответственность за последствия от прекращения подводной кампании вовсе, то существующие правила подводных операций остаются в силе.

Глава германского кабинета не был подготовлен к тому, чтобы пойти на поставленное условие, и в результате совещание привело к подтверждению прежних инструкций, согласно которых командирам подводных лодок вменялось в обязанность щадить нейтральные суда, но топить все без исключения английские [1]).

Само собой разумеется, что в то время эти решения оставались для нас тайной. Но было совершенно очевидным, что активность неприятельских лодок в Отечественных водах все увеличивается. В районе Гранд-Флита она проявлялась главным образом в нападениях на рыбачьи траулеры. В течение мая они приняли угрожающие размеры и вызвали применение особых мер. Первой из них явилась посылка специальных траулеров, из которых один был оборудован под ловушку. В июле хозяйничание лодок достигло своего апогея, но затем ему был положен некоторый предел. 5 июня траулер *Oceanic 11*, состоявший при своей группе в качестве ловушки, заметил у Peterhead лодку и немедленно ее атаковал. Остальные траулеры бросились к нему на помощь. Вооруженный траулер *Hawk* удачным выстрелом повредил лодку, а затем таранил ее и утопил. Шесть офицеров и

[1]) Тирпиц „Мои мемуары", т. II, стр. 406.

двадцать пять матросов удалось спасти. Лодка оказалась *U-14*, уничтожившая перед тем два нейтральных парохода. Командир *U-14* отказался покинуть свое судно и погиб. В тот же день вооруженный трауллер *Ina Williams* атаковал лодку у юго-западного побережия Ирландии и после пятнадцатиминутной перестрелки нанес лодке такие повреждения что она скрылась. Лодку считали погибшей, но ей, повидимому, все-таки удалось добраться до Германии.

Две недели спустя произошел случай более крупного масштаба. 19 июня 3-ья крейсерская эскадра, совместно с *Nottingham*'ом и *Birmingham*'ом, выйдя из Розайта, производила очередной поиск в Северном море. В охране шли лишь четыре миноносца, но большего количества неоткуда было взять, и *Birmingham* подвергся подводной атаке, к счастью, неудачной. На следующий день атаке подверглись *Roxburgh*, *Argyll* и *Nottingham*. Два последних крейсера избежали попаданий, но в *Roxburgh* торпеда попала, причинив, однако, столь незначительные повреждения, что он под своими машинами дошел в Розайт.

Повидимому, в этот период времени здесь оперировали четыре подводных лодки, имея задачу действовать, главным образом, против Гранд-Флита. Держались они на линии, проходившей восточнее Ферт-оф-Форт.[1]). В этой группе находилась *U-38*, повредившая *Roxburgh*, и *U-40*, новая большая лодка, впервые вышедшая в поход 18 июня.

Ее присутствие удалось установить благодаря новому незамысловатому способу борьбы с лодками, применявшемуся в течение истекшего месяца для защиты рыбаков от подводных нападений немцев. Способ этот сводился к следующему. Подводная лодка из числа устаревших, которые состояли в отрядах прибрежной обороны, бралась на буксир вооруженным трауллером; этот трауллер буксировал погрузившуюся лодку, оставаясь в качестве приманки. Впервые новый способ был осуществлен трауллером *Taranaki*, который в течение месяца крейсеровал с подводными лодками *C-26* и *C-27*. 8 июня только слепой случай помешал *C-27* уничтожить одну из немецких „U".

В полночь 23 июня *Taranaki* совместно *C-24* вышел из Абердина в новое крейсерство. В 9 ч. 30 м. утра с траулера заметили лодку *U-40*—ту самую, которая неудачно атаковала *Argyll*'я. Было видно, что *U-40* готова для погружения. Командир трауллера немедленно передал на *C-24* приказание отдавать буксир для атаки, но перлинь где-то заело и он не отдавался. *U-40* подняла сигнал с приказанием остановиться. Останавливаться раньше, чем *C-24* не справится с буксиром и не отойдет, нельзя было, и трауллер

[1]) Гайер, том II, стр. 32.

продолжал двигаться вперед, не возбуждая подозрений немцев, т. к. на нем не замечалось никаких признаков особенной суматохи. Через десять минут, видя, что *C-24* не удается отдать перлинь, командир *Taranaki* приказал отдать конец перлиня, закрепленный на трауллере и вместе с ним и телефонный провод. Однако, *C-24* все еще оставалась в очень трудном положении. Сто сажень $3^1/_2''$ стального перлиня и столько же телефонного провода висело у нее на носу, заставив погрузиться до 38 фут. Тем не менее, командир *C-24* сумел удифферентовать лодку и не всплывая, выйти на позицию, хотя тащил за собой тяжелый стальной трос и телефонный провод, который уже начинал наматываться на винты. На *Taranaki* тем временем разыгрывалась сцена обычная при встрече рыбаков с немецкими подводными лодками. Экипаж трауллера бросился на шлюпки и поднял такую панику, что отвлек все внимание немцев, не заметивших показавшегося из воды перископа *C-24*.

С $2^1/_2$ каб. *C-24* выпустила торпеду. Поднялось облако дыму и пламени и *U-40* скрылась под водою почти со всей командой. Спасти удалось только двух офицеров и двух матросов, находившихся в момент взрыва на верхней палубе.

Пленные дали очень ценные показания. Выяснилось, что немцы весьма встревожены непрекращающимися случаями гибели своих подводных лодок и что число не вернувшихся лодок достигает восемнадцати [1]). Поэтому было решено развить новый метод борьбы и применять его и в других районах, тем более, что надобность в подобной мере достаточно громко говорила сама за себя.

В течение двух дней — 23 и 24 июня — немецкая лодка в пятидесяти милях на восток от Шетландских островов, утопила не менее шестнадцати рыбачьих дрифтеров [2]).

В этот период потери среди рыбаков, несмотря на все предосторожности, начинали принимать угрожающие размеры. В середине июня был сформирован особый дозорный отряд для охраны рыбаков Доггер-банки, но разбой продолжался по прежнему. За месяц погибло не менее 60 английских рыболовных судов — количество громадное, считаясь с непрекращающимися крупными требованиями на траулеры и дрифтеры для военных надобностей.

---

[1]) Тирпиц в своих мемуарах пишет, что 2 апреля 1915 г., после потери нескольких лодок, попавших в наши западни, был издан приказ, которым командирам „U“ предписывалось в первую очередь руководствоваться соображениями безопасности самой лодки и разрешалось не подыматься перед атакой на поверхность для предупредительного сигнала.

[2]) Гайер (т. II, стр. 32) пишет, что в указанный период против английских рыбаков действовали *U-19* и *U-25*. Обе эти лодки насчитывали около 27 жертв, но затем *U-25*, во время атаки в погруженном состоянии, подверглась таранному удару одного из дрифтеров, вынудившему ее прекратить крейсерство и возвратиться в Германию.

Новый метод, однако, вскоре принес свежие плоды. 18 июля из Скапа вышел в море еще один трауллер *Princess Louise*, оборудованный так же, как и *Taranaki*; на буксире у него шла та самая лодка *C-27* (кап.-лейт. Добсон [1]), которой не посчастливилось 8 июня. 20 июля, находясь у восточного прохода островов Fair, *Princess Louise* встретилась с *U-23*, четыре дня тому назад покинувшей берега Германии. Пока *C-27* отдавала буксир и выходила на позицию, команда траулера разыгрывала обычную комедию.

Первая выпущенная торпеда прошла мимо; противник заметил ее след, но вторая попала позади боевой рубки. Когда дым и облако водяной пыли рассеялись, на поверхности плавали лишь десять человек. Вся оставшаяся команда погибла вместе с лодкой.

U-23 в момент встречи с *Princess Louise* направлялась к западному побережью Шотландии, где противник теперь постоянно держал не менее одной лодки. Нам казалось, что лодок было больше, так как только в течение июня дозорные суда из Storonway сталкивались с ними шесть раз. Появление здесь подводного противника ложилось новым бременем на главнокомандующего, так как в этих водах проходила одна из главных линий сообщений с Архангельском. Значение пути в Архангельск быстро возрастало. Пока Дарданеллы оставались закрытыми, Архангельск представлял собою единственный порт, через который могли поступать столь необходимые для русской армии предметы боевого снабжения.

Уже 5 февраля *Jupiter*, исполнявший обязанности брандвахтенного суда в Тайне, был послан туда с целью проложить проход во льду. Ледоколы из-за повреждений не могли идти и старый линейный корабль установил рекорд, будучи первым судном, который когда либо достигал Архангельска в феврале. *Jupiter* оставался там до первых чисел мая, пока не прибыл ледокол.

Из Петрограда сообщали, что навигация откроется через десять дней; не менее тридцати нагруженных пароходов ждали приказания следовать в Архангельск и русское правительство начинало высказывать опасения, как бы активность немцев в отношении минных заграждений не распространилась и на Белое море. Требовалось установление дозорной службы для недопущения постановки мин с судов под нейтральным флагом и, как обычно, взоры обратились на нас. Хотя Россия имела в Белом море совершенно достаточное количество подходящих судов [2]), она, повидимому,

[1]) Кап.-лейт. Добсон отличился еще раз, командуя катерами, которые ворвались 18 августа 1919 г. в Кронштадте.

[2]) Посыльное судно *Бакан*, вооруженная яхта *Вера*, три вспомогательных крейсера, четыре невооруженных мелких судна и тральщика.

не могла сама себе помочь и рассчитывала на содействие британского флота. Требовалось, чтобы наш флот выделил отряд, базирующийся на Александровск, пограничный с Норвегией порт, для несения дозорной службы на линии Александровск — Норд-Кап. [1])

Все говорило за вероятность попыток немцев нарушить торговое движение на новом важном пути и, несмотря на все новые и новые неотложные требования из других мест, нам не оставалось иного выхода, как взять в свои руки и этот театр. Свободных миноносцев, конечно, не имелось и в Ловестофте была сформирована под командованием кап.-лейт. Берне специально для Белого моря особая группа из шести тральщиков, вооруженных 12-фунтовыми орудиями. Необходимость подобной меры дала себе знать еще до выхода их в море. 10 июня в Белом море взорвался на мине английский пароход, а 24 июня через два дня после ухода тральщиков, той же участи подвергся еще один [2]). Все же русские продолжали оставаться беспомощными. Они не сумели проявить энергии, необходимой для организации дозорной службы, и даже не поддавались убеждениям установить нужные для траления буи. С наступлением июля, активность немецких лодок на севере увеличилась, и просьбы о помощи усилились. Русские власти телеграфировали, что

---

[1]) Упоминая о тридцати судах с грузами для России, дожидавшихся в английских портах открытия навигации в Белом море, Корбетт упускает сказать, что основной задачей этих судов являлся вывоз громадных количеств леса, хлеба, льна и другого сырья, выкачивавшихся из России взамен уступаемого ей боевого снабжения.

Заинтересованность Англии в получении этого сырья и стремление Германии помешать этому операциями подводных лодок в северных водах требовали организации здесь охраны путей, тральных работ, дозорной службы и пр. Никаких подходящих, а тем более военных, судов в Белом море у России не было и потому она требовала о выделении сюда Англией специальных сил (тральщиков, дозорных и охранных судов).

В первую очередь англичанами был прислан небольшой отряд тральщиков, работавших в Горле Белого моря. Позже для усиления средств охраны Адмиралтейство стало выделять другие суда.

Что касается «Jupiter'a», то его «рекорд» заключался в том, что, застряв в Горле и получив повреждения подводной части, он с трудом избег опасности и был уведен в Александровск (на Мурмане), так и не добравшись до Архангельска.

Позже, когда германские подводные лодки развили энергичную борьбу в Северном океане и стали топить значительное число пароходов, поддерживавших грузовые операции между Англией и Россией, русское правительство перевело сюда из Тихого океана несколько миноносцев и старый линкор *Чесма* (купленный у Японии—б. *Полтава* из числа русских кораблей, затопленных в Порт-Артуре в 1905 г.). *Ред.*

[2]) Минное заграждение было поставлено германским заградителем *Метеор* на северных подходах к Белому морю одновременно с открытием навигации.

в случае невозможности выделить боевые суда, Россия будет приветствовать присылку одного, двух вспомогательных крейсеров, или других подобных судов второстепенного значения для установления противоподводного дозора. Мы же считали, что подобная мера была бы бесцельной даже и при наличии просимых средств, почему кап.-лейт. Берне получил приказание выяснить, нельзя ли все-таки постараться сформировать дозорный отряд из местных судов. Но ввиду сильных подозрений, вызываемых сообщениями из русских источников, о весьма вероятном устройстве немцами базы для подводных лодок на крайнем севере, Джеллико счел необходимым отправить небольшой отряд осмотреть Шпицберген и остров Медвежий, купленный перед войной одним немецким подданным, что усиливало подозрения. Отряд составляли вспомогательный крейсер *Columbella* (10-ой крейсерской эскадры), два вооруженных тральщика и канонерка *Acacia*—новый тип судов, из которых четыре только что вошли в состав Гранд-Флита. Ничего обнаружено не было, но местные каботажные шкипера утверждали, что постановка мин с судов под норвежским флагом действительно имеет место. Доказательств же о появлении германских подводных лодок не имелось. Часть пути в Архангельск до известной степени находилась под охраной 10-ой крейсерской эскадры, входившей в состав Северного Патруля и продолжавшей, не без успеха, нести свою дозорную службу. В течение июня эскадра остановила не менее 290 судов, из которых 61 было приведено в английские порты для осмотра. В среднем за июль, август и сентябрь ежемесячно подвергалось осмотру свыше 250 судов. Таким образом, блокада была вполне действительной, немецкие лодки противодействовали ей мало. Крейсера эскадры редко подвергались нападениям, большей частью—на пути в порт для угольной погрузки или при возвращении обратно. Когда же в начале июля для них устроили угольную базу в Swarbacks Minn на Шетландских островах, то опасность подводных атак свелась к минимуму.

Наибольшему риску крейсера подвергались в той части побережья Шетландских островов, где проявляли свою активность лодки, следовавшие в северном направлении. Обычно, дозорные отряды приносили здесь мало пользы и под влиянием этого появилась идея испробовать еще один способ борьбы. Новая идея опять-таки сводилась к устройству ловушки, но несколько иного вида. Впоследствии ловушки получили название «Q»-ships («суда кью») и под этим наименованием вошли в историю. Уже с начала войны существовала мысль использовать в качестве приманки мелкие коммерческие суда, вооруженные замаскированной артиллерией, в расчете на то, что неприятель не станет тратить

торпед ради столь ничтожной добычи. К помощи таких „волков в овечьей шкуре“ на войне прибегали с незапамятных времен и претендовать в наши дни на авторство в этом деле вряд ли кто имеет право. Первым „Q“, приступившим к работе, можно все-таки считать нашу *Victoria*, которая уже в конце ноября 1914 года начала операции в Канале. В декабре французы оборудовали под ловушку небольшой угольщик *Marguerite*, но ни то, ни другое судно не имели успеха и просуществовали недолго [1]).

Второе “Q“—*Antverp* вышло в крейсерство в январе, но тоже не имело успеха. Последующие суда этого класса, и в том числе хорошо известный *Baralong*, приступили к работе весной. Все они оперировали в Канале и на южных к нему подходах.

Одновременно начальник района Оркнейских и Шетландских островов адм. Кольвиль получил приказание оборудовать ловушку для действий на севере, приспособив для цели небольшой эскадренный угольщик *Prince Charles*, стоявший в Скапа-Флоу. Угольщика вооружили двумя 6-фунтовыми и двумя 3-фунтовыми искусно укрытыми орудиями, назначив на нее команду из волонтеров с „кущов“. Прислугой к орудиям пошли также волонтеры—комендоры с портовых судов. Командиром был назначен один из офицеров штаба адм. Кольвиля—лейт. Марк-Уардлоу, которому предписывалось крейсеровать к востоку и к западу от Оркнейских и Шетландских островов на пути торговых судов, идущих в Архангельск, действуя исключительно в роли ловушки. При встрече с немецкой лодкой надлежало сначала всячески стараться уйти, а затем, если лодка подходила близко и начинала стрелять, то стопорить машину и сажать всю команду на шлюпки, оставляя на судне лишь одного механика и артиллерийскую прислугу. В Розайте тоже приготовили «*Q*», но несколько иного образца. Кап. I р. Стартин получил приказание оборудовать под ловушку не специальное судно, а один из рядовых траулеров для операций между Абердином и островами Ноу. Выбор оставался на траулере *Quickly*, который был замаскирован под норвежского кущца, имеющего палубный груз. Артиллерию его, кроме обычной 6-фунтовки, составляло одно тщательно замаскированное 12-фунтовое орудие. В полночь 19 июня *Quickly* вышел в море и на следующее утро встретился с германской лодкой, шедшей в надводном

---

[1]) Vedel. *Quatre Années de la Guerre Sous-Marine* стр. 178. Кап. I р. Ведель считал первым «Q»—*Marguerite* и что мы у него заимствовали идею подобных судов. Но это не верно, т. к. *Victoria* несомненно была готова еще в ноябре. Идея же появилась у многих лиц из состава флота под влиянием циркулярного предложения Адмиралтейства высказаться о мерах, желательных для борьбы с подводной опасностью.

положении. После получасового раздумья лодка открыла огонь, на который трауллер сейчас же начал отвечать, предварительно спустив норвежский флаг и заменив его военным английским. Подоспевший на помощь трауллер *Gunner* присоединился к *Quickly* и лодка скрылась под водой. Считалось, что она уничтожена, хотя точных сведений, подтверждавших ее гибель, не поступило.

На следующий день (21 июля) вышел попытать счастье на *Prince Charles* лейт. Марк-Уардлоу. Огибая Шетландские острова, он не встретил никого, но вечером 24 июля, находясь вблизи острова North Rona (в ста милях к западу от Скапа), усмотрел трехмачтовый пароход, остановленный державшейся невдалеке подводной лодкой. *Prince Charles* не изменил курса и продолжал подвигаться в западном направлении. Комендоры стояли у скрытых орудий, остальная команда была вызвана наверх и приготовляла к спуску шлюпки. Немецкая лодка повернула и, оставаясь в подводном положении, быстро пошла к нашей ловушке. Не доходя миль трех, лодка сделала выстрел. Лейт. Уардлоу застопорил машину и приказал спускать шлюпки. Выстрелив затем еще раз, лодка, сблизившись до 3-х каб., начала разворачиваться бортом к *Prince Charles* и возобновила стрельбу. Потеряв надежду, что противник подойдет ближе, Уардлоу приказал открыть огонь. Немецкие комендоры бросились в боевую рубку и лодка быстро начала погружаться, но было поздно. Снаряд попал позади рубки и лодка, нырнув в воду, сейчас же снова выскочила на поверхность с высоко поднятым носом. *Prince Charles*, сблизившись на $1^1/_2$ каб., открыл беглый огонь. Команда лодки карабкалась по рубке, нос лодки поднимался все выше и выше; затем она быстро пошла на дно [1]).

Остановленный пароход оказался датчанином и ему после осмотра было разрешено следовать по назначению. Погибшая „U“—*U-36*, лодка новейшей постройки, крейсеровала в течение июня на линии Ферт-оф-Форт—Ютландия. Теперь же, обогнув с севера Оркнейские острова, уже около недели держалась к западу от них. В этом районе она утопила девять наших рыболовных траулеров, три парохода (русский, французский и норвежский) и одного норвежского парусника. Кроме того она неудачно атаковала вспомогательный крейсер *Columbella*. Утром в день своей гибели *U-36* захватила американский парусник, идущий с грузом хлопка в Архангельск. До встречи с лодкой, парусник был остановлен вспомогательным крейсером *Victorian*, но так как судовые бумаги парусника не внушали доверия, то ему было приказано следовать в Лервик для тщательного осмотра и

[1]) Спасти удалось 4 офицеров и 11 матросов.

посажено несколько человек вооруженных матросов. Командир *U-36*, вопреки обычной практике, решил захватить ценный груз и, не подозревая о присутствии спрятавшихся на нем английских матросов, послал на американца своего унтер-офицера с приказанием вести приз в Куксгафен. На несчастье, *U-36* конвоировала парусника до встречи с лодкой, возвращавшейся в Германию, и наши люди не могли оказать никакого сопротивления. Парусник в полной сохранности пришел в Куксгафен, где матросы с *Victorian*, запертые шкипером в трюме, сдались немецким властям в плен [1]).

Уничтожение *U-36* не „очистило атмосферы" в этом районе. Здесь, повидимому, оперировала вторая лодка, судя по тому, что 25 июня были потоплены еще четыре рыболовных судна и два парохода, возвращавшихся из Архангельска. Все же успех, достигнутый *Prince Charles*'ом, достаточно ярко говорил в пользу применения новых ловушек и в скором времени в Скапа оборудовали еще четыре „Q" [2]).

Таким образом, нельзя сказать, чтобы неприятельским лодкам, оперировавшим на севере, была предоставлена полная свобода действий, но все же их деятельность составляла там не малую обузу, тяжесть которой усиливалась заградительными операциями противника. В минных постановках немцы проявляли большую активность. Особенное внимание привлекала деятельность судна, носившего название *Метеор*. Имелись сведения, что *Метеор* уже неоднократно выходил в заградительные операции, и хотя было сделано несколько попыток его перехватить, все они оканчивались неудачно. Поступали также сведения о том, что и другие немецкие суда удачно проскальзывали вдоль норвежского побережья, и одному из дозорных отрядов 10 крейсерской эскадры было поручено специальное наблюдение за этим районом. 23 июня вспомогательный крейсер *Teutonic* преследовал п/х *Консул Шлютте*, но пароход успел войти в норвежские воды. Опасность подводной атаки не позволила крейсеру остаться стеречь немецкий пароход и Джеллико просил прислать вооруженные трауллеры. На просьбу адмирала последовал отказ с предложением использовать вместо трауллеров новые четыре канонерки, назначенные в состав Гранд-Флита. Но главнокомандующий не мог согласиться с предложением Адмиралтейства. Эскадренные тральщики, состоявшие при главных силах, не обладали достаточным ходом и Джеллико считал необходимым беречь канонерки, в качестве тралящего каравана на случай какой

---

[1]) Парусник назывался *Pass of Balmaha*. Впоследствии он был переименован немцами в *Seeadler* и каперствовал в 1917 году в Атлантическом океане. См. «Морской Чорт» авторизованный перевод Б. Старко. Изд. Р. И. О. Морсил 1925 г.

[2]) *Vala, Duncombe, Peenhurt* и *Glen Isla*.—

либо крупной операции Гранд-Флита. В конце концов был послан вооруженный трауллер *Tenby Castle*.

Ему удалось один германский пароход утопить, а другой повредить, но оба эти случая произошли между островами Lofoten и норвежским материком, т. е. в водах, которые Норвегия считала территориальными. В результате они лишь послужили к обострению наших отношений с норвежским правительством, бывших до того времени превосходными. Однако, в июле в Kirkwall было послано еще шесть траулеров на усиление дозорного отряда, наблюдавшего за подозрительным районом.

Другой мерой для подавления активности, проявляемой неприятелем в этих водах, явился поиск в Скагеррак, произведенный значительными силами и продолжавшийся с 28 по 31 июля. Высланный отряд состоял из 2-ой эскадры линейных крейсеров, десяти легких крейсеров и четырнадцати миноносцев Гранд-Флита, а также четырех легких крейсеров с двенадцатью миноносцами коммодора Тирвита, отправленных из Гарвича. Общее командование отрядом было возложено на начальника 2-ой эскадры линейных крейсеров контр-адмирала Пакенгама, державшего флаг на *Australia*. Поиск был безрезультатен. Надежда захватить немецкие рыболовные отряды также не оправдалась. За все время похода встретился только один немецкий трауллер. Противник не сделал ничего, чтобы помешать операции и этим только подтвердил результаты предыдущего похода Тирвита к германским берегам. В первых числах июля отряд Тирвита в составе трех легких крейсеров и шестнадцати миноносцев подошел к устью Эмса, поддерживая налет гидроаэропланов. Налет имел очень незначительные последствия, но хотя Тирвит оставался у Боркума в течение двенадцати часов, немцы не проявили никаких признаков жизни.

В южной части Северного моря, охрана которой составляла предмет особого внимания, немцы проявляли очень большую активность, но иного характера. Здесь тяжесть борьбы ощущалась особенно сильно и опасность грозила не только с моря, но и с воздуха.

В течение первой половины июня неприятельские воздушные корабли произвели три налета в различных пунктах Англии, расположенных на пространстве между Нордкумберлэндом и Лондоном. Легкие крейсера Тирвита, снабженные гидросамолетами, постоянно выходили в море стеречь цеппелины, но не могли оказать серьезного сопротивления воздушному противнику.

Атака цеппелина гидросамолетом, равно как и стрельба по нему с судов, оказалась чрезвычайно трудной задачей. Единственный цеппелин, который удалось уничтожить, был *LZ-37*, сбитый 7 июня близ Гента нашим летчиком, опери-

ровавшим у Дюнкирхена. Высылка крейсеров против цеппелинов всегда сопровождалась не малым риском, т. к. Тирвит никогда не имел в своем распоряжении достаточного количества миноносцев для их охраны от подводных лодок. Большинство миноносцев было отозвано для конвойной службы на юго-западных подходах к Каналу, остающиеся же постоянно отвлекались подобного же рода обязанностями. Наши заградители ставили мины у берегов Германии против ее подводных лодок, тральщики работали к югу от Доггер-банки, из Портсмута отправлялся плавучий док в Тайн и все это требовало для охраны все тех же миноносцев.

В этом районе у устья Темзы и на подходах к Дуврскому проливу ежедневно появлялись немецкие „U“. В поисках лодок мы за июнь потеряли два эскадренных и два малых миноносца. Последнее обстоятельство вызывало большое беспокойство, т. к. до этого случая считалось, что мелко сидящие миноносцы неуязвимы для подводного врага.

Кроме того нескончаемым источником затруднений служили новые немецкие минные заграждения, в особенности выставляемые в районе плавучих маяков. С этого времени становилось очевидным, что противник начинает применять вновь разработанный план постановки мин с подводных лодок.

Немцы теперь фактически развертывали ту новую форму „партизанской“ войны, которой они с самого начала считали необходимым ограничить свои действия на море. Их новое оружие составляли лодки типа „UC“, специально спроектированные для заградительных операций. Первые лодки этого типа были оборудованы четырьмя колодцами, вмещавшими по три мины каждый, последующие же—шестью. Имея ограниченный район плавания, лодки предназначались исключительно для постановки и возобновления минных заграждений по близости от плавучих маяков южной части Северного моря, которые в интересах безопасности торгового мореплавания было признано необходимым оставить на своих местах. Впервые противник применил свой новый метод 2-го июня. 18 июня минные поля были обнаружены у Дувра и у плавучего маяка Sunk, близ Гарвича. 30 июня взорвался на мине у устья Темзы и погиб старый миноносец *Lightning*. Два дня спустя вышедший из Кале небольшой „купец“ п/х *Cottingham*, подходя к рейду Ярмута, случайно протаранил одну из новых немецких лодок—*UC-2* и пустил ее ко дну.

К концу июня деятельность подводных заградителей с каждым днем становилась все смелее и смелее. 13 июля появилось минное поле ниже сетевого заграждения Дуврского пролива—у Кале и донесения о непрекращающихся минных постановках по всему прибрежному фарватеру,

начиная от South Foreland и до Ловестофта, стали поступать систематически. С этого времени все тральные флотилии пришлось сосредоточить для протраливания свободного прохода от Донженеса до Ярмута и для очистки главных подходов к Темзе. При наличии тех средств, которыми располагали Дувр, Гарвич и Нор работа эта становилась иногда буквально непосильной.

На восточном побережьи противник действовал не менее энергично и недостаток в миноносцах ощущался там тоже очень сильно; но исключительно трудное положение в Северном море в районе Дувра заставляли сосредоточить главное внимание на юго-западных подходах к Англии. Главнокомандующий настаивал на скорейшем сформировании специальных минных флотилий для охоты за подводными лодками, не соглашаясь на другие меры. Адмиралтейство, отвечая адмиралу Джеллико, указывало на невозможность в данную минуту удовлетворить его требование и организовать ударные минные отряды вследствие постоянной необходимости конвоирования воинских транспортов. Тирвитту, который сплошь и рядом доносил, что он не имеет ни одного миноносца для охраны высылаемых в море крейсеров, Адмиралтейство могло лишь телеграфировать о неизбежности отозвания большинства его миноносцев на запад. Активность неприятельских лодок у входа в Английский Канал и на подходах к Бристольскому Каналу и Каналу Св. Георгия, равно как и все возрастающее значение транспортных путей, проходивших в этих водах, исключали всякую возможность ослабления охранной и конвойной службы. Здесь проходила „дорога“ в Средиземное море и „дорога“, по которой шли в Англию войска из Канады и текли продовольствие и боевое снабжение из Америки. Все это представляло заманчивый объект для германских подводных лодок и не могло быть сомнений, что они всемерно постараются использовать обстановку.

Читатель припомнит, как в конце мая правительственный кризис повлиял на отправку подкреплений в Средиземное море, когда из двух дивизий, на срочной присылке которых настаивал Гамильтон, отправилась только одна — LII Лоуландская территориальная дивизия. В этот критический период, со всего побережия Ирландии, с подходов к Бристольскому Каналу и с путей следования транспортов, ежедневно поступали донесения или об утопленных лодками судах, или о случаях подводных нападений. Новое неожиданное требование перевозочных средств сбивало расчеты транспортного департамента Адмиралтейства, а необеспеченность пути следования транспортов только усиливала его затруднения и в конце концов привело к тому, что требо-

вания сухопутные и морские оказались в прямом противоречии друг с другом.

Транспортный отдел фактически зашел в тупик в поисках необходимого тоннажа и жаловался на то, что транспорты, отправляемые в Дарданеллы, задерживаются там вследствие совершенно непредвиденных обстоятельств военно-сухопутного характера. Они не возвращались к намеченному сроку и не было никакой возможности раздобыть в Англии нужные пароходы, не насилуя и без того обескровленного торгового мореплавания. Свободными оставались лишь громадные почтово-пассажирские пароходы в роде *Mauretania*. *Mauretania* уже была использована под перевозку Лауландской дивизии, сделав переход на Мудрос в 9 дней. За ней пошли еще два таких же парохода, имея у себя по 3.000 человек каждый. При крайней необходимости на эти колоссы можно было посадить и больше солдат, но поднимался естественный вопрос, насколько целесообразно подобное сосредоточение такой массы людей на одном судне.

27 мая неприятельская лодка *U-34* была обнаружена между Сцилли и Ушаном—как раз на пути обычного следования транспортов, в течение трех последующих дней она утопила там шесть пароходов, в том числе и угольщика, зафрахтованного Адмиралтейством. Кроме того с появлением немецких лодок в Егейском море, конечный пункт назначения транспортов также становился небезопасным. Риск был очевиден, и Адмиралтейство, конечно, не могло взять на себя разрешения столь важного вопроса. Разрешить его могло только правительство. Выслушав все доводы за и против посылки войск на больших пассажирских пароходах и, принимая во внимание, что представители армии соглашались на перевозку войск на судах типа *Mauretania*, правительство решило использовать эти пароходы. Однако, оставался открытым трудный вопрос о портах посадки. Сухопутное командование настаивало на Авонмуте, как на наиболее для него удобном пункте в железнодорожном и других отношениях, но отправление транспорта из Авонмута влекло за собою гораздо большую работу для миноносцев, чем при отправлении из Девонпорта, чего желало Адмиралтейство. Из Девонпорта миноносцам приходилось конвоировать транспорты до безопасного района не более 100 миль, из Авонмута же не менее 250 миль, при чем здесь они не имели якорного места, на котором могли бы поджидать выхода транспортов из порта. Окончательное решение состоялось в пользу выбора Адмиралтейства и из трех дивизий „новой армии“, готовых к отправке в Средиземное море, только XIII дивизия, для погрузки которой все было готово в Авонмуте, отправилась оттуда. Остальные

дивизии вышли из Девонпорта и Ливерпуля. В последнем грузились войска, назначенные на лайнеры [1]).

Работа Адмиралтейства и его транспортного отдела, а также сухопутного штаба, связанная со всеми заботами и затруднениями, вытекающими из необходимости все согласовать и наладить, не поддается учету, в особенности принимая во внимание положение с миноносцами. Даже и при нормальной жизни портов она была бы не легкой, но порты находились в состоянии далеко ненормальном. Масса портовых мастеровых и рабочих поступила в ряды войск и рабочих рук совершенно не хватало. Если раньше требовалась неделя для оборудования парохода под войсковой транспорт, то теперь срок этот увеличился в три раза.

Все же, несмотря на бесконечные трудности и задержки, дело удалось закончить во время. К 1 июля ушли все эшелоны XIII дивизии, а две недели спустя отправились и остальные—XI и X дивизии. К концу месяца две территориальные дивизии (III и IV) тоже уже находились в пути, хотя решение об их посылке состоялось лишь 5 июля. Как ни велика была сделанная работа, она далеко не исчерпывала собой всех тех усилий, которые требовались для доставления и снабжения нашей армии всюду, где ее присутствие являлось необходимым. В Средиземное море, в Скапа-Флоу и в Белое море шел непрерывный поток с разными грузами и предметами боевого снабжения. С увеличением количества войск в Дарданеллах, увеличилась и потребность в различных плавучих средствах и других мелких судах; мониторы и транспорты с особо важными грузами уходили в дальние походы и для них надо было подготовить соответствующую охрану. Одновременно во Францию отправлялась „новая армия“. Тем не менее в течение июля все новые формирования переправились на континент, несмотря на то, что движение воинских грузов через Канал превысило обычную норму и количество отправляемых на фронт снарядов постепенно увеличивалось.

В первые дни войны отправка „старой армии“ считалась образцом организации, теперь же она представлялась не более как „детской игрушкой“.

Несмотря на трудность обстановки, ни один транспорт не пострадал, хотя в течение первых десяти дней июля месяца две немецкие лодки, *U-20* и *U-30*, оперировали в опасном юго-западном районе и потопили не мало английских, союзных и нейтральных пароходов. Все принимаемые нами в этом районе меры против подводного противника не приносили пользы. Но оно и не удивительно. Безнаказанность, с которой наши Гарвичские лодки в течение четырех меся-

[1]) Liner—лайнер—пассажирский пароход, поддерживающий рейсы на определенной линии. *Ред.*

цев несли подводный дозор в Гельголандской бухте, не взирая на присутствие многочисленных миноносцев и воздушных сил, достаточно ясно говорила о трудности борьбы с подводными лодками в открытых водах. Однако, это обстоятельство не могло позволить сложить руки. Надо было искать иные методы борьбы.

Новый метод вылился в форму радикальной реорганизации дозорных отрядов западных районов. Все эти отряды, начиная от Гебридских островов и до Ушана, подчинялись одному лицу с пребыванием последнего в Куинстоуне. На новую ответственную должность был избран начальник Гринвичской морской академии вице-адмирал Бейли [1]). Выбор не мог оспариваться ни с какой стороны. В 1907 году адм. Бейли, в чине коммодора был первым начальником сформированных тогда минных флотилий и избрал Гарвич в качестве базы, откуда производил все тактические упражнения флотилий, заслужив на флоте репутацию творца тактики и организации миноносцев, репутацию, которой суждено было только укрепиться по мере усложнения возложенной на него задачи.

Количество судов, поступивших под командование адм. Бейли было, очень велико. К моменту его назначения, в Куинстоуне оно достигало, включая отряды адмиралов Дейера и Бойля, базировавшихся на Milford и Larne, 450 единиц (яхты, трауллеры, дрифтеры и моторные катера).

Кроме того, в Куинстоуне находились четыре малых миноносца, а к концу июля туда же пришли четыре канонерки из числа вновь вступивших в строй. Многие из дрифтеров были заняты исключительно обслуживанием сетевого заграждения Северного Канала. Это заграждение, организованное адм. Бейли, оказалось весьма действительным средством защиты против подводных лодок и считалось для них непреодолимой преградой. Нельзя было сказать наверное—пытались ли немецкие подводные лодки пройти этим путем в Ирландское море, но налицо был факт их отсутствия в данном районе. Таким образом, благодаря заграждению Северного Канала, задача адм. Бейли несколько упрощалась. Было решено устроить подобное же заграждение в Канале св. Георгия. Руководство дозорной службой района островов Сцилли перешло из Фальмута тоже в Куинстоун. Это распоряжение вытекало из самой сущности идеи новой организации дозорной службы, которая требовала большого числа судов на тот случай, чтобы при обнаружении лодки можно было ее окружить на возможно широком пространстве сделав для нее опасным появление на поверхности.

---

[1]) См. т. II, стр. 81.

Назначение адм. Бейли состоялось 12 июля; новая же организация дозорной и охранной службы окончательно вошла в силу лишь 1 августа. Таким образом, во второй половине июля, в момент действительно критический, немцам представлялся очень удобный случай нанести Англии чувствительный удар на море. Решительное нападение на средиземноморских путях не могло не внести в то время серьезного замешательства. Но противник не сделал никаких особых попыток в этом направлении.

Наши подводные лодки, за описанный период, продолжали свою работу с неослабной энергией. Гельголандская бухта не оставлялась лодками ни на один день, но поле их деятельности в данном районе не могло выйти за определенные рамки. Одним из типичных случаев их приключений является поход подводной лодки нового типа—*S-1*, которую было решено испробовать для дальних операций [1]). Выйдя в двадцатых числах июня в первое крейсерство, лодка в подводном положении прошла две линии сторожевых трауллеров, находившихся в дозоре у берегов Шлезвига, и атаковала четыре миноносца, но без успеха; одновременно сдали обе машины и лодка в течение двух суток, под постоянной угрозой рыскавших дозорных судов, билась над их исправлением. Стоило только исправить одну, как выходила из строя другая. На третьи сутки ей удалось захватить немецкий трауллер, который и потащил ее на буксире. Но и на трауллере произошла поломка машины, которая дважды исправлялась командой *S-1*. Наконец, на седьмой день пребывания в море, она встретилась с миноносцем *Firedrake* и была им отбуксирована в Гарвич.

Другой не менее интересный случай произошел с *E-16*. 24 июля она вышла из Ярмута в устье Эмса. Придя в назначенный район к утру следующего дня, она не могла подняться, так как немецкие воздушные дозоры сразу ее обнаружили и не оставляли ни на минуту, а затем, когда она подошла к пловучему маяку Боркум, то попала носом в сетевое заграждение. Какие меры ни принимались командиром, нос лодки не освобождался. Когда же ему все-таки удалось, еще не освободив носовой части лодки, выставить на поверхность боевую рубку и открыть люк, то оказалось, что над лодкой держится цеппелин, очевидно, сторживший устроенную западню. Пришлось снова погрузиться и снова продолжать попытки освободиться от сетей, продувая и на-

[1]) Одна из лодок, выстроенная по итальянскому проекту, была заложена в 1912 г. на частном заводе. Первая в британском флоте, имевшая двойной корпус. Дальнейшая постройка этого типа не продолжалась.

полняя цистерны, давая ход то вперед, то назад. Цеппелин непрерывно бросал бомбы. После часовой напряженной работы нос вдруг неожиданно освободился и лодка оказалась на свободе. Выпустив почтового голубя с донесением начальнику флотилии об обнаруженном заграждении, командир *E-16* без дальнейших препятствий продолжал свое крейсерство. Награда за понесенные испытания последовала на следующий день. В полдень 26 июля, находясь в сорока милях к северу от Terschelling, лодка, принужденная незадолго до этого продержаться три часа под водой, спасаясь от цеппелина, всплыла и обнаружила четыре больших немецких миноносца, идущих полным ходом. Через час *E-16* вышла на позицию и с 3 каб. выпустила торпеду по одному из них. Миноносцу оторвало кормовую часть, остальные бросились на лодку. Командир *E-16* не удовольствовался успехом и продолжал маневрировать, не давая возможности остальным противникам подойти на помощь к пострадавшему товарищу. Дважды он снова выходил на позицию и выпустил еще две торпеды, но не попал, так как миноносцам не стоило большого труда уклониться от попадания.

В Балтийском море наши лодки смогли оказать своими операциями более непосредственное влияние на ход войны. К концу апреля германцы, для отвлечения внимания от их соединенного с австрийцами натиска в Галиции, начали наступление на Либаву. Имелись сведения о сосредоточении отряда судов в Данциге, а с северной стороны острова Готланда была обнаружена эскадра крейсеров, присутствие которой в таком районе создавало впечатление, что она прикрывает транспорты, двигающиеся на восток.

4 мая обеим нашим лодкам было приказано приготовиться к дальнейшему походу и на следующий день они вышли в море. *E-1* направилась к Борнгольму, *E-9* к Дагерорту, т. е. к южному берегу входа в Финский залив, откуда она должна была оперировать против прикрывающих сил противника. До 10 мая лодкам не посчастливилось сделать ни одного удачного выстрела, хотя случаи атаки мелких немецких судов имели место. 10 мая стало известно о падении Либавы [1]) и об отходе прикрывающей эскадры и *E-9* получила приказание действовать на сообщениях Мемеля и Данцига с Либавой. Здесь она сразу же встретилась с тремя неприятельскими крейсерами, конвоировавшими возвращавшиеся из Либавы транспорты.

Как крейсера, так и транспорты, охранялись сильным отрядом миноносцев, но последнее обстоятельство не оста-

---

[1]) Либава была занята немцами 7 мая.

новило командира *Е-9* кап. 2 р. Хортона. Он немедленно атаковал отряд противника, погрузившись под концевым миноносцем, державшимся с левой стороны. Две торпеды, выпущенные из носовых аппаратов по одному из крейсеров, не попали. Выйдя затем на позицию, чтобы атаковать транспорты с носа, он с расстояния меньше кабельтова сделал выстрел из левого траверзного аппарата по головному, но торпеда опять не попала, пройдя под килем парохода. Тогда Хортон выпустил торпеду из кормового аппарата по второму транспорту. В этот момент *Е-9* уже находилась под жарким обстрелом, но на этот раз ее выстрел не пропал даром; торпеда взорвалась впереди носовой трубы; пароход начал тонуть. Вторая торпеда, выпущенная из вновь заряженного носового аппарата, его прикончила. Немецкие миноносцы и выпущенные ими тралы с взрывателями не помешали Хортону благополучно уйти в Ревель за новыми торпедами. Обе лодки продолжали в дальнейшем безрезультатное крейсерство до 1 июня, пока *Е-1* из-за повреждения главного мотора не вышла из строя. Возвратившись в Ревель, командиры лодок узнали печальную весть о смерти своего начальника энергичного адмирала Эссена, скончавшегося 20 мая после непродолжительной болезни.

Е-9 пришлось действовать в одиночестве. Поступали сведения о крупных силах противника, появившихся к западу от Рижского залива, а 4 июня жертвой германской лодки стал заградитель *Енисей*, потопленный у Дагерорта. *Е-9* немедленно пошла к месту гибели и сразу, обнаружив виновника гибели *Енисея*, погрузилась для атаки, но противник тоже погрузился и исчез. Днем в этот самый день Хортон пришел на вид четырех немецких миноносцев. Два из них грузили уголь с парохода, два ходили в дозоре. По близости держался легкий крейсер типа „Газелле“. Быстро выйдя на позицию, командир *Е-9* выстрелил по крейсеру и грузящей уголь группе судов. Торпеда, выпущенная по крейсеру из левого траверзного аппарата, не попала, но обе носовые торпеды взорвались удачно.

Когда, ловко увернувшись от таранного удара дозорных миноносцев, *Е-9* снова показалась на поверхности, то угольщика и одного из миноносцев, стоявшего с ним борт о борт, более не существовало. На воде держалось лишь несколько человек, поднятых нашей лодкой.

С наступлением июня под влиянием немецкой демонстрации, принявшей форму наступления на Ригу, активность лодок усилилась. Потеря Либавы, эвакуация которой была произведена в первые дни войны, не имела почти никакого значения, но Рига, будучи крупным центром воен-

ной промышленности, представляла собою пункт, игравший важную роль и в вопросе безопасности русской столицы.

Несмотря на австро-германские успехи в Галиции, пришлось снять часть войск с юго-западного фронта и сформировать новую армию для защиты Риги.

Правый фланг новой армии упирался в побережье между Либавой и Виндавой. 2 июля здесь держалась *Е-9*, поджидая случая для атаки. В этот день русский отряд в составе крейсеров *Адмирал Макаров*, *Баян*, *Богатырь* и *Олег*, проходя в густом тумане по восточную сторону Готланда, встретился с немецкой эскадрой, состоявшей из броненосного крейсера *Роон*, легких крейсеров *Аугсбург* и *Бремен* и заградителя *Альбатрос*.

Туман помешал решительным действиям, но все же *Альбатрос* оказался отрезанным и полуразбитый выбросился на берег Готланда, где и был интернирован шведскими властями. Остальные немецкие суда скрылись в тумане, но затем храбро атаковали возвращающийся русский отряд. На этот раз появились *Роон*, *Бремен* и четыре миноносца; *Аугсбург*, повидимому, сильно пострадавший в предыдущей перестрелке, отсутствовал. Произошел безрезультатный получасовой бой. Затем подошел крейсер *Рюрик* и *Роон* был вынужден отойти. Пользуясь преимуществом в ходе, он легко вышел из-под обстрела, но все же изрядно пострадал от тяжелой артиллерии *Рюрика*. Сигналы *Роона* были приняты на немецком флоте и в помощь ему вышли два линейных корабля. *Е-9* находилась как раз на пути их следования и Хортон считал, что они вышли из Либавы. Обнаружив противника, командир *Е-9* вышел на позицию и с 2 каб. выпустил две носовые торпеды по головному кораблю. Обе попали, но судить о результатах не пришлось. Только очень искусное маневрирование командира спасло лодку от таранного удара неприятельского миноносца, сразу бросившегося на лодку и в течение целого часа державшего ее под водой. Атакованный корабль, — как выяснилось впоследствии, *Поммерн*, — не утонул, но был сильно поврежден и под конвоем вышедшего совместно с ним второго линейного корабля отведен в порт. Позже в течение дня *Е-9* видела *Роона* и два легких крейсера, возвращавшихся на юг, но линейные корабли отсутствовали. На этот раз немецкие суда проходили слишком далеко для атаки.

Вторую половину июля *Е-9* оставалась в Ревеле, перебирая механизмы, но *Е-1* к этому времени закончила ремонт и 31 июля дала о себе знать, утопив один из трех больших немецких заградителей, встреченных ею у Готланда в сопровождении легкого крейсера.

К этому времени обстановка сложилась не в пользу России. Все принятые меры не помогли и стратегические преимущества остались за Германией. В середине месяца немцы начали проводить в исполнение вновь задуманный план; по всему фронту от Балтийского моря до румынской границы началось их наступление на Россию. Так называемая „Неманская армия", составлявшая левый фланг наступления, двинулась со стороны Либавы и захватила Виндаву. Один берег входа в Рижский залив оказался в руках Германии.

Пока на восточном фронте все приводилось в движение, чтобы сокрушить Россию и заставить ее покинуть союзников, на другом конце земного шара, в далекой Африке, ликвидировался немецкий план уничтожения торговли на океанах.

Крейсер *Кенигсберг* все еще стоял в реке Rufigi. К концу апреля прибыли новые гидросамолеты, которые произвели тщательную разведку его местонахождения. Но в палящей атмосфере восточной Африки они не могли подняться над землей выше 800 фут., а поэтому приходилось оставить мысль о бомбардировке противника с воздуха. Не оставалось другого выхода как ждать, пока не прибудут новые средства для уничтожения крейсера. Однако, не исключалась возможность попытки его прорыва и ад. Кинг-Холл не снимал блокады.

Подобное положение на крайнем конце нашего восточного торгового пути нельзя было терпеть. Адмиралтейство окончательно решило отправить туда два монитора с 6″ артиллерией, посланные в Средиземное море, и вслед за этим отозвало *Chatham*'а и *Cornwall*'я в Дарданеллы. У Кинг-Холла остался лишь один крейсер — *Weymouth*, способный догнать *Кенигсберга* в случае прорыва им блокады.

В соответствии с принятым планом, из Мальты вышел отряд под общим командованием кап. I р. Фуллертона, в составе мониторов *Severn* и *Mersey*, посыльного судна *Trent*'у, четырех буксиров и угольного транспорта. Предстоящий поход сулил исключительные трудности, не уступающие трудностям тяжелой военной обстановки. Суда совершенно не были оборудованы для плавания в удушающей жаре, царящей летом в Красном море, но, несмотря на это, самоотверженная дружная работа, и в особенности работа машинных команд, сделала свое дело и отряд прибыл в Аден к 15 мая. Уже через двое суток Фуллертон снова вышел в море. Условия плавания вдоль африканского побережья сопровождались исключительными трудностями. Отряд временами буквально не выгребал против волны

и сильнейшего течения и мониторы приходилось буксировать *Trent*'у, а буксирные пароходы — угольному транспорту. Тем не менее все кончилось благополучно и 3 июня отряд стал на якорь у острова Mafia.

После оккупации этих островов, в заливе Tirene была устроена база блокирующих сил и устроен аэродром для подготовки к необычной операции. Предстояла задача — уничтожить совместным нападением с воздуха и с мелко сидящих вооруженных тяжелой артиллерией судов военный корабль укрывавшийся в тропической местности, в реке, в десяти милях от ее устья, при чем устье реки было закрыто заграждениями. Мониторам после исключительного перехода прежде всего требовалось перебрать механизмы, оборудовать защиту палубы и бортов от осколков и наладить корректировку огня с воздуха. Все приготовления закончились только к 5 июля. В целях предупредить возможность посылки в Rufiji подкреплений в этот же день вспомогательный крейсер *Laurentic* с тремя транспортами с небольшим десантом индийских войск из Занзибара произвел демонстрацию высадки у Дар-эс-Салама и к вечеру вернулся обратно.

6 июля в 5 ч. 20 м. утра мониторы вошли в северный рукав реки Kikunga, сопровождаемые аэропланом, который должен был бомбить *Кенигсберг*, пока *Severn* и *Mersey* не выйдут на позицию. При входе в реку мониторы попали под жаркий огонь 3-фунтовых орудий и пулеметов, укрытых в лесной чаще, но огонь быстро был подавлен и не принес никакого вреда. Адм. Кинг-Холл следовал за ними на *Weymouth*, предшествуемый тралящим караваном в составе старого легкого крейсера *Pyramus* и колесных пароходов *Echo*, *Fly* и *Chiders*.

В 6 ч. 30 м., когда *Weymouth* „переползал" через бар, мониторы отдали якорь приблизительно в 55 каб. от цели и открыли огонь.

Корректировка производилась со второго аэроплана. *Weymouth*, став на якорь, присоединился к стрельбе, стараясь нащупать высоты Kumbini, где по полученным сведениям противник устроил наблюдательный пост. Для отвлечения внимания легкие крейсера *Pioneer* и *Hyacinth* были посланы обстрелять укрепления у устья Ssimba Uranga — рукав, через который прошел *Кенигсберг*, — и быстро привели их к молчанию.

Позиция, выбранная для мониторов, находилась ниже островка, расположенного в четырех милях выше устья. Однако, как только они стали на якорь, немедленно выяснилось, что немцы учли это обстоятельство. Залпы *Кениг-*

сберга стали сразу ложиться очень хорошо. Противник устроил прекрасный укрытый наблюдательный пункт, обнаружить который было очень трудно. Не оставалось другого выхода как стрелять в чащу джунглей по всякому подозрительному месту. Снаряды *Кенигсберга* падали у самого борта мониторов, но каким-то чудом в течение целых 45 минут не произошло ни одного прямого попадания.

Наконец, в 7 ч. 40 м. в *Mersey* ударил снаряд; носовое 6″ орудие оказалось выведенным из строя, прислуга убита или ранена. Через несколько минут второй снаряд сделал пробоину у самой и ватерлинии. *Mersey* переменил место, став на 5 каб. ниже по течению. Следующий залп лег как раз на его прежнем месте стоянки. *Severn* продолжал обстрел еще в течение часа, но затем аэроплан принужден был возвратиться на аэродром и монитор снялся с якоря, чтобы увеличить дистанцию, так так получил несколько попаданий. В этот момент *Severn*'у удалось сбить несколько деревьев, в чаще которых, как казалось, был устроен наблюдательный пункт немцев. Перестрелка несколько затихла, пока, в 1 ч. 30 м., не прибыл второй из аэропланов. После этого *Mersey* и *Severn* снова поднялись по течению и отдали якоря невдалеке от мест их первоначальной стоянки. Бой продолжался, но увы—не с блестящими результатами. *Кенигсберг* не прекращал огня, хотя стрелял с меньшей точностью и из меньшего числа орудий. В 3 ч. 45 м. оба монитора спустились вниз по течению. Люди, измученные страшной жарой, окончательно выбились из сил, к тому же сильно пали духом, видя бесплодность всех своих стараний.

Суда отошли в *Tirene*, но отдыхать не пришлось. Не теряя ни минуты, были начаты приготовления к возобновлению нападения. Стрельба на больших углах возвышения сильно расшатала корпусы мониторов. Необходимо было поставить временные добавочные подкрепления, исправить поврежденное орудие *Severn* и внести поправки в дело воздушной корректировки огня. На предварительных упражнениях корректировка шла прекрасно, но в бою она дала далеко не удовлетворительные результаты. Из 635 сделанных мониторами выстрелов только о 68-ми удалось получить указания с аэроплана. Попаданий же было замечено лишь 6. Поэтому состоялось решение в следующий раз вести стрельбу с одного монитора.

11 июля *Severn* и *Mersey* вышли снова. При входе их ожидала такая же встреча, как и 6 июля; мониторы сразу же получили несколько попаданий, но несущественных. Как только *Mersey*, подойдя к своему старому месту, отдал якорь он, с целью отвлечь внимание противника, открыл

огонь, а *Severn* продолжал подниматься вверх по реке, *Кенигсберг*, сделав по *Mersey* лишь один залп, затем сосредоточил огонь по *Severn*'у. Последний, не отвечая, шел под дождем неприятельских снарядов, но не получил ни одного снаряда. В 12 ч. 30 м. он стал на якорь и открыл огонь. К этому времени аэроплан был на месте и на восьмом залпе *Severn*'а с воздуха последовал сигнал — „попадание". Затем попадания пошли одно за другим почти беспрерывно; через десять минут на *Кенигсберге* стреляли лишь три орудия, но одновременно с этим с аэроплана передали: — „Попали в аппарат, посылайте шлюпку". Фактически аппарат имел попадания уже до того и, хотя мотор был поврежден, доблестный летчик кое-как держался в воздухе, рассчитывая спланировать в реку. Наблюдатель ни на секунду не прекращал корректировки, все время делая сигналы, благодаря чему через две-три минуты на *Кенигсберге* оставалось в действии только два орудия. Когда же подбитый аэроплан садился между мониторами, немецкий крейсер стрелял уже из одного орудия. В 12 ч. 50 м. послышался сильный взрыв и показались густые облака черного дыма, приветствуемые восторженными кликами наших команд, под звуки которых шлюпки с *Mersey* принимали уцелевших летчика и наблюдателя. *Severn*, раньше чем приблизиться к противнику, продолжал стрельбу еще в течение около часа, не снимаясь с якоря. Около 1 ч. 40 м. было замечено семь новых взрывов и кап. 1 р. Фуллертон приказал *Mersey* сняться и пройти вперед выше островка. Как только прилетел второй аэроплан, *Mersey* открыл огонь, сделав 28 залпов. К 2 ч. 20 м. *Кенигсберг* представлял собою груду пылающих обломков и адмирал поднял мониторам сигнал „возвратиться". Последний немецкий крейсер из числа вышедших на простор океанов перестал существовать.

В течение восьми месяцев он удачно сопротивлялся всем нашим попыткам его уничтожить и упорно дрался до конца. Бесславную деятельность в роли крейсера, предназначенного для операций на морских торговых путях, он искупил доблестным поведением в последние минуты своего существования. Оставшаяся в живых команда присоединилась к своим соотечественникам, сражавшимся в Африке, и продолжала борьбу. Но опасность, угрожавшая нашим сообщениям, пока не был уничтожен *Кенигсберг*, отныне перестала существовать. Адм. Кинг-Холл получил возможность сосредоточить все внимание на блокаде побережья и, в случае надобности, предпринять ту или иную операцию, необходимую для содействия планам местных сухопутных начальников.

ГЛАВА IV.

Дарданеллы с 20 июня по 31 июля. Новый план. Активность подводных лодок в Мраморном море. Прибытие подкреплений.

Карта 3.

Пока обсуждался вопрос о подкреплениях для Гамильтона, возникли сомнения, есть ли физическая возможность произвести сильное наступление с занимаемых им позиций. Предполагалось, что в план Гамильтона входит лишь усиленная атака той же позиции Ачи-Баба, и высказывались опасения, что для подобного образа действий отсутствует плацдарм, необходимый для развертывания нового армейского корпуса. Но Гамильтон был далек от мысли искать залог успеха лишь в численном превосходстве сил. Всецело придерживаясь идеи свободного маневра, которую давало ему в руки море, он хотел воспользоваться морем, чтобы произвести неожиданный стратегический маневр и обрушиться на противника в новом пункте.

Идея родилась на участке Анзак. Атаки Ачи-Баба обошлись очень дорого, неизбежность неудачи дальнейших попыток овладеть этой позицией была совершенно очевидной и мысль обойти Ачи-Баба начинала привлекать все большее внимание. Бердвуд придавал большое значение возвышенности Сари-Баир, доминирующей над перешейком полуострова. Подымаясь у самого берега моря, прямо против левого участка Анзак, она тянулась в северо-восточном направлении к долине Бонгали. В случае завладения вершиной Сари-Баир, Бердвуд получал возможность командовать над сухопутными и морскими сообщениями турок, занимавших Килид-Бахр и Ачи-Баба. Сухопутные начальники не оставались одинокими в оценке важной роли этой возвышенности. Морской штаб также придавал большое значение ее захвату считая, что это даст возможность устроить наблюдательный пункт для корректировки огня при бомбардировке узкости. Идея представлялась настолько заманчивой, что Гамильтон, узнав о посылке нового корпуса, сразу же решил положить в основу операций план Бердвуда.

С прибытием подкреплений все необходимые Бердвуду части могли быть даны в его распоряжение, при чем остающийся некоторый излишек войск мог быть использован для преодоления технических препятствий, связанных с выполнением плана. Главным затруднением являлась теснота и открытость побережья Анзакского участка, на котором нельзя было обеспечить снабжение войск при условии увели-

чения их численности до пределов, необходимых для успешной операции против Сари-Баир. Однако, под боком имелась бухта Сувла—идеальная якорная стоянка для транспортов. Конфигурация берега давала возможность без труда устроить в ней сетевое противолодочное заграждение. Правда, бухта оставалась открытой для юго-западных штормов, но зато в шести милях вверх была расположена другая бухта—Ейльмер, закрытая от этих штормов. С назначением шести бригад на Анзакский участок оставалось еще достаточное количество войск для захвата обеих бухт.

Главная цель высадки в Сувле заключалась в овладении плацдармом для нового развертывания. Однако, сложившаяся обстановка позволяла извлечь из высадки и другие выгоды. Небольшое продвижение нового десанта в восточном направлении вглубь полуострова, во-первых, прикрывало оголенный левый фланг австралийцев и, во-вторых, содействовало наступлению на главном операционном направлении.

Произведенная с соблюдением возможной тайны рекогносцировка Сувлы показала, что на берегу почти нет окопов и что за исключением выставленных сторожевых постов неприятель едва ли имеет здесь войска. Обладание морем обеспечивало успех внезапности нападения, но, конечно, до тех пор, пока подготовка операции оставалась в секрете. Уверенность английского командования нашла поддержку у генерала Гуро. Отношения французского командующего и генерала Гамильтона не оставляли желать лучшего; генерал Гуро всегда во всем действовал в дружеском согласии с своим британским коллегой. Взоры французов все еще обращались на запретный азиатский берег, но сознавая, что ожидаемых подкреплений не хватит для операций на противоположной стороне пролива, ген. Гуро искал других выходов из положения, дабы сойти с мертвой точки. Одним из таких выходов он считал высадку у Булаира, другим же—операции в районе Анзака. Высадку у Булаира он предполагал выполнимой лишь в том случае, если морское командование не считает связанные с ней трудности непреодолимыми.

Но моряки никак не могли согласиться на высадку у Булаира. Адмирал Де-Робек незадолго до этого получил приказание пересмотреть вопрос о высадке в заливе Сарос; после тщательного изучения положения дел он донес, что с появлением у неприятеля подводных лодок риск высадки десанта столь далеко от базы, т.-е. от Мудроса, чрезвычайно возрос. Подобный риск, по его мнению, мог бы оправдываться лишь в случае надежды на быстрый и решительный успех на берегу, но на такие результаты сухопутное командование не рассчитывало. Взгляд Де-Робека полу-

чил одобрение Адмиралтейства и вопрос о Булаире был окончательно снят с очереди. Второе предложение ген. Гуро— использовать вновь прибывающие дивизии на Анзакском направлении для захвата Майдоского перешейка—вполне совпадало с намерением Гамильтона [1]). Авторитет ген. Гуро стоял настолько высоко, что его самостоятельное и единоличное одобрение общей идеи операции было достаточно, чтобы признать разумность плана и вложить необходимую энергию для его проведения в жизнь. Важность соблюдения секрета признавалась столь существенной, что даже штаб французского командующего оставался в неведении о принятом решении, тем более, что в предстоящей операции французским дивизиям отводилась второстепенная роль— удержания позиций у Критии совместно с войсками участка Хеллес. Из состава британского штаба были посвящены в секрет лишь несколько офицеров, разрабатывавших детали операции. Подробности ее не были известны и в Англии. Военное начальство в Лондоне получило лишь сведения такого характера, чтобы не волноваться о том, как будут использованы отправленные подкрепления. Что же касается лорда Китченера, то он по собственной инициативе предложил тот самый план, который уже начинал претворяться в жизнь.

Итак, славное предприятие у Сувлы было окончательно решено. Но высадка не могла состояться ранее нескольких недель, а энергичный ген. Гуро не хотел оставаться бездеятельным столь продолжительный срок. Незадолго до получения сообщений о высылке подкреплений, он совместно с Гамильтоном приступил к разработке детального плана атаки турецких укреплений, расположенных против центра и левого фланга французского расположения, и теперь продолжал готовиться к его осуществлению. Подводная опасность не позволяла использовать огонь линейных кораблей. Успех атаки зависел от массирования огня полевой артиллерии и от снабжения орудий неограниченным боевым запасом.

Около 20 июня все приготовления закончились. *Lord Nelson* произвел в этот день бомбардировку Галлипольских складов и стоящих там судов, причинив значительные по-

[1]) План ген. Гуро отличался только деталями. Он предлагал высадку южнее Габа-Тепе. Высадившиеся там части должны были действовать совместно с австралийцами и захватить высоты, господствующие над Майдоской равниной. Устройство новой базы не входило в план. Морские нужды, вызывавшие необходимость подобной меры, повидимому, не были ему сообщены. Надо думать, что он не знал о причинах, заставлявших нас предполагать, что турки подготовились к отражению высадки южнее Габа-Тепе. Противник в этой части побережья развернул одну дивизию, имея в резерве вторую. Письмо ген. Гуро, помеченное 13 июля, приводится Гамильтоном в его книге «Галлипольский Дневник» (Gallipoly Diary) Т. I, стр. 296.

вреждения; стрельба корректировалась с привязного аэростата. На рассвете 21 июня французы начали артиллерийскую подготовку. Подготовка велась почти исключительно с берега и суда, кроме линейного корабля *St. Louis*, не принимали в ней участия. Последний, окруженный тральщиками с сетями и охраняемый английскими миноносцами и траулерами, делал все возможное, чтобы подавить огонь азиатских батарей. Но полевая артиллерия сама сделала свое дело.

После упорного боя, длившегося целый день, в котором французская пехота, руководимая Гуро, проявила все свои лучшие качества, яростное сопротивление турок было сломлено. К наступлению темноты французам удалось захватить все намеченные позиции, включая и укрепление Haricot в долине Керевец, огонь которого подавлял все прежние попытки продвинуться на этом участке. Достигнутый успех не остановил дальнейших попыток в этом направлении.

Пока в Англии шло обсуждение посылки второго армейского корпуса, Гамильтон донес, что у него остается еще достаточно снарядов для нового наступления, и начал готовиться для повторения атаки на этот раз против правого фланга турок. Головной эшелон первоначальных подкреплений — LII Лоуландская дивизия — прибывала 19 июня и Гамильтон решил бросить ее в дело вместе с XXIX дивизией и индийской бригадой. В предстоящем наступлении предполагалось не рисковать линейными кораблями и ограничить поддержку с моря огнем одного легкого крейсера и четырех миноносцев.

28 июня крейсер *Talbot*, теперь флагманское судно старшего морского начальника в Габа-Тепе, стал на позиции против левого фланга нашего расположения на участке Хеллес, под флагом адм. Никольсона, руководившего действиями судов. В 10 ч. у. *Talbot* начал бомбардировку. Корректировка производилась с п/х *Manica*. Миноносцы *Racoon*, *Beagle*, *Bulldog* и *Basilisk* несли охрану крейсера. Огонь *Talbot'a* поливал неприятельские окопы и заставил замолчать ряд турецких батарей. Миноносцы *Renard*, *Scorpion* и *Wolverine* обстреливали окопы, спускавшиеся к берегу моря. Но как и в последний раз главную роль сыграл огонь наших полевых батарей, поддерживаемых 75 мм орудиями французов. Хотя судовой огонь оказал не малую помощь, но 28 июня полевая артиллерия превзошла все сделанное ею до сих пор. Судя по показаниям турок, бомбардировка с судов совершенно разрушила передовые окопы дивизии, занимавшей приморский фланг, и внесла в ее ряды такое опустошение, что, когда в 11 часов утра наша пехота получила приказание идти в атаку, она захватила их без сопротивления и с ничтожными потерями. Вторая линия турец-

ких окопов была захвачена почти одновременно с первой и к полдню все намеченные позиции находились в наших руках. Войска продвинулись на 500 саженей и овладели четырьмя линиями окопов, в том числе и важным укреплением „Бумеранг“, удерживавшим на месте наш левый фланг. Ночью турки перешли в яростные контр-атаки. Главные усилия противника сосредоточились на прибрежной полосе, но здесь серьезная попытка обойти фланг была вовремя обнаружена благодаря прожекторам *Scorpion*'а и *Wolverine*'а и быстро подавлена огнем этих миноносцев.

В других пунктах фронта турецкое контр-наступление постигла такая же участь. Повсюду оно было отбито с тяжелыми для противника потерями и мы сохранили все занятые позиции.

Достигнутый материальный успех был в общем существенным. Линия фронта союзников не только продвинулась, но и выпрямилась. Моральный успех был еще значительнее. Со времени первого наступления ни разу еще не было подобного успеха и к тому же успеха, достигнутого в момент, когда противник успел усилить свои оборонительные позиции и получить подкрепления. Все вздохнули свободнее, в воздухе чувствовалась победа. Никто не сомневался, что в случае возможности быстро нанести следующий удар победа будет решительная и полная. Подобная оценка положения вполне отвечала действительности. На генерала Вебера, командовавшего турецким южным укрепленным районом, успехи союзников произвели столь сильное впечатление, что он подал голос за отступление на линию Сонгали-Дере-Килид-Бахр. Однако, эта линия составляла последнюю преграду к фортам узкости и турецкий главнокомандующий Лиман-фон-Сандерс не мог принять предложение Вебера и делал все от него зависящее, чтобы как нибудь парировать наши успехи на приморском фланге. Одна дивизия была перевезена с азиатского берега, а другая—передвинута с Анзакского участка. Последнее обстоятельство являлось чрезвычайно важным фактором достигнутого успеха, так как ген. Бердвуду после его дневной демонстративной атаки пришлось выдержать сильные контр-атаки турок. Все они разбились о стойкость австралийцев и стоили противнику тяжелых потерь.

К 4 июля обе турецкие дивизии прибыли на позиции. Начиная с этого дня, за время вынужденной отсрочки наступления в ожидании прибытия подкреплений, на южных участках не пришлось отдохнуть. Контр-атаки противника следовали одна за другой почти беспрерывно. Настойчивость турок, совершенно не считавшихся с потерями, ясно показывала значение нашего последнего успеха. Отчаянные попытки вернуть утерянное пространство не привели ни

к чему и, хотя перед нашими окопами выросли горы неприятельских трупов, турки не продвинулись ни на шаг. Сосредоточив главное внимание на нашем левом фланге, противник совершенно неожиданно для себя оказался атакованным на своем левом фланге. В течение 12—13 июля французы и LII дивизия перешли в короткое наступление и продвинулись еще немного вперед, значительно улучшив свое положение. Ко времени этой операции британский боевой запас настолько израсходовался, что артиллерийскую подготовку вели французские полевые батареи при содействии л. к. *Prince George*, крейсера *Chatham*, монитора *Humber* и шести миноносцев, обстреливавших Критию, Ачи-Баба и долину Керевец.

Однако, за период ожидания подкреплений, флот не мог оказать существенной поддержки сухопутным операциям и этим обстоятельством воспользовались для посылки судов на Мальту, чтобы перебрать механизмы и произвести неотложный ремонт. Кроме того, требовалось поберечь снаряды для предстоящей новой крупной операции. Тем не менее, как только оказывался подобающий объект действий, для него находились нужные силы. Все пункты, о которых имелись сведения, что в них сосредоточены боевые запасы, были обстреляны. Бомбардировке подверглись Галлиполи, Чанак, Эрен-Киой и Екзамиль. Для операций подобного рода Де-Робек получил теперь еще один пароход с привязным аэростатом—*Hector*. Кроме того, ожидалось прибытие мониторов и крейсеров типа „Edgar“, снабженных противоминными утолщениями. Первым прибыл *Humber*, один из трех мониторов, купленных у Бразилии. *Humber* пришел 4 июня и вскоре был отправлен уничтожить батареи, укрытые в оливковой роще, раскинувшейся в долине Аксмах к югу от Габа-Тепе. Эти батареи обстреливали анфиладным огнем главный участок побережья высадки в Анзаке и не давали возможности подходить к участку в дневное время. При содействии миноносцев *Humber*, надо думать, успешно справился со своей задачей, так как после 17 июля батареи ни разу не открывали огня до конца месяца. 15 июля такую же операцию, но против азиатского берега, повторил монитор *Roberts*, вооруженный 14″ орудиями. *Roberts*, укутанный сетями, стал на якорь у островов Раббит и установил телефонное сообщение с берегом; здесь к нему присоединился *M-19*, первый из вновь прибывших мониторов с 9,2″ вооружением. Корректировка огня велась с авиаматки *Ben-My-Chree*. Эта бомбардировка положила начало борьбе с береговыми батареями, надобность в которой остро ощущалась уже давно. К концу месяца прибыли остальные три монитора с 14″ пушками—*Abercrombie*, *Raglan* и *Havelock* и *M-29*, *M-32*, *M-33* с 6″ артиллерией. Кроме того пришли

также и последние четыре крейсера с противоминными утолщениями—*Theseus*, *Endymion*, *Grafton* и *Edgar*.

Все вновь прибывшие суда составили главный отряд „поддержки" сухопутным силам и поступили под командование адмирала Никольсона, державшего флаг на *Exmouth*'е. Последний стоял в Кефало на острове Имбросе, где к этому времени была оборудована безопасная якорная стоянка [1]). Ввиду нахождения Имброса на пол-пути между Анзаком и южными участками, там был расквартирован и штаб Гамильтона, так как после появления немецких подводных лодок Де-Робек считал невозможным пребывание главнокомандующего на корабле.

За период ожидания прибытия подкреплений наибольшее беспокойство вызывало опасение, что турецкие атаки на флангах разовьются в наступление по всему фронту. Начинался месяц праздника Рамазан, когда религиозный фанатизм мусульман достигает своего апогея, а сообщения разведки приводили к заключению, что 23 июня сила этого фанатизма будет использована до конца. Последнему обстоятельству придавалось весьма серьезное значение и наступление турок настолько ожидалось именно в указанный срок, что было признано необходимым подкрепить фронт союзников частями из состава первых прибывающих из Англии эшелонов. Три бригады XIII дивизии и одна бригада XI были высажены на участке Хеллес и заменили измученную XXIX дивизию.

21 июня новые части заняли передовые позиции участка. В этот же день адм. Никольсоном был разослан на все суда „поддержки" оперативный приказ на случай наступления противника. Однако, ничего необычайного не произошло; турки ограничились атакой нашего левого фланга—десятой по счету—отбитой столь же легко, как и предыдущие.

Для мониторов же имелась работа другого характера. Стрельба с азиатского берега по забитой войсками оконечности полуострова и в особенности по Хеллесу и Седд-ул-Бахру, где квартировал штаб ген. Гуро—все усиливалась. Последние наши бомбардировки преследовали цель сбить огонь именно этих назойливых батарей и обезопасить побережье высадки. Но достигнуть желаемого не удалось и днем работы по разгрузке снабжения постоянно велись под огнем. Неоднократно происходили взрывы выгруженных ящиков с боевыми запасами. Один из пляжей французского расположения пришлось бросить вовсе. Но самое худшее

---

[1]) Рейд закрывался сетевым боном, поставленным сетевыми заградителями *Queen Victoria* и *Prince Edward*, высланными из Англии специально для этой цели после их успешной работы у бельгийского побережья. См. т. II, стр. 369.

случилось 30 июня, когда снаряд с азиатского берега ранил самого генерала Гуро и настолько тяжело, что французский командующий был вынужден сдать командование ген. Байо и уехать лечиться на родину. Последствием отъезда ген. Гуро, связанным с личностью его преемника, суждено было сыграть в будущем катастрофическую роль, но и в момент его ухода — сразу после одержанного успеха,— понесенная утрата являлась тяжелым ударом. „Потеря Гуро“—писал Гамильтон,—„едва ли не сводит на нет наши успехи“.

Временный заместитель французского командующего видел только один выход из положения—высадить на азиатский берег хотя бы часть присланных подкреплений, но Гамильтон и слышать не хотел о подобной операции, считая совершенно недопустимым нарушать намеченный план.

Между тем на эскадре назрела мысль поправить дело на участках Хеллес и Седд-ул-Бахр. Установка на берегу двух 4,7″ орудий, снятых с вспомогательного крейсера *Alnwick Castle*, и двух французских 5,5″ пушек закончилась и в скором времени должна была закончиться установка еще двух морских орудий—одного 4,7″ и одного 6″. Новые батареи давали возможность, при условии высылки для одновременной бомбардировки мониторов к побережью Иени-Шер, держать под действительным перекрестным огнем назойливые батареи азиатского берега. Мысль эта получила осуществление; мониторы за период „передышки“ были постоянно заняты обстрелом азиатского берега и лишь иногда отвлекались для бомбардировок совместно с воздушными силами неприятельских артиллерийских парков и складов в Чанаке и Майдосе, в надежде нарушить боевое снабжение турок.

Однако, главная роль в этом деле принадлежала подводным лодкам. В течение июня и июля их активность не прекращалась, при чем большую часть этого периода в Мраморном море оперировало две лодки. 10 июня *E-14* снова вышла и провела в крейсерстве свыше трех недель. В первый же день *E-14* встретила тяжело нагруженную бригантину и заставила ее остановиться. Погода была настолько свежая, что командир кап.-лейт. Бойль не мог к ней подойти, чтобы ошвартоваться, но нашелся охотник, лейт. Лоренс, который добрался вплавь до турецкого парусника и поджог приз на глазах его команды, смотревшей на это зрелище со своей шлюпки. На следующий день Бойль пришел в Пандерму—главный порт на азиатском берегу—и взорвал находившийся в гавани пароход с четырьмя стоявшими у его борта фелюгами.

Все большие пароходы исчезли из Мраморного моря и отваживались выходить только самые мелкие паровые суда и небольшие парусники. Не встретив никого, кроме

канонерки и миноносцев, охотившихся за лодкой, и утопив несколько фелюг с зерном, Бойль 20 июня пошел обратно навстречу *E-12*, вышедшей под командой кап.-лейт. Бруса. Плавание *E-12* сопровождалось затруднениями. К назначенному рандеву она прибыла в указанный срок, но два последующих дня ушли на ремонт главных моторов, которые все время сдавали. Затем она направилась в восточную часть моря, а *E-14* осталась в западной, чтобы войти в радио-переговоры с миноносцем, высланным для связи к Булаиру, и сообщить о состоянии механизмов *E-12*.

25 июня *E-12* появилась в заливе Мудания и встретила два небольших парохода. Пароходы были пассажирского типа, но затем оказалось, что они ведут на бортовых буксирах пять парусников. Брус погнался за первым пароходом и остановил его. Вся турецкая команда в спасательных поясах стояла на палубе, никаких признаков артиллерийского вооружения на пароходе не замечалось и командир *E-12* подошел к борту парохода. Имея наготове винтовки и 6-фунтовую пушку, он приказал старшему офицеру осмотреть приз. Однако, пример наших ловушек не пропал даром для противника. Не успел старший офицер с назначенными людьми перейти на палубу турецкого судна, как в носовую часть лодки были брошена бомба. Бомба по счастью не взорвалась, но вслед за ней турки открыли огонь из винтовок и небольшой замаскированной пушки. Ответный огонь с *E-12* не заставил себя ждать и завязался бой на дистанции пистолетного выстрела. С парусников тоже стреляли из винтовок, стараясь в то же время запутать концами тросов винты лодки. Эти попытки не удались; огонь с парусника был быстро подавлен меткой ружейной стрельбой нашей команды и *E-12* благополучно отошла, поддерживая огонь из своего орудия и сделав в турецком пароходе несколько пробоин в носу и корме. Один из снарядов, повидимому, попал в трюм, где лежали ящики с боевыми припасами, так как неожиданно последовал взрыв и через пятнадцать минут пароход затонул. Уничтожив парусников, Брус погнался за вторым пароходом, тащившим на буксире три других парусника. Парусники сразу обрубили перлиня и бросились уходить. *E-12* открыла огонь по пароходу и не прекращала его, пока сама не попала под обстрел неприятельского орудия, установленного на берегу. В этот момент снова испортился правый мотор и командиру лодки не оставалось другого выхода, как прекратить преследование. Пароход горел и весь объятый пламенем выбросился на берег. Несмотря на повреждения механизмов, Брус продолжал поход и пришел в залив Измид, где заставил еще один турецкий пароход выброситься на берег. Другой пароход скрылся по направлению залива

Мудания и Брус снова пошел туда, но по дороге встретился с *E-14*, которая передала ему приказание окончить крейсерство и возвращаться для ремонта. Испорченный правый мотор причинил не мало тревожных минут при обратном проходе узкости на сильном течении, но лихое управление победило все затруднения и вечером 28 июня *E-12* благополучно вошла в гавань Кефало. Пять дней спустя возвратилась и *E-14*. 1 июля она встретилась в условленном рандеву с *E-7* и передала ей последние сведения об обстановке.

На долю командира *E-7* кап.-лейт. Кохрэна тоже выпало не мало трудностей, но несколько иного рода. Не говоря уже о том, что он и большинство команды страдали дизентерией—эпидемией, которая вспыхнула в Дарданеллах как среди сухопутных войск, так и на эскадре, у него произошел несчастный случай при первой же встрече с противником. Во время уничтожения в Родосто парохода и нескольких фелюг при взрыве были сильно обожжены старший офицер и один из унтер-офицеров, вышедшие из строя до конца похода.

В течение последующих десяти дней, несмотря на болезненное состояние почти всей команды, были уничтожены две бригантины, два небольших парохода и ряд фелюг. 10 июля Кохрэн взорвал пароход в 3.000 тонн, стоявший у пристани в Мудании, но, не довольствуясь своими успехами, пошел в Босфор. День 15 июля он провел сначала на грунте, на мели Леандер, а затем всплыв, выпустил торпеду, заряженную тринитротолуолом в набережную арсенала. Последовал оглушительный взрыв, но судить о результатах не пришлось. Выйдя из Босфора, он в полночь бомбардировал пороховой завод в Зейтунлинке, расположенный в окрестностях столицы.

После этого операций *E-7* против неприятельских коммуникационных линий приняли совершенно новый характер. В заливе Измид у мыса Кава-Бурну железнодорожное полотно Константинопольской дороги проходит по самому берегу моря и оно-то и привлекло внимание командира лодки. Рано утром 17 июля он бомбардировал этот участок до тех пор, пока путь не оказался достаточно изрыт, а затем пошел в глубину залива, где имелась судостроительная верфь. Верфь не работала и стояла закрытой. Осматривая окружающую местность, Кохрэн заметил воинский поезд, следующий по направлению к Константинополю. В надежде, что испорченное полотно не даст возможности поезду пройти дальше, он полным ходом пошел за ним вдоль берега. Надежды оправдались, через двадцать минут поезд снова появился, он шел задним ходом и остановился, закрытый с моря рощей. Деревья сильно мешали корректировать

стрельбу, но тем не менее двадцатым выстрелом были взорваны три вагона с боевыми припасами. Вскоре показался еще один поезд, подвергшийся участи первого. Затем *E-7* направилась в залив Мудание, где провела четверо суток, утопив ряд паровых и парусных судов и взорвав на северном побережьи несколько боевых складов. 22 июля Кохрэн снова подошел к железнодорожному полотну и обстрелял еще один поезд, не причинив на этот раз вреда, т. к. поезд шел с большой скоростью. После этого он бомбардировал железнодорожный виадук, хотя и безуспешно, но обстрел сыграл свою роль. Неприятель не мог не считаться с уязвимостью данной железнодорожной линии. Вечером *E-7* встретилась с *E-14*, вышедшей в свой третий поход в Мраморное море и узнал от ее командира неприятную новость. Подходя к мысу Нагара, самому трудному в навигационном отношении пункту, кап.-лейт. Бойль обнаружил, что турки заняты установкой сетевого заграждения и протягивают его от одного берега к другому. Линия стоявших лихтеров показывала место сетей. Заметив, однако, что существует „прореха“, командир *E-14* погрузился на 80 фут. и чисто прошел заграждение [1]).

Три дня спустя на обратном пути Кохрэну пришлось испытать последствия установки нового заграждения, но по счастию все прошло удачно. Бон несколько сдрейфовало и для лодки осталось достаточно места, чтобы пробраться под берегом. Ниже по течению *E-7* дважды запутывалась в минрепах, оба раза блестяще вышла из положения и благополучно возвратилась в базу. Доблестный дух, умение и находчивость, проявленные лихим командиром и не менее лихой командой, измученных к тому же тяжелой болезнью, вызывали всеобщее восхищение.

Подвиги наших лодок омрачились несчастьем их французского товарища. Подводная лодка *Mariotte*, сравнительно новой постройки, немножко меньше и слабее английских „E“, отправилась 25 июля в Мраморное море, рассчитывая на другой день присоединиться к *E-14*. По началу все шло хорошо, но в 5 ч. 30 м. утра, считая себя в этот момент выше заграждений узкости, она неожиданно в чем-то запуталась и остановилась. Никакие меры не помогали; лодка не двигалась ни вперед, ни назад. Всячески стараясь освободиться от неизвестного препятствия, она вдруг всплыла. Боевая рубка вышла из воды и оказалось, что лодка находится не

[1]) Повидимому заграждение не было еще окончательно готово к этому времени. По турецким сведениям сети были поставлены в июле; проход имелся у самого м. Нагара, где глубина на отмели не превышала четырех саженей. Впоследствии выяснилось, что длина сети была 70 метров, толщина стального троса колебалась от 3″ до 5″. Заграждение охранялось моторными катерами, вооруженными бомбометами, и тремя батареями, с 10 орудиями каждая.

далее как в 1—$1^1/_2$ каб. от одной из Чанакских батарей, которая немедленно открыла огонь. В довершение затруднений форштевень *Mariotte* зацепил минреп с миной. Попытка погрузиться не удалась, так как огонь батарей успел сделать свое дело и оставался только один выход—прекратить борьбу, предварительно испортив все механизмы. Убедившись, что лодка потонет, офицеры и команда сдались туркам, к великому огорчению их английских товарищей.

Гибель *Mariotte* служит лишним подтверждением тех невероятных условий, в которых приходилось оперировать подводным лодкам, и остается только удивляться поразительной выдержке и настойчивости личного состава, которым обязаны успехи их операций.

Более двух месяцев лодки держали в панике все Мраморное море. Появляясь то тут, то там, действуя одинаково отчаянно смело, то в одном, то в другом конце моря, они создали у турок впечатление, что лодок гораздо больше, чем было на самом деле. Перевозка войск морем в Галлиполи совершенно прекратилась, и если появлялись пароходы, то только госпитальные. Количество последних даже возбудило подозрение. Но тщательный их осмотр рассеял подозрения, что под флагом Красного Креста скрываются транспорты. Большое число госпитальных судов объяснялось тяжелыми потерями, понесенными турками во время июльских контратак [1]). Работа подводных лодок нашла себе поддержку со стороны русского Черноморского флота, который по нашей просьбе продолжал набеги на турецкий угольный район. К концу июля суда русской эскадры сожгли один угольный склад, разрушили три судостроительных верфи и утопили свыше ста парусников, занятых перевозкой угля и горючего. Для прикрытия этих операций, в Босфор был послан подводный заградитель, поставивший мины, на которых 25 июля подорвался *Бреслау*, вынужденный войти в док.

По другую сторону пролива, в Егейском море, деятельность флота, помимо бомбардировочных операций, сводилась к блокаде неприятельского побережья. До известной степени эта деятельность, поскольку она препятствовала притоку грузов в Турцию, дополняла работу подводных лодок. Сведения о продовольственных затруднениях в Константинополе принимали все более настойчивый характер и с этим фактом считались, возлагая и на него некоторые надежды. Однако, главный объект блокады был, конечно, другой. Со всех точек

---

[1]) Турки, однако, признавались, что пользовались флагом Красного Креста для перевозки войск. Это давало законное право их топить, но ни Гамильтон, ни Де-Робек не хотели прибегать к подобной крайней мере. Лодкам предписывалось стараться останавливать пароходы, выходящие из Константинополя, и уничтожать их в случае обнаружения войск или боевых припасов.

зрения германская подводная угроза являлась самым крупным фактором в создавшейся обстановке. Теперь, когда якорные стоянки флота были обеспечены против атак немецких лодок, главная роль флота сводилась к задаче прекратить доставку им горючего и другого снабжения и не допустить устройства баз в Егейском море.

Читатель уже знает, что формальное объявление блокады состоялось ранее. Смирна представлялась наиболее удобным портом для противника и этот район был поручен наблюдению английских судов. Дозорный отряд оперировал от залива Адрамити до Хиоса, базируясь на порт Иеро, на юго-восточном берегу о. Митилена, где греческое население относилось с симпатией к союзникам. Отряд состоял из двух крупных судов, двух миноносцев и небольшого буксирного парохода с десантной партией для непосредственного осмотра подозрительных „купцов". Кроме того при отряде состояли два траулера с индикаторными сетями и эскадренный тральщик *Gazelle*, оборудованный в качестве заградителя. Здесь же стоял и пароход—авиатранспорт *Ben-My-Chree*. К югу от Смирнского района, все Егейское море до линии, проходящей между южной оконечностью Греции и Мармарисом, расположенным на азиатском побережьи, находилось под наблюдением французских судов. Последние тоже базировались на порт Иеро и держали блокаду до Самоса. Между районом Смирны и Мудросом блокаду нес, так называемый, „южный дозор" в составе двух легких крейсеров и одного парохода „досмотрщика". Этому дозору вменялось в обязанность разыскивать базы немецких „U" среди островов греческого побережья, сведения о которых беспрерывно поступали со всех сторон. Кроме того был сформирован еще один отряд—„северный дозор", состоявший исключительно из вооруженных буксирных пароходов, задача которых состояла в том, чтобы следить за Салониками и Дедеагачем, и не допускать проникновения в Турцию контрабанды через греческие и болгарские порты.

В Сарросском заливе всегда находился миноносец, поддерживающий радио-связь с лодками, оперирующими в Мраморном море, и наблюдающий за Булаиром, а также и за островом Самотраки.

На вышеописанной дислокации в данном районе, который подчинялся Де-Робеку, зиждилась безопасность прибывающих наших подкреплений, следовавших Средиземным морем. За безопасность остальной части пути следования транспортов, исключая района Гибралтара, Мальты, побережья Египта и Сирии, ответственным являлся главнокомандующий французским флотом. Мы настаивали на конвоировании транспортов миноносцами, но французский адмирал не находил возможным исполнить наше желание,

ссылаясь на то, что все его миноносцы поглощены дозорной службой между Мальтой и Сицилией, к югу от Мальты, у Ионических островов, а также между Критом и мысом Матапаном. Таким образом, транспортам приходилось идти без всякой охраны, за исключением тех случаев, когда высылаемые в дозор вооруженные буксиры могли быть использованы для конвоирования наиболее тихоходных из них. В остальном помощь главнокомандующего французским флотом сводилась к недопущению выхода неприятельских лодок из Адриатического моря, которые, по сведениям разведки, отправлялись в разобранном виде по железной дороге из Германии в Полу, а также иногда и к указаниям транспортам наиболее безопасных путей, соответствующих суточной обстановке на море.

В дальнейшем вопрос о безопасности следования транспортов усложнился требованиями сухопутного командования. Руководствуясь соображениями организационного характера, Гамильтон и его штаб настаивали на предварительном заходе всех транспортов в Александрию. Такая мера увеличивала плавание, связанное с опасностью подводного нападения, на 700 миль и Де-Робек протестовал, но безуспешно. Гамильтон, вообще не склонный рисковать, на этот раз не уступал. Однако, двум наиболее крупным пароходам *Aquitania* и *Mauretania* было разрешено следовать прямо на Мудрос [1]).

Выходя из Египта транспорты попадали в британскую зону и шли по охраняемым фарватерам на Мудрос, где за их участь можно было быть спокойным. Здесь люди и грузы перегружались на миноносцы, эскадренные тральщики, траулеры и другие мелкие суда и отправлялись по местам высадки. Отправка всегда производилась ночью, и суда шли без охраны, но сажать зараз более 500 человек категорически запрещалось. Надобность в таких предосторожностях подтвердилась печальным случаем с французским транспортом *Carthage*, имевшим место 4 июля. 1 июля *Carthage*—пароход в 5 600 тонн водоизмещения—прибыл с грузом снарядов и разными предметами боевого снабжения. К моменту его прибытия недостаток снарядов на фронте ощущался чрезвычайно

---

[1]) Эти два парохода совершили переход в одну неделю, в то время как остальные транспорты, заходившие в Александрию, потратили две недели. Ценность подобных судов при переброске войск на дальнее расстояние видна из следующего: *Aquitania* вышла из Ливерпуля с 3 470 ч. X дивизии 9 июля и прибыла на Мудрос 16 июля. *Mauretania* с 5 800 ч. XI дивизии вышла 3 июля и прибыла 10 июля. Возвратившись немедленно обратно, оба парохода снова вышли 30 июля, доставив к 6 августу на Мудрос 5 860 ч. IV дивизии. В течение месяца с небольшим они перевезли около 12 000 офицеров и солдат, покрыв расстояние свыше 30 000 миль.

остро, почему было решено рискнуть и, не теряя времени, послать его к участку Хеллес, тем более, что после 17 июня, когда в один из транспортов были выпущены (к счастью, неудачно) две торпеды, в этом районе не произошло ни одного случая подводного нападения.

Carthage благополучно разгружался в течение четырех суток и успел переправить на берег 5 000 снарядов, но затем подвергся атаке немецкой лодки и затонул через пять минут.

Суровый урок заставил впредь не нарушать установленного порядка. Недостаточное оборудование Мудроса необходимыми средствами и неготовность строящихся пристаней чрезвычайно замедляли разгрузку и это обстоятельство, главным образом, и вызывало нарекания транспортного отдела Адмиралтейства, заинтересованного в скорейшем возвращении транспортов в Англию. Выгрузка в пунктах высадки также не могла идти быстро за неимением удобных пристаней; к тому же побережье находилось под постоянным обстрелом и как войска, так и рабочие команды, приходилось высаживать только в ночное время. По мере прибытия подкреплений Мудрос все более и более переполнялся и затруднения, связанные с выполнением требований сухопутных начальников, все увеличивались. Старшим морским начальником на Мудросе попрежнему оставался адм. Веймисс, совмещая в своем лице должность гражданского губернатора острова, хотя греческий губернатор не уезжал и исполнял свои функции. Со времени ухода в отставку Венизелоса, после отказа короля Константина выступить в Дарданеллах совместно с союзниками, отношение к греческим властям испортилось. Появились всевозможные трения и затруднения в вопросах, касавшихся местного населения и в особенности тех иностранцев, пребывание которых на острове не могло быть желательным. После новых выборов, состоявшихся в середине августа, когда Венизелос опять вернулся к власти, отношения снова наладились. К этому времени Веймисс имел в распоряжении крейсер *Europa* и получил возможность удобно разместить на нем свой штаб. В состав штаба вошло новое должностное лицо, специально ведавшее транспортами—„Старший транспортный офицер", работа которого протекала в полной связи с работой „начальника военных сообщений" штаба Гамильтона. Оба эти офицера вместе со своими канцеляриями помещались на *Europa* и тесное их соседство принесло не малую пользу общему делу. Кефало и порт Иеро несколько разгружали Мудрос. Кроме того по близости находился еще один порт—Кондия, на который базировался вспомогательный крейсер *Osiris* и состоявшие при нем сто трауллеров и дрифтеров. Воздушная база и аэродром были устроены на Тенедосе, где обязан-

ности губернатора исполнял кап. I р. Лоринг, в распоряжении которого имелся отряд морской пехоты.

Ко всем остальным заботам, выпадавшим на долю флота за время перерыва в сухопутных операциях, прибавился вопрос о мелких судах и плавучих средствах. Недостаток и невозможность получить необходимое количество подобного рода судов ощущался с самого начала, но теперь в связи с увеличением численности армии и наметившейся новой операционной линии, а также необходимостью оставлять транспорты на Мудросе, проблема чрезвычайно усложнялась.

Считаясь с возможностью прекращения сообщения с берегом из-за свежей погоды и по другим причинам, надо было всегда иметь на всех участках запас рационов для войск на 24 дня, и даже больше того, так как находили желательным увеличить эту норму до 30 дней. Кроме того не хватало пресной воды. Опреснитель на Мудросе едва справлялся с потребностью флота, а для армии воду приходилось доставлять из Египта и перекачивать в баржи. Требованиям на плавучие средства буквально не было конца и мелкие суда и баржи скупались повсюду, где только было возможно. Некоторую помощь оказали присланные из Англии специально построенные 13 моторных лихтеров. Снабженные крышей, не пробиваемой пулями, они брали от 300 до 400 человек и имели на носу специальные сходни. Не нуждаясь в буксирах, лихтеры могли под своими машинами выбрасываться на берег и люди прямо из-под крыш выскакивали на пляж. Лихтеры были отправлены в Кефало, т. к. отряд, прикрывающий десант для Сувлы, должен был отправиться с Имброса. Он состоял из XI дивизии и в ночь на 1 августа три бригады этой дивизии, высаженные ранее на участке Хеллес, были в полной тишине сняты с позиций и доставлены на Имброс, где остальные части дивизии практиковались в посадке и высадке с новых лихтеров. Пункт сосредоточения Анзакских подкреплений, главные силы которых составляла XIII дивизия генерал-майора Шау, был Лемнос. Туда же под покровом ночи прибыли с своего участка и три французские бригады, на что генерал Байо в конце концов дал свое согласие. Индийская бригада и одна бригада X дивизии дополняли состав Анзакского отряда. Из двух остальных бригад X дивизии, которые предназначались для высадки в Сувле, три батальона находились на Лемносе и шесть на Митилене.

Итак, несмотря на многочисленные препятствия, длительная и трудная подготовка сосредоточения сил—закончилась. Все было готово для нового крупного усилия в надежде успешно сдвинуть дело с мертвой точки.

ГЛАВА V.

Сувла

Карты 4 и 5.

Военная история Англии имеет свою характерную особенность, отличную от военной истории других государств. Длинный ряд войн проходил под знаком крупных соединенных операций армии и флота. Не считая тех из них, которые имели своей задачей диверсии или захват территорий второстепенного стратегического значения, все остальные соединенные операции, происходившие во время столкновений мирового масштаба, преследовали определенную цель — нанести удар на решающем направлении. Наиболее яркие примеры — Крымская кампания, Гаванна, Квебек и Валхерен — занимают в анналах нашей истории видное место, не превзойденное нигде в современных войнах. И только во время русско-японской войны другая островная держава решительно применила метод смешанных операций.

В последнюю войну наши операции подобного рода сохранили свою типичность и показали, что способность Британии к этой наиболее трудной и непопулярной форме боевых действий не угасла. Старый инстинкт, всегда искавший в ней выхода для разрешения стратегических проблем, не потерял своей силы. Первая высадка на Галлипольском полуострове безусловно затмила собою все прежние примеры. Предпринятая попытка казалась в то время настолько безнадежной, что даже частично одержанный успех привел на время врага в смущение. А моральный успех подавал надежду на перемену всей военной обстановки вообще. Бой за захват побережья сам по себе заслуживал высокой оценки. Но разработка операции и ее организации стоят наравне с Валхеренской и Квебекской операциями. Первая высадка достаточно ярко характеризует жизненность британской традиции, но высадка в Сувле в этом отношении еще более показательна. Никогда не было предпринято операции равной по сложности замысла, трудности и значению и остается только преклониться перед теми, кто сумел привести ее в исполнение.

После трехмесячной кампании на ограниченной территории, находившейся в расстоянии полусуточного перехода от неприятельских резервов, был предпринят маневр, в основу которого был положен принцип внезапности, не только в стратегическом, но и в тактическом отношениях.

Маневр должен был начаться в темноте, высадку тоже требовалось произвести до наступления рассвета и кроме того на побережьи, большая часть которого не могла быть

обследована, а численность десантных войск достигла цифры совершенно небывалой.

При прошлой высадке у м. Хеллес флот не мог гарантировать успешной доставки в темноте десанта даже гораздо меньшего, ввиду чего тогда и было решено пожертвовать ночной внезапностью ради поддержки с моря. Теперь же обстановка изменилась; флот оказался лишенным возможности использовать мощь своей артиллерии и кроме того у новых участков высадки не было тех неправильных течений, которые в темноте так мешали движению шлюпок у побережья южных участков. Поэтому вполне естественно, что на этот раз вопрос разрешился в пользу внезапности. Соблюсти ее представлялось возможным только в период безлунных ночей и операция была назначена в ночь с 6 на 7 августа, т. к. новолуние наступало 10 августа. Предварительно требовалось высадить от 7 000 — 8 000 штыков и 40 орудий на участке Анзак, что и состоялось в течение ряда ночей после 31 июля. К 3 августа все люди и орудия были доставлены на берег, не обнаруженные противником. Затем надо было высадить находившиеся на Мудросе подкрепления для австралийского корпуса в составе пяти пехотных бригад, при чем не только факт высадки подкреплений должен был оставаться в секрете от неприятеля, но и пребывание их на берегу надо было скрыть до последней минуты. Для этого ген. Бердвуд устроил специальные земляные укрытия.

С целью прикрыть производящиеся операции был предпринят ряд мер, чтобы отвлечь внимание противника на азиатский берег. Стоявшие на Митилене на транспортах в ожидании приказаний шесть батальонов X дивизии ежедневно высаживались на берег для тактических упражнений, при чем Гамильтон производил им смотр. Одновременно предпринимались меры, чтобы создать впечатление нападения из залива Адрамити на железную дорогу Смирна-Пандерма, важную коммуникационную линию турок, значение которой особенно возросло после крейсерства наших лодок в Мраморном море. Ниже по побережью командующим французской эскадрой адм. Николь, державшим флаг на л. к. *Patrie*, производилась еще более серьезная демонстрация. Днем 3 августа отряд транспортов и авиотранспорт *Ben-My-Chree*, конвоируемые французской эскадрой, появились у маленького порта Сигхаджик, расположенного в 20 милях южнее Смирны. Тральщики поставили сетевое заграждение поперек залива. Вооруженные буксирные пароходы, составлявшие внутреннюю охрану рейда, расположились за ним и эскадра приступила в бомбардировке.

В 4 ч. дня бомбардировка прекратилась; транспорты вошли в бухту и начали спускать шлюпки. Мелкие суда собрались около и началась обычная процедура по доставлению десанта на берег. К наступлению темноты целая флотилия шлюпок, лихтеров и т. п. отвалила к берегу, создавая картину настоящей высадки.

В течение трех ночей (3 — 5 августа) подкрепления австралийцам и ново-зеландцам были благополучно доставлены на миноносцах и десантных ботах, при чем противник ничего не заметил. Только под утро 4 августа батареи Оливковой рощи, после долгой летаргии снова заговорили и засыпали пляж снарядами, но особенного вреда не принесли. Затонули лишь один небольшой пароход и бот для перевозки лошадей. Затем они снова замолчали. На следующую ночь крейсер *Grafton* (снабженный противоминными утолщениями) произвел кратковременную бомбардировку рощи, чтобы „напомнить туркам о неразумности показывать места своих батарей вспышками выстрелов".

Операция сосредоточения подкреплений закончилась; все было готово для высадки в Сувле, но эта высадка была сопряжена со значительно бо́льшим риском, чем доставка войск и грузов на участок Анзак. По предварительному соглашению между морским и сухопутным командованием было решено высаживать все части не в самой бухте, а несколько южнее ее на побережьи Нибрунези. Условия высадки здесь были чрезвычайно благоприятны. Места для маневрирования высаженных войск было достаточно, а глубина позволяла миноносцам притыкаться форштевнем прямо к берегу. Как с морской, так и с сухопутной точек зрения нельзя было желать большего, о чем и указывалось в директиве главнокомандующего от 29 июля на имя генерал-лейтенанта Стопфорда, командовавшего прибывшим IX армейским корпусом и на которого возлагалось руководством всей Сувлской операцией. Первая предстоящая ему задача была формулирована: „Обеспечить бухту Сувла в качестве базы для войск, оперирующих в северной зоне". В случае, если бы Стопфорд убедился в возможности разрешить задачу, не вводя в действие всех своих войск, то ему надлежало поддержать наступление ген. Бердвуда со стороны Анзака и атаковать деревню Буюк-Анафарта с целью овладеть восточными дорогами Сари-Баира. Обсудив вопрос со всех сторон, Стопфорд и начальник головной XI дивизии пришли к заключению, что нельзя „обеспечить базу", не захватив всего пространства между бухтой Ейльмер и Сари-Баир, известное под названием возвышенности Анафарта. Для этого, по их мнению, требовалось высадить две бригады внутри самой бухты Сувла на ее восточном берегу.

Подобная мера встретила серьезные возражения со стороны Де-Робека и его штаба. Основательная разведка бухты с моря и со стороны левого фланга Анзакских позиций убедила моряков в нежелательности ночной высадки в глубине бухты. Хотя секретность операции и не позволила произвести точного промера, но и имеемые сведения достаточно говорили за то, что старым картам доверять нельзя. Северный берег бухты значительно обмелел, а у восточной имелась масса подводных рифов. При таких условиях нельзя было гарантировать одновременную высадку двух бригад. Одну бригаду еще представлялось возможным высадить, но обещать доставку второй бригады ранее как через четыре часа после выгрузки первой,—флот не мог. Надо было считаться с тем, что моторные лихтеры наверное сядут на мель и не смогут во-время возвратиться для перевозки второй партии войск. Поэтому моряки стояли за высадку всех войск в Нибрунези. Однако, сухопутное командование настаивало на своем. Из северной части бухты тянулась на *NO* параллельно берегу возвышенность Караколь, захват которой был обязателен в первую очередь. Иначе, по мнению сухопутных начальников, бухту нельзя было удержать и использовать, как базу. Между южными концами возвышенности и побережием Нибрунези находилась лагуна (соленое озеро). Между этой лагуной и южной частью восточного берега бухты оставалась лишь узкая песчаная полоса, по которой и должны были двигаться войска, высаженные на побережьи Нибрунези и наступающие в северном направлении. Высохло ли соленое озеро или нет, не было видно, но если оно оказалось бы непроходимым или же защищалось противником, то оставалось мало шансов на успешную атаку возвышенности войсками, наступающими со стороны Нибрунези. Поэтому Гамильтон считал необходимым высадить половину десанта внутри бухты к северу от протока, который, как думали, соединял лагуну с морем.

Оба главнокомандующих — морской и сухопутный — оказались перед разрешением одного из тех деликатных вопросов, неизбежность которых при совместных операциях армии и флота очевидна. Континентальные державы в таких случаях всегда видели один выход из положения— подчинить морского начальника сухопутному; но наш вековой опыт учил, что фактически подобное разрешение проблемы больше создает затруднений, чем их устраняет. Мы предпочитали иметь двух равных в правах и не подчиненных друг другу главнокомандующих. Начальник морских сил являлся старшим на море, командующий войсками — на берегу. По традиции повелось, что адмирал высаживал войска и сажал их обратно на суда там, где пожелает сухопутный начальник, но при условии, чтобы требования

последнего были технически выполнимы и не угрожали безопасности флота.

Поэтому, раз план Гамильтона, с точки зрения моряков, вызывал опасность для войск, а сухопутный главнокомандующий был предупрежден о морском риске, то последнее слово оставалось за ним. Конечно, подобная система возможна лишь при добром согласии обоих начальников и взаимном их понимании друг друга. Однако, мы считали, что на практике единственно она дает наилучшие результаты, примером чего и служат Дарданеллы.

В данном случае приходилось разрешать исключительно сложный вопрос. Интересы морские и сухопутные сильно расходились. Для моряков владение Сувлой являлось совершенно необходимым не только потому, что оно давало возможность флоту оказывать постоянную поддержку армии, но еще и потому, что бухту легко можно было заградить сетями, а следовательно, обеспечить крупным судам безопасную стоянку, т. е. другими словами значительно сократить затруднения, связанные с снабжением всего северного района. Сети представляли препятствия для подводных лодок, но отнюдь не для торпед, и понятно, что пока, в первые дни операции, бухта будет переполнена судами, тесно стоящими друг к другу и в непосредственной близости от сетей, вероятность попадания торпеды, выпущенной снаружи заграждения, должна быть велика. Тем не менее Де-Робек соглашался на этот риск, т. к. иначе он не мог оказать той поддержки, в которой нуждалась армия, готовая сделать последнюю попытку в надежде прорвать фронт турок. Но неприятельские батареи, установленные на высотах, командовавших над бухтой, заставляли транспорты держаться почти вплотную к сетям и это обстоятельство настолько усиливало риск, что грозило свести на-нет все преимущества новой базы. Последнее соображение заставляло Де-Робека согласиться с высадкой, на которой настаивали сухопутные начальники и в особенности начальник XI дивизии, считавший, что для захвата возвышенности Анафарта высадка эта совершенно необходима; 2 августа последовало некоторое изменение плана и в конце концов состоялось решение высаживать внутри бухты одну бригаду, а вторую бригаду свозить с остальными войсками у Нибрунези, откуда после захвата Лала-Баба десант мог двигаться к северу вдоль побережья. Решив против желания согласиться на риск, связанный с одновременной ночной высадкой у неизвестного берега целой бригады, Де-Робек немедленно принял все зависящие от него меры, чтобы свести опасность до минимума. На случай возможных аварий миноносцев и моторных лихтеров была приготовлена флотилия трауллеров и дрифтеров, которая со шлюпками транспор-

тов на буксире, должна была стоять на якоре при входе в бухту. Последние распоряжения начальника морских сил служат прекрасным примером того духа, которым были проникнуты все от первого до последнего участника и свидетельствуют о разумности наших традиционных форм организации высшего командования, вверенного начальникам, взаимно понимающим друг друга и одушевленным добрыми намерениями.

С прибытием почти всех мониторов и крейсеров с противоминными утолщениями вопрос артиллерийской поддержки флота стал несколько проще. Вся операция по бомбардировке неприятельских батарей ложилась на них. Линейные корабли оставались в резерве для форсирования пролива на случай удачи сухопутного наступления. „Корабли поддержки“ составили три отряда. Первому отряду, которым командовал адм. Никольсон, державший флаг на *Exmouth*'е, стоявшем в Кефало, поручался южный район (Хеллес), для поддержки промежуточной операции—атаки крупными силами позиции у Критии и Ачи-Баба [1]). К левому флангу участка Хеллес были назначены крейсер *Edgar*, три монитора, два миноносца и пароход с привязным аэростатом *Hector*. Поддержку правому флангу этого участка должны были оказывать два британских и два французских миноносца, но, главным образом, монитор *Roberts* и один малый монитор, стоявший у острова Раббит, роль которых сводилась к подавлению огня азиатских батарей. В случае недействительности огня мониторов в Кефало должен был стоять наготове оказать им поддержку французский линейный корабль.

Второму отряду поручался участок Анзак. В состав его входили крейсер *Bacchante* (брейд-вымпел кап. I р. Бойля), один большой и три малых монитора для поддержки правого фланга австралийцев и крейсер *Endymion* (с противоминным утолщением) с одним малым монитором и двумя миноносцами для поддержки левого фланга.

Третьим отрядом командовал командир легкого крейсера *Talbot* кап. I р. Врей. *Talbot* с крейсерами *Grafton* и *Theseus* предназначались непосредственно для Сувлы. Два монитора этого отряда посылались к мысу Нибрунези, а третий к северу от залива Ейльмер. Для корректировки стрельбы третьего отряда были назначены пароход с привязным аэростатом *Manica* и один миноносец. Общее руководство высадкой возлагалось на контр-адмирала Кристиана, сменившего заболевшего адмирала Хорнби и поднявшего временно флаг на канонерке *Jonquil*.

---

[1]) Во время операции Никольсон держал флаг на *Scorpion*'е и находился у левого фланга.

Чтобы отвлечь внимание турок от северного участка, флот предпринял две небольшие диверсии. Турки прекрасно знали о прибытии крупных подкреплений, оценивая их в 100 000 человек, и сосредоточили на Галлипольском полуострове значительные силы. Они, конечно, ожидали наступления, но не могли предугадать, где именно обрушится удар и сосредоточили свои силы в наиболее вероятных пунктах нападения. Три дивизии стояли на азиатском берегу, в районе бухты Башика, пять—было сосредоточено против наших южных участков, три против участка Анзак, три охраняли Булаирский перешеек, а одна дивизия стояла южнее Анзака, там, где Чанакское плоскогорье спускается к морю, т. е. в районе Оливковой рощи. Здесь должна была состояться демонстрация высадки с флотилии траулеров, одновременно с высадкой в Сарросском заливе с крейсера *Minerva* и миноносца *Jed* 150 человек партизан под командой французских офицеров для набега на северное побережье.

Сувлская операция началась атакой на южном участке фронта, которым временно командовал начальник XLII дивизии ген. Дуглас, заменивший заболевшего генерала Вестона. Хотя атаки и должны были носить демонстративный характер, но не исключалась возможность некоторых тактических успехов, могущих в скором времени привести к падению Критии. Атака ограничивалась наступлением со стороны нашего правого фланга и центра (французы должны были лишь удерживать захваченные ранее окопы) и была назначена на 6 августа в 3 ч. 50 м. дня. Предварительная подготовка атаки началась раньше. Несколько дней корабли поддержки время от времени бомбардировали Ачи-Баба и другие позиции неприятельской артиллерии. Непосредственно перед атакой артиллерийскую подготовку должен был произвести весь I отряд. Каждое из судов имело определенную группу батарей для обстрела, кроме того они обязаны были класть некоторое количество снарядов на ветренную сторону Критии и Ачи-Баба, чтобы создать завесу из пыли перед неприятельскими наблюдательными пунктами. Миноносцы имели приказание стрелять, руководствуясь указаниями с берега. Все началось прекрасно в соответствии с планом операции. На левом фланге местами удалось продвинуться вперед, но центр и правый фланг встретили сильное сопротивление больших масс турок и несмотря на упорный бой противник держался здесь крепко. Фактически турки невольно играли Гамильтону в руку. Не зная, откуда ожидать удара союзников, они решили произвести сильное наступление против участка Хеллеса. Для этой цели они сосредоточили на юге пять дивизий и сделали именно то, чего добивался Гамильтон своей демонстративной атакой.

Одновременно такая же атака была произведена австралийцами против левого фланга турок в районе сильно укрепленной возвышенности, носившей название „Пайн". Здесь атака тоже преследовала главным образом демонстративную цель, но захват горы был крайне желателен. Она командовала над источником, из которого турки получали воду и кроме того ее захват открывал возможность в будущем взять „в клещи" оконечность полуострова. С моря атаку поддерживал второй отряд. Артиллерийская подготовка поручалась крейсеру *Bacchante* [1]), при котором находились мониторы, обязанные не допускать обстрел крейсера неприятельской артиллерией: монитор *Havelock* (14″ оруд.) должен был следить за узкостью и подавлять огонь с могущих там появиться турецких судов, а *Humber* и *M-33* стрелять по батареям, расположенным между Габа-Тепе и Оливковой рощью. Бомбардировка началась в 4 ч. 30 м. и через час австралийцы бросились вперед и прорвав проволоку ворвались в неприятельские окопы. Турки сопротивлялись с большой храбростью и упорством, и, хотя австралийцы и выбили их из окопов, гора оставалась еще далеко. Несмотря на то, что огонь *Bacchante*, перенесенный за окопы на долину, по которой подходили турецкие цепи, наносил противнику жестокий урон, турки не дрогнули и вводили в бой все новые и новые массы людей. Час за часом шла упорная борьба, продолжавшаяся до рассвета. Со времени первой высадки ни разу еще бои не отличались такой настойчивостью. Овладеть горой „Пайн"—не удалось, но австралийцы сохранили все взятые окопы, захватив при этом много пленных.

К этому времени атака на главном направлении была в полном ходу. Цель ее, как мы уже знаем, заключалась в том, чтобы захватить возвышенность Сари-Баир, господствовавшую как над турецкими позициями, так и над позициями австралийцев. На склоне Сари-Баир, там, где возвышенность у Хеллеса, получившая название горы „Battelschip", спускалась к морю, кончалась главная турецкая оборонительная линия, но за ней тянулся ряд окопов и мелких укрепленных позиций до побережья „Океан". За главной линией окопов и правее ее находилась другая возвышенность Чунук-Баир, которая не защищалась окопами. Овладев последней, мы получали в свои руки Сари-Баир, а следовательно, и возможность обойти фланг противника и угрожать его тылу.

План операции предусматривал начало наступления со стороны крайнего левого фланга австралийского расположения в северном и северо-восточном направлениях. После

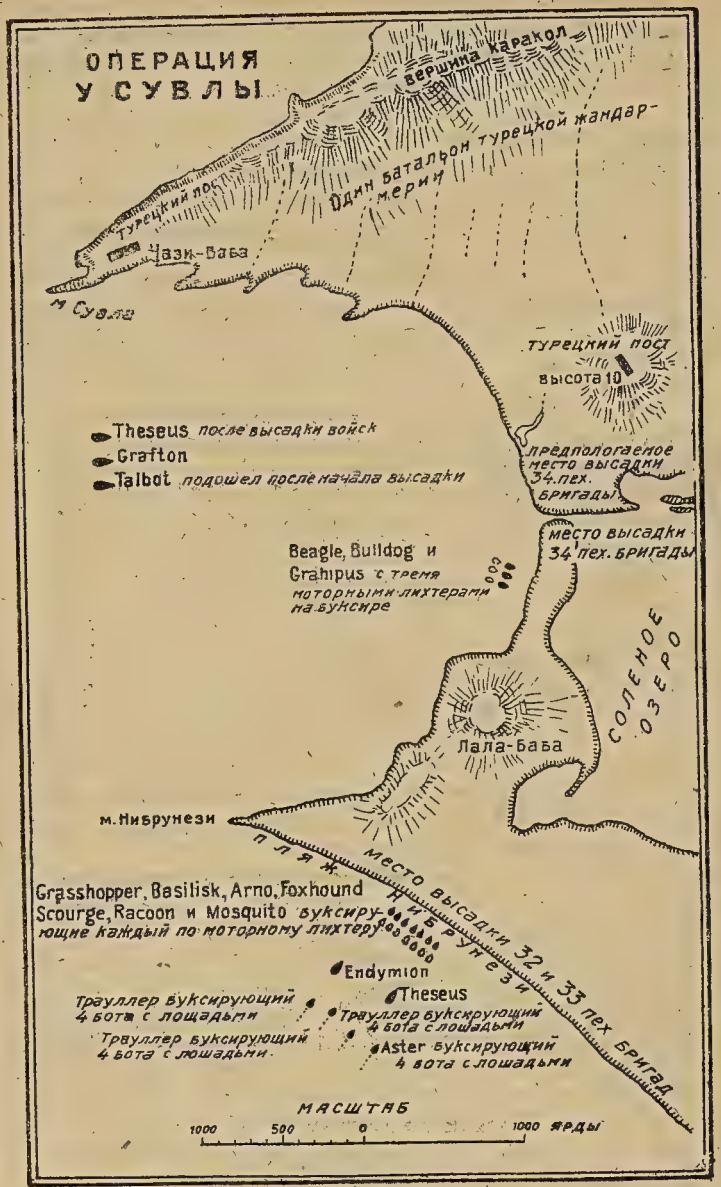
[1]) *Bacchante*—II—9,2″; XII—6″ и XII—12-фунтовых орудий.

того атакующие части должны были повернуть и подойти с востока к Сари-Баир. Выполнение такого сложного маневра на пересеченной местности, покрытой густым кустарником, требовало большого искусства. Для наступления войска были сведены в четыре колонны. Две колонны составляли атакующий отряд, а две другие прикрытие. Задача прикрывающего отряда состояла в овладении местностью к северу, с целью обеспечить атакующему отряду проход в долины для нанесения удара на главном направлении.

За время предварительной стадии наступления, надлежало захватить передовые турецкие позиции и здесь флот мог оказать непосредственную помощь. Первую из них составляла позиция „Пост № 3“, расположенная в 400 саженях от берега. В мае туркам удалось отбить этот пост и с тех пор они обратили его в сильно укрепленную неприступную позицию. Было решено взять „Пост № 3“ хитростью, возложив выполнение задачи на одного из бригадных начальников ново-зеландских войск—ген. Русселя и кап. 2 р. Сеймура—командира миноносца *Colne*, находившегося на поддержке левого фланга участка Анзак. По предварительному соглашению с ген. Русселем *Colne* в течение нескольких ночей, предшествовавших наступлению, освещал укрепления прожекторами и бомбардировал его 10 минут. Бомбардировка производилась каждый раз точно от 9 ч. 20 м. до 9 ч. 30 м. и турки привыкли в ожидании обстрела уходить под прикрытие. Само собой разумеется, что атака „Поста № 3“ была назначена на это самое время. В соответствующий момент ново-зеландцы под гром выстрелов, и в тени лучей прожекторов, начали в густом кустарнике пробираться к укреплению. Через несколько мгновений орудия смолкли, прожектора потухли и люди ворвались в укрепление, защитники которого сидели в укрытиях.

Первое препятствие было захвачено шутя и уже в двенадцатом часу ночи окружающие окопы находились в руках ново-зеландцев.

Тем временем остальная часть войск ген. Русселя перешла в наступление с целью захватить следующее укрепление—холм „Бочопс“ и долину, лежащую между ним и „Постом № 3“. К часу ночи весь район был очищен от неприятеля, путь для право-флангового отряда (атакующего) был свободен и ген. Руссель устремился к последнему препятствию—укреплению „Тэйбль“, освещенному прожекторами *Colne* и осыпаемому снарядами последнего. „Тэйбль“, расположенный на крутой возвышенности, представлял собой весьма трудный объект для атаки, но огонь *Colne* сделал свое дело. Пехота не дрогнула и, несмотря на хра-



Карта 5.

Высадка XI дивизии.

брое сопротивление турок, укрепление без выстрела было взято штыковым ударом.

Лучшего примера дружных боевых действий армии и флота трудно себе представить.

Пока шли описанные события, левая колонна прикрытия, состоявшая из двух батальонов XIII дивизии, которой командовал ген. Траверс, прошла вперед еще до того, как холм „Вочопс" был окончательно в наших руках. Не взирая на анфиладный огонь из окопов, все еще занятых противником, молодые необстрелянные войска захватили турецкие окопы, устроенные в следующей долине и пошли на штурм расположенной за ними возвышенности Дамакжелик-Баир—последней в Сувлском направлении. Таким образом, солдаты „новой армии" не только показали свою стойкость, но очистили путь для левой атакующей колонны и обеспечили слева тыл войск, наступавших на главном направлении, атаку которых по мере сил и возможности поддерживал теперь *Colne*. Высадка двух бригад XI дивизии (32-ой и 33-ей) на побережьи Нибрунези проходила столь же успешно. Погода выдалась прекрасная, море было как зеркало и посадка войск в Кефало прошла без всяких помех. Головные части грузились по 500 человек на моторный лихтер и по 500 на буксирующий миноносец, разместившись полностью на семи лихтерах и семи миноносцах. Остальные 3.000 битком забили суда *Endymion*, *Theseus*, канонерку *Aster* и шесть трауллеров. *Aster* вел на буксире моторный лихтер, а каждый из трауллеров по четыре бота с лошадьми и орудиями. У побережья высадки, исполняя роль входного маяка, стоял на якоре миноносец. Головные части подошли в точно назначенное время, т.-е. около 10 часов вечера и лихтеры, отдав буксиры, пошли к берегу. Через час люди были высажены, и два батальона двинулись к перешейку между лагуной и берегом, чтобы захватить гору Лала-Баба.

Не теряя ни минуты, лихтеры возвратились к миноносцам. К полночи закончилась перевозка головных эшелонов и лихтеры смогли встретить подходившие крейсера. Условие внезапности было соблюдено полностью. Не считая нескольких ружейных выстрелов, десант не встретил никакого сопротивления и не потерял ни одного человека.

Высадка с крейсеров прошла одинаково успешно. В 1 ч. 30 м. ночи обе бригады с орудиями и лошадьми находились на берегу и оба крейсера могли занять места по диспозиции, а высаженные части пошли вперед для атаки возвышенностей „Чоколетт" и Измаил-Оглу-Тепе или, как ее называли, гору „W". Первая из них находилась в полуторах милях на норд-ост от береговой полосы, тянувшейся к осту от лагуны, а вторая—на милю дальше. Оба этих ту-

рецких укрепления господствовали над бухтой Сувла, внутри которой шла наиболее рискованная часть операции— высадка 34 бригады XI дивизии. Для высадки этой бригады потребовалось лишь три миноносца (*Bulldog*, на котором находился начальник бригады ген. Ситвель, *Beagle* и *Grampus*) и три моторных лихтера, но сюда же к рассвету ожидались две бригады X дивизии с Митилена и Мудроса. Таким образом, 34 бригада являлась головною частью всего отряда.

Одновременно с началом высадки прибыли на *Jonquil* адм. Кристиан и ген. Стопфорд со своим штабом. Де-Робек в это время вышел на *Chatham*'е из Кефало. Место высадки было назначено в 2—5 каб. к северу от проливчика, как раз напротив холма „10", но в темноте ночи миноносцы, не имея на берегу никаких приметных знаков, уклонились несколько вправо и в 10 ч. 20 м. отдали якоря в $2^1/_2$ каб. от берега, оказавшись немного южнее проливчика. Не подозревая ошибки, лихтеры отдали буксиры и пошли. Но увы, опасения моряков сразу же оправдались. Один за другим лихтеры садились на мель, не доходя $^1/_2$ каб. до берега.

Укрытые в дюнах отдельные турецкие стрелки открыли огонь. По счастию глубина не превышала 3-х футов и хотя непосредственно у береговой черты она увеличилась, все 500 человек, идя почти по горло в воде и местами пробираясь при помощи перлиня, протянутого с лихтера на берег, благополучно высадились, не понеся серьезных потерь.

Самым трудным вопросом был вопрос их поддержки. Высадившиеся роты очень быстро попали под огонь как передовых неприятельских постов, занимавших Гази-Баба (на северной стороне бухты), так и под огонь с холма „10" и с Лала-Баба, в тот момент еще не занятых нами. Два полевых турецких орудия начали осыпать бухту шрапнелью. Лихтеры же сели на мель так прочно, что никак не могли сняться и подойти к миноносцам. Как только стало известным об аварии лихтеров, паровые катера пошли за резервными десантными ботами, но, конечно, не могли скоро вернуться обратно. Тем временем делалось все возможное, чтобы стянуть лихтеры на чистую воду. В 11 ч. 30 м. одному лихтеру удалось сойти с мели и подойти к *Grampus*'у. Через час войска с этого миноносца были на берегу, а к 2 ч. 39 м. *Bulldog* также высадил своих людей. С *Beagle*'я же десант отвалил лишь после прибытия ботов, т. е. около пяти часов утра. Происшедшая задержка успела сказаться. Ген. Ситвель успел занять одну из песчаных дюн и, приняв ее за холм „10", поджидал подхода с побережья Нибрунези 32 бригады. Турки получили время поднять тревогу и подготовиться. Атака на холм „10" была ими

отбита. Однако, позицию удалось обойти и взять с тыла. В 6 ч. утра холм „10“ находился в наших руках и только тогда началось развертывание, назначенное на 1 ч. 30 м. ночи. На несчастье задержка этим не ограничилась. С рассветом пришли с Митилены под начальством ген. Хилля пять батальонов X дивизии и возник вопрос, где их высаживать. Прибывший в этот момент на *Jonquil* кап. 2 р. Унвин доложил, что он обследовал все восточное побережье бухты и находит его невозможным для высадки ввиду того, что оно мелко и усеяно рифами. Адмирал Кристиан высказывался за немедленную отправку прибывших частей к Нибрунези, но Стопфорд колебался и дал свое согласие лишь после того, как свиделся и посоветовался с ген. Хиллем.

Но прежде чем все прибывшие транспорты двинулись дальше, приехал начальник штаба Де-Робека, коммодор Кийс, и сообщил, что в северной части бухты найдены два удобных места для высадки, хотя издали казалось, что скалы преграждают всякий доступ к берегу. В 8 ч. утра подошел на *Chatham'e* адм. Де-Робек; после произведенного им осмотра возвышенности Каракол он убедился, что на самом деле скалы тянулись в море и образовывали две удобных бухточки. Впоследствии они были названы „А восточная“ и „А западная“. Так как над бухточками повисли турецкие посты, расположенные на Газа-Баба, а на возвышенности Каракол маячили какие-то войска, то Де-Робек вытребовал монитор и два миноносца для прикрытия высадки.

Тем временем Кийс выяснил, что высота Каракол занята не турками, а 11 Манчестерским полком—лево-фланговым XI дивизии. Вскоре прибыл ген. Магон с остальными тремя батальонами X дивизии и высказал свое мнение о необходимости немедленной высадки на северном берегу. Транспорты с батальонами ген. Хилля уже трогались в путь к Нибрунези и Стопфорд не пожелал менять отданных приказаний. Но войска ген. Магона, а также один из батальонов Хилля, запоздавший прибытием, получили распоряжение высадиться по указаниям Де-Робека.

Новое место высадки имело значительные преимущества. Во-первых, надо было проходить значительно меньшее расстояние, чем от места высадки у Нибрунези, во-вторых, оно находилось вне досягаемости батарей противника и, наконец, только по близости от него судам обеспечивалась сравнительно безопасная стоянка. Наши головные части еще не успели занять передовые и неприятельские позиции, а турецкие снаряды уже падали на середине бухты.

В 8 ч. 30 м. Де-Робек с начальником штаба прибыл на *Jonquil* для переговоров с Стопфордом относительно нового порядка высадки. Пока шло совещание, миноносец *Scourge*,

пытавшийся стащить с мели один из лихтеров, получил попадание в машину, заставившее его уйти чиниться, и последнее обстоятельство окончательно решило вопрос в пользу высадки на участки „А восточная“ и „А западная“ всех остальных войск как сейчас, так и в дальнейшем.

К сожалению, вскоре выяснилось, что и новые участки имеют свои минусы: на участке „А восточная“ первые высадившиеся роты попали на фугасы и пострадали очень серьезно, но высадка продолжалась. На участке „А западная“ не хватало места; только три лихтера могли пристать одновременно носом к берегу и выгрузка шла медленно. В общем, однако, дело подвигалось. При поддержке миноносца *Foxhound*, действовавшего на фланге, и монитора, обстреливавшего турецкие позиции из бухты Ейлмер, ген. Магон настолько продвинулся по вершине берега, что лишил противника возможности обстреливать место высадки. К этому времени половина сетевого заграждения была уже поставлена и пароходы ушли за второй половиной бона.

В центре и на правом фланге обстановка сложилась менее благоприятной. Здесь головные части почти совершенно не продвинулись от берега. Линия фронта тянулась от правого фланга побережья Нибрунези через лагуну (оказавшуюся высохшей) и холм „10“ к тому месту возвышенности Каракол, которую занимали части ген. Магона, успевшие отойти на две мили от места высадки. Главная причина задержки объяснилась отсутствием питьевой воды. Водяные боты были заготовлены эскадрой своевременно и воды имелось совершенно достаточно для десанта, но вследствие перемены пункта высадки боты естественно запоздали и первые из них смогли подойти лишь после полдня и то только к той узкой полоске пляжа, на которой кипела вся выгрузка. Позднее водяные боты получили возможность укрыться под защиту Лала-Баба и *Foxhound* делал все, что было в его силах, доставляя воду отряду ген. Магона по прибрежным скалам возвышенности Каракол.

С прибытием воды затруднения, однако, не кончились. Оказалось, что войска совершенно не снабжены какой-либо посудой для распределения воды между солдатами. С судов немедленно послали парусиновые ведра, баки, жестянки и т. п. подходящие предметы, но всего этого не хватало для удовлетворения потребности, вызванной палящим зноем августовского дня. Начальники частей заявляли о невозможности двигаться дальше, пока не будет утолена жажда измученных жарою людей.

Наступление на главном направлении, со стороны участка Анзак, развивалось гораздо успешнее. Обе наступающие колонны, под блестящим руководством своих начальников, проявили мужество и настойчивость, не превзой-

денные ни разу за все время войны. Ни пересеченная местность, ни проволока, ни окопы не могли остановить могучего натиска. Все выше и выше поднимались анзакцы и сопротивление турок таяло, как воск. С первыми лучами рассвета войска подошли к Сари-Баир; правая колонна захватила холм „Рододендрон", с которого открывался путь к возвышенности Чунук-Баир, а левая находилась у подножия горы „Q" и Койя-Темен-Тепе, являвшихся конечными объектами атаки.

Становилось все светлее и светлее. Энергия измученных солдат не падала, но турки оправились и сопротивляемость их снова усилилась. Неприятельские резервы, отчаянной атакой центра австралийцев удержанные у горы „Баттельшип", были частично брошены сюда. В 7 часов утра наступление на главном направлении приостановилось. Настала очередь для артиллерии сказать свое слово и судовые пушки заговорили. *Endymion* в течение двух часов засыпал 6″ лидитными снарядами гору „Баттельшип". *Bacchante* обстреливал 9″ артиллерией Чунук-Баир, заставив замолчать два турецких орудия, а 6″-ым калибром ту же гору, что и *Endymion*, стараясь остановить переброску неприятельских резервов. В 9 ч. 30 м. стрельба смолкла и войска сделали еще одну попытку наступать, но не смогли продвинуться дальше и получили приказание окопаться.

Задержка, происшедшая при высадке в Сувле, пока что не повлияла на результаты наступления на главном направлении, но дело там подвигалось очень медленно. Отсутствие воды и связанная с этим усталость людей, а также путаница частей, происшедшая вследствие перемены пунктов высадки, сделали то, что атаки холма „Чоколетт" начались только в 5 ч. 30 м. Атаку поддерживали *Talbot*, *Theseus* и *Grafton* и к ночи позиция была взята. Одновременно на левом фланге ген. Магон с боем занял всю прибрежную возвышенность до самой ее высокой точки Киреч-Тепе-Сирт. Отсюда фронт наступающих войск шел южнее и восточнее Соленого озера до холма „Чоколетт". Промежуток между последним пунктом и возвышенностью Дамак-джелик-Баир, который соприкасался с левым флангом анзакцев, оставался не занятым. Таким образом, до линии, которую предполагалось захватить в первый день, было пройдено лишь пол-пути.

Горный хребет, тянувшийся от бухты Ейльмер к деревне Анафарта-Сагир и холму Измаил-Оглу-Тепе, попрежнему преграждал путь наступающим войскам. Высоты, командовавшие над Сувлской бухтой, и обе деревни Анафарта, в районе которых имелась столь необходимая питьевая вода, оставались в руках противника. Взять эти важные тактические пункты предполагалось еще в первый день, но

прошли сутки, и утром 8 августа войска оставались на том же месте. Стопфорд требовал от начальников дивизий скорейшего движения вперед, последние же доносили, что войска пришли в полное расстройство и из-за недостатка воды и крайнего утомления не в состоянии сдвинуться с места. Кроме того была еще причина, вызывавшая задержку наступления, и Стопфорд с ней считался. Вследствие необходимости доставить на берег мулов для развозки войскам воды, были выгружены только две горные батареи и одна полевая (без упряжек) и Стопфорд считал, что без надлежащей артиллерийской подготовки нельзя в лоб атаковать турецкие позиции. Вполне соглашаясь, что накануне судовые орудия оказали громадную помощь при атаке горы „Чоколетт", он находил, что в данном случае стрельба с моря будет мало полезной, т. к. придется стрелять по пересеченному пространству, благодаря чему противник имеет возможность укрыться в складках местности.

Возражения Стопфорда расходились с коренными основами традиционной английской десантной тактики, на которых и зиждился план Гамильтона.

„При нормальных условиях", писал он в своих донесениях „может быть и правильно считать, что в современной войне наступление пехоты не может начинаться без артиллерийской подготовки. Но при высадке на неприятельском побережьи приходится действовать иначе. Пехота должна продвигаться вперед и захватить плацдарм для развертывания высадки и обеспечения позиции для батарей для нанесения главного удара. Само существование десанта, снабжение его водой, боевыми и другими припасами всецело зависит от способности пехоты быстро завладеть необходимым пространством без артиллерийской поддержки, не считая той, которую могут оказать в данном случае плавучие батареи. Начальник, которому вверено командование головными частями десанта, должен быть к этому вполне готов, так как подобное положение вещей само собой очевидно".

Вопрос о том—подтверждает ли опыт последней войны пригодность высказанных принципов в современных условиях—останется открытым, пока не будет доказано, что артиллерийский огонь с моря не может быть использован в обстановке современной высадки.

Во всяком случае из приведенного мнения Гамильтона очевидно, что в то время план операции базировался именно на этих принципах.

Почти до полдня 8 августа в главной квартире не знали о положении дел в Сувле. Когда же утром этого дня не пришло никаких известий о дальнейшем продвижении войск, то Гамильтон почувствовал, что дело неладно, и решил на-

правиться туда лично. До этого момента он оставался на Имброзе, откуда ему было удобно руководить всей операцией, т. к. главный удар развивался со стороны участка Анзак, а наступление в районах Хеллеса и Сувлы имело второстепенное значение.

В распоряжении Гамильтона находился миноносец *Arno*, дабы главнокомандующий мог в любую минуту быть доставлен куда ему нужно, но когда в 11 ч. 30 м. Гамильтон потребовал миноносец, то оказалось, что на нем упустили воду из котлов и было приказано выгребать жар из топок. Главнокомандующий просил отменить распоряжение и подвести миноносец к водоналивному пароходу, обслуживавшему нужды войск, но этого почему-то не сделали. В бухте Кефало никаких других судов, кроме яхты Де-Робека *Triad* не было и Гамильтон остался. Лишь в 5 часов, после того как Де-Робек, обеспокоенный не менее своего сухопутного коллеги положением дел, телеграфировал, чтобы яхта выходила, Гамильтон отправился в Сувлу. Прибыв туда, он убедился, что в течение предшествующих суток высаженные части не смогли ни на шаг продвинуться вперед. Неуспех в этом районе был особенно ощутителен, потому что и произведенная на рассвете австралийцами атака Чунук-Баира и холма „Q“ также была отбита. Несмотря на упорный бой им удалось лишь укрепиться в седловине между этими двумя высотами. Здесь австралийцы кое-как окопались, но на остальных участках фронта они были встречены контратаками подавляющих сил турок и отошли на позиции, занятые накануне. Таким образом, было необходимо во что бы то ни стало оказать всемерную поддержку наступлению на главном направлении, которое предполагалось возобновить на следующий день.

Генерал Стопфорд назначил наступление своих частей с рассветом, но Гамильтон чувствовал, что нельзя терять ни минуты, так как противник подвозит подкрепления, и требовал энергичных действий. Съехав на берег и не принимая никаких возражений командира корпуса и начальников дивизий, он сам лично отдал распоряжение 32 бригаде (находившейся в большем порядке, чем остальные) немедленно наступать на Текке-Тепе и высоты, расположенные севернее Анафарта-Сагир. Одновременно один батальон 33 бригады был послан заполнить промежуток между холмом «Чоколетт» и Дамак-Джелик-Баир.

Ночью прибыла в Сувлу стоявшая в стратегическом резерве на Мудросе совместно с LIV дивизией дивизия генерала Линдлея (LIII) и была сразу же высажена на берег.

Из других районов боя поступали столь же мало утешительные известия. У горы „Пайн“ ожесточенные схватки

не прекращались, но она пока оставалась в наших руках. На участке Хеллес турки все время вели отчаянные контратаки крупными силами. Все атаки успешно отбивались с тяжелыми для противника потерями, но продвинуться к Критии и Ачи-Баба нам не удалось. Демонстративная атака не получила здесь того развития, на которое возлагались надежды при разработке плана операции.

Успехом в этот период времени сопровождались лишь действия наших подводных лодок в Мраморном море. После своего последнего крейсерства в конце июля, столь же богатого приключениями, как и предыдущее, *Е-14* направилась на встречу вышедшей 5 августа в Мраморное море *Е-11*. До м. Нагара *Е-11* дошла без всяких инцидентов, но здесь она попала в сеть. Однако, быстро освободилась и сразу же (в 7 ч. утра) удачно атаковала трехмачтовый парусник, стоявший в гавани Ак-Баши и приспособленный для перевозки с азиатского берега войск и военных грузов. Днем 6 августа лодки соединились и кап. 2 ранга Насмит смог передать командиру *Е-14* последние оперативные распоряжения. Полученные сведения разведки с точностью установили, что все турецкие войска, следующие из Константинополя, отправляются по Галлипольской дороге, которая в двух местах была открыта обстрелу с моря—на высоте Булаира и у банки Дохан-Ослан. Лодкам предписывалось держаться у указанных пунктов побережья. *Е-11* и *Е-14* не успели еще лечь на курс, как заметили турецкую канонерку *Берк-и-Сатвет* и немедленно бросились ее догонять. В 4 ч. 30 м. *Е-11* удачно выпустила торпеду; канонерка не затонула и выбросилась на берег у Силиври, старинного порта северного побережья.

С наступлением темноты лодки вернулись ко входу в пролив и с рассветом в полупогруженном положении вышли на позиции. *Е-14* держалась у Булаира; *Е-11*—восточнее. Вначале на дороге ничего не было видно и только иногда в тучах пыли показывались стада волов, но в 11 ч. 30 м. появились войска. *Е-11* всплыла и быстро заставила рассеяться отряд. Через полчаса показалась другая неприятельская колонна. *Е-11* снова открыла огонь, но войска рассыпались и, укрываясь в складках местности, все-таки пробирались вперед, т. к. вскоре снова оказались обнаруженными *Е-14*. *Е-11*, следуя вдоль берега, незамедлила подойти к ней и обе лодки почти час обстреливали турок. Однако, войска не остановились и, не взирая на тяжелые потери, в особенности от огня *Е-11*, у которой 6-ти фунтовая пушка была заменена 12-фунтовой, продолжали скорым шагом продвигаться вперед. Обстрел не прекращался пока турки не начали отвечать из полевого орудия. Снаряды стали ложиться очень близко и лодкам пришлось погрузиться. Через некоторое время они вновь поднялись и, обнаружив,

что турецкая колонна расположилась на отдых, опять открыли по ним огонь, стреляя пока полевое орудие опять не вмешалось в дело.

На этом деятельность лодок не кончилась, впереди предстояла более „крупная игра". Читатель припомнит, что до появления лодок в Мраморном море турки пользовались посылкой линейных кораблей в пролив для обстрела наших линейных кораблей, стрелявших через перешеек, и судов, стоявших на якоре у участка Анзак. После 21 мая подобные попытки не повторялись, но теперь в минуту опасности они решили выслать *Хайредин-Барбаросса*, чтобы поддержать оборону Галлиполи.

На рассвете 8 августа он был замечен *E-11*. Миновав Булаир, *Барбаросса* шел на ост, охраняемый миноносцем. В 5 ч. утра командир *E-11*, несмотря на присутствие миноносца, удачно атаковал турецкий корабль. Торпеда попала в середину; *Барбаросса* сразу получил сильный крен и изменил курс к берегу, открыв беглый огонь по перископу лодки. Выпустить вторую торпеду не удалось, но через двадцать минут корабль покрылся пламенем, перевернулся и затонул.

Дальнейшие операции непосредственно против турецких войск оказались невозможными; турки установили полевые батареи в местах дороги, открытых с моря. Новое препятствие было обнаружено *E-14*, которая, высматривая войска с позиции у банки Дохан-Аслан, одновременно заметила приближающийся к ней большой транспорт (в 5000 тонн). Первая выпущенная торпеда попала, но пароход не затонул и выбросился на берег. Затем обе лодки обстреливали пароход пока на нем не начался пожар. Однако, конец его еще не наступил; два дня спустя этому же пароходу пришлось испытать нападение совершенно нового характера.

Несколько времени тому назад на авиаматке *Ben-My-Chree* начались опыты по сбрасыванию гидросамолетами торпед с воздуха. Опыты увенчались успехами и было решено послать один из аппаратов атаковать пароход, который по донесению воздушной разведки стоял приткнувшись к берегу у Булаира. *Ben-My-Chree* прошел в глубину залива Сарос и там спустил гидросамолет. Летчик кап. 2 р. Эдмондс, пролетев над Булаиром на высоте 1500 фут., сразу обнаружил транспорт и, спустившись до 15 фут., т. к. опыты показали, что на успешное попадание можно рассчитывать лишь при такой высоте, сбросил торпеду с расстояния полутора кабельтова от цели. Быстро вновь забирая высоту, под жестоким ружейным огнем, летчик ясно видел след торпеды, идущей прямо в середину парохода. Последовавший взрыв не оставлял сомнений, что торпеда достигла цели. Пароход не мог затонуть на мелководии, но сел кормой. Хотя взорванный пароход был несомненно „труп" транс-

порта, атакованного *E-14*, но все же летчик мог поздравить себя с окончательным уничтожением одного из последних больших транспортов противника, не говоря уже о том, что блестящий успех нового способа применения торпеды только увеличил панику, наведенную в Мраморном море операциями наших лодок.

В то время, как гидросамолет добивал турецкий транспорт, *E-14*, закончив крейсерство, входила в пролив. У мыса Нагара она попала в сеть, но через 20 секунд прорвала ее и вошла в узкость. В узкости по ней был сделан торпедный выстрел. Торпеда прошла очень близко, но не попала; затем лодка винтами запуталась в проводах мины [1]). Удачно оборвав провода и не коснувшись мины, *E-14* благополучно возвратилась в базу, пробыв в Мраморном море шестьдесят восемь дней.

Подводные лодки выполнили свою роль в соединенной операции армии и флота у Дарданелл, но определить точный срок, на который они задержали прибытие на Галлиполи турецких подкреплений, конечно, нельзя. Единственно, что можно с уверенностью сказать, это то, что вся активность лодок не помешала противнику перебросить свои резервы в угрожаемый район. Германские офицеры турецкой главной квартиры настолько умело их расположили, что времени, потерянного нами с момента высадки головных эшелонов, вполне хватило для введения резервов в бой как на участке Анзак, так и в Сувле. 9 августа была произведена новая атака на Чунук-Баир и высоту „Q". С рассветом крейсер *Bacchante*, поддержанный *Endymion*'ом, монитором, тремя миноносцами и всеми полевыми батареями начал обстрел указанных пунктов, бомбардируя их до тех пор, пока вся возвышенность не скрылась в море огня, окутанного тучами дыма. Затем орудия смолкли; войска тремя колоннами бросились вперед и овладели седловиной, расположенной между двумя этими высотами, откуда открывался вид на противоположную сторону Дарданелл. Все контр-атаки турок оставались бесплодными, колонны держались крепко, но соседние наступающие части не смогли продвинуться ни на шаг и к ночи захваченную территорию пришлось очистить.

На следующий день наступление возобновилось, но разбилось о превосходные силы противника, успевшего за ночь еще усилиться.

На Сари-Баир турки сосредоточили такое подавляющее количество войск, что им не составило никакого труда выбить наши части из захваченной ими вновь седловины, но на этом успехи турок и кончились. Как только первые турецкие цепи начали спускаться с гор, они попали под огонь

---

[1]) Крепостного типа. *Ред.*

полевых батарей и судов и были мгновенно уничтожены. Убийственный огонь не останавливал противника; новые и новые цепи стройно шли одна за другой, наступая в образцовом порядке. Но всех их постигала та же участь—артиллерия сметала ряды доблестных турецких солдат. В этот же день противник дважды упорно атаковал наш фронт на стыке австралийских войск с войсками, высаженными в Сувле. Все атаки были отбиты и на этом новая крупная попытка пробиться вперед закончилась.

Со стороны Сувлы, не взирая на все сделанное Гамильтоном, была оказана ничтожная поддержка. Ночная атака 32 бригады не удалась. Гамильтон и Де-Робек, наблюдая атаку с мостика *Triad* с нетерпением ожидали ее результатов, т. к. овладение всей возвышенностью Анфарта, от бухты Ейльмер до деревни Анафарта-Сагир, было существенно необходимо для обеспечения Сувлы от обстрела неприятельской артиллерией.

Утром 9 августа Гамильтон снова съехал на берег, настаивая на необходимости заставить войска ген. Магона продвинуться от прибрежной возвышенности, у которой их держал слабый отряд турецкой жандармерии, несмотря на поддержку судов с фланга. Корпусный командир ген. Стопфорд, ссылаясь на те или иные причины, находил невозможным исполнить требования Гамильтона и главнокомандующий, видя, что войска корпуса пали духом и не годятся для немедленного наступления, отправился переговорить с командиром австралийского корпуса ген. Бердвудом. В резерве еще оставалась одна территориальная дивизия свежих войск (LIV, ген. Инглефильда), которую Бердвуд не считал возможным использовать против Сари-Баир из-за трудности доставки воды. Поэтому Гамильтон, разделяя мнение Бердвуда, что в данный момент возвышенность Анафарта представляет собою наиболее важный объект, решил отправить дивизию Инглефильда в Сувлу.

На следующий день, в то время как LIV дивизия высаживалась, LIII дивизия произвела безуспешную атаку холма „Чоколетт". С прибытием подкреплений, Гамильтон вновь потребовал от Стопфорда перехода в наступление с целью овладеть холмами Кавак-Тепе и Текке-Тепе — Анафарта. Однако, преодолеть инертность IX корпуса было трудно. Стопфорд не верил в свои войска и нервничал, считая невозможным двигаться вперед без основательной подготовки наступления полевой артиллерией. Результаты колебаний сказались: вялые наступательные попытки не имели успеха и только убили остатки духа войск корпуса. Гамильтон не мог согласиться, что виноваты войска; он видел, как на участке Анзак такие же молодые, вновь сформированные батальоны под доблестным руководством своих начальников

не уступали в храбрости и настойчивости отборным боевым частям, и считал необходимым во что бы то ни стало повторить попытку. Необходимость наступления и захват господствующих над бухтой высот была очевидна.

12 августа, в то время как флот выбивался из сил, стараясь упорядочить пункты высадки, выгружая всевозможные грузы, необходимые для десанта, а также эвакуируя массу раненых, стоящие у побережья суда начали обсыпаться шрапнельным огнем и раньше, чем успели сняться с якоря, понесли тяжелые потери в личном составе.

Через два дня главнокомандующий решил сменить ген. Стопфорда и вызвал ему на смену с участка Хеллес ген.-майора Де-Лиль для вступления во временное командование IX корпусом впредь до приезда ген.-лейт. Бинга и прибытия из Египта ген-майора Пейтона с 5000 спешенных всадников войск иоманри [1]).

Ген. Де-Лиль предписывалось реорганизовать корпус и подготовить его для наступления в соответствии с новым планом, разработанным Гамильтоном [2]). План предусматривал наступление на возвышенность Анафарта и захват обоих господствующих холмов Скимитар и „W“, обладание которыми, по мнению главнокомандующего, надежнее всего обеспечивало бухту Сувла, а также дальнейшее наступление через деревню Анафарта-Сагир с целью обойти войска противника, притягивающие австралийцев к Сари-Баир. Австралийский корпус должен был продвинуть вперед свой левый фланг, загнутый несколько назад на юго-запад вдоль Дамакджелик-Баир, и постараться захватить колодцы в Кабак-Куиу и около холма „60“. Последняя высота вместе с холмом „W“ образовывали преграду к долине Анафарта. Захват высот решал вопрос — составит ли долина путь для нашего дальнейшего продвижения или она останется „большой дорогой“ для турецких подкреплений. Остальным войскам Сувлского участка, т.-е. XI дивизии, предписывалось лишь удерживать линию фронта от холма Скимитар, тянувшуюся на север до берега моря.

Об овладении при сложившейся обстановке всею возвышенностью Сари-Баир целиком не могло быть теперь и речи. Войска понесли очень тяжелый урон и были слишком потрепаны, чтобы без значительных подкреплений начать такую крупную операцию. Гамильтон требовал присылки 45 000 маршевых пополнений и 50 000 новых подкреплений.

---

[1]) Милиционная конница. Призывается на действительную службу одновременно с территориальными частями. *Ред.*

[2]) В состав IX корпуса должны были войти: X дивизия без 29 бригады, находившейся на участке Анзак, 5 000 иоманри, XI дивизия, LIII и LIV дивизии. Вследствие больших потерь численность корпуса не превышала 30 000 штыков.

Новый командующий корпусом ген. Де-Лиль доложил, что для реорганизации и приведения корпуса в порядок потребуется не один день, а между тем каждая минута была дорога. Турки беспрерывно подвозили подкрепления. Однако, именно это последнее обстоятельство и решило вопрос. С участка Хеллес поступали донесения, что несмотря на упорные бои турки снимают войска и отправляют их на север. Поэтому Гамильтон решил перебросить надежную первоочередную XXIX дивизию с участка Хеллес в Сувлу. Дивизия начала прибывать 18 августа и появление ее сразу же настолько подняло дух молодых частей, что наступление было назначено на 21 августа.

Много надежд возлагалось на артиллерийскую подготовку, которую предполагалось произвести, главным образом, с моря, т. к. полевые орудия еще не были свезены на берег в достаточном количестве. Отряд поддержки был усилен вошедшим в бухту линейным кораблем *Venerable*. Начать наступление было решено после полдня, чтобы воспользоваться преимуществами освещения. В этот период дня солнце ярко освещало неприятельские окопы и било прямо в глаза расположенным в них войскам. Однако, обстоятельства сложились не в нашу пользу и все приготовления, направленные к тому, чтобы поддержать пехоту, оказались напрасными. Погода неожиданно переменилась и нарушила весь план.

Утром 21 августа все побережье Сувлы покрылось густой мглой. Не было никакой возможности корректировать ни стрельбу полевой артиллерии, ни огонь судов и пехота пошла в атаку без поддержки. Войска проявили удивительную доблесть. Опрокидывая на своем пути все препятствия и неудержимо продвигаясь вперед, XXIX дивизия блестящим ударом захватила холм Скимитар и ионмари штурмовали холм „W“. Но, увы, эти успехи не достигли цели. Удержать высоты не пришлось. Орудийный огонь противника начисто сметал наши колонны; турецкая артиллерия действовала, не встречая никакой помехи с моря. Мгла окутала все кругом и пушки эскадры молчали.

По другую сторону долины, на левом фланге анзакцев, которым теперь командовал ген. Кокс, счастье нам улыбнулось. К вечеру 21 августа были захвачены Сузак-Куиу с его ценными источниками пресной воды и ряд окопов, устроенных на подступах к холму „60“. Яростные контр-атаки турок не имели успеха и захваченные пункты остались за нами. На следующее утро контр-атаки возобновились, но снова разбились о стойкость войск и не помешали укрепить новую линию фронта. Левый фланг австралийцев примкнул к центру своего корпуса и вошел в полное соприкосновение с дивизией ген. Пейтона (ионмари). Хотя холм

„60“ не был захвачен целиком, но общее положение значительно улучшилось. Линия фронта продвинулась несколько к востоку и укрепилась, плацдарм расширился, а вследствие этого расширились и сообщения между участком Анзак и бухтой Сувла. Кроме того, несколько упростился мучительный вопрос с питьевой водой.

Тем не менее этот частичный успех имел лишь местное значение. В целом же прекрасно разработанный план внезапного стратегического удара рухнул. Насколько наш неуспех был важен для центральных держав — лучше всего иллюстрируется словами Лиман-фон-Сандерса: „Если бы операция“, писал германский генерал, „закончилась теми тактическими результатами, которые преследовались высадкой у Анафарта, то батареи прибрежных фортов пролива, для которых не хватало снарядов, были бы быстро разрушены. Противник смог бы протралить узкость и победоносным армии и флоту ничего не помешало бы начать соединенные действия против Константинополя. За этим несомненно последовала бы и высадка русского десанта [1]). Сведения нашей разведки в Бухаресте и Афинах говорили достаточно определенно о цели сосредоточения транспортов в Одессе. Западные державы получили бы возможность установить надежные сообщения с Россией и вырвали бы Турцию из блока центральных держав. Вполне вероятно, что при подобных обстоятельствах Болгария не рискнула бы нарушить свой нейтралитет и бкунуться в столь малообещающую военную обстановку [1])“.

Таковые именно результаты в начале и сулил блестяще задуманный и разработанный план Гамильтона. Успех был близок, победа казалась не за горами, но операция сорвалась. Без дальнейших крупных подкреплений ожидать в Дарданеллах каких либо успехов не приходилось. Положение же требовало присылки таких сил, отправка которых не могла не отразиться на остальных театрах и на всем плане войны союзников.

ГЛАВА VI.

Общее положение после высадки в Сувле. Прорыв русского фронта. Перемена во взглядах во Франции. Английские подводные лодки в Мраморном море.

Карта 3.

Известия о неудачах как попытки обойти турецкие позиции на Галлиполи, так и прочно утвердиться в Сувле, в надежде произвести операцию обхода в ближайшем буду-

[1]) Fünf Jahre Turkei, стр. 116.

щем, дошли до британского кабинета в тот момент, когда затруднения его достигли высшего предела. Правительство стояло перед лицом тех исключительных событий, которые знаменуют собою этапы войны.

„Считаясь с общей военной обстановкой", телеграфировал Гамильтону лорд Китченер накануне атаки холма Скимитар, „чрезвычайно желательно теперь же иметь успех или во Франции или в Дарданеллах". Необходимость успеха ощущалась настолько остро, что Де-Робек получил разрешение рискнуть устаревшими линейными кораблями и использовать их для поддержки сухопутных операций в той мере, в какой найдет нужным и полезным.

Однако, именно в этот момент нельзя было ничего предпринять, а после неудачи в Сувле не приходилось и думать, чтобы ранее нескольких месяцев мог представиться удобный случай для серьезной помощи флота высаженным войскам. Кроме того Гамильтон был уведомлен, что на западном фронте предполагается серьезное наступление совместно с французами и что он не должен рассчитывать на присылку крупных подкреплений с главного театра, а получит лишь подкрепления и маршевые эшелоны, находящиеся уже в пути, а также те части, которые в будущем представится возможным выделить из Египта. В своем ответе Гамильтон указал, что этих войск ему будет едва достаточно для удержания захваченной территории. В результате операции на Галлипольском полуострове свелись к позиционной войне без всякой надежды на успех, столь необходимый, чтобы рассеять мрачный фон общей военной обстановки.

Сгустившиеся тучи были следствием крупных успехов Германии на восточном фронте. Грозное наступление, предпринятое в июле немецкими армиями совместно с австрийцами, сопровождалось потрясающими результатами. 5 августа после грандиозного боя на подступах к Варшаве (третьего по счету) германские войска заняли этот город. Одновременно австро-германские корпуса овладели Ивангородом, железнодорожным узлом, расположенным южнее в 60 милях вверх по Висле. Другая австрийская армия, наступавшая против левого русского фланга, успела захватить еще один важный железнодорожный пункт – Люблин. На севере же, в Прибалтийском крае, немцы атаковали правый фланг русского фронта. Не подлежало никакому сомнению, что весь этот фронт трещит и колеблется. 17 августа пало Ковно, и Рига оказалась под угрозой. Через неделю в руки немцев перешла и крепость Брест-Литовск, находившаяся в центре русского расположения. Русские армии были опрокинуты и отошли на линию, которая шла от Рижского залива почти прямо на юг. В момент столь крупных неудач, постигших

Россию, приходилось оставить всякую надежду на возможность выполнить первоначальный план Дарданелльской экспедиции. Даже в случае удачи нашего прорыва к Босфору, Россия не смогла бы присоединиться к усилиям вырвать Турцию из „объятий" Германии и Австрии. Подавляющие успехи центральных держав имели еще одно последствие. Отпадала возможность выступления Болгарии на стороне союзников; отныне на нее приходилось смотреть как на весьма вероятного противника. На помощь Италии, на которую когда-то возлагались надежды, нельзя было рассчитывать. После первого крупного наступления на Австрию, силы ее выдохлись. К 10 августу бои на Изонцо, начавшиеся в июне, закончились и хотя итальянская армия и закрепилась на берегах реки на неприятельской территории, но занятая австрийцами оборонительная линия нигде не была прорвана [1]).

В довершение затруднений нажим со стороны Италии вызвал сосредоточение австро-германских сил на границе Сербии. Таким образом, каждую минуту можно было ожидать третьего вторжения в эту несчастную страну. Румыния в этом случае попадала в положение, при котором ей было бы трудно выступить, Болгарии же представлялся давно ожидаемый ею удобный случай выступить в роли шакала центральных государств.

Во Франции, по крайней мере в политических кругах,— начинали все с большей тревогой смотреть на признаки осуществления мечты о распространении влияния Германии на Востоке, придавая этому обстоятельству такое же значение, какое придавало и великобританское правительство. Однако, мы не считали, что возникшие во Франции опасения могут повлиять на ее планы войны и впервые узнали об этом только 1-го сентября, когда из Парижа пришел запрос—можем ли мы предоставить транспортные средства, необходимые для доставки в Дарданеллы четырех дивизий из Марселя. По началу казалось, что запрос сулит новые возможности в Дарданеллах, но с другой стороны столь неожиданная перемена взглядов нашего союзника на Дарданелльскую экспедицию представлялась непонятной. Пришли ли французы к заключению, что наш „восточный" план нанесения решающего удара Турции является лучшим средством объединения усилий союзников, или же перемена их взглядов объяснялась какими-то иными скрытыми политическими причинами?

---

[1]) Наступление, которое итальянцы назвали «первый бой на Изонцо», началось 29-го июня и закончилось 7-го июля. Второй бой начался 18 июля и продолжался до 10-го августа. Третий—начался лишь 18 октября.

Ответа на этот вопрос мы не находили и положение еще более запутывалось. Надо думать, что французское предложение родилось под влиянием обеих причин. 22 июля главнокомандующий Жоффр, без согласия военного министра, отрешил от командования III армией ген. Саррайля. Распоряжение Жоффра произвело в рядах правительства впечатление разорвавшейся бомбы, т. к. Саррайль, пользовавшийся выдающейся репутацией, выдержал первый натиск немцев на Верден и являлся национальным героем, особенно в глазах „левых“ политических деятелей. Нужно было смягчить удар, нанесенный его самолюбию. Раненый в Дарданеллах ген. Гуро поправлялся очень медленно и прибывшему в Париж Саррайлю было предложено занять пост командующего французскими войсками в Дарданеллах. Саррайль отказывался от назначения, указывая на невозможность для себя занять должность ниже той, которую он уже занимал, и поставил условием, чтобы была образована особая „восточная армия“, во главе которой он станет в качестве лица, не подчиненного британскому главнокомандующему. Кроме того он требовал, чтобы одновременно с его отъездом отправились бы и подкрепления. Первое условие вполне совпадало со взглядами некоторых членов французского правительства и в частности с мнением Бриана, занимавшего в одном из прежних кабинетов пост министра иностранных дел, теперь же министра без портфеля. Еще в декабре 1914 года, когда сербы столь блестяще выгнали австрийцев из пределов своего отечества, Бриан, как и некоторые из членов английского кабинета, сразу понял, что ключ к разрешению задачи лежит на Балканах, которые должны быть заняты союзниками, для чего надлежит сформировать отдельную армию. Теперь Бриан снова начал усиленно проводить свою идею и 3 августа был распубликован приказ о назначении Саррайля командующим „Восточной армией“ (L'Armée d'Orient). Конечно, эта армия пока еще существовала на бумаге и далеко не соответствовала требованиям Саррайля, но все же первый шаг был сделан и ему было предложено составить план операций [1]). Обширный меморандум, поданный Саррайлем, предусматривал несколько вариантов, но при непременном условии оставления на Галлиполи одних только англичан и использования французских войск, подчиненных Гамильтону, на каком либо другом операционном направлении. Выдвигались следующие предложения: атаковать турок на азиатском берегу с целью очистить от противника эту сторону пролива, произвести наступление от залива Адрамити, захва-

[1]) General Sarrail. «*Mon commandement en Orient.*» Joffre. «*La première crise du commandement*».

тить Смирну и высадить десант в Александретте. Но самым верным средством оказать давление на Ближнем Востоке Саррайль считал вступление в Сербию со стороны Салоник [1]). Меморандум был передан на рассмотрение Жоффра, который менее чем когда либо был склонен давать войска с западного фронта, и Саррайлю было дано понять, что он раскинул свои планы слишком широко. Допускались лишь операции на участке Анзак, у Булаира, или на азиатском берегу, но не более того. Саррайль получил приказание представить новый меморандум, ограниченный вышеприведенными рамками.

В этот момент возникли новые затруднения. Когда Гамильтон потребовал присылки новых крупных подкреплений, ему ответили, что вопрос не может быть решен раньше возвращения Китченера, уехавшего во Францию для переговоров относительно коренного изменения плана войны. Необходимость изменения казалась в то время неизбежной в связи с мрачной обстановкой на восточном фронте.

Еще раньше на совещании в Кале в июле этого года было решено не начинать серьезного наступления во Франции, пока в определенном пункте не накопится достаточных сил как французских, так и наших, обеспечивающих твердую надежду на решительный успех. Теперь же ввиду тревожной обстановки на русском фронте оставаться при этом решении было невозможно. Требовалось что-то сделать, чтобы ослабить нажим на нашего восточного союзника, иначе не исключалась возможность, что Россия заключит сепаратный мир, подобно тому, как при таких же условиях в 1807 году она подписала мир с Наполеоном. Эти опасения сказались в телеграмме, посланной Китченером после своего возвращения Гамильтону, в которой он указывал, насколько общая военная обстановка требует успехов во Франции или в Дарданеллах. Повидимому, никакого определенного решения не состоялось. И хотя высказывались возражения, что в текущем году все равно нельзя ожидать создания необходимого перевеса сил, была окончательно признана невозможность посылки каких либо подкреплений в Дарданеллы из состава войск, находящихся во Франции, пока не будет сделана попытка, вероятно, в сентябре—наступления на главном театре. Максимум той помощи, которую можно было оказать войскам Гамильтона, сводился к посылке маршевых эшелонов для пополнения убыли, доставление которых на два месяца поглощало все наличные транспорты. При таких обстоятельствах просьба французов дать пароходы для перевозки четырех дивизий—явилась

---

[1]) См. Sarrail. «Mon commandement en Orient» стр. 297, где меморандум приводится дословно.

совершеннейшим сюрпризом. В то время, как мы отложили решение вопроса об усилении наших операций у Дарданелл до получения подробного донесения Гамильтона, французы делали все, чтобы сформировать для Саррайля его Armée d'Orient. В состав этой армии, помимо четырех дивизий, посылаемых из Франции, должны были войти французские дивизии Гамильтона и Китченер предупреждал, что их придется заменить двумя дивизиями из армии Френча. Затруднительность положения усугублялась тем, что французский торговый флот не был в состоянии дать необходимые транспортные средства, и оппозиция пользовалась этим обстоятельством, требуя вовсе отменить отправку новой армии. Отсюда и родилась мысль просить помощи у нас. Адмиралтейство с головой ушло в заботы о приискании подходящих пароходов для перевозки английских войск, но тем не менее не считало возможным отказать в необходимом содействии и дало согласие на предоставление транспортов, указывая при этом на желательность конвоирования транспортов французскими миноносцами. С увеличением в Средиземном море подводной опасности вопрос охраны транспортов осложнялся с каждым днем. Однако, наше правительство, считая крайне желательным скорейшее осуществление нового плана французов, телеграфировало в Париж, что распоряжение о доставлении войск и грузов на Митилену сделаны и что все будет готово к концу сентября. Относительно охраны транспортов французскими миноносцами в телеграмме ничего не говорилось, хотя причин просить такую охрану было достаточно, так как существовавшая в Егейском море система противолодочной службы себя не оправдала. 13 августа транспорт *Royal-Edward* (11 000 тонн), следовавший в Дарданеллы с маршевыми пополнениями для XXIX дивизии, в количестве 1 400 офицеров и солдат, был взорван подводной лодкой в заливе Кос у острова Канделюза. Нападение произошло в районе французских дозоров на пути, которым обычно шли транспорты, шедшие из Египта на Мудрос.

Повидимому, *Royal Edward* был атакован *UB-14*, одной из новых малых немецких подводных лодок, доставленных в Адриатику по железной дороге в разобранном виде. Лодка, следуя из Катарро в Босфор, вошла в залив Кос для операций на линии наших сообщений. Укрывалась она, вероятно, в пустынной бухточке Орак, расположенной в десяти милях от Будрума. С первым сигналом о помощи к месту гибели транспорта подошли два французских миноносца, госпитальное судно *Soudan* и три траулера, но спасти удалось всего лишь 500 человек.

После этой катастрофы путь следования войск изменили. Транспорты получили приказание держаться дальше от

азиатского побережья и, пройдя Крит с востока, следовать греческим архипелагом до канала Доро (южнее Евбеи). В течение двух недель все шло благополучно, но 2-го сентября через несколько часов после посылки в Париж ответной телеграммы на запрос относительно транспортов был взорван у острова Страти еще один пароход с войсками. На этот раз нападению подвергся пароход *Southland* (12 000 тонн), шедший из Египта на Мудрос с пополнениями для II австралийской дивизии, в тот момент, когда ему оставалось до места назначения не более 30 миль. Атака была произведена той же самой, пробиравшейся в Босфор, подводной лодкой, но последствия атаки были далеко не столь ужасны. Пароход удержался на плаву и все люди, за исключением 40 человек, успели сесть в шлюпки. Следующий в группе транспорт, несмотря на грозящую ему опасность, не пожелал уходить и принял спасенных к себе на палубу. Когда ближайший к месту происшествия миноносец *Racoon* подошел к *Southland*'у, пароход все еще держался наплаву. Благодаря самоотверженной работе его механиков, а также добровольцев-матросов и солдат, командиру *Racoon*'а удалось к вечеру благополучно отбуксировать *Southland* на Мудрос.

Одновременно с получением в Лондоне известия о вторичном подводном нападении на транспорты пришло и подробное донесение от Гамильтона. Главнокомандующий писал, что не видит возможности произвести наступление на новом операционном направлении и считает, что только наступление со стороны Анзака и Сувлы, с целью овладеть перешейком между Майдосом и Габа-Тепе, может сулить успех. Трудность положения заключалась в том, что измученным войскам требовался отдых, без которого дальнейшие попытки свелись бы лишь к лишним потерям. Такой отдых, однако, давал туркам возможность настолько усилить свою линию обороны, что она могла стать окончательно неприступной раньше, чем прибудут те крупные подкрепления, о присылке которых Гамильтон уже просил. Поэтому Гамильтон сообщал, что до изменения военной обстановки, которая может произойти после прибытия свежих сил союзников или от изменения политической конъюнктуры на Балканах, он предполагает лишь всеми мерами тревожить противника. Наступательные же операции должны быть ограничены действиями флота. По мнению Гамильтона, только действия флота могли в этот момент изменить положение дел. Его взгляд родился под влиянием наших подводных операций в Мраморном море. Успех крейсерства небольшого числа лодок был совершенно исключительный, и Гамильтон не сомневался, что с увеличением их числа, неприятель будет вынужден окончательно прекратить мор-

ские сообщения и туркам придется ограничить доставку войск и боевого снабжения по единственной Булаирской дороге, а следовательно, они не смогут держать на Галлиполи столь крупных сил.

Последние действия командиров наших лодок несомненно давали Гамильтону все основания к высказанному им суждению. Активность лодок с каждым днем усиливалась, нападения становились все смелее и успешнее.

После потопления *Хайредин-Барбароссы* кап. 2 р. Насмит (*Е-11*) встретился в условленном рандеву с *Е-14* и, приняв с нее торпеды, пошел к Сан-Стефано. Этот город, расположенный на европейском берегу, являлся наиболее уязвимым с моря и защищался батареями и одним небольшим миноносцем. Атаковав миноносец, но неудачно, Насмит был вынужден погрузиться. Всплыв, он пошел, пересекая Мраморное море, в Муданию, уничтожив на пути шесть парусников. В Мудании, соединенной железной дорогой с районом Бруссы, он обстрелял железнодорожную станцию и береговые батареи, пока его не заставили уйти на глубину. Отсюда он снова направился в Сан-Стефано, где подвергся бомбежке с появившегося там аэроплана и должен был уйти. К этому времени на *Е-11* оказались израсходованными все снаряды и командир повернул на вест, чтобы войти в радио-связь с канонеркой *Aster*, стоявшей теперь для этой цели у Булаира.

После кратковременной бомбардировки города Артика на азиатском берегу, *Е-11* встретилась с *Е-2*, только что удачно прошедшей пролив. У мыса Нагара *Е-2* запуталась в сети. Подшлага $3^1/_2''$ троса намоталось на установку 12-фунтового орудия, концы более тонкой проволоки зацепились за боевую рубку и мачту радиотелеграфной сети. Противолодочные бомбы рвались кругом. Вначале казалось, что лодке не избежать гибели, но после восьми минут напряженной борьбы—продувания систерн и частой перемены ходов, то вперед, то назад—*Е-2* прорвала препятствие. Перед тем, как соединиться с *Е-11*, ей удалось атаковать у входа в залив Артика и потопить вооруженный пароход. На *Е-2* были доставлены снаряды для *Е-11*, после перегрузки которых последняя пошла к Босфору. На следующий день (15 августа) Насмит, маневрируя с изумительным искусством, взорвал пароход, стоявший у железнодорожной пристани Хайдар-Паша, а к вечеру снова соединился с *Е-2* и вместе с ней направился к Сан-Стефано. Обе лодки обстреляли дозорный пароход, сделав несколько удачных залпов прежде чем были вынуждены погрузиться. После этого *Е-2* пошла в Босфор, а *Е-11* в залив Измид, где удачно обстреляла железнодорожный виадук и скрылась, уйдя на глубину. 18 августа она появилась у Булаира и рассеяла

колонну неприятельской пехоты. *E-2*, исправив повреждение орудийной установки, полученное при перестрелке с дозорным пароходом у Сан-Стефано, проявила не меньшую активность в самых различных районах моря. Появление лодок то у одних, то у других пунктов побережья, сопровождавшихся ежедневными удачными нападениями, сделали то, что число их в глазах турок выросло до баснословной величины.

Но командир *E-11* не довольствовался достигнутыми успехами и решил привести в исполнение задуманный им план более серьезного нападения на железную дорогу, бомбардировка которой не произвела желаемого эффекта. В ночь на 21 августа Насмит проскользнул вглубь залива и, войдя в бухточку в полумиле восточнее деревни Ески-Хиссар, продолжал идти самым малым ходом до тех пор, пока форштевнем не уперся в грунт у самого берега. Как только лодка остановилась, старший офицер лейтенант Д'Ойли отправился к берегу вплавь, толкая перед собой маленький плот, на котором находились его вещи и 16-ти фунтовой пироксилиновый патрон. Выбравшись из воды и вытащив за собою плот, Д'Ойли обнаружил, что прибрежные скалы совершенно неприступны, и принужден был спустить плот и плыть вдоль берега до тех пор, пока не нашел более удобного места. Вооруженный револьвером, а также и отомкнутым от винтовки штыком и, имея при себе свисток и ручной электрический фонарик для сигнализации, он через полчаса вскарабкался по скалам и достиг полотна железной дороги. Путь не охранялся и Д'Ойли направился к виадуку, но, пройдя с четверть мили, услышал голоса и вскоре заметил группу из трех человек, сидевших сбоку рельс и громко разговаривающих. Пройти незамеченным было невозможно. Д'Ойли притаился в надежде, что люди, быть может, встанут и двинутся дальше, но безуспешно прождав несколько минут, решил оставить тяжелый патрон и посмотреть нельзя ли пробраться к виадуку окольным путем. Спустившись с плотины, он оказался в маленькой деревушке, через которую пробрался благополучно, хотя и разбудил дремавших домашних птиц, поднявших изрядный шум. Однако, у виадука его ожидало новое разочарование. Партия железнодорожных рабочих с дрезиной чинила путь, разбитый бомбардировкой лодок. Приходилось оставить всякую надежду сделать что-либо у виадука и не оставалось иного выхода, как пробираться обратно и постараться найти какое либо другое подходящее место полотна для взрыва патрона. Место нашлось очень скоро. Оно находилось лишь в 150 шагах от группы трех человек, продолжавших свой оживленный разговор. Не раздумывая больше, Д'Ойли заложил патрон, засыпал

бикфордов шнур песком и поджег его. В этот момент люди услышали шорох, вскочили и пустились за ним в погоню. Бежать обратно старой дорогой было невозможно. Д'Ойли изо всех сил бросился бежать вдоль полотна, провожаемый редкими выстрелами и сам временами отстреливаясь из револьвера. Пробежав около мили, он очутился у самого берега моря, оставив своих преследователей далеко позади, и бросился в воду. В то время, как он плыл, раздался громкий взрыв, щебень и куски дерева полетели в воздух. Приключения Д'Ойли на этом не кончились. Бухта, в которой укрылась лодка, находилась в $^3/_4$ мили к востоку и он, проплыв около $2^1/_2$ каб., отважился дать свисток, но никакого ответа на свой сигнал не получил. Изнемогая под тяжестью мокрого платья, он вынужден был выбраться на берег и немного отдохнуть, притаившись в скалах. Придя в себя, он снова поплыл по направлению бухты и, наконец, услышал ответ на свои свистки. Но до спасения было еще далеко. Одновременно с вершин скал затрещали частые ружейные выстрелы; пикеты открыли огонь по лодке и она задним ходом стала выбираться из бухты. В утренней мгле, измученный Д'Ойли не узнал *Е-11*; видя только ее форштевень и боевую рубку, он принял их за очертания трех шлюпок. Поспешив к берегу, он снова спрятался в скалах, но быстро понял свою ошибку и окликнул лодку. Бросившись в третий раз в море, он, наконец, благополучно доплыл и был поднят из воды в состоянии полнейшего изнеможения.

С возвращением старшего офицера замечательное крейсерство *Е-11* не кончилось. Выходя из залива, она встретилась с *Е-2*, оперировавшей в другом конце моря, в заливе Артика, где ею был утоплен пароход в тысячу—полторы тонн, вооруженный четырьмя орудиями. Обменявшись опытом последних дней и наметив дальнейшие операции, лодки разошлись. *Е-2* пошла в Муданию, *Е-11*—в Босфор. С наступлением темноты, *Е-11* встретилась с турецким конвоем в составе трех вооруженных пароходов, буксировавших восемь парусников, и миноносца. Следуя всю ночь незамеченным турецкими судами, Насмит с рассветом атаковал конвой. Трижды выходил он на позиции, но миноносец очень умело маневрировал и выпустить торпеду не удалось. К этому времени конвой разошелся; буксиры были отданы. Утром лодка начала обстреливать турок с дальних дистанций и, утопив один буксирный пароход и фелюгу, серьезно повредила остальные. На потопленной фелюге, среди взятых с нее на лодку пленных оказался чрезвычайно важный пассажир: директор немецкого банка, везший на ней крупную сумму денег в Чанакский банк. Подобная система доставления денег служила лучшей иллюстрацией того, к ка-

ким способам приходилось прибегать туркам, чтобы поддерживать сообщения с Галлипольским полуостровом.

Срок пребывания лодки в Мраморном море истекал, но судьба сулила командиру завенчать крейсерство блестящим ударом. 23 августа Насмит принял сообщение канонерки *Aster* о скоплении значительного числа турецких транспортов в Дарданеллах и пошел на соединение с *E-2*, но не нашел ее с условленном рандеву. Накануне *E-2* потопила большой транспорт у пристани в Мудание и все еще оперировала в этом районе. Поэтому командир *E-11* решил идти самостоятельно в пролив и пошел прямо в бухту Ак-Баши-Лиман. В Ак-Баши, по эту сторону сетевого заграждения, турки оборудовали главную морскую базу, после того как пришлось уйти из более удобной стоянки в Килии-Лиман, которая обстреливалась огнем наших судов через перешеек.

Гавань была переполнена пароходами, на охране ее стояла канонерка. Первая торпеда, выпущенная по канонерке, прошла у нее под килем, но врезалась в гущу транспортов. Результат попадания остался неизвестен, так как канонерка и миноносец бросились таранить лодку и ей пришлось быстро погрузиться. Через три часа *E-11* снова вышла на позицию и выстрелив из обоих аппаратов пустила ко дну два больших парохода, а затем, пройдя еще немного вперед, взорвала третий пароход. Затем она направилась в Чардак-Лиман,—порт, в котором турки сосредоточили запасы зерна для Галлипольской армии. Она выпустила здесь свою последнюю торпеду, уничтожила в этот день четвертый большой транспорт. Выйдя в Мраморное море, она встретилась с *E-2* и Насмит уговорился с командиром *E-2* кап. лейт. Стоксом, что последний пойдет в Ак-Баши и на следующий день постарается докончить начатое дело, а *E-11* будет отдыхать. Стоксу, как и Насмиту, не посчастливилось попасть в турецкую канонерку, но выпущенная им торпеда тоже взорвалась посреди остававшихся транспортов. Большего ему в бухте сделать не удалось и он пошел к азиатскому берегу и там выстрелил по транспорту, стоявшему у Бергаз-Искалесси. Торпеда попала прямо под дымовой трубой, но нельзя было определить, взорвалась ли она под самым пароходом или под стоявшим с ним борт о борт каким-то мелким судном.

28 августа обе лодки соединились. Подвергнув новой бомбардировке станцию железной дороги в Мудании, а затем еще раз обстреляв виадук в Измиде и по пути потопив новую партию парусников, они снова разошлись. *E-11* начала готовиться к возвращению, а *E-2* пошла в Константинополь, но не обнаружила там никакого объекта для атаки. 3 сентября в 2 часа дня *E-11*, предварительно сняв

орудие, направилась в пролив и после семичасового похода благополучно пробилась через сеть и вернулась к Хеллесу. Так закончилось ее рекордное крейсерство, в течение которого за 29 дней плавания было потоплено или подорвано: линейный корабль, канонерка, шесть транспортов, один вооруженный пароход и двадцать три парусных судна.

Забирая на парусниках свежую провизию и фрукты, команда отлично питалась и ее здоровье не оставляло желать ничего лучшего.

Успехи лодок, пока что, не нарушались ни разу, но, наконец, счастье изменило. 5 сентября *E-2* пошла на встречу лодке, посланной на смену *E-11*, но не нашла *E-7*. Накануне в 7 ч. 30 м. утра *E-7* у мыса Нагара попала в сеть и хотя нос прошел через нее, но винты намотали толстый стальной трос. Что ни делал ее командир кап.-лейт. Кохрэн, проявляя при этом удивительное спокойствие, выдержку и умение—ничего не помогало. Несмотря на рвущиеся кругом мины, он в течение двенадцати часов не прекращал борьбы, пока от взрыва противолодочной бомбы, упавшей у самого борта, не погасло электричество и не вывело из строя различные механизмы. Только тогда, потеряв последнюю надежду освободиться, он решил сдаться. Уничтожив секретные документы и приготовив все для взрыва лодки, он поднялся на поверхность и был взят в плен вместе со всей командой. Пленные были доставлены в Константинополь и помещены в уголовную тюрьму, где содержались в самых невероятных условиях [1]).

E-2 осталась в одиночестве и командир ее решил повторить операцию *E-11* и тоже попытаться взорвать железнодорожный путь.

8 сентября лодка, потопив по пути несколько парусников, подошла к местечку Кучук, расположенному на Адрианопольской железной дороге, на самом берегу моря, недалеко от Сан-Стефано. Лейт. Лайон перебрался на берег таким же способом, как и Д'Ойли, вскарабкался на скалы и направился по направлению моста, который предполагали уничтожить. Двое суток *E-2*, крейсеруя под берегом, тщетно поджидала его возвращения, но так и не дождалась. Лайон пропал без вести; никаких сведений об его судьбе ни тогда, ни позже не поступило.

14 сентября *E-2* потопила еще один транспорт у Бергаз-Искалесси и, закончив на этом операции, пошла обратно, миновав заграждения узкости без всяких инцидентов. Ее крейсерство продолжалось 33 дня, за время которого она

---

[1]) Незадолго до окончания войны Кохрэну удалось бежать из плена.

покрыла 2000 миль и уничтожила шесть пароходов и тридцать шесть парусных судов.

Итак, благодаря постоянному присутствию двух лодок в Мраморном море, удалось, если не вполне, то в значительной степени достигнуть тех результатов, на которые рассчитывал Гамильтон.

Вся перевозка турецких войск шла по Булаирской дороге и только в Дарданеллах они уже перебрасывались морем с одного берега на другой. Совершенно прекратить подвоз боевого снабжения не удалось, но он настолько сократился, что вызывал серьезные опасения относительно возможности держать армию на Галлиполи. Лодки, конечно, нанесли громадный вред противнику и с этим нельзя было не считаться, но все же их операции не могли рассматриваться как средство выйти из тяжелого положения, обрисованного в донесении Гамильтона. Было совершенно очевидно, что если новое серьезное наступление невозможно, то в дальнейшем останется лишь эвакуация. Но эвакуация и связанные с ней тяжелые последствия—потеря массы жизней и престижа—представлялась крайней мерой, на которую никто не хотел соглашаться, пока окончательно не погасла надежда на успех.

Но надежда еще теплилась. Она исходила из последнего французского предложения, и 10 сентября Китченер отправился в Кале, чтобы на совещании с представителями французского правительства и высшего командования выяснить, на что именно может рассчитывать Англия.

ГЛАВА VII.

Положение в Отечественных водах и в Балтийском море в августе и сентябре 1915 года. Потопление парохода «Arabic» и случай с «Baralong». Протест Америки против подводной кампании немцев.

К этому времени мрачная обстановка в Отечественных водах, до тех пор мало отличавшаяся от обстановки на континенте, несколько прояснилась. Начиная с весны активность партизанских методов ведения войны немцами все усиливалась, и борьба с этими методами оказывалась столь мало действительной, что вера нации в старое английское могущество на море пошатнулась. Действительно, казалось, что перед нами стоит новая проблема морской войны, для разрешения которой наш прежний опыт уже неприменим. По мере того как противник в операциях на море—в рез-

ком отличии от столь удачных для него сухопутных операций—все с большим и большим упрямством проводил свой метод „малых наступательных действий" (a policy of minor offensive), надежда на решительный эскадренный бой становилась все отдаленнее. Однако, меры, принятые для встречи Флота Открытого моря на случай его выхода, ни на минуту не ослабевали. Одновременно с этим Адмиралтейство и главнокомандующий флотом делали все, что только могли, для противодействия новой форме ведения войны на море, не имевшей прецедентов в прошлом. Постановка мин немецкими лодками в южной части Северного моря усиливалась с каждым днем. В начале августа было обнаружено минное поле у Могау Firth и оба эти обстоятельства заставили еще более усилить меры предосторожности в районе Гранд-Флита. Партизанская война немцев не ограничилась морем и перешла в воздух. Непрерывные налеты цеппелинов все время беспокоили восточное побережье Англии и отвлекали значительную долю внимания отряда Тирвита, пытавшегося перехватывать их в море и атаковывать с крейсеров [1]).

Для адм. Джеллико ближайшую заботу составляли надводные заградительные операции противника и, в особенности, операции *Метеора*, который, как читатель уже знает, проявил особенную активность на севере и был неуловим.

Последняя попытка перехватить *Метеора* была сделана в июне, когда по полученным сведениям он поставил заграждение в Белом море [2]). Посланная к берегам Норвегии подводная лодка не нашла никаких следов *Метеора*. В августе снова пришло известие о выходе *Метеора* в море и было ясно, что необходимо во что бы то ни стало положить предел его деятельности, так как производящиеся им активные минные постановки грозили лишить Гранд-Флит его преимуществ в решительный день встречи с Флотом Открытого моря.

В виду этих соображений Джеллико выслал три крейсера 4 легкой эскадры—*Calliope*, *Carysfort* и *Phaeton* под брейд-вымпелом коммодора Ле-Мезерье, приказав ему установить дозор у побережья Норвегии, приблизительно на широте Бергена. Пробыв в дозоре до 8 августа, отряд днем повернул обратно в базу. *Метеор* не показывался. Когда в полночь отряду оставалось до Скапа не более 30 миль, флагманский крейсер принял радио главнокомандующего с приказанием идти 20-ти узловым ходом к плавучему

[1]) Между 15 июня и 9 августа цеппелины не появлялись, но в течение последующих пяти недель состоялось не менее восьми налетов на восточные графства и Лондон.

[2]) При входе в Белое море было поставлено около 300 мин. См. «Морской Сборник» № 1—1928 г. ст. А. Платонова. *Ред.*

маяку Horn Reefs. Через пол-часа последовало второе радио с сообщением, что в 6 ч. вечера 8 августа *Метеор* был замечен у Кромарти в 70 милях на ONO от Kinnaird Head и что он, повидимому, идет к маяку Horn Reefs. „Идите", телеграфировал Джеллико, „самым полным ходом". „Две эскадры из Розайта и эскадра коммодора Т. действуют совместно с Вами. Прекратите всякие радио-переговоры". При передаче телеграмм произошла ошибка в указании времени и „6 ч. вечера" было на самом деле „6 ч. утра".

Фактически дело обстояло так. С рассветом 8 августа *Метеор*, шедший под русским флагом, встретился в упомянутом районе, но несколько ближе к Кромарти с вооруженным пароходом *Ramsey*, состоящим при Гранд-Флите специально для осмотра коммерческих судов. *Ramsey* поднял сигнал с приказанием остановиться и, подойдя к *Метеору* на $^1/_2$ каб., начал спускать шлюпку. Не успела шлюпка отвалить, как *Метеор*, не подняв еще до места германский флаг, выпустил в *Ramsey* торпеды и открыл огонь из замаскированных орудий. *Ramsey* почти мгновенно затонул. Командир и несколько матросов были подняты на *Метеор*.

Полученные сведения о местонахождении *Метеора* придали новое более тревожное освещение вопросу. Он оперировал не в Белом море, а в районе сосредоточения Гранд-Флита и Адмиралтейство немедленно организовало „охоту" в широком масштабе. Операции *Метеора* грозили столь большими последствиями, что надо было во что бы то ни стало и какой угодно ценой его перехватить. Отданные распоряжения служат наилучшей иллюстрацией условий современной морской войны, когда для того, чтобы разыскать один какой либо вспомогательный крейсер противника, требуется высылать столь значительные силы.

Сообщение Адмиралтейства первым получил Тирвит. В телеграмме, полученной им в 8 ч. 40 м. вечера, говорилось о гибели *Ramsey* к северу от Kinnaird Head и указывалось приблизительно место *Метеора* в 6 ч. вечера (sic). „Противник", телеграфировало Адмиралтейство, „возвращаясь к Гельголанду, вероятно, пройдет восточнее широты 56° N и долготы 0°5′ W и проложит курс на Horn Reefs. Идите на Horn Reefs со всеми наличными крейсерами и старайтесь его перехватить... Не пользуйтесь радио, иначе германские пеленгаторные станции вас обнаружат". Тирвит только за 48 часов до получения телеграммы вернулся со своим отрядом из похода в Гельголандскую бухту, но как обычно всегда был готов снова выйти по первому требованию.

В 10 ч. 30 м. вечера он с крейсерами *Arethusa*, *Conquest*, *Cleopatra*, *Aurora* и *Undaunted* уже был в море. Два часа спустя вышел из Розайта коммодор Гуденеф с 1-ой и

2-ой эскадрой легких крейсеров, имея приказание перехватить *Метеора*, если он, уходя от Гарвичских крейсеров, повернет назад. Пройдя острова Мау, 1-ая эскадра (брейдвымпел коммодора Синклера), развивая самый полный ход, проложила курс с расчетом пройти Horn Reefs в 20 милях к западу от него, а 2-ая эскадра так, чтобы выйти на середину линии, проходящей между Ферт-оф-Форт и Скагерраком.

Тем временем *Метеор* спокойно возвращался обратно, ничего не зная о расставленных сетях. Он был настолько уверен в собственной безопасности, что накануне вечером, находясь на пол-пути до германских берегов, остановился для того, чтобы уничтожить шедший в Англию датский парусный барк, груженный лесом. Однако, его заблуждение продолжалось не долго: одно из новых средств морской войны раскрыло ловушку. В 8 ч. утра 9 августа над отрядом Тирвита, спешившим на север, появился гидросамолет. Зенитной артиллерии не удалось сбить воздушного противника и он скрылся по направлению Боркума. Одновременно *Метеор* встретился с цеппелином. Последний предупредил *Метеора* о том, что английские крейсера находятся между ним и Яде (куда возвращался немецкий заградитель), и *Метеор* повернул к Скагерраку, идя почти тем же самым курсом, которым шел Тирвит, находившийся в 40 милях позади. Наши крейсера шли раза в два скорее противника и сильно его догоняли. Надо полагать, что *Метеор* не долго оставался в неизвестности об истинном положении вещей. В 9 ч. 30 м. утра с западной части горизонта появился цеппелин *L-7*, вероятно, тот же самый, который сообщил ему о грозящей опасности и все время шел за эскадрой, держась от нее в десяти милях.

Тирвит продолжал идти своим курсом, пока не получил нового сообщения Адмиралтейства, в котором сообщалось, что в 4 ч. утра *Метеор* был замечен в девяноста милях от Horn Reefs на W ($\psi = 55°50'$ N, $l = 5°53'$ O). Сопоставив последнее сообщение с предыдущим, в котором указывалось о месте в „6 ч. вечера“, и принимая во внимание ненадежность (в то время) указаний радиопеленгаторных станций, Тирвит решил игнорировать последнее Лондонское радио и курса не изменил.

Командующий первой эскадрой легких крейсеров, Синклер, получил это радио около 11 ч. утра и изменил свой курс так, что должен был пройти несколько южнее той точки, к которой шел Тирвит. Гуденеф, придя к назначенному месту на линии Ферт-оф-Форт—Скагерак, в 11 ч. 15 м. тоже повернул к Horn Reefs.

Шансов на спасение *Метеору* оставалось очень мало, хотя германский штаб делал все, чтобы придти ему на по-

мощь. Кроме *L7* появился еще один воздушный корабль типа „Парсифаль“, не оставлявший отряд Тирвита. На смену подводной лодке, вышедшей одновременно с *Метеором*, но разлучившейся с ним, была выслана другая лодка из Боркума. Еще одна лодка *U-28*, возвращавшаяся из успешного крейсерства, была поставлена в известность об опасном положении *Метеора* [1]).

Однако, впечатление от Гельголандского боя продолжало парализовать наступательный порыв германских крейсеров, без их же поддержки принятые меры не могли принести существенной помощи делу. В полдень Тирвит достиг своей позиции у Horn-Reefs, и его крейсера, повернув к западу, разошлись на десять миль друг от друга. Контр-курсом с юга и севера шли крейсера Гудэнеффа и Синклера. Судьба германского заградителя была решена.

В 12 ч. 30 м. с судов Тирвита заметили *Метеор*, а затем по мере приближения выяснилось, что он садится кормой и тонет. Итак, разработанный план окружения удался в полной мере. Вмешательство воздушных сил противника не могло помешать чисто морскому маневру и лишь избавило нас от работы по уничтожению того самого судна, которое они собирались спасти. Случай с *Метеором* лучше всего иллюстрирует бессилие операции, выполненной малыми средствами флота (minor naval types) без поддержки сильных надводных судов.

В этот момент выход германского флота не был связан с большим риском. Кромарти [2]) было фактически блокировано и Гранд-Флит, лишенный необходимой свободы маневрирования, не мог бы безопасно сосредоточиться. При подобной обстановке высылка противником хотя бы одних линейных крейсеров дала бы ему возможность расправиться с одной, а то и с двумя английскими эскадрами.

Незадолго до появления крейсеров Тирвита, командир *Метеора*, кап. 1 ран. фон Кнорр, понял безвыходность положения и решил уничтожить свой корабль, а самому с командой и с английскими пленными пересесть на оказавшийся по близости небольшой шведский парусник. Захватить парусника Тирвит не мог. С *Undaunted*'а только что заметили подводную лодку в расстоянии 4 х миль от плавающего остова *Метеора*, два воздушных корабля противника продолжали кружиться над местом происшествия и, кроме того, приходилось опасаться мин, которые могли быть поставлены

---

[1]) Гайер, Т. II, стр. 48.

[2]) В Кромарти в это время стояли: *Iron Duke*, прибывший туда для совещания Джеллико с премьер-министром и министром финансов: 4-я эскадра линейных кораблей, 1-ая крейсерская эскадра и половина 2-ой флотилии эскадренных миноносцев.

Метеором незадолго до его гибели. Поэтому Тирвит сделал сигнал находившимся неподалеку нескольким датским трауллерам, рекомендуя им уходить из опасного района, и повернул на NW. Эскадры Гуденефа и Синклера, следуя приказанию главнокомандующего флотом, осведомленного о судьбе *Метеора*, тоже повернули обратно.

Через час выяснилось, что, благодаря маневру Тирвита, немецкие воздушные корабли улетели, и он с двумя крейсерами пошел назад, чтобы взять спасшихся с *Метеора*. Пленные с *Ramsey* вскоре были найдены,—они оказались на норвежском паруснике, но в одиночестве, и рассказали следующее: с появлением подавляющих английских сил, на шведском паруснике между нашими людьми и немцами начался жаркий спор о том, кто же в данную минуту должен считать себя пленными. Бывший командир *Ramsey*, лейтенант запаса Аткинс, доказывал, что фон Кнорр обязан выполнить сигнал Тирвита и повернуть на SW, и даже захватил штурвал, но немцы были вооружены, а наши не имели никакого оружия. Тем не менее немцы, которые все время прекрасно обращались с командой *Ramsey*'я, вежливо отказались принять в командование шведское судно и в конце концов пошли на предложение Аткинса, чтобы англичане пересели на случившийся рядом норвежский парусный бот. Враги расстались в дружеском согласии, при чем Аткинс, уступая просьбам немецкого командира, взял у него заимообразно на путевые расходы 7 фунтов стерлингов, которые впоследствии были возвращены Германии через американское посольство при соответствующем письме с выражением признательности и благодарности.

Итак, под аккомпанимент взаимных военных любезностей, деятельность *Метеора* закончилась, но последствия ее остались.

Заграждения, наставленные *Метеором*, обнимали широкий район и ложились новым тяжелым бременем на тральные флотилии. 9 августа взорвался на мине и затонул эскадренный миноносец *Lynx*. Необходимость устранить всякое препятствие, могущее помешать быстрому сосредоточению различных эскадр и отрядов главных сил, была настолько велика, что для тральных работ пришлось использовать новые канонерки, данные Джеллико специально лишь для траления во время выходов Гранд-Флита. Одна из этих канонерок, *Lilac*, работая 18 августа у Кромарти, подорвалась, но не утонула и была благополучно отведена в док, хотя у ней оторвало всю носовую часть. 4 сентября подорвалась еще одна такая же канонерка *Dahlia*, но тоже не утонула. Оба случая показали, что суда эти построены прекрасно и вполне оправдывают свое назначение. Однако, даже при помощи новых эскадренных тральщиков местные

тральные флотилии не могли достаточно быстро справляться с работой и понадобилось вызвать тральные флотилии Клейда, так как южные отряды не успевали вытраливать мин, которые ставились немецкими подводными заградителями.

Но приходилось не только уничтожать неприятельские минные поля, надо было и предупреждать их постановку. Со времени гибели крейсера *Hawke* в октябре 1914 г. старые дозорные районы, установленные Джеллико, перестали регулярно обслуживаться крейсерами. Теперь с наличием большего числа легких крейсеров Адмиралтейство считало необходимым установить более тщательное наблюдение, чтобы сделать невозможным повторение операций *Метеора*. Не оправдавшая себя первоначальная система дозорных районов была заменена установлением регулярных поисков легкими крейсерами. Подобная мера являлась одним из тактических достижений опыта войны, но она, конечно, создавала новую нагрузку для легких крейсеров и миноносцев, требовавшихся для их охраны.

Против партизанской [1]) тактики противника трудно было предпринять какие либо другие меры активного характера. Нам приходилось считаться с фактом возможности выхода Флота Открытого моря, который как раз в этот период времени постоянно занимался тактическими упражнениями, и, следовательно, учитывать то обстоятельство, что в момент, выбранный неприятелем, Гранд-Флит окажется серьезно стесненным в своем маневрировании. Единственно, что можно было сделать, чтобы парализовать те выгоды, которые противник хотел получить, это—перейти на путь активных минных постановок. Раньше было решено отказаться от подобных операций, опасаясь ограничить этим свободу маневрирования наших главных сил, но за последнее время снова стали раздаваться голоса в пользу заминирования Гельголандской бухты при условии постановки заграждения в виде полукруга с свободными проходами для наших подводных лодок. Джеллико поднял этот вопрос еще в июле и теперь, после тщательного его обсуждения, состоялось решение осуществить операцию, но не в столь широких размерах.

Первый выход был назначен на 14 августа. Были намечены четыре больших заградителя под прикрытием всего Гарвичского отряда и двух эскадр легких крейсеров из Розайта. Заграждение предполагалось поставить в устьи Эмса, но в последнюю минуту выяснилось, что немцы сами поставили мины именно там, где мы их собирались ставить,

---

[1]) Автор называет партизанскую тактику тактикой «гверильясов» («Guerilla tactic»). *Ред.*

и план операции изменился. Решили ограничиться посылкой одного заградителя—*Princess Margaret*—под охраной двух дивизионов 10 минной флотилии с лидером *Mentor*'ом и при поддержке Гарвичской эскадры легких крейсеров. Местом заграждения был выбран район банки Амрум в 25 милях к северу от Гельголанда.

Вечером 17 августа отряд прошел маяк Horn Reefs и встретился с группой рыбачьих трауллеров. Рыбаки усердно занимались своей работой, но это не мешало им пользоваться радио, почему один из них подвергся осмотру. На трауллере оказались немцы и он был потоплен. Отряд затем повернул к югу и очень скоро наткнулся на дивизион немецких миноносцев. Немцы сразу бросились в атаку и *Mentor*, повернувший с остальными миноносцами на противника, получил попадание торпедой. *Princess Margaret*, избегая атаки, повернул обратно: преследование неприятеля при подобных операциях запрещалось существующими инструкциями, и немецкие суда скрылись в темноте. Через час *Princess Margaret* снова повернул, решив продолжать поход, но вскоре узнал о случае с *Mentor*'ом и выяснил, что остальные миноносцы потеряли связь друг с другом. Они настолько разошлись, что даже не могли собраться вместе после радио Адмиралтейства, которым предписывалось отряду возвращаться обратно, в виду указаний пеленгаторных станций о присутствии в его районе значительных неприятельских сил. *Mentor* с оторванной носовой частью под собственными машинами благополучно добрался до Гарвича.

Операция сорвалась, главным образом, вследствие отсутствия должной поддержки. Поэтому было решено повторить ее в более крупном масштабе, выслав три заградителя [1]) и значительные силы для поддержки.

10 сентября рано утром заградители вышли из Хумбера под охраной *Meteor*'а и пяти эскадренных миноносцев. На севере держались 1-ая и 2-ая эскадра линейных крейсеров из Розайта, а также 1-ая и 3-ья крейсерские эскадры совместно с лидерами *Fearless* и *Botha* и четырьмя дивизионами 1-ой минной флотилии, на юге — легкие крейсера Тирвита с только что вступившим в строй лидером *Nimrod* и пятью эскадренными миноносцами.

На этот раз операция прошла с полным успехом. С наступлением темноты (ночь была очень светлая) миноносцы, конвоировавшие заградителей, отошли к отряду Тирвита, чтобы дать заградителям больше шансов не оказаться обнаруженными, и последние без всякой помехи выставили

---

[1]) Пароходы *Princess Margaret*—6 000 тонн; *Orviato*—12 000 тонн и *Angora* 4.200 тонн.

1.450 мин точно в назначенном месте, т.-е. к весту и норд-весту от банки Амрум.

На этом наши заградительные операции, пока что, закончились. Вероятно, немцы в скором времени обнаружили минные поля так же, как и мы обнаружили их заграждения у Кромарти, но все же поставленные мины служили для них источником опасений и не могли не ограничить свободы маневрирования Флота Открытого моря.

Четыре дня спустя сказался результат наших мер по борьбе с неприятельскими заградительными операциями в районе Гранд-Флита. К этому времени Джеллико уже пользовался присланными ему подводными лодками для регулярной дозорной службы у побережья Норвегии. 12 сентября *E-16* под командой кап. 2 ран. Тальбота вышла для этой цели из Абердина и 15 сентября встретилась у Ставангера с оперировавшей здесь *U-6*, потопившей уже три английских и одно датское судно. Удачно выпущенная торпеда быстро прикончила немецкую лодку, спасти с которой удалось лишь пять человек. Впоследствии немецкие „U“ долго не появлялись в этих водах.

В других районах борьба с усилившейся подводной активностью немцев продолжалась при посредстве малых лодок типа „C“, оперировавших совместно с трауллерами, но этот способ в дальнейшем не имел успеха. В первых числах августа, возвращаясь после крейсерства с траулле-ром *Malta* у норфолькского побережья, погибла на мине *C-33*. 29 августа в устьи Хумбера погибла, также на мине, *C-29*. Гибель лодок объяснялась ошибками в счислении и совместные операции с трауллерами были разрешены лишь в районах, отстоящих от минных полей не ближе 15 миль. Но не только трудность ведения прокладки осложняла охоту за немецкими лодками: буксирный перлинь и телефонный провод, как мы уже знаем, тоже играли не последнюю роль в неудачах этого рода.

11 августа траулеру *Ratapiko* опять не удалось справиться с буксиром и намотавшая на себя стальной трос *C-23* не смогла выпустить торпеду. Противник скрылся, хотя траулер подошел к нему близко и успел открыть огонь из своего орудия.

Для защиты мелких рыбачьих судов тоже принимались посильные меры. Эти суда работали, главным образом, в районе Ловестофта (X дозорный район) и подвергались усиленным нападениям немецких „UB“, базировавшихся на Зеебрюгге. Для борьбы с последними четыре из ловестофтских трауллеров — *G. and E.*, *Pet*, *Glory* и *Inverlyon* были вооружены 3 фунтовыми орудиями. Уже к концу месяца все трауллеры, за исключением *Glory*, имели столкновения с противником, по их мнению удачные, но впоследствии

выяснилось, что погибла лишь одна лодка *UB-4*, потопленная траулером *G. and E.*

В дальнейшем поступали донесения об уничтожении лодок при различных других обстоятельствах, но и они также не подтвердились за исключением одного случая, имевшего место в июле, когда п/х *Cottingham* наткнулся на лодку типа „UC", протаранил ее и пустил ко дну. Эту лодку удалось потом поднять, что и дало возможность изучить устройство немецких подводных заградителей. В общем принимаемые меры приносили немного пользы. В течение августа противник уничтожил не менее 30 ловестофтских рыбачьих судов и вопрос о снабжении населения рыбой начинал возбуждать серьезные опасения. Однако, храбрые рыбаки, не взирая ни на что, настойчиво продолжали свою опасную и тяжелую работу.

Деятельность немецких подводных лодок вызывала опасения не только за эти воды. Еще большую тревогу вызывала обстановка в районе юго-западных подходов к Каналу, где противник проявлял исключительную энергию, через который проходили большие лодки, следующие в Средиземное море.

К 10 августа тревога достигла своей кульминационной точки. Три немецких лодки, вышедшие из Германии 4 и 5 августа, были обнаружены между Ушаном и Каналом Св. Георгия. Одна из них *U-24*, та самая, которая под командой кап.-лейт. Шнейдера утопила в ночь под новый год *Formidable*, имела инструкции начать свою деятельность в Ирландском море и напасть на завод Harrington & C°, расположенный на кумберландском побережьи. Завод изготовлял бензин и другие нефтяные продукты и был в свое время оборудован двумя германскими фирмами, агенты которых позаботились увести с собой не только подробный план завода, но и фотографические его снимки, снятые с моря. Таким образом, командир лодки был прекрасно осведомлен об обстановке и 16 августа без труда произвел бомбардировку завода, который ничем не защищался с моря. Однако, несмотря на отсутствие какой либо помехи, обстрел не принес серьезного вреда. Одним из первых снарядов взорвало цистерну с бензином и все кругом заволокло таким густым дымом, что выпущенные лодкой пятьдесят снарядов в большинстве не попали куда следовало. Завод через 4 дня возобновил работу: убытки не превысили 800 фунтов стерлингов. В течение нескольких последующих дней, стоявшая прекрасная погода сильно облегчила подводную деятельность врага.

Утром 19 августа *U-27* (кап.-лейтен. Вегенер) оперировала в районе Сцилли, *U-24* заняла позицию к югу от Kinsale, *U-38*, повидимому, крейсеровала между ними у входа

в Бристольский канал. Работа лодок началась с рассветом— первой жертвой стал испанский пароход, утопленный у Newquay. В 9 ч. утра погибли два английских парохода к северу от острова Силли—*Restormal* в 2 100 тонн и *Baron Erskine* в 5.500 тонн, шедший из Нового Орлеана с 900 мулами. Далее к северу, *U-38* потопила п/х *Gladiator* в 3 300 т., а западнее, в пятидесяти милях от Old Kinsale Head, *U-24* задержала п/х *Dunsley* в 5 000 т. Пока команда последнего садилась в шлюпки, лодка стояла рядом с пароходом и обстреливала его, стараясь пустить ко дну. В этот момент с востока показался значительно больший пароход и кап.-лейт. Шнейдер забеспокоился. Оснований к тому он имел достаточно, так как, следуя Ирландским морем, ему пришлось пережить не мало тревожных минут. Трижды его лодка была на волоске от гибели: один раз он выдержал бой с трауллером *Spider*, который вырвал у него из рук п/х *City of Liverpool*, и дважды избежал таранного удара. Сначала его пыталась таранить яхта *Valiant II*, а затем рыбачий трауллер *Majestic*. Последний не был вооружен, но несмотря на это храбро кинулся на лодку как раз во время, чтобы помешать ей утопить адмиралтейский пароход с углем. Подоспевшее дозорное судно *Bacchante II* присоединилось к *Majestic*'у и угольщик благополучно ушел. Кроме того, при входе в Канал Св. Георгия *U-24* пыталась атаковать п/х *City of Exeter*, но тоже потерпела неудачу, вынужденная скрыться от парохода, который сначала пробовал ее таранить, а затем, когда подошла вооруженная яхта *Sabrina*, повернул и выпустил по лодке с дальной дистанции несколько снарядов. Вышеприведенные случаи оказали соответствующее влияние на командира лодки и он опасался больших пароходов. Новый пришелец приближался зигзагами и Шнейдер, по его словам, принял зигзагирование за намерение таранить, а, следовательно, считал себя свободным от исполнения инструкций, которыми запрещалось топить пассажирские пароходы без предупреждения. Как только *U-24* вышла на позицию, была пущена торпеда и через десять минут парохода не стало. Лодка ушла и командир ее не подозревал того, какие последствия вызовет проведенное им нападение. Впоследствии подтвердилось, что на лодке действительно не знали, что пароход пассажирский.

На этот раз жертвой стал пароход компании „White Star"—*Arabic* в 15 000 тонн, шедший из Ливерпуля в Нью-Йорк. Всего на нем находилось 429 человек пассажиров и команды, из числа которых, благодаря образцовому порядку и распорядительности капитана, удалось спасти 390 человек.

Известие о повторении катастрофы *Лузитании* распространилось с быстротою молнии и дозорные отряды с удвоен-

ной энергией рыскали по всему району в поисках подводного врага. На время у Kinsale стало тихо, но в полночь погиб п/х *Ben Vracka*, потопленный в пятидесяти милях к северу от островов Сцилли, а два часа спустя был пущен на дно еще один большой пароход *Samara*. На полпути между местом гибели последнего и местом, где подвергся атаке *Arabic*, крейсеровала одна из ловушек—*Baralong*, в надежде встретиться с виновником последнего несчастия. *Baralong* был пароход типа „трампов“ в 4 000 т., вооруженный тремя замаскированными 12-фунтовыми орудиями. Командовал им лейтенант Херберт, который с начала апреля охотился за немецкими лодками, но до сих пор безуспешно. Сначала он ходил в Канале, но затем, когда в июне подводная деятельность противника начала ощущаться особенно интенсивно на юго-западных подходах, он перенес свою деятельность туда.

Около 3 ч. дня 19 августа, когда *Baralong*, идя курсом Ost, находился приблизительно в восьмидесяти милях на WNW от Сцилли, с него заметили на SW большой пароход, описывающий широкую циркуляцию. И почти сразу приняли радио—„п/х *Nicosian* преследуется подводной лодкой“... Три минуты спустя приняли еще одно радио „захвачен неприятельской лодкой“. Рассчитывая, что пароход быть может еще не лишен некоторой свободы маневрирования, лейт. Херберт телеграфировал, чтобы он ложился курсом NO и шел ему навстречу, а сам поднял нейтральный флаг и дал полный ход. С *Nicosian*'а повторили, что он уже захвачен, и притом двумя лодками, а большинство команды оставило судно. Легко можно себе представить то нервное настроение, которое царило под свежим впечатлением гибели *Arabic*'а на *Baralong*'е. Враг был близок, люди дрожали в ожидании, что вот-вот лодка попадет в их руки. Несколько миль были быстро пройдены; слева по носу в расстоянии семи миль показалась немецкая „U“. Команда *Baralong*'а ясно видела, как лодка малым ходом подвигалась к пароходу, пока команда *Nicosian*'а отходила на шлюпках, и затем, как немецкие комендоры с 5 каб. начали обстрел беззащитного британского судна. *Baralong* приближался; лодка не прекращала огня до тех пор, пока он не сблизился с ней до $2^1/_2$ миль. Тогда комендоры отошли от орудий, лодка немного погрузилась и полным ходом пошла на встречу „ловушки“. Лейтенант Херберт положил руль и повернул прямо на шлюпки с командой *Nicosian*'а, находившиеся у него слева по носу, делая вид, что идет к ним на помощь. На лодке снова вызвали прислугу к орудиям и она легла на прежний курс с явной целью отрезать *Baralong*'а от шлюпок. Командир „ловушки“ сразу застопорил машину с расчетом, чтобы лодка прошла с противополож-

ного борта *Nicosian*'а, и как только противник скрылся из виду—поднял военный флаг и демаскировал пушки. Едва лодка показалась из-за форштевня парохода, орудия заговорили, а 8 человек морской пехоты открыли жаркий ружейный огонь [1]). Успех, вызванный внезапностью нападения был полный. Лодка оказалась не в состоянии отвечать на огонь; после тридцать четвертого залпа, она сразу накренилась на 20° и люди стали кидаться в воду. Через минуту другую—она исчезла [2]).

Однако, дело на этом не кончилось.

Поднимая к себе на палубу сидевшую в шлюпках команду *Nicosian*'а, лейт. Херберт заметил, что человек двенадцать немецких матросов плывут к пароходу, на котором остались висеть концы и шторм-трапы. Перед ним встал трудный вопрос, что же делать дальше? *Nicosian* так же, как и *Baron Erskine*, был полон мулами и фуражем и неприятельским матросам не составляло никакого труда его поджечь, а кроме того, уничтожению подверглась только одна из двух лодок, о присутствии которых указывалось в радио. Если надо было спасать ценный груз, то думать долго не приходилось и Херберт приказал возобновить стрельбу. Однако, это не помешало нескольким немецким матросам добраться до парохода и опасность его потерять еще не миновала. Тогда командир *Baralong*'а ошвартовался у *Nicosian*'а и послал на него солдат морской пехоты с приказанием очистить пароход от неприятеля. Немцы ничем не проявляли желания сдаться, а в штурманской рубке лежали винтовки и патроны и Херберт предупредил людей, чтобы они остерегались западни и не зевали. Дальнейшие события разыгрались сами собой, помимо намерений командира *Baralong*'а. После недолгих поисков немцы были обнаружены в машинном отделении. Ворвавшиеся туда солдаты, возбужденные предыдущими событиями, потеряли голову и перестреляли их всех до последнего, в полной уверенности, что расправились с участниками нападения на *Arabic*. После этого команда *Nicosian*'а перешла на свой пароход и он, несмотря на полученные пробоины, пришел в Бристоль.

Такова была истинная обстановка, при которой произошел этот печальный инцидент, вызвавший столько толков повсюду и послуживший источником для обвинения нас в нарушении элементарных законов цивилизованной войны.

Германское правительство с возмущением требовало суда над командиром и командой *Baralong*'а, обвиняя их в простом убийстве и ссылаясь при этом на показания более чем

---

[1]) На *Baralong*'е, помимо команды матросов запаса флота, находилось два унтер-офицера и шесть рядовых морской пехоты.

[2]) Впоследствии выяснилось, что эта была *U-27*.

сомнительных свидетелей из числа нанятых в Америке на *Nicosian* погонщиков мулов, и угрожало Англии в случае отказа выполнить его требования репрессалиями в будущем.

В своем ответе наше правительство, указывая на целый ряд нарушений германским флотом и армией обычаев войны, выражало удовлетворение, что Германия своим требованием вновь становится на путь признания законности этих обычаев. Одновременно мы изъявляли свое полное согласие передать рассмотрение всех имевших место инцидентов на суд особого трибунала, но так как это влекло за собой длительные сношения с союзниками, то предлагали ограничиться рассмотрением лишь случаев, имевших место в течение 48 часов, за время которых произошел инцидент с *Baralong*'ом.

На первом месте стояло, конечно, уничтожение *Arabic*'а, на втором — случай с пароходом *Ruel*, возвращавшимся с балластом из Гибралтара в Барри. Днем 21 августа с *Ruel*'я заметили лодку, которая с трехмильного расстояния открыла огонь. Пароход повернул к ней корму, стараясь уйти, но оказался слишком тихоходным. Вскоре он получил два попадания и был вынужден застопорить машину и спустить шлюпки. Лодка приблизилась и выпустила в пароход шесть снарядов, а когда последний стал тонуть, то открыла шрапнельный и ружейный огонь по переполненным шлюпкам, в результате чего восемь человек было тяжело ранено, а один убит.

Эти два случая достаточно ярко говорили сами за себя, но третий был еще знаменательнее. Он не только ясно показывал, до каких пределов дойдет Германия, попирая освященные веками законы морской войны, но и занимали определенное место в германской стратегии.

На русском фронте, на котором шла самая „крупная игра", несмотря на все успехи, одержанные австро-германскими войсками, полученный результат далеко не отвечал ожиданиям.

Русские войска, как бы следуя своей традиционной тактике, отступали, имея за собой неограниченные пространства родной территории, ускользая из всех искусно расставляемых ловушек. Немцы считали, что единственный способ нанести русским армиям сокрушительный удар, это вытеснить их со всех больших дорог и железнодорожных путей, расположенных к востоку от Брест-Литовска. Крепость пала в конце августа, но русские войска во-время отступили и план провалился. Наступление у Брест-Литовска совпадало с наступлением на севере, где немцы старались обойти левый фланг русского расположения в Рижском заливе. Успех зависел от возможности выполнить соединенную операцию армии и флота, которой придавалось столь важное

значение, что было решено форсировать залив под прикрытием линейных крейсеров.

Как только русское командование поняло надвигающуюся угрозу, из Петрограда пришел запрос—не можем ли мы усилить наши подводные силы в Балтике или же предпринять что либо другое, чтобы ослабить нажим на Ригу. Запрос поддерживался нашими представителями при штабе русского главнокомандующего, которые сообщали, что Балтийский флот обладал лишь одной лодкой, имеющей боевое значение, а двух английских недостаточно для того, чтобы помешать успеху нового германского плана.

14 августа подводные лодки *E-8* (кап.-лейт. Гудхарт) и *E-13* (кап.-лейт. Лейтон) получили приказание выйти из Гарвича и следовать через Зунд к Дагерорту, расположенному при входе в Финский залив, где теперь оперировали наши *E-1* и *E-9*.

Лодки оставили Гарвич немедленно и до ночи 18 августа все шло прекрасно. Днем Лейтон благополучно провел свою лодку в погруженном состоянии через Зунд и уже собирался выйти на чистую воду, как неожиданно перестал действовать компас и прежде чем он успел определить поправку, лодка крепко села на юго-восточную оконечность мели Saltholm, находящейся между Мальме и Копенгагеном.

E-8 тем временем благополучно прошла вперед, оставаясь в полном неведении о случившемся. Все старания сойти с мели не привели ни к чему. *E-13* сидела крепко и не двигалась. В 5 часов ночи появился датский миноносец и командир его заявил, что лодка имеет в своем распоряжении 24 часа для того, чтобы сняться, но помощи ей оказано быть не может, и что она будет охраняться вооруженной силой. После этого миноносец ушел, захватив с собой одного из наших офицеров для переговоров с командиром датского брандвахтенного судна. Тем временем к месту происшествия подошел немецкий миноносец, но вскоре показались два других датских миноносца и он скрылся. В 9 часов вечера, одновременно с появлением третьего датского миноносца, с юга подошли два других немецких эскадренных миноносца. Головной поднял сигнал по международному своду, но прежде чем сигнал поспели разобрать, он с пяти кабельтовых выпустил торпеду. Торпеда ударила в грунт очень близко от *E-13*, но не причинила ей вреда и миноносец открыл огонь. Через минуту, другую лодка запылала и команде было приказано бросаться в воду и плыть к берегу или к датским судам. Немецкий миноносец перенес огонь на людей, стреляя шрапнелью и из пулеметов до тех пор, пока датский миноносец не встал между ним и пловцами. После этого немецкие суда ушли. Несмотря на энергичную помощь датчан, 15 человек команды *E-13* утонуло и было убито.

Возмутительный поступок немецких командиров представлял собою преступление, небывалое в летописях современных морских войн, и не имел никакого оправдания, так как был произведен ответственными чинами германского флота в совершенно спокойной обстановке и при том в нейтральных водах.

Неудивительно поэтому, что Германия с раздражением отказалась от нашего предложения рассмотреть случай *Nicosian* в суде особого трибунала и продолжала придерживаться своей системы репрессалий.

Истинная же причина расправы *Е-13* объяснялась той тревогой, которую в этот момент вызывала в Германии активность наших подводных лодок в Балтике. Крупные линейные силы германского флота, выделенные для поддержки сухопутных частей, пытающихся обойти правый фланг русского фронта, находились уже в море. 15 августа они появились у Рижского залива и германское командование делало все, чтобы не допустить дальнейшего проникновения английских подводных лодок через Зунд. Непосредственные операции против Рижского залива начались три дня спустя и 18 августа часть заграждений была пройдена. Обе наши лодки находились при входе в залив, стараясь не упустить случая атаковать немецкие линейные крейсера, прикрывавшие операцию. В море стоял туман, суда противника маневрировали очень искусно и охранялись столь большим количеством миноносцев, что выйти на позицию не удавалось. Тем не менее счастье улыбнулось командиру *Е-1*. Утром 10 августа лодка оказалась в расстоянии торпедного выстрела от четырех линейных крейсеров, шедших в строе фронта. Через 10 мин. кап. 2 р. Лоренс вышел на позицию и атаковал фланговый крейсер. Торпеда попала в носовую часть, но дальнейшего видеть не пришлось. Миноносцы бросились на лодку и только очень быстрое погружение спасло ее от гибели. Туман и масса рыскавших кругом миноносцев помешали выпустить вторую торпеду в подбитый крейсер, оказавшийся *Мольтке*. Полученные серьезные повреждения не помешали ему дойти до Гамбурга, но ремонт занял целый месяц.

С выходом из строя *Мольтке* закончилась соединенная операция морских и сухопутных сил противника у Рижского залива, но была ли тому непосредственной причиной атака, произведенная *Е-1*, сказать нельзя. Во всяком случае первая попытка соединенных действий германских флота и армии сопровождалась полнейшей неудачей. Подробности остальных событий остаются туманными, но, повидимому, они представляются в следующем виде: частично протралив проход, немцы с целью ударить на Ригу с тыла, высадили, пользуясь густым туманом, десант в Пернове, до-

ставленный туда на плоскодонных судах. Операция была произведена в присутствии почти непострадавших сил русского флота, находившихся внутри Рижского залива и десант, как говорили в то время,—был полностью уничтожен или взят в плен. Однако, операция сопровождалась некоторыми потерями с обеих сторон [1]).

На следующий день после выхода из строя *Мольтке* попытка обойти у Риги фланг русских армий была оставлена. Поэтому, не исключается возможность, что присутствие английских лодок в Балтике действовало на противника столь же обескураживающе, как появление немецких лодок в Дарданеллах подействовало на нас.

Как бы там ни было, но утром 21 августа германские эскадры скрылись. В заливе оставались лишь легкие силы для операций против базы английских лодок. 26 августа два немецких крейсера и дивизион миноносцев подвергли безрезультатной бомбардировке Дагерорт и на этом их предприятие закончилось. Правый фланг русского фронта остался на месте и надежно занимал линию Зап. Двины [2]).

---

[1]) Русские потеряли одну канонерку. Они утверждали, что уничтожили и вывели из строя восемь неприятельских миноносцев и два крейсера, но эти сведения надо считать преувеличенными.

[2]) Эта операция, предпринятая немцами с целью овладения Рижским заливом, сулила германскому командованию широкие возможности, как в отношении удара в тыл и во фланг Рижскому фронту, так и против Моонзунда, являвшегося ключем к Финскому заливу.

В случае успеха немцы получали возможность высадки десанта непосредственно у Риги или в тылу ее, а затем достигали всех выгод, предоставляемых коммуникациями для развития дальнейшего наступления.

Однако, несмотря на сравнительно легко осуществленный прорыв через Ирбенский пролив и фактическое овладение заливом, германское морское командование под влиянием ряда частных неудач (выход из строя *Мольтке*, подрыв на минах других судов, уничтожение *Новиком* германского миноносца и повреждение другого) на пятый день прорыва прекратило операцию и неожиданно для русского командования очистило залив.

Потери русского флота выразились в канонерских лодках *Сивуч* и *Кореец*, из которых первый погиб в бою с сильнейшим противником (по германскому описанию этой операции противниками *Сивуча* были дредноуты *Позен* и *Нассау*) второй, успевший уйти от противника, счел себя отрезанным и под влиянием ложного представления командира об обстановке был оставлен командой и взорван.

В опубликованных русским морским Генеральным Штабом данных объявлялось, что немцы за эту операцию потеряли 2 крейсера и 8 миноносцев; на самом деле эти потери выразились: погибли на минах — миноносцы *S-31* и *T-46* в бою с *Новиком*—миноносец *V-99*;

повреждены: на минах — миноносец *T-47*; подорван торпедой с *E-1*— лин. крейсер *Мольтке*.

Никакого десанта в Пернове, якобы высаженного немцами и уничтоженного местным гарнизоном, не было, и весь эпизод с ним является плодом воображения местного военного начальства. Располагая сведениями разведки о базировании на Перно́в подводных лодок (что имело место за несколько месяцев перед этим) германское командование в целях обеспечения операции от них, решило преградить им выход из Перновской бухты

Одновременно с отходом неприятеля от побережий Курляндии и Лифляндии скрылись и немецкие лодки, оперировавшие на юго-западных подходах к Каналу. В течение четырех суток, последовавших за потоплением *Arabic*'а, погибло еще десять британских пароходов, но после 23 августа вновь наступило спокойствие. Все же август оказался очень тяжелым месяцем. В одном только юго-западном районе было потоплено тридцать пять британских и четыре нейтральных парохода и избежало гибели четырнадцать пароходов. Новая организация дозорной службы, руководство которой сосредоточилось в Куинстоуне, пока что не приносила ожидаемых плодов. Больше всех был недоволен результатами деятельности новой организации главный ее руководитель адм. Бейли, который 24 августа подал в Адмиралтейство докладную записку, указывая, что при наличных средствах успехов ожидать нельзя.

Не считая дозорных траулеров и дрифтеров, прикомандированных к определенным районам, находившихся в его распоряжении, ударный отряд, сосредоточенный непосредственно в Куинстоуне, насчитывал восемь канонерок, три яхты и двадцать четыре трауллера. Район крейсерства канонерок занимал пространство между широтой 50° и 51° и тянулся на 350 миль к W от Land's End'а, яхты же не имели определенного района и высылались на заранее выбранные пути. Однако, ни тем, ни другим ни разу еще не удалось встретиться с подводным врагом. Трауллеры же были слишком тихоходны для борьбы с новыми большими германскими лодками и кроме того постоянно отвлекались конвойной службой. Отвечая Бейли, Адмиралтейство указывало, насколько оно стеснено в своих ресурсах вследствие беспрерывно возрастающих требований на вспомогательные суда в связи с увеличением числа войск, находящихся за границей, усилившимся движением грузов, отправляемых в Россию через Архангельск, а также вследствие частых посылок из Скапа-Флоу для ремонта тех или иных крупных боевых единиц Гранд-Флита. Все это требовало охраны, равно как госпитальные суда и суда, перевозившие в Америку золото, без которого нельзя было поддерживать поток боевого снабжения наших армий. При таких обстоятель-

---

затоплением на фарватерах нескольких транспортов, что и было выполнено тотчас же после прорыва немцев в залив.

Появление этих транспортов, вызвав в Пернове панику, привело местное начальство к решению эвакуации города и отвода местного гарнизона. Когда транспорты без всякой помехи, затопились в назначенных местах, их корпуса были обстреляны с берега, что и дало местному начальству предлог изобразить весь эпизод, как отбитие и уничтожение десанта. Располагая лишь русскими официальными реляциями, Корбетт прав, называя эти сведения «туманными». *Ред.*

ствах Адмиралтейство естественно было вынуждено в первую очередь удовлетворять наиболее неотложные нужды.

Докладывая о том, что единственным радикальным средством для борьбы с подводными лодками является блокирование и уничтожение их баз, адм. Бейли тем не менее просил увеличить насколько возможно число канонерок и дать ему суда „ловушки".

Свободных канонерок в тот момент не было, но адмиралу было обещано довести их число в течение двух ближайших месяцев до восемнадцати, ловушки же (*Baralong* и еще две) передавались в полное его распоряжение.

Польза ловушек в скором времени опять подтвердилась. После десятидневной передышки германские лодки опять возобновили свою деятельность, но на этот раз не в районе Куинстоуна, а дальше в море; казалось, что они считают этот район слишком для себя опасным. За 4 и 5 сентября было потоплено между Fastnet и Bishop Rock пять английских пароходов и два норвежских парусника, но высланные адм. Бейли дозоры не нашли ничего. Как выяснилось в последствии, погибшие суда сделались жертвами лодок, следовавших в Средиземное море, а не оперировавших специально в районе Куинстоуна.

Одна из них—*U-39*—на пути в Катарро потопила парусника в Гибралтарском проливе, другая—*U-33* была виновницей гибели одного парохода и одного парусника из числа семи судов, утопленных 4 и 5 сентября. На следующий день она уничтожила британский пароход у Финистерре и, пройдя Гибралтар, где подверглась неудачной атаке нашего миноносца № 95, благополучно добралась в Катарро. Третья лодка—*U-20* оставалась некоторое время в Ирландском море, имея повидимому специальные инструкции действовать на путях сообщений с La Rochelle, чтобы нарушить доставку грузов для армии. На ее долю также падала часть жертв 4 и 5 сентября. Выйдя в Бискайский залив, она 6 сентября потопила французский пароход и на следующее утро появилась в устьи реки Жиронды, где в течение дня утопила у входа в порт еще один английский пароход и один французский. После этого *U-20* снова вошла в Бискайский залив и, пустив на дно встречный английский пароход, скрылась.

Затем в деятельности лодок снова наступило затишье, продолжавшееся почти две недели. В конце второй недели в Средиземное море вышли оборудованные под транспорты крейсер *Terrible* и линейные корабли *Mars*, *Magnificent* и *Hannibal*, с которых были сняты башни для вооружения мониторов. Не успел еще тронуться в путь последний из них, шедший совместно с *Olympic*'ом, на котором находилось 5500 офицеров и солдат, как появились признаки того, что затишью на юго-западных подходах пришел конец.

23 сентября к западу от острова Сцилли, как раз в том районе, где в последний раз столь удачно действовал *Baralong*, были уничтожены артиллерийским огнем три парохода в 4000 тонн каждый. *Baralong*, внешний вид которого был изменен, стоял в это время в Фальмуте под командой нового командира—кап.-лейт. Смита. Вечером того же дня, как только получились известия о появлении лодки, Бейли выслал его в море с приказанием проложить курс так, чтобы перехватить лодку, если она направляется к Ушану или в Бискайский залив. Расчет оказался правильным. В 9 ч. 45 м. утра следующего дня с *Baralong*'а заметили в восьми милях впереди прямо по носу пароход, который стоял и сильно травил пар. Пароход этот *Urbino* шел в Англию и в шести милях от о. Сцилли был остановлен *U-14*, которая топила его теперь орудийным огнем.

Приготовившись к бою, Смит остался на прежнем курсе. В ясном освещении солнечного дня скоро можно было различить лодку, стоявшую с противоположного борта *Urbino*. *Baralong* шел прямо на лодку, пока она не погрузилась. Тогда Смит положил руль и повернул на шесть румбов к зюйду с расчетом выйти из района, в котором он подвергался опасности торпедного выстрела с погружённой лодки, и тем заставить ее всплыть для атаки. Маневр оправдал ожидание. Лодка быстро всплыла и полным ходом пошла на пересечку *Baralong*'а, подняв ему в ответ на поднятый нейтральный флаг сигнал с приказанием остановиться. Приказание было немедленно исполнено, но Смит время от времени давал машинам ход, удерживая свой пароход в таком положении, чтобы лодка не вышла из угла обстрела. Лодка быстро приближалась и, не доходя двух с половиной миль, подняла новый сигнал—«прислать судовые бумаги". Воспользовавшись последним сигналом, чтобы сблизиться, Смит снова положил руля и начал приготовлять к спуску шлюпку. *Baralong* и лодка шли сходящимися курсами; кормовое орудие „ловушки" и орудия правого борта каждую минуту могли открыть огонь. В тот момент, как до лодки оставалось не более $2^1/_2$ каб., на *Baralong*'е взвился военный флаг, орудия и стрелковая партия открыли жаркий огонь. Один из первых снарядов попал в основание боевой рубки лодки и судьба ее была решена. Под градом снарядов и ружейных пуль *U-41* погрузилась, но через мгновение конвульсивно выскочила наверх, а затем быстро пошла носом вниз. Из пяти офицеров и тридцати двух матросов удалось спасти только одного офицера и одного матроса, которых выбросило на поверхность.

После гибели *U-41* германские подводные лодки долго не показывались в юго-западном районе. Одновременно с вторичной удачей *Baralong*'а закончился первый этап неприятельской подводной кампании и многим казалось, что „обо-

рона победила наступление". Но фактически дело обстояло не так. Передышка в деятельности лодок против судоходства объяснялась другими соображениями. Первое соображение, как будет видно ниже, заключалось в том, что противник снова изменил план наступательных операций; внимание Германии опять привлекали Балканы и в данный момент для подводных лодок являлось наиболее интересным театром Средиземное море. Второе же вытекало не из стратегических требований, а было тесно связано с вопросами иностранной политики и вынуждало германское высшее командование уступить настроениям своего правительства.

Причиной возникших крупных трений послужило потопление *Arabic*'а. Как только сведения о катастрофе достигли Америки германский посол в Соединенных Штатах граф Бернсторф сразу забил тревогу. Дипломатическая переписка относительно *Лузитании* тянулась уже несколько месяцев и посол чрезвычайно искусно распутывал затянувшийся клубок переговоров, но терпение общественного мнения Америки начинало истощаться. В Берлин была отправлена нота, более резкая, чем все предыдущие, с требованием извинений, возмещения убытков, связанных с гибелью американских граждан, и обещания впредь не топить пассажирских пароходов без предупреждения [1]). Прошел почти месяц, Берлинский Кабинет все еще хранил молчание, как вдруг пришло известие о новом потоплении большого пассажирского парохода и новой гибели американских граждан. Вашингтон потребовал немедленных объяснений. Граф Бернсторф срочно телеграфировал, что общественное мнение в Америке раздражено до последнего предела и в Берлине начался ряд заседаний, сопровождавшихся бурей разногласий между Тирпицем и канцлером. Канцлер под впечатлением тревожных представлений посла стоял за то, чтобы предложить арбитраж, и считал необходимым запретить лодкам нападать на пассажирские суда, в случае, если Америка согласится настаивать на соблюдении Англией Лондонской декларации. Тирпитц и его сторонники горячо протестовали, что подобный ответ равносилен признанию незаконности подводной кампании и что нельзя подводные лодки, последнюю надежду Германии, приносить в жертву Америке. Император был склонен согласиться с мнением Тирпица, который, развивая свой взгляд дальше, рекомендовал для успокоения царившего в Америке возмущения, отозвать лодки из английских вод и отправить их временно в Средиземное море. Однако, донесения Бернсторфа о состоянии общественного мнения в Америке говорили за то, что подобные меры не восстановят пошатнувшегося доверия к

[1]) «My three years in America». Bernstorff, стр. 138.

Германии. Император заколебался, изменил свое мнение и начал соглашаться с канцлером. Тирпитц подал в отставку, но ее не приняли. Секретные инструкции, выпущенные после потопления *Лузитании* о запрещении топить пассажирские пароходы без предупреждения, были подтверждены и даже расширены. Главнокомандующий флотом адмирал Поль получил приказание предписать командирам лодок щадить все пассажирские пароходы. Поль протестовал, указывая, в своем ответе, что подобное ограничение, связанное с необходимостью осматривать суда раньше, чем их атаковать, влечет за собой такой риск для лодок, который сведет к нулю всю их работу. По примеру Тирпитца и он подал в отставку, но с тем же результатом [1]).

Принимая во внимание, насколько в то время идея судов-ловушек и вооруженных коммерческих судов успела оправдать себя на опыте, взгляд главнокомандующего германским флотом нельзя не считать правильным.

К началу 1915 года Германия имела не более двадцати лодок, пригодных для операций против торговли, число же вступивших в строй в течение ближайших месяцев едва покрывало потери. Таким образом, в случае увеличения числа потерь оставалось мало надежды на то, чтобы деятельность лодок смогла повлиять на исход войны [2]).

Возражения Поля дают справедливую оценку ограничению действий лодки против торговли на море. Уязвимость лодки не дает ей возможности оперировать наступательно в полном значении этого слова. Невозможность открытого нападения заставляет лодку действовать тайно, уловками. И опасность быть уничтоженной сплошь и рядом влекла за собою необходимость топить противника издали, что в свою очередь грозило крупными осложнениями с могущественными нейтральными государствами. В результате Германия увидела, что ее новые методы оспаривания господства на море поставили перед ней неразрешимую дилемму. Расширяя рамки подводной кампании, она тем самым увеличивала шансы на переход в ряды ее врагов тех, кто пока еще соблюдал нейтралитет.

Вынужденное считаться с этой дилеммой германское правительство отправило 7 сентября ноту, в которой выражало свое сожаление о гибели американских граждан, но не высказывало согласия возместить убытки и предлагало в случае невозможности разрешить последний вопрос непосредственно передать его на рассмотрение Гаагского трибунала.

Одновременно оно выпустило подробный отчет о потоплении *Arabic*'а, в котором действия командира лодки объ-

[1]) Von Tirpitz. My Memoirs, стр. 411—12; Von Pool. Letters Sept. 3 and 4. 1915 стр. 258.

[2]) Scheer. Germany's High See Fleet in the World War.

яснялись вынужденной мерой самообороны. Хотя германский посол в надежде успокоить кипевшее возмущение по собственной инициативе не замедлил опубликовать секретные инструкции о запрещении нападать на пассажирские пароходы, германский отчет только подлил масло в огонь. Американцы поняли его как оправдание командира.

В конце концов Германия, не видя другого выхода из положения, 5 октября предложила вступить в переговоры относительно возмещения убытков, одновременно с чем состоялся приказ об отстранении от должности командира *U-14*.

Предложение было принято Америкой и буря, которая едва не привела оба государства к вооруженному столкновению, улеглась.

Непосредственно затрагивающий нас результат этого дипломатического спора выразился в том, что одно из предложений Тирпитца получило осуществление. 18 сентября последовал приказ об отозвании всех лодок из Канала с западного побережья Англии, т.-е. как раз оттуда, где проходила главная масса судов, поддерживающих торговое и пассажирское сообщение с Америкой. В Северном море продолжало оставаться не менее десяти лодок; подводные заградительные операции Фландрской флотилии немцев не сократились. Но для операций против торговли и сообщений союзников руководителям германского флота пришлось обратить взоры на Средиземное море, где подобные операции могли выполняться без риска вызвать новую бурю в Вашингтоне, тем более, что только таким путем представлялась возможность примирить военные и политические требования.

В этот период времени обстановка говорила за то, что исход войны будет зависеть от операций в восточной части Средиземного моря.

ГЛАВА VIII.

Изменение германского плана кампании. Позиция Болгарии. Содействие флота осеннему наступлению во Франции.

Трудно сказать, какая именно причина сыграла главную роль в уступчивости Германии требованиям Америки, но не подлежит сомнению, что складывающаяся обстановка войны давала достаточно оснований избегать ссоры со столь могущественным нейтральным государством. В то время как дипломатическая переписка по поводу *Arabic*'а была в полном разгаре, Германия готовилась к тому, чтобы повернуть русло военных действий по другому пути.

Развертывающиеся события, уже ожидавшиеся союзниками, придавали особую срочность тем вопросам, для разрешения которых лорд Китченер 10 сентября уехал на совещание в Кале.

Части британского общественного мнения, не пользовавшейся влиянием на политику правительства, представлялось, что наилучший способ повернуть в обратную сторону ход военных событий, определенно протекавших с явным успехом для центральных держав, это—сосредоточить весь наступательный импульс союзников на успешном завершения нашей хорошо задуманной, но плохо оборудованной средствами Дарданелльской экспедиции. Подобный образ действий являлся наиболее действительным средством восстановить пошатнувшееся могущество России и ограничить войну Европой.

Нельзя утверждать, что этот взгляд не имел сторонников и в Париже, но большинство французских авторитетов смотрело на Дарданелльскую операцию, как на авантюру, и сковывало ее судьбу наступлением во Франции. Подобное положение вещей понятно. Французы были всецело проникнуты традиционной, континентальной военной доктриной, к тому же враг все еще занимал их территорию. Нельзя было ожидать, чтобы Франция смотрела на борьбу с Германией глазами Англии. Она не могла считать борьбу с Германией мировой войной, как считали мы. Различие во взглядах двух западных держав коренилось глубоко в исторических условиях каждой из них. Согласовать это различие было конечно очень трудно, что сразу и выяснилось на совещании в Кале.

Совещание состоялось 11 сентября в присутствии лорда Китченера, ген. Френча, ген. Генри Вильсона, Мильерана, французского главнокомандующего Жоффра, ген. Саррайля и двух офицеров французской главной квартиры. Определенного решения вынесено не было. Мильеран предложил, чтобы главное командование в Дарданеллах перешло к Саррайлю, но предложение было отклонено на том основании, что на Галлиполи находилось гораздо больше английских войск, чем французских. Однако, состоялось соглашение считать французского и английского командующих самостоятельными в случае, если английские войска будут оперировать на одном берегу пролива, а французские—на другом. Кроме того было решено, что, если французы пошлют в Дарданеллы еще четыре дивизии, то мы заменим своими частями две их дивизии, находящиеся у Гамильтона. Транспортные средства для перевозки шести дивизий должны были быть готовы, но окончательное решение всего вопроса было отложено до выяснения результатов наступления на западном фронте. Генерал Жоффр, чувствуя, что немцы

в каждую данную минуту могут переменить план операций и возобновить наступление на западе, не скрывал во время прений своего отрицательного отношения к проекту и так же, как и Френч, не соглашался связать себя сроком отправки шести дивизий с фронта.

Перспектив немедленных действий не было и быстрота являлась единственным средством не дать потухнуть последней искре надежды. Эту искру—настроение болгарских оппозиционных партий, не сочувствовавших Германии—союзники всемерно старались раздуть, делая последнюю отчаянную попытку использовать выгоды положения. В начале августа Сербии была послана нота, в которой ей рекомендовалось пойти на известные территориальные уступки Болгарии, если последняя присоединится к союзникам. 1 сентября Сербия выразила свое согласие с некоторыми ограничениями, вызвавшими новое обсуждение вопроса державами Антанты. Обсуждение закончилось признанием необходимости отказаться от требований Сербии, и 14 сентября Софийское правительство получило ноту, в которой союзники предлагали Болгарии территориальные компенсации при условии ее выступления против Турции в самом ближайшем времени. Оппозиция встретила предложение весьма сочувственно. Депутация лидеров оппозиционных партий потребовала аудиенции у короля Фердинанда и просила о созыве парламента и образования коалиционного министерства, предупреждая короля об опасности проводимой им политики. Но Фердинанд был слишком предан Германии и Австрии, чтобы уступить. Результат выступления союзников привел лишь к слухам о мобилизации Болгарии, однако, не для выступления на их стороне. Как теперь известно, Германия решила использовать критический момент в том же духе, как и британское правительство.

Империалистические стремления Германии, усердно прививавшиеся ей Пруссией вплоть до момента объявления войны и до известной степени послужившие причиной поторопиться с войной, настолько овладели ею, что побороли ее континентальные традиции. Она поняла теперь, что ключ к разрешению вопроса лежит в Константинополе, и германский большой генеральный штаб решил оставить на время попытки раздавить военное могущество России. Правда, главнокомандующий восточным фронтом не оставил еще стремлений обойти правый фланг русских, пытаясь, несмотря на неудачу у Риги, достигнуть цели маневрами охвата русских армий в направлении на Вильно. Движение на Вильно началось несколько раньше неудачи у Риги, но 25 августа пал Брест-Литовск, и генеральный штаб считал достигнутые результаты достаточными. Даже, если бы опе-

рация обхода фланга и удалась, не взирая на неуспех у Риги и необеспеченность сообщений в Балтике, все же высшие руководители германской армии не считали обязательно необходимым полный военный разгром России именно теперь. России был нанесен достаточно сильный удар, и она на долгое время лишалась возможности помешать Германии в выполнении ее более широких планов. Успешным наступлением Германия сократила свою оборонительную линию и не настолько потеряла голову, чтобы фанатически добиваться побед ради побед. Германский штаб видел, что наступил подходящий момент использовать преимущества своих внутренних коммуникационных путей, дающих ей возможность сосредоточить главный наступательный удар на более важном направлении.

Взоры Германии привлекала не русская армия, а Дарданеллы. Через Дарданеллы тянулся путь, по которому могла придти помощь потрясенной России, и в Дарданеллах находился ключ к успеху наступления против британской империи; дорога же этого наступления проходила через Сербию.

Возможность захвата этой дороги и зависела от позиции Болгарии и Румынии. Нельзя сказать, до каких пределов простиралась в это время преданность болгарского царя германским интересам, но нет оснований сомневаться, что германский генеральный штаб считал желательным ускорить затянувшиеся переговоры и находил необходимым сделать такой военный жест, который подбодрил бы Фердинанда и испугал бы Румынию. Поэтому как только пал Брест-Литовск, Австрия была поставлена в известность о решении снять часть германских войск с галицийского фронта и отправить их на Дунай. Австрия протестовала. Для нее разгром России стоял на первом месте и она желала усилить Ковенскую армейскую группу, уже почти готовую обрушиться на Вильну. Но Германия была неумолима и переброска войск началась немедленно. Начальник германского генерального штаба сообщал, что войска необходимы для успеха переговоров с Болгарией и что появление их на левом фланге Румынии, в близком соседстве с Болгарией, окажет желаемое воздействие на эти страны. „Усиление Ковенской армейской группы“, писал ген. Фалькенгайн, „конечно желательно, но несравненно важнее обеспечить безопасность Дарданелл и ковать болгарское железо, пока оно горячо. Поэтому те части, которые мы можем снять из района Брест-Литовска, и должны быть отправлены на Дунай“ [1]).

Решение Фалькенгайна осуществилось; назначенные германские части отправились на Дунай, и Виленская опе-

[1]) Von Falkenhayn. General Headquarlers 1914—1916, стр. 133.

рация состоялась без их участия. Она почти что удалась, но в последний момент наличных сил оказалось недостаточно и русским удалось удержаться на выбранных ими позициях, сдвинуть с которых их уже не пришлось.

Итак, наши подводные операции в Балтике и смешанные операции в Средиземном море смогли, как в старину, оказать некоторое влияние на обстановку европейской войны. Дарданелльская операция, сколь ни казалась инертной, тоже сыграла свою роль, до известной степени ослабив нажим на Россию и дав ей передышку, которую она могла бы использовать.

Перемена направления германского наступления не замедлила дать себя знать. Через три недели после ухода германских войск на Дунай были получены сведения о предстоящей мобилизации Болгарии, а из Сербии пришло известие о сосредоточении на ее северной границе двух групп австро-германских войск и отправлении болгарами войск и боевого снаряжения в Видин [1]). Для Сербии наступали тяжелые дни. Вторжение с севера сербы дважды героически отбили, но выдержать третье вторжение, поддержанное третьим противником, наступающим с востока, было немыслимо. Греция, в силу существовавшего договора, обязывалась придти на помощь, но Греция одна была слишком слаба, чтобы спасти положение. К тому же Сербия, угрожаемая с севера, не могла выставить против Болгарии тех 150 000 штыков, которые требовались по условиям заключенного ею с Грецией договора.

Румыния могла бы помочь делу, но боялась двинуться, и ее выступление представлялось более чем сомнительным. Ввиду этого Венизелос и сербский премьер-министр обратились к союзным правительствам с просьбой о немедленной присылке 150 000 армии, чтобы покончить с колебаниями болгар.

В Лондоне эта просьба подверглась обсуждению 23 сентября, но определенного ответа сербы не получили, так как ранее выяснения результатов готовящегося наступления во Франции нельзя было сказать, сможем ли мы снять с западного фронта требуемое количество войск. Подготовка наступательных операций уже началась и не только на суше, но и на море. Флоту предстояло сыграть не последнюю роль в соединенном франко-британском наступлении, план которого предусматривал прорыв французами неприятельского фронта у Артуа, поддержанный энергичным наступлением

---

[1]) Германские войска прибыли в Орсову на Дунае к „Железным воротам", где сходились австро-венгерская, румынская, сербская и болгарская границы. Видин расположен ниже „Железных ворот".

англичан в районе Арраса. Задачи флота сводились к демонстрации на фландрском побережьи с целью угрожать приморскому флангу противника и не дать немцам возможность перебросить войска оттуда в угрожаемый пункт. Еще 7 сентября контр-адмирал Бейкон получил секретное предписание быть готовым по первому требованию выйти для поддержки приморского участка фронта и поддерживать тесную связь с начальником этого участка ген. Фошем через состоявшего при его штабе ген. Бриджез, находившегося в Дюнкерке. Как и в критический момент первой „гонки к морю", так и теперь помощь армии должен был оказывать „Дуврский Патруль", но на этот раз его судовой состав был много лучше.

Адм. Бейкон получил в свое распоряжение четыре новых монитора [1]), вооруженные 12-орудиями *Majestic*-ов, а старый *Revenge*, переименованный в *Redoutable*, был снабжен противоминными утолщениями. Суда тщательно подготовлялись к предстоящим операциям и постоянно практиковались в корректировке артиллерийского огня, обстреливая специально отведенный участок берега в устьи Темзы, на котором были устроены искусственные, весьма схожие с действительностью, макеты фландрского побережья.

Адм. Бейкон, подобно адм. Бейли и многим другим, был в то время всецело поглощен идеей уничтожения неприятельских подводных баз, считая этот путь единственно действительным для борьбы с немецкими лодками, и все время производил репетиции нападений на Зеебрюгге и Остенде, бомбардируя искусственные укрепления в Темзе.

С целью обойти главное затруднение всех прибрежных бомбардировок—корректировку—были изготовлены высокие стальные мачты-треноги, установленные на специально оборудованных судах, которые можно было ставить на якорь на мелководии в наиболее подходящих пунктах. Мачты заканчивались маленькими площадками, достаточными для умещения на них двух, трех человек с необходимыми дальномерными инструментами. В то же время все устройство было столь не велико, что была полная надежда на то, что мачты не привлекут внимания неприятеля.

После трехмесячных упражнений было решено произвести первую попытку нападения на Зеебрюгге 21 августа. Принимая во внимание трудность навигационных условий, близость неприятельских подводных лодок и воздушных сил, а также значительное число сильных береговых батарей и наличие минных полей, сложность предстоящей задачи говорила сама за себя. Разрешить ее можно было только

---

[1]) *Lord Clive, Prince Rupert, Sir John Moore, Prince Eugene.*

при посредстве крупных сил и в операции приняли участие около восьмидесяти судов самых разнообразных классов. Помимо трех мониторов *Lord Clive* (флаг адм. Бейкона) *Sir John Moore* и *Prince Rupert* в состав отряда вошли две канонерки-тральщика (*Seagull* и *Spanker*), десять мелкосидящих колесных тральщиков, десять эскадренных миноносцев, пятьдесят дрифтеров, четыре судна с наблюдательными мачтами, авианосец и другие второстепенные плавучие средства.

Погода задержала операцию на сутки. Отряд вышел вечером 22 августа как раз в то самое время, когда французские миноносцы *Oriflamme* и *Branlebas* топили у Остенде германский миноносец.

Дрифтеры, благодаря прекрасной предварительной тренировке, поставили сетевое заграждение, ограждающее позицию мониторов точно в назначенном месте, наблюдательные мачты тоже удалось установить хорошо. Неприятель их не заметил, и в 5 ч. 30 м. суда открыли огонь. Таким образом, несмотря на все трудности, дело началось удачно. Но затем сразу же стали сказываться дефекты изношенных орудийных установок мониторов, неоднократно сдававших еще во время практических стрельб. *Prince Rupert* мог стрелять только очень медленно, *Sir John Moore* вынужден был вовсе прекратить стрельбу после восьмого залпа и только *Lord Clive* поддерживал оживленный огонь. Туман сильно мешал стрельбе, не давая возможности различать приметные места на берегу, однако, внутренняя часть порта и мастерские подводных лодок пострадали не мало. С целью не дать неприятельским подводным лодкам времени сосредоточиться было решено производить бомбардировку не более двух часов и в 7 ч. 30 м. адмирал поднял сигнал „прекратить огонь“. За время операции немецкие подводные лодки не появлялись, и противник ничем себя не проявил, сделав лишь несколько выстрелов по тральщикам и по судам, корректировавшим огонь.

Отряд вернулся без потерь и Бейкон донес, что считает достигнутые результаты удовлетворительными[1]).

Сравнительная удача операции побудила повторить ее при первой возможности против Остенде, но неблагоприятная погода задержала выход судов на две недели. Состав отряда усилился присоединением к нему мониторов *General Crauford* и *M 25*, а также легкого крейсера *Attentive*, но *Redoutable* и две канонерских лодки *Bustard* и *Excellent*

[1]) По сведениям разведки, полученным из Голландии, в Зеебрюгге были потоплены две подводных лодки и две землечерпательные машины. Мастерские и шлюзный батопорт разрушены. Сведения оказались преувеличенными, т. к. через два дня воздушная разведка установила, что батопорт цел.

были предназначены для отвлечения огня батарей Вестенде. Утром 7 сентября главные силы отряда подошли к Остенде и в 7 часов стали на позицию. Погода стояла солнечная, в море видимость не оставляла желать лучшего, но Остенде и его окрестности были покрыты густой пеленой утренней мглы. Опасаясь нанести вред непосредственно городу, суда не открывали огня, ожидая пока не прояснится. Появившиеся в это время неприятельские воздушные силы подвергли их жестокой бомбежке. Крейсер *Attentive* получил несколько попаданий и адм. Бейкон был вынужден рассосредоточить отряд. Кроме того противник обнаружил и уничтожил две наблюдательные мачты-треноги (впоследствии этими мачтами более не пользовались).

Днем мгла рассеялась и суда снова заняли места по диспозиции в расстоянии 90—95 каб. от берега. Как только отряд открыл огонь, немецкие батареи немедленно стали отвечать. Снаряды крупного калибра начали сразу ложиться у самого борта мониторов и им пришлось повернуть на 16 R и отойти на 5 каб. Но неприятель увеличил прицел и мониторы после поворота опять оказались под тяжелым обстрелом. Стрельба новой немецкой батареи велась исключительно хорошо и флагманский монитор получил несколько попаданий. Хотя попадания не нанесли серьезных повреждений, тем не менее было совершенно очевидно, что батарея может стрелять свыше чем на 110 каб. и элементарная осторожность требовала отойти и ждать, пока местоположение грозных орудий не будет обнаружено[1]). Поэтому после получасового боя адм. Бейкон отошел. Неудача, конечно, вызвала большую досаду, однако, нельзя сказать, что операция осталась бесплодной. Через день воздушная разведка выяснила, что Остендский маяк разбит, восточный мол и пристройки арсенала Atelier de la Marine разрушены. Стрельба *Redoutable'я*, *Bustard* и *Excellent* по Вестенде сопровождалась более значительными последствиями; на берегу были замечены признаки крупных разрушений.

Полученное адм. Бейконом приказание держать суда в постоянной готовности, чтобы оказать в нужную минуту поддержку армии, пришло как раз после последней операции, т.-е. тогда, когда выяснились на опыте новые трудности, связанные с выполнением возложенной на него задачи.

Адмиралу предписывалось выделить часть мониторов и других его судов для содействия наступлению армии и условиться с французскими властями о стоянке их в Дюн-

---

[1]) Новая батарея называлась «батарея Тирпитца» и могла стрелять на 175 каб. (35 000 ярдов).

См. «Морской Сборник» № 11 и № 12 1929 г. статья Б. Старке «Береговая оборона Фландрии в войну 1914—1918 гг.» *Ред.*

керке. Назначенные суда прибыли в Дюнкерк и 16 сентября Бейкон решил произвести в качестве меры предварительного характера попытку разрушить военные сооружения в Остенде и батарею Тирпитца. Местонахождение батареи к этому времени удалось обнаружить; она стояла в окрестностях города с юго-западной стороны. В надежде избежать огня опасной батареи бомбардировка должна была производиться с позиции, намеченной в проходе West Deep [1]). Погода задержала операцию, и адмирал получил приглашение прибыть в главную квартиру ген. Френча, в С. Омер, на совещание по вопросам, связанным с поддержкой флотом предстоящего наступления франко-британских армий. Выяснив, что начало наступления назначено на 25 сентября, Бейкон поспешил обратно и 19 сентября возвратился в Дюнкерк.

Погода к этому сроку исправилась, и адмирал с мониторами *Marshal Ney* и *Lord Clive* вышел для бомбардировки батарей, расположенных между Остенде и Ньюпортом, и главным образом батареи Тирпитца и другой тяжелой батареи, установленной несколько западнее, в Puvesude, а также батарей в Middelkerke.

В то время, как мониторы, державшиеся восточнее La Panne, т.-е. в четырех милях западнее Ньюпорта, обстреливали вышеуказанные цели, французские батареи и морские орудия, установленные в районе Ньюпорта, заставили молчать неприятельские батареи в Вестенде. Результаты получились неутешительные. Выяснилось, что обе тяжелые батареи—Тирпитца и другая у Raversyde—свободно обстреливали суда прицельным огнем и мониторы после бомбардировки, длившейся с перерывами два часа, отошли через проход Zuidcoote Pass под огнем батареи Тирпитца, посылавшей снаряды с расстояния в 145 каб.

Днем мониторы прошли через проход между внутренними банками с целью выяснить действительность заградительного огня противника. Оказалось, что и здесь они досягаемы для одного из орудий батареи Тирпитца и через полчаса мониторы ушли в Дюнкерк. Повреждений суда не получили никаких, но у *Marshal Ney* настолько не ладилось с машинами, что его пришлось взять одному из миноносцев на буксир. Опыт этого дня убедил Бейкона в необходимости возвратиться в Дувр и заново переработать весь план операции.

Хотя времени оставалось только четыре дня, все приготовления удалось закончить к сроку. Адмирал находил,

[1]) Проход между внешними Дюнкеркскими банками, ведущий к Ньюпорту и Остенде. С рейда Дюнкерка к нему ведет узкий фарватер между внутренними банками, известный под названием Zuidcoote Pass.

что возложенная на него демонстрация будет гораздо действительнее, если, во-первых, растянуть операцию на несколько дней, вместо того, чтобы сразу израсходовать весь боевой запас, и во-вторых, произвести ее на обоих концах участка германского приморского фронта. С целью создать впечатление предстоящей высадки, в Дувр были доставлены моторные десантные лихтеры, и войска местного гарнизона практиковались в посадке и высадке. Была некоторая надежда, что демонстрация, произведенная одновременно в двух пунктах, вызовет у неприятеля сомнения в том, где предполагается высадка десанта: у Knocke, близ голландской границы, или же у Нью-Порта—для поддержки наступления оттуда. Таким образом, новый план требовал разработки оперативных приказов на несколько дней и сформирования двух отдельных отрядов судов.

К ночи 24 сентября все приготовления закончились. Утром в тот самый момент, когда на фронте наша артиллерия начала ураганный обстрел неприятельских позиций между La Bassée и Lens, мониторы *Prince Eugene* и *General Crauford* начали бомбардировку побережья от Knocke до Blankenberghe, а *Lord Clive* (флаг), *Marshal Ney* и *Sir John Moore*, поддержанные батареями,—Нью-Порта, Вестенде и Middelkerke. За этот день восточный отряд сделал семьдесят восемь залпов, а западный—сто шестнадцать. Мониторы не получили ни одного попадания; наблюдавшиеся на берегу разрушения казались значительными, наши же потери сводились к гибели дрифтера *Creat Heart*, подорвавшегося на мине, и дозорной яхты *Sanda*, утопленной огнем батарей Blankenberghe.

Вечером восточный отряд присоединился к адмиралу, возвратившемуся в Дюнкерк, куда к этому времени пришло известие о захвате Loos и обнадеживающие вести с других участков фронта наступления.

На следующее утро суда возобновили операцию, но лишь против Middelkerke и Raversyde. О бомбардировке Остенде не могло быть и речи. Батарея Тирпитца, стрелявшая с громадного расстояния, не давала возможности тихоходным мониторам подойти на дистанцию действительного огня и им грозила опасность быть уничтоженными раньше, чем они окажутся в 50 каб. от цели. Единственно, что оставалось делать—это произвести бомбардировку ночью, как только наступит подходящая погода. Но погода целую неделю не стихала и деятельность судов ограничилась случайными обстрелами побережья на предельных углах возвышения. 2 октября, наконец, стихло и четыре монитора, пройдя ночью Остенде под жарким обстрелом береговых батарей, стрелявших светящимися снарядами, утром по-

дошли к Зеебрюгге и сделали пятьдесят залпов. На этом операция закончилась.

Бой у Loos еще продолжался, но адмирал, чувствуя, что все возможности демонстративной высадки уже истощены, донес, что пока не начнется намеченное наступление со стороны Нью-Порта, он не видит способов оказать помощь армии. Поэтому он предполагает заняться подготовкой к новой операции и снова попытаться уничтожить тяжелые береговые батареи противника. Весь отряд возвратился в Дувр. За все время пребывания на фландрском побережьи он ни разу не подвергался торпедной атаке.

Произведенная бомбардировка не давала возможности судить о значении подобного рода прибрежных операций в современных условиях войны и сделать какие либо тактические выводы. Дефекты орудийных установок мониторов, недостаток снарядов и неудача с наблюдательными мачтами лишали его опыт ценности. Однако, все эти затруднения достаточно говорили сами за себя и не давали надежды на действительный успех в будущем. Достигнутые результаты нельзя было считать удовлетворительными.

Поскольку операция преследовала цель уничтожения баз немецких подводных лодок и береговых батарей, она потерпела неудачу. Вопрос же о том—насколько действия флота помешали немцам снять войска с приморского фронта—остается открытым. Неоспорим лишь тот факт, что опасения наших высших руководителей войны оправдались—задолго задуманное и разработанное союзниками наступление не достигло поставленной цели. Правда, мы выиграли некоторое пространство, но, как справедливо указывало английское правительство, выигрыш этого пространства на Галлипольском фронте имел бы более благоприятные для нас последствия. Он мог бы, говоря словами ген. Фалькенгайна, разрешить в нашу пользу „несравнимо более важный вопрос“ обеспечения безопасности Дарданелл.

Десятая доля бойцов и снарядов, истраченных на прерванное наступление во Франции, сыграли бы совершенно другую роль на Галлиполи. Выдохшиеся турецкие войска не выдержали бы натиска и вряд ли можно сомневаться в том, что Германия бы опоздала со своими попытками на Ближнем Востоке.

Но при сложившихся обстоятельствах германское выступление поспело во-время. Мы были лишены каких либо надежд нанести противнику непосредственный удар и, вынужденные парировать новый маневр немцев, согласились на контр-маневр, который втягивал нас в небывалую по сложности и запутанности обстановку.

ГЛАВА IX.

Салоники.

Пока тянулось обреченное судьбою наступление на западном фронте, французский план помощи Сербии через Салоники начинал облекаться в определенную форму. Когда 23 сентября обсуждалась просьба Сербии и Греции о присылке 150 000 человек и было решено не давать окончательного ответа до результатов предстоящих боев у Артуа и в Шампани, британское правительство пошло настолько вперед, что выразило согласие на немедленную высадку небольшого десанта в Салониках в целях подтвердить свое намерение поддержать Сербию. Это скромное предложение послужило основной причиной, заставившей нас впоследствии завязнуть в предприятии французов, которому было суждено наложить на британский военный и торговый флот тяготы почти что непосильные.

В тот момент были причины думать, что наше предложение не вызовет дальнейших обязательств. Россия не сомневалась, что высадка даже 5 000 человек образумит Болгарию, и стояла за применение своего излюбленного способа дипломатического воздействия—посылки ультиматума. Франция, напротив, находила необходимым произвести военную демонстрацию в достаточных силах с целью предупредить возможность отставки Венизелоса, на присутствии у власти которого зиждилась единственная надежда спасти положение на Балканах, и настаивала на сообщении последнему, что в случае мобилизации Греции для помощи Сербии, Греции будут посланы соединенные франко-британские силы для противодействия вторжению Болгарии.

Обсуждать возможные последствия нашего не слишком охотного согласия не приходилось, так как 25 сентября Болгария объявила общую мобилизацию. Все же мы еще не потеряли надежду, что задуманные мероприятия удовлетворяют требованиям обстановки. Греческий король тоже опубликовал указ о мобилизации, хотя и с известного рода оговорками, которые выражались словами „в качестве предупредительной меры, не обязывающей страну принять участие в общей войне“. При таких обстоятельствах 24 сентября состоялось наше решение принять участие в плане французов и заверить главу греческого правительства о нашей готовности начать немедленные приготовления к сформированию крупных сил „как только будет получено категорическое заявление, что отправка их в Салоники будет приветствоваться греческим правительством“.

Поздно вечером пришел ответ из Афин. Венизелос понимал франко-английское предложение как согласие при-

слать 150 000 человек и сообщал, что он „будет рад прибытию в Салоники союзных войск, хотя бы и в минимальных силах". В то же время наше посольство телеграфировало, что поведение короля Константина двусмысленно и что король, когда уже было поздно, пытался отговорить Венизелоса от просьбы о присылке 150 000 войск. Сделанная оговорка указывала на далеко неудовлетворительную обстановку и на следующее утро английскому посланнику в Афинах была послана телеграмма с приказанием убедиться, является ли ответ греческого правительства на наше предложение—послать войска в Салоники—действительно вполне официальным и будет ли появление войск союзников на территории Греции встречено сочувственно.

Некоторые шаги к тому, чтобы найти необходимые силы были уже сделаны. Но наступление во Франции продолжалось и единственным источником являлись Дарданеллы, использовать который представлялось возможным лишь при условии оставлении Сувлы. Считалось, что такое сокращение Галлипольского фронта даст возможность получить три дивизии, к которым можно будет добавить находящихся на пути в Египет 8 000 человек второочередных войск иоманри, а, следовательно, всего 37 000 штыков.

Днем 23 сентября Гамильтону и Де-Робеку была послана телеграмма с просьбой сообщить их мнения о возможности в случае эвакуации Сувлы ограничиться для снабжения австралийского корпуса побережьем участка Анзак, при чем в телеграме заверялось, что отказываться от Дарданелльской операции в целом отнюдь не предполагается. Оба начальника горячо протестовали против всякой мысли об эвакуации Сувлы, допуская ее возможность только при перемене всей обстановки на Балканах. Хотя с устройством гавани на побережьи Ари-Бурну они надеялись организовать снабжение новых позиций австралийцев оттуда, но с оставлением Сувлы турки могли свободно обстреливать эту гавань, пользование которой будет немыслимо. А это означало потерю всех позиций, захваченных австралийцами и ново-зеландцами во время последнего наступления.

Опасения Гамильтона за судьбу порученного ему дела возросли с получением 25 сентября срочной телеграммы ген. Балью, в которой последний сообщал о последовавшем приказании из Парижа приготовиться к отсылке одной из его дивизий. Причин и места назначения дивизии не указывалось. Поздно ночью вопрос разъяснился. Китченер телеграфировал о создавшейся в связи с мобилизацией Болгарии и Греции новой обстановке на Балканах и уведомлял, что две французские дивизии требуются в Салоники, куда французы, кроме того, просят также отправить одну

бригаду, или дивизию, из состава нашего экспедиционного корпуса.

Не успела, однако, дойти телеграмма Китченера, как в Лондоне был получен ответ из Афин. Хотя посланник и уведомлял, что политика короля и его министров согласованы, но конец телеграммы гласил обратное. „Король", сообщалось в телеграмме, „надеется, что в настоящий момент союзные войска не будут посланы в Салоники, но Венизелос не сомневается, что приготовления к их отправке будут спешно подвигаться и что войска будут отправлены на Мудрос или в какой либо другой удобный пункт с целью иметь их на готове в нужный момент, который в связи с развивающимися событиями в скором времени наступит".

В последующей телеграмме посланник разъяснял, что Венизелос предлагает Митилену в качестве промежуточной базы для войск и не видит препятствий к выгрузке непосредственно в Салониках обозов и лошадей под предлогом отправки их в Сербию, но что люди при них не должны быть в форме. Подобные уклончивые ответы Греции до последней степени раздражали тех, кто был в то время поглощен великими заботами и опасениями, связанными с начавшимся наступлением во Франции. Все это чрезвычайно усложняло стоявшие перед правительством вопросы, в особенности принимая во внимание данные Сербии советы. Сербия хотела обрушиться на Болгарию еще до ее готовности выступить. Союзники, однако, удерживали Сербию от этого, надеясь уговорить ее и Грецию сделать те территориальные уступки Болгарии, благодаря которым надеялись парализовать влияние Германии. Россия продолжала еще нажимать на Сербию в этом направлении, и хотя надежды вынудить ее согласие оставалось мало, все же считалось необходимым сделать все возможное, чтобы удержать ее от намеченного шага.

Если бы Сербия первая выступила против Болгарии, греческий король не преминул бы воспользоваться случаем заявить, что нет наличия *casus foederis* для выполнения условий оборонительного договора с Сербией и, следовательно, Венизелос потерял бы почву под ногами. Болгарская мобилизация уже началась, одновременно стали поступать сведения о сосредоточении крупных масс войск на сербской границе, но греческая политика ежечасно металась из стороны в сторону и добиться чего либо определенного было невозможно.

В Дарданеллах переживались не менее тревожные дни. Гамильтон и Де-Робек отправили пространные донесения, указывая на серьезные последствия, которые будут вызваны эвакуацией Сувлы. Одновременно с получением этого донесения в Лондоне Гамильтону была послана новая теле-

грамма. В ней указывалось, что вследствие выжидательной позиции Греции нельзя предпринять решительных шагов и что в Париж сообщено о преждевременности отданного ген. Байлю приказания относительно отозвания его дивизии.

Прежде всего надо было окончательно выяснить позицию Греции. 27 сентября афинское правительство получило представление нашего кабинета, в котором подробно указывалось на невыносимость создавшегося положения и указывалось, что идея контрабандного провоза войск и боевого снабжения через Салоники не выдерживает критики. Пока не будет ясного и точного ответа, подтверждающего первое приглашение прислать десант, нельзя начать работу по подготовке транспортных средств. Кроме того, в представлении подчеркивалась необходимость получить определенный ответ как можно скорее.

Не успела уйти последняя телеграмма, как обстановка вновь изменилась. Салоникский вопрос, ставший буквально каким-то кошмаром для наших министров, опять принял новую форму. Из Афин сообщалось, что Венизелос получил согласие короля на присылку франко-британских войск, при чем выражалось желание, чтобы войска союзников прибыли немедленно, т.-е. до 30 сентября, когда, как мы знали, начнется сосредоточение греческих войск в Македонии и им понадобится железная дорога. Начало сообщения носило благоприятный характер, но в конце добавлялось, что до последней минуты король официально ничего не будет знать и по прибытии войск сделает формальный протест.

На это заявление с нашей стороны последовало указание на неприемлемость подобного разрешения вопроса. Войска уже готовились к отправлению, но было совершенно очевидно, что при условии протеста, хотя бы и формального, высадка встретит большие трудности.

Согласиться с оговоркой греческого правительства относительно протеста мы не могли и английскому посланнику в Афинах было приказано объяснить Венизелосу необходимость совершенно определенного обещания в том, что прибытие войск будет „приветствоваться“. Одновременно мы предлагали афинскому кабинету, чтобы греческий флот принял участие в постановке у Салоник противолодочных сетей. Ответ, полученный из Афин днем 28 сентября, произвел ошеломляющее впечатление. Выражая британскому правительству дружескую признательность за предложение присылки войск, греческое правительство телеграфировало, что в „настоящий момент, ввиду деклараций сделанных как Сербией, так и Болгарией, оно не видит необходимости воспользоваться предложением“. Декларации сводились к заверениям, что Сербия не начнет наступления против Бол-

гарии, а последняя подобно Греции будет лишь сохранять вооруженный нейтралитет.

Телеграмма определенно указывала на полный поворот в политике, но уже на следующий день (29 сентября) раньше, чем можно было разобраться в калейдоскопическом ходе событий, пришло новое сообщение из Афин с просьбой не числить телеграмму от 28 сентября, а руководствоваться телеграммой от 27 сентября, т. е. той, в которой говорилось о желательности выступления союзников.

Пируэты Афинского кабинета, бывшие следствием трудной позиции Греции, создали в Дарданеллах очень тяжелую обстановку. Меняющиеся распоряжения следовали одно за другим, только что отданное приказание отменялось последующим. 26 сентября Гамильтон, настаивая на невозможности оставления Сувлы, сообщил, что считает возможным удержаться на занимаемых позициях даже если ему придется отдать X и LIII дивизию и одну бригаду французов; на следующий день, после того, как он был поставлен в известность о согласии греческого короля на высадку в Салониках, пришла телеграмма с приказанием готовить к отправке указанные им две английские дивизии, при чем в телеграмме указывалось, что Париж поставлен в известность об его согласии отдать одну французскую бригаду. Однако, прежде получения этой телеграммы ген. Байлю доложил о полученном им из Парижа распоряжении снять одну дивизию с участка Хеллес и отправиться с ней на Мудрос.

Вполне естественно, что Гамильтон, как главнокомандующий всеми войсками на Галлиполи, не мог дать другого ответа как тот, что он не получил никаких распоряжений по этому поводу и, руководствуясь имеющимися приказаниями, не может ему разрешить двигаться с места впредь до получения новых инструкций [1]).

В полученных новых инструкциях предлагалось собрать X дивизию на Мудросе, а LIII — держать на готове к отправке, пока не выяснится—возьмут ли французы дивизию или ограничатся бригадой. К этому времени приготовления к высадке в Салониках начали осуществляться. Для предварительных распоряжений по приему войск в Салоники вышел миноносец *Scourge* с группой французских и английских офицеров. Для радио-связи с миноносцем был отправлен крейсер *Latouche-Tréville*.

Казалось, что все наладилось, но действительность показала обратное. Посланные офицеры были встречены далеко не дружественно, оказанный им прием граничил с явной враждебностью. Чувствовалось, что в Афинах дело не ладно. Какая тому была причина, они сказать не могли, но, нови-

[1]) *Gallipoli Diary* т. II, стр. 218.

димому, Венизелос, руководствуясь какими-то непонятными соображениями, начал относиться с подозрением к намерениям союзников. Россия все еще не прекращала настаивать, чтобы Греция и Сербия пошли на территориальные уступки Болгарии, и жертва, которая требовалась от Греции, сводилась к уступке Кавалы с прилегающим к ней районом. Не составляло секрета, что Россия не одинока в своем мнении и что ее взгляд разделяется также и в некоторых других кругах союзников. Это обстоятельство не могло не отразиться на бдительном настроении греческого премьера, который почувствовал тревогу и решил, что высадка в Салониках преследует не ту цель, о которой хлопочут союзники, а захват Кавалы, и десант является лишь средством побудить Болгарию присоединиться к союзникам. Надо думать, что и приготовления к сосредоточению греческой армии у Салоник объяснялись ничем иным, как возникшими подозрениями.

К довершению затруднений в момент прибытия союзных офицеров в Салоники атмосфера недоверия и подозрительности особенно сгустилась; речь, произнесенная в парламенте британским министром иностранных дел Греем была опубликована за границей в таком искаженном виде, что не оставляла сомнений в том, что Греция будет обманута. Подтверждением опасений Венизелоса послужил также и тот факт, что во главе прибывших офицеров находится генерал Гамильтон. Прибывший генерал действительно носил фамилию Гамильтона, но это был не сэр Ян Гамильтон, а бригадный генерал А. Гамильтон. Никто не подумал о случайном совпадении фамилий и в Греции сразу же решили, что прибыл главнокомандующий в Дарданеллах и, следовательно, британские операции на Балканах, без согласия Греции, переносятся в Салоники. На самом деле это было совершенно не так. Генерал Балью только что донес главнокомандующему в Дарданеллах о полученном им из Парижа определенном приказании отослать одну дивизию целиком и начал приготовления к ее отправке, ввиду чего Гамильтон сообщил в Лондон, что в соответствии с полученным разрешением он оставляет LIII дивизию и отправляет лишь X. К вечеру 1 октября X дивизия, оставившая Сувлу без всякой помехи со стороны турок, собралась на Мудросе в ожидании приказаний следовать в Салоники.

Днем (1 октября) вице-адм. Дартиж-дю-Фурне, вступивший в командование французской Дарданелльской эскадрой вместо адм. Николь и стоявший в это время на Мудросе, уведомил адм. Де-Робека, что им получено радио с крейсера *Latouche-Tréville* с сообщением о том, что в Салониках достигнуто полное взаимное согласие. Поэтому он отпра-

вляет первый эшелон войск и просит немедленно выслать наши сетевые заградители.

Заградители тотчас вышли, вслед за чем по получении приказания из Лондона был посажен на л. к. *Albion* первый эшелон английских войск.

Дело как будто снова наладилось. Последствия опасений, овладевших Венизелосом, еще не ощущались нами, но уже ночью с крейсера *Doris* было принято радио, которое снова перевернуло все вверх дном. *Doris* пошел на смену *Latouche-Tréville*, так как у французского крейсера плохо работала радио-станция, и командир *Doris*'а (кап. 1 р. Ларкен) доносил, что Венизелос запрещает высадку хотя бы одного человека и постановку сетей. Ларкен тотчас вышел навстречу заградителям и транспортам с французским эшелоном и, перехватив их перед самым входом в порт, вернул обратно. Де-Робек задержал выход *Albion*'а. Приходилось распутывать новый узел. Затруднения не ограничились Салониками. Венизелос одновременно протестовал и относительно положения на о. Милос, находившегося в районе французских дозоров, где по просьбе французского адмирала распоряжением Де-Робека было поставлено сетевое заграждение, подход к которому ночью запрещался. Остров Милос безраздельно принадлежал Греции и ее суверенные права на него были, конечно, неоспоримы. „Куда бы ни приходили союзники", писал Венизелос, „они всюду действуют так, как будто данное место принадлежит им". Подобное заявление было непонятно; Греция раньше не протестовала против такого же образа действий в других частях Эгейского моря. База на Милосе являлась совершенно необходимой, так как без нее было бы немыслимо обеспечить линию наших сообщений, проходившую в районе, порученном охране французов. Район же этот внушал самые серьезные опасения. Случаи потопления транспортов с углем и боевым снабжением повторялись ежедневно и как Де-Робек, так и адмирал Лимпус — старший морской начальник на Мальте — настаивали на необходимости устройства добавочной базы для дозорных судов на о. Черито или Черитотто.

Новые осложнения с Афинами не позволяли предпринять ничего, тем более, что возникли они в чрезвычайно неблагоприятный момент. Россия, видя неминуемую опасность потерять гегемонию на Балканах, неожиданно ниспровергла все наши старания найти решение, которое показало бы Болгарии всю рискованность затеянной ею игры и было бы приемлемо для всех.

Посланный Россией ультиматум Софии гласил, что в случае отказа болгарского правительства открыто порвать с врагами славянского дела и России, русский посланник

покинет столицу. Срок ультиматума истекал через 24 часа. После подобного шага России для Франции и Англии не оставалось другого выхода, как последовать за нею, и мы оказались в войне с Болгарией, без всякой надежды на помощь со стороны России, при чем на пути нашего единственного операционного направления стояла Греция.

Теперь все зависело от того, удастся ли рассеять злополучные подозрения, столь неожиданно овладевшие Венизелосом. Между Парижем, Лондоном и Афинами начался оживленный обмен пространными телеграммами с объяснениями. Мы смогли убедить главу греческого правительства, что отныне отпадают всякие возможности каких бы то ни было предложений Болгарии, и в ответ на его запрос категорически заверяли, что союзные правительства, намереваясь высаживать войска в Салониках, отнюдь не собирались нарушать суверенных прав Греции или вмешиваться в административную жизнь страны. Венизелос удовольствовался сделанными заявлениями и вновь выразил согласие на высадку без каких либо оговорок, но при условии, что формальности в виде протеста будут соблюдены и что высаженные войска не задержатся в Салониках, а немедленно двинутся дальше. На последнее условие мы не могли согласиться. Посылка войск внутрь страны мелкими отрядами являлась, с военной точки зрения, недопустимой; в первую очередь требовалось сосредоточить десант в Салониках целиком и оборудовать для него здесь базу.

Последние доводы возымели свое действие и в ночь с 2 на 3 октября командир *Doris*'а смог телеграфировать на Мудрос о получении им письменного разрешения на высадку. Французский адмирал получил указания относительно отправки десанта непосредственно из Парижа, но Де-Робеку было приказано ждать присылки из Афин телеграммы, подтверждающей разрешение, данное командиру *Doris*'а.

Телеграмма пришла на следующий день. Сетевые заградители и головной эшелон французов вышли в море немедленно; вечером ушел *Albion* с 1 500 человек английских войск и транспорты со вторым французским эшелоном, а на следующий день (5 октября) были отправлены транспорты с французской артиллерией и вторая партия английских войск в числе 2 000 человек.

Таким образом, принятые нами меры противодействия новому австро-германскому плану стали наконец на прочные рельсы. Все было готово для отправки в ближайшем времени остальных эшелонов; кроме того были отданы распоряжения о приготовлении транспортов для доставки из Египта французской кавалерийской бригады и нашей бри-

гады ездящей пехоты иоманри, которая через несколько дней должна была там сосредоточиться.

Сведения разведки указывали на значительную активность противника на сербской границе и мы, конечно, не закрывали глаза на то, что помощь запоздала, но все же надежда на успех еще окончательно не рухнула. Недоразумения в Афинах уладились, политический горизонт прояснился и Китченер отправился опять в Кале на новое совещание, чтобы выяснить окончательно, какие силы собирается выделить сюда Франция, и выработать план совместных операций. Одновременно были предприняты шаги с целью привлечь для участия в операциях и греческий флот, располагавший сравнительно большим числом миноносцев, которые могли быть использованы для дозорной службы на коммуникационных путях.

5 октября Венизелос выступил в палате депутатов с объяснениями по вопросам иностранной политики и палата вынесла правительству вотум доверия; положение дел начинало улучшаться. Салоникское предприятие, задуманное французами, на которое мы пошли столь неохотно, начинало сулить какие-то перспективы, но уже через несколько часов искусно сотканная паутина порвалась. Полученная телеграмма гласила, что Венизелос более не у власти. Премьеру, прибывшему во дворец с докладом о результатах заседания, король заявил, что в произнесенной речи премьер превысил свои полномочия, а потому, несмотря на выраженное палатой доверие, король не считает возможным нести тяжесть ответственности за политику своих министров. По конституции Венизелосу оставался один выход—подать в отставку, что он немедленно и сделал.

К довершению осложнений, вызванных падением греческого кабинета, совещание в Кале, состоявшееся в день ухода Венизелоса, вынесло решение, в основу которого легла обстановка, предшествующая правительственному кризису в Афинах. Для сформирования обещанной 150-тысячной армии, Франция кроме двух дивизий и одного кавалерийского полка, отправленных ранее, давала теперь же одну бригаду матросов, вслед за которой обещала послать вторую матросскую бригаду, две кавалерийских дивизии и одну дивизию пехоты, общим количеством в 64 000 штыков и сабель. Мы, кроме уже посланной одной дивизии и полка иоманри, обязывались снять с западного фронта три пехотных дивизии. Таким образом, до намеченной цифры в 150000—не хватало двадцати тысяч человек. Пополнить недостаток было неоткуда, т. к. совещание, признавая, что операции на Галлиполи тесно связаны с операциями на Салоникском направлении, считало невозможным дальнейшее ослабление Галлипольского фронта. Кроме этого было ре-

шено, что Англия даст транспорты как для трех английских пехотных дивизий, так и для двух дивизий французской кавалерии. На последнее условие мы пошли, хотя данное согласие накладывало новые тяготы на английское судоходство. Но уладить вопрос было не так просто.

Прежде всего требовалось установить общность нашего и французского планов операций, достигнуть чего было очень трудно, вследствие полной противоположности взглядов английского и французского правительств. Французы, связанные обещанием пройти в Сербию, не задерживаясь на территории Греции, отправили ген. Балью приказание немедленно следовать в Ниш. Для этого приходилось пройти около 50 миль по чрезвычайно трудным горным дорогам и мы отказывались принять участие в столь рискованном походе. Наши представители были вынуждены напомнить совещанию, что Англия с самого начала заявляла о своем твердом намерении не двигаться из Салоник, пока не выяснится, что Греция действительно согласна принять участие в помощи союзников Сербии. Факт отставки Венизелоса утверждал нас в необходимости не отступать от принятого решения.

Положение в Салониках в этот момент было следующее: большая часть французской дивизии находилась на месте, последний ее эшелон уже вышел с Мудроса, *Albion* с 1 500 ч. X британской дивизии тоже вошел в порт, противолодочная сеть стояла поперек Салоникской бухты.

Генерал Саррайль выехал из Парижа. Отъезд генерала, как он пишет в своих мемуарах, состоялся вопреки советам влиятельных политических деятелей правительства и оппозиции, считавших, что после отставки Венизелоса Саррайль должен от поездки воздержаться. Тем не менее отъезд состоялся, и 6 октября генерал прибыл в Салоники, но без всяких войск. Приказание генералу Балью двигаться на Ниш было отменено и ему предписывалось ждать прибытия Саррайля, а последний должен был ожидать прибытия посылаемой из Франции бригады[1]).

Британское правительство не видело другого выхода как ждать, оставаясь в полной готовности, пока не прояснится создавшееся положение. Между тем обстановка момента требовала решительных действий. За день до падения Венизелоса Россия послала Болгарии свой ультиматум. Требования России были отвергнуты, и 6 октября нам стало известно о разрыве дипломатических сношений между Петроградом и Софией.

Не последовать за Россией было немыслимо и мы, несмотря на все наши попытки разрешить вопрос иначе,

[1]) Sarrail—„*Mon commandement en Orient*“ стр. XV и 830.

оказались в состоянии войны с Болгарией, не обеспечив себя содействием со стороны Греции. Последнее обстоятельство вынудило нас уведомить Париж, что мы не можем послать в Салоники больше ни одного человека до тех пор, пока не почувствуем почву под ногами. Одновременно английский посланник в Афинах получил инструкции принять все меры к тому, чтобы побудить греческое правительство открыть карты своей новой политики. Кроме того, посланнику вменялось в обязанность постараться убедить греческое правительство, что присутствие союзных войск в Салониках не может рассматриваться как нарушение нейтралитета, так как войска прибыли после определенных указаний афинского кабинета о желательности их присылки с целью содействовать выполнению Грецией ее обязательств, вытекающих из условий оборонительного договора с Сербией.

Ответом на это было заявление, что вопрос о помощи Сербии остается еще открытым.

При подобной обстановке было невозможно продолжать действовать дальше в том же направлении. Развернувшиеся события говорили за то, что наши попытки остановить движение Германии к Константинополю, как будто, опоздали. Вторжение в Сербию началось; Россия ничего не делала, чтобы подкрепить вооруженной силой требования своего ультиматума, и приходилось изыскивать новые способы действия. Мы стояли перед проблемой—сделать ли новое отчаянное усилие, чтобы прорваться через Дарданеллы, или же эвакуировать Галлиполи. В последнем случае нам представлялась возможность использовать армию Гамильтона для нанесения удара в Александретте или в каком либо ином важном пункте азиатского материка, или же сосредоточить свои усилия с целью помочь Сербии со стороны Дедеагача или залива Сарос, в то время как французы будут продолжать свои операции из Салоник, отказаться от которых они не хотели.

Для разрешения этой проблемы было созвано совещание чинов Адмиралтейства и высших руководителей армии.

К 11 октября совещание высказало свой взгляд и к этому времени нам стало известно и личное мнение генерала Жоффра. Мнение французского главнокомандующего более соответствовало английской точке зрения, чем той, которая высказывалась ранее представителями Франции и, как оказалось, ген. Саррайль уже получил приказание впредь до распоряжения не начинать движения в Сербию. Жоффр полагал, что намеченная операция должна ограничиться: обеспечением Салоник в качестве базы, удержанием железной дороги в древнюю сербскую столицу Ускюб и прикрытием правого фланга сербской армии с целью не допустить

вторжения болгар внутрь страны. Для разрешения поставленной им задачи, Жоффр считал высаженные силы достаточными, в особенности, если Италия согласится присоединиться к посылке войск в Салоники и оказать помощь Сербии со стороны Адриатического моря через Дураццо.

Рассматривая вопрос с чисто стратегической точки зрения, соединенное совещание наших высших морских и сухопутных начальников не сомневалось в том, что без уверенности в содействии Греции и без мощной поддержки России посылка 150-тысячной армии в Сербию, ради слабой надежды прекратить подвоз боевого снабжения в Турцию, слишком рискованна. Производить же подобную операцию со стороны одного из портов болгарского побережья еще рискованнее, чем из Салоник. Совещание находило, что как в том, так и другом случае операции грозят принять столь крупный масштаб, который окажется непосильным бременем для британской армии и флота. Поэтому совещание считало, что наилучший способ разрубить затянувшийся узел, это возобновить наступление на Галлиполи, обеспечив его соответствующими подкреплениями. Однако посылка подкреплений не должна повлиять на основную идею плана кампании—нанесения решительного удара во Франции, а, следовательно, надо ждать момента, когда можно будет снять необходимые части с главного театра. Момент этот, по мнению совещания, должен был наступить через три месяца.

Итак, с точки зрения стратегической, вопрос решался сравнительно просто, но оставались еще соображения политического характера и с ними нельзя было не считаться. Политические интересы заставляли считать Салоникское направление более выгодным, но они расходились с морскими и военными интересами. Кроме того чувствовалось, что как бы ни были серьезны с моральной и политической стороны возражения против предоставления Сербии ее собственной участи—возражения против оставления Галлиполи были еще серьезнее. Сомнительность позиций Румынии и Греции продолжала вызывать опасения и единственно, что могло посоветовать совещание—это использовать войска, собранные для операций на Балканах, для возобновления наступления в Дарданеллах.

Возражения против расширения наших военных обязательств в Греции и Сербии побороли все остальные соображения и заставили собравшийся 11 октября Военный Совет (Дарданелльская Комиссия) вынести постановление, согласно которому прекращалась дальнейшая отправка войск в Салоники и все свободные части должны были сосредоточиваться в Египте, где и ждать, пока изменившаяся обстановка не позволит начать действовать.

В развитие сделанного постановления решено было послать в Средиземное море специально выбранное лицо, если представится возможным—Китченера или Хейга—с тем, чтобы посланный начальник мог бы на месте изучить развивающуюся обстановку и указать то направление, на котором можно будет наилучшим образом использовать имеющиеся силы.

На следующий день мы приняли на себя обязательство выставить к 1 января 200-тысячную армию для операций на Балканах, если Румыния и Греция теперь же объявят войну центральным державам.

Тем временем Греция заявила окончательно о своем нейтралитете. Но ее нейтралитет носил столь дружественный характер, что не препятствовал союзникам продолжать пользоваться Салониками, как базой, и греческая армия оставалась в полной боевой готовности дать отпор Болгарии при первых признаках ее намерения вторгнуться на территорию Греции.

Никакие попытки сдвинуть Грецию с занятой позиции не имели успеха. Король Константин совершенно откровенно заявил, что он одинаково боится как германской армии, так и флота союзников, и все старания убедить его открыто примкнуть к той или другой стороне не приводили ни к чему. Столь же неудачно окончились и все шаги, предпринятые к возрождению блока балканских государств. Без поддержки крупных русских сил, Румыния не осмеливалась двинуться и даже не рисковала на демонстрацию против Болгарии. А потрясенная Россия, в которой уже наблюдались признаки внутреннего брожения, не могла сделать ничего существенного.

Было совершенно ясно, что при создавшихся затруднениях оставался только один действительный выход из положения—немедленный удар в Дарданеллах. Удача на Галлиполи развязывала все узлы и разрешала все проблемы. Однако, положение дел в Дарданеллах не сулило успехов.

Правда, после последних боев турки, повидимому, утратили свое воодушевление, и непрекращавшиеся время от времени мелкие стычки оканчивались в нашу пользу. Но противник, возложив все надежды на приход немецких войск, крепко сидел в окопах и не проявлял никаких признаков дальнейшей активности, предоставив поле действия своим воздушным силам.

Наши летчики не оставались в долгу и обмен воздушными „комплиментами“ не прекращался, но без особых результатов. Мониторы и суда с противоминными утолщениями проявляли оживленную деятельность. По несколько раз в неделю они бомбардировали турецкие базы или другие пункты, указываемые сухопутным командованием. Коррек-

тировка огня к этому времени значительно улучшилась и бомбардировки были, повидимому, весьма успешны.

Операции подводных лодок в Мраморном море продолжались с прежней энергией. Когда *E-2* в сентябре закончила свой столь богатый результатами поход, на смену ей вышла *E-12* (кап.-лейт. Брус). На *E-12*—первой из всех лодок, выходивших в Мраморное море—было установлено орудие калибром выше 12-фунтового и результат этого оказался выше всяких ожиданий. 16 сентября, подымаясь вверх по проливу, она утопила торпедой пароход, стоявший в заливе Бергаз. Заглянув затем на северном побережьи в Родосто и, не обнаружив там ничего, она пошла к противоположному берегу, в Муданию. По пути у острова Калолимно ей повстречался небольшой турецкий миноносец, который она нагнала и обстреляла. После четвертого выстрела, сопровождавшегося удачным попаданием, миноносец обратился в бегство и ушел в Золотой Рог. На следующий день *E-12* пришла в Муданию, где выпустила восемь снарядов по береговым складам, привела к молчанию батарею и повредила железнодорожные сооружения. Через двое суток она снова появилась у Мраморного острова и здесь утопила 3000-тонный пароход, груженный скотом и провиантом. Наступивший затем период ненастной погоды на время прекратил операции. Как только прояснило, *E-12* направилась к Сан-Стефано, где намеревалась бомбардировать расположенный за городом пороховой завод, но не смогла ничего сделать. Неприятельские миноносцы и воздушные аппараты зорко следили за водной поверхностью и командир лодки не рискнул всплыть. 4 октября кап.-лейт. Брус пришел к месту условленного рандеву и встретился с *H-I*. Лодки типа „H“ были почти вдвое меньшего водоизмещения чем лодки „E“, но тем не менее справлялись со своей задачей прекрасно. *H-I* выскочила у мыса Нагара на мель и запуталась в сеть, но отлично преодолела препятствия и вышла в Мраморное море без всяких повреждений. Приказав командиру *H-I* идти на восток, Брус снова заглянул в Родосто. На этот раз рейд оказался переполненным судами и *E-12* удалось потопить артиллерийским огнем небольшой пароход и семнадцать парусников. 7 октября лодки вновь встретились и командир *H-I* сообщил, что накануне он взорвал в Мудании пароход. Затем они соединенно пошли в Сан-Стефано, намереваясь возобновить попытку обстрела порохового завода, но столь же безуспешно, как и при первом приходе *E-12*.

Закончив на этом свое крейсерство *E-12* и *H-I* благополучно вернулись в базу, потопив на обратном пути пароход, стоявший в бухте Лампсаки.

Таким образом, наши лодки не прекращали своей работы, выполняя то, что от них требовалось. Однако, противник

тоже не оставался праздным и его деятельноссь обнаруживала зловещие признаки новых тяжелых забот и препятствий, грозящих английскому флоту в будущем при развитии Салоникского плана.

Когда вскоре после высадки в Сувле, Германия перенесла центр своих наступательных усилий на Балканы, то одновременно с переброской войск на Дунай были предприняты меры со специальной целью помешать нашим операциям в Эгейском море.

Командир германской *U-21* уже продемонстрировал возможность для лодок большого водоизмещения достигнуть Адриатики без наличия какой либо промежуточной базы. Но несмотря на его удачный поход, закончившийся столь блестящим потоплением линейных кораблей *Majestic* и *Triumph*, дальнейшая посылка германских лодок произошла не сразу. К этому времени позиция, занятая Вашингтонским, кабинетом, уже вызывала тревогу, и Германия начала сознавать, что будет благоразумнее ограничить подводную войну против торговли водами, в которых американские суда встречаются редко. Поэтому, как только появились опасения за судьбу Константинополя, она стала смотреть на Средиземное море как на такую арену, на которой деятельность подводных лодок будет одновременно отвечать и военным и политическим требованиям обстановки.

В течение августа четыре новых больших лодки были отправлены по следам *U-21*. Первые две *U-35* и *U-34* прошли через Гибралтар необнаруженными. Дозорный Гибралтарский отряд находился в то время под командованием вице-адмирала Брока и состоял из устаревшего легкого крейсера *Pelorus*, десяти миноносцев, нескольких вооруженных буксирных пароходов, так называемых „досмотрщиков“, и незначительного числа воздушных аппаратов. Как средство противолодочной борьбы, дозор, конечно, оставлял желать лучшего, но взять просимых адмиралом эскадренных миноносцев и трауллеров было неоткуда, и он делал все, что мог.

30 августа Брок получил уведомление из Лондона о том, что из Германии вышли еще две лодки—*U-33* и *U-39*. Обе лодки были замечены дозором, и хотя *U-33* подверглась обстрелу миноносца № 95, но как она, так и *U-39* благополучно ушли и наделали не мало бед на алжирском побережьи на пути в Каттаро. Кроме этих пяти больших лодок, которыми командовали наиболее опытные и испытанные командиры, Германия отправила в Фиуме по железной дороге, в разобранном виде ряд подводных заградителей класса „UB“ и „UC“. К середине сентября в Адриатике находилось пять „UB“, четыре „UC“ и пять „U“, т.-е. всего четырнадцать лодок.

С 1 по 20 сентября *U-34* и *U-35* потопили у берегов Крита пять коммерческих судов, но организованный набег на коммуникационные пути союзников в восточной части Средиземного моря состоялся лишь неделю спустя. Безопасной лишь оставалась английская зона Эгейского моря. За две недели— 28 сентября — 11 октября было потоплено восемнадцать пароходов. Из них девять потонуло приближаясь к проходу Кифера, в том числе пароход *Arabian* с грузом снарядов, приход которого ожидался с великим нетерпением. В день гибели *Arabian*'а (2-го октября) нападению лодки подвергся и *Olympic* с 5 000 человек иоманри, проходивший на восьмой день плавания из Англии мыс Матапан. На пути между Мальтой и Матапаном, который только что прошел *Olympic*, жертвою лодок стали четыре парохода, не обладавшие его скоростью, при чем на одном из них находились столь нужные в Дарданеллах моторные лихтеры. Между Мальтой и Александрией погибло два парохода, а между Александрией и Критом — три.

Принимая во внимание, что в недалеком будущем движение пароходов неминуемо должно было сильно увеличиться, вследствие отправления войсковых транспортов из Марселя, обстановка начинала внушать серьезные опасения, и соответствующие шаги были предприняты немедленно. Главнокомандующий французскими морскими силами, выражая свое крайнее сожаление по поводу потерь, имевших место в порученной ему зоне, сообщил об отозвании флотилии эскадренных миноносцев, находившихся при итальянском флоте, которая была направлена им на охрану пути Мальта—Матапан. Одновременно Де-Робек послал канонерку *Jonquil* с шестью трауллерами и шестью дрифтерами на остров Милос в помощь французским дозорам и кроме того отправил туда же последнюю из прибывших из Англии подводных лодок—*H-2*, которая должна была оперировать вместе с „ловушкой" по способу, применявшемуся с успехом в Северном море.

К середине октября деятельность немецких „U" затихла, потери пароходов прекратились, но не могло быть сомнения, что наступившее затишье носит только временный характер, почему были приняты меры по вооружению ряда транспортов 12-ти фунтовыми пушками.

Итак, флот, как и прежде, сделал все, чтобы выполнить требования, связанные с перевозкой не только наших войск, но и французских, и сделал это нисколько не нарушая организации снабжения Дарданелльской экспедиции. Однако намеченное новое операционное направление накладывало на английский флот и пострадавшее английское судоходство слишком большие тяготы и это обстоятельство давало повод еще раз призадуматься над тем—успеют ли операции со

стороны Салоник помешать немцам вдохнуть новые силы в турецкую галлипольскую армию. Адмиралтейство особенно опасалось последнего и расходилось во взглядах с нашими военно-сухопутными руководителями, считая, что даже в случае прорыва немцев к Константинополю, присутствие наших лодок в Мраморном море не позволит противнику быстро доставить на Галлипольский полуостров необходимого боевого снабжения, тем более, что точная стрельба дальнобойной судовой артиллерии не даст возможности пользоваться каким либо удобным портом в проливе. Повидимому, можно придти к заключению, что голос Адмиралтейства не был услышан правительством. Когда 11 февраля Военный Совет постановил отправить в Египет все свободные войска и послать облеченного доверием генерала в Средиземное море, чтобы решить, на каком операционном направлении лучше всего использовать эти войска, вопрос об эвакуации Галлиполи принципиально был решен. Уже в тот же день лорд Китченер телеграфировал Гамильтону, что окончательное решение эвакуировать Галлиполи не состоялось, но он желает знать, с какими вероятными потерями будет связана эта операция.

Ответ генерала Гамильтона пришел на следующие утро (12 октября). Гамильтон писал, что в случае принятия столь печального решения он не скрывает намерения отказаться приложить свою руку к этому делу и считает, что потери будут зависеть отчасти от обстоятельств момента, но составят не менее половины бойцов, а также всех орудий и всех запасов. Кроме того, он полагал, что ввиду значительного количества молодых необстрелянных частей в Сувле и сенегальцев на участке Хеллес не исключается возможность, что эвакуация закончится катастрофой.

Ответ Гамильтона произвел в Лондоне самое тяжелое впечатление; пессимизм главнокомандующего граничил с отчаянием. Чувствовалось, что обстановка требует свежего человека и что без перемены руководителя нельзя со спокойной душой приступить к операции. Решиться на такой шаг, как отозвание главнокомандующего, правительству было, конечно, очень не легко. Гамильтон, имея в своем распоряжении далеко недостаточные средства, сделал очень много и нельзя было взваливать на его плечи ответственность за неудачу. Тем не менее было совершенно очевидно, что смена главнокомандующего неизбежна, и 15 октября Гамильтон получил следующую телеграмму: „Несмотря на то, что правительство вполне одобряет вашу работу и ценит проявленную вами личную доблесть при осуществлении операции, не взирая на все встреченные вами затруднения, Военный Совет в заседании, состоявшемся прошлой ночью, высказался за желательность смены командования“.

До приезда нового главнокомандующего во временное командование войсками вступил ген. Бердвуд. Преемником Гамильтону назначался командующий третьей армией во Франции генерал сэр Чарльз Монро, заслуживший репутацию исключительно выдержанного и хладнокровного начальника. Ему же поручалось сделать доклад правительству о всей обстановке на Ближнем Востоке.

Одновременно с уходом Гамильтона Дарданеллы покинул еще один человек, пробывший там бессменно с самого начала операций, вице-адмирал Гепратт—младший флагман французской Дарданелльской эскадры, ныне назначенный главным командиром Бреста. Уход храброго французского адмирала, заслужившего всеобщую симпатию и уважение, вызывал искреннее сожаление всех его британских товарищей.

Перемены в командовании на французском флоте Средиземного моря на этом не кончились. Главнокомандующий Буэ-де-Лаперейр подал в отставку по болезни и его заменил адмирал Дартиж-дю-Фурне, старший флагман Дарданелльской эскадры, сдавший свою должность вице-адмиралу Гоше. В командование 3-ей французской эскадрой, оперировавшей на побережьи Сирии, вступил вице-адмирал Моро.

Одновременно произошли и крупные перемены в составе французского правительства. Полная неудача наступления на западном фронте не могла не отразиться на настроении страны. 13 октября состав кабинета покинул министр иностранных дел Делькассе, уход которого объяснялся его несочувствием Салоникским планам. Портфель руководителя дипломатического ведомства принял на себя премьер-министр Вивиани, пытаясь на время отстрочить кризис.

Англия попрежнему уклонялась от участия в балканской авантюре, но французское правительство уже уполномочило ген. Саррайля начать движение в Сербию, как только он обеспечит себе базу в Салониках. Мы не считали возможным идти по стопам Франции, но с другой стороны настаивали, чтобы за разрывом сношений с Болгарией, вызванных ультиматумом России, последовало бы объявление войны. Де-Робек уже несколько времени тому назад был готов объявить блокаду болгарского побережья и бомбардировать Дедеагач и это обстоятельство, в связи с невыяснившимися намерениями греческой армии, продолжавшей подвигаться к Салоникам, давало мысль ударить на Болгарию со стороны порта Энос. Но Адмиралтейство отвергло проект на том основании, что Энос открыт господствующим ветрам, не говоря уже о том, что подобная операция вызовет дальнейшее разбрасывание сил и, следовательно, новые непосильные для Адмиралтейства требования на транспортные средства.

Переговоры о совместном объявлении войны Болгарии, вследствие кризиса французского кабинета, шли медленно. Однако, 13 октября мы прервали сношения с Болгарией. Болгария объявила войну Сербии на следующий день и Де-Робек тотчас же получил приказание через два дня начать блокаду болгарского побережья и выяснить при помощи воздушной разведки наличие на берегу каких либо пунктов, имеющих военное значение и представляющих объект для бомбардировки. 15 октября мы объявили себя в состоянии войны с Болгарией, на следующий день нашему примеру последовала Франция. Дальше этого солидарность Англии и Франции в Балканском вопросе не шла.

Мы настаивали в Париже на необходимости снять с западного фронта восемь английских дивизий, указывая, что подобная мера диктуется положением Англии на Ближнем Востоке, а также в Индии, куда требуется не менее двух дивизий. Мы не отказывались принять участие в сформировании 150-тысячной армии в Салониках, но взять необходимые части мы могли только из Франции и при условии, что Жоффр займет линию фронта, проходившую южнее Арраса. В то же время английское правительство подчеркивало, что оно берет на себя обязательство двинуть свои войска за пределы Салоник лишь в том случае, если Греция выступит на стороне держав Антанты. Для побуждения Греции к выступлению Англия выражала готовность уступить ей остров Кипр. Ни одно из наших предложений не удовлетворяло парижский кабинет, и французский военный министр Мильеран прибыл в Лондон для личных переговоров. Через день после его отъезда из Парижа (17 октября) обстановка значительно ухудшилась. Болгары перерезали железную дорогу к югу от Ускюба и генерал Саррайль тронулся вперед с целью восстановить сообщение с Сербией. С нашей точки зрения подобный маневр являлся до крайности опрометчивым. Румыния только что на отрез отказалась присоединиться к союзникам без присылки ей на помощь полумиллионной армии. Италия не соглашалась оказать какое либо содействие, пока не закончится намеченное наступление ее армий на Изонцо, а Греция не поддавалась ни на какие территориальные компенсации. Поэтому английское правительство не замедлило отдать распоряжение генералу Магону—командующему английским десантом в Салониках—впредь до распоряжений оставаться в Салониках.

Помощь могла прийти только со стороны России, но эта помощь была в данный момент ничтожна. Россия предлагала произвести 31 октября бомбардировку Варны, ввиду чего Де-Робек получил приказание в тот же день бомбардировать Дедеагач. Была надежда, что нападение на Дедеагач

может иметь последствия характера диверсии. Дозорные тральщики доносили о лихорадочной деятельности на Эгейском побережьи, в различных пунктах которого устраивались окопы и проволочные заграждения, свидетельствовавшие об опасении высадки десанта. Кроме того выяснилось, что на побережьи имеются весьма ценные в военном отношении сооружения, доступные огню судовой артиллерии. Железная дорога Салоники—Константинополь, проходившая через Дедеагач, частично (на протяжении 10 миль) тянулась по самому берегу моря и была открыта для обстрела с эскадры, но на расстоянии пяти миль от порта в местечке Бодома была устроена закрытая горами ветка, по которой железнодорожное движение на запад и на восток могло совершаться, минуя Дедеагач в сравнительной безопасности. Однако, место соединения ветки с главной магистралью оставалось доступным тяжелым орудиям мониторов, и Де-Робек решил использовать это обстоятельство.

Эскадра, назначенная для бомбардировки, была разделена на два отряда. Главный отряд под командой кап. I р. Ларкена состоял из его крейсера *Doris*, крейсера с противоминным утолщением *Theseus*, двух мониторов с 9,2″ орудиями, одного с 6″ орудиями, четырех миноносцев и авианосца *Ben-My-Chree* для корректировки стрельбы. Задача, поставленная главному отряду, заключалась в бомбардировке Дедеагача и прибрежной полосы вплоть до болгарской границы и реки Марицы, при чем главное внимание должно было быть обращено на разрушение железнодорожных сооружений и подвижного состава в Бодома. Второй отряд в составе французского крейсера *Kleber*, *Аскольда*, четырех английских миноносцев и тральщиков под командой кап I р. Иванова—командира *Аскольда*—должен был действовать в тридцати милях западнее, бомбардируя побережье до Караагача, где так же, как и в Дедеагаче, подозревалось наличие баз с горючим для немецких подводных лодок. Отряду предписывалось тщательно следить за прибрежными дорогами и постараться выяснить местонахождение береговых батарей, об установке которых имелись сведения. При производстве операций надлежало по возможности щадить интересы гражданского населения и нейтрального судоходства.

Операция началась утром 21 октября под наблюдением адмирала Де-Робека, находившегося на яхте *Triad*. Миноносцы быстро протралили водное пространство перед портом и мин не обнаружили, но суда не могли занять позиций, так как летчики сообщили, что низкая облачность не позволит корректировать стрельбу по Бодома. Мониторы, задержанные сильным противным ветром и волной, запоздали, ввиду чего было решено начать с обстрела Дедеагача. В 1 час дня *Doris* и *Theseus* с 20 каб. приступили к бомбар-

дировке казарм. Попадания последовали немедленно. Было ясно видно, как солдаты сотнями бежали в горы, и здания запылали. За казармами обстрелу подверглись другие военные сооружения, а затем железнодорожная станция и длинные ряды поездного состава, стоявшие на полотне вдоль берега моря. В бомбардировке приняли участие двое из миноносцев, подошедших к самому берегу, которые с короткой дистанции легко подожгли массу вагонов-цистерн, повидимому, с нефтью.

Как только подошел первый монитор *М-16*, ему было приказано уничтожить мост, расположенный с восточной стороны города. Через несколько минут мост рухнул. Присоединившиеся мониторы *М-19* и *М-29* помогли докончить начатое дело и к 4 ч. дня операция докончилась полным разрушением всех портовых и железнодорожных сооружений, магазинов, угольных складов и нефтехранилищ. К этому времени кап. 1 р. Иванов закончил разрушение складов в Караагаче и сигнальных станций на побережьи. Противник нигде не оказал никаких попыток сопротивления и ничем не проявил себя, когда ночью была сделана демонстративная высадка десанта.

Болгары совершенно не ожидали нападения на Дедеагач и в то время сосредоточивали все свои усилия против Ускюба, который 21 октября и перешел в их руки.

Падение Ускюба явилось для британского правительства лишним основанием не следовать движению Саррайля. Отныне Сербия была лишена всякой возможности воспрепятствовать соединению Германии и Болгарии; ей неизбежно грозила катастрофа, после которой Греция, вероятно, окажется не в силах противостоять уговорам Германии. Сообщая наш взгляд Франции, мы указывали ей, что ген. Саррайлю вряд ли удастся сохранить занятое его войсками выдвинутое положение. Ответ французов гласил, что новая обстановка требует немедленной отправки подкрепления и производства морской демонстрации, чтобы парировать германское влияние. С подобным взглядом мы согласиться не могли. Каждая телеграмма, приходившая с Балканского полуострова, внушала все большую и большую тревогу за участь Сербии. „Если через 10 дней обещанные 150 тысяч не придут на помощь“—писало сербское правительство—„страна погибла“. Выполнить это было немыслимо. Значительная часть наших свободных транспортов была занята перевозкой французской дивизии в Салоники, но если бы даже и удалось отыскать необходимые пароходы, то и тогда все равно не удалось бы произвести быструю высадку в Салониках, так как в самом недалеком будущем порт был бы забит греческими войсками, количество которых увеличилось посылкой первого армейского корпуса из Пирея морем. Не-

смотря на все наши доводы, Франция продолжала настаивать на своем.

Единственным радужным проблеском в этот мрачный период времени явилась бомбардировка Дедеагача и демонстрация высадки, которые, повидимому, встревожили Болгарию. Греческий посланник в Софии сообщал, что бомбардировка произвела очень сильное впечатление. Как порт и железнодорожный узел, Дедеагач перестал существовать; ходили слухи о тысячах убитых солдат и были сделаны распоряжения об отправке трех полков в район Дедеагача на случай высадки десанта. Конечно, подобный мелкий успех не мог оказать никакого влияния на общее положение дел и мы более, чем прежде, были убеждены в невозможности спасти Сербию. В то же время нами ясно сознавалось, что упорство Франции диктуется ни чем иным, как политическими требованиями. Жоффр, руководствуясь стратегическими соображениями, с самого начала противился сомнительному плану, но теперь считал, что раз операция началась, она должна быть доведена до конца. Британские военные авторитеты были весьма единодушны в своем несогласии с французской точкой зрения, Адмиралтейство же опасалось оказаться втянутым французским планом в необходимость связать флот охраной новой важной коммуникационной линии, т. е. взять на себя задачу, трудность которой только что вновь подтвердилась.

19 октября вышел из Египта в Салоники транспорт *Marquette* с пополнениями для XXIX дивизии и береговым госпиталем для ново-зеландцев. Всего на *Marquette* находилось тридцать шесть сестер милосердия, 600 офицеров и солдат и 541 лошадей и мулов. Транспорт благополучно дошел до Салоникской бухты и собирался входить в порт, как в нескольких милях от сетевого заграждения подвергся нападению *U-35*, в результате чего погибло 167 человек. Поспешившие к месту катастрофы французские и английские дозорные суда спасли большинство людей, но первая полученная телеграмма гласила, что погибли почти все.

Сведения разведки, исходившие из греческих источников, указывали на то, что *U-35* укрывалась в районе канала Эврино, и наш посланник в Афинах заявил протест. Нападение лодки произошло в чрезвычайно неблагоприятный момент для греческого правительства. Оно как раз теперь прилагало крайние усилия, чтобы как нибудь сохранить свою ненадежную позицию, балансируя между требованиями Антанты и центральных держав, и пользование территориальными водами Греции отнюдь не служило к облегчению задачи, стоящей перед афинским кабинетом. Ответом на наш протест явилась посылка двух греческих миноносцев для осмотра подозрительного района. Надо думать, что желание

Греции не раздражать морские державы было вполне искренно. Вся итальянская, французская и английская пресса единодушно поддерживала план Франции и громко взывала о необходимости оказать давление на Грецию; флот Антанты находился у ее берегов, австро-германцы были все еще далеко.

Стремление греческого правительства не давать нам повода к неудовольствию было, конечно, вполне разумно. Пока Греция сохраняла формальный нейтралитет, мы не имели достаточных оснований побуждать ее принять сторону союзников. Что же касается столь увлекавшего Францию салоникского проекта, то мы, как и раньше, не могли смотреть на него иначе, как на ошибку. Наш взгляд основывался на требованиях стратегии, но, к сожалению, нельзя было решать вопрос, руководствуясь лишь военными и морскими соображениями. Было совершенно очевидно, что, если мы будем продолжать настаивать на своей точке зрения и бесповоротно откажемся идти далее того, что предложили сначала, солидарность Антанты окажется в опасности. Это обстоятельство нельзя было не учитывать и мы предложили собрать новое совещание французских и британских штабов для откровенного обмена мнений. Принимая во внимание, что предстоящее решение совещания должно было в значительной степени затронуть чисто морские вопросы, которым французы не придавали достаточно серьезного значения, в частности вопросам транспортов и охраны путей их следования, было условлено, что на совещание прибудут не только представители армии, но и флота.

Тем временем сосредоточение наших войск в Египте продолжалось и из Эгейского моря ушли в Англию одиннадцать транспортов. Де-Робек получил приказание представить свои соображения о том, какое количество войск можно будет содержать в Сербии при наличных морских силах и средствах.

Роль наших возможностей в вопросе поддержания морских сообщений только что подтвердилась. Россия соглашалась принять участие в сформировании союзного десантного отряда и предлагала отправить войска из Архангельска, но ее предложение не могло быть выполнено из-за недостатка в транспортах. Однако, слабая надежда на помощь со стороны России еще не угасла; обсуждался проект о посылке крупных русских сил через Румынию в том случае, если удастся получить необходимое вооружение, т. е. винтовки, которые могла бы дать Италия или же Англия. В Черном море русский флот действовал на болгарском побережьи, согласуя свои операции с операциями нашего флота в Эгейском море. 26 октября наступил перелом погоды, и Де-Робек возобновил бомбардировку Бодома. Обстрел был

произведен с *Theseus*'а и мониторов *М-28* и *М-15*, но не сопровождался большим успехом.

На *М-28* в самом начале разорвало 9″ орудие и он вышел из строя. Однако, летчики заметили не менее десяти попаданий в железнодорожную станцию и много пожаров. Можно думать, что бомбардировка все-таки оказала свое действие в том смысле, что поддержала тревогу, охватившую Болгарию, тем более, что на следующий день Черноморский флот бомбардировал Варну, выпустив 178 снарядов крупных калибров, а воздушные аппараты сбросили несколько бомб.

В Мраморном море мы попрежнему оставались хозяевами положения. Во второй половине октября там находилось четыре лодки, при чем *Е-12* и *Н-1* все еще продолжали свое крейсерство. Не прекращавшаяся в течение нескольких суток дурная погода не позволила ничего сделать. Но 20 октября *Н-1* посчастливилось и она утопила два парохода. 22 октября к нашим лодкам присоединилась французская лодка *Turquoise*, а на следующий день *Е-20*, пройдя сеть у мыса Нагара, потопила два парохода у Бергаз-Искалесси.

К этому времени командир *Е-12* побил все свои прежние рекорды, пробыв в крейсерстве 40 суток и уничтожив за это время четыре парохода, тридцать парусников и подвергнув бомбардировке железную дорогу и береговые склады турок. 25 октября *Е-12* тронулась в обратный путь, испытав на этот раз новую, небывалую еще опасность. Проходя заграждение, *Е-12* оборвала часть сети, которая легла на носовую часть, заклинила носовые горизонтальные рули и лодка быстро пошла на глубину. Никакие старания выравнять дифферент не помогали и она опустилась на 255 фут. Иллюминаторы боевой рубки не выдержали давления, рубка стала заполняться водой. Во многих местах в носу появилась течь, настолько сильная, что носовой отсек пришлось выключить. Наконец, усилиями трех человек, носовые рули удалось немного повернуть и лодка начала подыматься. Приближаясь к поверхности, она несколько освободилась от зацепившегося груза и всплыла, но немедленно была атакована шестью дозорными судами. Управляться не было никакой возможности, но лодка по неизвестной причине снова быстро нырнула, продолжая непроизвольно то подыматься, то опускаться, пока в расстоянии 2 каб. от Килид-Бахра снова не пошла вверх, зацепив за что-то такое, что по звуку заставляло думать, что о лодку колотится бридельная цепь. Через несколько минут эта цепь не только соскользнула с лодки, но и сорвала тот кусок сети, который грозил лодке гибелью. В этот момент *Е-12* начала быстро подыматься носом вверх, выравнять дифферент не удавалось и она всплыла. Турки сразу открыли жаркий огонь с батарей и выпу-

стили с Килид-Бахра две торпеды. Одна торпеда прошла в тридцати футах от боевой рубки, вторая едва не задела корму. Несколько мелких снарядов попало, но не причинили серьезных повреждений и *E-12* благополучно вернулась к мысу Хеллес. „Обратный поход *E-12* и успешное завершение крейсерства"—доносил Де-Робек—„является примером исключительного хладнокровия и решимости, проявленных ее командиром".

H-1 продолжала свой поход. 27 октября она атаковала канонерку, конвоировавшую большой пароход, но неудачно. Торпеда прошла мимо, пароход же укрылся в Пандерма и стал за молом. На следующий день командир *H-1*, переговорив по радио с *E-20*, снова подошел к Пандерма. На этот раз ему повезло и выпущенная торпеда попала в носовую часть парохода, выступавшую из-за мола.

Машины маленькой *H-1* начали сдавать; она сделала уже свыше 2000 миль и нужно было думать о возвращении. 31 октября она повернула в пролив и, счастливо миновав опасные заграждения, вернулась в базу.

О *Turquoise* ничего не было слышно с 26 октября. Район действий французской лодки был невелик и ее возвращение ожидалось в конце месяца, но она все не появлялась. Наконец, вести пришли, но печального свойства. Германское радио, перехваченное л. к. *Patrie*, гласило, что 30 октября *Turquoise* потоплена артиллерийским огнем, офицеры и команда спасены. К сожалению, дело обстояло не совсем так просто, как сообщали немцы. Впоследствии выяснилось, что взяты были в плен не только офицеры и команда севшей на мель лодки, но и сама лодка в полной исправности. Турки отвели ее в Константинополь и взяли все находившиеся на ней секретные документы. Таким образом, неприятель узнал о всех рандеву, условленных с командиром *E-12*.

Само собой разумеется, что последнее обстоятельство неприятель сумел сохранить в тайне и тяжелые последствия столь странной небрежности сказались.

Приостановка в успехах наших до сих пор удачных операций на коммуникационных путях турок произошла в такой момент, когда более важные события войны совершенно затмили это обстоятельство. Совещание французского и английских штабов, собранное в Шантильи с целью выяснить техническую выполнимость попытки спасти Сербию посредством удара со стороны Салоник, не имело успеха. Неудача объяснялась, главным образом, противоречиями во взглядах на пропускную способность порта и связанных с ним железных дорог. Наши военно-сухопутные представители считали, что французы переоценивают пропускную способность дорог, а морские, руководствуясь опытом, го-

ворили, что порт совершенно не отвечает тем требованиям, которые вытекают из французского плана.

Не приходилось скрывать и того, что мнения, высказываемые французскими представителями, диктуются не только техническими соображениями. Волна энтузиазма в пользу Сербии, подогретого прессой, прокатилась по всей Франции и настолько захватила большую массу нации, увлеченную идеей спасти героическую сербскую армию, что в Париже стали смотреть на сербский вопрос, как на решающий фактор обстановки. Генерал Жоффр, до тех пор убежденный противник Салоникской авантюры, на совещании в Шантильи начал уступать оказываемому давлению.

29 октября премьер-министр Вивиани и военный министр Мильеран вышли из состава правительства. Образовался новый кабинет во главе с Брианом, который более чем кто либо из французских государственных деятелей стоял за идею создания нового операционного направления на Балканах[1]).

Прочность положения Бриана, равно как и положение Жоффра, зависели от возможности привести в исполнение задуманный план. В день отставки Вивиани французский главнокомандующий прибыл в Лондон, чтобы лично постараться побудить британское правительство к некоторым уступкам, необходимым в виду тревожного политического положения во Франции.

Предложение, сделанное Жоффром, далеко не отвечало всем желаниям французского правительства, но оно давало возможность придти к компромиссу. Предложение сводилось к тому, чтобы мы заняли участок от Салоник до Криволака, расположенного на сербской границе, дабы обеспечить сообщения французской армии, задача которой сводилась к тому, чтобы войти в соприкосновение с сербами. Операции же французской армии не должны были простираться далее Ускюба.

На предложенные Жоффром условия британское правительство согласилось, но с оговоркой, что оно не берет на себя никакой ответственности за последствия, вытекающие из взгляда наших союзников на пропускную способность Салоникского порта и прилегающих к нему железных дорог.

Итак, уступая необходимости сохранить солидарность Антанты, наше правительство решилось на шаг, который вопреки всем его первоначальным намерениям выступить на Балканах лишь с демонстрацией, увлекал Англию на новый второстепенный театр. Последствия принятого обязательства сознавались вполне, но мы не могли не быть

---

[1]) *Mermeix, Joffre. La première crise du commandement.* Стр. 86.

лояльными по отношению союзника, принимавшего столь крупное участие в борьбе. Выданное обязательство, само по себе достаточно тяжелое, было не единственным. В другом пункте, лежавшем за пределами французского горизонта, мы одновременно втянулись в еще одно обязательство. Критическая обстановка на Ближнем Востоке заставляла в этом пункте перейти от разумной обороны к наступлению и никто не мог сказать, во что оно выльется и что будет стоить.

ГЛАВА X.

Месопотамская экспедиция. С июля по октябрь.

Карта 1.

Блестящий захват генералом Тауншендом в конце июня Амара, хотя и предпринятый исключительно в качестве меры, неразрывно связанной с обеспечением безопасности Басры и нефтяного района, привел, однако, к тому, что масштаб Месопотамских операций принял совершенно невероятные размеры.

На операции такого масштаба британское правительство не только никогда не рассчитывало, но и с самого начала считало подобные операции невыполнимыми и ненужными. Обстановка, создавшаяся в Месопотамии, рисовала весьма заманчивые перспективы для предприимчивого представителя местного командования и дипломатов и противостоять их энергичным планам было очень трудно, в особенности в тех случаях, когда они были убеждены, что имперское правительство проникнуто столь же честолюбивыми замыслами, как и они сами.

В конце марта командующим экспедиционным корпусом, состав которого ограничивался тогда двумя дивизиями, был назначен генерал Никсон; полученная им от главнокомандующего войсками в Индии директива сводилась к следующему: укрепиться в занятом районе, разработать план овладения вилайетом Басры и подготовить план наступления на Багдад. Последнее указание отнюдь не предусматривало наступления на Багдад в ближайшем будущем, а приводилось лишь с целью указать на желательность разработки предварительного проекта. В то время ни в Симле[1]), ни в Лондоне не собирались продвигаться столь далеко. Задача, поставленная экспедиционному корпусу, преследовала только оборонительную цель—укрепиться в вершине Персидского залива, чтобы охранить морские и политические интереесы Англии, другими словами, обеспечить бесперебойное получение нефти и не дать возможности арабам и персам присоединиться к „священной

[1]) Центр военного управления в Индии. *Ред.*

войне", объявленной турками. В случае распространения мусульманского движения на восток оно не могло бы не отозваться и в Афганистане.

С падением Амара перед генералом Никсоном раскрылись широкие горизонты. Открывался путь не только к вилайету Басры, но и дальше. В блеске одержанных успехов командующий корпусом уже видел высокие минареты Багдада.

В девяноста милях по прямому пути и в ста восьмидесяти милях вверх по извилистой реке находился Кут, куда бежали остатки противника, разбитого войсками Тауншенда и Горринжа.

Кут был расположен за пределами вилайета Басры, почти на его границе, в вершине треугольника, образуемого Тигром и рукавом реки, носившим название Shatt-al-Hai. На картах Shatt-al-Hai был показан впадающим в Евфрат у города Nasiriya. Считалось необходимым до наступления на Кут захватить этот важный стратегический пункт. Фактически же Shatt-al-Hai терялся в топях, окружавших город, и был доступен навигации только в моменты самого сильного разлива рек. Однако, Nasiriya представлял собою интерес не только с стратегической точки зрения.

Он являлся административным центром западного санджака вилайета Басры и был фокусом всех влияний на могущественные пограничные арабские племена. Кроме того он представлял собою базу, откуда противник произвел нападение на Басру.

Как мы знаем из предыдущего, с установлением флотилией блокады Евфрата угроза со стороны Nasiriya потеряла свою остроту, но теперь это считалось недостаточным. Как только был взят Амара, Никсон просил разрешения захватить Nasiriya.

Не касаясь вопроса о могущих произойти последствиях в будущем, приходилось считаться с важностью обеспечить за нами западный санджак, подобно тому как это уже было сделано с восточным—при помощи Karun'ской операции Горринжа.

Поэтому индийское правительство поддержало проект Никсона, а центральная власть в лице министерства по делам Индии его одобрила как дополнительную меру, направленную к укреплению нашего положения в Басре и способствующую безопасности нефтепровода.

Задача предстояла не легкая. Наступал самый жаркий и наиболее вредный для здоровья сезон, вода в реках спадала и плавание по ним становилось все труднее и труднее; войска были утомлены и естественно нуждались в отдыхе.

Но требовалось не дать противнику времени оправиться от нанесенного удара, и последнее соображение победило все остальные. В описываемый момент подходы к Nasiriya представляли особые трудности. Берега после половодья еще не обсохли и единственный путь к городу оставался только по реке, при чем предстояло пройти восемьдесят миль по старому руслу Евфрата, впадающему у Kurnah в Тигр. В навигационном отношении фарватер в это время года никуда не годился. В сорока милях к западу от Kurnah река проходит через озеро Hamma, где фарватер ограничивается узким извилистым каналом доступным только мелкосидящим речным тудам. Таким образом, все зависело от ресурсов флотилии. 8 июня начальник флотилии кап. 2 р. Нунн пришел из Амара для переговоров с Горринжем, которому было вверено руководство сухопутной частью операции.

Однако, флотилии предстояло не одно только содействие захвату Nasiriya. Хотя захват Амара и операции Горринжа на Karun'ском направлении настолько упрочили наше положение в занимаемом районе вплоть до персидской границы, что с угрозой нефтепроводу было покончено раз навсегда, положение дел по ту сторону границы вызвало тревогу и требовало принятия мер предосторожности. Выяснилось, что бывший германский вице-консул в Бушире, был прислан в Персию в качестве эмиссара с целью поднять против нас восстание в приморской области Fars в Бушире, где Англия с покон веков имела дипломатического агента, роли которого всегда придавалось чрезвычайно важное значение.

Агентство охранялось лишь десятком-другим солдат и надо было действовать немедленно. Никсон получил приказание выделить в Бушир батальон, а начальник флотилии—отправить вооруженный пароход *Lawrence* для усиления отряда, назначенного для операций в Персидском заливе. В состав отряда входили старые легкие крейсера *Pyramus*, *Juno*, пароход *Dalhousie* и несколько мелких судов для службы на побережьи. С отправлением *Lawrence* в Персидский залив, а канонерки *Clio*—для ремонта в Бомбей, состав Месопотамской флотилии сильно уменьшился.

К 26 июня, когда три индийские бригады Никсона сосредоточились в Kurnah, остающаяся часть флотилии—*Espiegle*, *Odin* и *Miner*—подошли к озеру Hammar. Дальше они идти не могли и кап. 2 р. Нунн приходилось уже действовать лишь с одними мелкосидящими судами. „Главные силы" действующего отряда составляли три очень старых парохода с кормовыми колесами—*Shushan*, *Messoudieh* и *Muzzffri*. Кроме них было две шаланды для перевозки лошадей, вооруженные 4,7″ морскими орудиями, вооружен-

ный катер *Sumana* и значительное количество туземных барж, для буксировки которых имелось два буксира. На некоторых баржах была погружена горная артиллерия.

Здесь к флотилии присоединилась 30-ая индийская бригада ген. Меллиса, подошедшая на трех пароходах, на которых на носу стояло по одной 18-ти фунтовой полевой пушке. В 4 часа утра 27 июня флотилия и пароходы с бригадой тронулись в озеро Hammar. Впереди шел *Shushan* с кап. 2 р. Нунн. К 1 ч. 30 м. суда пробились через густую заросль камышей и подошли к концу извилистого фарватера, упиравшегося в излучину реки—канал Akaika, который вел к новому руслу Евфрата, спускающемуся через обширные топи к Басре. Здесь произошла первая стычка с неприятелем. Появившиеся в главном рукаве реки два моторных катера смело открыли жаркий огонь из мелких скорострельных орудий. Отогнать катера не составило труда и к заходу солнца вся флотилия стала на якорь в канале Akaika. Дальнейший путь преграждала плотина, устроенная в шести милях от места впадения канала в Евфрат.

Плотина представляла собою плотное сооружение из ила с фундаментом из затопленных арабских барж, совершенно непохожее на те заграждения, которые так легко проходились на Тигре.

Плотину приходилось рвать подрывными патронами. Работа по очистке фарватера заняла весь следующий день и производилась под огнем турецких моторных катеров в чрезвычайно тяжелых условиях. Тучи комаров буквально облепляли людей, измученных удушающей жарой. Только к полдню 29 июня удалось прочистить проход в 150 футов шириной; но затем оказалось, что устремившаяся в проход масса воды образовала столь сильно течение, что слабые, разбитые машины пароходов не выгребали. Несмотря на усталость, люди встали на помощь машинам и потащили суда бичевой.

К 5 ч. вечера миновал заграждение *Shushan*, ночью прополз *Messoudieh* и на следующее утро, когда подтянулись обе баржи с 4, 7″ орудиями, кап. 2 р. Нунн решил произвести разведку передовой неприятельской позиции.

Последняя была устроена на западном, т.-е. правом, берегу Евфрата, как раз против слияния реки с каналом Akaika, и располагала двумя орудиями. Канал свободно обстреливался на протяжении не менее 20 каб. Против такой позиции жалкие канонерки, конечно, не могли ничего сделать, а потому не оставалось иного выхода как ждать прибытия войск, а затем перевести их на противоположный берег и захватить окопы, защищающие подступ к пушкам. Другого способа выбить турок не было.

Пехота прибыла лишь через четверо суток и с рассветом 5 июля очистила берега от противника, после чего флотилия протралила реку и смогла двинуться дальше.

На левом (северном) берегу канала высадились 24 и 76 батальоны пенджабцев со своими баржами „bellums", на которых они должны были переправляться по затопленной местности и перейти Евфрат выше передовой турецкой позиции с тем, чтобы отрезать ее от Nasiriya.

При поддержке огня с флотилии, пенджабцы медленно, но верно, подвигались вперед, пока не дошли к обсохшей части берега, через который пришлось баржи перетащить на руках. Тем временем Хэмпшайрский полк и 7-ой батальон гурков, совместно с поднимавшейся вверх по течению флотилией вели настолько меткий обстрел, что к 9 ч. утра неприятельские орудия замолчали и было видно, как солдаты бросают окопы и бегут по направлению Nasiriya.

Но отступление было отрезано пенджабцами и противник поднял белый флаг. Большинство арабов рассыпалось и скрылось. В плен попало 130 человек, включая семь турецких офицеров. Наши потери ограничились двадцатью шестью убитыми и восьмидесятью ранеными. Орудия достались нам.

К наступлению темноты канал был очищен от мин, местонахождение которых было указано турецким офицером, приведенным арабами, и флотилия прошла в Евфрат, где и стала на якорь на ночь.

На следующее утро кап. 2 р. Нунн с *Shushan*'ом, *Messoudieh* и двумя баржами с орудиями спустился по реке, чтобы занять Sug-ash-Shuyukh, торговый центр вилайета, расположенный в трех милях ниже захваченной позиции. К моменту подхода судов в городе уже развевались белые флаги. Водрузив в присутствии дипломатического представителя при штабе ген. Никсона, сэра Перси Кокса, британский флаг, начальник флотилии поспешил обратно, чтобы осмотреть следующую неприятельскую позицию.

Выяснилось, что противник устроил ряд окопов по обоим берегам Евфрата при впадении канала Majinina, в шести милях ниже Nasiriya. На самой же реке, в 15 каб. ниже позиции, были затоплены два паровых барказа и моторный катер, но не удачно. Оставался свободный узкий проход, через который начальник флотилии смог пройти и осмотреть все кругом.

Неприятель безусловно получил подкрепление и укрепился. Фланги позиции упирались в непроходимые болота, артиллерия была многочисленна и хорошо расположена. Бороться с ней флотилия не могла. Палубы износившихся пароходов не выдерживали стрельбы и сдавали, орудия на баржах-платформах стояли слишком низко, чтобы стре-

лять прицельным огнем. Все преимущества были на стороне неприятеля, несмотря на более крупный калибр наших пушек.

Атаковать позицию можно было только наступая вдоль берегов реки, но берега в настоящем смысле этого слова — не было. Незатопленными оставались маленькие участки земли между рекой и ее многочисленными рукавами, но и они сплошь и рядом прорезывались протоками. В виду этого ген. Горринж решил вытребовать 12 бригаду и две 5″ гаубицы. Вода быстро спадала и доставка подкреплений, сопряженная с большими затруднениями при проходе озера Hammar, сильно задержалась. Атака позиции смогла состояться лишь в ночь с 13 на 14 июля. Успех операции зависил от удачного флангового движения через топи, покрывавшие правый (западный) берег. Предстояло захватить песчаные холмы, в которые упирался правый фланг Majinin'ской позиции, а подойти к ним можно было только водой.

Как только остальные части 30-ой бригады захватили передовые окопы у Shukhair, 24 батальон пенджабцев начал наступление на „bellums", вооруженных горной артиллерией. Продвигаясь вперед при помощи шестов и колес с ручными приводами, пенджабцам удалось подойти к высотам, но взять сильно укрепленные высоты они не смогли.

Одновременно на левом фланге батальона и в тылу стали накапливаться большие массы арабов; приходилось отступать. Обратное движение было проделано очень искусно, хотя и стоило не мало жертв. Однако, другого выхода не оставалось. Пока противник, располагавший подавляющими силами, держал позицию в своих руках, флотилия не могла двигаться дальше, а, следовательно, не могла оказать поддержки нашим частям, наступающим на противоположном берегу. Поэтому ген. Горринж решил приостановить операцию.

Положение становилось критическим. Болотистая местность и жара делало свое дело; заболеваемость войск резко повысилась, число бойцов с каждым днем уменьшалось. Вода быстро спадала и поддерживать сообщение с базой было трудно. Тем не менее командующий отрядом решил просить о присылке третьей бригады (18 индийской), еще нескольких гаубиц и орудий, а также двух аэропланов. Как ни трудна была задача доставки подкреплений, с ней все-таки справились и 24 июля наступление возобновилось.

Силы наши и противника были приблизительно равные— 5000 штыков, но на нашей стороне были преимущества тяжелой артиллерии и, кроме того, мы располагали флотилией и воздушной разведкой, благодаря которой коман-

дующий отрядом имел полную картину того, что скрывалось за пальмами, окружавшими позицию.

На этот раз план атаки сводился к захвату загибавшихся к берегу лево-фланговых окопов. Главным препятствием являлось глубокое устье рукава, впадавшего в Евфрат; добраться до окопов можно было не иначе, как переправившись через это водное пространство. На помощь явились саперы и очень быстро соорудили понтонный мост, доставить который на место должен был буксир *Sumana*. С рассветом полевые орудия и флотилия начали артиллерийскую подготовку, а 12-ая бригада повела наступление на противоположном берегу в направлении на канал Maiyadiya. После часовой упорной схватки (в 6 ч. 40 м. утра) южный выступ позиции и весь берег реки напротив Majinina перешли в наши руки. Наступление развивалось успешно и 30-ая бригада, окопавшаяся между Shukhair и рекой, получила приказание выйти из окопов и двинуться вперед. Одновременно тронулся вверх по течению *Sumana* с понтонным мостом на буксире. Ураганный огонь противника не остановил командира, и он поставил мост как раз поперек устья. Маневр стоил жизни почти половины людей, но был произведен блестяще и вполне достиг своей цели. Хотя проходить непосредственно через мост, который крепко уселся в ил, и не пришлось, но он образовал своего рода плотину, и она настолько загородила доступ воды из Евфрата в рукав, что к моменту подхода войск (9 ч. 45 м.) ниже моста образовался брод.

В 10 ч. утра позиция пала. В это же приблизительно время 12-ая бригада окончательно сбила противника и переправилась через канал Maiyadiya.

Надо было развивать успех, не давая неприятелю времени укрепиться на следующей позиции, устроенной у впадения канала Sadanawiya, в полутора милях выше. Но жара и изрезанные каналами берега делали для войск преследование очень трудным. Наступала очередь за флотилией показать свои возможности. К часу дня обе бригады отошли от взятой позиции на пол-мили. *Shushan* и *Sumana* держались рядом с ними. Ниже по течению находились пароходы, погрузившие артиллерию, и пароходы с Норфолькским полком 18-ой бригады, который начал высаживаться для наступления на Sadanawiya. Высадка еще продолжалась, как пришло известие, что неприятель оставляет окопы. Норфолькцы немедленно погрузились обратно и флотилия двинулась дальше. Собирались турки бросать позицию или нет—было еще не известно, но начальник флотилии быстро решил этот вопрос. *Shushan* и *Medjidieh* подошли к самому берегу и почти в упор сделали несколько залпов из своих

18-ти фунтовок по окопам. Не успели норфолькцы высадиться, как противник бежал.

Так же, как и на Тигре, кап. 2 р. Нунн снова смело и решительно использовал деморализацию, овладевшую противником. Не теряя ни минуты времени и развивая максимальный ход, который мог дать его старый, трещавший по всем швам, колесный пароход, он шел к Nasiriya. Турецкий моторный катер, обстреливавший *Shushan*, был быстро подбит, загорелся и выбросился на берег.

Около 4 ч. начальник флотилии подошел к городу. На зданиях развевались белые флаги. Но посланный в город к коменданту лейтенант Сеймур подвергся обстрелу с крыши турецкой казармы и был ранен. Начинало смеркаться, темнота не позволяла ничего предпринять и *Shushan* ушел обратно.

На следующее утро появилась депутация арабов с заявлением, что все турки оставили город, ввиду чего они просят британского генерала занять город.

С захватом Nasiriya наше положение настолько упрочилось, что ген. Никсон считал возможным начать наступление на Кут с целью закрепить владение вилайетом Басры. В Куте, расположенном в 120 милях выше Амары, Нур-уд-Дин-бей сосредоточивал значительные силы и проявлял такую энергичную деятельность, что 20 июля состоялось решение снять все сторожевые посты, стоявшие к северу от Амара. Осталась только так называемая „Речная колонна", т.-е. *Comet* и *Shaitan* и два парохода с отрядами пехоты, которая несла дозор вверх по реке.

Итак, дальнейшее наступление вверх по Тигру сулило не блестящие перспективы, однако, падение Nasiriya совершенно изменило взгляд на обстановку. Вопрос об овладении Кутом еще раньше поднимался индийским правительством и оно теперь просило имперский кабинет об утверждении своего проекта.

На предполагаемую операцию не смотрели как на шаг, направленный к захвату Багдада. Необходимость наступления на Кут мотивировалась тем соображением, что захват города, представляющий собою центр ирригационной системы вилайета Басры, не только служит к укреплению положения в вилайете вообще, но и дает в наши руки средство воздействия на могущественное арабское племя Beni-Lam, перешедшее на сторону Нур-уд-Дин-бея. Наибольшая опасность нефтепроводу и нефтяным разработкам всегда грозила именно со стороны этого племени. Короче говоря, представленный план сводился к мере оборонительного характера, не выходящего за рамки полномочий, предоставленных индийскому правительству.

Однако, разрешение из Лондона последовало не сразу. Корпус ген. Никсона был ослаблен посылкой одного батальона в Бушир и массою больных английских солдат и он просил о присылке пополнений для своих нетуземных частей. Одновременно правительство Индии выражало желание получить в свое распоряжение бригаду, отправленную из Египта для защиты Адена, надобность в чем теперь миновала. Но Китченер, озабоченный положением на Ближнем Востоке, отослал эту бригаду обратно в Египет. Таким образом, отряд ген. Тауншенда мог быть усилен лишь за счет группы войск, оперировавших в районах Nasiriya и Ahwaz. Ослабление же этой группы неизбежно влекло за собою увеличение опасности нефтепроводу, что особенно тревожило Адмиралтейство. Тем не менее имперский кабинет, хотя и неохотно, согласился с представлением индийского правительства. 20 августа план ген. Никсона получил утверждение.

Командующий экспедиционным корпусом уже начал готовиться к операции. 28 июля, т. е. через три дня после падения Nasiriya, выяснилось, что турки опять собираются у Кута, ввиду чего Никсон снова занял Ali-Gharbi с целью прикрыть предстоящее сосредоточение войск, которое не могло быть весьма длительным. Единственная линия наступления—Тигр—сильно обмелел, а бригады с Евфрата, назначенные для усиления Тауншенда, не могли начать движения на север раньше, чем они не будут доставлены или, вернее, „протащены“ через болота озера Hammar обратно в Амара.

Пока продолжались приготовления, в Персидском заливе начались ожидаемые беспорядки. 12 июля деятельность германского эмиссара дала себя знать. Под влиянием его агитации племя тангистан произвело набег на английские владения. На наше требование к Персии возместить убытки ответа не последовало и 8 августа было выпущено воззвание, в котором английское правительство объявляло о своем намерении занять, впредь до удовлетворения его претензий, весь остров Бушир, включая туземную часть города и порт. В тот же день были приняты меры, направленные непосредственно против тангистанцев. Их штаб-квартира—укрепленная деревня Dilwar, раскинувшаяся в десяти милях от Бушира, подверглась обстрелу с к/л *Juno*, высадившей затем небольшой десант. Кроме того, *Pyramus* и *Dalhousie* обошли побережье и уничтожили все встреченные парусники тангистанцев, после чего зашли в порт Al-Bida, где 20 августа заставили турок очистить форт Doha и сдать орудия и снаряды местному арабскому шейху.

Тем временем в Бушире снова появилась угроза нового нападения тангистанцев. Гарнизон города, состоящий из

батальона индийской пехоты, был усилен присылкой из Басры двух эскадронов кавалерии. Начальник гарнизона ген. Брукинг и командир к/л *Juno* разработали ряд соответствующих мер. В помощь сухопутным войскам был сформирован десант из матросов, ежедневно высаживавшийся на берег для совместных упражнений. 9 сентября танги-станцы атаковали наши окопы, устроенные к югу от города. Схватка продолжалась несколько часов, но затем пехота бросилась в штыки, и противник бежал, преследуемый кавалерией. На этом все закончилось и в Бушире восстановился прежний порядок.

Операция, сама по себе ничтожная, вследствие нестерпимой жары явилась своего рода испытанием стойкости войск. В Месопотамии, где температура колебалась от 35 до 37° R в тени, жара была еще нестерпимее. Люди буквально изнемогали, но несмотря на это сосредоточение отряда Тауншенда все же близилось к окончанию. Хотя уровень воды в реках падал каждый день, к 12 сентября вся дивизия собралась в Ali-Ghabri. Войска прибыли сюда по реке, но далее должны были следовать походным порядком вдоль берега в сопровождении флотилии и транспортных плавучих средств.

Начальник флотилии Нунн заболел и был отправлен для восстановления здоровья на Цейлон; его преемник Макензи тоже слег и находился в госпитале. В командование вступил кап.-лейт. Куксон. Кроме его судна *Comet* в состав флотилии входили к/л *Shaitan*, буксир *Sumana* и четыре баржи-платформы с 4,7″ морскими орудиями, а также два тяжелых полевых 4″ и 5″ орудия, тоже установленные на баржах. По мере наступления нашей колонны, неприятельские передовые части отходили и к 15 сентября очистили деревню Sanaiyat, расположенную в семи милях от прикрывающей ее турецкой позиции и в пятнадцати милях от Кута. Дальнейшее движение приостановилось на десять дней, чтобы дать время подтянуться подкреплениям и произвести воздушную разведку. Вопрос с воздушными аппаратами стоял очень остро, — один из аэропланов упал в районе расположения противника, два других получили повреждения и вышли из строя. По счастью 5 сентября прибыли в Басру четыре морских самолета, оперировавших в Африке против *Кенигсберга*, и уже через неделю смогли дать ген. Тауншенду нужные сведения.

Турецкая позиция, устроенная на обоих берегах реки, вполне отвечала всем требованиям современной военной науки. На правом (южном) берегу она тянулась на пять миль в сторону вдоль ряда искусственно возведенных насыпей, представляющих собою идеальную оборонительную линию. Поперек реки стоял бон из барж, соединенных между

собою толстым стальным тросом; подступы к этой преграде обстреливались как из расположенных вблизи окопов, так и из установленных у обоих концов бона полевых орудий. На левом (северном) берегу линия окопов, занимавшая по длине около семи миль, шла на север, прерываясь на протяжении двух миль болотом Suwada. Участок между этим болотом и рекой прерывался другим болотом, длиною в 1000 метров, носившим название „подкова", благодаря чему фронт обороны этого района фактически занимал только 3000 метров. В трех милях к северу от канала (рукава) позиция оканчивалась прекрасно спроектированной системой редутов, устроенных не доходя 2000 метров до третьего болота—Ataba. Участок Ataba противник, повидимому, считал неприступным. Но Тауншенд находил, что именно этот участок является слабым пунктом позиции и что его можно обойти, оставив болото к югу.

При условии успешной фронтальной атаки на центральный участок (участок „подковы"), которая должна была привлечь к себе главные силы противника, и при удаче прорыва флотилии через боновые заграждения операция сулила надежду нанести сокрушительный удар армии Нур-уд-Дин бея и благополучно разрешить судьбу Месопотамской экспедиции.

Турки выставили по одной пехотной дивизии на каждом берегу и держали резерв в составе пяти батальонов, который оставался в пяти милях выше позиции, где был наведен понтонный мост. Наш план тоже предусматривал устройство моста, необходимого для быстрой переброски с южного берега на северный одной из двух колонн, на которые Тауншенд разделил свой отряд.

Помимо резерва, стоявшего в районе моста, Нур-уд-Дин имел две дивизии, в составе трех полков (двух батальонного состава) каждая, два полка кавалерии, два эскадрона анатолийцев и 400 всадников на верблюдах. Артиллерию составляли три тяжелых полевых орудия, две гаубицы, восемь скорострельных полевых орудий и шестнадцать пятнадцатифунтовых. Таким образом, против наших четырнадцати батальонов, он имел двенадцать батальонов, уступая нам несколько и в артиллерии.

26 сентября войска продвинулись до Nukhailat, от которого до позиции оставалось не более четырех миль. Главные силы—колонна ген. Деламейн—шла по южному берегу, другая же колонна—ген. Фрая—двигалась по реке. Достигнув Nukhailat, войска Фрайя быстро навели мост и переправились на северный берег. С рассветом 27 сентября под прикрытием огня с флотилии и полевой артиллерии началось наступление на северном берегу на центральный участок и состоялась демонстративная атака на южном. К 2 ч.

30 м. дня артиллерия противника оказалась вынужденной замолчать и колонна Фрайя настолько продвинулась, что смогла закрепиться в 200 метрах от передовых окопов турок. Одновременно ген. Деламейн возобновил демонстрацию, при чем для отвлечения внимания противника от северного берега войска его начали окапываться. Затем с наступлением темноты вся колонна Деламейна, за исключением нескольких рот, охранявших мост, переправилась в полной тишине на северный берег и к полночи сосредоточилась у юго-восточного угла болота Suwada. 28 сентября в 2 часа ночи началось дальнейшее выполнение разработанного плана.

Хотя наступление несколько задержалось по вине бригады, занимавшей крайнее правое положение, которая, вместо того, чтобы пройти между болотом Ataba и неприятельским редутом, двинулась в обход болота, тем не менее к 10 ч. 30 м. у. левый фланг противника был атакован. Колонна Фрайя, медленно, но верно продвигавшаяся вперед, остановилась, ожидая развития атаки.

В 11 часов утра обнаружилось, что неприятель, занимавший левый берег, выделил отряд к холмам Chahela с явной целью взять под анфиладный огонь эту колонну. Положение становилось опасным, но турки не учли присутствие флотилии, которая сразу же загнала отряд обратно в окопы. Угроза флангу миновала, но двинуться дальше ген. Фрай смог не скоро. День выдался мучительно жаркий, к тому же с 9 ч. у. поднялся сильный ветер и тучи пыли не давали никакой возможности пользоваться визуальными сигналами. Продолжительное обходное движение чрезвычайно утомило войска, противник оказывал упорное сопротивление, и успех развивался очень медленно. Однако, в 2 часа дня часть позиции, расположенной к северу от болота Suwada, целиком перешла в наши руки.

Пока измученные части отдыхали и стягивались для предстоящего удара в тыл центрального участка (участок „Подкова“) позиции, флотилия сосредоточивалась для поддержки фронтальной атаки ген. Фрайя. Частые миражи, стоявшая в воздухе пыль очень затрудняли корректировку, но, не взирая на это, флотилия и полевая артиллерия сумели заставить замолчать орудия турок.

К 4 ч. 30 м. противник был настолько оттеснен, что его правый фланг оказался лишь в 800 метр. от линии окопов, тянувшейся между центральным участком и болотом Suwada. Для нанесения окончательного удара не доставало только присутствия колонны Деламейна, но она все не появлялась. Колонна Деламейна начала движение в назначенный срок, но встретив сильное сопротивление, отошла, ожидая подвоза патронов, вынужденная к тому же искать воду для

питья. Воду найти не удалось, движение вперед задержалось, и измученные жаждой войска тронулись дальше лишь около 5 часов дня. В 5 ч. 30 м., когда Деламейн дал знать, что он уже собирается повернуть на восток, неожиданно обнаружилось, что какие-то силы турок наступают против него с юга. Неприятель воспользовался происшедшей задержкой и переправил часть своих сил через наведенный мост. Деламейн повернул на них. Блестящим штыковым ударом турки были опрокинуты и бежали, бросив четыре орудия. Только наступившая темнота спасла их от полного уничтожения. Ночь помешала продолжению операции и измученные жаждой войска стали биваком на ночлег. Колонна Фрайя окопалась, не доходя 600 метров до назначенной цели.

Не представляло сомнения, что противнику не удержать позиции, и было решено утром выбить его окончательно. Наступила очередь за флотилией, на которую возлагалась задача уничтожить боновое заграждение. Как только стало совершенно темно, кап.-лейт. Коксон с *Comet* и двумя другими канонерками тронулся к бону. Суда шли без всяких огней, соблюдая полную тишину, но сразу попали под жестокий пулеметный огонь. Тем не менее они добрались до бона сравнительно благополучно и Коксон с полного хода ударил форштевнем в среднюю баржу. Но баржа выдержала удар и не сдвинулась с места. Попытка утопить ее из пулемета тоже не удалась. Тогда доблестный командир *Comet*, ошвартовавшись у бона, сам выскочил на баржу и начал рубить топором стальные тросы, соединяющие баржи между собой, но сразу же пал, пронзенный пулями. На *Comet* не осталось ни одного человека не раненым, однако канонерки не отошли пока не потопили среднюю баржу огнем своих орудий.

С наступлением рассвета оказалось, что центральный участок оставлен противником, а через час-другой, летчики донесли об отступлении всех неприятельских сил, и началось преследование. Кавалерия двинулась по берегу, а пехота ген. Фрайя погрузилась на свои пароходы и пошла за ней вверх по реке. Впереди шел *Shaitan*, командиру которого лейтенанту Синглетону не составило теперь особого труда уничтожить остатки заграждения. К 10 ч. утра канонерки подошли на вид Кута и бросились в погоне за двумя показавшимися турецкими пароходами. Все шло хорошо и казалось, что одержанный успех закончится решительной победой и полным поражением армии Нур-уд-Дина, для которого путь отступления будет отрезан, но новые препятствия опрокинули все надежды. Мелководье все время сильно мешало операциям, теперь же уровень воды настолько по-

низился, что дальнейшее плавание становилось немыслимым. Суда все время садились на мель и за первые сутки прошли немного более двух миль. Утром 30 сентября *Sumana* потерял оба руля, а *Shaitan* так закопался в ил, что сойти не мог. Турецкие пароходы еще не скрылись из виду и *Comet* пошел один. Догнать противника ему не удалось, но он все-таки принудил турецкие пароходы обрубить буксиры и бросить две баржи со снарядами. Баржи достались нашей кавалерии, которая 1 октября вошла в соприкосновение с неприятелем. Турки отступали в полном порядке, имея сильный арьергардный отряд. Атаковать его наши слабые конные части не могли и остались поджидать подхода речной колонны.

Колонна состояла теперь из *Shaitan*, *Comet* и четырех пароходов с одной бригадой пехоты. После четырех суток плавания, сопровождавшегося бесчисленными посадками на мель, войска достигли Aziziya, расположенного в девяносто милях выше Кута, и здесь выяснилось, что противник уже успел прочно занять заранее подготовленную позицию у Ктесифона в тридцати милях ниже Багдада. О захвате армии Нур-уд-Дина в ближайшем будущем не могло быть и речи. Достигнутые результаты составляли, конечно, не малый успех. Мы нанесли противнику тяжелый урон; захватили 1700 человек пленных, тридцать орудий, а также позицию, считавшуюся неприступной, и очистили от неприятеля вилайет Басры. Таким образом, оборонительная задача операции была разрешена полностью. Генерал Никсон не удовлетворялся результатами и заявил, что хотя преследование и не удалось, он считает себя в силах открыть дорогу на Багдад и сосредоточить для этой цели войска в Aziziya. Правда, Aziziya находилась лишь в пятнадцати милях от Багдада и соединялась с арабской столицей прекрасной дорогой, но от Кута до Багдада по реке было девяносто миль, а от нашей базы в Басре—пятьсот миль. Проект Никсона не встретил большого сочувствия в Лондоне и вызвал серьезные опасения. Признавая возможность захватить Багдад, правительство сомневалось, удастся ли командующему экспедиционным корпусом удержаться против тех сил, которые турки смогут через два месяца перебросить с соседнего театра. С другой стороны политическое значение захвата древней столицы арабов было очень велико и переход в наши руки Багдада открывал возможность изолировать Персию от влияния германской пропаганды, принимавшей угрожающие размеры. Поэтому правительство немедленно назначило комиссию из представителей Адмиралтейства, военного министерства, министерства иностранных дел и министерства по делам Индии для всестороннего обсуждения проекта наступления на Багдад. Генерал Никсон получил приказание ждать

инструкций, оставаясь в полной готовности начать новую операцию.

Однако раньше, чем отданное приказание достигло Никсона, вся обстановка коренным образом изменилась.

5 октября, в тот самый день, когда авангард Никсона входил в Aziziya и состоялось назначение междуведомственной комиссии, возникшая проблема получила новое освещение. Случилось так, что день 5 октября совпал с днем ухода в отставку Венизелоса, и падение этого министра разрушало ту слабую преграду, которую Англия так старалась воздвигнуть на пути германских стремлений к Константинополю. Надежда помешать планам Германии таяла и Багдад начинал принимать значение не меньшее, чем Константинополь.

Доводы в пользу проекта Никсона не могли не усилиться. Командующий корпусом доносил, что навигационные затруднения, связанные с плаванием выше Кута,—устранены. С пароходов снято все, что только возможно, и перегружено на баржи, которые пароходы поведут на буксире; войска же пойдут походным порядком. Будучи твердо убежден в выполнимости своего плана, Никсон, однако, не скрывал, что удержать Багдад без присылки ему подкреплений в составе дивизии он не сможет. Индия не могла дать больше ни одного солдата, Египет, где сосредоточивался резерв для Ближнего Востока, находился в таком же положении и единственным источником, откуда можно было взять необходимые силы, являлся западный фронт. Раньше чем предпринять какое нибудь решение, британский кабинет еще раз запросил ген. Никсона о том, какое количество войск необходимо, чтобы захватить и удержать Багдад, подчеркнув, при этом громадное военное и политическое значение последствий принятого решения. Никсон снова подтвердил, что он располагает достаточными силами для захвата Багдада и разгрома армии Нур-уд-Дина, но для удержания города ему нужно получить еще одну пехотную дивизию и полк кавалерии. Правительство Индии, наблюдая с тревогой за развитием германской пропаганды и ее успехами в Афганистане и зная, что центр пропаганды находится в Багдаде, всемерно поддерживало проект, считая, что лучшим судьей в данном вопросе является местный начальник, т.-е. сам ген. Никсон.

Высказывая свое мнение, правительство Индии добавляло лишь о необходимости прибытия подкреплений не позднее как через месяц после падения Багдада.

Успех, достигнутый ген. Никсоном, был в значительной мере обязан содействию как флотилии, так и других средств речного транспорта, и нельзя не обратить внимания на тот факт, что при обсуждении плана дальнейших наступатель-

ных операций говорилось лишь о войсках. В представлениях вице-короля Индии почти не упоминалось о трудностях, предстоящих флотилии при плавании по исключительно мелководному и извилистому фарватеру Тигра от Aziziya до Багдада, и совершенно не учитывалось то обстоятельство, что с захватом арабской столицы требования к речному транспорту приму тколоссальные размеры. Правда, ген. Никсон просил об увеличении числа речных пароходов и главнокомандующий войсками в Индии поддержал его ходатайство. Но получить пароходы в Индии не было возможности и в Лондон была послана телеграмма с просьбой построить их в Англии. Адмиралтейство не сразу узнало о полученной телеграмме, а когда узнало, то не только не могло ускорить постройку пароходов, но, наоборот, было вынуждено указать на неизбежность задержки вследствие страшной загруженности всех заводов и верфей. Обо всем этом Месопотамская комиссия, заседавшая в Лондоне, повидимому, не была осведомлена и ничего не упоминала в своем постановлении от 16 октября относительно затруднений с транспортом, считая, что в этом отношении у ген. Никсона все обстоит благополучно. Комиссия вполне разделяла взгляд о крупном политическом значении предприятия и поддерживала мнение, высказанное правительством Индии, о возможности достигнуть успех с наличными силами, но рекомендовало держать наготове в Индии одну дивизию.

Вынесенное решение базировалось на твердой уверенности, что на Тигре имеется достаточное количество пароходов и других плавучих средств, необходимых как для поддержки непосредственно самого наступления, так и для доставки снабжения головным частям войск. Оправданием этой уверенности служит то, что комиссия не имела никаких данных для суждения по вопросам, относящимся к флотилии и речному транспорту, кроме заявления ген. Никсона о том, что „навигационные затруднения устранены“. Кроме того комиссия знала, что новые маленькие канонерки типа „China“ и „Fly“ строятся в Apadan'e и в скором времени будут готовы для охраны коммуникационных путей на Тигре [1]).

---

[1]) В ноябре 1914 г. первый морской лорд Фишер заказал фирме Ярроу 24 канонерки—12 малых типа „Fly“ для полицейской службы на Тигре и 12 несколько более крупных, типа „China“, для Дуная. Канонерки типа „Fly“ были отправлены в разобранном виде в Персидский залив и там собирались рабочими Ярроу на заводах Англо-Персидской К° в Apadan'e. На каждой канонерке стояло по одной 4″ пушке, одной 12-фунтовой и одной 6-фунтовой, а также по две скорострельных пушки мелкого калибра и четыре пулемета. Спроектированные исключительно для полицейской службы, они не имели другой защиты кроме как от ружейных пуль. Кормовое колесо заменял гребной винт, помещенный в особом колодце.

Роль Адмиралтейства в Месопотамском вопросе сводилась лишь к заботам о доставке войск, если таковая потребуется, из Марсели или Египта в Басру. Операции в Месопотамии носили чисто сухопутный характер и не могли рассматриваться как соединенные операции армии и флота. Флотилия, принявшая „микроскопические" размеры, не могла более оказать никакого серьезного тактического влияния на успех дела, а речные транспортные средства находились всецело в руках сухопутного командования.

14 октября британское правительство подвергло всестороннему обсуждению проект ген. Никсона, пытаясь вынести окончательное решение, но не могло этого сделать, так как поднялся ряд всевозможных вопросов, связанных не только с наступлением на Багдад, но и с новым проектом операции со стороны Александретты для поддержки удара на арабскую столицу. Морскому и сухопутному генеральным штабам была дана директива представить подробный доклад об обстановке в Месопотамии и Сирии, учитывая значение Сирии в деле обеспечения безопасности Египта. Высшие оперативные органы флота и армии высказались категорически против Александретты. При тех ресурсах, которыми располагало Адмиралтейство, оно не считало возможным согласиться на новое операционное направление на Ближнем Востоке, пока не закончена борьба в Дарданеллах. Адмиралтейство не возражало лишь против производства десанта в каких либо более южных пунктах побережья, но при условии, что эти высадки не разовьются в крупные операции, а ограничатся набегами с целью помешать наступлению турок на Египет.

Помимо соображений о невозможности поддерживать новую линию сообщений, Адмиралтейство опасалось повторения затруднений, встреченных в Дарданеллах, т.-е. необходимости пользоваться побережьем, не защищенным от нападения подводных лодок и открытым для артиллерийского огня противника. Кроме того, оно считало, что нельзя решаться ни на какую соединенную операцию армии и флота без твердой уверенности, что для головных частей десанта имеется плацдарм достаточный, чтобы обеспечить дальнейшую высадку от действия артиллерии противника.

Что же касается наступления на Багдад, то сухопутный генеральный штаб не возражал против операции, считая ее выполнимой при условии, что отряд Никсона к концу года будет усилен двумя индийскими дивизиями. Однако, генеральный штаб считал, что не следует занимать Багдада, если может оказаться, что по причинам политического характера нельзя в любой момент очистить занятый город. В случае невозможности высадки каких либо сил союзников в Александретте, штаб рекомендовал уполномочить коман-

дующего экспедиционным корпусом немедленно отступать, не считаясь с политическими последствиями принятого решения, как только окажется, что занятие города влечет за собой слишком большой военный риск. Короче говоря, задача сводилась к операции набега для уничтожения базы противника.

Таким образом, на долю Адмиралтейства выпадала лишь обязанность доставить две дивизии в Басру, но срок доставки не мог быть назначен вперед и зависел от прочих предъявляемых ему требований, выполнимость которых ограничивалась наличным количеством транспортов. Помимо этого Адмиралтейство гарантировало несение дозорной и охранной службы на Тигре вступающими в строй канонерками и обещало посильную помощь гидросамолетами.

После обсуждения соединенного доклада междуведомственной комиссии, британский кабинет 21 октября снова обратился к индийскому правительству, уведомляя его о всех высказанных соображениях. В посланной телеграмме подчеркивалась невозможность воспрепятствовать продвижению Германии к Константинополю и отсутствие надежды на успех в Дарданеллах. Арабы держали себя неспокойно, проявляя желание присоединиться к Турции, а потому необходимость нанести крупный удар на Востоке ощущалась очень остро.

В своем ответе вице-король Индии писал, что после полученной телеграммы, которая объяснила ему истинное положение дел на Ближнем Востоке, он считает совершенно необходимым достигнуть решительных успехов на Среднем Востоке. Для индийского правительства перспектива прорыва Германии в Азию грозила весьма тяжелыми последствиями. Активность германских эмиссаров в Персии все усиливалась и, в случае осуществления германских планов, нейтралитет Афганистана вряд ли мог сохраниться. Присоединение же Афганистана к врагам Англии вызывало опасения за спокойствие Индии. Поэтому вице-король, считал, что тревожное политическое положение заставляет его отбросить все сомнения относительно плана операций, намеченного военным начальством. Присылка подкреплений в составе двух дивизий давала возможность пойти на риск овладения Багдадом.

Ответ имперского правительства, отправленный 23 октября, гласил, что, если ген. Никсон удовлетворяется наличными силами, то ему разрешается перейти к осуществлению намеченного им плана [1]).

С момента отправки этой телеграммы правительство окончательно отказалось от операций оборонительного характера,

[1]) Отчет Месопотамской Комиссии. Стр. 24.

которыми до сих пор ограничивалась боевая деятельность в Месопотамии. Будучи связано германским наступлением на Балканах, оно оказалось вынужденным перейти в контрнаступление. До выяснения результатов войны в Азии прекратиться это наступление уже не могло.

ГЛАВА XI.

Судьба Галлиполи. Бой у Ктесифона.

Карты 1 и 3.

Решение в пользу Багдадской авантюры влекло за собой желательность удержать турок на подступах к их столице, а это обстоятельство в свою очередь привело к столкновению интересов нашей Месопотамской политики и Балканской политики Франции. После неудачи в Сувле начинало создаваться твердое убеждение, что для Англии на Ближнем Востоке есть только два выхода из положения: или вовсе оставить попытки прорыва через Дарданеллы, или же продолжать операцию с удвоенной энергией. Настойчивость Франции заставляла Англию идти на Балканах гораздо дальше, чем она собиралась, в результате чего мы оказались перед невозможностью найти подкрепления для Галлипольской армии. Кроме сухопутных и морских начальников в Дарданеллах и тех лиц в Англии, которые находили, что решающий театр—в Турции, большинство видело в эвакуации единственный выход из создавшегося положения. В прошедшие века непостижимая судьба не раз в критический момент спасала Оттоманскую империю от гибели. Теперь история снова повторялась. Наступило время принимать окончательное решение. От него зависел не только дальнейший ход всей войны в целом, но возможно—победа или поражение. Вопрос осложнялся всевозможными затруднениями, неизбежными спутниками таких войн, когда борьба ведется между двумя мощными коалициями. Чувствовалось, что та часть нашего государственного аппарата, от которой исходят высшие военные директивы, перестает отвечать требованиям напряженной обстановки.

2 ноября премьер-министр Асквит объявил, что отныне руководство войной возлагается на новый Военный Совет. Состав Совета ограничивался тремя-пятью членами кабинета, заседания его должны были происходить ежедневно, при чем ему предоставлялось право привлекать на свои заседания, в качестве экспертов, любых лиц. Высшее руководство военными действиями переходило исключительно в его руки. Разрешение различных „повседневных государственных вопросов и случайностей“ также предоставлялось компетенции Совета. Кабинет должен был собираться целиком лишь для утверждения таких постановлений Совета, которые были

связаны с изменением всей политики или с чем-либо подобным. Создание Совета отвечало конституционной практике прошлого. Подобные меры принимались во времена прежних крупных военных столкновений в тех случаях, когда кабинет оказывался слишком громоздким, чтобы быстро справляться с нуждами войны. Фактически нечто похожее на подобный Совет уже существовало в виде различных отдельных комиссий, из которых наиболее важной была Дарданелльская, но в форму постоянного государственного установления это вылилось лишь теперь.

Членами Совета [1]) (официально он назывался „Военная Комиссия") были: премьер министр Асквит (председатель), первый лорд Адмиралтейства Бальфур, военный министр Китченер, министр иностранных дел Грей и министр военного снабжения Ллойд-Джордж. Обязанности секретаря исполнял полковник Ханкей. Первое заседание состоялось 3 ноября в присутствии Асквита, Китченера и Бальфура. Обсуждался вопрос об эвакуации Галлиполи на основании последних сведений, полученных от ген. Монро.

31 октября преемник ген. Гамильтона посетил все участки фронта и после переговоров с корпусными командирами прислал телеграмму далеко неутешительного свойства. По мнению Монро, войска настолько утомились и потеряли такое количество офицеров, что никакой надежды на успех дальнейшего наступления не было. Поэтому он без колебаний настаивал на эвакуации. На следующий день пришла телеграмма от командующего войсками в Египте ген. Максвеля; на нем лежала тяжелая ответственность за безопасность Египта и он настаивал на необходимости держаться в Дарданеллах. 1 ноября Монро был запрошен—разделяют ли его корпусные командиры высказанную им точку зрения. Полученный ответ гласил, что командующий австралийцами ген. Бердвуд, хотя и соглашается с серьезностью обстановки, но опасается потери престижа и вообще тяжелых потерь, связанных с эвакуацией, почему высказывается против оставления Галлиполи, если только не представляется случай нанести удар на другом направлении. Однако, он лично не видит возможности найти такое направление. Генерал Бинг, начальник участка Сувла, полагал, что в данную минуту эвакуация возможна без крупных потерь, но потом, когда прибудут германские подкрепления, она обойдется очень дорого. Генерал Девис, командовавший войсками на участке Хеллес, вполне соглашался с мнением главнокомандующего.

Военному Совету не легко было разобраться в противоречивых мнениях сухопутных начальников, но затруд-

[1]) В русской литературе этот „Военный Совет" обычно назывался „Военный Кабинет". *Ред.*

нительность его положения усугублялась еще и различием во взглядах морских начальников. Совету был представлен подробный доклад штаба адм. Де-Робека с тщательно разработанным планом новой попытки форсировать Дарданеллы, в успехе которого штаб не сомневался. Приобретенный опыт, наладившаяся тральная служба, а также прибытие мониторов, воздушных аппаратов и изобилие снарядов давали уверенность, что в случае присылки еще нескольких старых линейных кораблей и других судов вспомогательного значения препятствия, встреченные при первой попытке прорыва, удастся побороть. Адмирал Веймисс вполне разделял точку зрения штаба, но Де-Робек смотрел на дело менее радужно. По его мнению прекрасно разработанный план не оправдывался риском, так как не сулил никаких выгод даже в случае полнейшего успеха. Другими словами, риск был гораздо больше, чем то влияние, которое успешный прорыв мог оказать на ход войны. Поэтому Де-Робек не считал себя в праве одобрить план своего штаба.

Однако, главнокомандующий слишком уважал мнение таких сотрудников, как Веймисс и начальник штаба Кийс, с которыми привык всегда работать в полном согласии, чтобы ограничиться простым протестом. Он находил, что Адмиралтейство, прежде чем предпринимать столь важное решение, должно быть подробнейшим образом осведомлено о плане его помощников, хотя бы этот план и в корне расходился с его собственными взглядами. Считая необходимым, чтобы высшие руководители флота получили совершенно ясную картину всего плана, он предпринял шаг, на который пошли бы немногие. Как только закончилась бомбардировка болгарского побережья, Кийс был отправлен в Лондон для непосредственного доклада Адмиралтейству своего проекта, одобренного адм. Веймиссом.

28 октября Кийс прибыл на место и, не теряя времени, доложил все детали плана морскому генеральному штабу. Идея сводилась к тому, чтобы, соблюдая неожиданность, с рассветом форсировать пролив двумя эскадрами при поддержке третьей. Первая эскадра, состоящая из 10 лучших линейных кораблей, в сопровождении 8 канонерок и десяти миноносцев для траления, должна была атаковать внутренние форты, расположенные ниже минного поля у Кефец. Вторая эскадра в составе 5—6 старых линейных кораблей, 2-х крейс. типа „Theseus“ (с противоминными утолщениями) и 8 миноносцев посылалась прямо через минное заграждение. При этой эскадре, если будет возможно, надлежало послать также несколько „судов особого назначения“ из числа старых коммерческих пароходов, замаскированных по проекту адмирала Фишера под линейные корабли, для на-

мечавшейся им операции в Северном море. Суда, которым удастся пройти заграждения, форсируют узкость и совместно с канонерками и миноносцами выпускают дымовую завесу, под защитой которой уничтожают сетевое заграждение у м. Нагара и могущие там оказаться неприятельские заградители. Тем временем третья эскадра, состоящая из мониторов и остальных больших крейсеров, находясь у западного побережья полуострова, ведет перекидную стрельбу, сосредоточивая огонь тяжелой артиллерии по фортам узкости. Считалось, что при поддержке третьей эскадры есть надежда на благополучный прорыв половины второй эскадры в гавань Паша-Лиман (выше Нагара), откуда она начнет обстрел узкости с тыла, а первая эскадра поведет атаку в лоб. В случае, если одновременно перейдет в наступление, или хотя бы произведет демонстрацию и армия, то она будет поддержана огнем средней артиллерии первой и третьей эскадры. Считая, что при таких условиях успех обеспечен, Кийс доложил проект охраны судов, прорвавшихся в Мраморное море, и схему операций для окончательного прекращения морских и сухопутных сообщений с Галлиполи.

Несмотря на рискованность плана Кийса, казалось, что только таким путем можно вырвать успех и поправить первоначальную неудачу. Никто в Англии, кроме убежденных сторонников континентальной военной доктрины, не сомневался в том, что даже частичный успех окажет крупное влияние на ход войны. Генеральный штаб, оставляя в стороне вопрос деталей плана, полагал, что надлежит предпринять нечто подобное, но не видел возможности произвести операцию без содействия армии. Таким образом приходилось ждать ответа ген. Монро. Ответ, как мы уже знаем, не заставил себя ждать и убедил членов Военного Совета, что Кийс нашел „выход из безвыходного положения". В результате, когда Совет 3 ноября вновь собрался на совещание, он не счел возможным согласиться с представлениями Монро. Что же касается лорда Китченера, то доклад Кийса только подтвердил непреклонность его решения не подписывать приказа об эвакуации Галлиполи. Если Адмиралтейство согласно утвердить план, то он готов поддержать операцию силами армии, назначив главнокомандующим войсками ген. Бердвуда. Однако, Совет затруднялся вынести окончательное решение, считая невозможным ограничиться лишь узкими доводами военных специалистов. Вопрос требовал более широкого освещения в особенности с политической стороны и Китченер был уполномочен лично отправиться в Дарданеллы и на месте выяснить обстановку, включая и Египет. 7 ноября фельдмаршал прибыл в Марсель, предварительно заехав в Париж, где убедился, что французское высшее командование относится к эвакуации столь же,

отрицательно, как и он сам. В Марсели Китченера ожидал крейсер *Dartmouth*, чтобы доставить его в Александрию, но в последнюю минуту пришла телеграмма с просьбой прибыть прямо на Мудрос.

Кийс по поручению Китченера задержался в Лондоне до окончательного выяснения вопроса об усилении Дарданелльской эскадры. В день прибытия Китченера в Марсель он отправился обратно и тоже заехал в Париж для доклада своего плана французскому морскому министру адмиралу Лаказу. Последний отнесся к проекту восторженно и обещал поддержать операцию присылкой шести старых линейных кораблей. В полной уверенности, что идея эвакуации бесповоротно оставлена, Кийс выехал в Дарданеллы. Тем временем Де-Робек, получивший приказание выделить флагмана в Салоники, телеграфировал, что Салоникский порт и обслуживающие его железные дороги не справятся с возложенной на них задачей и что все его усилия улучшить существующие порядки встречают противодействия со стороны греков. До тех пор, пока Салоники не перейдут в наши руки, этот порт нельзя считать надежной базой.

Неизбежная необходимость оказать давление на Грецию в виде морской демонстрации ощущалась в этот момент очень остро и 4 ноября, т. е. через день после обсуждения Военным Советом плана Кийса, Де-Робек был уведомлен о состоявшемся решении отправить в его распоряжение четыре линейных корабля под флагом адм. Фрименталя для сформирования отдельного Салоникского отряда. Кроме того для усиления его легких сил высылались четыре миноносца и две подводных лодки.

5 ноября Де-Робек, здоровье которого за последнее время пошатнулось и требовало отдыха, получил разрешение после прибытия на Мудрос Китченера уехать в отпуск. До сдачи командования Де-Робеку поручалось подготовить своему преемнику (Веймиссу) все необходимое на случай срочной потребности оказать поддержку Галлипольской армии, при чем сообщалось, что эта поддержка может вылиться в форму форсирования пролива. Последняя оговорка указывает на то, что план Кийса произвел в Лондоне соответствующее впечатление; однако, телеграмма заканчивалась предупреждением, что ничего еще окончательно не решено и что секретные меры по подготовке эвакуации должны продолжаться. Общий смысл телеграммы сводился к требованию встретить во всеоружии любую обстановку и во всяком случае держать на готове на Мудросе достаточное количество плавучих средств. Отвечая на полученное приказание, Де-Робек сообщал, что назначенные им комиссии из морских и сухопутных начальников разрабатывают план эвакуации, и высказывал свой окончательный взгляд на об-

становку. По его мнению, положение Галлипольской армии не является критическим. Что касается прорыва части флота в Мраморное море, то он считает, что, если нельзя точно установить, какой реальный выигрыш даст такой прорыв, то принесенные жертвы явятся крупной ошибкой, так как по всей вероятности настолько ослабят флот, что он окажется не в состоянии обеспечить безопасность армий на Галлиполи и в Салониках.

Последнее соображение было весьма серьезно. Вопрос охраны транспортных путей в Средиземном море начинал принимать не менее острую форму, чем в английских водах. Неприятельские подводные лодки снова усилили свою активность, в особенности на африканском побережьи между Алжиром и Александрией, почему потребность в противолодочных средствах все возрастала. К довершению затруднений пришло известие о захвате турками 7 ноября французской лодки *Turquoise*, которая была взята в плен в полной исправности и вступила в состав турецкого флота. В этот же день немцы объявили о потоплении нашей лодки *E-20*. В то время еще нельзя было вывести никакой зависимости между этими двумя печальными событиями, но впоследствии дело выяснилось. Как мы знаем из предыдущих глав, *E-20* вошла в Мраморное море за три дня до выхода *Turquoise*. До 30 октября все шло хорошо, наша и французская лодка встретились у Родосто и разошлись, условившись о месте нового рандеву. Вскоре после этого *Turquoise* выскочила на мель, попала под огонь береговой батареи и сдалась почти неповрежденная. Турки привели ее в Константинополь и там обнаружили в командирской каюте неуничтоженные командиром секретные документы, среди которых лежала карта с нанесенным местом рандеву. В Босфоре в это время стояла в ремонте немецкая лодка *UB-14*. Через двадцать четыре часа работы закончились; *UB-14* вышла к месту нахождения *E-20*, спокойно ожидавшей прихода *Turquoise*, и с 15 каб. выпустила торпеду. Торпеда попала и *E-20* почти мгновенно пошла ко дну. Спасти удалось девять человек, в том числе и командира.[1])

В Мраморном море осталась только одна лодка—*E-11*, командир которой 6 ноября снова благополучно провел ее под заграждением и крейсеровал в течение целого месяца, оперируя на турецких коммуникационных путях в одиночестве.

Наши возможности в вопросе операций на морских сообщениях турецкой армии в Мраморном море были тесно связаны с вопросом удержания нами галлипольских пози-

[1]) U-boote gegen U-boote («Die Woche», 10 марта 1917 г.) Lieutenant zur See Heimburg.

ций. И Китченер сразу же это понял. После первого посещения фронта он решил, что пока противник не получит германских подкреплений и германской артиллерии, нашим войскам бояться нечего, но с другой стороны то, что он увидел, заставило его придти к убеждению в невозможности для флота прорваться в Мраморное море. Однако, только прорыв мог помешать Германии усилить турецкую армию и это обстоятельство, надо думать, и поколебало непреклонное намерение Китченера не подписывать приказа об эвакуации. Нежелание признаться в неудаче не стояло уже больше на первом плане в глазах фельдмаршала и он склонялся к мысли об эвакуации, но при условии, что она будет сопровождаться решительным ударом против турок на каком либо другом направлении. Читатель припомнит, что Китченер всегда стоял за необходимость этой меры; теперь же как он, так и другие высокие авторитеты, находили ее особенно желательной, так как простое признание неудачи было неизбежно связано с потерей престижа на всем Востоке и грозило тяжелыми последствиями в Египте. Китченер с самого начала считал, что Александретта является наилучшим объектом для экспедиционного корпуса. В ней сходились все турецкие железнодорожные пути и с захватом этого города наше положение в Египте и в Месопотамии значительно улучшалось. Возражения Франции не позволили в свое время Китченеру осуществить этот план; теперь же им был найден другой выход из положения. На противоположном берегу залива Александретты находился небольшой хорошо укрытый порт Айиас, расположенный вне сферы интересов Франции, но вблизи г. Адана, через который проходила магистраль турецких сообщений, не менее уязвимая, чем в Александретте. Выбранный им пункт Китченер считал возможным захватить при помощи двух пехотных дивизий и 3000 кавалерии, взятых из Египта, после чего можно было бы спокойно начинать эвакуацию Галлипольской армии. Де-Робек доложил, что по его мнению флот справится с этой новой задачей и что на первом совещании все сухопутные начальники единодушно высказывались за принятие подобного проекта.

В Адмиралтействе план Китченера не встретил сочувствия. До сих пор оно всегда шло на встречу всем требованиям, поступавшим с различных театров, но теперь оно ясно сознавало, что не в силах удовлетворить желания военного министра. Подводная опасность требовала громадного количества специальных средств борьбы, которых все время не хватало. А новый план был неизбежно связан с оборудованием еще одной базы, подобной Мудросу, и установления новой коммуникационной линии, для охраны ко-

торых неизбежно требовались вспомогательные суда. Получить же их раньше двух-трех месяцев не было никакой возможности.

В Военном Совете проект Китченера был встречен с большими сомнениями. В описываемый момент наибольшую тревогу вызывала позиция Греции. Поведение греческого правительства стало настолько подозрительным, и даже угрожающим, что возникал вопрос, удастся ли вывести Салоникский отряд из того тяжелого положения, в которое он попал благодаря авантюристическому наступлению ген. Саррайля, без применения мер, проектируемых Францией. Меры эти сводились к немедленному выступлению флота против Греции, но наше правительство, считаясь с неопределенностью обстановки, не находило возможным согласиться на подобные действия против нейтрального государства. Оно лишь уведомило французское правительство, что если Греция не объявит о решении демобилизовать свою армию или же не даст обещания не препятствовать отступлению союзных войск из Сербии и Салоник, то британское правительство согласно применить меры понуждения и обсудить их на соединенном совещании морских генеральных штабов Франции и Англии.

Обстановка в Салониках не могла не прибавить веса возражениям против проекта захвата Айиаса, которые раздавались в Англии. Генеральный штаб указывал, что если Александретта и Айиас, являющиеся важными железнодорожными узлами, представляют собою заманчивые объекты для высадки десанта, то они же являются теми пунктами, в которых турки успеют скорее всего сосредоточиться. Поэтому, если высадка головных частей десанта и пройдет удачно, то впоследствии мы можем оказаться перед такими силами противника, которые потребуют от нас гораздо больше того, что мы сможем дать. По мнению штаба, представлялось более рациональным сосредоточить Галлипольскую армию в Египте и защищать линию канала на крайней оконечности неприятельских сообщений, не нуждаясь в охране собственных коммуникационных путей. Кроме того по миновании зимы, пустыня делалась непроходимой, опасность Египту на восемь месяцев исчезала и войска на этот срок могли быть использованы на любом направлении. В заключение же приводилась истинная причина всех возражений, которая сводилась к тому, что мы должны накапливать силы для удара в подходящий момент на главном театре.

Однако, решительные операции на западном фронте могли произойти не иначе, как при одновременном ударе русских армий на восточном фронте, и было неясно, когда же может представиться этот подходящий момент, раз Тур-

ция все еще преграждала единственный путь, по которому западные державы могут восстановить слабеющую военную мощь России. Навязчивая идея главного театра победила все остальные соображения.

Китченеру была отправлена телеграмма с изложением высказанных взглядов и вопрос остался открытым до получения его ответа. Отданные распоряжения ограничились задержанием в Египте одной дивизии, уже готовой к отплытию в Салоники.

Китченер телеграфировал свое мнение в весьма определенных выражениях. Он писал, что считает выбор канала в качестве главной оборонительной линии не только плохой стратегией, но и неправильным с политической точки зрения. Что же касается возражений против его проекта захвата Айиаса, то он считает, что английский генеральный штаб, повидимому, введен в заблуждение и имеет неверные сведения как о тех силах, которые турки смогут сосредоточить в Айиасе, так и о самом месте предполагаемой высадки. Для удержания Айиаса потребуется значительно меньше войск, чем думает генеральный штаб. Политические же соображения в данном случае имеют гораздо больший вес, чем соображения военного характера. Эвакуировать Галлиполи и не сделать после этого ничего—значит предоставить немцам полную возможность развернуть свои планы на Востоке и бросить арабов в объятия Германии, что повлечет за собой фатальные последствия не только для нас в Азии и Египте, но и для Франции и Италии в северной Африке.

Адмирал Де-Робек на сделанный запрос сообщил, что он попрежнему возражает против попытки форсировать пролив, но не считает возможным ограничиться пассивным образом действий и вполне готов всемерно поддержать осуществление плана Китченера. Предполагаемую базу в Александретте он считал удобнее Мудроса и находил, что флот, действуя оттуда, может оказать армии несравненно более крупную тактическую помощь, чем в Галлиполи. Сомнения у Де-Робека вызывало лишь поведение Греции в Салониках. Оттуда, по его мнению, исходила наибольшая опасность, и если ее можно будет устранить, то остальное уладится сравнительно просто.

До получения Адмиралтейством ответа Де-Робека ему была послана в тот же день (14 ноября) телеграмма с сообщением о том, что лондонским и парижским кабинетами вырабатывается текст ноты с протестом греческому правительству, который будет сопровождаться англо-французской морской демонстрацией в Салоникской бухте. В виду нахождения Салоник в сфере влияния Франции, союзной эскадрой будет командовать французский адмирал. Де-Робеку

же надлежит немедленно сформировать отряд судов для присоединения к французскому флагману. Нота не будет отправлена до тех пор, пока не закончатся все морские приготовления союзников, а выступление союзного флота начнется не ранее истечения срока предъявленного ультиматума. В случае получения неудовлетворительного ответа флот Греции должен быть уничтожен.

Итак, на пути вопроса, поставленного Китченером, и на скорейшем разрешении которого он настаивал, появилось новое препятствие. Правда, до некоторой степени положение выяснилось, так как 15 ноября Военный Совет решил временно отложить проект десанта в Айиасе. Пока обстановка в Салониках продолжала оставаться тревожной, Совет опасался принять смелый план, не встречавший сочувствия французского правительства и английских военно-сухопутных авторитетов, который втягивал Англию в еще одну крупную операцию на Ближнем Востоке и был связан с установлением новой коммуникационной линии, и тем, следовательно, возлагал на флот новые тяготы.

Сообщая о принятом решении, Совет уведомил Китченера, что вопрос о всей нашей политике на Ближнем Востоке будет подвергнут обсуждению на англо-французской конференции в Париже 17 ноября.

Инициатива созыва конференции исходила от ген. Жоффра с целью обсудить запутанную обстановку и согласовать действия союзников. Конференция признала невозможным согласиться на новое операционное направление на Ближнем Востоке и считала необходимым немедленно отправить в Салоники те две дивизии, которые намечались Китченером для удара на Айиас.

Эвакуация Галлиполи откладывалась до представления Китченером и посланным Францией в Дарданеллы полковником Жиродоном их окончательного заключения по этому поводу. Что же касается отправки ноты Греции, то она временно задерживалась, пока не будет обеспечена безопасность отхода англо-французских сил с Салоникского направления и пока не закончатся все приготовления для морской демонстрации. Кроме того состоялось решение о создании особой союзной комиссии—„Союзного Совета“—с постоянным рабочим аппаратом для тесной связи между морскими и сухопутными генеральными штабами обоих государств. На первое время в состав Совета входили премьер-министры Англии и Франции и другие сведующие лица по их выбору, при чем указания Совета предназначались лишь для этих двух государств. Но Совет должен был пригласить к участию в его работе также Россию и Италию.

На этом и закончил свое существование проект десанта для занятия Айиаса. Что касается вопроса об эвакуации гал-

липольской армии, то он все еще оставался открытым, т. к. Китченер не мог высказать своего окончательного мнения, пока не выяснится положение с Грецией.

Хотя приготовления к демонстрации англо-французского флота уже были в ходу, однако, ввиду желательности избежать этой меры, было решено еще раз попробовать повлиять на греческого короля, находившегося всецело под влиянием своих германофильствующих советников.

Вопрос об этом поднял наш посланник в Греции. Он предлагал, чтобы Китченер, по пути в Салоники, заехал в Афины и лично попытался бы открыть королю глаза на ошибочность его политики, основанной на твердой уверенности в неминуемости торжества германского оружия. Предложение посланника казалось достаточно безнадежным, но представлялся прекрасный случай использовать присущие Китченеру дипломатические способности и предложение было принято.

Обмен телеграммами с посланником произошел 18 ноября, а 19 ноября премьер-министр уже послал Китченеру руководящие указания. Они сводились к следующему. Англия отнюдь не намерена заставлять Грецию присоединяться к союзникам для борьбы против Германии, но всякая попытка интернировать или обезоружить наши отступающие войска будет сочтена за акт равносильный объявлению войны. Надлежит постараться убедить короля, что Германия не может не проиграть войны, которую как мы, так и Россия только еще начинаем. Последние превратности судьбы только укрепили непреклонное решение союзников добиться победоносного конца и не следует забывать, что наши ресурсы еще почти не тронуты.

Высказанный взгляд полностью разделялся Китченером; он твердо верил, что иначе быть не могло, и с успехом выполнил возложенное на него поручение [1]). Его посещение греческой столицы оставило здесь глубокое и длительное впечатление и привело к желательным результатам. Было обещано—не препятствовать отходу войск Саррайля и выполнить все требования, касающиеся безопасности базы в Салониках. Необходимость в демонстрации отпала.

Ближневосточная проблема упростилась и наступила возможность покончить с Дарданелльским вопросом. В момент отъезда Китченера с Мудроса в Афины он получил извещение об отрицательном отношении Парижской конференции к его последнему проекту и просьбу высказать свое мотивированное мнение относительно Галлиполи.

22 ноября он снова вернулся в Мудрос и только тогда, после нового совещания с Де-Робеком и сухопутными на-

[1]) Arthur. *Life of Lord Kitchener*. Том III, стр. 197—204.

чальниками, с великой неохотой дал свое согласие на эвакуацию [1]). Салоникская авантюра, в которую мы втянулись помимо нашего желания, не оставляла по его мнению другого выхода. Если бы не она, мы смогли бы расстроить все немецкие планы в Египте, нанеся удар со стороны Сувлы в обход фланга турок или же высадив десант в Александретте. Теперь же, завязнув в Балканах, мы, повидимому, были лишены возможности произвести подобные операции и стояли перед необходимостью защищать Египет в самом Египте. Для всех, кто был знаком с истинной политической обстановкой, такая задача представлялась достаточно опасной и они не могли не сознавать, что необходимость разрешения этой задачи неминуемо отразится на намеченном весеннем наступлении на западном фронте. Китченер советовал все эвакуированные с Галлиполи войска оставить пока на Имбросе, Тенедосе и Митилене, откуда они будут попрежнему составлять угрозу турецким сообщениям и удержат значительные силы турок в Малой Азии. Поэтому он считал необходимым немедленно эвакуировать войска с участков Сувла и Анзак, но по соображениям морского характера временно не трогать участка Хеллес.

Эти мысли, изложенные им в телеграмме, полученной в Лондоне 22 ноября, вызвали на следующий день оживленные споры в Военном Совете, куда сухопутный генеральный штаб и Адмиралтейство не замедлили представить свои соображения. Штаб откровенно признавал всю сложность проблемы, соглашаясь, что чисто военные доводы в пользу эвакуации пересиливают все остальные, и не возражал против временного удержания Хеллеса, так как в тактическом отношении именно этот участок было удобнее всего эвакуировать последним. Что касается Де-Робека, то он находил вообще невозможным эвакуировать Хеллес, опасаясь устройства там противником базы подводных лодок, помешать чему вряд ли было возможно.

В результате, после продолжительных прений, Военный Совет решил рекомендовать Кабинету санкционировать полную эвакуацию Галлиполи. Доводы, приведенные представителями армии за то, чтобы очистить весь полуостров, Совет нашел более убедительными, чем доводы моряков [2]).

Для флота решение Совета явилось тяжелым ударом. С того момента, когда Де-Робеку было приказано готовиться к возможности эвакуации, он не переставал настаивать на необходимости удержать Хеллес, который в его глазах имел иное значение, чем Сувла и Анзак. Он не сомневался, что с уходом войск турки смогут установить в устьи Дарданелл

[1]) Де-Робек не принял участия в прениях и оставил совещание, как только выяснился сухопутный характер возбужденных вопросов.

[2]) Отчет Дарданелльской Комиссии. Т. II, стр. 57.

тяжелые орудия и запереть флоту вход в пролив. Таким образом, отпадала всякая возможность грозить в дальнейшем захватом Дарданелл, тогда как противнику предоставлялась полная возможность устроить там базу подводных лодок, наличие которых, несомненно, повлияло бы на все наши операции на Ближнем Востоке. Теперь Де-Робек даже не скрывал своего сожаления по поводу решения эвакуировать Сувлу и Анзак, указывая, что подобная мера не может быть одобрена флотом, который смотрит на эвакуацию лишь как на печальную необходимость, вызываемую чисто военно-сухопутными соображениями, и должен придти на помощь, если обстоятельства того потребуют. На запрос, как он смотрит на решение сухопутного начальства, Де-Робек 25 ноября телеграфировал, что не понимает его. На следующий день он сдал командование Веймиссу и уехал в кратковременный отпуск, совершенно необходимый для восстановления пошатнувшегося здоровья.

Как мы знаем, Веймис всецело разделял взгляды коммодора Кийса на возможность прорыва. Еще больше, чем Де-Робек, он не был склонен отдавать то, что досталось с таким трудом, все еще веря, что в последнюю минуту его надеждам будет суждено осуществиться. В виду того, что приказание начать эвакуацию еще не пришло, он сразу обратился с просьбой задержать ее выполнение, пока морское командование вновь не обсудит вопроса с сухопутными начальниками и не составит своего подробного мнения. Последние доводы Веймисса сводились, главным образом, к нежелательности производить эвакуацию зимой, что он не мог не считать крайне опасным, имея к тому достаточно веские основания. В конце октября погода резко изменилась и к утру 1 ноября разыгрался такой шторм, что эск. мин. *Louis* стоявший в бухте Сувла, был выброшен на берег. Шторм не стихал в течение нескольких суток; не могло быть и речи об оказании ему помощи и миноносец был разбит окончательно. В течение последующих трех недель жестокий зюйд-вест не прекращался, достигнув 22 ноября силы урагана, продолжавшегося тринадцать часов подряд. Пристани были поломаны, вспомогательные суда и плавучие средства пострадали жестоко. Даже один из блокшивов, составлявших стенку искусственной гавани в Кефало, оказался с проломанным бортом.

Кефало предназначался в качестве передовой эвакуационной базы и Де-Робек еще перед своим отъездом телеграфно просил прислать какие нибудь старые линейные корабли или крейсера, чтобы затопить их перед пристанями и у побережья высадки в качестве волноломов. Веймисс получил приказание спешно представить свои соображения. Доклад нового главнокомандующего Дарданелльскими морскими

силами был получен в Лондоне 28 ноября. Вполне разделяя соображения военно-сухопутных начальников, которые заставили их придти к решению эвакуировать галлипольскую армию, Веймисс указывал, что сама эвакуация является операцией почти исключительно морской, для выполнения которой прежде всего требуется продолжительный промежуток тихой погоды, что весьма сомнительно в зимний период времени при постоянных норд-остовых штормах, сменяющихся зюйд-вестовыми, от которых не укрыто ни одно из побережий высадки. Неудачная конфигурация берега, недостаточное количество пристаней, в большинстве случаев поврежденных или снесенных последними бурными погодами, чрезвычайно затянут процесс погрузки войск на лихтеры. Из-за подводной опасности транспорты нигде не смогут подойти к берегу за исключением Сувлы и будут вынуждены принимать десант в Кефало. Кроме того вся прибрежная полоса находится под обстрелом турецких батарей и работу по эвакуации придется производить только ночью. Веймисс был согласен с мнением ген. Монро, что потери армии при эвакуации составят не менее 30%, и настаивал на необходимости, раньше чем решаться на подобные жертвы, сделать еще одну соединенную попытку армии и флота восстановить положение. Сообщая о готовности разработаного им плана в части, касающейся флота, он выражал уверенность, что со своей стороны ген. Монро не откажется принять участие в его осуществлении.

План был потребован в Лондон и его краткое содержание, переданное по телеграфу, было получено в Адмиралтействе 29 ноября. В общем он не отличался от проекта, составленного в свое время Кийсом, и сводился к следующему: эскадра старых кораблей прорывается ночью с тем, чтобы с рассветом захватить гавань Паша-Лиман, откуда атаковывает форты узкости с тыла. Первая эскадра ведет бомбардировку, оставаясь снаружи пролива, а третья—обстреливает форты через полуостров с позиции в районе участка Анзак. Разница между планами Веймисса и Кийса сводилась лишь к отказу от одновременного наступления войск. От армии требовалась только энергичная демонстрация с целью удержать противника на месте и лишить его возможности усилить артиллерийскую оборону минных полей. Внезапность нападения с моря должна была, по мнению Веймисса, подействовать деморализующим образом на турок и дать в наши руки господство над проливами. Вопрос о последующих вслед за тем операциях против Константинополя Веймисс предоставлял на усмотрение Лондона.

Телеграмма преемника Де-Робека произвела в Англии сильное впечатление и высказанный им взгляд был доложен кабинету вместе с последней резолюцией Военного со-

вета. Никакого окончательного постановления относительно эвакуации сделано не было. Это было понятно. Трудно было придти к определенному решению, пока мы не достигли соглашения с Францией относительно того, что же делать с Салоникским отрядом. Мы стояли на первоначальной точке зрения, которой держались с самого начала Салоникского предприятия, и находили наиболее правильным отход Саррайля к его базе, но намерения французов оставались неизвестными.

Когда лорд Китченер 1 декабря вернулся в Лондон, он категорически высказался против продолжения Балканской авантюры, тем более, что из беседы с французским военным министром, при последнем свидании в Париже, он вынес убеждение, что Саррайль получит приказание отступать на Салоники. Английское правительство во всяком случае чувствовало за собой право напомнить своему союзнику, что с неудачей, постигшей попытку соединиться с сербской армией, наши обязательства в Салоникском вопросе кончаются и мы свободны отозвать посланные нами войска.

На следующий день прибыл Де-Робек. Оставаясь непреклонным в высказанном им мнении о бесцельности форсирования пролива, он полагал, что эвакуация Сувлы и Анзака сможет пройти успешно, но настойчиво протестовал против очищения Хеллеса, встречая в этом полную поддержку Китченера.

Между тем последние вести из Дарданелл вызывали все большие и большие сомнения. Снова разразился жестокий шторм от норд-оста, продолжавшийся беспрерывно трое суток и сопровождавшийся сильнейшим дождем, наделавший массу бед на берегу и в особенности на участке Сувла. Окопы залило, горные тропы обратились в бурные потоки, низменные места—в болота. Большинство дорог стали непроходимыми, некоторые окопы совершенно размыло. Вслед за штормом наступили жестокие холода. Глубокий снег покрыл все возвышенности, температура упала значительно ниже нуля и войска в своем летнем обмундировании нестерпимо страдали от мороза. Лазарет был переполнен больными, более двухсот человек умерло от последствий простуды.

На море шторм дал себя знать не меньше. Пристани на всем побережьи снова оказались разрушенными. В Кефало, в наиболее важном пункте предстоящей операции эвакуации, поврежденный первым штормом волнолом был разрушен окончательно. Средний из блокшивов был сорван с якорей, и волна, вкатываясь в гавань, сносила все на своем пути. Небольшой миноносец, множество мелких судов и плавучих средств выбросило на берег и

разбило. Не могло быть и речи о попытке эвакуации, пока все не будет приведено в порядок.

Все эти данные, с одной стороны, говорили за настоятельную необходимость уходить как можно скорее, с другой — указывали на неизбежность чрезвычайных затруднений, связанных с эвакуацией. В конце концов было признано невозможным вынести окончательное решение об эвакуации до нового обсуждения вопроса с французским правительством на заседании Союзного Совета, которое было назначено на 5 декабря в Кале [1]).

Наступил момент серьезного испытания единства держав Согласия. Спор главным образом сводился к тому, прекратить ли Салоникскую операцию, на которую оба правительства смотрели диаметрально противоположно. Наш генеральный штаб уже фактически начал подготовку эвакуации английских войск из Салоник для переброски их на Галлиполи. Короче говоря, в основе всего дела лежал вопрос об оставлении Дарданелл, решить который должен был британский кабинет, все еще не убежденный в неизбежности такой меры. Для Китченера идея эвакуации Галлиполи продолжала попрежнему оставаться нестерпимой. Возвратясь в Англию и узнав о готовности Адмиралтейства согласиться на план Кийса, в случае поддержки прорыва сухопутными войсками, он снова поколебался в своем мнении, к которому пришел столь неохотно на Мудросе. За три дня до заседания в Кале Китченер телеграфировал Монро, запрашивая его срочного ответа о возможности высадки в Сувле теперь же, до окончательного наступления штормового периода, четырех дивизий из Салоник и о том, насколько проектируемая мера скажется на положении дел на галлипольском фронте. В этой же телеграмме говорилось о готовности флота к крупной соединенной наступательной операции. Монро ответил, что условия местности в Сувле не дают возможности использовать артиллерийский огонь с судов, что до наступления периода дурной погоды не успеть доставить войск из Салоник и что в лучшем случае удастся лишь продвинуться вперед на несколько сот метров. Кроме того, он высказывал сомнение в возможности после наступления бурных погод вести правильное снабжение столь большого количества войск и склонен думать, что в ближайшем будущем никакие операции против турецких сообщений вдоль Булаирской дороги немыслимы. Поэтому он убежден

[1]) На заседании присутствовали Асквит, Бальфур и Китченер со стороны Англии. От Франции прибыли премьер-министр и министр иностранных дел Бриан, военный министр ген. Галлиени и морской министр адм. Лаказ. Кроме того в качестве экспертов были приглашены начальник английского генерального штаба ген. Муррей, ген. Жоффр и начальники морских и сухопутных генеральных штабов. Россия и Италия также имели своих представителей.

в неизбежности ликвидации Дарданелльской экспедиции. Однако, те лица, от которых зависело сказать последнее слово, все еще колебались, и идея переброски войск из Салоник в Сувлы не была оставлена.

Атмосфера, в которой началось заседание в Кале, не могла не быть чрезвычайно напряженной, и прения приняли весьма откровенный характер. Мы настаивали на том, что первоначальный объект Салоникской экспедиции более не существует и что мы не видим нужды оставлять 150000 человек в столь опасном положении. Французы не соглашались с нашими доводами, указывая на сохранившуюся боеспособность сербской армии, которая, по их мнению, могла быть переформирована. Подчеркивая моральные и стратегические последствия отступления с „пустыми руками", они говорили о возможности впоследствии начать на Балканах новые операции и не соглашались на эвакуацию без предварительных переговоров по этому поводу с Италией и Россией, которых уже просили принять участие в наступлении на Балканах и которые обещали свою помощь в Албании и на румынской границе. Возражение представителей Англии естественно сводились к тому, что войска нужны для защиты наших восточных владений и, если Франция требует нашей помощи на Балканах, то необходимые английские части могут быть взяты только с западного фронта. Тем не менее французы все-таки просили не оставлять Салоник совершенно. Их отступающие войска уже подходили к городу и его надо было удержать, обеспечив от возможности нападения до того момента, когда можно будет начать эвакуацию.

Совещание закончилось своего рода компромиссом. Мы заявили, что относимся с полной симпатией к взглядам нашего союзника, однако, генеральный штаб, не предрешая вопроса о возможных в будущем операциях на Балканах, считал, что оставление 150 000 войск в Салониках является в настоящий момент крайне опасным шагом, который может закончиться катастрофой. Поэтому мы не можем согласиться на удержание Салоник и хотим, чтобы заранее были приняты меры по эвакуации этого пункта. Одновременно мы считали необходимым уведомить афинский кабинет, что союзниками будут приняты все меры по охране безопасности своих войск, и заверить его, что суверенные права Греции не будут при этом нарушены. Бриан, хотя и не охотно, но согласился на выработанную нами формулу, потребовав лишь оставления за ген. Саррайлем высшего руководства операцией отступления войск и немедленного снятия с участка Хеллес всех сенегальцев и креолов, среди которых начались повальные заболевания. На оба требования французского премьера мы охотно согласились.

Один важный вопрос остался необсужденным: о возражениях против эвакуации, нежелательной с морской точки зрения, повидимому, забыли. Ничего не было сказано относительно предосторожностей против возможного использования Салоникского порта в качестве базы неприятельских подводных лодок. Соответствующее внимание было тотчас обращено Адмиралтейством с предложением оговорить, что Греция обязуется признать порт нейтральным, и если последнее ей не удастся, то первый же случай нарушения нейтралитета будет рассматриваться союзниками как *casus belli*.

Тем временем во французской главной квартире собралось другое совещание из представителей всех союзников, состоявшееся 6 декабря, по вопросу о координировании военной политики на всех театрах, которое вынесло решение о необходимости спешно организовать оборону Салоник и немедленно приступить к полной эвакуации Галлипольского полуострова. Это решение и нанесло окончательный удар величайшей в истории соединенной экспедиции армии и флота. С этого дня идея посылки подкреплений в Сувлу была окончательна оставлена. Заключение совещания было в основном принято кабинетом и сообщено в Дарданеллы.

Как и следовало ожидать, приказание об эвакуации не могло не встретить возражений со стороны тех, кто столь самоотверженно и с такой неослабной энергией вел длительную борьбу в Егейском море. 7 декабря ад. Веймисс получил уведомление, что ввиду единодушного мнения всех сухопутных авторитетов признано необходимым в целях „сокращения фронта“ эвакуировать участки Анзак и Сувла. Для адмирала и чинов его штаба, которые не переставали просить разрешения сделать еще одну попытку форсировать пролив, было особенно тяжело видеть ликвидацию своего смелого плана, тем более, что последние сведения разведки только убеждали их в правильности высказанных взглядов. Агенты доносили, что под влиянием потерь, вызванных хотя и кратковременными, но частыми атаками, турецкие войска сильно деморализованы. Солдаты стали особенно сильно падать духом после последних штормов, благодаря все увеличивающейся меткости огня с судов, удачно обстреливавших тыловые расположения воинских частей, склады, артиллерийские парки и т. п.

Не менее утешительные вести пришли и из Мраморного моря. После несчастной гибели *E-20*, командир *E-11*, продолжая крейсерство, зашел 15 ноября в бухту Бергаз и обнаружил там два больших парохода. Один был утоплен первым же выстрелом, уничтожить другой не удалось. Торпеда взорвалась под двумя шхунами, стоявшими около парохода, и последний уцелел. Одиннадцать дней спустя были замечены еще два парохода, стоявшие в бухте Артаки.

Хотя оба они укрылись в гуще фелюг, все-таки *Е-11* удачно их обстреляла, пустив на дно одного и сильно повредив другого. Первая неделя декабря была особенно богата приключениями. 2-го числа лодка пришла в залив Измид, где оставалась, следя за железнодорожным движением. Первый показавшийся поезд был обстрелян, загорелся и движение остановилось. На следующий день кап. 2 р. Насмит, выходя из залива, атаковал турецкий миноносец *Иар-Хиссар*, шедший на поиски *Е-11*. Миноносец затонул очень быстро, но все-таки удалось спасти сорок два человека, в том числе командира и пять немцев. Было совершенно очевидно, что противник весьма и весьма чувствует присутствие наших лодок в Мраморном море и что немцы, как выяснилось четыре дня спустя при захвате нового приза, строят не менее одиннадцати батарей в различных пунктах побережья специально для борьбы с лодками.

5 декабря, когда Насмит выходил на позицию для обстрела замеченного у Пандерма 5000-тонного парохода, показался миноносец. Миноносец открыл беглый огонь по лодке и начал кружиться. Выбрав подходящий момент, когда миноносец скрылся за противоположным бортом парохода, Насмит с расстояния 60 фут выпустил торпеду прямо в середину своей жертвы. Последовал сильнейший взрыв и пароход скрылся под водою. Следующая встреча с противником произошла недалеко от Галлиполи. Встреченное посыльное судно оказало упорное сопротивление. Насмит бросил противника лишь тогда, когда последний с большими пожарами в носу и на корме приткнулся к берегу у Мраморного острова.

10 декабря *Е-11* встретилась с *Е-2*, только что вошедшей в Мраморное море. *Е-2* осталась в западной части моря, а *Е-11* пошла в Босфор, где утопила еще один большой пароход в то время, когда он шел из Золотого Рога в Хайдар-Паша.

Все старания противника поймать лодку не удались и 23 декабря, ловко избежав таранного удара, командир благополучно вернулся в Дарданеллы, пробыв в крейсерстве сорок семь дней.

Задача прекратить неприятельские морские сообщения к этому времени фактически была решена. Командир *Е-11* узнал от пленных с одного из своих призов, что в Мраморном море оставалось только три больших парохода, из которых к концу крейсерства им было утоплено два, и что результаты деятельности английских лодок заставили немцев построить обходную железнодорожную ветку для перевозки войск и боевого снабжения из Узун-Купру (на линии Адрианополь—Константинополь) в Кавак, расположенный в вершине залива Сарос. Из Кавака снабжение шло грунто-

выми и шоссейными дорогами через Булаир на Галлипольский полуостров. Однако и здесь турецкие сообщения оставались под угрозой. После нескольких разнообразных, но неудачных попыток разрушить Кавакский мост, *Agamemnon*'у, *Endymion*'у и монитору *M-33* удалось 2 декабря разбить три центральных пролета моста и так изрыть дорогу снарядами, что всякое движение по ней в этом направлении прекратилось.

Вся обстановка внушала Веймиссу твердую уверенность в возможности оказать армии необходимую поддержку и сулила успех внезапному нападению флота. Адмирал и его штаб нисколько не сомневались, что задача изолировать турецкую галлипольскую армию вполне достижима; телеграмма об эвакуации явилась для них тяжелым сюрпризом.

Состоявшаяся отправка судов для усиления Дарданелльской эскадры и принятые меры по подготовке переброски войск из Салоник в Дарданеллы заставляли всех думать, что правительство согласилось с доводами штаба командующего эскадрой. Решение начать эвакуацию представлялось Веймиссу совершенно непонятным тем более, что и Монро в конце концов признал свое заблуждение и заявил о готовности всемерно поддержать новую наступательную операцию. Командующий эскадрой и его ближайшие помощники отказывались верить, что необходимость эвакуации диктуется требованиями стратегии. Им казалось, что сухопутные авторитеты как будто окончательно склоняются к мысли, что выиграть войну можно лишь „убивая немцев“ („killing germans“), что в свою очередь достижимо только на главном театре. Для людей, которые никогда не оставляли надежды нанести крупный стратегический удар на Ближнем Востоке, подобный взгляд на ведение войны представлялся „банкротством руководящей военной мысли“ („bankruptcy of leadership“). К тому же этот взгляд совершенно игнорировал флот, как таковой, и его способность усиливать мощь армии. Невозможно было не протестовать и Веймисс отправил в Лондон пространную телеграмму, пытаясь доказать, сколь неразумны соображения, на которых, как он понимает, базируется вынесенное решение.

„Это решение“, писал адмирал, заставляет придти к заключению, что Англия может победить Германию лишь при условии, что будет „действовать одной рукой“, или иначе говоря воевать только на суше. Флот остается в стороне. Сухопутный генеральный штаб не учитывает роли морских сил, что видно хотя бы потому, что он, разрабатывая план обороны Египта, не принял во внимание значение морских орудий, хотя после февральской попытки вторжения в Египет и Дарданелльских операций опыт показал, насколько

успешно морская артиллерия нащупывает сухопутные батареи противника". Кроме того, Веймисс указывал, что теперь, когда война ведется на „истощение противника", ничто так не усилит сопротивляемость Англии, как открытие Черного моря и укрепление нашего положения в Азии и Египте, потому что только таким путем можно выбить Турцию из австро-германского блока. На правильность подобной политики указывают и германские цели войны, которые несомненно сводятся к захвату азиатских рынков.

Доводы Веймисса остались безрезультатными. Адмиралтейство было вынуждено ответить, что предложенный адмиралом план представляется слишком опасным и что оно не может взять на себя риск операции, неуспех которой может привести к катастрофическому падению морского престижа Англии и только усилит наши затруднения на Востоке. Поэтому Адмиралтейство отказывалось санкционировать новую попытку форсировать пролив одним только флотом. Продолжать настаивать на удержании участков Сувлы и Анзака Адмиралтейство также не могло, будучи вынуждено уступить единодушному мнению подавляющего большинства сухопутных авторитетов и требованиям обстановки, сложившейся в Салониках.

Эвакуация Хеллеса в план не входила, и это обстоятельство, по мнению Адмиралтейства, давало некоторую надежду на возможность в будущем частично осуществить намерения командующего эскадрой.

12 декабря Веймисс, подтвердив получение ответа на свою последнюю телеграмму, сообщил, что рассчитывает произвести эвакуацию Сувлы и Анзака в ночь с 19 на 20 декабря и с 20 на 21 декабря, но принимает приказание с „крайним огорчением и смотрит на будущее с тревогой и сомнением".

По мере хода подготовительных работ тревога адмирала усиливалась и 14 декабря он счел себя вынужденным сообщить в Лондон, что компромиссное решение временного удержания участка Хеллес может привести к тому, что этот участок окажется в чрезвычайно опасном положении после эвакуации Сувлы и Анзака. Несмотря на затишье в операциях, число только раненых достигало ежедневно нескольких сот человек, и оставление всего северного района, который, как и северная часть Ачи-Баба, всегда был открыт обстрелу батарей азиатского берега, грозило неимоверно увеличить число жертв. Иначе говоря, если мы не сможем захватить Ачи-Баба раньше, чем турки перевезут туда освободившиеся орудия или же немцы поспеют подвезти снаряды и установить свои гаубицы, Хеллеса нам не удержать.

Веймисс был вполне готов поддержать атаку Ачи-Баба, но считал, что она должна иметь место лишь в том случае, если будет решено удержать эту позицию надолго, так как без владения Ачи-Баба преимущества, которые получит флот от удержания Хеллеса, не окупятся потерями армии. Будучи твердо убежден в действительности судового огня, он не сомневался в успехе соединенной атаки.

За последние два месяца вера в силу судовой артиллерии среди сухопутных войск возросла значительно и горячим сторонником поддержки с моря являлся начальник участка Хеллес ген. Девис. Разделяя мнение Монро относительно эвакуации и нежелательности новой попытки захвата Ачи-Баба, он после небольшой удачной операции, выполненной 15 ноября при поддержке мониторов и крейсеров типа „Edgar", изменил свое мнение и 4 декабря представил подробный доклад с указанием тех судов, которые необходимы для атаки этой позиции.

Таким образом, адм. Веймисс имел более, чем достаточно, оснований ходатайствовать о соединенной атаке Ачи-Баба и настаивать, что ее захват не является чисто сухопутным вопросом. При условии, что операция начнется немедленно, он нисколько не сомневался в успехе и просил не откладывая приступить к ее осуществлению. В заключение Веймисс писал, что Ачи-Баба несомненно является ключем всей позиции, овладение которой даст нам то, чего мы добивались с самого начала. Не говоря уже о том, что с захватом Ачи-Баба удержание Хеллеса не составляло бы труда, мы получали бы в свои руки необходимый наблюдательный пункт, а следовательно, возможность корректировать стрельбу кораблей, т.-е. достигали устранения тех трудностей, которые помешали успеху первой попытки форсировать пролив. В случае, если не будет разрешено попытаться овладеть господствующими высотами, надлежит начать эвакуацию Хеллеса пока эвакуация еще возможна.

Прав ли был адм. Веймисс или нет, судить не будем, но его проект обеспечения безопасности участка Хеллес имел мало шансов на успех. Больное место многих прежних соединенных операций армии и флота и на этот раз дало себя почувствовать. Взгляды морских и сухопутных начальников на роль кампании оказались в полном противоречии. Будучи главнокомандующим всеми экспедиционными силами Средиземного моря, генерал Монро пробыл на Мудросе лишь неделю и после кратковременного посещения всех участков Галлипольского фронта отбыл в Салоники. Хотя он и находился в наилучших отношениях с Веймиссом, отсутствие непосредственной связи между морскими и сухопутными командованиями не могло не сказаться на согласованности общих взглядов.

Приехав 14 декабря в Салоники, Монро в тот же день получил из Англии телеграмму, посланную Веймиссом в Адмиралтейство, копия которой ему была уже только что вручена. Текст его ответной телеграммы в Лондон был следующий: „В своей телеграмме адмирал Веймисс подвергает обсуждению вопрос чисто сухопутного характера относительно обстановки на участке Хеллес и настаивает на немедленной атаке Ачи-Баба. Я не разделяю взгляда адмирала".

Категорическое заявление ген. Монро заканчивалось указанием, что несмотря на желательность захвата Ачи-Баба, чтобы улучшить положение войск, он не может произвести подобную операцию за малочисленностью имеющихся в его распоряжении сил.

Столь решительно высказанное мнение, однако, не уладило спора. Разногласие между морскими и сухопутными начальниками не потеряло своей остроты и членам кабинета министров пришлось, как это часто бывает, самим решать важный военный вопрос, по которому приглашенные в качестве экспертов лучшие морские и сухопутные авторитеты не могли придти к взаимному соглашению.

Однако, не одна только эта помеха стояла на пути окончательного решения кабинета. Салоникский вопрос тоже все еще оставался открытым. Несмотря на совещание в Кале, постановление которого казалось не оставляло места для сомнений, французы явно высказывали свое недовольство. На совещании во французской главной квартире в Шантильи, последовавшем, как мы знаем, после совещания в Кале, члены совещания, и в том числе представители, России, Италии и Сербии настаивали на удержании Салоник. Русский император лично телеграфировал королю Георгу, поддерживая вынесенное решение, а французы сделали официальное представление о необходимости пересмотреть постановление совещания в Кале. При таких обстоятельствах не легко было сказать, что же делать дальше. В Париже нарастало недовольство, которое не только вызывало опасение нового падения французского кабинета, но и грозило распадением Антанты. Положение было настолько серьезно, что было решено отправить в Париж министра иностранных дел Грея и лорда Китченера, на которых и возлагалась миссия объяснить французскому правительству взгляд Англии и не уезжать оттуда, пока не будет достигнуто полного взаимного понимания.

Атмосфера во французской столице оказалось в достаточной степени накаленной. Но как только наши представители заявили, что, не взирая на право Англии, согласно последнего совещания в Кале, вывести свои войска из Салоник немедленно, мы не только не делаем этого, а наоборот, посылаем еще одну дивизию, чтобы обеспечить от-

ход войск Саррайля,—горизонт быстро прояснился. Бриан выступил в палате депутатов с декларацией и разъяснил положение, указав, что Англия отнюдь не собирается бросать своих союзников, а идет гораздо дальше данных первоначально обещаний. Кризис разрешился, но мы оказались скованными на неопределенный срок авантюрой, которой искренно не сочувствовали и которая чрезвычайно усложняла задачу обороны Египта.

Весьма возможно, что беспокойство за судьбу Египта не соответствовало истинному положению вещей, но февральское вторжение все еще стояло перед глазами местных военных начальников, а на западной границе Египта появился новый призрак опасности. Ливийской пустыней владели арабы секты сенусси — фанатики мусульмане враги европейцев. За последние годы эта организация значительно окрепла и явилась фактором, с которым не могли не считаться итальянские власти в Киренаике и представители нашего правительства в Каире. Как те, так и другие, отлично сознавали, какую опасность представляет германская агитация и пропаганда идей панисламизма среди арабов этой секты. С некоторого времени арабы стали проявлять признаки брожения, и хотя волнения носили религиозный характер, но было совершенно очевидно, что они поддерживается извне. Подобное явление, конечно, вызывало беспокойство, которое особенно усилилось с появлением неприятельской подводной лодки *U-35* у Соллума[1]). Соллум защищался ничтожным гарнизоном войск пограничной охраны, находился в расстоянии двухсот миль от железной дороги и был связан с Александрией лишь цепью слабых береговых наблюдательных постов. Сообщения с Соллумом фактически поддерживались только морем. Охрана сообщений, вследствие необходимости сосредоточить все противолодочные средства в восточной части Средиземного моря, ограничивалась присутствием на побережьи четырех вооруженных дозорных пароходов. Дозор был разделен на два района—восточный с базой в Александрии, и западный—с базой в Соллуме. Восточным районом заведывал кап. Вильямс, только что прибывший со своим судном *Tara* из Ирландского моря и получивший инструкции действовать совместно с судами итальянского дозорного отряда. Италия находилась в войне с арабами сенусси и установила наблюдение за Соллумским заливом с целью воспрепятствовать проникновению к противнику контрабанды. Это вполне соответствовало нашим желаниям, так как, хотя сенусси и не находились в войне с Англией, но постоянно

---

[2]) Соллум находится на берегу Сев. Африки, на границе итальянской Киренаики. *Ред.*

угрожали Соллуму, сосредоточивая в его районе крупные силы. Укрытые в засадах арабы постоянно обстреливали город, и кап. Вильямс получил приказание каждый день заходить в порт на случай, если понадобится эвакуировать гарнизон.

Рано утром 5 ноября п/х *Tara* под командой Вильямса вышел в обычный рейс, но не доходя порта был атакован подводной лодкой и, взорванный торпедой, быстро затонул. Семидесяти человекам удалось сесть в шлюпки, взятые на буксир лодкой. Шлюпки были отведены в итальянский порт Бардия, захваченный арабами, а пленные переданы турецкому коменданту. Отсюда лодка вернулась в Соллум, где утопила стоящую на якоре канонерку египетской береговой охраны. Неожиданно появившийся подводный противник оказался *U-35*, той самой лодкой, которая две недели тому назад взорвала в Салоникском заливе транспорт *Marquette*. Нападения лодки имели случайный характер, истинное же ее назначение было другое.

Выйдя из Салоникского залива в условленное рандеву в залив Сарос, она получила здесь приказание идти в Будрум и взять там германо-турецкую военную миссию и запас боевого снабжения для доставления в Бардия. Приняв десять германских и турецких офицеров и взяв на буксир два парусника, нагруженных снарядами, *U-35* через три дня пришла по назначению, потопив по дороге английский пароход и неудачно атаковав транспорт *Japanese Prince*, шедший с войсками из Александрии в Салоники. Канонерка *Jonquil* с одиннадцатью траулерами немедленно вышла на поиски лодки, но безуспешно.

В результате воздействия немцев арабы 15 ноября напали на Соллум. Гарнизон удержался; однако, надо было считаться с тем фактом, что Сеннуси начали против нас военные действия, и сделать из него соответствующие выводы. Движение среди арабов могло разростись и, следовательно, приходилось считаться с возможностью вторжения со стороны Палестины, о чем уже ходили слухи. Поэтому были приняты меры для немедленного устранения появившейся угрозы, пока она не разрослась до более опасных размеров. План сводился к сосредотечению соответствующих сил у поста Марса-Матру на пол-пути между Александрией и Соллумом, куда 23 ноября отошел Соллумский гарнизон. В этот же день началась доставка морем в назначенный пункт главных сил экспедиционного отряда. Адмирал Пирс не имел в своем распоряжении ничего кроме траулеров и перевозка шла очень медленно. Дать необходимую охрану он также не мог и обратился за помощью к Де-Робеку, который выслал на помощь канонерскую лодку *Clematis* и шесть траулеров.

Необходимость отправить трауллеры и *Clematis* поставила Де-Робека в очень затруднительное положение, так как организованное немцами вторичное нападение подводных лодок на наши сообщения в Средиземном море как раз находилось в полном разгаре.

3 ноября прошла незамеченной через Гибралтар еще одна лодка—*U-38* и на высоте Альборана атаковала транспорт *Mercian*. Нападение началось с артиллерийского обстрела, но так как ожидалось, что лодка выпустит торпеду, были вызваны „все наверх". Среди столпившихся на палубе солдат и команды парохода началась паника, и капитан был вынужден сам стать к штурвалу. В суматохе без его разрешения спустили несколько шлюпок, из которых две перевернулись. Обстрел продолжался целый час, при чем одним из первых выстрелов снесло за борт радио-сеть и транспорт лишился возможности вызывать суда Гибралтарского дозора. Искусным маневрированием капитан удачно избежал потопления, а затем, когда у штурвала его сменил один из солдат, он навел на палубе порядок и открыл по лодке пулеметный огонь. Лодка сразу прекратила стрельбу и скрылась. Потери на *Mercian* составляли 52 раненых и 23 убитых офицеров и солдат, не считая 22 солдат, 1 офицера и 8 человек пароходной команды, погибших на шлюпках. Оставив *Mercian*'а, *U-38* пошла по назначению и, несмотря на присутствие на алжирском побережьи французских дозоров, уничтожила там целый ряд коммерческих судов, принудив на двое суток приостановить отправку транспортов.

В важном средиземноморском районе немецкие лодки наделали не меньше бед. Кроме *U-35*, потопившей пароход *Tara*, здесь оперировали *U-34* и *U-33*. За ноябрь месяц все три лодки произвели пятьдесят два нападения, уничтожив сорок пароходов. Из числа потопленных вооружено было только три парохода, из числа же избежавших гибели—двенадцать. Эти цифры ясно говорили, что наилучшим ответом на подводную кампанию немцев является вооружение коммерческих пароходов. Недостаток миноносцев не давал возможности формировать конвои, а противолодочные дозорные суда и суда-ловушки пока что особенного успеха не имели. По счастью, когда к концу ноября потребовалось сосредоточить для эвакуации Сувлы все наличные вспомогательные суда и плавучие средства, деятельность лодок снова замерла. 7 декабря перевозка 4 500 человек в Марса-Матру, доставка которых производилась только в ночное время, закончилась и отряд был готов начать операцию.

События на западной границе Египта составляли не единственную причину для беспокойства. Если теперь нам и представляется, что в то время значение этих событий

переоценивали, то не следует забывать, что в декабре 1915 г. положение Англии на Востоке было сильно поколеблено. Нам был нанесен новый жестокий удар и никто не мог сказать, что сделать, чтобы поскорее от него оправиться.

Попытка захватить Багдад закончилась крахом. 5 октября ген. Тауншенд, преследуя турок, отступающих от Кута, остановился в Aziziya и там получил приказание готовиться к возможному наступлению дальше. 23 октября план командующего экспедиционным корпусом ген. Никсона был утвержден, но Тауншенд смог начать наступление лишь месяц спустя. Вода в реке все спадала, условия речного транспорта с каждым днем ухудшались и доставка необходимого снабжения сильно затянулась. Турки за это время оправились и подготовили сильную позицию в восемнадцати милях ниже Багдада. У Ктесифона был наведен прекрасный понтонный мост, концы которого соединялись с двумя рядами окопов, тянувшихся по обоим берегам реки. К 21 ноября отряд Тауншенда, в составе четырех пехотных бригад и одной бригады кавалерии, сосредоточился на большой Багдадской дороге. По дороге до позиции было пять миль, но по реке, которая здесь круто загибалась,—десять. Флотилия состояла из новой канонерки, постройки завода Ярроу—*Firefly*, канонерки *Comet*, катеров *Shaitan* и *Sumana* и четырех десантных ботов с 4,7" морскими орудиями, буксировавшимися пароходами *Shushan* и *Messoudieh*. Кап. 2 р. Нунн оправился от болезни и 22 ноября, в тот день, когда Тауншенд начал наступление, вступил в командование флотилией.

План, разработанный Тауншендом, почти не отличался от того, который столь успешно был применен при захвате Кута: главные силы отряда должны были обойти фланг позиции под прикрытием демонстративной фронтальной атаки, поддержанной флотилией. Однако, флотилия могла здесь сделать очень немного, т. к. высокие берега реки закрывали цели и ее артиллерия была вынуждена молчать. Наступающие батальоны быстрым натиском захватили первую линию окопов и собирались штурмовать вторую, но флотилия не смогла подняться до следующей извилины реки. На правом берегу наших войск не было и установленная там неприятельская батарея безнаказанно обстреливала слабые канонерки, которые не могли с ней состязаться. Таким образом, когда турки, отбивая захваченные окопы, перешли в контр-атаку, флотилия оказалась не в состоянии оказать им существенного сопротивления.

После упорного боя, Тауншенд был вынужден отойти в исходное положение, потеряв почти треть своего отряда. Здесь он оставался до 25 ноября, отправляя раненых и пленных, после чего решил отступить, считая, что турки

получили значительные подкрепления. В течение недели флотилия день и ночь прикрывала отход всего речного транспорта, выполняя исключительную по трудности работу. Если плавание вверх по реке, покрытой бесчисленными отмелями и отличавшейся исключительно быстрым течением, составляло достаточно сложную задачу, то обратное плавание было во много раз тяжелее. Баржи, пароходы и другие плавучие средства чуть ли не ежечасно садились на мель, загораживая движение для всех идущих позади. Судам флотилии приходилось беспрерывно их стаскивать, находясь под ружейным огнем укрытых в засадах арабов, симпатии которых всегда были на стороне победителя. Измученные войска отступали крайне медленно; тем не менее флотилия с транспортными судами едва-едва поспевала за ними. 26 ноября отряд Тауншенда достиг своего старого лагеря Aziziya. В этот день *Comet* и *Shaitan*, несколько отставшие, сели на мель. *Comet* удалось быстро стащить, но *Shaitan* крепко зарылся в ил и не двигался с места. Целый день *Comet*, *Firefly* и *Shushan* бились, пытаясь отбуксировать его на чистую воду, но безуспешно. Укрытые на берегу арабы, не переставая, обстреливали суда, сильно мешая работе. Когда к ним начали подходить авангардные части турок, ген. Тауншенд по просьбе начальника флотилии выслал кавалерию и она их рассеяла. Снять *Shushan*'а так и не удалось и он был брошен. 30 ноября, после двухдневного отдыха, отступление возобновилось. Войска отошли еще на восемь миль и стали бивуаком у Umm-At-Tubal. Флотилия с остальными судами стала на якорь напротив. Ночью турки обстреляли расположение войск и хотя в скором времени прекратили огонь, но было совершенно ясно, что отступающей колонне не уйти от преследования.

С рассветом перед флотилией открылась совершенно неожиданная картина. В расстоянии около мили, к северу от нашего расположения, раскинулся турецкий лагерь. Вследствие отсутствия кавалерии и необходимой разведки, противник оказался в весьма опасном положении и его ошибка тотчас была использована. Полевая артиллерия немедленно открыла огонь по густым массам турецких войск, флотилия не замедлила присоединиться и весь лагерь быстро обратился в тучу пыли и взлетающих в воздух палаток. Под прикрытием артиллерийского огня и демонстрации пехоты наши войска снялись с бивуака, а транспортные суда быстро подняли якоря и пошли вниз по течению. Турки сильно пострадали и не могли преследовать. Колонна Тауншенда временно была спасена, но флотилия перестала существовать. Пока канонерки обстреливали лагерь, полевые батареи турок выехали на удобную позицию, откуда смогли

обстреливать анфиладным огнем канонерки, стоявшие за извилиной реки. В *Firefly* попал снаряд в котел и он окончательно вышел из строя. Начальник флотилии на *Comet* быстро подошел на помощь и взял его на буксир, но слабые машины ничего не могли сделать, и оба судна сели на мель под левым берегом, по которому наступали турецкие части. *Sumana* тоже попытался помочь, но успел только снять людей в тот момент, как турки уже открыли ружейный огонь по палубам. Свое дело погибшие канонерки все-таки сделали и войска без дальнейших помех 3 декабря достигли Кута. Здесь к отряду Тауншенда присоединились еще две новые канонерки *Butterfly* и *Cranefly*, но они вместе с транспортными судами и кавалерией были отправлены дальше вниз по реке.

9 декабря Кут был обложен противником.

Итак, вместо громкого успеха, который должен был парализовать моральные последствия оставления нами Галлиполи, мы оказались перед лицом еще одной крупной неудачи. И в случае невозможности быстро освободить Тауншенда эта неудача грозила разразиться катастрофой. Поэтому на настойчивые повторные требования французского правительства предоставить транспорты для Салоник, британское правительство могло лишь ответить (15 декабря), что оно вынуждено первые же освободившиеся пароходы послать для перевозки в Персидский залив последней индийской дивизии, находящейся еще во Франции.

ГЛАВА XII.

Эвакуация Галлиполи.

Карта 6.

Разногласия относительно удержания участка Хеллеса все еще продолжались, а эвакуация участков Сувлы и Анзака была уже в полном ходу.

Как мы уже знаем, эта операция вызывала большие сомнения и рассматривалась всеми как чрезвычайно опасная. По масштабу и условиям, при которых операция происходила, она являлась совершенно небывалой.

Предстояла задача снять с побережья, открытого обстрелу неприятельской артиллерии и не имеющего безопасных естественных гаваней, 90 000 человек и 200 орудий и погрузить их на транспорты под носом у противника, окопы которого отстояли от наших окопов не более как на 600-900 метров. Все это приходилось делать в период бурных погод вводах, открытых нападению подводных лодок, а, следовательно, с соблюдением тайны, т.-е. ночью.

Трудно себе представить другую подобную операцию, которой бы грозила такая масса непредвиденных случай-

ностей и успех которой зависел как от дисциплины и выдержки всех чинов армии и флота до последнего солдата и матроса, так и от точности выполнения разработанного плана и налаженности штабной работы на берегу и на эскадре. Многие из участников этой сложной работы смотрели на эвакуацию как на ненужную жертву и гибель всех достижений, однако, все же они выполнили ее блестяще. Можно смело сказать, что эвакуация явила собою непревзойденный за время войны пример удачных соединенных действий армии и флота.

Необходимым условием успеха была абсолютная секретность операции, почему и разработка ее была поручена самому ограниченному числу морских и сухопутных офицеров, посвященных в планы высшего командования. Как только стало известным о возможности эвакуации, состоялся ряд совместных совещаний особых комиссий морского и сухопутного штабов, на которых было решено разделить операцию на три периода. В первый период—«подготовительный»—надлежало эвакуировать те войска, лошадей и запасы, без которых можно было обойтись на время зимней кампании, в случае, если будет решено оставаться на Галлиполи до весны. Эта работа была закончена к 10 декабря, когда адм. Веймисс получил определенные приказания относительно полной эвакуации, после чего были погружены на транспорты 10 000 человек слабых и больных, главным образом, жертв наступивших холодов[1]).

Следующий—„промежуточный"—период предусматривал эвакуацию людей, лошадей и орудий, ненужных для тактической обороны позиций на время последнего периода, который, как предполагалось, займет от двух до семи дней, в зависимости от погоды. Таким образом, в последний период на фронте оставались лишь арьергардные части и передовые санитарные отряды. Количество их не должно было превышать то число, которое флот мог перевести в течение двух ночей. Вопрос сводился к числу имеющихся плавучих средств, пригодных для перевозки войск, однако, все наличное количество их не могло быть сразу использовано полностью, так как адм. Веймисс считал необходимым держать одну треть в резерве на случай аварий, могущих произойти в случае бурной погоды или от действий противника.

Считаясь с необходимостью вывести орудия, на каждом участке можно было оставить не более 20 000 человек, в то время как турки имели от 80 000 до 100 000 штыков. При таких условиях положение наших арьергардов было очень трудное, тем более, что поддерживать их могла лишь артил-

[1]) Число обмороженных достигало 3 700 человек.

лерия с судов. Организовать поддержку с моря составляло не легкую задачу. Всякое необычное движение на эскадре возбудило бы подозрение противника, а весь успех зависел от того—удастся ли усыпить его бдительность. Необходимость соблюсти именно это условие заставляла отказаться от мысли произвести в каком нибудь пункте побережья демонстрацию и поэтому всякие демонстративно-наступательные операции были запрещены. Исключение составлял лишь участок Хеллес. Только здесь предполагалось в последний день произвести операцию, подобную той, которая имела место 15 ноября, и начальник участка ген. Девис просил несколько усилить отряд кап. 1 р. Дента, командовавшего в этом районе судами поддержки. На остальных участках как на берегу, так и на море все должно было итти заведенным порядком.

В течение „промежуточного“ периода днем, как обычно, ежедневно свозились на берег лошади, мулы и грузы, и повозки двигались с берега на фронт и обратно. Обстановка отличалась от обычной лишь тем, что после полуночи по возможности избегали стрельбы, дабы приучить турок к якобы наступившей у нас пассивности. Кроме того было решено не держать у побережья никаких судов, кроме входивших в состав постоянных отрядов поддержки. Суда, назначенные для усиления этих отрядов, должны были подойти лишь в последние дни „промежуточного“ периода, но оставаться вне видимости противника. Места их стоянки назначались на острове Имброс, Кефало и Алики, при чем воздушным силам поручалось держать специальный дозор с целью не допустить обнаружения мест стоянки судов турецкой воздушной разведкой.

Подобное расположение судов давало надежду, что судовая артиллерия сможет заменить собою соответствующие полевые батареи. Вопрос сферы огня каждого из кораблей был тщательно разработан совместно с сухопутными начальниками. А для более успешной корректировки судового огня командиры полевых батарей и дивизионов были распределены по эскадрам. Обусловленная помощь флота соответствовала характеру данного участка. В районе Анзака, где неприятельские окопы подходили к берегу сравнительно близко, задача упрощалась. Здесь горы спускались к самому морю и не составляло труда быстро прикончить всякую попытку неприятеля преследовать до наступления рассвета отступающие части. Суда могли в любой момент открыть боевое освещение и противник, ослепленный лучами прожекторов, не мог не пострадать жестоко. В бухте Сувла приходилось отходить на равнине шириною в 2—3 мили. Свет прожекторов мешал бы не только туркам, но и нашим войскам, и в случае, если бы противник оказался вплот-

ную к последним, от огня судов пострадали бы обе стороны. До известной степени эти недостатки искупались конфигурацией берега, которая давала возможность судам выбрать удобные фланкирующие позиции и прикрывать отход войск анфиладным огнем. Кроме того на участке Сувла было достаточно места и для устройства прикрывающих позиций.

Главные места посадки находились на северном и южном мысах бухты, при чем для удобства эвакуации начальник участка ген. Бинг разделил свои войска на две приблизительно равных группы, отделенные друг от друга Соленым озером. Первая оборонительная линия для обеих групп тянулась от озера к морю, при чем для северной группы она проходила через „возвышенность 10“, а для южной—через гору „Чоколетт“. За ними шла вторая оборонительная линия и,наконец, третья, непосредственно прикрывающая места посадки. Для северной группы—ген. Феншау—предназначалась хорошо оборудованная гавань внутри Гази-Баба, вблизи мыса Сувла, через которую до сих пор шло все снабжение войск, высаженных в Сувле. Для южной—ген. Моода—побережье с внутренней стороны мыса Нибрунези, а для его правофланговых частей—небольшой пляж снаружи бухты. Войска на участке Анзак, отступлением которых распоряжался ген. Годлей, не располагали такими удобствами и им надо было садиться в открытой Анзакской бухте и на побережьи севернее Ари-Бурну. Берег не давал возможности устроить здесь несколько оборонительных линий и главную роль в успехе отступления играла действительность судового огня.

Была надежда, что для анзакцев не понадобится прикрывающих позиций, так как согласно плана окопы должны были заниматься до последней минуты, а людей предполагалось выводить постепенно, небольшими группами. Не приходится, конечно, говорить, какой выдержки и сознательной дисциплины требовал успех подобного дела, связанный с необходимостью не возбудить подозрений противника.

Работы промежуточного периода предполагалось произвести в течение десяти дней с расчетом закончить эвакуацию в два приема в ночь с 19 на 20 и с 20 на 21 декабря. Необходимость исправить повреждение волнолома в Кефало не позволяла назначить более раннего срока. Однако, опасения, что погода может испортиться, заставило поторопиться и не ждать присылки блокшива для заделки образовавшегося пролома. Было решено вместо блокшива затопить пароход, груженный углем. 13 декабря работа по установке и затоплению парохода закончилась, что дало возможность выиграть двадцать четыре часа. Это оказалось чрезвычайно важным, так как через два дня опять задуло от норд-оста,

и если бы волнолом оставался открытым—промежуточный период затянулся бы еще на сутки.

К 17 декабря, благодаря героическим усилиям флота и войск, первая часть эвакуации была выполнена. Погода, за исключением последних двух дней, стояла великолепная. Море было как зеркало; луна светила тускло и не давала возможности противнику видеть происходящее на море, но в то же время значительно облегчала работу судов. В течение восьми ночей на окружающие острова было свезено 44 000 человек, сто тридцать орудий, 3 000 лошадей и мулов, не считая большого количества боевых и других запасов[1]). Перед рассветом каждый раз уничтожались все следы эвакуации; утром побережье и дороги принимали обычный вид, и неприятель не трогался с места. На берегу все еще оставалось 40 000 человек с 65 орудиями и запасами на четверо суток на случай, если дурная погода не позволит их снять ранее этого срока.

Эти 40 000 являлись тем максимумом, доставку которого флот мог гарантировать в течение двух суток при использовании всех наличных плавучих средств. Число необходимых крупных и мелких судов, не считая гребных шлюпок, достигло в общей сложности около ста штук. Шлюпок, а тем более офицеров, нужных для столь сложной операции, конечно, не хватало и Веймисс потребовал помощи с эскадры адм. Фрименталя, стоявшей на острове Милос для наблюдения за Пиреем на случай, если потребуется оказать решительное давление на Грецию в целях обеспечения безопасности отхода войск Саррайля[2]).

Из всей массы собранных судов первыми пришли два разоруженных старых линейных корабля *Mars* и *Magnificent* с большим транспортом *Huntsgreen*; втроем они могли поднять 6 000 человек. С Мудроса они вышли в последнюю минуту и пришли на Имброс вместе с 14 пароходами-паромами и вооруженными буксирными пароходами. Каждый из паромов и буксиров мог принять 1000-1500 человек. Главная работа по снятию войск с берега и доставке их на транспорты возлагалась на моторные лихтеры, применявшиеся столь успешно во время высадки в Сувле. Адм. Веймисс имел теперь в своем распоряжении 30 таких лихтеров, из которых 10 были отправлены в Сувлу, а 10—в Анзак. Остальные 10, с несколькими другими мелкими вспомогательными судами, составляли резерв в Кефало. Лих-

---

[1]) Перевозкой были заняты шесть небольших пассажирских пароходов-паромов, тринадцать моторных лихтеров, десять грузовых ботов для перевозки лошадей, орудий и запасов и несколько паровых катеров.

[2]) Эскадра состояла из трех линейных кораблей, одного крейсера, двух мониторов, двух канонерок, четырех миноносцев и двух сетевых заградителей.

ПОБЕРЕЖЬЕ БУХТЫ СУВЛА
ВО ВРЕМЯ ЭВАКУАЦИИ
мелководье
подводные рифы
масштаб
0
100
200 фут
„PINA“ затопленный блокшив заменявший брекватор
боты для лошадей
понтоны для погрузки лошадей на боты
3 двойных понтонных моста для погрузки тяж. артиллерии и грузов автомобилей.
понтоны для погруз тяж артил., обозн. фургонов и автомобилей.
моторн. лихтера стоящ. носом к берегу.
лихтеры для круп. грузов
лихтеры для мелк. грузов
полож. более крупн. пароход на котор. грузились войска, лошади и мулы.
2 вод. бота (на якор.) и понт. мост покрытый досками для погрузки войск и лошадей *
пристань
декавилька к интендант. складам и арт. паркам.
блиндажи для берегов. рабочих партии
возвышенная часть поперечная с блиндажами
положение небольших пароходов на которые грузились войска
„FIERAMOSCA“ затопленный блокшив заменявший брекватор и служивший пристанью
положение моторных лихтеров на которые грузились войска
затопл. деревян. лихтер.
затоплен землечерпалка служивш. пристанью для шлюпок
сигнальная станция
дорога, которой пользовались саперы при производстве подрывных работ и для доставки песка и друг. материал. для устройства пристаней.
* Выдерживали 18 фунтов орудия по которым их катили и затем грузили прямо на стоящий рядом неб. пароход.

Карта 6.

теры должны были снимать людей прямо с пристаней, устроенных в главных пунктах посадки, но фланговые части садились к северу и югу от этих пунктов и туда было отправлено 28 гребных шлюпок и 25 паровых катеров. Из этого числа паровых катеров 20 пришло с Мудроса в последний день промежуточного периода. Кроме всех вышеперечисленных судов и плавучих средств имелось 15 трауллеров, из которых пять с тремя буксирными пароходами оставались в резерве в Кефало, а остальные делились поровну между Сувлой и Анзаком. На них возлагалась обязанность следить, чтобы гребные шлюпки и моторные лихтеры в темноте попадали к соответствующим транспортам, и помогать им в случае какой нибудь неожиданности.

Трудно себе представить всю сложность работы сухопутного и морского штабов. Приходилось строго согласовывать время прибытия отдельных частей на побережье с движением шлюпок и предусмотреть тысячи всяких мелочей. Одним из главных условий успеха являлась налаженность службы связи как на берегу, так и на море, которая должна была обслужить не только непосредственно эвакуацию, но и удовлетворить требованиям корректировки судового огня, в случае, если потребуется помощь судов поддержки.

Вопрос связи был разрешен следующим образом: все, касающееся управления огнем, должно было передаваться по радио, остальное же — по телефону. Последнее условие, конечно, усложняло работу на море, так как суда были вынуждены соблюдать величайшую осторожность, чтобы становясь и снимаясь с якоря не порвать телефонных кабелей. Один конец кабелей соединялся с телефонными станциями на берегу, а другой был проведен на бочки, к которым должны были подойти канонерские лодки с корпусными командирами.

Такое устройство давало возможность начальникам, руководившим посадкой, быстро перейти туда, где их присутствие могло оказаться необходимым. В распоряжение ген. Годлея была дана канонерка *Heliotrope*, ген. Бинга — канонерка *Peony*. Адмирал Веймисс и ген. Бердвуд перешли на миноносец *Arno*. Посадкой на участке Анзак распоряжался командир крейсера *Bacchante*, кап. 1 р. Бойль, находившийся на канонерке *Honeysuckle*. В Сувле руководили операциями с канонерки *Anemone*, кап. 1 р. Корбетт, а судами поддержки командовал командир *Cornwallis*'а, кап. 1 р. Давидсон.

К утру 18 декабря приготовления закончились; все находились на своих местах, готовые двинуться по назначению. Неприятель не обнаруживал никаких признаков, дающих повод думать, что он догадывается о предстоящем.

Погода попрежнему не оставляла желать лучшего и хотя наступившая на море тишина продолжалась уже десятые сутки, закат солнца не вызывал никаких опасений.

Ровно в 6 ч. 45 м. вечера моторные лихтеры подошли к пристаням, а транспорты и пароходы двинулись к назначенным якорным местам. Для Анзака наступил весьма тревожный момент. Несмотря на легкие облака, заволакивающие луну, казалось невероятным, чтобы такой большой корабль, как *Mars*, мог подойти и стать на якорь в десяти кабельтовых от берега, не привлекая внимания турок. Южная часть побережья Анзака все еще оставалась открытой анфиладному огню батарей Оливковой рощи, с которыми мы так и не справились, а на вершине Габа-Тепе противник несомненно имел наблюдательный пункт для корректировки своего огня. Поэтому были приняты все меры для быстрого подхода судов поддержки, а кап. 1 р. Бойль поставил у Габа-Тепе миноносец *Rattlesnake* с приказанием открыть прожекторное освещение с целью ослепить турок, занимающих наблюдательный пункт. Такая мера оказалась, повидимому, вполне действительной. Первая группа войск подошла к пристаням точно к приходу лихтеров и в 8 ч. 25 м. вечера *Mars*, приняв 2000 человек, уже снялся с якоря На берегу все было спокойно и тишину нарушал лишь довольно жаркий обстрел с Габа-Тепе *Rattlesnake*'а. Однако, он не уходил и лишь временно прекращал освещение, чтобы переменить место, когда снаряды начинали ложиться слишком близко, затем снова его открывая. Под прикрытием луча прожектора, лихтеры (прозванные солдатами „жуками“) делали рейс за рейсом, не ожидая у пристани ни одной лишней минуты. Войска ни разу не опоздали и каждый раз подходили во-время. Кругом царила мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая непродолжительным треском пулеметов. Генерал Годлей прибыл в середине ночи с берега на *Heliotrope*, но телефонная связь не ладилась и из опасения пользоваться световыми сигналами всю передачу приказаний пришлось вести через ординарцев, отправляемых на шлюпках. Однако, это осложнение не помешало. Все шло с точностью часового механизма и в 5 ч. 25 м. утра 19 декабря последние назначенные части оставили берег.

В бухте Сувле начальник участка генерал Бинг оставался на берегу, установив телефонную связь со своим штабом, перешедшим на канонерку *Peony* и под его руководством эвакуация шла не менее успешно. Неприятель привык к тому, что большие суда входили в загражденную сетями бухту. Риск обнаружить свои планы был здесь меньше, а условия посадки войск были значительно проще. Места было гораздо больше; войска подходили к двум

сборным пунктам, имея за собой оборонительную позицию. Отсюда партиями по 400 человек они отправлялись к лихтерам. Побережье оставалось свободным, что было особенно важно, так как кроме 20 000 человек этого сектора надлежало вывести все оставшиеся орудия и предметы снабжения. Тяжелые орудия, за исключением одного, удалось отправить раньше, но оставалось еще 2 противовоздушных орудия, 30 полевых пушек и 4 гаубицы, около ста повозок, несколько автомобильных и лазаретных фур и 250 лошадей и мулов. В течение подготовительного периода набережные и пристани все время исправлялись и к финалу эвакуации оказались настолько хорошо оборудованными, что даже крупные пароходы могли в тихую погоду швартоваться у затопленных блокшивов.

Непосредственно посадкой войск руководили кап. 1 р. Корбетт и бывший командир знаменитого *River Clyde*'а кап. 2 р. Унвин. Корбетт находился на канонерке *Anemone*, а Унвин—на берегу, и дело шло в образцовом порядке. Так же, как и на участке Анзак, эвакуация началась в 6 ч. 45 м. вечера. Отходившие части прибывали к сборным пунктам в точно назначенное время, сейчас же переходили на побережье и быстро отправлялись оттуда на *Magnificent* и другие транспорты, вошедшие в бухту. Линейные корабли *Cornwallis*, *Prince Ceorge* и остальные суда поддержки отряда кап. 1 р. Давидсона стояли в полной боевой готовности. Комендоры были вызваны к орудиям и корабли, могли по первому требованию немедленно открыть огонь. Но помощь их не потребовалась. В 3 ч. 30 м. утра 11000 человек и почти половина всех орудий находились уже в пути на Мудрос и в Кефало. С рассветом все суда исчезли из виду и нигде не оставалось никаких следов происшедших событий. Первая ночь прошла совершенно гладко, без каких бы то ни было инцидентов.

Исключительный успех ночной операции, не стоивший ни единой капли крови, превзошел все ожидания. Трудно были рассчитывать, чтобы и следующая ночь прошла столь же благополучно, тем более, что появились некоторые признаки возможности перемены погоды. С восходом солнца все взоры с тревогой устремились на турецкие позиции, но противник не проявлял никаких признаков активности и лишь усилил артиллерийский огонь, что всегда делал по воскресеньям.

Днем снаряд попал в одну из южных пристаней в бухте Сувла, но австралийские понтонеры быстро исправили повреждение. Огонь турок сосредоточился, главным образом, по нашим передовым окопам. Если противник и заметил, что либо, то несомненно вывел заключение, что мы высадили подкрепления и готовим новое наступление. С передовой

линии было видно, как турки усиливают проволочные заграждения, и слышался шум работы саперов. Вскоре после полдня пришло донесение о появлении неприятельской колонны, двигавшейся со стороны центрального плоскогория по направлению участка Анзак. Затем неожиданно раздался сильный взрыв в районе Хеллеса и все кругом задрожало от канонады судовой артиллерии. Замеченная колонна рассеялась. Генерал Девис начал демонстративное наступление против турецкого правого фланга, взорвав в 2 ч. 15 м. дня фугасы, заложенные между равниной Гулли и высотой „Стрелковый холм". Под прикрытием огня полевых батарей и артиллерии судов, войска выскочили из окопов и кинулись вперед. По просьбе начальника участка, отряд поддержки, состоявший из трех крейсеров типа „Edgar" и миноносцев, был усилен мониторами *Abercrombi*, *Sir Thomas Picton* и *Raglan* и стрельба его оказалось настолько успешной, что атака удалась блестяще. Все отчаянные контр-атаки турок не удались, и наши части повсюду удержали захваченные окопы, за исключением участка у „Стрелкового холма", где взорванный фугас сделал недостаточно глубокую воронку.

С заходом солнца стрельба стихла. Надо было приступать к следующей ночной операции, а налицо были явные признаки перемены погоды, которые все видели, но о которых никому не хотелось даже говорить. Море все еще оставалось спокойным; почти полная луна взошла в облаках, туман сырой пеленой покрывал берег. Для предстоящей работы нельзя было желать лучших условий, но они могли каждую минуту перемениться и этот мучительный вопрос был на уме у каждого. Приготовления к эвакуации ничем не отличались от сделанных в прошлую ночь. Одновременно с подходом транспортов пришел крейсер *Chatham* с адм. Веймиссом и ген. Бердвудом, и приход судов, как и накануне, не вызвал никакого движения неприятеля.

Ровно в 6 ч. 45 м. вечера лихтеры подошли к пристаням, войска не заставили себя ждать, и посадка началась. Восемь орудий, оставшихся в южном секторе участка Сувла, были доставлены к мысу Нибрунези и в полночь погружены вместе с орудиями, оставшимися в северном секторе. Последние две пушки ген. Моода были увезены с позиций в 8 ч. вечера, после чего поддержать остатки корпуса ген. Бинга в критическую минуту могли уже только суда. Орудия оставались лишь на участке Анзак. Там не представлялось возможности устроить прикрывающих позиций и было решено оставить четыре 18-ти фунтовки, две 5″ гаубицы и одно старое 4,7″ морское орудие. Эти пушки должны были стрелять до последней минуты, а затем быть испорчены и брошены.

Все шло прекрасно. К 8 часам вечера, когда на берегу уже не оставалось артиллерии, а большие транспорты ушли и лихтеры направились за следующей партией войск, наступил последний критический момент. Казалось, совершенно невероятным, чтобы неприятель не воспользовался счастливым для себя случаем. Однако, томительные минуты шли, а никаких тревожных признаков не наблюдалось. Окончательный успех операции зависел от выдержки последней горсточки людей, еще занимавших окопы. К полночи у ген. Феншау оставалось в передовой линии не более 600 человек, а у ген. Моода 200 в окопах и 350 на тыловой позиции. Нервы у людей были настолько напряжены, что не только отходившие солдаты, но даже и на местах посадки все говорили шопотом.

Войска на берегу все таяли и таяли, лихтера безмолвно наполнялись и отваливали, а обстановка на фронте оставалась прежней. Госпитальные палатки, стояли как и раньше, десятки солдат, все еще сидевшие в окопах, поддерживали огонь бивачных костров и делали все, чтобы создать впечатление обычной картины. Из окопов торчали винтовки. К спусковым крючкам винтовок были привязаны жестяные банки, в которые капала вода, и как только жестянка наполнялась, винтовка стреляла. В окопах были разложены подрывные патроны с зажженными бикфордовыми шнурами различной длины, чтобы создавалась иллюзия, будто стрельба одиночных стрелков продолжается. Повсюду, где только можно, были вырыты волчьи ямы, и заложены фугасы, а ходы сообщения перетянуты колючей проволокой.

В 1 ч. 30 м. ночи последние люди должны были оставить окопы и двигаться к берегу.

В Сувле посадка второй партии, начавшаяся в 9 ч. 45 м. вечера, закончилась и началась эвакуация третьей партии. По мере уменьшения войск на берегу опасность могущей произойти катастрофы уменьшалась, но все еще стоял мучительный вопрос, что случится, если турки обнаружат передовые окопы пустыми и начнут обстрел побережья. В этом отношении участок Анзак вызывал особенно сильное беспокойство; здесь передовая линия нашего фронта подходила почти вплотную к турецким окопам и кроме того побережье находилось под огнем грозных батарей Оливковой рощи.

Ровно в 1 ч. 30 м. ночи последние люди вышли из передовых окопов, а в течение двух последующих часов были покинуты и все сторожевые посты, расположенные в тылу позиции. Тишина ночи нарушалась лишь автоматическими выстрелами из оставленных винтовок. Прошло еще несколько минут, после чего раздался оглушительный взрыв. Саперы австралийского корпуса взорвали минную галлерею, подведенную под турецкие окопы.

Только теперь турки подняли тревогу, сразу открыв ураганный огонь по всей линии оставленного нами фронта. Стрельба неприятельской артиллерии окончательно замаскировала отход последних шлюпок и в 4 ч. 15 м. утра был сделан сигнал: „Анзак очищен". Минут через пятнадцать все было кончено и в Сувле. На берегу оставалось лишь 100 человек. В 5 ч. 30 м. 20 декабря отвалили и они вместе с генералом Бингом и кап. 2 р. Унвином.

Итак, невозможное совершилось. Анзак и Сувла были эвакуированы, при чем операция не стоила нам ни единой человеческой жизни. В Сувле, за исключением ничтожного количества интендантских запасов и снарядов, не вывезенных раньше, на случай, если бы эвакуация задержалась, не осталось ничего. В руки неприятеля не попало ни одного орудия, ни одной лошади, ни одной фуры.

В Анзаке в этом отношении дело обстояло менее благополучно. Там условия погрузки были несравненно тяжелее, почему пришлось бросить и поджечь довольно большие запасы ценного провианта и фуража, не говоря уже о тех орудиях, о которых упоминалось выше.

Часть судов поддержки получили приказание остаться и артиллерийским огнем докончить разрушение пристаней, приткнувшихся к мели лихтеров и береговых складов. К началу рассвета лишь они одни вырисовывались на тусклом фоне побережья. Транспорты, миноносцы, трауллеры, пароходы, шлюпки и прочие мелкие суда исчезли и только горящие склады говорили о том, что произошло ночью. Картина пожара заставила, наконец, турок и их германских руководителей очнуться, но даже и теперь они не вполне уразумели истину и открыли огонь по окопам, повидимому, желая показать, что не поддаются обману и смотрят на случившееся, как на маскировку, различные виды которой практиковались раньше.

К турецкой артиллерии присоединился крейсер *Theseus* и свидетелям последних событий представилась удивительная картина обстрела одной и той же цели обоими противниками.

В скором времени окончательно рассвело, и противник понял все. На участке Анзак турки вышли из окопов и сначала редкими цепями, а затем густыми колоннами двинулись вперед. *Theseus* и *Grafton* прекратили стрельбу, а затем открыли огонь фугасными снарядами. Последовавшее избиение явилось последним аккордом блестяще законченной операции. Начиная с ночи на 10 декабря было свезено с Галлипольского полуострова почти что на глазах у неприятеля 63 048 офицеров и солдат, 186 орудий, 1695 конных повозок, 21 автомобильная фура и 4695 лошадей и мулов, а число жертв ограничивалось шестью ранеными солда-

тами. Чтобы судить о моральном значении того, что удалось сделать, достаточно сказать, что в Средиземноморских госпиталях было заготовлено 30000 мест для раненых.

Успех небывалой операции превзошел все ожидания и не имел прецедентов в прошлом, при чем выполнена операция была действительно во-время. Днем 20 декабря ветер зашел к югу, начало быстро свежеть, и к заходу солнца заревел жестокий шторм. Трудно сказать, что могло произойти, если бы не удалось ускорить эвакуацию на сутки. Если считать, что счастье сыграло главную роль, то надо признать, что счастье это было обязано золотому правилу Нельсона „не терять задувшего ветра",—правила твердо усвоенного как Веймиссом, так и Бердвудом.

Перед командующими эскадрой все еще оставался открытым вопрос о Хеллесе. В течение предварительного периода эвакуации, он не переставал отстаивать свой взгляд, противоположный мнению ген. Монро, который продолжал утверждать, что захват Ачи-Баба не повлияет на положение на южном участке и не может быть произведен наличными силами. Адмирал Веймисс не соглашался, что удержание Хеллеса есть вопрос чисто сухопутный, справедливо указывая, что его удержание тесно связано с делом снабжения, а, следовательно, с операциями на море. Кроме того, Веймисс отказывался понимать, почему ген. Монро не придает серьезного значения захвату Ачи-Баба в то время, как все остальные старшие сухопутные начальники в Дарданеллах соглашаются, что эта возвышенность является ключем позиции всего южного района. С морской точки зрения овладение Ачи-Баба давало нам и то преимущество, что освобождало от необходимости поддерживать опасное в зимний период времени воздушное наблюдение. Суда могли бы стоять вплотную к побережью Гулли, в противном же случае, после прибытия тяжелых германских батарей, они были вынуждены держаться на таком расстоянии, с которого уже не могли бы оказывать никакой поддержки войскам. В заключение адмирал Веймисс вновь повторял, что в случае, если правительство разделяет взгляды ген. Монро, эвакуация участка Хеллес должна последовать немедленно.

Ген. Монро приходилось разрешать не одну только проблему Хеллеса. Салоникский вопрос и вопрос обороны Египта тоже все еще оставались в прежнем неопределенном положении, с тою лишь разницей, что по ним главнокомандующий не мог высказать своего окончательного мнения, пока для него остаются невыясненными намерения правительства.

На посланный по этому поводу запрос он получил сообщение, что в данный момент предполагается временно удержать Салоники, но в виду того, что план русской главной квартиры развернуть крупное наступление со стороны Сало-

ник признан невозможным, есть надежда отозвать оттуда наши войска в будущем, если только Франция не встретит к тому препятствий. Кроме того, ген. Монро ставился в известность о решении усилить оборону Египта. Галлипольские войска требовали отдыха, поэтому необходимые подкрепления в составе восьми пехотных дивизий, восьми кавалерийских бригад и двух отдельных пехотных бригад должны были быть высланы из Англии, как только освободятся необходимые для их перевозки транспорты.

Телеграмма, извещавшая об этом Монро, была отправлена ему 18 декабря, а уже через три дня он получил приказание возвратиться во Францию. В то время, как шла эвакуация, в составе высшего сухопутного командования произошли крупные перемены. Генерал Френч был отозван в Англию и главнокомандующим на западном фронте был назначен командующий первой армией ген. сэр Дуглас Хейг. На должность последнего назначался Монро, а на должность главнокомандующего на Ближнем Востоке—ген. сэр Арчибальд Муррей с пребыванием его в Египте. На ген. Муррея возлагалась задача обороны Суэцкого канала, а находившемуся в Каире ген. Максвелю поручалась охрана безопасности и спокойствия внутри страны. В командование войсками, оставшимися в Дарданеллах, вступил ген. Бердвуд, при чем как он, так и начальник Салоникского отряда, подчинялись ген. Муррею. Итак, мы видим, что Египет в глазах английских стратегов занял свое естественное, центральное место в нашей деятельности на Ближнем Востоке.

В тот же день адм. Веймисс получил предложение вступить в командование Ост-Индской эскадрой, в район действия которой входили воды Египта. Предложение было им принято. Приказ о новом назначении Веймисса вступал в силу 11 января; до своего отбытия ему надлежало выделить для Суэцкого канала отряд в составе двух линейных кораблей, крейсера и четырех мониторов, с тем, чтобы они прибыли туда к 4 января [1]).

Командование в Египте считало, что к концу января противник сможет сосредоточить на подступах к каналу от двухсот до трехсот тысяч человек, и эти соображения легли в основу вновь разработанного плана защиты Египта. К востоку от канала тянулись на восемь миль в глубь пустыни три линии оборонительных позиций, соединенных железнодорожными ветками легкого типа и водопроводом. Отсюда

---

[1]) В состав отряда вошли л. к. *Cornwallis* и *Glory*, мониторы *Roberts*, *M-15*, *M-31* и крейсер *Euryalis*. Вследствие эвакуации Хеллеса, мониторы остались в Дарданеллах. Командующий Ост-Индской эскадрой адм. Пирс был сменен, так как истек его трехлетний срок командования.

при поддержке флота и авиации предполагалось действовать по наступающему противнику, не давая ему возможности сосредоточиться.

На западной границе Египта наши войска только что нанесли арабам сусси серьезный удар со стороны Марса-Матру, но без дальнейших подкреплений и помощи флота не были еще в состоянии вернуть Соллум. Однако, было очевидно, что последнее решение имперского правительства относительно усиления обороны Египта связано с более широким планом. Идея сводилась к крупной наступательной операции через Палестину и Сирию, которую уже давно лелеял Китченер, но которой противились французы.

Таково было общее положение дел, когда 23 декабря состоялось заседание Военного Совета, посвященное вопросу эвакуации Хеллеса. Министры, входившие в состав Совета, оказались в исключительно трудном положении. Сухопутные авторитеты категорически настаивали на эвакуации, моряки же, как выяснилось в течение заседания, стояли за удержание Хеллеса. Отпуск адм. Де-Робека окончился и он уехал в Дарданеллы, будучи твердо убежден в важном значении для флота южного участка. Мнение же Веймисса, о необходимости немедленной эвакуации Хеллеса в случае, если Ачи-Баба не будет взята, было неверно истолковано и Совет понял, что адмирал изменил свой взгляд. На телеграмму, посланную Де-Робеку с просьбой объяснить непонятную непоследовательность взглядов командующего эскадрой—ответа еще не последовало, и Совет, находясь под неверным впечатлением, что Веймисс согласился с мнением Монро и высказался за эвакуацию, несмотря на все доводы против подобной меры, изложенные Де-Робеком в бытность его в Лондоне.

Постановление Совета могло войти в силу лишь после окончательного его утверждения кабинетом и поэтому в Дарданеллы была послана телеграмма с приказанием разработать план оставления Хеллеса, но не предпринимать никаких шагов, могущих помешать его удержанию в случае, если решение изменится.

Как только постановление Совета было передано кабинету, пришла и ответная телеграмма Де-Робека, объясняющая недоразумение. Первейшее условие успеха соединенных операций армии и флота—непосредственная личная связь между сухопутными и морскими начальниками—было нарушено и последствия этого упущения были налицо. Монро, как телеграфировал Де-Робек, понял, что Веймисс, высказываясь против Хеллеса, однако, не считает, что морские интересы оправдывают риск, связанный с оставлением войск на этом участке. Конечно, такое объяснение не соответствовало действительности, но как бы там ни было ответ самого

Де-Робека не вызывал никаких сомнений. Он вновь подтверждал высказанный им ранее взгляд, что, если армия может удержать оконечность полуострова, Хеллес должен быть удержан. Телеграмма заканчивалась сообщением, что адмирал немедленно отправляется в Кефало, чтобы выслушать мнение Бердвуда, который через два-три дня вступал в командование всеми войсками, остававшимися в Дарданеллах. На следующее утро (25 декабря) пришла телеграмма, в которой Де-Робек сообщал, что как Бердвуд, так и Девис считают возможным удержать Хеллес и что они назначили в Кефало совещание с адмиралом Фрименталем для выработки плана обороны южного участка. Кроме того Де-Робек указывал, что турки оживленно обстреливают южное побережье, как бы ожидая повторения сюрприза, имевшего место в Сувле и Анзаке, и что во всяком случае эвакуацию нельзя начинать, пока они не успокоятся. Телеграмма заканчивалась словами: „Я лично считаю, что морские интересы безусловно требуют удержания Хеллеса".

Последние попытки установить общность мнений морских и сухопутных начальников потерпели неудачу.

27 декабря Де-Робек получил телеграмму первого лорда Адмиралтейства, в которой последний „с величайшим огорчением" сообщал, пока еще конфиденциально, о решении кабинета эвакуировать Хеллес. На следующий день было получено официальное приказание приступить к эвакуации и разрешение до окончания операции не отправлять отряда, выделенного для усиления эскадры, находящейся в водах Египта.

Для историка при наличии уверенности, что решение Галлипольского вопроса действительно соответствовало истинному положению всей военной обстановки, невозможно последовательно проследить шаг за шагом, что именно послужило причиной этой „агонии нерешительности".

Тактические перспективы Дарданелльской операции заслонялись двумя весьма могущественными обстоятельствами. Первое заключалось в том, что ген. Монро и сухопутный генеральный штаб не верили в возможность усилить мощь армии, выделив часть сухопутных сил для совместной работы с флотом, и желали полного ее сосредоточения во Франции. Второе же, по всей вероятности, было связано тяготением Китченера к Востоку, который видел выход из положения в активных операциях со стороны Египта. Оба эти соображения, будучи прямо противоположны друг другу, тем не менее сыграли фатальную роль в Галлипольском вопросе и повлияли не только на судьбу Дарданелльской кампании. Как то, так и другое влекли за собою требование как можно скорее оставить Салоники и прекратить Багдадскую авантюру. Подтверждением последнего служит тот

факт, что как раз в это время в Индию было послано приказание немедленно после освобождения осажденного в Куте отряда ген. Тауншенда отступить и занять оборонительные позиции в районе Басры.

В момент получения приказа об оставлении Хеллеса, вызвавшего такое разочарование и огорчение на эскадре, план эвакуации был почти готов. Однако, моряки до последней минуты все еще надеялись, что он не будет осуществлен. Обладая более широким взглядом, они отлично сознавали все то, что влечет за собой этот приказ, и видели дальше тех людей, которые были скованы континентальной доктриной, родившейся во Франции и Германии. Морская мысль привыкла считаться с нашим богатым прошлым опытом и моряки твердо верили, что Британская Империя создалась и окрепла только благодаря тесному боевому содружеству морских и сухопутных сил.

Теперь же связь флота с армией нарушалась и действия их отныне принимали совершенно самостоятельный характер.

План эвакуации Хеллеса мало отличался от плана эвакуации Сувлы и Анзака и тоже делился на три периода. Предварительный период, в момент получения последнего приказа, уже закончился. На полуострове оставалось 37 500 человек, 142 орудия, 4 200 лошадей и мулов и свыше 1 900 повозок, не считая артиллерийских парков и крупных запасов интендантского снабжения, собранных на случай зимней кампании [1]). Предстоящая операция была значительно труднее предыдущих. Неприятель несомненно чего-то ожидал и усилил деятельность своей артиллерии и воздушных сил. Количество его тяжелых батарей явно увеличивалось, а побережье наших главных участков высадки оставалось открытым обстрелу азиатских батарей. Погода держалась неустойчивая, время штормов приближалось. Поэтому работы, предусмотренные промежуточным периодом, начались 29 декабря с расчетом закончить их 8 января, а в ночь с 8 на 9 января и с 9 на 10 января намечалось снять последние остатки десанта.

Необходимость закончить операцию 10 января подсказывал опыт наблюдения за погодой, которая по всем признакам должна была к этому сроку перемениться к худшему. Французские войска были эвакуированы в течение промежуточного периода, дабы не осложнять вопроса командования в критическую минуту. Таким образом, за две последние ночи предстояло снять 22 000 офицеров и солдат и со-

[1]) Приведенные в этой главе цифры касаются только английских войск.

рок орудий. 7 000 человек должны были быть перевезены в первую ночь и 15 000 во вторую.

На обоих участках „W“ и „V“ к моменту эвакуации имелись настоящие гавани. Волноломами служили блокшивы, но обе гавани были открыты южным ветрам и последний шторм поломал пристани. У Седд-ул-Бахра все еще стоял знаменитый *River Clyde*, соединенный теперь с берегом молом, образующим внутренний бассейн гавани. На другом конце побережья французы продолжили волнолом, затопив большой транспорт, а позади него—старый линейный корабль *Massena* [1]). На побережьи „W“ имелась подобная же гавань, но менее укрытая, с пятью хорошими пристанями. У западной пристани были утоплены два итальянских парохода, защищающие две следующие пристани от северных и западных ветров.

Снаружи западного берега находились три остальных пункта высадки, открытые ветрам от всех румбов. Ближайшим к левому флангу фронта было побережье Гулли, затем шло побережье „X“, а между ним и мысом Текке находилось побережье, получившее название „Bakery“. Ни одним из этих побережий нельзя было пользоваться даже при слабых южных, западных и северных ветрах.

Работы по восстановлению повреждений, нанесенных штормом, шли весьма интенсивно и к началу помежуточного периода все пристани были в исправности. Само собой разумеется, что успех дела всецело зависел от соблюдения тайны предстоящей операции, но сохранить эту тайну было очень трудно. На берегу накопилось громадное количество запасов, лошадей, мулов; чтобы выиграть время, пришлось грузить лихтеры днем и работа постоянно прерывалась „любопытством“ неприятельских воздушных аппаратов. Однако, и это осложнение не удалось обойти. Как только в воздухе появлялся „таубе“, картина быстро менялась. Повозки, направлявшиеся к пристаням, поворачивали обратно, а с лихтеров начинали выводить лошадей и выгружать груз. Воздушной разведке турок не оставалось ничего другого как доносить, что мы укрепляем наши позиции и усиливаем подвоз, повидимому, для зимней кампании.

Погода все время вызывала беспокойство. До нового года было сравнительно тихо и каждую ночь свозили от 2 000 до 3 000 человек, эвакуируя за это время все французские части, но оставив французские орудия, которые мы обещали уничтожить в последнюю минуту. Французские окопы заняла морская дивизия и сильно потрепанная в Сувле

---

[1]) *Massena* был корабль в 12 000 тонн, построенный в 1895 году; когда он лег на грунт, получился брекватер длиной почти в 2 каб. Из Тулона его привели на буксире.

XXIX дивизия, а пострадавшую во время последней демонстративной атаки XLII дивизию сменили две бригады ген. Моода, богатые опытом удачной эвакуации первых двух участков. 2 января сильно засвежело и погода не стихала сутки, но так как дуло от норд-оста, ветер не мешал работе на двух главных побережьях. К утру 4 января фронт оставило еще 6 300 человек с сорока двумя орудиями [1]).

Эвакуация затруднялась непрекращающимся обстрелом турецких батарей, однако действие неприятельской артиллерии было сильно ослаблено, благодаря новой организации отрядов поддержки, находившихся под общим командованием адмирала Фрименталя. Непосредственно судами поддержки командовал кап. I р. Дент, при чем его отряд в течение промежуточного периода умышленно не был усилен, чтобы не вызывать подозрений. Для поддержки левого фланга находились *Edgar*, *Theseus*, монитор *Abercrombie* и два миноносца *Scorpion* и *Wolverine*. Против азиатских батарей действовали пять остальных мониторов, известных под названием „эскадры островов Раббит". В распоряжении самого Фрименталя стояли на Имбросе в резерве линейные корабли *Hibernia* (флаг) и *Russell*, крейсер с противоминными утолщениями *Grafton* и два монитора *Raglan* и *Havelock*. Помощь этих судов не потребовалась, так как отряд кап. I р. Дента оказался совершенно достаточным, чтобы доминировать над турецкими батареями, стрельба которых в конечном результате приносила ничтожный вред. В этом отношении все шло гладко, но появились опасения другого рода.

В течение 4 января весь день держалась ясная, тихая погода, к вечеру же стало быстро свежеть, а к ночи разыгрался шторм от норд-оста. Было очевидно, что разработанный план может сорваться, и надо срочно принимать какие-то меры, так как никак нельзя было рассчитывать, чтобы к финалу операции две ночи подряд будет тихо.

С 15 000 человек и сорока орудиями ген. Девис мог бы продержаться лишние двадцать четыре часа, но все говорило за то, что погода задержит его дольше. Линия его фронта тянулась на восемь миль и он считал необходимым оставить 17 000 человек с пятидесятью орудиями. Таким образом, вопрос сводился к тому, чтобы перевести остатки десанта не в две ночи, а в одну. Сделать это, конечно, было не легко, тем более, что заведующий посадкой войск в Хеллесе кап. I р. Ставелей пришел к заключению о необходимости при существующих условиях погоды отказаться от

[1]) За три ночи удалось свести 7 700 человек, включая в это число рабочие команды, набранные из греков, тридцать четыре орудия и 9 миллионов ружейных патронов. Перевозка лошадей сильно задержалась из-за столкновения *Suffren*'а с самым большим транспортом, который он потопил в ночь на 31 декабря.

пользования открытыми западными участками побережья и сосредоточить погрузку целиком в южных гаванях. Однако, он все-таки считал возможным перевести все войска и грузы в одну ночь, если только еще будут предоставлены лишние перевозочные средства и найдено место для лихтеров у пристаней.

6 января Ставелей отправился на побережья „V“ и „W“, чтобы посоветоваться с военным инженером полковником Карей, который, устраивая пристани, буквально творил чудеса, и они нашли выход из положения. В волноломах-блокшивах были сделаны проломы для входа лихтеров, а сами блокшивы соединены с пристанью № 1, благодаря чему войска прямо с берега могли проходить на блокшивы, так что не надо было подводить лихтера к пристаням, у которых и так было достаточно тесно. Во французской гавани эта работа не встретила затруднений, но в гавани побережья „W“ между блокшивом и пристанью № 1 имелся промежуток, который надо было заполнить и навести понтонный мост. Устроить такой мост пытались еще и раньше, но все попытки терпели неудачу. Волной мост срывало. Теперь же параллельно мосту затопили пароход, о который волна разбивалась, не доходя моста, и он удержался. Стихнувшая погода облегчила работу и к утру 7 января все было кончено. Совещание в штабе ген. Девиса одобрило все мероприятия, сделанные кап 1 р. Ставелей, при чем коммодор Кийс предложил, чтобы миноносцы швартовались непосредственно у блокшивов, благодаря чему отпадала необходимость увеличить число лихтеров. Де-Робек согласился на назначение лишних шести миноносцев и Бердвуд утвердил решение закончить эвакуацию в одну ночь.

С 6 на 7 января были свезены 3 000 человек, шесть орудий, 1 200 лошадей и громадное количество грузов. Закончиться операция должна была, если только погода позволит, в ночь с 8 на 9 января. Все меры, принимавшиеся для отвлечения внимания турок во время эвакуации северных участков, повторились и теперь, и противник, пока что, не проявлял никаких признаков подозрительности. Но невольно вставал вопрос, не откроется ли обман в течение ближайших сорока восьми часов. К утру 7 января в распоряжении Девиса оставалось не более 19 000 штыков при сорока девяти орудиях и в случае, если бы турки опомнились и пошли в атаку,—трудно было сказать, чем все могло кончиться. К этому времени бомбардировка побережья и обстрел наших окопов усилились, неприятельские летчики все чаще и чаще появлялись в воздухе, сторожевые турецкие посты зашевелились и было видно, что противник обеспокоен.

Тем не менее утренние часы прошли сравнительно спокойно и хотя тревога естественно усиливалось, казалось,

что опасность миновала. Как вдруг в 11 ч. 30 м. турки неожиданно открыли ураганный огонь. Окопы, занятые морской дивизией сильно страдали от огня азиатских батарей, но еще хуже приходилось XIII дивизии, занимавшей окопы на левом фланге. Сильно обстреливались также XXIX и LII дивизии, находившиеся в центре. Никогда еще галлипольские войска не испытывали подобной бомбардировки и те, кто бывал на западном фронте, говорили, что бомбардировка не отличается от той, которой наши войска подвергались во Франции. Бомбардировка продолжалась свыше трех часов, но к 3 часам стала ослабевать. В это время турки взорвали мину у высоты „стрелковый холм" и в неприятельских окопах заблестели штыки. В 4 часа артиллерийский огонь затих и нашим людям было видно, как турецкие офицеры выскочили из окопов, пытаясь увлечь за собою солдат. Но старания их остались тщетными и атака не удалась. Только у „Стрелкового холма" противнику удалось перейти в наступление, но наш меткий ружейный огонь быстро загнал турок в окопы. Суда поддержки с успехом заменили отсутствующую на участке полевую артиллерию. Крейсера, мониторы и миноносцы засыпали фугасными снарядами турецкие позиции и своим анфиладным огнем наносили страшные потери турецкой пехоте, собранной в тылу.

Выдержать подобное избиение противник не мог и в 5 ч. вечера все закончилось. Линия нашего фронта нигде не была прорвана. Потери ген. Девиса не превышали 160 человек, потери же турок несомненно были громадны.

За эту ночь благодаря хорошей погоде, удалось эвакуировать 2 300 человек, 9 орудий и около 1 000 лошадей. На берегу оставалось еще 500 лошадэй, 1 590 повозок и значительные интендантские склады, свести которые было трудно без риска задержать операцию еще на сутки. К утру 8 января у ген. Девиса оставалось ровно 17 000 человек и сорок орудий. Этому незначительному отряду приходилось удерживать фронт длиною в 8 миль, но начальник участка, ободренный последней неудачей турок, не сомневался в своих силах.

По мере приближения критического дня, результаты неудавшейся атаки становились очевиднее. Противник израсходовал массу снарядов, повидимому, пал духом и обстреливал побережья очень вяло. Барометр держался хорошо и сулил тихую погоду. Днем задул легкий южный бриз, угрожая в случае засвежения задержкой, но около 5 ч. стихло и адмирал Де-Робек сделал сигнал „продолжать операцию". Суда отряда кап. 1 р. Дента уже стояли на позиции весь день, поддерживая огонь по батареям противника, эскадра Фриментля вышла из Кефало. Крейсер *Grafton* и мониторы *Raglan* и *Havelock* стали на якорь на назначенных местах,

откуда они могли лучше всего оказать поддержку войскам, если таковая потребуется, а линейные корабли *Hibernia* (флаг) и *Russell* прошли к Габа-Тепе, где и крейсеровали, чтобы с рассветом, если представится случай, обстрелять продольным огнем неприятельские окопы.

На берегу все обстояло в порядке. Перед каждой гаванью, на тех высотах, которые так дорого достались нам в дни первой высадки, были оборудованы укрепленные позиции, и днем они были незаметно заняты назначенными частями. 600 человек XXIX дивизии заняли позицию на побережьи „W", а 400 человек морской дивизии на побережьи „V". Войска покидали окопы в три очереди, при чем последние группы были самыми малочисленными на тот случай, если шлюпки потерпят аварию и их не хватит. Первые группы собирались позади позиций между 7-ью и 7 ч. 30 м. вечера, и как только они прибыли на место, ген. Девис сдал командование на берегу начальнику LII дивизии ген. Лоренсу, а сам переправился на предоставленную в его распоряжение яхту *Triad*, которая уже установила телефонную связь с гаванью. Ровно в 8 ч. вечера все перевозочные плавучие средства находились на своих местах и посадка началась. На побережьи „V" у *River Clyde*'а ошвартовались четыре трауллера и один бот для перевозки лошадей; у двух других блокшивов стали шесть моторных лихтеров. По мере наполнения они отваливали, доставив на два транспорта 2 000 человек морской дивизии и 1 200 человек LII дивизии. Все шло с точностью часового механизма одинаково хорошо в обеих гаванях и почти одновременно с отправлением первой группы с побережья „V", с побережья „W" отправилось 4 000 человек XXIX и XIII дивизий. Здесь у дальнего блокшива, у его внутренней стороны, стоял небольшой пароход *Ermine*, а с другой стороны миноносец *Lawfort*. Миноносец *Lydiard* держался на готове занять место *Ermine*, как только последний закончит прием войск. Ветер, хотя и не сильный, разводил в гавани порядочное волнение; понтонный мост грозило сорвать и его пришлось поставить на добавочные якоря, взятые с лихтеров. Около часа мост держался и войска без задержки проходили на волнолом, но к 9 ч. вечера ветер усилился и начались затруднения. В 10 ч. 15 м. как только отвалил *Ermine*, *Lydiard*, несмотря на волну, ошвартовился у блокшива, но пользоваться мостом уже не было возможности и миноносцу пришлось принимать войска с лихтеров.

Тем временем, несмотря на то, что оставалось только два палубных лихтера, здесь же удалось погрузить семь 18-фунтовок, и одну 5″ гаубицу вместе с запряжками, а также одну зенитную пушку с автомобильной тягой. На побережьи „V" к 10 ч. 30 м. вечера закончилась погрузка

четырнадцати английских орудий и всех 75 мм французских.

В 11 ч. вечера подошли суда за вторыми группами: *Mars* стал у побережья „W“, а *Prince George* у „V“. Оба корабля приняли 3 400 человек, а находившиеся при них транспорты — 2 600.

Вскоре после ухода *Prince George*'а на эскадре было принято тревожное радио, что в него попала торпеда. Торпеда к счастью не взорвалась, однако полученное известие заставило Фрименталя увести свои линейные корабли обратно в Кефало.

Посадка третьих групп должна была начаться в 1 ч. 30 м. ночи, но к этому времени обстановка значительно изменилась к худшему. Волнение усилилось и грозило приостановить эвакуацию на побережьи „W“ вовсе. Казалось, что вторую партию артиллерии не погрузить. Все же героические усилия победили все препятствия и в два приема восемь 18-ти фунтовок и четыре 5″ гаубицы были доставлены на транспорты. Запряжки погрузить не удалось и лошадей пришлось застрелить. Вместе с морскими командами, обслуживавшими гавани и пристани, здесь оставалось 3 700 человек. На побережьи „V“ оставалось 1 600 человек. Несмотря на разыгравшееся волнение и сильный ветер, командиры миноносцев *Grasshopper* и *Bulldog*, вызывая восхищение и изумление всех присутствующих, ошвартовались у блокшивов и к 3 ч. 20 м. все люди были сняты.

В гавани побережья „W“ дело было значительно сложнее. Хотя миноносцы *Staunch* и *Fury* с величайшим риском все-таки подошли к волнолому, сажать на них войска приходилось с лихтеров, так как волна перекатывалась через мост и пользоваться им не было никакой возможности. Неуклюжие же лихтеры на волнении почти не слушались руля и перевозка шла чрезвычайно медленно.

Еще опаснее было положение группы войск генерала Моода, грузившихся на побережьи Гулли. Там оставалось около 680 человек, для доставки которых легкий крейсер *Talbot*, в полночь, привел на буксире из Кефало два моторных лихтера и два паровых катера. Чтобы избежать лишнего шума, лихтеры имели приказание пользоваться моторами только на обратном рейсе. Первый лихтер попробовал было справиться с задачей, не пользуясь машиной, но быстро оказался выброшенным на берег. Второй пустил мотор в ход и подошел к пристани. С величайшим трудом 520 человек были посажены и лихтер благополучно отвалил. В такую погоду большее количество сажать без риска перевернуться было немыслимо. Второй лихтер лежал разбитый и офицер, заведывавший посадкой, доложил ген. Мооду, что 160 чело-

векам, для которых не хватило места, придется пробираться пешком к побережью „W“. Ген. Моод с чинами своего штаба в числе 12 человек остался, чтобы съехать вместе с береговой партией матросов на паровых катерах *Talbot*'а, но попытки катеров подойти к пристани не удались и все оставшиеся были вынуждены направиться к побережью „W“. Времени оставалось очень мало, приходилось спешить, а пройти предстояло две мили, пробиваясь через проволочные заграждения устроенных нами тыловых позиций. По счастью посадка в „W“ задержалась против назначенного срока и ген. Моод не опоздал.

Миноносцы *Fury* и *Staunch* отвалили только около 5 ч. утра. С их уходом оставались лишь лихтер, принимавший последний полевой лазарет и еще несколько лихтеров, собиравших отсталых.

Волнение все усиливалось, лихтеры и паровые катера с трудом выгребали против ветра и течения. На берегу начали вспыхивать пожары подожженных складов и артиллерийских парков. Как только лихтер с лазаретом стал отваливать, преждевременно взорвался ближайший артиллерийский склад и полетевшими обломками на нем убило одного матроса. Гибелью этого человека и ограничились все жертвы эвакуации.

Шум взрыва всполошил турок; по всей линии их фронта загорелись красные огни—сигнал тревоги,—однако, за этим ничего больше не последовало. Противник снова был обманут и при свете пожаров все последние лихтеры и катера выбрались из гавани без помехи.

С рассветом на берегу не оставалось ни одного человека и кап. 1 р. Ставелей отвалил на поджидавший его миноносец *Colne*.

Итак, снова невозможное стало возможным. „Несмотря на всю нашу бдительность“, писал ген. Лиман-фон-Сандерс, „неприятель произвел эвакуацию вполне успешно“. За исключением одного убитого, да и то случайно, войска ген. Девиса не понесли никаких жертв. Потери на море, благодаря исключительно блестящей „морской практике“, столь искусно проявленной всеми морскими командами, ограничились гибелью одного лихтера и одного парового катера. Материальные же потери армии на этот раз были значительно больше, чем при эвакуации северных участков. Около 500 лошадей и мулов было застрелено; на берегу осталось 1 600 повозок и громадное количество интендантского имущества. Кроме того не удалось вывести пятнадцать орудий; все они были взорваны и разлетелись в куски. Затопленные блокшивы через день взорвали торпедами, выпущенными

паровыми катерами с линейных кораблей, а все береговые сооружения снесли артиллерийским огнем эскадры. Последние выстрелы флота служили похоронным салютом той операции, которую как друг, так и недруг признавали беспримерной в военной истории.

Читатель уже знает, что после высадки в Сувле увеличившаяся угроза Константинополю заставила германский генеральный штаб приостановить наступление на восточном фронте. В самый решительный момент немцы оказались вынужденными перебросить часть своих войск на Дунай, так как, по приказанию Фалькенгайна, важнее всего было обеспечить безопасность Дарданелл. С оставлением же Хеллеса, которому так противились моряки, эта угроза окончательно исчезла и для немцев надобность в наступлении на Балканах отпадала. Теперь, когда сербская армия временно выпала со счета, центральные державы, поддержанные Болгарией, могли ограничиться оборонительными операциями против Салоникской армейской группы и были свободны возобновить проведение своего грандиозного плана кампании. С исчезновением Дарданелльской опасности, Салоники не представляли собою ничего существенного.

Сколь ни своевременна и ни желательна была эвакуация, все же жертвы, принесенные в Галлиполи и потраченные силы, не остались безрезультатными. Оборона полуострова, связанная с лишениями и болезнями, сказалась на турецких войсках; солдаты были в конец измучены и перебежчики постоянно появлялись в наших окопах вплоть до последних дней, свидетельствуя о несомненной деморализации противника. Оказанное турками сопротивление, правда, отличалось упорством, но стоило им громадных потерь. В своих мемуарах ген. Сандерс приводит следующие цифры: 66 000 убитых и 152 000 раненых, при чем из числа раненых только 42 000 оказались по выздоровлении пригодными для дальнейшей службы. От такого потрясения Оттоманская империя оправиться не могла и единственно на что она оказалась способной, это—набрать достаточно войск, чтобы встретить наше наступление на Тигре.

Результаты понесенных потерь немедленно сказались в Армении. Со времени нашей первой высадки, нажим турок на армию ген. Юденича ослабел и через неделю после оставления Хеллеса он начал наступление на Эрзерум. Английские подводные лодки уничтожили в Мраморном море почти все перевозочные средства и турки лишились возможности быстро подвести подкрепления. 16 февраля Эрзерум пал, а два месяца спустя (17 апреля) в руки русских перешел Трапезонд. Случилось именно так, что в тот момент, когда мы отступили, начинало приносить плоды то

содействие России, на которое рассчитывала Англия, посылая в Дарданеллы сухопутные войска [1]).

В описываемое время Турция действительно была в столь опасном положении, что политические последствия эвакуации, которых больше всего опасались, не дали себя знать совершенно. Потеря престижа на Востоке являлась главным возражением против отказа от продолжения Дарданелльской операции, отказа, равносильного признанию собственной неудачи, но по счастью наш престиж не пострадал. Эвакуация послужила лишь на славу британского оружия, что открыто признавалось даже врагами. Германия не скрывала своего восхищения перед выполненной операцией.

ГЛАВА XIII.

Отечественные воды с сентября 1915 года до марта 1916 года.—Операции германского вспомогательного крейсера «Мёве».

Последствия Дарданелльского предприятия сказались глубже, чем предвидел адмирал Фишер, подавая в отставку и не считая возможным нести ответственности за политику, которой он не сочувствовал. Фишер покинул свой пост, так как не сомневался, что предпринятая на Ближнем Востоке операция поставит флот перед невозможностью крупных наступательных действий в отечественных водах, т. е. другими словами,—перед невозможностью повлиять на ход войны. Можно, конечно, спорить о том, насколько план Фишера был лучше того, который был принят и который из них мог скорее привести к решительным результатам. Возможно, что правительственный план, если бы он сразу же развернулся „в настоящую соединенную операцию армии и флота", оказался бы более рациональным. Но он не удался, и неудача плана начинала давать себя знать гораздо сильнее, чем предсказывали все самые непримиримые его противники. Вопросы теперь уже сводились не к тому, в состоянии ли флот перенести наступательные операции в воды

[1]) Характерной особенностью операций союзников у Дарданелл и операций кавказской армии и Черноморского флота у берегов Лазистана являлась их несогласованность ни по замыслу, ни по времени. Корбетт, как официальный историк, хочет показать, что успехи англичан у Дарданелл имели непосредственное влияние на ход борьбы на Кавказском театре. Между тем наступление кавказской армии на Эрзерум после Саракамышской операции протекало по собственному руслу. Что касается занятия Трапезонда, то оно явилось прямым следствием занятия Эрзерума и необходимостью перенести снабжение кавказской армии на море, так как Трапезонд позволял воспользоваться единственной в районе Лазистана дорогой, ведущей в глубь страны по направлению на Гюмиш-Хана, Байбурт и Эрзерум, т.-е. к линии фронта. *Ред.*

противника, а скорее к тому—не подтачивают ли наши попытки на Востоке силы Гранд-Флита, мешая ему выполнить главную роль—нанести неприятелю решительный удар в открытом море.

Эта опасность ощущалась со всех сторон и в конце концов вызвала протест Джеллико против отозвания из отечественных вод эскадры Фрименталя, посланной в Средиземное море.

В строй вступали новые мощные корабли. Правда, они с избытком возмещали те боевые единицы, которые поглощали Дарданеллы, но необходимый для новых судов личный состав мог быть взят только с Гранд-Флита. Первыми шли пять судов типа „*Queen Elisabeth*“. Линейные корабли *Barham* и *Warspite* уже вошли в состав 5-ой эскадры, но *Warspite* приткнулся к мели в Ферт-оф-Форт, был вынужден войти в док и окончательно присоединился к флоту только 24 ноября. За ними пришли в Скапа еще один дредноут—*Canada*—и два легких крейсера—*Birkenhead* и *Liverpool*. В феврале ожидалось прибытие линейных кораблей *Malaya* и *Valiant*, а в марте—*Revenge*.

Эскадра Фрименталя—линейные корабли *Hibernia* (флаг), *Zealandia*, *Albemarle* и *Russell* вышли из Розайта в Средиземное море 6 ноября, но сразу же встретили жесточайший шторм—предвестник ужасной зимы того года—и вынуждены были вернуться в Скапа. *Albemarle*'ю волною снесло мостик и он стал в ремонт [1]).

На уход эскадры Фрименталя Джеллико смотрел как на одно из звеньев бесконечной цепи все новых и новых требований для Дарданелл и в конце ноября сделал представление Адмиралтейству, высказывая свои опасения по этому поводу. Пока в Средиземном море оставалось такое значительное количество линейных кораблей, комплектование новых судов могло производиться только с Гранд-Флита и, следовательно, тяжело отзывалось на его боевой готовности. Поэтому, для сформирования команд для новых судов, Джеллико настаивал на возвращении в Англию некоторых из наиболее устаревших кораблей, высказывая при этом, что „существующий метод не может более применяться без опасения серьезных последствий“. Представление главнокомандующего не могло не произвести нужного впечатления и Адмиралтейство заверило Джеллико, что до апреля месяца на Гранд-Флите команду трогать не будут. При этом выражалась надежда, что к весне затруднения, связанные с Дарданеллами, значительно сократятся.

---

[1]) *Albermarle* после ремонта присоединился к 3 линейной эскадре в Скапа, а затем был послан в Белое море.

Таким образом эта забота отпала, но оставались другие не менее важные. С конца сентября стало очевидным, что деятельность германских подводных лодок затихла и сводится лишь к заградительным операциям на юге. Приближался период зимних штормов и наступившее затишье являлось особенно кстати, так как давало некоторую передышку измученным миноносцам. Однако, не верилось, чтобы исчезновение неприятельских лодок знаменовало собой отказ немцев от принятых ими методов борьбы против линейных сил нашего флота. Последняя успешная операция *Метеора* и непрекращающаяся активность неприятельских подводных заградителей в южных районах говорили за возможность и надводных заградительных операций на подходах к базам Гранд-Флита. Длинные зимние ночи только способствовали предприятиям подобного рода и адм. Джеллико главное внимание сосредоточил в этом направлении, стараясь перехватить противника при его выходе. Состоялось несколько походов легких крейсеров к Скагерраку. Обычно на их поддержку выходили линейные крейсера, иногда же и эскадры линейных кораблей, пользуясь случаем произвести эволюции и тактические упражнения. К сожалению, эти упражнения не всегда проходили без того, чтобы не создать новой причины для беспокойства. В один из выходов в начале декабря *Warspite*—этот несчастливый корабль—только что возвратившийся из дока, столкнулся с *Barham*'ом. Оба корабля надолго вышли из строя. Эти две потери, хотя и временные, ощущались особенно остро, так как за последнюю четверть года флот лишился еще двух ценных боевых единиц. 28 октября крейсер *Argyll*, возвращавшийся после ремонта в Девонпорте в Скапа-Флоу, в густом тумане сел на камни у Bell Rock. Несмотря на очень бурную погоду, команду удалось снять, но крейсер погиб. Еще более трагична была судьба крейсера *Natal*. 30 октября, во время его стоянки в гавани Кромарти, в средней части крейсера показался столб пламени, через несколько минут последовал взрыв кормового погреба, и крейсер затонул. Большинство команды и офицеров погибло.

В начале предполагали, что *Natal* стал жертвой подводной лодки, но произведенное расследование выяснило, что причиной катастрофы был самопроизвольный взрыв боевого запаса. Оба последних несчастия сильно сказывались на перегруженных работой крейсерах Гранд-Флита, которым кроме дозорной службы против неприятельских заградителей постоянно приходилось конвоировать суда с золотом, отправляемым в Америку, и с боевыми грузами, шедшими из Франции в Белое море. Кроме того им же часто приходилось доставлять в Архангельск и обратно различные военные миссии, командируемые в Россию. Крейсера Гранд-

Флита вряд ли справились бы со своими многочисленными обязанностями, если бы не помощь отряда Тирвита. Гарвичские силы состояли теперь из пятой эскадры легких крейсеров, 9-ой и 10-ой флотилий эскадренных миноносцев с легкими крейсерами *Undaunted* и *Aurora* и двух лидеров— *Lightfoot* и *Nimrod*. Хотя бесконечные требования по охране путей следования войсковых транспортов во Францию сплошь и рядом поглощали почти все миноносцы Тирвита и в его распоряжении оставалось не более одной флотилии, он с неослабной энергией продолжал свои выходы, не взирая на погоду. 30 сентября, произведя поиск в Гельголандской бухте, Тирвит захватил восемь германских трауллеров и утопил пять. По имевшимся сведениям трауллеры играли роль разведчиков и посылались с целью предупреждать германский флот о появлении английских крейсеров. На следующей неделе он произвел поиск к Скагерраку и привел еще пятнадцать трауллеров. В судах подобного типа ощущалась большая нужда в Средиземном море и захваченные трауллеры составляли весьма ценную военную добычу. Пять из них отправились в Дарданеллы, а шесть в Суэцкий канал. Захват трауллеров сказывался и на блокаде Германии, где продовольственный вопрос вызывал все большую и большую тревогу. Взятые в плен рыбаки показали, что они работали за счет правительства. После похода Тирвита к Скагерраку, немецкие рыболовные суда больше уже не показывались в открытом море, но крейсерства Гарвичского отряда в водах противника не прекращались. Каждую неделю Тирвит появлялся у германских или датских берегов, но в большинстве случаев не встречал никого. Один только раз он привел шведский пароход, шедший из Нарвика в Роттердам с грузом руды, адресованным германской фирме. Дважды ему пришлось вернуться из-за жестоких штормов.

В конце декабря Адмиралтейство, беспокоясь за состояние механизмов и котлов миноносцев, предписало неутомимому начальнику отряда выходить лишь в случаях исключительно благоприятной обстановки. В этот период времени деятельность противника, который не менее нас ощущал последствия погоды, значительно затихла. Активность немцев сводилась лишь к посылке воздушных кораблей. До половины октября цеппелины постоянно появлялись на побережьи Англии, доставляя нам не мало забот, и в особенности тому же Тирвиту, который всегда старался перехватить их в море, волей-неволей отвлекаясь от задачи стеречь выход германских заградителей. Но с ухудшением погоды исчезли и цеппелины. Для усиления наблюдения за противником английские лодки время от времени посылались к Гельголанду и Скагерраку, при чем должны были действовать против германской торговли и заградителей, а

также против неприятельских миноносцев, так как стали поступать донесения, что они появляются у входа в Балтику. Походы лодок не сопровождались никакими результатами, и только 22 декабря *E-16* удалось между Эмсом и Везером потопить германское вспомогательное судно. Этот успех через четыре дня омрачился гибелью *E-6*, взорвавшейся на мине на пути в Гельголандскую бухту у плавучего маяка Сунк.

Пока что казалось, что наблюдение за появлением неприятельских заградителей, связанное с трудностью зимних походов в штормовую погоду, идет успешно. Со времени постановки *Метеором* минного поля у Кромарти в этом отношении все обстояло благополучно. Но 30 декабря у Outer Gabbard было замечено судно, ставившее мины на фарватере между английскими и германскими заграждениями. Наши активные заградительные операции продолжались попрежнему. В начале октября стало известно о крупных переменах среди начальников отдельных эскадр Флота Открытого моря, и Джеллико, считая вероятным, что новые флагманы пожелают выйти для тактических упражнений, предложил выставить еще одно заграждение в Северном море [1]).

13 октября заградители *Biarritz* и *Paris* были посланы под охраной отряда Гарвичских судов и поставили мины в устьи Эмса, не будучи замечены противником. Когда немцы обнаружили минное поле—осталось неизвестным, но в мемуарах адмирала Шеера упоминается только об одном выходе флота в октябре. 8 ноября операция повторилась. Заградители *Princess Margaret* и *Angora* в сопровождении крейсера *Cleopatra* и шести миноносцев выставили 850 мин у банки Амрум вблизи того места, где было поставлено заграждение в сентябре, которое немцы сразу обнаружили, так как из-за недостатков якорного устройства мины очень быстро всплыли. Так же, как и 13 октября, операция произошла без всякой помехи со стороны немецкого флота.

Описывая действие флота в этот период, не следует забывать о работе 10-ой крейсерской эскадры, столь способствовавшей господству английских морских сил в Северном море. Эскадра все еще находилась под флагом контр-адмирала Де-Чера и в составе ее теперь числилось 24 вспомогательных крейсера, переделанных из быстроходных пассажирских пароходов. Командиры крейсеров были офицеры военного флота, остальной же личный состав составляли моряки коммерческого флота.

---

[1]) 21 сентября в Германии было объявлено о зачислении в резерв командующих первой, второй и пятой линейных эскадр.

Ни штормы с дождем и снегом, ни густые туманы и темные зимние ночи, не мешали эскадре бдительно нести тяжелую дозорную службу.

Коммерческие моряки не уступали в энергии военным морякам и „крепко держали за горло противника". „Работа моряков коммерческого флота", писал адм. Джеллико, „достойна самой высокой оценки и они заслуживают полностью все то, что только Англия может им дать."

В начале ноября 10-ая эскадра перестала быть чисто английской эскадрой. Американское правительство в резком тоне заявило протест против нашей блокады и было признано желательным показать, что не мы одни разделяем взгляд о приемлемости доктрины ограничений нейтральной торговли. Франция не отказалась открыто присоединиться к нашей точке зрения и была рада показать свой флаг среди судов блокирующей эскадры. В виду неимения во Франции подходящих судов крейсер *Digby* был послан в Брест, где на него назначили французскую команду и переименовали в *Artois*. Затем то же самое проделали и с крейсером *Oropesa*, названным *Champagne*. Последний не присоединился к эскадре Де-Чера, но пошел в Белое море и поддерживал ежемесячные рейсы между Францией и Архангельском.

Путь через Архангельск составлял единственную коммуникационную линию с Россией и Де-Черу часто приходилось выделять суда для посылки в Белое море. Один из крейсеров *Arlanza* доставил в Архангельск военную миссию союзников во главе с нашим генералом Вольф-Муррей и должен был доставить в Англию русскую военную миссию[1]), но у Мурманских берегов подорвался на мине; так как чинить *Arlanz*'у было негде, пришлось послать другой крейсер—*Orotava*. Белое море вследствие инертности местных властей продолжало составлять источник постоянных несносных забот. Русские власти в Архангельске были совершенно неспособны справиться с делом собственными силами. Приходилось не только организовывать тральное дело; русское морское министерство не прекращало постоянных просьб о присылке охранных судов. С целью продолжить навигацию мы послали л. к. *Albemarle*, который должен был поддерживать во льду канал в Архангельск, где уже для этой цели находился старый крейсер *Iphigenia*.

Зима усилила тяготы службы 10-ой эскадры, но с другой стороны и облегчила ее задачи. Сокращение деятельности германских лодок уменьшило опасность, связанную с осмотром пароходов, и упростило вопрос принуждения

[1]) Во главе миссии стоял начальник морского генерального штаба адмирал Русин. *Ред.*

нейтральных судов следовать для осмотра в английские порты. Снова стало возможным пользоваться Клайдом и Мерсей в качестве баз, но недостаток рабочих рук сплошь и рядом задерживал выход крейсеров на смену судов, ожидавших очереди идти грузиться углем и отдыхать.

Чрезвычайно важное значение имели меры, выработанные отделом морской торговли Адмиралтейства и департаментом министерства иностранных дел по делам военной контрабанды. Особенно крупное значение имело правительственное распоряжение, объявленное в октябре, которое касалось вопроса снабжения судов „бункерным углем“ (для угольных ям. *Ред.*). Нейтральные суда, замеченные неоднократно в провозе военной контрабанды, заносились в так называемую „черную книгу“, и владельцы их не имели права получать ни в одном английском порту ни одной тонны бункерного угля; менее заметные „контрабандисты“ получали уголь, но с ограничениями; так, например, с них брали подписку не возить грузов германского происхождения и оставлять в трюмах место для грузов союзников.

Принятые меры очень быстро возымели свое действие. Скандинавские и датские арматоры один за другим начали соглашаться на осмотр принадлежащих им судов в британских портах. Тем не менее некоторые фирмы отказывались от осмотра, предписывая капитанам проходить дозорные районы ночью полным ходом и с потушенными огнями. Так как нарушали правила, главным образом, быстроходные пассажирские пароходы, которые в темноте легко можно было принять за неприятельские вспомогательные крейсера или заградители, адмирал Де-Чер, опасаясь могущих произойти непоправимых последствий, настаивал на необходимости положить предел подобному образу действий, грозящих закончиться катастрофой. В конце концов вопрос уладился. Было выработано соглашение, согласно которому нейтральные пароходные общества, не соглашавшиеся на осмотр своих судов в британских портах, дали обязательство, что их пароходы будут строго придерживаться указанных им путей следования. Все эти мероприятия несколько облегчали задачу 10-ой эскадры, но все же ей приходилось нести исключительно тяжелую работу. Достаточно сказать, что в 1915 году дозорный район обнимал собою 220 000 квадратных миль, при чем в море было осмотрено 2 281 судно, не считая 817 рыболовных траулеров. Из трех тысяч остановленных судов 743 были приведены для осмотра в порты Англии. За последние пять месяцев в Норвегию и Данию поступило лишь семьдесят семь подозрительных по контрабанде грузов и не более восьми судов с важными германскими грузами проскочили дозор незамеченными.

Германский же экспорт, кроме как в Балтике, замер совершенно[1]).

Казалось, что дозорная деятельность 10-ой эскадры протекает не менее успешно и в отношении неприятельских вспомогательных крейсеров и заградителей. Но смелые блокадопрорыватели существовали во все времена и во все войны—и наступивший новый год подтвердил незыблемость этой истины.

6 января линейный корабль *King Edward VII*, следуя для ремонта из Скапа-Флоу в Бельфаст, у северо-западного берега Шотландии коснулся мины. По началу предполагали, что корабль стал жертвой подводной лодки, и лидер *Kempenfelt* с двенадцатью миноносцами был немедленно послан к нему на помощь. В районе следования *King Edward*'а до последних дней минных заграждений обнаружено не было, а линейный корабль *Africa*, шедший в Скапа, благополучно прошел это место лишь несколько часов тому назад. Попытки вести поврежденный корабль на буксире не удались, и после девятичасовой борьбы командир в 4 ч. дня решил его оставить и сажать команду на миноносцы. Свежий ветер и громадная волна сильно затрудняли работу по спасению команды, но миноносцы все-таки сняли всех людей. Около 8 ч. вечера *King Edward* перевернулся и затонул.

Загадка нового минного заграждения разрешилась не скоро, отчасти из-за непрекращавшейся штормовой погоды, отчасти вследствие бесконечных требований на тральщики, поступавших со всех сторон. Число обнаруженных мин заставляло думать, что поставлены они не с подводного судна, а с надводного, но правильность этого взгляда обнаружилась лишь впоследствии.

По поводу прекращения деятельности немецких лодок в водах Англии германское общественное мнение выражало недовольство. Германия не могла помириться с фактом нашего господства в водах Северного моря и Атлантики и потому было решено возобновить операции надводных заградителей, чтобы показать, что это господство не безраздельно. Во всяком случае кап. 2 р. граф Дона-Шлодиен считал, что именно это обстоятельство явилось причиной полученного им приказания выйти в море на *Meve* и поставить минные заграждения у различных пунктов неприятельского побережья, а затем начать операции против английской торговли.

Новый германский заградитель-крейсер *Meve* был пароход в 4500 тонн, вооруженный двумя торпедными аппаратами и артиллерией, установленной двумя группами

---

[1]) О подробностях борьбы с контрабандой см. Fayl. Seaborne Trade т. II (Океанская торговля).

в носу и на корме, тщательно замаскированный под „купца". В последних числах декабря 1915 года *Meве* вышел в море, имея на обоих бортах накрашенные шведские флаги, и пользуясь темнотой длинных зимних ночей и ненастной мглистой погодой, прошел незамеченный нашими дозорами, обогнув Исландию с севера. 1 января перед заходом солнца *Meве* появился у Sule Skerry. В сильнейший снежный шторм было поставлено первое заграждение поперек западного входа в Пентланд-Ферт, на котором и погиб *King Edward*. Как раз к этому времени особенно усилилась нужда в траулерах в Средиземном море, местные дозорные отряды были ослаблены и *Meве* остался необнаруженным. После этого он, повидимому, вышел в Атлантический океан, так как только 9 января он снова дал о себе знать постановкой заграждения у Rochelle[1]). Появление здесь минного поля приписывалось деятельности *Meве*, так как присутствие его в указанном районе два дня спустя подтвердилось захватом у Финистерре парохода *Farringford* с грузом медной руды. Захват *Farringford*'а положил начало его крейсерским операциям. Подвигаясь к югу, *Meве* 13 января захватил в районе Мадеры еще четыре приза. Первой жертвой стал пароход *Corbridge*, груженный углем. *Corbridge* с призовой командой пошел к месту секретного рандеву на о. Магаса у северного побережья Бразилии; остальные три парохода были утоплены. Два дня спустя, находясь в 120 милях от Канарских островов, Дона-Шлодиен потопил пароход *Ariadne*, шедший с генеральным грузом в Нант, и затем вскоре захватил почтовый пароход *Appam*, направлявшийся на западное побережье Африки. На последнем находились в качестве пассажиров губернаторы Сиерра-Леоне и Нигерии, а также значительное количество золота в слитках. Золото было перегружено на *Meве*, а пароход, на который пересадили накопившихся пленных, был отправлен в Америку.

Такая мера являлась для командира немецкого крейсера единственным способом подольше сохранить в секрете факт прорыва им блокады, о чем пока еще никто кроме его жертв не знал. Весь южный район океанских торговых путей в течение почти целого года оставался в полной безопасности и охранялся, как и раньше, крейсерскими эскадрами на случай выхода каких-либо германских судов, укрывшихся в нейтральных портах. В районе Мадера — Канар-

[1]) В своих мемуарах командир *Meве* не упоминает о заграждениях у Rochelle, но говорит, что в течение двенадцати суток оставался в английских водах. Однако, это не согласуется с установленными пунктами захвата им первых пяти призов и является весьма понятным преувеличением, принимая во внимание его убеждение, что причина посылки *Meве*, как уже указано, была чисто политическая.

ские острова находилась эскадра адмирала Мура в составе крейсеров *King Alfred*, *Essex*, *Carmania* и *Ophir*. Южнее—отряд кап. 1 р. Буллера—крейсера *Highflyer* и *Marmora*—нес дозор у островов Зеленого Мыса, а на юго-восточном побережьи южной Америки попрежнему оставалась эскадра кап. 1 р. Люса, состоявшая из *Glasgow*, *Vindictive* и двух вспомогательных крейсеров *Macedonia* и *Orama*. Крейсер *Glasgow* стоял в это время в ремонте на островах Зеленого Мыса в С. Винценте. Так же, как и в первый период немецких крейсерских операций, район St. Paul Rocks и Fernando Noronha, где когда-то укрывался *Карлсруэ*, оставался без наблюдения. Крейсеров не хватало.

Сюда и направился командир *Меве*. 16 января на полпути между Мадерой и Канарскими островами он встретился с пароходом *Clan Mactavish*, который шел из Австралии в Лондон и был вооружен противолодочной артиллерией. Капитан, несмотря на явное превосходство противника, открыл огонь и пытался уйти, но не смог этого сделать и был вынужден сдаться, успев, однако, сделать радио о помощи. Сигнал SOS был принят крейсером *Essex*, но по возмутительной и непонятной небрежности не был доложен командиру. Если бы этого не случилось, вся эскадра Мура, уже на следующий день могла быть на курсе *Меве* и известия об его появлении распространились бы повсюду. Но произошло обратное и как Адмиралтейство, так и адмирал Мур оставались в полном неведении о происшествии. Только 30 января командиру *Essex*'а стало известным о полученном на крейсере радио. Было ли причиной сигнала SOS появление подводной лодки или что другое—оставалось нерешенным, но на следующий день *Аррат* прибыл в Норфольк и истина обнаружилась. Все необходимые меры были немедленно приняты, при чем и французы пришли на помощь, выделив со своей стороны четыре крейсера, чтобы скорее прикончить деятельность прорвавшего блокаду противника. Тем временем командир *Меве* пересек океан и, потопив по пути парусный барк, пришел в Магаса. Погрузив полный запас угля и утопив *Corbridge*, он вышел в район Fernando Noronha, но ожидания его не оправдались. Система оповещения о появившейся опасности действовала исправно, все кому надлежало уже знали о случившемся и море оказалось пусто. Только 4 февраля *Меве* удалось захватить небольшой бельгийский пароход, шедший из Нью-Порта в устье Ла-Платы. В этот момент *Меве* находился в восьмидесяти милях к востоку от Fernando Noronha и в явной опасности. Прямо к нему навстречу шел *Glasgow*, присоединявшийся к эскадре. Повидимому, они разошлись, не видав друг друга, поздно вечером 5 февраля. 6 февраля Дона-Шлодиен утопил пароход с углем *Flamengo*, от кото-

рого узнал, что о появлении его уже стало известно. Изменив по возможности внешний вид своего судна, он повернул к северу на St. Paul Rocks. Поворот лишь увеличил опасность встречи с нашими крейсерами, так как 4 февраля *Highflyer* вышел из С. Винцента и направлялся туда же. К вечеру 8 февраля *Highflyer* быстро приближался к месту назначения в то время, как *Меве*, находясь в 120 милях на *WNW* от Rocks, захватил п/х *Westburn*. На следующее утро *Меве* потопил п/х *Horace*; до Rocks ему теперь оставалось девяносто миль. Число пленных достигало 200 человек и командир немецкого крейсера посадил их на *Westburn*, отправляя его с призовой командой. Пока шла пересадка, опасность становилась все реальнее и реальнее, только счастье могло спасти храброго командира. *Westburn*'у удалось сделать сигнал бедствия и радио было принято испанским пароходом, шедшим из Кадикса на Тенериф, но *Highflier*, курс которого был проложен прямо на *Меве*, радио не принял. В полдень до места потопления *Horace Highflyer*'у оставалось не более тридцати миль и продержись командир на прежнем курсе еще полчаса, он неминуемо увидел бы противника. Но счастье оказалось не на стороне нашего крейсера. Кап. 1 р. Буллер повернул и, пройдя некоторое время курсом WNW, лег на St. Paul Rocks только в 6 ч. 30 м. вечера. *Highflyer* оставался в этом районе еще трое суток, но *Меве* ушел. Как удалось ему скрыться—представляется загадкой. Однако, факт остается налицо и пока кап. 1 р. Буллер продолжал поиски у St. Paul Rocks, *Меве*, повидимому, уже решил идти обратно.

Очевидно, командир решил, что моральная цель крейсерства достигнута и что нет смысла продолжать риск, оставаясь на „большой дороге". В течение последующих двенадцати дней он не захватил ни одного приза. Единственное встреченное им за это время судно—пассажирский пароход *Demerara*—быстро прибавил ходу и скрылся, оповещая по радио о встрече с неприятельским крейсером. 22 февраля *Меве* потопил французский пароход *Maroni* при входе в Бискайский залив, а четыре дня спустя, выйдя снова на простор Атлантического океана,—английский пароход *Saxon Prince*. Затем всякие сведения о нем прекратились.

5 марта германское правительство опубликовало официальное сообщение о возвращении *Меве* в Германию, при чем в газетах приводилось подробное описание его похода, не оставлявшее никаких сомнений в причине гибели *King Edward*'а

Блестяще проведенное крейсерство *Меве* не могло не возбудить желаний повторить удачный опыть и надежд на возрождение подвигов *Эмдена* и *Карлсруэ*.

Адмирал Джеллико в течение всей зимы ожидал подобных операций и делал все, что было в его силах, чтобы помешать планам противника. Опасения главнокомандующего Гранд-Флитом очень скоро оправдались.

28 февраля около полдня из Адмиралтейства было дано знать, что из Скагеррака выходит замаскированное немецкое судно, возможно, совместно с подводной лодкой. Два легких крейсера с четырьмя миноносцами немедленно вышли из Розайта, чтобы отрезать ему путь с запада, а три легких крейсера—*Calliope*, *Comus* и *Blanche*—каждый с миноносцем, были высланы из Скапа с приказанием осмотреть побережье Норвегии на случай, если противник повернет на север. Около полуночи по показаниям радио-пеленгаторных станций выяснилось, что немецкое судно находится на юго-западном побережьи Норвегии, у Экерзунда. Крейсерам, вышедшим из Скапа, было приказано следовать в этот район, а крейсерам 10-ой эскадры *Columbella* и *Patia* занять дозор по линии NO от северной оконечности Шетландских островов. Два других крейсера 10-ой эскадры—*Andes* и *Alcantara* (переделанные из пассажирских пароходов) уже находились в этом районе. *Andes* подходил на смену *Alcantara*, собиравшемуся уходить грузить уголь в Ливерпуль, и командиры крейсеров условились, что они встретятся в открытом море, в шестидесяти милях к востоку от Шетландских островов. Командир *Alcantara* кап. I р. Уордль уже приближался к месту назначенного рандеву, как получил радио с приказанием не оставлять дозора впредь до дальнейших распоряжений, так как возможно, что идущий с юга замаскированный вспомогательный немецкий крейсер днем пересечет дозорную линию. Радио было принято в 8 часов утра, а в 8 ч. 45 м. кап. I р. Уордль, следуя курсом NNO, заметил слева по носу дым, вслед за чем принял сигнал с *Andes* „вижу неприятеля на NO, его ход 15 узлов“. Командир *Alcantara* немедленно повернул и полным ходом пошел навстречу к противнику. Очень быстро показался пароход под норвежским флагом, но у него была одна труба, а во втором радио *Andes*'а упоминалось о двух трубах. Возникшие сомнения усилились появлением с правой стороны *Andes*'а, который полным ходом шел на NO как бы в погоне за кем-то другим. Раньше чем присоединиться к погоне, Уордль решил осмотреть подозрительного норвежца. Два холостых выстрела быстро его остановили и *Alcantara* с наведенными орудиями стал к нему подходить на дистанцию боя. В это время (9 ч. 20 м.) с *Andes*'а протелеграфировали, что он меняет курс, т. к. пароход, за которым он гонится, повернул к югу. Это сообщение еще увеличило сомнения тем более, что на корме парохода имелась надпись *Rena*, которая вполне соответствовала описанию судна, помеченного под таким назва-

нием в справочнике, имевшемся у командира *Alcantara*. Кроме того кап. I р. Уордль знал, что п/х *Rena* действительно вышел в море, и даже был осведомлен об его местоназначении и характере груза. Поэтому он решил проверить судовые бумаги остановленного парохода, о чем и сделал радио *Andes*'у. Когда до *Rena* оставалось не более 5 каб., была спущена шлюпка, но не поспела она отвалить как на „норвежце" подняли сигнал: „мы и есть подозрительное судно". Пока сигнал разбирали, на *Rena* взвился военный флаг, грузовые люки открылись и *Alcantara* оказалась под жарким обстрелом. Раньше чем наш крейсер успел ответить, у него была разбита рулевая машина, но он сразу дал ход и бросился за начавшим уходить противником. Перестрелка при некоторой поддержке повернувшего *Andes*'а продолжалась четверть часа. Затем противник скрылся в облаках густого дыма. Стрельба прекратилась и, как только дым немного разнесло, было видно, как переполненные людьми шлюпки отваливали от горящего парохода. *Alcantara* находился не в лучшем положении. В него попала торпеда, и сильный крен не давал возможности стрелять. Видя неминуемую гибель судна, командир приказал сажать команду на шлюпки. Через 20 минут *Alcantara* медленно пошел ко дну. Спасти удалось всех. Из числа крейсеров, шедших из Скапа, *Comus* принял радио *Andes*'а и с миноносцем *Munster* 27 узловым ходом спешил к месту боя. За несколько минут до гибели *Alcantara* подошел *Munster* и снял со шлюпок всю его команду. Помощь подоспела как раз во-время, так как с *Andes*'а заметили показавшуюся по близости подводную лодку и он опасался приблизиться к шлюпкам. Огонь с *Comus*'а и *Andes*'а прикончил еще державшееся на плаву немецкое судно.

Пленные показали, что утопленный вспомогательный крейсер был новый пароход, построенный для австралийско-германской линии,—*Гюбен*, реквизированный правительством и переименованный в *Грейф*. Вооружение его составляли два торпедных аппарата и четыре 5″ орудия. Из числа 300 человек команды спасти удалось 220 человек. *Грейф* вышел из Германии 27 февраля, получив директиву обойти Исландию с севера и идти в Атлантический океан для операций на торговых путях. В случае невозможности прорваться обратно, ему предписывалось следовать в Восточную Германскую Африку, единственную из немецких колоний, не находящуюся еще в руках союзников.

Меры, столь быстро положившие конец деятельности *Грейфа*, исходили непосредственно от адмирала Джеллико. Адмирал Де-Чер уже более не командовал 10-ой эскадрой. В январе все мероприятия по борьбе с проникновением в Германию контрабанды сосредоточились во вновь сформи-

рованном „министерстве блокады“, управление которым было поручено лорду Сесиль, а адмирал Де-Чер занял должность его помощника по морской части.

В день боя с *Грейфом* Де-Чер шел на *Alsatian*'е, чтобы отправиться в Лондон к месту нового назначения. В командование 10-ой эскадрой вступил вице-адмирал Теппер, с 1915 года занимавший должность старшего морского начальника в Stornoway, где ему были подчинены все дозорные отряды побережья. Его успешная деятельность в Stornoway была неразрывно связана с работой 10-ой эскадры и он являлся естественным заместителем Де-Чера. Период командования адмирала Теппера не сопровождался какими-либо из ряда вон выходящими событиями. Неожиданно быстрый конец *Грейфа* положил на время предел дальнейшим попыткам немцев возобновить крейсерские операции на океанах. Материальный успех от похода вспомогательных крейсеров был ничтожен, хотя, вероятно, и оправдал надежды немцев. Политический же фактор перестал играть роль, так как сторонники подводной кампании против торговли союзников снова одержали верх в среде германского правительства.

Продолжительная инертность германского флота, вынужденного по причинам политического характера держаться пассивно, оставалась непонятной для наших морских авторитетов. При чем бездеятельность Флота Открытого моря составляла наиболее трудную загадку. В то время, как адмирал Джеллико считал, что главные силы германского флота готовятся нанести отчаянный удар в ближайшем будущем и только ждут подходящего случая, Адмиралтейство придерживалось противоположного взгляда, полагая, что немцы в данный момент не намерены идти на риск эскадренного боя. Адмиралтейство ожидало, что Германия разрабатывает широкий план активных заградительных операций и операций подводных лодок, осуществление которого начнется одновременно с прорывом нескольких вспомогательных крейсеров для действий против морской торговли по всему свету. Выход же *Меве* нужно рассматривать как прелюдию к более крупным событиям в этом направлении.

Наиболее действительной мерой против подобного плана являлась тесная блокада Гельголандской бухты, осуществить которую можно было только с захватом для наших подводных лодок и воздушных сил базы на побережьи Шлезвига. Такой проект был весьма схож с отвергнутым планом лорда Фишера и был достаточно рискован. Условия теперь сильно изменились. Количество тяжелой артиллерии у противника увеличилось, дистанция боя возросла и все острова побережья могли обстреливаться с материка. Удержать захваченную базу было бы немыслимо. Кроме того проект вызвал еще

и другие возражения. Для охраны бомбардирующего отряда, составленного из старых линейных кораблей, мониторов и крейсеров, требовалось значительное количество миноносцев, взять которых было неоткуда, кроме как с Гранд-Флита. Дарданеллы поглотили весь резерв миноносцев и вспомогательных судов. В результате Гранд-Флиту пришлось бы идти прикрывать операцию без необходимого ему количества минных флотилий. Против этого соображения Адмиралтейство не могло возразить, и проект после всестороннего его обсуждения правительством был оставлен.

Таким образом, наступательные операции нашего флота свелись к поискам крейсеров и миноносцев на неприятельских прибрежных торговых путях и к дозорной службе против немецких заградителей, а также к действиям воздушных сил.

Начиная с декабря разрабатывался план, по которому Тирвит с главными силами Гарвичского отряда и несколькими подводными лодками должен был отвести к устью Эмса авиаматку *Vindex* и попытаться забросать бомбами базы немецких воздушных кораблей на побережьи Шлезвига в Хаге и Хойер. 18 января состоялся поход к Хаге, но густой туман помешал подойти достаточно близко, и отряд возвратился.

Противник не появился, и суда возвратились без потерь. Через десять дней попытка возобновилась при более благоприятных условиях погоды. В 5 часов утра 29 января, Тирвит подошел к назначенному месту, но в тот момент, когда *Vindex* начал спускать гидро-аэропланы, торпеда прошла под самой кормой флагманского крейсера *Arethusa*, вслед за ней промелькнула вторая еще ближе, чем первая. Лодки замечено не было, однако не оставалось сомнений, что неприятель на чеку, и Тирвит счел необходимым отойти. Вскоре нашел такой густой туман, что операцию все равно не удалось бы выполнить.

После последней неудачи казалось, что создавшееся положение не сдвинется с мертвой точки. Но фактически это было не так. В начале января адм. фон Поль смертельно заболел и сдал командование. 18 января был поднят флаг нового командующего Флотом Открытого моря адм. Шеера, перед тем командовавшего недавно сформированной 3-й эскадрой дредноутов. На должность начальника штаба Шеер выбрал кап. I р. фон-Трота, бывшего командира своего флагманского корабля *Кайзер*. Оба эти офицера всегда открыто высказывались против пассивной морской политики правительства. Теперь же, приняв на себя высшее руководство главными силами флота, Шеер начал энергично настаивать на необходимости изменить эту политику, о чем уже делал представления и его предшественник. Он не отрицал, что

германский флот сделал все, что было в его силах, т.-е. освободил армию от обороны побережья и удержал от выступления на стороне союзников некоторые нейтральные государства (очевидно, Голландию и Скандинавские страны), но находил, что в настоящее время этого недостаточно. „Голодная“ блокада давала себя чувствовать слишком остро, и Германия не могла выдержать напряжение так долго, как ее противники. Кроме того сухопутные британские силы быстро возрастали и это, по мнению Шеера, служило верным признаком нашего твердого решения продолжать войну и скорее исправить два больших промаха. Подобно остальным германским стратегам, Шеер находил, что очищение Антверпена и Галлиполи являлись крупными ошибками Англии.

По его мнению, надо было во что бы то ни стало так или иначе нанести удар морскому могуществу Великобритании. Надежды сокрушить врага в эскадренном бою не было. Удачное столкновение с Гранд-Флитом могло бы произойти только в своих „подготовленных“ водах, да и то при исключительно благоприятной обстановке. Рассчитывать же на появление Гранд-Флита у берегов Германии не приходилось. Шеер знал, что Англия отлично понимает как бдительно охраняет ее безопасность Джеллико, прочно удерживая в своих руках океанские сообщения, и что он не сойдет с занятой позиции ради рискованного наступления в германских водах. Однако, Шеер считал, что с усилением германского флота он может предпринять многое такое, что заставит английский народ почувствовать усталость от войны, и не теряя времени начал готовить флот к осуществлению своих замыслов [1]).

Энергия и решительность нового командующего Флотом Открытого моря очень скоро дали себя почувствовать. 9 февраля Адмиралтейство уведомило Джеллико и командующего линейными крейсерами Битти, стоявшего в Розайте, о проявляемых противником признаках активности. Гранд-Флит и линейные крейсера получили приказание следовать на юг для сосредоточения, а отряд Тирвита—установить дозор у Texel. Через несколько часов приказание было отменено и последовало распоряжение не выходить, но оставаться в полной боевой готовности. Чувствовалось, что что-то готовится. На следующий день стало известным о выходе из Яде значительного отряда легких крейсеров и миноносцев, следующих на запад. Подозревался новый набег на наше побережье, и Битти было приказано следовать

[1]) См. Шеер, стр. 96. Эта глава мемуаров очень интересна, принимая во внимание ту критику, которой подвергался в свое время Джеллико в некоторой части британской прессы.

на юг, чтобы отрезать противнику отступление, а Тирвиту— немедленно выйти в море.

Едва только линейные крейсера и отряд Тирвита снялись с якоря, как обстановка выяснилась. К западу от Доггер-банки, неделю тому назад, начала тральные работы вновь сформированная 10 флотилия канонерок-тральщиков (*Buttercup*, *Arabic*, *Alyssum* и *Poppy*). Накануне флотилия на несколько часов заходила в бухту Bridlington и снова вышла в море раньше, чем Адмиралтейство узнало о появлении германских легких крейсеров. Из-за опасений спугнуть Флот Открытого моря, выход которого тогда ожидался, радио-переговоры были запрещены, и отряд тральщиков не мог быть предупрежден о грозящей опасности. Весь день 10 января канонерки тралили, а с наступлением темноты окончили работы и выставили светящийся буй, у которого стала к/л *Arabis*. Остальные медленно ходили взад и вперед по протраленному каналу. В полночь были замечены две торпеды, шедшие поперек курса. Быстрым поворотом канонерки избежали попаданий и отошли. Одновременно *Arabis* подвергся нападению трех миноносцев. Первыми попавшими снарядами на *Arabis*'е перебило главную паропроводную трубу и она оказалась не в состоянии не только управляться, но и вызвать по радио остальные суда своего отряда. Однако, она отвечала настолько энергично, что противник отошел и вновь завязал бой только после подхода еще трех миноносцев. Устоять против столь превосходных неприятельских сил *Arabis*, конечно, не могла и очень быстро была потоплена. Вся команда, за исключением командира и одного офицера, поднятого немцами, погибла. Остальные канонерки благополучно ушли. Итак, ожидание выхода немецкого флота закончились лишь появлением сильного отряда миноносцев. Поход не преследовал определенной задачи. Шеер выслал миноносцы ради тренировки своего флота, подготовляя его к выполнению задуманного плана.

Сама по себе потеря *Arabis*'а не могла иметь существенного значения, но, к сожалению, она сопровождалась еще одной жертвой. Как только положение разъяснилось, Тирвит был отозван и возвращался в Гарвич, следуя проходом Sledway. Проход, недавно протраленный, считался совершенно безопасным. Головным шел крейсер *Arethusa*. Как только отряд поровнялся с буем North Cutler, под флагманским крейсером взорвалась мина; машина остановилась и он начал быстро садиться. Повидимому, отряд попал на заграждение, поставленное фландрской подводной флотилией немцев, наличие которой составляло постоянную угрозу нашему флоту.

Несмотря на сильную волну, шедшую с моря против отливного течения, лидер *Lightfoot* подошел к *Arethusa* и

подал буксир, но перлинь сразу же лопнул. Попытка миноносца *Loyal* повторить буксировку окончилась столь же плачевно. *Arethus*'у выбросило на ближайшую мель и переломило пополам. Только теперь, когда не оставалось никакой надежды спасти крейсер, Тирвит приказал переводить команду на миноносцы и перенес свой брейд-вымпел на *Lightfoot*.

На подходах к Темзе и Дуврскому проливу неприятельские подводные заградители проявляли исключительную активность. В течение января и февраля на поставленных ими минах погиб целый ряд пароходов, из которых половина принадлежала голландским и норвежским фирмам. Постановки осуществлялись все ближе и ближе к нашим берегам. 27 февраля п/х *Maloja* с 220 пассажирами подорвался почти у самого входа в гавань Дувра. Подошедший на помощь пассажирский пароход *Empress of Fort William* тоже наскочил на мину. По счастью, оба случая не сопровождались гибелью людей, но на следующий день погибли два трауллера, обнаружившие новое минное поле, а у маяка Галопер попал на заграждение и затонул голландский пассажирский пароход.

Против немецких подводных заградителей типа „UB“ и „UC“ пока еще не было никаких средств борьбы. Лодки же типа „U“ за последнее время скрылись и кроме той, которая была протаранена в прошлом месяце у банок Goodwins яхтой *James Fletcher*, ни одна не показывалась. Со времени приостановки крейсерских операций лодок в объявленной „военной зоне“ ответом Германии на нашу блокаду явились лишь минные постановки и воздушные налеты, совершенно ничтожные по своим результатам.

Против этих попыток врага и сосредоточилась главным образом деятельность начальника Дуврского патруля адмирала Бейкона и главного командира в Нор—адмирала Каллагана. Бейкон все еще держал на готове свои мониторы на случай, если генерал Фош потребует поддержки для обстрела совместно с французами неприятельских батарей у Villa Scolaire. Бомбардировка состоялась 26 января и была произведена пятью большими мониторами под охраной Дюнкеркской флотилии дрифтеров. На мониторе *General Wolfe* поднял флаг адмирал Бейкон, а на *Lord Clive*'е—французский контр-адмирал де-Марлиав, исполнявший во время операции должность младшего флагмана.

Батареи противника все время молчали. Результаты бомбардировки остались невыясненными.

После последней операции последовало приказание сосредоточить все наличные мониторы в устьи Темзы для защиты Лондона против цеппелинов в течение темного периода

времени, наиболее благоприятного для воздушных нападений [1]). В Англии оставалось девять мониторов и все они целую неделю простояли в Темзе, ожидая противника. 31 января ожидаемый налет состоялся. Однако, воздушные корабли немцев прошли далеко к северу и мониторы ничего сделать не могли. Гарвичский же отряд из-за густого тумана не смог во-время выйти в море. На этот раз воздушный набег был произведен в широком масштабе.

Между 5 ч. и 7 ч. 30 м. вечера девять цеппелинов пролетели над графствами Норфольк и Линкольн и направились в глубь страны, чего они еще ни разу не делали. В течение ночи воздушной бомбардировке подверглись Бирмингам, Дерби и Ноттингам. До этого нападения цеппелины произвели налет (23 и 24 января) на Доунс и аэродром в Капел, а также неоднократно пытались сбросить бомбы на суда, стоявшие в Темзе, но неудачно. Первое удачное нападение на суда произошло только 1 февраля, когда жертвою цеппелина сделался каботажный пароход, стоявший на якоре у Kentish Knock. 20 февраля там же был утоплен еще один пароход во время налета на Deal. Кроме того 1 марта цеппелинам удалось забросать бомбами район Margate и нанести сравнительно крупные повреждения в местечке Cliftonville. Все же остальные воздушные операции не сопровождались никакими серьезными последствиями.

ГЛАВА XIV.

Обращение германской армии за помощью к флоту. Гибель парохода «Sussex».

Хотя за время зимы немцам в английских водах удалось достигнуть очень немногого и все их успехи являлись для нас булавочными уколами, но эти уколы служили источником постоянного раздражения и еще больше возбуждали всеобщее желание встретиться с Флотом Открытого моря в эскадренном бою. О событиях в Германии мы ничего не знали, однако, там уже развертывалась обстановка, которая грозила ей тягчайшими последствиями. Люди, обреченные судьбой, толкали Германию в пропасть.

Начиная с сентября разногласия между канцлером Бетманн-Гольвегом и главной квартирой по вопросу об использовании подводных лодок не прекращались. В сентябре

[1]) 3 сентября 1914 года состоялось решение правительства передать в руки морского ведомства защиту страны от воздушных нападений. Через год начальником воздушной обороны Лондона был назначен адмирал в отставке сэр Перси Скотт. В феврале же 1916 г. вся организация воздушной обороны снова перешла в ведение военного ведомства. Флоту поручалась лишь борьба с цеппелинами на море, т.-е. на пути к побережьям Англии.

после потопления парохода *Arabic* состоялся приказ „прекратить все формы подводной войны на западном побережьи Великобритании и в Канале". Германский флот не мог оставаться равнодушным к подобному ограничению свободы действий и адм. фон Поль незадолго до смерти сделал представление, что он будет вынужден пересмотреть вопрос о пассивной роли подчиненных ему морских сил.

5 ноября Соединенные Штаты опубликовали ноту протеста против английской блокады, и это обстоятельство побудило германское правительство снова несколько расширить рамки подводной кампании. В конце того же месяца командиры немецких лодок получили приказание топить без предупреждения все неприятельские суда, входящие или выходящие из французских портов, расположенных между Гавром и Дюнкерком. Уничтожать нейтральные суда запрещалось. К этому периоду времени значительное число коммерческих пароходов уже имело артиллерийское вооружение и приближаться к торговым судам для установления их национальности было чрезвычайно рискованно.

Новый приказ являлся очень небольшой уступкой требованиям германского флота, но все-таки первый шаг на пути к неограниченной подводной войне, на которой настаивало германское морское командование, был сделан. Теперь уже и армия присоединяла свой голос к требованиям моряков.

Пылкие иллюзии, с которыми германский генеральный штаб бросился в войну, рассеялись. Излюбленная немцами доктрина начинала их обманывать. Аксиомой германской военной науки было сокрушение вооруженных сил врага стремительным мощным ударом. Но эта аксиома требовала наличия двух факторов—соответствующего соотношения сил и запаса энергии, которыми немцы уже более не владели. Германия была вынуждена считаться с тем, что фактически она уже перешла от наступления к обороне. Наши ошибки в Месопотамии и в Дарданеллах до известной степени проясняли мрачные перспективы, рисовавшиеся германскому штабу, но они были лишь отдельными лучами света, не лишенными зловещих теней.

Стратегически правильно задуманные Дарданелльская и Месопотамская экспедиции, несмотря на то, что планы их были дурно разработаны, тем не менее не могли оказаться непродуктивными. В качестве диверсий они имели крупное значение. Центральные державы были вынуждены потратить остаток своих наступательных возможностей на Балканах, а турки—сосредоточить все силы для обороны столицы. Непосредственным результатом последнего явился захват русскими Эрзерума (16 февраля), а также угроза русской кавказской армии важному турецкому порту на Черном море — Трапезонду. Кроме того Россия начинала

движение на юг в направлении на Месопотамию, и даже наступала в Галиции с тем, чтобы лишить Германию последнего источника продовольствия—Румынию.

Но считаясь с несомненными признаками внутреннего брожения в России, Германия не опасалась русского наступления и с тревогой смотрела лишь на западный фронт. Это надо откровенно признать, если только мы хотим составить себе правильное представление о той отчаянной мере, которую готовилась принять Германия. Представленный императору к новому году доклад генерала Фалькенгайна не оставляет места для сомнений. Великобритания с ее „нестерпимым" господством на море в глазах Фалькенгайна являлась главным врагом и он видел решение всей проблемы войны в том, чтобы лишить Великобританию ее доминирующего влияния среди союзников и вырвать из борьбы английский народ. С отпадением угрозы со стороны Сербии, Италия могла быть предоставлена Австрии. Наиболее благоприятные перспективы сулил удар по Франции—„по этой самой острой английской сабле" — как писал начальник германского большого штаба. По его мнению Франция находилась на границе полного истощения сил и он верил, что сильный моральный шок порвет ту ниточку, на которой якобы еще держится сопротивление французов. Подобный шок потрясет их армию и пройдет на позиции к Бельфору и Вердену. Один из этих пунктов Фалькенгайн и считал подходящим объектом для наступления. Лично он склонялся в пользу Вердена. Выступающий участок фронта у Вердена немцы не захватили во время своего первого стремительного наступления и из этой крепости опасность грозила всей германской оборонительной линии.

Однако, самый блестящий успех у Вердена был еще не достаточен. Если Франция окажется окончательно разгромленной и если даже все союзники покинут Англию, она, надо думать, все равно будет продолжать борьбу подобно тому, как сделала это сто лет тому назад. Без одновременного удара по Англии, удара, угрожающего ее существованию, намеченный план не принесет пользы. Именно поэтому, противно мнению, господствующему в наших высших военных кругах, Фалькенгайн и держал в это время армию в пассивном состоянии. Последний пункт его доклада не вызывал никаких споров в Германии и он составляет для нас главный интерес. Мы не представляли себе взгляда германской главной квартиры и это послужило источником многих затруднений, до самого конца влиявших на наши наступательные действия. „Достигнуть английских островов", писал Фалькенгайн, „германские войска не могут, в этом наш флот не сомневается".

Нанести Англии удар на континенте или на Востоке, по его мнению, было невозможно и не оставалось другого выхода как начать неограниченные операции подводных лодок на путях сообщений британской империи. Только таким путем германский флот мог оказать необходимую поддержку своей армии. Но флоту надо было развязать руки.

Единственно, что стояло на пути осуществления замыслов германской главной квартиры, это американский призрак. Фалькенгайн не скрывал, что неограниченная подводная война усилит враждебность Америки, но если флот выполнит свое обещание полностью, Соединенные Штаты не успеют вмешаться. Голод заставит главного противника пойти на мир. Правда, опыт предыдущей подводной кампании не сулил многообещающих успехов, но работа по постройке новых лодок кипела круглые сутки на всех заводах, а с увеличением числа лодок увеличивались и шансы на успех. Доводов в пользу предлагаемой меры было достаточно, доводов же против—Фалькенгайн не видел. Конечно, он понимал, насколько подобный образ действий противоречит элементарным правилам морали, и чувствовал, что жестокая мера может вызвать отвращение и возмущение, но оправданием ей он находил поведение Англии. Что же касается Америки, то она не станет на защиту союзников и вряд ли вмешается активно в дела на европейском континенте.

Итак, мало думая об опасных последствиях своего предложения, германское сухопутное командование обратилось за содействием к флоту. До сих пор его помощь армии сводилась к оборонительным действиям; морские силы лишь освободили сухопутные войска от обороны побережья. Теперь же требовалось большее.

Германский флот с радостью ответил на призыв главной квартиры и заверил (7 января), что Великобритания, если подводным лодкам будет предоставлена полная свобода действий, падет через шесть месяцев на колени. Однако, канцлер оставался непреклонным. Аргументы в пользу выполнимости обещания флота все-таки оставались под знаком вопроса, а министерство иностранных дел все еще не ликвидировало последствий случая с *Arabic*'ом. Кроме того Америка только что послала две резкие ноты протеста австро-венгерскому правительству по поводу потопления п/х *Ancona* [1]) и опасения Бетман-Гольвега усиливались. Вопрос об удовлетворении требований Штатов, касавшихся гибели *Лузитании*, тоже еще не был улажен.

[1]) *Ancona*—большой итальянский пароход с пассажирами, среди которых находились американские граждане, был взорван австрийской лодкой в Средиземном море 7 ноября 1915 г.

Однако, совершенно неожиданно требования морского и сухопутного командования получили поддержку, откуда она никак не ожидалась. 18 января из Вашингтона последовала новая нота относительно подводной войны, при чем на этот раз она была адресована всем державам Антанты. До этого американцы основывали свои требования, руководствуясь желанием охранить безопасность американских граждан, теперь они выступали в качестве поборников человеколюбия и гуманности. Уничтожение торговых судов без обеспечения безопасности экипажу осуждалось как мера, несовместимая с принципами ведения войны на море. В то же время признавалось, что подводное оружие должно считаться законным средством борьбы с неприятельской торговлей. На этой основе и формулировались предложения американского правительства, сводившиеся к тому, чтобы поставить подводную войну в „рамки международного права и в соответствие с принципами человеколюбия". До атаки торговые суда должны быть останавливаемы и уничтожаться могут лишь после того, как находящиеся на нем пассажиры и команда будут доставлены в безопасное место. Нападение на торговые суда допускается лишь в случае попыток уйти или оказать сопротивление.

Против подобного взгляда, который только подтверждал освященную веками практику, ни одна из держав Согласия не могла возражать. Но, к сожалению, на этом нота не кончалась и шла дальше. Американское правительство объявляло о необходимости прекратить вооружение коммерческих пароходов. Без согласия на такую меру признание за подводной лодкой прав на крейсерские операции (ограниченные вышесказанными требованиями) не могло, по мнению Вашингтона, считаться действительным. Нота заканчивалась предупреждением, что в случае отказа от последнего предложения, все вооруженные пароходы будут подлежать интернированию, как вспомогательные крейсера [1]).

Стоявшая перед нами дилемма была не из легких. Отказаться от старинного права вооружать торговые суда мы не считали возможным. Как показал дальнейший опыт, быть может, было бы лучше сделать противное при наличии уверенности, что Германия подчинится предложенным ограничениям. Однако, этой уверенности после нарушения нейтралитета Бельгии быть не могло и нота Америки была отвергнута.

Никто не сомневался в высоких побуждениях правительства американской республики, но, к сожалению, послед-

[1]) Американское общественное мнение разделилось по вопросу о законности вооружения пароходов. Когда нота была опубликована, сенаторы Лодж и Стерлинг выступили горячими защитниками этой меры и возражения против нее прекратились.

ствия ноты оказались далеко не те, на которые рассчитывал Вашингтон. Германские моряки отлично понимали, что подводные лодки не в состоянии действовать согласно обычных правил крейсерской войны, пока коммерческие пароходы вооружены и не лишены права оказывать сопротивление. На этом основании они и настаивали о предоставлении командирам лодок более широких прав. Американская нота только сыграла в руку сторонников неограниченной подводной кампании. Почти полная неспособность немцев понять психологию своих противников, неспособность, которую они проявляли в течение всей войны, дала себя знать и теперь; немцы немедленно сделали совершенно ложный вывод.

В тоне американской ноты они усмотрели решение Штатов препятствовать английской блокаде. Напрасно германский посол предупреждал, что протесты Америки есть следствие возмущенного общественного мнения, которое не может помириться с потоплением *Лузитании*. Все представления посла оставались гласом вопиющего в пустыне. Возражения немецких министров основывались лишь на опасении вооруженного выступления Штатов, а с опубликованием последней ноты у канцлера уходила из-под ног почва для дальнейших возражений. Все, что он мог сделать, сводилось к тому, чтобы настаивать на отсрочке начала неограниченной подводной кампании, хотя бы до апреля, чтобы получить время дипломатическим путем наладить отношения с Америкой. В отношении отсрочки канцлер встретил поддержку со стороны нового начальника морского генерального штаба адмирала фон Хольцендорфа на том основании, что к апрелю вступит в строй значительное число новых лодок и потерянное время не пропадет. Благодаря поддержке Хольцендфора, канцлеру удалось на время обуздать своих пылких оппонентов.

В феврале последовал приказ о возобновлении подводной кампании, но с такими ограничениями, которые хотя и внешне, но все-таки как бы соответствовали взглядам Америки. Подводным лодкам предписывалось действовать против неприятельской торговли „руководствуясь существующим призовым правом“. Вооруженные пароходы и военные транспорты разрешалось топить, но атаковать пассажирские пароходы категорически запрещалось.

Непосредственным результатом американской ноты было новое появление в конце февраля немецких лодок у западных берегов Англии. В течение следующего месяца в этих водах судоходство пострадало жестоко. Тоннаж утопленных пароходов достигал цифры в 35,000.

Опубликование приказа о подводных операциях в связи с той быстротой, с которой они были возобновлены, произ-

вело в Америке весьма тягостное впечатление. Трудно себе объяснить, как немцы могли наивно верить, что редакция приказа могла спасти их от бури, собиравшейся по ту сторону Атлантического океана. Однако, это именно было так и Германия все решительнее приближалась к той пропасти, которую сама же желала избежать.

Сторонники неограниченной подводной войны, получив одну половину лакомого куска, желали получить и вторую. С чисто военной точки зрения они занимали очень сильную позицию. Их точка зрения не вызывала никаких возражений,—кроме опасений политического характера. Раз подводная кампания принесет ту помощь, которая по мнению высшего командования спасет Германию от конечной катастрофы, она должна быть беспощадной. Канцлер не мог согласиться с последним. По его мнению, даже если беспощадность есть неизбежная необходимость, присущая подводным операциям, все равно успех германских „U“ не спасет страны. Моральные и политические последствия беспощадной войны приведут к тому, что в ряды врагов Германии вольются новые силы, против которых она окажется не в силах бороться. Где же искать победу, или вернее—как избежать поражения? Однако, убеждение высшего командования в необходимости решиться на проектированную им меру возрастало с каждым днем. Атака Вердена началась 21 февраля. Жестокие бои уже длились две недели, но без существенного успеха. Поставленная цель все еще была далеко, но даже и ее достижение не сулило желанного конца. Начальник генерального штаба прекрасно сознавал, что даже падение Вердена даст лишь только усиление германской оборонительной линии. Война на истощение все равно будет продолжаться. Канцлер был накануне того, чтобы начать переговоры с Америкой, и не прекращал своих настояний. Посол в Вашингтоне граф Бернсторф подготовлял почву, стараясь убедить американское правительство, чтобы оно удерживало своих граждан от путешествий на вооруженных пароходах.

Подобные неискусные попытки были типичны для немцев и только подливали масло в огонь. Немцы совершенно не понимали смысла последнего выступления президента Вильсона, который смотрел на вопрос гораздо шире, чем они думали. Более того, немцы не понимали, что своими советами они нарушают свободу американских граждан, стесняя их ради интересов иностранной державы. Результатом было лишь усиление раздражения и возмущения.

Неудивительно, что германская главная квартира и высшее морское командование мало верили в успех такой дипломатии. Их упреки и жалобы не прекращались, в результате чего в марте в Вильгельмсгафене состоялось соединен-

ное совещание членов кабинета и представителей армии и флота. Морской министр Тирпитц не получил приглашения на совещание. С увеличением числа лодок препятствия к неограниченной подводной войне отпадали и Тирпитц громче всех ратовал за беспощадный образ действий. Оказанное ему неуважение вызвало давно ожидаемую отставку. Хотя канцлеру и удалось заместить Тирпитца адмиралом фон-Капелле—человеком, разделявшим его собственные взгляды,—представления Фалькенгайна пересилили и Бетман-Гольвегу пришлось несколько уступить. Начало неограниченной подводной войны попрежнему отлагалось до назначенного канцлером срока, но последние инструкции командирам лодок видоизменялись. Предписывалось топить без предупреждения все британские суда, появляющиеся в военной зоне, за исключением лишь пассажирских пароходов. Подобное распоряжение, конечно, не способствовало успеху переговоров германского посла, пытавшегося умерить раздражение Америки. Но как бы там ни было сторонники „беспощадности" кое что выиграли, мало думая о том, что их настойчивость приведет совершенно не к тем результатам, о которых они мечтали.

Ошеломляющие последствия новых инструкций подводным лодкам не заставили себя ждать. 24 марта в 3 часа дня лейтенант Пусткучен, командир лодки *UB-29*, входившей в состав Фландрской флотилии, встретил между Донженессом и Булонью пароход и взорвал его без предупреждения [1]).

Первоначальное объяснение командира сводилось к тому, что на палубе парохода толпилась масса народу и он принял его за войсковой транспорт. Затем, когда выяснилось, что жертвой стал *Sussex*, типичный пассажирский пароход, совершавший регулярные рейсы между Фолькстоном и Дьеппом, последовала новая версия. „Командир *UB-29* принял взорванный пароход за новый заградитель типа „Arabis". На *Sussex*'е находилось 380 пассажиров, из которых многие были убиты и ранены при взрыве. По счастию он избег участи *Лузитании* и остался на плаву, но держался с трудом и каждую минуту мог затонуть.

Сигнал *SOS* час спустя после катастрофы был принят французским дозорным отрядом и адмирал Де-Винье немедленно выслал на помощь все наличные суда. Адмирал Бейкон отправил эскадренный миноносец *Amazon*, а в 9 ч. в., узнав о том, что французам не удалось найти *Sussex*'а приказал всем остальным миноносцам присоединиться к поискам. В 11 ч. 10 м. вечера миноносец *Afridi* нашел его

[1]) *Sussex*, 1350 тонн, принадлежал обществу железной дороги „Лондон — Брайтон".

в четырнадцати милях к западу от Булони. У *Sussex*'а оштвартовался французский трауллер и принимал женщин и детей[1]). *Amazon* снял остальных пассажиров, доставив 120 человек в Дувр и 250—в Булонь.

В числе пассажиров было несколько американских граждан и инцидент, разыгравшийся в момент, когда посол в Вашингтоне пытался придти к какому-то соглашению, был принят Америкой за нетерпимый вызов и явное доказательство бесчестности германского правительства. Стараясь предотвратить собирающуюся бурю, немецкий министр иностранных дел буквально потерял голову, пытаясь в своих сообщениях доказать Соединенным Штатам, что *Sussex* попал на заграждение. Истинная причина катастрофы не вызывала никаких сомнений и ответ министра только раздул пламя возмущения. Граф Бернсторф впоследствии называл это объяснение самым неудачным дипломатическим документом, когда либо посланным из Берлина в Вашингтон. Американское правительство уже достаточно изучило все предыдущие случаи, подобные случаю с *Sussex*'ом, и немедленно же послало ноту, определенность которой не оставляла желать лучшего. Нота заканчивалась словами: „Если императорское правительство немедленно не объявит о прекращении принятых им в настоящее время методов ведения подводной войны против пассажирских и грузовых пароходов, правительству Соединенных Штатов не остается другого выхода как прервать вовсе дипломатические сношения с германской империей".

Нота пришла в германское министерство иностранных дел только 20 апреля, т.-е. почти через месяц после печального инцидента. Канцлер, находившийся в это время в главной квартире, поспешил в Берлин. Весь первый и второй день праздников Пасхи кабинет провел в заседаниях. Канцлер и его неизменный приверженец министр внутренних дел Гельферих стояли за то, чтобы затянуть дело и соединить ответ на последнюю ноту с ответом на послание президента Вильсона по вопросу о „свободе морей". Начальник морского генерального штаба, хотя и соглашался ограничить деятельность подводных лодок правилами осмотра, практикующимися крейсерами, но категорически отказывался от дальнейших уступок Америке. Было найдено какое-то среднее решение. Однако, испанский посол, который также вручил ноту протеста, т. к. на *Sussex*'е погибло два испанских подданных, поддерживавший тесную связь со своим американским коллегой, передал канцлеру, что Вашингтон удовлетворится только безоговорочным согла-

[1]) Продолжительность поисков объяснялась ошибкой в счислении *Sussex*. Показанное место отличалось от истинного на 15 миль.

сием на все требования, выставленные в ноте. Император находился в этот момент в главной квартире и Фалькенгайн убеждал его не уступать ни в чем.

Бои у Вердена не давали ожидаемых результатов. Рассчитывать на скорое его падение не приходилось и он откровенно заявил кайзеру, что успех возможен лишь в том случае, если снабжение, получаемое противником из за океана, будет нарушено, достигнуть чего можно только при помощи неограниченной подводной войны. Начальник морского генерального штаба Хольцендорф с прежней настойчивостью доказывал, что лишь таким путем флот может оказать помощь армии и что другого выхода нет. Преимущество в силах британского флота не дает возможности использовать Флот Открытого моря иначе, как при исключительно благоприятных тактических условиях. Всякие иные попытки в этом направлении поставят под угрозу оборону побережья, господство в Балтике, а, следовательно, и поступление шведской руды в германские порты.

Энергичные возражения начальника морского генерального штаба оказались ненужными. Пока окончательное решение все еще висело в воздухе, пришли сведения, настолько прояснившие мрачный взгляд на положение дел на море, что главные доводы адмирала Хольцендорфа отпали сами собой.

ГЛАВА XV.

Воздушный набег на аэро-базу в Шлезвиге и бомбардировка Ловестофта.

Карта 7.

Трудно сказать, какую роль в ответе на ноту Вильсона сыграло предупреждение испанского посла, но несомненно, что описанный ниже смелый удар адм. Шеера создал впечатление, что не только беспощадной подводной войной флот может повлиять на ход войны. Шеер тоже соглашался, что успешные действия против Гранд-Флита возможны лишь при исключительно благоприятных тактических условиях. Однако, он не мог удовлетвориться пассивным выжиданием благоприятной обстановки.

Со времени вступления в должность главнокомандующего он не переставая стремился создать эти услови и тренировал флот, приучая его в нужный момент умело воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Готовясь к осуществлению своих наступательных замыслов, Шеер в то же время делал все возможное, чтобы создать в Гельголандской бухте соответствующую для этого обстановку.

Имея право сравнительно свободно распоряжаться линейными крейсерами и легкими силами, он решил использовать

их таким способом, чтобы завлечь аналогичные суда противника в район действия германского линейного флота, т. е. другими словами получить в свои руки необходимые тактические преимущества. В марте Шеер начал осторожно приводить план в исполнение, пытаясь заманить наши южные отряды. Эти отряды часто оперировали в районе Хофден [1]) (как называли его немцы) и он надеялся, что высылка против них сильной эскадры крейсеров вызовет отправление им на помощь такую же английскую эскадру, которую ему удастся поставить между своими линейными крейсерами и главными силами.

Операция началась 5 марта на следующий день после возвращения *Мевё*. Согласно разработанного плана крейсера к рассвету собирались у Tershelling, а затем шли к границе английского минного заграждения. Две эскадры дредноутов следовали позади в расстоянии 30 миль и должны были идти до 10 часов утра. При каждом отряде находилось по две флотилии миноносцев. Для ближней разведки был выслан один воздушный корабль. Кроме того три цеппелина несли дальнюю разведку в северном направлении, имея приказание в случае благоприятных условий бомбардировать Розайт. Операцию должны были поддерживать двенадцать подводных лодок Фландрской флотилии, которые заняли позиции у нашего юго-восточного побережья.

Однако, неприятель не появился, и поход флота ограничился нападением цеппелинов. Сильный снег и свежий ветер от NW сбил воздушные корабли с курса и два из них в полночь пересекли береговую черту Англии к югу от Flamborough Head, идя по направлению к Гуллю. К утру прояснило. Река Хумбер виднелась на снежном ландшафте как на карте и, хотя город был затемнен, найти его было легко. Улицы, набережные и гавань были точно нарисованы на листе белой бумаге и противнику не составило труда сбросить бомбы с достаточной точностью. Произведенные разрушения военного значения не имели [2]). Затем цеппелины направились к Иммингамну, но здесь их встретили прожекторы и зенитная артиллерия, благодаря чему налет сопровождался значительно меньшим успехом. Оба воздушные корабля возвратились благополучно, во время избежав разразившегося жестокого шторма, прекратившего всякие дальнейшие операции. До какого места продвинулся германский флот—осталось неизвестным. Насколько нам удалось выяснить, дальше Terschelling он не прошел. Рано

[1]) Хофден или Фландрская бухта назывался у нас «Южный район», который обнимал собою часть Северного моря, суживающуюся к югу от линии Wash—Tershelling между восточным побережьем Англии и Голландии.

[2]) Было повреждено четыре дома, убито 17 человек и ранено 50.

утром 6 марта обнаружилось, что немецкие эскадры еще не оставили этого района и Гранд-Флит произвел поиски к югу. Тирвит также получил приказание выйти в разведку, совместно с группой Гарвичских подводных лодок, к маяку North Hinder и в случае появления подавляющих неприятельских сил отойти к Дуврскому проливу. К полдню стало известно, что противник двигается к северу и к наступлению темноты собирается войти в гавань. Тирвит вечером был отозван, Джеллико же продолжал поход, пока в 10 ч. вечера, потеряв окончательно надежду войти в соприкосновение с немцами, не повернул обратно.

Почему Шеер сразу не повторил попытки—непонятно. Во всяком случае наши легкие силы давали к тому достаточно поводов. В течение двух последующих недель крейсера неоднократно высылались к побережью Норвегии в поисках германских торговых судов с целью вызвать неприятельский флот в море. 20 марта была произведена еще одна дальняя заградительная операция, чтобы закрыть подходы к Темзе и к Дуврскому проливу между маяками Галопер и North Hinder. Постановка минного поля возлагалась на четыре заградителя, базировавшиеся на Ширнесс,— *Paris*, *Biarritz*, *Princess Margaret* и *Orvieto* под охраной двух дивизионов Гарвичских миноносцев.

Одновременно должно было состояться крупное воздушное нападение на аэродромы в Houtlave вблизи Зеебрюгге, откуда происходили постоянные налеты на Дюнкерк и на побережья Кента. В состав воздушной экспедиции входило около пятидесяти британских, французских и бельгийских бомбовозов и пятьдесят истребителей. Авианосцы *Riviera* и *Vindex* со своими гидросамолетами должны были поддерживать нападение на Houtlave, атаковав неприятельскую гидробазу, устроенную на Зеебрюггском молу. Охрану авианосцев составляли дивизион 9-ой флотилии—*Lance* (кап. 2. р. Эджертон), *Lookout*, *Lucifer* и *Linnet*, которые случайно составили также и охрану заградителей. Заградитель *Orvieto* сел на мель и выход миноносцев задержался на несколько часов. Постановка заграждения еще не началась, когда в 8 ч. утра дивизион Эджертона, находившийся в дозоре у маяка North Hinder, был атакован тремя большими немецкими миноносцами. Завязался короткий, но жаркий бой. Миноносец *Lance* пострадал изрядно, но противника удалось отогнать и работа по установке мин продолжалась беспрепятственно. В этот день было поставлено две линии заграждения; 23 марта *Orvieto* поставил третью. В Зеебрюгге гидросамолеты действовали успешно и произвели там серьезные разрушения. Все аппараты возвратились благополучно.

Два дня спустя состоялась еще одна наша попытка воздушного нападения с моря. Она сопровождалась выходом круп-

ных сил и это обстоятельство, как пишет адмирал Шеер, дало ему случай проверить на практике сделанные приготовления. Воздушный налет на Гулль и налет 31 января показали нам невозможность оказать цеппелинам противодействие в море при посредстве крейсеров. С наступлением весны снова появилась мысль о необходимости разрушить неприятельские аэро-базы и было решено выполнить план, разработанный Тирвитом. Объект нападения составляла станция цеппелинов, находившаяся по сведениям разведки на побережьи Шлезвига, в Хойер, позади острова Сильт. В состав атакующего воздушного отряда входило пять гидросамолетов, которые доставлялись на *Vindex*'е к югу от Horn Reefs, за плавучий маяк Vyl. Для охраны *Vindex*'а высылались все наличные Гарвичские силы[1]). Поддерживалась операция линейными крейсерами адмирала Битти. С рассветом 24 марта, в день гибели п/х *Sussex*, Тирвит вышел в море, проложив курс к югу от района минных полей, выставленных в открытом море[2]). Погода была исключительно холодная, часто налетали сильнейшие шквалы со снегом. На следующее утро в 4 ч. 30 м. Тирвит обошел маяк Vyl и *Vindex*'у было приказано следовать дальше по направлению маяка Graa Deep. Не успел *Vindex* с конвоирующими его миноносцами, отделиться от отряда, как под самой кормой *Cleopatr*'ы прошла торпеда. Случай указывал на присутствие подводных лодок, но обычные меры предосторожности были сейчас же приняты и в дальнейшем ничего не случилось[3]). К 5 ч. 30 м., *Vindex* спустил самолеты и остался ожидать их возвращения. Конвоирующие миноносцы ходили кругом, а два других миноносца держались в дозоре на SO. Тирвит крейсеровал к востоку от маяка Vyl.

Погода все ухудшалась и, пока он ожидал возвращения самолетов, снег начал падать сильнее и шквалы участились. Около 7 ч. появились первые два аппарата. Летчики сообщили, что в Хойере ничего нет и что воздушная база немцев устроена далее в глубь материка, в Тондерне. Обнаружить базу удалось только одному из летчиков, но у него заело спусковое приспособление и бомбы остались несбро-

---

[1]) Гарвичские силы состояли из легких крейсеров *Cleopatra* (брейдвымпел Тирвита), *Penelope*, *Conquest*, *Aurora* и *Undaunted*, лидеров *Nimrod*, *Lightfoot*, миноносцев *Meteor*, *Mastiff*, *Minos*, *Manly*, *Medusa*, *Murray*, *Mansfield*, *Morris*, *Laforey*, *Liberty*, *Llewelling*, *Laurel*, *Laertes*, *Lassoo*, *Lawerock* и *Linnet*.

[2]) Этот район назывался у нас «Район I». Он находился на полпути между берегами Дании и северной части Хумбера и имел ромбоидальную форму. От N на S он тянулся на 30 миль и на пятьдесят миль от SW на NO.

[3]) Указания на присутствие германских лодок нигде в литературе нет, но одна из наших лодок (*H-7*) вышла в эти воды из Ярмута 19 марта.

шенными. Никаких признаков остальных самолетов не наблюдалось и в 7 ч. 45 м. Тирвит приказал лидерам *Lightfoot* и *Nimrod*'у с остающимися восемью миноносцами поискать их на зюйд-ост, а сам с той же целью пошел к маяку Graa Deep. Неприятель все еще не показывался, но к 9 часам миноносец, пройдя до острова Rom и повернув снова в море, заметил два вооруженных неприятельских траулера. Немцы в ожидании удара на Гельголанд выработали систему обороны бухты, которая предусматривала нахождение в определенных пунктах бухты небольших дозорных отрядов судов подобного типа. Обнаруженные траулеры входили в состав группы, занимавшей дозорную линию между Lister Deep и островами Rom и Silt. В несколько минут оба траулера были уничтожены. Миноносцы начали спасать плавающих людей, но одновременно появились немецкие аэропланы и стали сбрасывать на них бомбы. Ни одна из бомб, вопреки утверждению немцев, не попала и впечатление успеха создалось у них благодаря несчастному случаю с одним из миноносцев. В тот момент, когда командир *Nimrod*'а выстраивал свою флотилию, чтобы продолжать поиски наших самолетов, *Medusa* протаранил *Lawerock*, при чем первый получил такие повреждения, что не мог давать больше 6-ти узлов. Обстановка совершенно неожиданно стала опасной. Авария произошла как раз у северного выхода из Гельголандской бухты и необходимо было считаться, во-первых, с тем, что траулеры по всей вероятности успели сделать соответствующее радио, а, во-вторых, что присутствие миноносцев обнаружено неприятельскими аэропланами.

Тирвит, потеряв всякую надежду отыскать пропавшие самолеты, только что приказал *Vindex*'у с миноносцами возвращаться обратно, но, узнав об аварии и о появлении немецких воздушных сил, отозвал лидера *Lightfoot* с его флотилией и полным ходом пошел к Lister Deep. Командир *Lightfoot*'а взял *Medus*'у на буксир и, оставив при себе миноносцы *Laertes* и *Lassoo*, послал остальные с лидером *Nimrod* на встречу начальника отряда. Только в 11 ч. утра Тирвит встретился с *Nimrod*'ом и лишь тогда узнал, насколько серьезна сложившаяся обстановка. Присутствие наших судов уже давно было известно противнику и надо было не теряя ни минуты уходить. Уходить, имея *Medus*'у на буксире, было в достаточной степени рисковано, однако, Тирвит не чувствовал себя в силах бросить поврежденный миноносец. Никаких признаков выхода Флота Открытого моря не наблюдалось, а наши линейные крейсера не могли быть далеко. Поэтому, приказав *Auror*'е с наличными миноносцами образовать завесу вокруг *Lightfoot*'а с *Medus*'ой, Тирвит начал отходить на запад, но очень медленно.

Адмирал Битти прошел значительно вперед и уже к полдню находился только в двадцати милях на W от плавучего маяка Horn Reefs и не далее пятидесяти миль от *Cleopatr*'ы. Но через полчаса Тирвит получил радио из Адмиралтейства с приказанием отходить немедленно, вслед за чем было принято радио с предупреждением ожидать ночью атаки неприятельских миноносцев. Так как он уже повернул на W, то считал, что должен остаться при своем решении попытаться спасти *Medus*'у, и ограничился тем, что потребовал к себе миноносцы, конвоировавшие *Vindex*'а. Отряд продолжал отход попрежнему, несмотря на то, что усиливающаяся волна все больше затрудняла буксировку.

Отозвание Тирвита последовало вследствие полученных Адмиралтейством сведений о движении Флота Открытого моря. Шеер действительно вышел в море, но в этот момент был в недоумении, какую цель преследует наше воздушное нападение, поддерживаемое столь крупными силами: является ли оно только прелюдией к новому налету на аэродром в Хаге, или это ловушка, чтобы завлечь те силы, которые будут высланы на север. Поэтому он отозвал линейные суда и удовлетворился тем, что до более определенного выяснения наших намерений „выслал крейсера и миноносцы для преследования отступающего противника". Однако, германский главнокомандующий добавляет, что из-за ухудшившейся погоды, высланные отряды не смогли войти в соприкосновение с неприятелем и вернулись без результатов. Один из немецких миноносцев подорвался на мине и затонул.

Действительно, ветер все усиливался, и, наконец, достиг силы шторма. Германские аэропланы, атаковавшие утром наши миноносцы, были вынуждены возвратиться. Но беспокойство Тирвита не могло не усилиться. В 5 ч. 30 м. веч., когда присоединились миноносцы, шедшие с *Vindex*'ом, было получено новое радио Адмиралтейства о том, что значительные неприятельские силы двигаются в западном и северо-западном направлениях, т. е. как раз ему навстречу. Однако, помощь уже спешила. В 12 ч. 30 м. Битти перехватил первое радио Адмиралтейства и, опасаясь за судьбу Гарвичского отряда, счел за лучшее остаться на занимаемой позиции. Обстановка сильно напоминала то положение, в котором Битти находился в день Гельголандского боя. Тогда в критический момент он, не раздумывая, расширил свои полномочия и смело пошел в Гельголандскую бухту. Результат оказался блестящим. И теперь по мере увеличения беспокойства он тоже не смог ограничиться пассивным пребыванием у Horn Reefs и в 2 ч. дня решил спуститься на юг на помощь Тирвиту. Последний отходил настолько медленно, что около 4 ч. дня линейные

крейсера пересекли его курс в нескольких милях впереди *Cleopatr*'ы. Несмотря на густую мглу отряды обнаружили друг друга и Битти остался на своем курсе. В 5 ч. 30 м., когда линейные крейсера дошли до широты Хойер и находились значительно южнее Гарвичского отряда, на *Lion*'е было принято последнее радио Адмиралтейства о вероятности ночной атаки германских миноносцев. Оставаться так далеко к югу становилось рискованным; Битти повернул на север и перед наступлением темноты соединился с Гарвичским отрядом. К этому времени выяснилось, что *Medus*'у спасти не удается. Буксир лопнул и Тирвит приказал снять команду и утопить миноносец. Через несколько минут из Адмиралтейства последовало приказание линейным крейсерам остаться в море и утром прикрывать отход легких сил, ввиду чего Битти продолжал движение на север с тем, чтобы снова занять прежнюю позицию у Horn Reefs.

Снять команду с *Medus*'ы на громадной волне представляло не легкую задачу, но к 9 ч. вечера *Lassoo* молодецки справился с работой. По какому-то недоразумению поврежденный миноносец не утопили, а оставили на плаву в надежде попытаться спасти его на следующий день.

Избавившись от обузы, Тирвит получил новое сообщение Адмиралтейства с более точными сведениями о движении противника. Из принятого радио явствовало о наличии двух опасных районов. Один — берег Фрисландии, другой—за линией, проходящей на NW от острова Сильт. Правильность указаний очень быстро подтвердилась. Бросив *Medus*'у, *Aurora*, *Lightfoot* и *Lassoo* остались позади эскадры легких крейсеров, имея перед собою лидера *Nimrod* с главною массой миноносцев. Все три группы судов шли на NW с потушенными огнями и не пользовались визуальными сигналами. Ночь была исключительно темная и видимость очень дурная. Неожиданно прямо по носу *Cleopatr*'ы вспыхнули факелы из труб двух неприятельских миноносцев, шедших на пересечку курса. Командир быстро положил руля и разрезал второй миноносец пополам. Первый миноносец благополучно проскочил, но последствия ловкого таранного удара оказались катастрофичными. *Cleopatra* очутилась под носом у *Undaunted*'а и последний, стараясь избежать столкновения и сам с трудом увернувшись от *Penelope*, врезался в борт флагманского крейсера. В результате Тирвит попал в еще более трудное положение, чем после аварии *Medus*'ы. *Cleopatra* пострадала сравнительно легко, но *Undaunted* смял нос и носовая переборка с трудом выдерживала давление при ходе в 6 узлов. В происшедшем замешательстве крейсера и флотилии миноносцев разошлись и совершенно потеряли представление о движении друг друга.

Линейные крейсера в этот момент находились в пятидесяти милях, продолжая подвигаться на север. Если бы Шеер осмелился на преследование отряда Тирвита, ему несомненно представился бы случай, которого он добивался, и поединок британских и германских линейных крейсеров произошел бы значительно раньше, чем он имел место в действительности. Но случилось иначе. Невыясненность обстановки и шторм заставили Шеера отозвать на ночь все высланные суда и к 11 часам вечера распоряжение германского командования было уже нам известно. Уведомляя об этом, Адмиралтейство предупреждало, что, хотя миноносцы противника и отходят, его крейсера утром выйдут в море. Гарвичский отряд оказался разбросанным, положение его попрежнему внушало серьезные опасения и Тирвит сделал радио с приказанием всем возвращаться в базу. До этого времени Адмиралтейство не знало о происшедшей аварии крейсеров. Битти также не знал и перед получением предупреждения о предстоящем выходе германских крейсеров запросил Адмиралтейство, испрашивая разрешение произвести совместно с Тирвитом поиск к югу от заминированного района. Согласия не последовало и командующий линейными крейсерами продолжал нести дозор на севере. Только после часу ночи радиостанция Адмиралтейства перехватила сигнал Тирвита, в котором он сообщал Битти о положении *Undaunted*'а. Джелико немедленно получил приказание сосредоточить все эскадры Гранд-Флита к востоку от Long Forties.

К рассвету намерения неприятеля начали выясняться более точно. Полученные указания сводились к тому, что линейные крейсера и легкие силы утром сосредоточатся в Lister Deep, а затем при поддержке двух эскадр дредноутов произведут поиск на W. Вряд ли приходилось сомневаться, что местонахождение Гарвичского отряда будет обнаружено. Поэтому адмирал Битти в 4 ч. 30 м. утра повернул на *SO*, проложив курс южнее Horn Reefs прямо на проход Amrum Channel. Отсюда с наибольшей вероятностью надо было ожидать появления противника и Битти рассчитывал встать между немцами и Тирвитом. Через полчаса Адмиралтейство, повидимому, окончательно убедилось в выходе германского флота и Тирвиту было приказано отходить на присоединение к линейным крейсерам. К 6 ч. утра все легкие крейсера полным ходом шли на Ost.

Бой казался неминуемым, при чем встреча должна была произойти раньше, чем появятся наши главные силы. Гранд-Флит только что снялся с якоря, а шторм от *SW* все еще ревел с неослабевающей силой. Больше трех часов линейные крейсера и суда Тирвита шли к условленному рандеву, с трудом выгребая против громадной волны и с нетерпе-

нием ожидая встречи с врагом. Но для закаленного состава, достаточно привыкшего за прошедшую исключительно тяжелую зиму к любым погодам, шторм не мог служить препятствием.

К 9 ч. 30 м. адмиралу Битти оставалось не более шестидесяти миль до плавучего маяка Horn Reefs, *Cleopatr*'е приблизительно столько же. Через час—другой должна или произойти встреча с противником, или же он будет отрезан. Но судьба решила иначе. Новое радио из Лондона гласило, что противник прекратил поход и возвращается.

Могло бы столкновение иметь место или нет—сказать, конечно, трудно, но во всяком случае бой произошел бы в условиях благоприятных для немцев, о чем мечтал Шеер. Неприятельские линейные крейсера с эскадрой легких крейсеров дошли до того места, где Битти, спустившись накануне к югу, днем повернул обратно. За ними на поддержку шли две эскадры линейных кораблей, но в 6 ч. 30 м. утра передовые отряды донесли, что шторм исключает возможность боя, и Шеер прекратил задуманную операцию [1]).

Таким образом, он пропустил удобный случай и крупный поход флота, вызванный налетом пяти самолетов, закончился. Английские суда еще оставались некоторое время в море. В полдень все крейсера за исключением *Undaunted*'а присоединились к Битти и лишь тогда он и Тирвит повернули обратно. Сосредоточение Гранд-Флита закончилось к 4 ч. дня. Но к этому времени миноносцы, из-за волны окончательно не могли держаться и, так как угроза набега миновала, Джеллико приказал всем эскадрам расходиться по своим базам. Охранять *Undaunted*'а остались „Queen Elisabeth'ы" адмирала Эван-Томаса.

Пока в Берлине старались найти выход из положения, созданного потоплением *Sussex*, адмирал Шеер спокойно разрабатывал план действий Флота Открытого моря, ограничивая свои наступательные операции воздушными набегами. Цеппелины посылались подряд шесть раз, при чем пять раз воздушные корабли достигали берегов Англии. Первое нападение состоялось 31 марта, когда пять цеппелинов—*L13*, *L14*, *L15*, *L16* и *L22* сбросили бомбы над южными графствами. В Cleethopes и Bury St. Edmunds пострадало не мало солдат, но один из кораблей—*L15* был поврежден огнем зенитной артиллерии и рано утром 1 апреля снизился у Kentish Knock. Весь экипаж был снят находившимися здесь дрифтерами. Подошедший в скором времени небольшой миноносец *Electra* взял подбитый цеппелин на буксир и хотел оттащить его к берегу, но *L15* скоро затонул. 1 апреля *L11* и *L17* повторили налет на юге, но ветер ото-

[1]) Шеер, стр. 119.

гнал их к северу. *L17* пытался сбросить бомбы над Гуллем; однако, все они упали в море, в двенадцати милях севернее Хумбера. *L11* полетел к Тайну, но ветер все время сносил корабль в сторону и ему не удалось, как он хотел, сбросить бомбы на лодки. Тогда он атаковал Сундерланд, где нанес сравнительно большие повреждения. Из Сундерланда *L11* направился в Middelesborough и здесь старался попасть в доменные печи сталелитейного завода, но не удачно. 3 апреля *L11* совместно с *L17* вылетели снова. Им удалось добраться лишь до норфолькского побережья и они вернулись назад. На следующую ночь отправились еще пять цеппелинов, но они не смогли пересечь Северного моря. 5 апреля *L11*, *L13* и *L16* показались над северными графствами, но набег опять не удался. *L11* сообщил, что от Гулля, он был отогнан огнем зенитной артиллерии, ввиду чего он атаковал заводы, расположенные в Витби. Однако, это не соответствовало действительности. Над Витби ни один воздушный корабль не пролетал. Цеппелины, повидимому, потеряли места и не могли ориентироваться. Множество бомб было сброшено в различных пунктах между Хумбером и Дурхамом без каких бы то ни было серьезных последствий. Повреждения ограничились несколькими разрушенными коттеджами, при чем был убит один ребенок и ранено девять взрослых.

На этом временно закончились воздушные нападения на Англию. С нашей стороны попытки вызвать противника в море не прекращались. В течение апреля были предприняты еще два похода к берегам Норвегии для операции против немецкой торговли, но безрезультатно. Неприятельских торговых судов не обнаружили, а эскадры Шеера в море не вышли. Как выяснилось впоследствии, Флот Открытого моря с 13 по 19 апреля стоял в гаванях, ожидая нападения британских морских сил, которое, по мнению германского правительства, было неминуемо [1]).

Возможно, что подобное убеждение создалось в Германии под впечатлением предпринятых нами крупных приготовлений в связи с подготовкой нового нападения на Шлезвигские аэро-базы и крупной заградительной операции у берега Бельгии. Кроме того шли оживленные переговоры между Лондоном и Петроградом, о которых немцы так или иначе догадывались. Дело заключалось в том, что с наступлением весны надо было после ледохода восстановить в Балтийском море сорванные льдом минные заграждения и русское морское командование просило произвести демонстрации Гранд-Флитом, чтобы отвлечь немецкий флот от Балтики.

---

[1]) Шеер, стр. 123.

Во всяком случае полученные Германией сведения не отличались точностью. 20 апреля, когда немецкое высшее командование считало, что опасность миновала, отряд наших крейсеров вышел в Каттегат, имея приказание действовать на германских торговых путях и уничтожать суда противника, которые выйдут из портов Северного моря. Для действия против немецких судов, пытающихся пройти из Балтики, были отправлены на позицию три подводных лодки.

Однако, на следующий день (21 апреля) отданные распоряжения подверглись изменению. Адмиралтейство получило сведения о приготовлениях Флота Открытого моря к предстоящему вечером выходу в море. О том, что германский флот всю прошлую неделю стоял в готовности каждую минуту сняться с якоря—было известно раньше, но ближайшие его намерения оставались тайной. По этому Джеллико получил приказание выйти в море и произвести поиск к Гельголанду. Как и обычно, эскадры, составлявшие ядро Гранд-Флита, должны были на следующее утро сосредоточиться к востоку от Long Forties, т.-е. в ста милях к востоку от Абердина, имея в сорока милях впереди линейные крейсера Битти. 3-ья эскадра линейных кораблей и 3-ья эскадра крейсеров, базировавшаяся на Розайт, также выходила на назначенную позицию, откуда они могли в случае надобности присоединиться к главным силам.

Утром 22 апреля Адмиралтейство передало Джеллико, что противник возвращается по портам. Немецкие линейные крейсера, как гласило радио из Лондона, прошли за Horn Reefs, остальные же суда Флота Открытого моря дошли до высоты Lister Deep. Ввиду этого Адмиралтейство рекомендовало произвести разведку легкими крейсерами до Skaw, оставив флот в море на случай необходимой поддержки.

4-ая эскадра легких крейсеров с миноносцами немедленно пошла к Скагерраку, а Битти получил приказание прибавить ходу и следовать дальше самостоятельно. К 6 ч. вечера он находился в 75 милях на NW от Horn Reefs. Здесь ему надлежало крейсеровать в течение ночи, а затем идти к Reefs и ждать подхода Джеллико. Но намеченный план не осуществился. Ночью нашел туман и Битти донес, что *Australia* и *New Zealand* столкнулись и должны идти в док. Туман медленно распространялся на север и к 10 ч. вечера достиг района нахождения линейных кораблей. Некоторое время Джеллико продолжал идти к Horn Reefs, но видимость все ухудшалась. Опасаясь при таких условиях приближаться к датским берегам, он, находясь в 4 ч. 30 м. утра 23 апреля около Ютландии у банки Little Fisher, решил повернуть на север. В полночь в тумане столкнулись три миноносца, при чем один из них—*Ardent*—получил настолько

сильное повреждение, что его пришлось буксировать кормой вперед. Кроме того оказался поврежденным и л.к. *Neptune*, на которого наскочил нейтральный „купец“. Утром погода несколько разъяснилась, но не настолько, чтобы продолжать поход, и главнокомандующий, получив радио Адмиралтейства о том, что у Гельголанда все спокойно, возвратился в Скапа для погрузки угля.

Операции русского флота по восстановлению минных позиций в Балтике еще не закончились и это обстоятельство, равно как и еще одна причина, заставляли быть на чеку. Несколько времени тому назад адмирал Бейкон, занимавший попрежнему должность начальника Дуврского Патруля, разработал проект минного и сетевого заграждения против Фландрской подводной флотилии немцев. Несколько раз осуществление этого проекта по различным причинам откладывалось, но теперь наконец операция состоялась. Идея сводилась к тому, чтобы закрыть проход между бельгийским берегом и мелью Thornton Ridge, установив двойную линию глубоководных мин поперек входа в Зеебрюгге. Кроме мин как здесь, так и у маяка North Hinder, ставились и „минные сети“ [1]).

Назначенный для операций отряд состоял из 6 дивизионов дрифтеров, 4 больших заградителей и 6 минных трауллеров, а также мониторов *Prince Eugene* и *General Wolfe*, дивизиона Гарвичских миноносцев типа „М“ и дозорных судов, базировавшихся на Дюнкерк. В 4 ч. утра 24 апреля весь отряд был на месте, а к 7 ч. 30 м. утра работа уже закончилась. Заградители ушли, а дрифтеры с судами поддержки остались стеречь сети. Вскоре они подверглись нападению неприятельских самолетов, но неудачно. Один из аппаратов был сбит и взорвал себя как только сел на воду. Затем у Зеебрюгге показались два германских миноносца и наши „М“—*Medea*, *Murray*, *Melpomene* и *Milne* бросились за ними и открыли огонь. В пылу преследования они подошли настолько близко к берегу, что попали под обстрел береговых батарей. Ни один из миноносцев не избежал попадания, при чем в *Melpomene* снаряд попал в машину и он остановился. *Milne* и *Medea* взяли его на буксир. Немецкие миноносцы, воспользовавшись замешательством, снова вышли из-под защиты батарей. *Medea* быстро отдал буксир и вместе с *Murray* открыли по противнику жаркий огонь. На этот раз к ним присоединились мониторы, в результате чего неприятель опять поспешил укрыться под берегом. Остаток дня прошел спокойно и дрифтерам никто не мешал наблю-

---

[1]) „Минные сети“—улучшенный образец заградительных сетей первоначального образца. Мины прикреплялись к сетям таким способом, что, как только лодка начинала тащить сеть за собою, ближайшая мина взрывалась.

дать плоды операции. Две лодки не замедлили запутаться в сетях и взорваться; вслед за ними, судя по взрывам мин, погибло еще две.

Начало было достаточно удачным, но день 24 апреля навсегда останется мрачной страницей в нашей истории. Гранд-Флит с утра приступил к погрузке угля и работа была в полном разгаре, когда в 4 ч. дня адмирал Джеллико получил весьма тревожные известия из Лондона. В Ирландии началось восстание; синфайнеры завладели Дублином; Флот Открытого моря, повидимому, снялся с якоря и были данные считать, что Германия намерена оказать поддержку мятежникам и произвести демонстрацию на нашем восточном побережьи.

За неделю до этого главный командир в Куинстоуне адмирал Бейли, получил предупреждение, что синфайнеры приурочивают выступление к началу Пасхи и что из Германии для них выгружается оружие на побережьи около Лимерика. Бейли немедленно установил дозор в устьи реки Kenmare, в бухте Dingle и в районе между Shannon и островами Aran. 20 апреля наблюдение было усилено присылкой крейсера *Gloucester* и четырех миноносцев Гранд-Флита.

Тем временем германский вспомогательный крейсер *Либава*, замаскированный под норвежский пароход *Aud*[1]), прибыл с оружием к берегам Ирландии, намереваясь соединиться там с немецкой лодкой *U-19*, на которой находился глава мятежников сэр Роджер Кэсмент. Лодка прибыла по назначению 20 апреля, но не опознала *Либавы* и в тот же день вошла в Tralee. Кэсмент высадился ночью на берег, *Либава* же, простояв сутки, двинулась к югу. На следующий день (21 апреля) она была остановлена местным дозором и под конвоем канонерки *Bluebell* была отправлена в Куинстоун. За ночь обман не обнаружился, но утром немцы решили, что дальнейший маскарад бесцелен и открыли кингстоны. Подходя к плавучему маяку Daunt rock *Либава* затонула[2]). Три офицера и девятнадцать человек команды были взяты в плен. Кэсмент уже попал в руки полиции в окрестностях Tralee, и адмирал Бейли мог сосредоточить свое внимание на содействии сухопутному начальству в размещении войск, спешно присланных из Ливерпуля, и в принятии всех необходимых мер безопасности.

Таким образом, было достаточно оснований ожидать соответствующего выступления Флота Открытого моря. Тирвит, вышедший в море для тактических упражнений, по-

[1]) Такой норвежский пароход действительно существовал и *Либава* был принят дозорными отрядами за *Aud*.

[2]) Подробности операций *Либавы* см. книгу Шпиндлера — «Таинственный корабль». Пер. с немецкого. Берлин 1924 г. *Ред.*

лучил распоряжение немедленно вернуться в Гарвич и принять полный запас угля, а Гранд-Флит—спешить с окончанием угольной погрузки и оставаться в двухчасовой готовности. Битти, возвратившийся накануне в Розайт в 8 часов вечера, уже в 5 ч. дня 24 апреля донес, что его крейсера готовы к выходу в море. Главнокомандующий пришел обратно в Скапа лишь после 6 ч. утра и был в состоянии сняться с якоря не раньше 7 ч. вечера. Кроме того он сообщал, что задувший с юга шторм не позволит миноносцам держаться в море и заставит легкие крейсера идти малым ходом.

В 6 ч. вечера Джеллико получил сообщение, что три часа тому назад германские линейные крейсера находились в сорока милях на W от Гельголанда и что линейные корабли противника, повидимому, следуют за ними. В 7 ч. 50 м. выяснилась ошибочность последнего предположения и из Адмиралтейства последовало распоряжение выходить в море и сосредоточить Гранд-Флит с целью перехватить неприятеля. При этом сообщалось, что на юге погода значительно тише. Но Джеллико еще до получения последней телеграммы из Лондона отдал соответствующие распоряжения. Узнав о выходе Флота Открытого моря, он сразу распорядился поднимать пары для полного хода и приказал Битти немедленно идти в „район I“, следуя проходом протраленным с западной стороны германского минного поля. В виду выхода из строя *Australia* и *New Zealand*'а, адмирал Эван-Томас со своими быстроходными „Queen Elisabeth'ами“ должен был тотчас по готовности спешить на поддержку линейных крейсеров. Сообщая об этом Битти, главнокомандующий предупреждал его о необходимости не втягиваться в бой с превосходными силами, пока остальные линейные эскадры не подойдут достаточно близко. Резервный отряд, стоявший в Розайте,—3-я эскадра линейных кораблей и 3-я крейсерская получили директиву занять позицию у островов Farn, имея задачей прикрывать Тайн.

До более точного выяснения обстановки главнокомандующему не оставалось делать ничего другого.

Одновременно по всему побережью были приняты необходимые меры предосторожности. Мелкие вспомогательные дозорные суда и тральщики были отозваны, флотилия местной обороны и подводные лодки приведены в полную боевую готовность. Воздушные силы получили приказание с наступлением рассвета произвести разведку и атаковать всякое замеченное в море неприятельское судно.

Пока по всему восточному побережью кипела работа, получились новые сведения о противнике. В 8 ч. 10 м.

утра адмиралу Джеллико было сообщено, что флагманский крейсер *Зейдлиц* подорвался на мине, но что остальные крейсера 1 разведочной группы продолжают операцию, находясь в районе, расположенном в пятидесяти милях на NW от Боркума. 3 эскадра германских линейных кораблей, в составе новейших дредноутов, следует вдоль голландских берегов и в тридцати пяти милях к N от Tershelling повернет на SW. Остальные две эскадры дредноутов, повидимому, держатся соединенно с ней. Становилось очевидным, что неприятель не собирается ограничиться демонстрацией, а готовит на юге нечто более серьезное. Обстановка вызвала серьезные опасения, так как уже давно сознавалось, что предприимчивый противник не лишен возможности предпринять операции во Фландрской бухте и Дуврском проливе.

Немцы под прикрытием Флота Открытого моря всегда могли выделить суда для набега на наши базы в Ярмуте, Ловестофте или даже в устьи Темзы. Дуврские минные заграждения не помешали бы сильному отряду прорваться в пролив и прервать наши коммуникации в Канале. Заманчивый объект для нападения составляла также и та масса торговых судов, которая каждую ночь собиралась на рейде в Доунсе. Неприятельская линейная эскадра, которой удалось бы хотя на несколько часов проникнуть в Дуврский пролив, произвела бы погром, не поддающийся учету. Однако, этим опасность не ограничивалась. Немцы могли постараться заблокировать некоторые важные для нашей армии французские порты и, наконец, попытаться обойти приморский фланг союзников, высадив десант между Дюнкерком и Ньюпортом в Ла-Панн. В германских базах во Фландрии сосредоточилось громадное количество лихтеров и барж и сухопутное командование считалось с реальностью угрозы. Адмиралтейство с своей стороны ручалось, что попытка высадки десанта окончится неудачей. Указанные выше опасения уже давно заставили разработать соответствующие мероприятия и они тотчас же были пущены в ход.

Отличительной чертой этих мероприятий было стремление поставить наши минные флотилии и подводные лодки в такое положение, чтобы дать им удобный случай вывести из строя один — два крупных корабля противника и этим настолько задержать движение Флота Открытого моря, чтобы дать время главным силам Гранд-Флита отрезать ему обратный путь. Для этого шесть подводных лодок из Ярмута с одним эскадренным миноносцем были высланы на позицию в открытое море на полпути между Southwold и Hook of Holland, а Тирвит с легкими крейсерами отправлен на позицию в двадцати милях на NNO от позиции лодок

с тем, чтобы выйти на предполагаемый курс германских линейных кораблей и стараться завлечь их в расставленную западню. Все миноносцы Тирвита, как базировавшиеся на Гарвич, так и на Нор, получили приказание собраться к рассвету по близости позиции подводных лодок, где и ожидать дальнейших инструкций. Точных сведений о движении неприятельских линейных крейсеров Адмиралтейство не имело и в 10 ч. 40 м. вечера, не получив новых сообщений о противнике, отдало распоряжение начальнику Ярмутской подводной флотилии выслать в море шесть лодок с тем, чтобы они держались на расстоянии пушечного выстрела от Ярмута.

Только около полночи (11 ч. 40 м. в.) выяснилось, что немецкие крейсера приблизительно через два часа будут у района немецкого минного заграждения (район Southwold), следуя на W курсом, который ведет через заграждения прямо на Ярмут, эскадры линейных кораблей следуют за ними в пятидесяти милях. Адмиралу Бейкону было приказано немедленно прекратить все операции на Фландрском побережьи и сосредоточиться для обороны Дувра, выслав все самолеты *Vindex*'а вдоль побережья для атаки неприятельских судов, как только они появятся. Одновременно, не теряя ни минуты, было сделано все, чтобы намеченная диспозиция наиболее отвечала выяснившейся обстановке. Миноносцу *Melampus*, только что вышедшему в море с шестью подводными лодками, было приказано отвести их на тридцать три мили к N от первоначально указанной позиции. При условии, что главные силы Гранд-Флита только что снялись с якоря, а передовые эскадры еще находились далеко на севере, предпринять большего против ожидаемого набега не было никакой возможности.

Пока Гранд-Флит ночью спешил на юг, на восточном побережьи Англии показались цеппелины, возвещая начало предстоящего нападения.

Почему адмирал Шеер избрал именно эти дни для возобновления своей попытки, имевшей место месяц тому назад, трудно сказать. В его отчете нигде не указывается об ирландском мятеже, а приводимые им доводы не совсем сходятся с фактами. Операцию намечалось произвести в направлении на Фландрскую бухту, „но ее предполагалось продолжать с тем, чтобы заставить неприятеля выйти в море". „Я предполагал", говорит Шеер, „достигнуть этого бомбардировкою приморских городов и воздушным нападением на Англию в ночь моего пребывания в море".

Постоянные донесения о нашей активности у берегов Норвегии приводили Шеера к мысли, что английский флот разделился на два отряда, и он решил, что ему представляется удобный случай вступить в бой с одним из них.

Нам, конечно, было известно, что германская разведочная служба оставляет желать лучшего, но не верится, что она могла быть настолько плоха, чтобы не узнать, что английский флот всегда был разделен на две группы — северную и южную. Вернее всего, германский главнокомандующий хотел нанести неожиданный удар и отойти раньше, чем южные или северные силы английского флота успеют войти с ним в соприкосновение. Бомбардировка не должна была длиться более получаса и вообще вся обстановка операции показывает, что руководящей идеей Шеера был набег, как таковой. Разработанный план предусматривал нападение на намеченные города врасплох „с целью предупредить возможность контр-мер противника, ввиде высылки подводных лодок из Ярмута".

В походе приняли участие все наличные суда Флота Открытого моря, но ударный отряд под флагом адмирала Бедикера состоял из четырех линейных крейсеров I-ой разведочной группы и четырех легких крейсеров II-ой разведочной группы с двумя быстроходными флотилиями эскадренных миноносцев с их лидерами. Все остальные эскадры и отряды составляли поддержку. Суда поддержки не должны были втягиваться в район Фландрской бухты, но стараться держаться в открытом море к северу и западу от Tershelling'a. „Это", пишет Шеер, „была единственная позиция, которая в случае боя обеспечивала свободу действий", и которая, нужно добавить, гарантировала немцам возможность быстрого отхода. В качестве меры предосторожности в устье Ферт-оф-Форта немцами были высланы свободные подводные лодки и одна из них заминировала там южный проход. Из состава Фландрской подводной флотилии шесть лодок получили приказание отправиться к Ловестофту, остальные оставлялись в готовности впредь до дальнейших распоряжений. Разведочную службу при флоте несли четыре цеппелина [1]).

В полдень 24 апреля флот противника вышел в море следуя вдоль голландского берега с расчетом пройти южным проходом германского заграждения у Nordeney, а затем обогнуть с севера минное поле, поставленное *Princess Margaret* и *Angora* в ноябре прошлого года. В этом районе *Зейдлиц*, наскочив на мину, лишился возможности продолжать поход и ад. Бодикер был вынужден перенести свой флаг. Тревога (ложная), вызванная якобы появлением подводных лодок, сильно задержала процедуру перехода флагмана и потеря времени грозила успеху внезапности

[1]) Цеппелины ночью сбросили бомбы поблизости от Ярмута и Ловестофта, но причинили очень незначительные повреждения. Жертвы ограничились двумя убитыми.

задуманного нападения. Опасаясь дальнейших несчастий подобного рода, Шеер был вынужден отказаться от следования намеченным курсом и придержаться берега.

Погода стояла исключительно ясная и движение германского флота могло быть замечено с близ лежащих голландских островов и, следовательно, сделаться известным в Лондоне. Но к заходу солнца Шеером были получены два успокоительных сообщения главной квартиры: одно гласило о замеченной накануне утром большой английской эскадре у Скагеррака—вероятно, нашей 4 эскадры легких крейсеров,—а второе о том, что значительные неприятельские силы с рассветом показались у устья Шельды. „Намерения противника еще не выяснены", телеграфировали из Германии, „но, повидимому, его появление здесь связано с предстоящей бомбардировкой бельгийского побережья". Эти известия, как говорит Шеер, подтвердили его соображения относительно последовавшего разделения британского флота на два отряда. Надо полагать, что они также убедили его в том, что оба отряда всецело поглощены своими операциями и ему не помешают.

Однако, вскоре последовало новое сообщение менее утешительного характера. В 8 ч. 30 м. ему дали знать с перехваченном английском радио с сигналом, отзывающим все дозорные суда. Последнее известие указывало, что движение германского флота обнаружено, что Шеер приписывал встрече линейных крейсеров с нашими подводными лодками в момент аварии *Зейдлица*.

Хотя Адмиралтейство уже полчаса тому назад отправило Джеллико первое подробное сообщение о движении германского флота, оно получило свои информации отнюдь не от подводных лодок. Адмирал Шеер и не подозревал, насколько читались его мысли.

К полночи он достиг условленного рандеву в тридцати милях к северу от Terschelling'a.

В это самое время Тирвит спешил в открытое море с 5 эскадрой легких крейсеров (*Conquest*, *Cleopatra* и *Penelope*) и лидером *Lightfoot* с семью миноносцами, раньше других успевших приготовиться к походу. *Nimrod* с остальными девятью вышел немного позднее и шел за ними. Два дивизиона миноносцев типа „L", оперировавшие с отрядом адм. Бейкона, только что возвратились в Нор и не могли выйти раньше как через два часа. Около 1 ч. 30 м. ночи Тирвит уже оставил за кормой плавучий маяк Sunk, но не повернул к назначенной ему позиции, ниже заминированного района, а пошел к северу от него.

Как раз перед его выходом получилась телеграмма Адмиралтейства, отправленная в 11 ч. 40 м. вечера, из которой явствовало, что неприятельские линейные крейсера намереваются пересечь опасную зону, и, следовательно, полученные им ранее инструкции не соответствуют обстановке. Миноносец *Melampus* со своими подводными лодками находился в пути, чтобы занять назначенную позицию, но, хотя он шел направляясь прямо поперек опасной зоны, лодки в лучшем случае могли поспеть только, чтобы перехватить неприятеля при его отступлении.

Сознавая, что полученные им инструкции базируются на ложном представлении об обстановке, Тирвит находился в трудном положении, но обладая исключительными качествами начальника и никогда не боясь принять самостоятельного решения, он, не колеблясь, повернул прямо на врага. Все шансы успеха были на стороне противника тем более, что на помощь миноносцев не приходилось рассчитывать. В 2 ч. ночи, на совершенно ясном небе взошла луна, а через два часа начинался рассвет. Все же нельзя было предоставить немцам безнаказанно хозяйничать на нашем побережьи и Тирвит надеялся соблазнить германские суда погоней за его крейсерами и отвлечь их на себя.

С тремя легкими крейсерами и двумя флотилиями миноносцев он смело пошел на NNO к Ловестофту, рассчитывая войти в соприкосновение с противником раньше, чем последний успеет открыть берег. Около 3 ч. 50 м., когда небо со стороны моря стало немного проясняться, справа по носу показалось несколько судов, идущих в северо-западном направлении. Тирвит повернул на параллельный курс и, как только стало светлее, обнаружил шесть легких крейсеров с миноносцами, впереди которых вырисовывались контуры пяти линейных крейсеров. Продержавшись несколько минут на курсе, чтобы дать себя хорошенько рассмотреть, Тирвит быстро повернул на юг, якобы с целью уйти. По началу казалось, что уловка удалась. Легкие крейсера немцев бросились было в погоню, но сразу повернули обратно. Составляло ли главную цель неприятельской операции уничтожение подавляющими силами какого либо отдельного отряда нашего флота—неизвестно, но адмирал Бодикер не собирался так легко отказаться от намерения нанести удар, имея столь близко эту возможность. Германские суда продолжали идти к берегу.

В 4 ч. 10 м. с судов Тирвита заметили, как линейные крейсера немцев открыли огонь по городу. Первые залпы упали в море, через минуту-другую снаряды разорвались на берегу, но неприятель скрылся из виду. Только орудийные вспышки показывали его место. За отрядом Тирвита неприятель не пошел и он приостановил свой отход. Повер-

нув затем вправо, он прошел несколько к берегу, пытаясь еще раз увлечь за собою противника, но стихающий шум бомбардировки показал, что последний от него уходит. В 4 ч. 20 м. звуки выстрелов прекратились вовсе. Было совершенно очевидно, что германские крейсера направились к Ярмуту, и Тирвит, решив сделать попытку спасти этот город, повернул на север, чтобы опять войти с ними в соприкосновение.

На этот раз было больше надежды что либо сделать, так как немцы направлялись в воды, где должны были быть подводные лодки. Однако, лишь одна лодка находилась на расстоянии пушечного выстрела от порта. У плавучего маяка Cross Sands стояла только *H-5*, две же другие— *H-10* и *Y-1* держались на линии, проходящей на ONO от Smith's Knoll.

Повидимому, инструкции Адмиралтейства были поняты как приказание охранять подход к Ярмуту к северу от опасной зоны [1]). *H-5* была единственная, которая увидела неприятельские суда в момент их появления у Ярмута. Она немедленно погрузилась для атаки, но находилась слишком далеко к северу, а противник повернул на восток раньше, чем она поспела выйти на позицию. Попытки остальных двух лодок окончились столь же неудачно. Не говоря уже о том, что *H-10* и *Y-1* находились еще дальше от цели, им помешали наши же воздушные силы. Летчики, ничего не зная о присутствии английских лодок у Ярмута, забросали их бомбами. Конечно, не летчики были виноваты в ошибке. Они со своей стороны сделали все, что могли; некоторые аппараты преследовали немецкие суда на шестьдесят миль в море, но к сожалению без успеха.

Нельзя сказать, что именно спасло Ярмут от судьбы Ловестофта и какую роль в данном случае сыграло присутствие подводных лодок и отряда Тирвита. Точные движения немецких судов за это время остались невыясненными. Но, повидимому, *Росток* и *Эльбинг* с миноносцами снова заняли свое фланговое положение, так как в 4 ч. 30 м. Тирвит, идя в северном направлении, обнаружил их на NO. С расстояния 65 каб. наши крейсера открыли огонь. На фоне туманного берега они, вероятно, не были видны противнику, который не отвечал, а начал маневрировать, как бы стараясь навести отряд Тирвита на свои линейные крейсера. Возможно, что *Росток* и *Эльбинг* для этой именно цели и отделились от своих главных сил. Во всяком случае через пять минут в десяти милях к северу показались германские линейные крейсера, идущие прямо на Тирвита. Он немед-

[1]) Из остальных трех лодок *H-7* стояла у Haisborough Gat, а *E-53* и *E-37* шли в это время из Гарвича.

ленно повернул вдруг на 16 R и лег на обратный курс, но сразу же оказался под тяжелым обстрелом. Один из первых залпов попал в *Conquest* (брейд-вымпел), шедший теперь концевым, и разорвался на надстройках верхней палубы. Радио-сеть полетела за борт, сорок человек были убиты и ранены, но машина не пострадала, и крейсер продолжал идти 20 узловым ходом.

Приказав миноносцам рассыпаться и выпустить дымовую завесу, начальник отряда остался на курсе. Прошло еще несколько минут и неприятельский огонь прекратился; германские суда скрылись во мгле. Наши крейсера находились под обстрелом около четверти часа, но кроме *Conquest*'а пострадал только миноносец *Laertes*, на котором вывело из действия один котел и ранило пять человек.

Принимая во внимание, что согласно плана бомбардировке уделялось лишь полчаса, а фактически она продолжалась даже менее 15 минут, совершенно очевидно, что действия Тирвита до известной степени достигли своей цели. Ловестофт пострадал очень сильно, но не появись Тирвит, город потерпел бы значительно большие разрушения. В результате бомбардировки около двухсот домов обратились в развалины, хотя убитых и раненых было очень немного. Ярмут остался почти что нетронутым.

Не закончив своей работы, линейные крейсера немцев поспешили на присоединение к адмиралу Шееру.

Как только они прекратили огонь, Тирвит, совместно с присоединившимся к нему на миноносце *Lurcher* начальником Ярмутского отряда подводных лодок кап. 1 р. Уейстелем, повернул на OSO. Курс вел ко входу в ,так называемый, проход „K", протраленный в опасной зоне и тянувшийся на NO, т. е. прямо в Гельголандскую бухту. Еще оставалась надежда снова войти в связь с противником у Terschelling'a.

К 5 ч. 40 м. самые необходимые исправления закончились и отряд полным ходом бросился в погоню.

Тем временем командир миноносца *Melampus* кап.-лейт. Хеветт с пятью подводными лодками подошел к назначенному месту и только начал расставлять лодки на позиции, как получил приказание кап. 1 р. Уейстеля растянуть их до широты 53°15'N поперек предполагаемой линии отхода противника, а самому уходить на юг. Но он уже знал, что противник находится в двадцати пяти милях к западу и идет полным ходом. Поэтому он остался, чтобы скорее закончить расстановку лодок. В 6 ч., когда *Melampus* еще шел, на N, впереди показались германские суда. Лодки опоздали, но Хеветт все же надеялся, что передовая лодка успеет атаковать немцев. *E-55* десять минут спустя действительно

заметила линейные крейсера, но они прошли в четырех милях впереди и благополучно ускользнули.

Вероятно, в данный момент противник и не думал вступать в бой с теми силами, появление которых мог вызвать произведенный набег. А объект для боя был не так далеко. Правда, адмирал Битти все еще находился в расстоянии шестичасового перехода от позиции германских линейных кораблей у Terschelling'a, где, как пишет Шеер, ему представлялись наиболее благоприятные условия для боя в случае нашего намерения отрезать ему отступление.

Однако, вряд ли эскадренный бой действительно входил в планы германского главнокомандующего, хотя бы и в им самим избранных водах. Немцы даже не сделали никакой попытки нанести вторичный удар нашим легким силам, предоставив это подводным лодкам Фландрской флотилии прикрывавшим отход Флота Открытого моря.

Идя в строе фронта на NO, крейсера Тирвита в 6 ч. 40 м. утра заметили одну из германских лодок, но продолжали погоню. В 8 ч. 30 м. утра на горизонте, прямо по носу, показался густой дым, но через десять минут было принято радио Адмиралтейства с приказанием возвратиться. Тирвит тотчас повернул обратно. Около 10 ч. утра в *Penelope* попала торпеда. Выстрел был произведен с дальней дистанции, так как торпеда шла уже почти по поверхности. У *Penelope* оторвало руль и повредило рулевую машину, но он, несмотря на это, продолжал идти двадцатиузловым ходом. В 3 ч. дня Тирвит со своим отрядом благополучно возвратился в Гарвич.

Ответ на германское нападение не заставил себя ждать. Со времени мартовского набега на побережье Шлезвига, который случайно не закончился эскадренным боем, было приступлено к разработке плана вторичной операции подобного же рода. К концу апреля план был готов во всех деталях. В ночь на 3 мая должно было быть выставлено два минных заграждения с внешней стороны протраленных немцами проходов: первое заграждение ставилось с *Princess Margaret* на NW от Боркума, а второе к югу от плавучего маяка Vyl с лидера *Abdiel*. За каждым из заграждений наблюдали подводные лодки, из которых три высылались на позицию у банки Terschelling, а шесть в район — Horn Reefs. Рано утром 4 мая у о. Сильт должна была появиться 1-ая эскадра легких крейсеров совместно с авианосцами *Vindex* и *Engadine* и 16 миноносцами 1-ой минной флотилии. Затем 9 гидросамолетов высылались для нападения на ангары цеппелинов в Тондерн. После их возвращения коммодор Александер-Синклер отходил со своими крейсерами к северу. Разница между предстоящим набегом и предыдущим заключалась в том, что бомбардировка ангаров не

являлась главной целью операции. На этот раз ставилась более широкая задача. Приобретенный опыт говорил за то, что даже временная угроза безопасности германского побережья заставит весь Флот Открытого моря покинуть свои гавани. Минные поля ставились на пути наиболее вероятного движения немецких судов, туда же высылались и подводные лодки, а главные силы Джеллико занимали позицию у южных подходов к Скагерраку. Крейсера адмирала Битти высылались вперед, южнее главных сил.

Рано утром 3 мая все эскадры и отряды вышли в море, но неожиданный случай чрезвычайно усложнил обстановку. Ночью несколько цеппелинов произвели набег на Иоркшир и, возвращаясь обратно, пересекали Северное море как раз в то время, когда наш флот направлялся к Гельголандской бухте. Можно было быть уверенным, что при приближении воздушных кораблей к германским берегам крупные отряды немецкого флота выйдут им навстречу и, следовательно, помешают намеченной операции. Однако, эти соображения не были сами по себе достаточно вескими, чтобы отменить уже отданные распоряжения; да к тому же теперь было поздно менять разработанный сложный план. Флот продолжал поход. Днем 3 мая сомнения адмирала Джеллико несколько рассеялись. Адмиралтейство сообщало, что эскадра легких крейсеров и линейные крейсера адмирала Хиппера вышли было в море, но теперь возвращаются обратно. Обстановка сулила успех, т. к., раз линейные эскадры Шеера еще не находятся в море, ничто не помешает ему по первой тревоге выйти навстречу английским судам.

Первую часть плана удалось выполнить беспрепятственно. В половине первого ночи 4 мая командиры *Princess Margaret* и *Abdiel* поставили заграждения, и к рассвету Гранд-Флит вошел в район, который он должен был занимать в течение дня.

У о. Сильт дело обстояло значительно хуже. Около 3 ч. утра крейсера коммодора Синклера пришли к назначенному месту и *Vindex* спустил самолеты. Но из девяти аппаратов удалось оторваться от воды только двум, остальные были подняты с поломанными пропеллерами. Из поднявшихся самолетов, один зацепился за радиосеть миноносца *Goshawk* и свалился. Аппарат разбился, а летчик утонул. К половине пятого возвратился единственный летчик, которому посчастливилось сбросить бомбы, и два часа спустя Синклер присоединился к отряду Битти, образовав завесу линейных крейсеров.

Несмотря на неудачу воздушного набега, наша эскадра осталась у германских берегов, рассчитывая на выход Флота Открытого моря. В течение ближайших двух часов не случилось ничего. Но в 8 ч. 30 м. утра наиболее уда-

ленные к весту легкие крейсера—*Galatea* и *Phaeton*—заметили к югу от себя цеппелин *L7*. Через полчаса они с ним сблизились и, сделав несколько залпов, снова заняли свои места в строю. С последним выстрелом цеппелин стал вертикально, а затем стремительно полетел вниз. Подходить к подбитому кораблю для его уничтожения крейсера, опасаясь подводных лодок, не рискнули, да этого и не потребовалось. Снаряд попал в баки с горючим и цеппелин запылал. Через несколько минут, когда к месту его падения подошла наша лодка *E-31*, ей осталось лишь поднять плавающих в воде семь человек.

Гранд-Флит оставался в неприятельских водах более шести часов, но противник не проявлял никаких признаков активности и в 2 ч. ночи адмирал Джеллико, считая дальнейшее ожидание бесцельным, повернул обратно.

Набег Шеера внес луч света в мрак, который окутал берлинский кабинет. Нападение на Ловестофт и Ярмут произвело сильное впечатление в Германии, но оценка этого удачного случая далеко не соответствовала действительности. В Германии решили, что коварный враг не может более господствовать в своих собственных водах. Насколько набег повлиял на вопрос подводной кампании — сказать трудно. Во всяком случае он поднял престиж Флота Открытого моря и, конечно, не мог пройти бесследно. Все, что нам известно, это то, что канцлеру удалось все-таки выйти победителем из спора. Не поставив в известность начальника генерального штаба, совещание постановило отложить беспощадную подводную войну. 4 мая американскому послу была вручена нота, в которой выражалось согласие удовлетворить все требования Соединенных Штатов. Правда, канцлер старался позолотить пилюлю, подняв вопрос о „свободе морей“ с целью ослабить влияние английской блокады. Но его старания вызвали лишь новое резкое возражение американского правительства. „Уважение германских морских властей“, писали из Вашингтона, „к правам граждан Соединенных Штатов на море никаким образом и ни в какой степени не должно зависеть от поведения другого правительства“.

ГЛАВА XVI.

Канун Ютландского боя.

Безнаказанность нападений германских крейсеров на наше побережье была неожиданным и тяжелым ударом для английского общественного мнения. Хотя бомбардировка не вызывала ничего даже похожего на панику и вера в мощь флота осталась непоколебленной, тем не менее Адмиралтейство сочло необходимым выступить с соответствую-

щим разъяснением. Оно вылилось в форму письма первого лорда Адмиралтейства Бальфура на имя мэров Ловестофта и Ярмута, в котором сообщалось, что предпринимаемая новая дислокация в отечественных водах сделает для неприятеля чрезвычайно рискованным повторение набега на восточные берега Англии.

В первый период войны, как объяснял Бальфур, возможность длительной операции врага, в виде вторжения, вызывала необходимость сосредоточить главные силы флота на севере, не считаясь при этом с тем, что не всегда удастся перехватить неприятельские суда, отправленные в набег. Теперь же, когда в строй вступили новые боевые единицы, представлялось возможным не только улучшить средства береговой защиты, но и выделить из Гранд-Флита значительные силы на юг, не опасаясь нарушить где бы то ни было наше превосходство на море.

Обсуждение вопроса изменения дислокации, о котором упоминал первый лорд, фактически началось еще в начале года. Но прежние затруднения, т. е. неготовность баз Северного моря, заставляли отложить осуществление задуманных мероприятий до окончания работ по устройству всего того, что требовалось для обеспеченного базирования.

17 февраля на заседании Военного Совета, на которое был вызван Джеллико, наше общее стратегическое положение на море подверглось тщательному обсуждению, при чем Совет в первую очередь обсудил возможность осуществления наступательных операций, намеченных неосуществленным проектом лорда Фишера. Детали его никому не сообщались, но было известно, что проект предусматривал использование подходящего момента таким образом, чтобы нарушить германский план войны, заставив немцев распылить силы для защиты своего северного фронта. Объектов для нападения имелось несколько. Можно было захватить один из германских островов для устройства на нем воздушной и подводной базы или для операций по заблокированию немецких портов. Высадка десанта на побережьи Шлезвига, или еще лучше—в Дании (если противник нарушит ее нейтралитет, как нарушил нейтралитет Бельгии) также считалась возможной. Наконец, оставалось побережье Померании, от которого до Берлина было не более ста миль и где под рукою находились несметные в то время вооруженные силы России, и следовательно, Германия не могла бы игнорировать угрозу вторжения. Проект в целом был связан с совместными действиями армии, но не касался Гранд-Флита, который оставался в резерве на случай выхода Флота Открытого моря.

Все морские операции возлагались на специальный отряд судов, которые были построены Фишером. Однако, как

мы знаем, Дарданеллы поглотили этот отряд и, каковы бы ни были шансы на успех проекта при его возникновении, для всех членов Совета было ясно, что теперь эти шансы исчезли. Увеличение дальности действия тяжелой артиллерии и ее мощности делали невозможным удержание прибрежного острова в качестве базы. Необходимых для десанта войск не было. Кроме того усиление минной и подводной опасности чрезвычайно усложнило бы трудное дело снабжения флота в Балтике. На этом основании и по ряду других не менее важных причин замыслы адм. Фишера были признаны невыполнимыми.

Оставалась возможность только таких операций второстепенного характера, как заблокирование неприятельских портов и постановка минных заграждений. Но для успешного заблокирования требовалось громадное количество пароходов, а тоннажа и без того не хватало. Значительное число судостроительных рабочих поступило в ряды армии, и постройка новых судов шла не настолько быстро, чтобы пополнить потери торгового флота, которые он нес от подводных лодок и мин. Попытки исправить зло делались, и коммерческое судостроение было объявлено „работой на оборону", но тревога за участь нашего снабжения, поступающего из-за океана, уже давала себя знать.

Что касается постановки мин с целью закрыть выходы из немецких портов, то такого рода операции могли быть действительными лишь при условии охраны заграждений, что было выполнимо лишь после поражения главных сил неприятельского флота. Таким образом, не оставалось другого выхода как продолжать действовать попрежнему, т. е. оставаться настороже и стараться всеми доступными средствами побудить Флот Открытого моря выйти в море.

Однако, существовавшая дислокация не вполне отвечала даже и этой задаче, оставляя желать лучшего. В начале апреля вопрос подвергся тщательному пересмотру. Первый морской лорд указывал, что дислокация не только не обеспечивает безопасность южного района, но кроме того имеет еще один крупный недостаток: главные силы флота находятся настолько далеко к северу, что не могут использовать те возможности, которые имели место в недавнем прошлом и единственно которые имеют шансы повторяться в будущем. Пока мы будем держать наш значительно превосходящий противника флот сосредоточенным, неприятель никогда не пойдет в район его расположения, так как это равносильно самоубийству. Если же мы разделим флот, Англии не видать победы. Нам остается только ожидать неприятельских воздушных набегов и других мелких наступательных операций, для поддержки которых новый германский главнокомандующий быть может и выйдет с Фло-

том Открытого моря. Но для того, чтобы встретиться с главными силами немцев, Гранд-Флит должен базироваться южнее, разделив место своей стоянки между Розайтом и Хумбером. Меры по соответствующему их оборудованию уже были приняты, но до окончательной готовности южных баз старая дислокация осталась в силе.

Все же некоторая возможность улучшить обстановку существовала. Прежде всего можно было выделить из состава главных сил быстроходную 5-ую эскадру линейных кораблей для совместных действий с линейными крейсерами. Незамедлительное проведение в жизнь подобной меры считалось в некоторых морских кругах весьма желательным, так как к тому имелись особые причины. Выяснилось, что немецкие линейные крейсера *Лютцов* и *Гинденбург* в скором времени вступают в строй, и это требовало соответствующего усиления отряда, базировавшегося на Розайт. Это могло быть достигнуто заменой 3-й эскадры линейных кораблей „Queen Elisabeth'ами". Адмирал Битти горячо поддерживал проект, но главнокомандующий не соглашался. Несмотря на большой ход 5-ой эскадры, считалось, что он не достаточен, чтобы принудить к бою *Лютцова* и *Гинденбурга*. Кроме того Джеллико приводил и другой веский довод против перевода в Розайт эскадры адмирала Эван-Томаса. План боя, разработанный Джеллико, предусматривал для этой эскадры особые функции. „Queen Elisabeth'ы" должны были составлять отдельную „свободную фланговую эскадру" (free wing squadron), которая не входила в „линию баталии" и могла быть использована в нужный момент в качестве особого ударного отряда для действий против части неприятельского флота или же для того, чтобы восполнить недостаток, присущий строю одной кильватерной колонны—негибкость. А именно этот строй и лег в основу плана боя. Поэтому было решено не менять дислокации, пока не выяснится достоверно, что германский отряд линейных крейсеров действительно стал сильнее английского, и не ранее вступления в строй новых линейных кораблей, когда число дредноутов достигнет двадцати четырех.

Таким образом, восточное побережье Англии оставалось открытым для набега. Оборона его была настолько слаба, что для Адмиралтейства являлось совершенно непонятным, почему немцы до сих пор не сделали попытки нанести удар. Само собою разумеется, это было связано с риском, но он был необходим для конечного результата.

Раз флот оставался сосредоточенным, не могло быть и надежды на решительный бой и Адмиралтейство не видело другого способа вызвать немецкие эскадры в море, как предоставить ему приманку в виде набега на незащищен-

ное побережье. Все, что можно было сделать в то время, это—постараться предпринять такие меры, которые в случае, если бы набег состоялся, обеспечили бы вместе с тем и желаемое появление Флота Открытого моря. К середине апреля стало возможным кое-что сделать в этом направлении. Главные силы флота достигли намеченного состава и 15-го апреля адмирал Джеллико был уведомлен, что новая дислокация вступит в силу, как только закончатся работы по защите внешних якорных стоянок в устьи Форт. Одновременно с готовностью Хумбера принять две эскадры, 3-я эскадра линейных кораблей и 3-я крейсерская эскадра должны быть переведены туда. Это распоряжение имело бы те последствия, что при попытке немцев произвести набег легкими силами им пришлось бы выслать для поддержки отряд линейных судов. Желаемый случай мог бы представиться, но, чтобы его использовать в полной мере, требовалась готовность дредноутов поддержать Хумберский отряд. Поэтому, и в связи с предстоящим окончанием работ по оборудованию якорных стоянок в Ферт-оф-Форт, главнокомандующему Гранд-Флитом было предложено обсудить вопрос о возможности переноса базирования некоторых из его кораблей на этот порт. Одновременно с целью ускорить последнюю меру решено было использовать в Ферт-оф-Форт материал, заготовленный для устройства бона в Дуврском проливе. Но накануне осуществления проекта произошел набег на Ловестофт. Нанести желаемого удара не удалось. Поблизости не оказалось средств, чтобы его предупредить или на него ответить; случай для эскадренного боя пропал. Неизбежная необходимость каких либо немедленных мер громко говорила сама за себя и Адмиралтейство поспешило запросить Джеллико. „Неприятель", писали лорды Адмиралтейства, „на практике убедился в нашей слабости в южных водах и, вероятно, в скором времени повторит там свои наступательные операции". Тирвит к этому времени имел только один легкий крейсер, и пока поврежденные суда не выйдут из ремонта, Адмиралтейство считало, что Гранд-Флит должен взять на себя охрану угрожаемого района.

Ответ Джеллико сводился к следующему: 3 эскадру линейных кораблей и 3 крейсерскую эскадру надлежит немедленно отправить из Розайта на юг, но базироваться им следует не на Хумбер, а на Swin (в северном проходе устья Темзы), или же на Дувр, или Ширнесс. Подводные лодки, стоящие в Розайте, перевести в Ярмут. Поставив минные заграждения у восточного побережья и имея там подводные лодки, можно будет не опасаться бомбардировок немецких линейных крейсеров. Что касается операций непосредственно против этих крейсеров, то 3 эскадра линейных кораблей, усиленная *Dreadnought*'ом после его ремонта,

совершенно достаточна, чтобы справиться с ними в том составе, в котором они сейчас находятся.

Предложение главнокомандующего было одобрено и лодки, за исключением двух, оставленных в Ферт-оф-Форт, были переведены на юг. 3 эскадра линейных кораблей и 3-я крейсерская эскадра получили приказание следовать в Ширнесс при первой возможности и считать Swin своей маневренной базой. 2 мая они прибыли по назначению и составили отдельный отряд, не подчиненный Джеллико. Общее командование было возложено на вице-адм. Брадфорда—старшего флагмана эскадры линейных кораблей. Однако, сделанные распоряжения являлись лишь временной мерой. Было совершенно очевидно, что если вообще надо изменять дислокацию, то это следует осуществить по возможности скорее. Делая свое последнее предложение, Джеллико сообщал, что, пока внешние якорные стоянки ниже моста в Ферт не будут испытаны проверкой в отношении обеспеченности от торпедных атак, он не считает возможным переводить какие либо из своих крупных судов в Розайт, и требовал, чтобы были приняты самые энергичные меры для скорейшего окончания всех работ по оборудованию безопасных стоянок как в Розайте, так и в Хумбере.

Как только производящиеся работы достаточно продвинутся вперед, он предполагал послать одну эскадру дредноутов и 1-ую крейсерскую эскадру в Хумбер, а остальные в Форт.

12 мая в Розайте, под председательством первого морского лорда, состоялось совещание для окончательного решения вопроса, насколько предполагаемая новая дислокация является разумной с стратегической точки зрения, а также и для того, чтобы выяснить совместно с сухопутным начальством, какие укрепления требуются для обеих баз и как скоро военное ведомство может эти укрепления устроить. Из обмена мнений выяснилось, что необходимость скорейшего перенесения главного базирования на Ферт-оф-Форт несомненна, независимо от того, следует, или нет, считать южный район центром опасности.

В необходимости перенести базирование к югу главнокомандующий Гранд-Флитом больше не сомневался, но вопреки его взглядам и опыту было решено, что Скапа-Флоу является слишком ценным пунктом, чтобы бросить его вовсе. Эта база оставалась в качестве временной как для упражнений отдельных эскадр и кораблей, так и для 10-ой крейсерской эскадры.

Хумбер тоже было решено считать временной второстепенной базой. Согласно новой организации все дредноуты с 12″ пушками (кроме самого *Dreadnought*'а) должны были составить 4 эскадру линейных кораблей, которую намечалось

отправить в Хумбер или какой либо другой порт, по обстоятельствам. Считалось, что на Форт смогут базироваться 1 и 2 эскадры линейных кораблей, 2 крейсерская эскадра, а также все линейные крейсера и все необходимые легкие силы. При этом выражалась надежда, что к началу зимы работы по оборудованию базы полностью закончатся. Совещание, однако, не вынесло никакого решения относительно того, насколько перенесение базирования к югу желательно с точки зрения стратегии. Вопрос о прикомандировании теперь же к отряду линейных крейсеров 5-ой эскадры линейных кораблей вновь подвергся обсуждению, но главнокомандующий попрежнему не соглашался с целесообразностью этого. В конце концов совещание признало полезным посылать время от времени в Розайт *Queen Elisadeth*'ы или же вновь сформированную 4-ую эскадру линейных кораблей. 3-я эскадра линейных крейсеров (*Invincible*, *Iaflexible*, и *Indomitable*) готовилась уйти на днях в Скапа для боевых упражнений и Джеллико заявил, что он временно заменит их „Queen Elisabeth'ами".

Итак, в тот самый момент, когда долгожданный день был уже не за горами, развертывание флота, на котором базировался оперативный план, изменилось. Быстроходная, отдельная (*free*) линейная эскадра не была более в непосредственном распоряжении главнокомандующего. В Скапа адмирал Джеллико имел 1-ую эскадру линейных кораблей под флагом в.-адм. Бернея (л. к *Marlborough*) и 4-ую эскадру линейных кораблей под флагом в.-ад. Стерди (л. к. *Benbow*), Кроме 3-ей эскадры линейных крейсеров адмирала Худа, в Скапа стояли также 2-ая крейсерская эскадра и 4-ая эскадра легких крейсеров с 4-ой, 12-ой и частью 11-ой флотилиями миноносцев. В состав этих флотилий входили один легкий крейсер, четыре лидера и тридцать пять эскадренных миноносцев.

В Кромарти сосредоточились—2-ая эскадра линейных кораблей под флагом в.-адм. Джеррама (л. к. *King George* V), с одним легким крейсером; 1 крейсерская эскадра к.-адм. Арбутнота и остальная часть 11 флотилии (лидер *Kempenfelt* с десятью эскадренными миноносцами).

Для объединения в бою действий минных флотилий несколько времени тому назад все миноносцы, состоящие при эскадрах линейных кораблей, были подчинены отдельному начальнику коммодору Хокелей, который месяц тому назад поднял свой брейд-вымпел на легком крейсере *Castor*. Но это распоряжение было лишь более широкой реорганизацией минных флотилий. В августе 1915 года, когда начали вступать в строй новые миноносцы, состоялось решение сформировать для Гранд-Флита шесть минных флотилий, по одной для каждой из пяти эскадр линейных

кораблей и одну для отряда линейных крейсеров, в составе ста миноносцев. В описываемое время число миноносцев достигало лишь шестидесяти девяти, и оно не могло увеличиться, пока старые миноносцы 1-ой и 4-ой флотилий не будут заменены вступающими в строй новыми. В начале 1916 года повсеместная крайняя нужда в легких крейсерах заставила произвести новую реорганизацию минных флотилий. 7 января в Адмиралтействе состоялось совещание об освобождении части легких крейсеров от обязанности лидеров минных флотилий, для чего предполагалось шесть флотилий свести в четыре. Три флотилии, в числе двадцати четырех миноносцев, надлежало оставить при эскадрах линейных кораблей, а одну, в числе двадцати восьми—при отряде, базирующемся на Розайт. Каждой полуфлотилии давался лидер; на лидере первой держал брейд-вымпел начальник флотилии, лидером второй—командовал старший из командиров миноносцев. Благодаря этому для всех флотилий требовался только один легкий крейсер для старшего из начальников флотилий—коммодора, который в то же время командовал и своей собственной флотилией.

Главнокомандующий не сочувствовал этой реорганизации и 18 марта сообщил, что по его мнению один начальник не может успешно распоряжаться более чем шестнадцатью—восемнадцатью миноносцами и что для каждых восьми-десяти миноносцев требуется свой собственный лидер. Поэтому он предлагал оставить при эскадрах линейных кораблей четыре флотилии по восемнадцати миноносцев в каждой, считая, что фактически их будет шестнадцать, так как два миноносца обычно будут находиться в ремонте или перебирать механизмы. При каждой флотилии должны находиться один легкий крейсер и лидер, или же два лидера. По мере вступления в строй новых лидеров, легкие крейсера будут освобождаться. Пятая флотилия предназначалась им для Розайта и в состав ее должны были войти 28 миноносцев с одним легким крейсером и двумя лидерами.

Таким образом, как раз накануне боя, минные флотилии Гранд-Флита находились в состоянии реорганизации. Новые миноносцы беспрерывно поступали и начальник флотилий коммодор Хокслей не успел еще ничего сделать, чтобы фактически объединить командование в своих руках. У адмирала Битти, попрежнему державшего флаг на *Lion*'е, находились четыре линейных корабля 5 эскадры к.-ад. Эван-Томаса (*Barham*)—Queen Elisabeth стоял в доке в Розайте, 1-ая эскадра линейных крейсеров под флагом к.-ад. Де-Брок (*Princess Royal*), при чем младший флагман 1 эскадры к.-ад. Пакенгам держал флаг на *New Zealand*, так как его флагманский крейсер *Australia* тоже стоял в доке. Всего в распоряжении Битти было шесть линейных крейсеров и три эскадры легких

крейсеров: 1-ая под брейд-вымпелом коммодора Александер-Синклер (*Galatea*), 2-ая—коммодора Гуденеффа (*Southampton*) и 3-ья под флагом к.-ад. Непира (*Falmouth*). Минные флотилии Битти насчитывали 28 миноносцев 1-ой флотилии с легким крейсером *Fearless*, 10 миноносцев 13-ой флотилии с легким крейсером *Champion* и два дивизиона (8 миноносцев) 9-ой и 10-ой флотилий, прибывшие из Гарвича. К этому времени в составе Гранд-Флита находилось двадцать четыре дредноута, четыре «Queen Elisabeth», девять линейных крейсеров и девятнадцать легких крейсеров, помимо четырех, состоящих непосредственно при эскадрах линейных кораблей. Минные флотилии имели в своем составе семьдесят два миноносца с тремя легкими крейсерами и пятью лидерами. В Скапа стоял еще пароход с привязным аэростатом и авианосец. Второй авианосец *Engadine*, который один только и мог идти совместно с флотом, находился в Розайте. Что же касается участия в бою подводных лодок, то в этом направлении меры уже были приняты. В Blyth формировалась новая подводная флотилия в надежде, что она успеет прибыть оттуда к моменту окончания боевого развертывания.

Кроме всей грозной громады Гранд-Флита имелся еще Гарвичский отряд — пять легких крейсеров, два лидера и семнадцать эскадренных миноносцев. Планом предусматривалось появление его хотя бы в последнюю фазу боя. Но отряд находился далеко и вряд ли можно было ожидать, чтобы Тирвит успел во-время прибыть на место.

Итак, до окончания оборудования южных баз сохранялась прежняя дислокация. Однако, Джеллико в ожидании предстоящей перемены базирования не оставался бездеятельным и продолжал попытки вызвать противника в море. В виду того, что до сих пор все его старания завлечь немцев достаточно далеко к северу не сопровождались успехом, к концу мая он разработал новый план, значительно более рискованный, чем все предыдущие. Две эскадры легких крейсеров должны были идти к Skaw с расчетом придти к месту назначения к рассвету 2 июня, откуда следовать через Каттегат до Большого Бельта и Зунда, одновременно с чем эскадра линкоров проходила в Скагеррак на поддержку. Была надежда, что подобная приманка заставит противника выслать из Гельголандской бухты крупные силы. Конечно, приходилось считаться с тем, что как и раньше германский флот не продвинется на север настолько, чтобы произошел эскадренный бой, но все-таки представлялась возможность заманить его в западню, для чего намечалось послать три лодки Гарвичской подводной флотилии на позицию южнее Horn Reefs, к западу от плавучего маяка Vil, где и держать их в течение 1, 2 и 3 июня. К югу от позиции лодок лидер *Abdiel* должен был продолжить к весту

минное заграждение, поставленное им в районе маяка Vil 3 мая. Одновременно авианосец *Engadine* под конвоем эскадры легких крейсеров и миноносцев отправлялся к Horn Reefs на случай появления цеппелинов, а к востоку от Доггер-банки занимали позицию две подводные лодки из Blyth. К северу от заминированного района должны были крейсеровать эскадры линейных кораблей и крейсеров в готовности немедленно следовать к югу, как только получатся сведения о появлении крупных сил неприятеля.

Однако, этому плану не было суждено осуществиться. Совершенно случайно ад. Шеер разработал изумительно схожий план операций и, пока шли наши приготовления, он ждал только подходящей погоды, чтобы приступить к его выполнению, будучи в полном неведении, что он собирается сделать именно то, к чему его хочет принудить противник.

Обстановка, сложившаяся в связи с потоплением *Lusitania* и *Sussex*'а, заставляла Германию желать таких действий на море, которые соответствовали взглядам Шеера. В то же время эта обстановка создавала впечатление, что шансы на успех усилились. С отсрочкой начала беспощадной подводной войны ядро германских „U" освобождалось для операций против неприятельского военного флота. Необходимость наступательных операций на море была совершенно очевидна, дабы оправдать в глазах немецкого народа существование флота. Страна дала много, чтобы создать свой флот, и теперь под влиянием все усиливающихся лишений, вызванных блокадой, громко роптала. Страшные жертвы Вердена оказались напрасными, и впервые за войну народ пал духом. Все взоры с надеждой устремлялись на флот. Подобное настроение только радовало Шеера, и он незамедлил приступить к разработке широких планов с целью ослабить превосходящего его в силах противника.

С опубликованием письма Бальфура, в котором первый лорд Адмиралтейства сообщал, что часть Гранд-Флита переводится в южные воды, надежды Шеера на успех возросли. В подобной перемене дислокации он видел только ослабление сосредоточения английского флота и не сомневался, что еще один хорошо разработанный набег приведет к столкновению в желаемых им условиях.

Задуманная на этот раз операция превосходила по смелости все прежние попытки. В основу плана легла бомбардировка Сундерланда, ближайшего уязвимого порта от Розайта, в котором стояли крейсера Битти и часть других судов Гранд-Флита. Необходимость закончить ремонт подорвавшегося на мине *Зейдлица* и крупные переборки механизмов некоторых линейных кораблей задержали германского главнокомандующего, но зато дали ему время тщательно разработать меры предосторожности, направленные к уменьшению

риска, связанного с предстоящей операцией. Для этой цели он решил использовать все наличные подводные лодки. Шестнадцать лодок намечалось выставить у баз Гранд-Флита, сосредоточив большую их часть у Розайта. На остальные лодки возлагалась задача оборонительного характера. Их предполагалось выслать на позиции в соответствии с развертыванием флота, которое должно было обеспечить безопасность германских баз в Гельголандской бухте. Бомбардировка поручалась линейным крейсерам адм. Хиппера, совместно с легкими крейсерами 2-ой разведочной группы. При этом Хиппер должен был стараться навести на главные силы те суда отряда Битти, которые избегнут нападения лодок.

Слабым местом плана являлось то обстоятельство, что Джеллико постоянно производил поиски в Северном море, а следовательно для немцев не исключалась возможность встречи с врагом при нежелательных условиях. Поэтому смелый адмирал Шеер, который, однако, никогда не пренебрегал разумной осторожностью, считал необходимым обеспечить себя разведкой воздушных кораблей. Однако, опыт показал, что новое оружие далеко не оправдало себя. Для дальней разведки на цеппелины нельзя было положиться; они могли действовать с успехом лишь при исключительно благоприятной погоде, а, следовательно, требовалось иметь и другой план, не связанный с участием воздушных кораблей.

В случае, если бы по условиям погоды оказалось, что Сундерландский проект влечет за собой слишком большой риск, Шеер предполагал пройти вдоль датского побережья, якобы с целью очистить эти воды от торговых английских судов или крейсеров, о появлении которых в Скагерраке ему постоянно сообщалось. Такой план давал возможность спокойно отказаться от участия в операции цеппелинов, так как у него оставался открытым лишь один фланг. Число же легких крейсеров и минных флотилий гарантировало его от всяких неожиданностей [1]).

Но в виду того, что во второй половине мая можно было рассчитывать на достаточно долгий промежуток благоприятной погоды, Шеер отдал предпочтение первому проекту.

Началом задуманной операции послужила высылка 15 мая в море подводных лодок, состоявших при Флоте Открытого моря, с приказанием установить дозор на линии между Норвегией и Ферт-оф-Форт. Через неделю, когда флот должен был быть готов к выходу, лодкам надлежало занять назначенные позиции. Наблюдение за базами восточного побережья Англии поручалось Фландрской подводной фло-

[1]) См. Шеер. Стр. 136.

тилии. Хотя начальные шаги немцев стали сразу же известны Адмиралтейству, продолжительная бездеятельность Флота Открытого моря заставляла думать, что вряд ли готовится крупная операция. Во время последнего набега на Тондерн в начале мая мы узнали, что германский флот получил приказание выйти в море, но затем вскоре обнаружилось, что 3-я эскадра линейных кораблей ушла для тактических упражнений в Балтику. А донесения нашего „подводного дозора" в Гельголандской бухте сводились к тому, что там все тихо. К 22 мая выяснилось наличие не менее восьми немецких „U" в северной части Северного моря, но это обстоятельство вызвало лишь предположение о готовящемся новом нападении на торговое судоходство.

Тем временем адмирал Шеер стоял в полной боевой готовности, с нетерпением ожидая, когда погода позволит ему приступить к началу операции. Но дни шли, а от начальника отряда воздушных кораблей не поступало иных донесений как только о невозможности полетов. Так продолжалось почти до того времени, когда лодкам уже надо было возвращаться. 30 мая наступал последний крайний срок для начала намеченной операции. Поздно вечером 28 мая Шеер сделал сигнал всем эскадрам и отрядам приготовиться к походу и сняться с якоря на следующее утро. Погода не улучшалась и в конце концов Шеер должен был признать невозможность выполнения лелеянного им плана.

30 мая последовало распоряжение ад. Хипперу следовать с разведочным отрядом к Скагерраку с приказанием показаться у берегов Норвегии, дабы быть уверенным, что его присутствие станет известным британскому Адмиралтейству.

Главные силы во главе с Шеером выходили позже, но их выход, конечно, не должен был быть известен противнику.

Приказание адм. Хипперу „показать свое присутствие" невольно напоминает добрые старые времена, когда еще не существовало радио-пеленгаторных станций. Такой предупредительной меры не требовалось.

Утром 30 мая были получены сведения, что Флот Открытого моря собирается на рейдах Яде, у Вильгельмсгафена, и это сообщение в связи с несколько таинственным появлением подводных лодок заставляло предполагать нечто необычное.

В полдень 30 мая состоялось решение предупредить Джеллико о возможности выхода германского флота на следующее утро и об отправке немцами шестнадцати лодок, большинство которых, повидимому, держится в Северном море. Определенных приказаний главнокомандующий Гранд-Флитом не получил. Кроме данных, что готовится крупная

операция, все остальное оставалось покрытым мраком неизвестности. Разгадать намерения и объект действий противника пока еще не представлялось возможным, ввиду чего, в целях предосторожности, гарвичские миноносцы и тральные флотилии восточного побережья получили приказание возвратиться, а все подводные лодки—быть в готовности выйти в море.

Казалось вероятным, что начинается операция, которая по нашим сведениям была разработана несколько времени тому назад, но дальше этого наши догадки не шли и намерения Шеера оставались неизвестными. Вскоре после 5 ч. дня, однако, выяснилось, что всем отрядам и флотилиям Флота Открытого моря сделан какой-то важный оперативный сигнал. Расшифровать его не удавалось, но нельзя было терять времени. В 5 ч. 45 м. главнокомандующему и адмиралу Битти сообщили последние сведения с приказанием сосредоточиваться, как и обычно, к востоку от Long Forties—району тянувшемуся на сто миль к востоку от побережья Абердина — с приказанием быть готовым ко всяким случайностям. Кроме того, оба адмирала ставились в известность о решении задержать выход отрядов, стоящих в Гарвиче и Нор, пока обстановка не выяснится более точно, и о посылке во исполнение плана Джеллико трех подводных лодок к маяку Vyl [1]).

Не исключалась, конечно, возможность, что движение немецкого флота на север преследует только цель отвлечь внимание от операции, намеченной в южных водах. Стоявший в Ширнессе с 3-ей эскадрой линейных кораблей адм. Брадфорд уже получил распоряжение приготовиться к походу на следующее утро и выслать свои крейсера в Swin. Тирвит также был готов с рассветом сняться с якоря. Таким образом, никакая серьезная неприятельская операция на юге не могла бы застать нас врасплох.

На севере также все было готово. В 10 ч. 30 м. вечера Гранд-Флит уже находился в море, направляясь к месту условленного рандеву, выбранного Джеллико к востоку от Long Forties. Сам он с большей частью флота [2]) направлялся к позиции у Скагеррака (ф — 57° 45′ N, l — 4° 15′ Ost.), расположенной на линии, проходящей между Buchan Ness и южной оконечностью Норвегии, в девяносто милях на W

[1]) Две лодки из состава флотилии, стоявшей в Blyth, сформированной для совместных действий с Гранд-Флитом, были высланы к востоку от Доггер-банки, а четыре вышли туда же в полдень 31 мая с миноносцем *Talisman*.

[2]) 1-ая и 4-ая эскадры линейных кораблей, 3-ья эскадра линейных крейсеров, 2-ая крейсерская эскадра и 4-ая эскадра легких крейсеров с 4-ой и 12-ой минными флотилиями и дивизионом 11-ой флотилии. Всего флотилия насчитывали один легкий крейсер, четыре лидера и тридцать пять миноносцев.

от Naze. Здесь в 2 часа дня 31 мая его встречал адм. Джеррам, вышедший из Кромарти с 2-ой эскадрой линейных кораблей, 1-ой крейсерской эскадрой и девятью миноносцами 11-ой флотилии.

К этому времени Битти с линейными крейсерами и 5-ой эскадрой линейных кораблей (за исключением стоявшего в доке *Queen Elisabeth*) должен был прибыть в указанное ему место в шестидесяти девяти милях на SSO от главнокомандующего, т.-е. в направлении на Гельголандскую бухту. Для передовой эскадры, задача которой состояла только в том, чтобы навести неприятеля на главные силы своего флота, расстояние, конечно, было слишком велико. В Северном море на такой дистанции нельзя полагаться на визуальные сигналы. Но, как мы знаем, задача возложенная на Битти, была в это время несколько иного рода. По мере того как перспективы эскадренного боя становились все туманнее, тактические функции линейных крейсеров, как передовой эскадры, отходили на второй план, так как выдвигалась необходимость перехватить суда противника, отправленные в набег на английское побережье. Требовалось такое развертывание, при котором главные силы Гранд-Флита могли бы держаться настолько позади, чтобы неприятель был лишен возможности их обойти и раздавить 10-ую крейсерскую эскадру, поддерживающую блокаду. И одновременно,—чтобы передовые эскадры были настолько выдвинуты к югу, чтобы успеть отразить нападение, направленное поперек Северного моря. Для соблюдения этих условий надо было держать оба отряда Гранд-Флита не менее как в пятидесяти милях друг от друга. Указанная дистанция была установлена Джеллико после длительного обсуждения этого вопроса и одобрена как нормальная при всех выходах флота в тех случаях, когда получались сведения о предпринимаемой противником операции с неизвестной целью. Только тогда, когда мы сами выходили в море для наступательных операций, дистанция уменьшалась до сорока миль. Теперь же при отсутствии каких либо указаний на то, что немцы изменили свой обычный образ действий, ни Адмиралтейство, ни адмирал Джеллико не имели причин отказаться от установившегося порядка.

Итак, все три части Гранд-Флита спешили к назначенным местам рандеву, не наблюдая никаких признаков, которые говорили бы за то, что на этот раз причиной тревоги является нечто большее, чем то, что бывало раньше, когда столь частые выходы оканчивались разочарованием. За несколько часов до выхода адм. Битти неприятельская подводная лодка атаковала у Форта миноносец *Trident*, прикомандированный к Blith'ской подводной флотилии. Днем немецкая „U“ неудачно атаковала проходившую у Pentland Skerries

к. л. *Gentian*, одновременно другая лодка была замечена у Абердина [1]). Но больше в этот день подводный противник нигде себя не обнаружил. С рассветом (3 ч. 50 м.), когда отряд Битти отошел на семьдесят миль, левофланговый крейсер передовой завесы—*Galatea* донес, что в него была неудачно выпущена торпеда, а вскоре после 8 ч. утра о том же самом сообщил и *Yarmouth*. Этот крейсер был репетичным и держался прямо на носу *Lion*'а, в виду чего Битти, уклоняясь от опасности, повернул на 8 R влево и продержался на новом курсе двадцать минут. Через полчаса, раньше чем эскадра вытянулась на старом курсе, миноносец *Turbulent*, состоявший в завесе линейных крейсеров, заметил еще одну лодку, идущую на юг. Но к этому времени отряд, очевидно, уже прошел дозорную линию германских „U", избежав поставленной западни.

В роли разведчиков подводные лодки Шеера оказались не лучше цеппелинов. То немногое, что видели лодки, и те нами перехваченные радио, которые они были в состоянии передать главнокомандующему, не могли дать Шееру верной картины. Заключение, к которому он пришел, сводилось к тому, что движение английских эскадр, обнаруженное подводными дозорами, повидимому, не связано с предпринятой им операцией. Действительно, донесения лодок отнюдь не указывали на сосредоточение нашего флота, а скорее говорили за то, что эскадры расходятся для выполнения каких-то определенных отдельных задач. Еще менее, чем английское морское командование, Шеер был в состоянии разгадать обстановку и его надежды на успех только усилились [2]).

Для нас положение дел продолжало оставаться далеко не ясным. Накануне выхода в море, Шеер, как и обычно, перенес прием радио-сигналов с своего флагманского корабля на центральную сигнальную станцию в Вильгельмсгафен. Благодаря этому, хотя мы и думали, что он вышел утром в море, наши радио-пеленгаторные станции до полдня могли только указывать, что линейный флот все еще стоит в Яде. Таким образом, Джеллико, поставленный Адмиралтейством в известность о последнем обстоятельстве, не имел особых причин ожидать, что ему представится случай эскадренного боя. Естественным выводом из всех полученных сведений была вероятность нового набега и то, что германские эскадры линейных кораблей, как и прежде, готовятся прикрывать отход своих крейсеров. Никаких причин менять обычное развертывание флота не было.

---

[1]) См. Шеер стр. 141.

[2]) Другая лодка *U-75* прошла к Скапа и 28 мая выставила заграждение, на котором неделю спустя взорвался и погиб крейсер *Hampshire* с лордом Китченером.

ГЛАВА XVII.

Ютландский бой. Первая фаза[1]). Бой линейных крейсеров.

Схемы 8 —19

Адмирал Битти, следуя в голове 1-ой эскадры линейных крейсеров (*Lion*, *Princess Royal*, *Queen Mary* и *Tiger*) шел зигзагами, девятнадцатиузловым ходом, генеральным курсом, проложенным немного юго-восточнее Ютландской банки. В полдень он считал себя в сорока милях от назначенного рандеву, но это была ошибка и фактически он находился более чем на пять миль дальше на NW[2]). По обеим сторонам эскадры, в завесе держались миноносцы, а в восьми милях впереди шли попарно легкие крейсера развернутым фронтом шириной в тридцать миль, лицом на SO. Репетичным крейсером был *Yarmouth*, авианосец *Engadine* занимал место по середине фронта легких крейсеров. 2-ая эскадра линейных крейсеров (*New Zealand* и *Indefatigable*) находилась на левом траверзе *Lion*'а в расстоянии трех миль, а 5-ая эскадра линейных кораблей (*Barham*, *Valiant*, *Warspite* и *Malaya*) с 1-ой минной флотилией в пяти милях позади всей колонны[3]).

В 1 ч. 30 м. дня, перед тем как придти в точку назначенного рандеву и начать поворот на север, Битти перенес линию завесы крейсеров на ONO — WSW, имея ее центр на SSO от *Lion*'а, с тем расчетом, чтобы в момент поворота, завеса оказалась бы между ним и неприятелем, подвигающимся со стороны Гельголанда. Одновременно он приказал 2-ой эскадре линейных крейсеров занять место в трех милях на ONO от себя, а линейным кораблям адм. Эван-Томаса в пяти милях на NNW. Сделано это было для того, чтобы после поворота на север, иметь их по обеим сторонам *Lion*'а.

Битти несколько запаздывал и в 2 часа дня считал себя в десяти милях от точки назначенного рандеву, до которого на самом деле ему оставалось более пятнадцати миль. Не имея к этому времени никаких сведений о противнике, он, следуя инструкциям Джеллико, в 2 ч. 15 м. дня сделал общий сигнал повернуть к норду. Полученные им сообще-

---

[1]) Курсы и пеленги магнитные. Поправки компаса 13° 15′ W. Время среднее Гринвичское.

[2]) В вахтенном журнале *Lion*'а место в полдень показано φ 56° 44′ N, l 3° 45′ Ost, но, сравнивая эту запись с записями остальных крейсеров, надо считать, что его действительное место было φ 56° 46′ N; l 3° 36½′ N; См. схему 8.

[3]) 1-ая флотилия — легкий крейсер *Fearless* и миноносцы *Acheron*, *Ariel*, *Attack*, *Hydra*, *Badger*, *Goshawk*, *Defender*, *Lizard* и *Lapwing*.

ния о неприятеле сводились лишь к телеграмме Адмиралтейства, в которой говорилось, что хотя и предполагается, что Флот Открытого моря снялся с якоря, но по показаниям радио-пеленгаторных станций он в 11 ч. 10 м. утра находился еще в устьи Яде.

Фактически же обстановка в этот момент была такова: в 2 ч. ночи адм. Хиппер с разведочными силами германского флота, в составе пяти линейных крейсеров, пяти легких крейсеров и тридцати трех миноносцев, вышел из Яде и, пройдя вдоль датского побережья, находился на высоте Ютландской банки приблизительно на параллели, проходящей через точку рандеву Битти, и около пятидесяти миль на Ost от *Lion*'а [1]). Впереди линейных крейсеров на дистанции от семи до десяти миль шли расположенные полукругом легкие крейсера. Между левофланговым немецким легким крейсером и ближайшим к нему английским крейсером оставалось двадцать пять миль. За отрядом Хиппера, в расстоянии пятидесяти миль, шел адм. Шеер с двумя эскадрами дредноутов и шестью кораблями 2 эскадры, типа „Дейтчланд", соответствующим нашим „King Edward'ам", из которых была сформирована эскадра адм. Брадфорда, базирующаяся на Нор.

Германский главнокомандующей пока еще не подозревал о присутствии английского флота, а так как с рассвета стояла прекрасная летняя погода, то он мог рассчитывать, что хорошая видимость гарантирует его от каких либо случайностей. Однако, в действительности дело обстояло далеко не так просто. Казалось, что все распоряжения, отданные Джеллико, как раз соответствуют обстановке и, если не произойдет ничего исключительного, чего нельзя было предвидеть, адм. Шееру остается мало шансов избежать того столкновения, которого мы так жаждали, и он будет принужден принять бой со всем Гранд-Флитом, рискуя оказаться быть отрезанным с тыла.

Но непредвиденное случилось, как случилось оно в марте 1805 года, когда встреча с нейтральным судном дала возможность Вильневу избежать расставленной Нельсоном западни и выйти из Средиземного моря. Незадолго до момента поворота адм. Битти на север, левофланговый легкий крейсер адм. Хиппера заметил от себя к весту какой-то пароход и послал один из своих миноносцев его

---

[1]) I разведочная группа: линейные крейсера *Лютцов* (флаг), *Дерфлингер*, *Зейдлиц*, *Мольтке* и *Фон-дер-Танн*, II разведочная группа: легкие крейсера *Франкфурт* (флаг), *Висбаден*, *Пиллау*, *Эльбинг*. Легкий крейсер *Регенсбург* вел 2-ую, 6-ую и 9-ую минные флотилии.

осмотреть [1]). Одновременно коммодор Александер Синклер, который держал брейд-вымпел на легком крейсере *Galatea* и вместе с легким крейсером *Phaeton* находился на восточном конце завесы, тоже обнаружил пароход по пеленгу OSO в расстоянии четырнадцати миль. Уклонившись несколько к осту, Синклер пошел осмотреть замеченное судно. Судьбе было угодно, чтобы немецкий миноносец увидел дым *Galatea*, о чем он и незамедлил донести своему флагману. *Эльбинг*, а за ним *Франкфурт*, *Пиллау* и *Висбаден* тотчас пошли выяснить обстановку, при чем момент их поворота совпал с моментом поворота Битти к северу. В результате английские суда преждевременно вошли в соприкосновение с неприятелем. Отряд Битти только что начал вытягиваться на новом курсе, ведущем на присоединение к главным силам — когда в 2 ч. 20 м. *Galatea* поднял сигнал „Вижу неприятеля“ и донес по радио: „показались два крейсера, на OSO, повидимому, неприятельские, курс неизвестен“.

Для Битти этого было достаточно. До сих пор донесения *Galatea* о замеченном дыме он не считал настолько серьезным, чтобы уклониться от инструкций, по которым ему надлежало идти на присоединение к главнокомандующему. Теперь же ему представлялся случай отрезать замеченного противника и он в 2 ч. 25 м. дня приказал миноносцам перестроиться в линию завесы по новому направлению на SSO. *Galatea* продолжала сближаться с неприятелем и в 2 ч. 28 м. открыла огонь.

Видя, что легкие крейсера вступили в бой, Битти сделал общий сигнал (2 ч. 32 м.) повернуть последовательно на SSO и приказал подымать пары для полного хода [2]). К этому времени *Galatea* выяснил, что замеченные им суда лишь миноносцы, но в ту же минуту появился немецкий крейсер *Эльбинг* и *Galatea* вместе с *Phaeton* завязали с ним перестрелку. Остальные наши легкие крейсера, смыкаясь к осту, спешили к ним на поддержку. За четыре минуты до этого адм. Хиппер узнал, что *Эльбинг* вошел в соприкосновение с противником, но все еще не подозревал о важности сведений, сообщенных разведчиком, и повернул к нему на сближение.

„Только благодаря этому пароходу“, пишет в своих воспоминаниях Шеер, „мог произойти бой. Если бы миноносцы не пошли к замеченному пароходу и не обнаружили бы к весту от себя дым неприятельских судов, мы вероятно оказались бы позади английских крейсеров“ [3]). Однако, подобный взгляд вряд ли верен. Мнение высказанное гер-

[1]) См. схему 9.
[2]) См. схему 10.
[3]) Шеер, стр. 141.

манским адмиралом, базируется на убеждении, что английские линейные крейсера повернули на N после того как противники вошли в соприкосновение. Фактически же они повернули раньше, руководствуясь оперативным планом, и не повстречайся нейтральный пароход, крейсера продолжали бы следовать на север.

Поэтому, допуская такую обстановку, при которой ни Битти, ни Хиппер в течение двух, трех часов не встретили бы никого, они несомненно продолжали бы идти сходящимися курсами, оставаясь друг у друга приблизительно на траверзе. Что же произошло бы тогда?

Из злополучного сообщения Адмиралтейства адмирал Джеллико считал, что в полдень его противник еще стоит на якоре в Яде, и шел к месту рандеву 15-узловым ходом. Эта скорость диктовалась необходимостью сохранить на миноносцах к моменту прихода к месту рандеву такое количество топлива, которого им хватило бы для боя даже после двух-суточного пребывания флота в море. Продолжая развивать 15 узлов, Джеллико должен был прибыть в назначенное место в срок. Но флот встретил по пути целый ряд подозрительных торговых судов, в виду чего приходилось неоднократно уменьшать ход, чтобы дать время подтянуться миноносцам, ходившим их осматривать. В результате Джеллико несколько запаздывал. В 2 ч. дня до точки рандеву ему оставалось восемнадцать миль. Однако, в самом непродолжительном времени он собирался ворочать к Horn Reefs, чтобы встретиться с идущим на север Битти, и следовательно адмирал Хиппер, который имел приказания показаться у берегов Норвегии, ничего бы не узнал о грозящей ему опасности до тех пор, пока не столкнулся бы с крейсерами Джеллико. Но едва ли вероятно, чтобы Хиппер смог пройти столь далеко, не убедившись, что к западу от него нет каких либо сил противника. Курс, которым шел командующий германскими линейными крейсерами, очевидно, привел бы его западнее Naze, и если бы он очень скоро не уклонился несколько к осту, чего он легко мог и не сделать, его курс и курс правофлангового легкого крейсера Битти непременно настолько бы сошлись, что уже через полчаса они бы непременно увидели дымы друг друга. Во всяком случае создалась бы иная менее благоприятная для немцев обстановка. Адмирал Хиппер продвинулся бы больше к северу и оказался бы дальше от поддерживающих его главных сил. А расстояние между обоими отрядами Гранд-Флита было бы меньше. Возможно даже, что Хиппер счел бы разумнее не спускаться на присоединение к Шееру, а предпочел бы уходить прямо через Скагеррак и мы имели бы возможность гнаться за ним до конца. Но вопрос о том „что могло бы случиться“ продолжает быть открытым и по-

сейчас, оставляя лишь широкое поле для догадок и фантазии. Не подлежит сомнению только один факт—адм. Хиппер считал для себя большой удачей, что он вошел в соприкосновение с противником в то время и в той точке, в которой это произошло в действительности.

Находясь в шестидесяти пяти милях к северу от отряда Битти, главнокомандующий принял радио *Galatea*, и хотя ничто не указывало на вероятность чего либо, кроме схватки крейсеров, он приказал подымать пары для полного хода [1]). Через несколько минут было принято радио *Galatea* с донесением, что на ONO виден дым, повидимому, большой эскадры. В 2 ч. 43 м. Джеллико прекратил зигзагирование и лег на генеральный курс, увеличив ход до 17 узлов. Двенадцать минут спустя ход был доведен до 18 узлов.

Адмирал Битти с линейными крейсерами уже (2 ч. 32 м.) повернул на SSO, с целью пройти между противником и Horn Reefs. Но общий сигнал—повернуть последовательно на SSO,—сделанный в тот момент, когда *Lion* положил руля, не дошел до адм. Эван-Томаса. Сигнал был флажный и на *Barham*'е его не разобрали [2]). Таким образом, командующий 5 эскадрой линейных кораблей смог только через несколько минут последовать движению старшего флагмана. Линейные крейсера увеличили ход и адм. Эван-Томас сразу оказался в десяти милях позади, не будучи в состоянии видеть их маневрирования. Вскоре это расстояние уменьшилось, так как Битти снова изменил курс. *Galatea*, обнаружив густые столбы дыма к осту, пошел вместе с *Phaeton*'ом на NW, чтобы навести неприятеля на линейные крейсера и помочь Битти его отрезать. Немецкие крейсера бросились за *Galatea*, но в 2 ч. 48 м., повидимому, отвернули к норду [3]). Коммодор Синклер, однако, продолжал увлекать их на NW и около 3 ч. 20 м. смог донести, что они следуют за ним в этом направлении. В момент получения его сигналов, Битти как раз ворочал и к 3 ч. дня находился на курсе Ost, на котором, как он считал, он сможет помешать противнику обойти Horn Reefs без боя. Фактически же Битти шел прямо на адмирала Хиппера. Последний в это время проходил в двадцати девяти милях прямо впереди Битти, в струе легких крейсеров, гнавшихся за *Galatea*. Четверть часа спустя, так как Синклер продолжал доносить, что он ведет противника на NW, Битти начал уклоняться еще к северу, пока не лег на курс NO. На этом курсе он оставался около 10 минут, пока с правой стороны *Lion*'а не показа-

[1]) См. схему 11.

[2]) В 3 ч. 05 м. с *Tiger*'а передали на *Lion*, что сигнал, сделанный в 2 ч. 32 м., и все последующие не приняты на *Barham*'е.

[3]) См. схему 12.

лись на горизонте пять густых столбов дыма [1]). Одновременно *Galatea* донес, что он снова видит много дыма на NW от себя и что, повидимому, за кормой преследующих его судов идет еще одна эскадра. В 3 ч. 29 м. Битти, видя, что он слишком отошел к N-у, опять повернул к Ost-у. В результате этого маневрирования все суда 1-ой и 3-ей эскадр легких крейсеров, спешивших на поддержку *Galatea*, оказались на NW от линейных крейсеров, а адм. Эван-Томас, увеличив ход, „срезал угол“ и вышел на левую раковину Битти, уменьшив дистанцию до шести миль.

Новый курс линейных крейсеров вполне отвечал цели отрезать противника от Гельголанда. Пока еще оба адмирала, как английский, так и германский, оставались в полном неведении о присутствии друг друга, но в 3 ч. 20 м. Хиппер, хотя и находившийся в четырнадцати милях справа от *Lion*'а обнаружил две колонны британских линейных крейсеров, идущих ему навстречу. В восточной части горизонта видимость была настолько хуже, что Битти заметил у себя слева по траверзу пять неприятельских крейсеров только через двенадцать минут после того, как три минуты продержался на последнем курсе.

Одновременно немцы смогли убедиться, что британские силы идут на пересечку струи их эскадры. Для Хиппера было очевидно, что план Шеера более невыполним, и ему не оставалось другого выхода как стараться отходить на присоединение к главным силам, пытаясь увлечь за собою противника. Поэтому он немедленно отозвал легкие крейсера, а сам повернул на 16 R вправо (3 ч. 33 м. [2]).

Для адмирала Битти представлялся долгожданный им случай наверстать потерянное в январе 1915 года у Доггер-Банки. Как только Хиппер повернул обратно, по направлению к Гельголандской бухте, Битти приказал *New Zealand* и *Indefatigable* выстроиться в боевой порядок в хвосте колонны 1 эскадры линейных крейсеров (3 ч. 34 м.) и поднял сигнал Эван-Томасу повернуть на Ost и иметь 25 узлов ходу. 9-ая минная флотилия вышла в голову *Lion*'а, а 13-ая заняла место на два румба справа по носу.

В тот момент, когда на нашей эскадре убедились в присутствии германских линейных крейсеров, они находились в расстоянии одиннадцати миль и очень плохо проектировались на туманном горизонте. Рассмотреть движение противника было невозможно, и Битти пошел на сближение, оставаясь на своем курсе и развивая 25 узлов.

Линейные корабли Томаса держались на его левой раковине в шести милях и тоже легли на Ost. Несколько минут

---

[1]) См. схему 13.
[2]) См. схему 14.

спустя, спущенный с *Engadine* гидросамолет донес, что неприятель идет курсом S, а затем то же самое сообщили *Galatea* и *Falmouth*, но их указания касались курса легких крейсеров противника [1]). Надо полагать, что к этому времени Битти пришел на дистанцию действительного огня своих 13,5″ орудий, но его артиллерия все еще молчала. Повидимому, условия атмосферы в восточной части горизонта сильно мешали точности определения расстояний—на флагманском крейсере считали, что противник находится дальше, чем он был фактически. Для наших судов, имевших артиллерию более крупного калибра, но слабее бронированных, было выгодно вести бой на предельных дистанциях и Хиппер с беспокойством ждал открытия огня противником [2]).

Чтобы ввести в действие все орудия своей эскадры и не заволакивать дымом задних мателотов, Битти в 3 ч. 45 м. поднял сигнал „перестроиться в строй пеленга на NW, курс OSO“. Орудия Хиппера до последней минуты молчали. Немецкий адмирал желал подойти к неприятелю по возможности ближе и этим способом уровнять шансы борьбы, т.-е. лишить противника преимуществ его более дальнобойной артиллерии. Но как только Хиппер заметил маневр Битти, он немедленно открыл огонь. Наши крейсера тоже открыли огонь. Бой начался. На *Lion*'е считали, что расстояние 90 каб., однако, в действительности оно не могло быть столь велико. По началу немцы дали значительное число перелетов [3]), но видимость к западу была хорошая и ошибку быстро исправили. Через минуту-другую вода во-

---

[1]) См. схему 15.

[2]) Шеер и Хазе (ст. артиллер. офицер с *Дерфлингера. Ред.*) считали, что английские линейные крейсера могли вести бой на больших дистанциях, чем немецкие. Это отчасти справедливо. Хазе указывает для своих судов цифру 180 гектометров (98 каб.), а в боевых наставлениях Битти приводятся такие данные: 13,5″ орудия 23 000 и 24 000 ярдов (115 каб.—120 каб.); 12″ орудия 18 500 ярдов ($92^1/_2$ каб.). Однако, после Ютландского боя Битти изменил свой взгляд и считал, что 16 000 ярдов (80 каб.) являются предельной дистанцией для вступления в бой.

Его мнение основывается на необходимости соблюсти следующие требования:

а) Использовать преимущества более тяжелых английских снарядов.

б) Свести до минимума недостатки более легкого английского бронирования.

в) Находиться вне дальности действия неприятельских торпед.

г) Обеспечить больший процент попадания, так как время полета снаряда (26 секунд) удобно для наблюдения за всплесками.

д) Обеспечить хорошую корректировку, которая невозможна на дистанции больше 90 каб.

е) Обеспечить действительность огня 12″ орудий.

[3]) Хазе говорит, что первые залпы (3 ч. 48 м.) дали перелет, хотя прицел был поставлен на 82 каб. Шестой залп (3 ч. 52 м.)—прицел 65 каб.—дал накрытие. *Kiel und Jutland* стр. 145—7.

круг наших крейсеров закипела. Стрелять приходилось сквозь стену гигантских водяных столбов и брызг, подымаемых рвущимися неприятельскими снарядами.

Насколько представляется возможным судить по различным записям, надо считать, что дистанция, с которой английские линейные крейсера начали стрельбу, была не больше 80 каб. Но сказать наверняка, что оно было именно таково, нельзя. Можно лишь констатировать тот факт, что противник вздохнул свободнее, когда убедился, что английские суда не открыли огня с более дальней дистанции и не использовали преимуществ своей более тяжелой артиллерии, которая, как думали немцы, могла лишить их возможности успешно отвечать на наш огонь.

Вторым преимуществом Битти являлось как раз то самое, которым располагал его противник в бою у Доггер-Банки. Имея, одним крейсером больше, чем неприятель, он мог держать под огнем все немецкие крейсера и в то же время сосредоточить на головном крейсере Хиппера—*Люцове*—огонь двух своих крейсеров *Lion* и *Princess Royal*. Однако, третий в английской колонне крейсер *Queen Mary*, не разобрав сигнала относительно распределения огня, стрелял по *Зейдлицу*, благодаря чему по *Дерфлингеру* никто не стрелял в течение десяти минут, пока *Queen Mary* не понял своей ошибки. Во второй половине нашей колонны произошло подобное же недоразумение. Следующий за *Queen Mary* крейсер *Tiger* тоже не видал сигнала и одновременно с *New Zealand*'ом, правильно открывшим огонь по четвертому немецкому крейсеру, также посылали свои залпы в *Мольтке*. *Indefatigable* вел артиллерийскую дуэль с *Фон-дер-Танн*[1]).

Наши суда ясно проектировались на светлом западном горизонте и немцы быстро пристрелялись. Попадания следовали одно за другим. Хотя Битти время от времени несколько раз уклонялся понемногу вправо, приводя противника все ближе и ближе к траверзу, расстояние настолько быстро уменьшалось, что немцы смогли открыть беглый огонь и из орудий среднего калибра. К 3 ч. 54 м. оно упало до 65 каб.; *Lion* шел теперь параллельно противнику курсом близким к SSO, расстояние не менялось; одинаково жаркий огонь поддерживался с обеих сторон.

Продолжаться долго без перерыва такой бой не мог и через минуту Хиппер круто отвернул к SO и перестроился в кильватерную колонну. Битти тоже повернул на два румба к S (3 ч. 57 м.) и бой возобновился, но расстояние стало

---

[1]) В вахтенных журналах *Tiger*'а и *New Zealand*'а не было записано сигнала относительно распределения огня. Сигнал был флажный и поднят на *Lion*'е в 3 ч. 46 м. В 3 ч. 47 м. с *Lion*'а последовал другой сигнал «повернуть вдруг на OSO», а через полминуты «открыть огонь». Оба последние сигнала тоже были сделаны флагами.

быстро увеличиваться. Адм. Эван-Томас, находившийся в семи милях позади, не мог видеть последнего маневра, так как линейные крейсера совершенно скрылись в облаках порохового дыма. К тому же он еще не обнаружил присутствия крейсеров Хиппера и потому продолжал идти на Ost.

В течение этой фазы боя германские суда почти совершенно не пострадали. Огонь английских судов не мог быть успешным, во-первых, по причинам, нами уже указанным, а, во-вторых, потому, что им сильно помешали некоторые миноносцы 9-ой флотилии. В попытках обогнать крейсера, чтобы иметь случай произвести торпедную атаку, дивизион типа „L", идя со стороны противника, так надымил, что совершенно скрыл цель от *Princess Royal* и *Tiger*'а [1]). В 3 ч. 58 м., немедленно после поворота к зюйду, Битти, также как и его соперник, сделал сигнал усилить огонь. В это время *Дерфлингер* получил первое попадание. Его старший артиллерист рисует яркую картину того, как со страшным грохотом рвались снаряды и выростали, поднимаясь выше мачт, гигантские светло-зеленые столбы воды, державшиеся в воздухе 5—10 секунд раньше чем рухнуть вниз. Но не меньшее впечатление производила и стрельба немцев. Залпы германских крейсеров следовали через двадцать секунд и наши крейсера шли как бы в лесу фонтанов.

Наступил самый жаркий момент боя, когда всеобщее нервное напряжение достигло своего предела. Противник находился позади траверза и Битти сделал сигнал 13 флотилии, рекомендуя воспользоваться удобным случаем для атаки. Пять минут спустя, пока бой еще кипел с неослабевающей энергией, *Lion* получил самое тяжелое попадание, едва не ставшее фатальным. Неприятельский снаряд попал в третью башню, проник в орудийное отделение и взорвался под левым орудием. Почти вся прислуга была выведена из строя убитыми и тяжело ранеными. Только изумительное присутствие духа смертельно раненого башенного командира, майора корпуса морской пехоты Харвея, спасло флагманский крейсер от гибели [2]). Попадание было повидимому, с *Лютцова*, т. к. *Дерфлингер*, пока его никто не обстреливал, посылал все свои залпы в *Princess Royal*. Теперь же *Queen Mary*, поняв ошибку, открыл оживленный огонь по *Дерфлин-*

---

[1]) Миноносцы типа «L» недавно прибыли из состава Гарвичского отряда и были тихоходнее миноносцев Гранд-Флита. Начальник дивизиона в следующих словах объяснил свое неудачное маневрирование: «Из-за недостатка хода, дивизион не мог обогнать *Lion*'а и я был вынужден или отстать, или же остаться со стороны стреляющего борта. Я не хотел потерять возможности произвести торпедную атаку и предпочел последнее».

[2]) У башенного командира оторвало обе ноги, но он нашел в себе силы, крикнуть вниз приказание задраить дверь в погреба, а самые погреба затопить.

геру. На другом конце колонны продолжалась борьба между *Indefatigable*'ем и *Фон-дер-Таном*. Яростный бой разростался. Вдруг (4 ч. с минутами) *Indefatigable* покрылся дымом и пламенем. Залп из трех снарядов попал ему в верхнюю палубу, пробил ее и, вероятно, попал в погреба. Крейсер вышел из строя, опускаясь кормой. Следующий залп опять накрыл погибающий крейсер. Страшный взрыв потряс воздух. *Indefatigable* перевернулся и исчез [1]).

Вряд ли можно сомневаться, что если бы не подвиг майора Харвея *Lion*'а постигла бы та же участь, что и *Indefatigable*. В пылу боя никто не думал о причине катастрофы и все, что было известно, сводилось к тому, что не стало 57 офицеров и 960 матросов. Бой гремел с такой страшной силой, водяные столбы, дым из труб и пламя пожаров настолько скрывали все кругом, что на эскадре мало кто знал даже и об этом. Последнее попадание в *Lion* вызвало на нем пожар и немцам казалось, что наш головной крейсер вышел из строя. Но он только несколько уклонился вправо, чтобы сбить неприятельскую корректировку. Расстояние стало увеличиваться и в 4 ч. 5 м. адм. Хиппер прекратил огонь, так как его снаряды более не долетали.

Адм. Эван-Томас, который до этого момента шел курсом OtS, т.-е. прямо на противника, был почти в восьми милях позади. Пятью минутами раньше ему ненадолго открылись преследуемые нашими 1-ой и 3-ей эскадрами легких крейсеров легкие крейсера немцев. Несколькими залпами с 90 каб. он заставил их скрыться к осту. Но отряд Хиппера он впервые обнаружил только теперь в 4 ч. 5 м. и почти одновременно заметил, что Битти повернул на S. Поэтому Томас немедленно сделал то же самое и, как только его эскадра легла на новый курс, *Barham* открыл огонь по концевому судну противника. Дальномер показывал 95 каб., и хотя цель очень дурно вырисовывалась во мгле, но *Фон-дер-Тан* сразу получил попадания, и немцы начали зигзагировать. Стрельба 5-ой эскадры линейных кораблей была, повидимому, действительно великолепна. Залпы ложились одновременно и очень кучно и немцы не скрывают своего восхищения перед управлением огнем на *Barham*'е. По их мнению германские суда избежали гибели только благодаря плохим качествам английских трубок (взрывателей) [2]). Через пять минут *Barham* перенес огонь на следующий крейсер, и бой принял более общий характер, хотя дистанция была слишком велика. К тому же неприятель был настолько окутан дымом и мглою, что только временами открывались

---

[1]) См. схему 16.

[2]) Наши бронебойные снаряды, ударяя под острым углом, раскалывались и не проникали через броню.

один или два силуэта, большей же частью приходилось руководствоваться орудийными вспышками.

В 4 ч. 10 м., находясь в одиннадцати милях позади траверза *Lion*'а Хиппер повернул на несколько румбов во внутрь, а т. к. Битти, нажимая на головные германские крейсера, одновременно повернул немного влево, то Хиппер, в 4 ч. 17 м. смог возобновить бой с предельной дистанции. *Lion* еще не справился с бушевавшим пожаром, и немцы, вероятно потеряли его из виду. *Дерфлингер* принял *Princess Royal*, шедший вторым, за флагманский крейсер и перенес огонь на следующий за ним *Queen Mary*, по которому также стрелял и *Зейдлиц*. Таким образом, *Queen Mary* выдерживал жаркий обстрел двух противников с расстояния от $72^1/_2$ до 79 каб. Около пяти минут он стойко держался и дрался великолепно. Немцы говорят, что все его орудия посылали залпы со сказочной быстротой [1]). *Дерфлингеру* удалось дважды получить его накрытие. В 4 ч. 26 м. один из залпов попал *Queen Mary* в носовую часть; вырвалось ослепительное красное пламя, сопровождаемое оглушительным взрывом в середине крейсера [2]), *Tiger* обошел его слева, а *New Zealand* справа, корма *Queen Mary* высоко поднялась в воздух, винты продолжали вращаться. Через несколько мгновений дождь осколков засыпал палубы *Tiger*'а и *New Zealand*'а и от погибшего крейсера не осталось никаких следов кроме громадного облака дыма. Поднимаясь все выше и выше, столб достиг высоты 1000 фут. и принял форму гигантского пальмового дерева [3]).

Итак, хотя план Шеера не удался, противник достиг таких успехов, на которые никогда не рассчитывал и не надеялся. Однако, Хиппер далеко еще не выбрался из того положения, в которое он попал. 5-ая эскадра крепко держала хвост неприятельской колонны и под усилившимся обстрелом огонь немцев становился менее точным. А впереди наша 13-ая флотилия готовилась произвести торпедную атаку.

Флотилия состояла из следующих лучших миноносцев последней постройки: *Nestor*, *Nomad*, *Nicator*, *Pelican*, *Narborough*, *Petard*, *Obdurate* и *Nerissa*. Кроме того, при ней находились *Turbulent* и *Termagant* 9-ой флотилии, а также *Moorsom* и *Morris* 10-ой флотилии. В 4 ч. 15 м. командир легкого крейсера *Champion*, кап. 1 р. Фэри, поднял сигнал „атака“ и через пять минут пять головных миноносцев во главе с *Ne-*

---

[1]) Hase. *Kiel und Jutland*, стр. 157—8.
[2]) См. схему 17.
[3]) Погибло 57 офицеров и 1209 матросов. Один офицер и два матроса были подняты германскими миноносцами.

stor'ом настолько обогнали *Lion*'а, что смогли пересечь его курс в мили впереди [1]).

Следующим четырем помешал прорезавший их строй легкий крейсер, и они, несколько запоздав, действовали самостоятельно. Выйдя на свободное пространство, *Nestor* (кап. 2 р. Бингхэм) повел свой дивизион с тем, чтобы выйти на позицию удобную для атаки. Неприятель находился в восьми милях на NO, и наши миноносцы, идя с ним на сближение, вскоре увидели как из мглы показались германские миноносцы, явно готовящиеся произвести атаку на английские линейные крейсера. Из записок Шеера известно, что начальник германских минных флотилий, состоявших при отряде Хиппера, командир легкого крейсера *Регенсбург*, кап. 1 р. Хейнрих, заметив тяжелое положение своего флагмана, в которое тот попал, как только пристрелялась наша 5 эскадра, решил придти ему на помощь [2]).

Командир *Nestor*'а немедленно повернул на N, чтобы отрезать немцев, и через несколько минут между нашими и германскими миноносцами завязался жаркий бой. Устоять против соединенного огня нашего дивизиона и линейных кораблей немцы не могли. Хотя число их миноносцев превышало число английских, но немецкие были меньше и слабее вооружены, а потому, не дойдя до нужного расстояния, они второпях выпустили двенадцать торпед и повернули. Уклоняясь от атаки, адм. Эван-Томас повернул на два румба в сторону, но почти ни одна из торпед даже не дошла до его эскадры. Неприятельская минная флотилия бросилась уходить под защиту колонны своих линейных крейсеров, при чем часть миноносцев пошла под корму концевого крейсера, а часть стала обходить головной. Развивая самый полный ход, *Nestor* кинулся в погоню за последними, а остальные наши миноносцы устремились за другими. Кап. 2 ранга Бингхэм шел лишь вдвоем с *Nicator*'ом, т. к. *Nomad*, получив попадание в котельное отделение, вышел из строя. Выйдя на позицию, удобную для атаки, Бингхэм с 25 каб. выпустил 2 торпеды в *Лютцова*. Но Хиппер ожидал атаки и произвел тот же маневр, что и Эван-Томас. В момент выстрела *Nestor*'а, немцы быстро отвернули и торпеды прошли мимо. Атака *Nicator*'а тоже не имела успеха. Неудача не остановила Бингхэма. Решив довести атаку до конца, он повернул на Ost, не желая упускать ускользнувшую добычу. Вслед за ним повернул и *Nicator*. Несмотря на град снарядов противоминной артиллерии линейных крейсеров противника и жестокий огонь *Регенсбурга*, миноносцы отчаянно летели вперед. Пройдя траверз цели, они с $15^1/_2$ каб. снова

[1]) См. схемы 16, 17 и 18.
[2]) Шеер, см. стр. 144.

выпустили торпеды, но опять промахнулись и начали отходить, чудом избежав сыпавшихся неприятельских залпов.

К этому времени командир м-ца *Petard* кап.-лейт. Томсон, оторвавшийся от своего дивизиона, тоже пытался произвести атаку. Вместе с ним шли *Turbulent*, *Nerissa* и *Termagant*, а также присоединившиеся к ним *Morris* и *Moorsom* из состава 9-ой флотилии. При первой попытке *Petard* выпустил торпеду в головной германский миноносец *V-27*, которая попала и, повидимому, вывела его из строя. *V-27* стоял неподвижно, вода заливала ему палубу.

Свалка с неприятельскими флотилиями помешала нашим миноносцам добраться до эскадры Хиппера. Бой миноносцев представлял собою картину дикого беспорядка. Группы длинных, низких судов, выбрасывая густые клубы дыма, носились взад и вперед тридцатиузловым ходом, прорезывая стоявшую от дыма и водяных брызг мглу. Кругом сыпались снаряды противоминной артиллерии немецких линейных крейсеров и *Регенсбурга*, а над головами пролетали снаряды тяжелой артиллерии. Облака порохового дыма и дыма из труб почти совершенно заволакивали „изрытое снарядами море“, скрывая происходящее. Единственно, что можно было сказать—это то, что торпедная атака немцев не удалась. В 4 ч. 43 м. *Lion* сделал миноносцам сигнал—„возвратиться“ [1]). Следуя сигналу, все они повернули обратно. В этот момент мглу немного разнесло и было видно, что *V-27* и *V-29* тонут. Неподалеку от них стоял *Nomad* почти в таком же состоянии. А когда возвращавшийся *Petard* встретился с *Nestor*'ом, то оказалось, что и последний с трудом подвигается вперед. Отходя после второй лихой атаки, *Nestor* получил серьезные попадания с *Регенсбурга*, которыми были выведены из действия два котла. Командир *Petard*'а предложил взять *Nestor*'а на буксир, но Бингхэм отверг предложение, отказываясь подвергать еще один миноносец почти неминуемой гибели.

Причина отозвания миноносцев была следующая: десятью минутами раньше (4 ч. 33 м.) командующий 2-ой эскадрой легких крейсеров коммодор Гуденефф, державший брейд-вымпел на *Southampton*'е и находившийся в двух милях слева по носу *Lion*'а, передал неожиданное известие, что на SO показались линейные корабли [2]). Дав полный ход, он через пять минут опознал в них главные силы германского флота. Полученное сообщение казалось настолько невероятным, что ему буквально не верилось. Адм. Битти все еще не имел никаких причин предполагать, что Шеер оставил рейд Яде. Однако, сигнал *Southampton*'а был налицо

[1]) См. схему 18.
[2]) См. схему 17.

и к тому же с *Champion*'а только что передали то же самое. Естественно вставал вопрос, что же делать дальше?

Командующий линейными крейсерами, который с 4 ч. 30 м. все время склонялся в сторону от неприятеля, чтобы увеличить дистанцию, немедленно повернул влево, прямо по направлению, указанному Гуденеффом. Командующий 5-ой эскадрой остался на прежнем курсе, поддерживая тяжелый огонь по уклонившимся от торпедной атаки крейсерам Хиппера. Как ни неожиданно было появление Шеера, размышления продолжались недолго. Через две минуты после последнего поворота *Lion*'а с него заметили на SO, в расстоянии 11—12 миль, выходивший из мглы головной немецкий линейный корабль, а вслед за тем длинную колонну всех остальных кораблей противника, окруженную легкими крейсерами и тучей миноносцев. Раздумывать больше не приходилось и в 4 ч. 40 м. Битти повернул последовательно на 16R обратно и лег сначала на NW, а затем на N, на присоединение кратчайшим курсом к своим главным силам [1]).

Сигнал повернуть на 16 R был „общий", но его сделали флагами и потому адм. Эван-Томас, находившийся в восьми милях позади, не мог его видеть.

В это время все внимание командующего 5 эскадрой было поглощено противником, он только что приказал „сосредоточить огонь попарно по концевым судам". Правда, поворот *Lion*'а Томас видел, но он гнался за уходящим неприятелем и считал своей обязанностью—что было совершенно правильно—остаться на курсе и продолжать погоню. Восемь минут спустя, когда, *Lion* и *Barham*, идя контркурсами, разошлись в двух милях друг от друга, Битти сделал сигнал „5 эскадре повернуть на 16 R вправо". Но т. к. обе эскадры сходились со скоростью почти одной мили в минуту, адм. Эван-Томас миновал колонну Битти раньше чем смог выполнить сигнал и повернул последовательно уже за кормой концевого крейсера под огнем подходивших главных сил немцев.

Гуденефф не считал, что общий сигнал Битти освобождает его от обязанности „быть глазами флота", и продолжал 25-узловым ходом сближаться с противником, намереваясь точно осветить обстановку, а если представится случай, то и произвести торпедную атаку. Верный традициям британского флота, он до тех пор неудержимо летел вперед, пока не выяснил всего того, что требовалось. Возможно, что своим спасением он был обязан ничему иному как именно своей храбрости. Противник не мог сразу разобрать, какая эскадра к нему приближается, и только тогда, когда Гуденефф, сблизившись на 65 каб., повернул обратно, немцы рассмо-

[1]) См. схему 18.

трели 4-трубные легкие крейсера и открыли огонь. Хотя их залпы ложились отлично и наши крейсера отходили буквально заливаемые всплесками от рвущихся снарядов, искусное зигзагирование спасло их от попаданий.

Впервые за время войны Гуденеффу представилась картина, которой еще никогда не видал ни один британский корабль. В боевом порядке, построенный в одну кильватерную колонну, приближался весь Флот Открытого моря. Головным шел *Кениг* под флагом к.-адм. Бенке, и за ним шесть новейших дредноутов типа „Кениг" и „Кайзер", составлявшие 3-ью эскадру. За ними следовали еще девять дредноутов—четыре типа „Гельголанд" с 12" орудиями и четыре типа „Нассау" с 11" орудиями. Арьергард состоял из 2-ой эскадры—шести линейных кораблей до-дредноутского типа, взятых в поход по настоятельной просьбе их командующего к.-адм. Моуве, вопреки первоначальным намерениям Шеера. Сам главнокомандующий держал флаг на *Фридрих-дер-Гроссе*, который шел между авангардом и центром, т.-е. восьмым в колонне. Флот сопровождался крейсерами 4 разведочной группы и тремя с половиной флотилиями миноносцев во главе с легким крейсером *Росток*. В 3 ч. 45 м. Шеер, приняв радио о том, что Хиппер завязал бой, пошел к нему на присоединение. Очевидно, германский главнокомандующий не сразу установил точное место Хиппера, так как только в 4 ч. 5 м. он изменил курс на NW, чтобы поддержать свои линейные крейсера и помешать преждевременному отходу противника. С этой целью через четверть часа он склонился на W, рассчитывая, что желательный для него случай наступил и что он сможет поставить эскадру Битти в два огня. Но не успел он произвести задуманного маневра, как узнал о появлении нашей 5-ой эскадры линейных кораблей, и немедленно повернул на N спасать Хиппера от той западни, в которую, как он до последнего момента думал, попал его противник.

Новый курс привел главные силы неприятельского флота к встрече с нашими миноносцами, отходившими после сигнала Битти „возвратиться".

На пути Шеера стояли беспомощные *Nomad* и *Nestor*. Огонь неприятеля быстро смел с поверхности воды оба миноносца, но раньше чем команда села в разбитые шлюпки, они все-таки выпустили в подходившего врага последние торпеды. Уцелевших людей подняли германские миноносцы. Уходившие *Nicator* и *Petard* успели сделать четыре торпедных выстрела в немецкие линейные крейсера. Три торпеды были выпущены с *Petard*'а, при чем последняя попала в *Зейдлиц*. Взрыв произошел в носовой части правого борта под броневым поясом и сделал пробоину в 50 кв. фут., а также окончательно вывел из действия 15-см орудие № 1, однако

благодаря исключительно прекрасной постройке, крейсер устоял и смог продолжать бой.

Из общего числа двадцати выпущенных торпед лишь одна нанесла вред противнику. Тем не менее эта атака, несмотря на ничтожные результаты, остается образцом атаки миноносцев в эскадренном бою. Наши минные флотилии не только отбили атаку неприятельских флотилий, но прорвавшись через них, несмотря на сильнейший обстрел, с изумительным порывом довели атаку до конца.

Материальный успех атаки был не велик, но смелость и настойчивость, проявленные командирами миноносцев, не остались без влияния на ход боя. Они несомненно заставили германские линейные крейсера еще больше уклониться в сторону в тот критический момент, когда наши линейные крейсера ворочали на 16 R и этим спасли их от тяжелых последствий. Правда, как мы, так и противник, потеряли одинаково. С обеих сторон погибло по два миноносца, но вера немцев в превосходство своих минных флотилий пошатнулась.

К моменту гибели *Néstor*'а и *Nomad*'а обе наши эскадры скрылись в северном направлении и только сильнейший гул канонады говорил о продолжающемся артиллерийском поединке. Хиппер, после своего уклонения в сторону, снова лег на S-ый курс (4 ч. 49 м.), т.-е. как раз тогда, когда крейсера Битти, вытянувшиеся после поворота на 16 R на NW, повернули еще раз на 4 R и легли на N.

Бой возобновился почти немедленно; *Lion* открыл огонь по концевому крейсеру—*Фон-дер-Тану*. После нескольких залпов с предельной дистанции Хиппер в свою очередь тоже повернул последовательно на 16 R вправо, чтобы занять место в голове приближавшейся колонны линейных кораблей. В сгустившейся мгле и дыму Битти еще раз потерял из виду противника и на шесть минут стрельба прекратилась.

Около 5 часов силуэты германских линейных крейсеров опять стали вырисовываться в северном направлении и Битти снова завязал бой. Почти мгновенно *Lion* получил еще одно тяжелое попадание, вызвавшее сильный пожар, и если бы не задраенная в погреб дверь, он не избежал бы гибели. Наши линейные крейсера мало что могли сделать в это время. Мгла и дым распространялись только на Ost, совершенно скрывая эскадру Хиппера, а к западу все было ясно и английские суда резко проектировались на желтом горизонте. Лишь вспышки немецких орудий показывали цель, да иногда лучи солнца прорезывали облака тумана и, освещая неприятельскую линию, слепили глаза немецким комендорам. По мере увеличения расстояния стрельба становилась все слабее и, наконец, прекратилась вовсе. В 5 ч. 10 м. адм. Битти уменьшил ход до 24 узлов и окончательно

пошел на присоединение к главным силам [1]). На его левой раковине держалась эскадра Эван-Томаса, испытывая тоже, что и линейные крейсера [2]). К моменту окончания поворота к N-у 5-ая эскадра находилась в трех милях позади крейсеров Битти и почти на траверзе *Кенига*, благодаря чему сразу же вступила в бой не только с авангардом Шеера, но и с эскадрой Хиппера.

С целью уменьшить дистанцию, главные силы Шеера повернули подивизионно на NW, пытаясь в этом строю сблизиться с противником. *Barham*, положив руля, еще катился вправо, как получил серьезное попадание. Снаряд разрушил радио-телеграфное оборудование; несколько десятков человек было убито и ранено. Казалось, что все немецкие суда, орудия которых достигали, сосредоточили огонь по точке поворота. Однако, следующий за *Barham*'ом линейный корабль *Valiant* повернул, не получив ни одного попадания. *Warspite* тоже прошел благополучно и только когда стал ворочать концевой корабль — *Malaya* — по нему сосредоточила огонь целая дивизия германского флота, если не больше. Залпы сыпались со скоростью шести в минуту. Описав координат влево, *Malaya* счастливо избежала попаданий, но в течение последующих двадцати минут немцам удалось получить несколько накрытий. Два залпа попали ниже ватерлинии и *Malaya* начал крениться. Командир приказал открыть стрельбу недолетами из 6″ орудий, чтобы создать род завесы, но раньше, чем приказание успели выполнить, тяжелый неприятельский снаряд разорвался в батарейной палубе. Несколько 6″ орудий было выведено из строя, артиллерийская прислуга ранена и убита, начался пожар [3]).

Некоторое время адм. Томас так же, как и Битти, шел N-овым курсом, при чем *Barham* и *Valiant* дрались с немецкими линейными крейсерами, а два концевых корабля обстреливали линейные корабли Шеера [4]).

Курс, которым подходил Шеер, и курс нашей 5-ой эскадры сходились, ввиду чего адм. Томас, несмотря на преимущества в ходе, не смог увеличить дистанции. Его эскадра оставалась под тяжелым обстрелом, отвечая на огонь немцев, насколько позволяла дурная видимость.

Два миноносца 13 флотилии, еще не принимавшие участия в бою—*Onslow* и *Moresby* сделали отчаянную попытку сблизиться с противником. Они были посланы на охрану авианосца и пропустили время общей атаки. Теперь же,

---

[1]) См. схему 19.

[2]) См. схему 18.

[3]) 5-ая эскадра пострадала главным образом в этот период боя. На *Barham*'е убито 26 человек, ранено 37. *Malaya* потеряла 63 человека убитыми 33 раненными. Более получаса она выносила на себе всю тяжесть боя.

[4]) См. схему 19.

когда после поворота адм. Битти к N-у эти миноносцы присоединились к линейным крейсерам, командиры решили атаковать приближающиеся германские линейные корабли. Около 5 ч. Битти повернул на NNW, и миноносцы, шедшие в это время на NNO, оказались на курсе, расходящемся с *Lion*'ом и сходящемся с неприятелем. Впереди немецких кораблей завесы не было и *Onslow* вместе с *Moresby* пошли в атаку. Однако, раньше чем они сблизились на желаемую дистанцию, появились четыре легких крейсера разведочной группы Хиппера, которые только что снова повернули к северу. Крейсера немедленно открыли настолько частый и меткий огонь, что вынудили наши миноносцы разойтись. *Onslow* положил лево на борт и оставил свою попытку вовсе, *Moresby* же повернул влево и, спускаясь курсом S, вскоре оказался в положении удобном для атаки авангарда Шеера. Сблизившись до 40 каб., командир, с предельной дистанции выпустил торпеду в третий корабль. Торпеда не попала, но оба миноносца вернулись без всяких повреждений.

К этому времени (5 ч. 20 м.) адм. Томас, уклоняясь влево, вошел в струю линейных крейсеров. Расстояние увеличивалось и бой затихал. Вскоре неприятельские снаряды перестали долетать, но немцы все еще оставались под обстрелом. Сгущающаяся на востоке мгла совершенно скрывала корабли противника и они только временами показывались на минуту-другую, когда мглу немного разносило, или когда пробивающиеся через туман солнечные лучи освещали темно-серый горизонт. Однако, попадания были как в неприятельские крейсера, так и в линейные корабли. В 5 ч. 30 м. немцы оставили погоню, но стрельба, хотя и с перерывами, не прекращалась.

Итак, первая фаза боя закончилась. Все наши эскадры спешили на север на присоединение к главным силам. Германский флот, следуя сигналу Шеера, преследовал противника, развивая самый полный ход.

ГЛАВА XVIII.

Ютландский бой. Вторая фаза. Первое соприкосновение главных сил.

Схемы 20—24.

В 5 ч. 30 м., когда стрельба стала стихать, адм. Джеллико находился в двадцати трех милях к N-у. Три эскадры дредноутов шли шестью кильватерными колоннами строем фронта [1]). К.-адм. Худ с 3-ей эскадрой линейных крейсеров (*Invincible*, *Inflexible* и *Indomitable*), с легкими крейсерами *Chester* и *Canterbury* и с четырьмя миноносцами держался

[1]) См. схему 20.

в двадцати одной миле впереди, но настолько далеко к Ost'у, что с *Lion*'а его не могли видеть. В дозоре шли две эскадры крейсеров: 1-я крейсерская эскадра (*Defence, Warrior, Duke of Edinburgh, Black Prince*) под флагом к.-адм. Арбутнота, составлявшая правую половину дозорной линии и 2-я крейсерская эскадра (*Minotaur, Cochrane* и *Shannon*) под флагом к.-адм. Хита, составлявшая левую ее половину. Четвертый крейсер 2-ой эскадры—*Hampshire* держал связь между ними. В качестве противолодочной завесы, непосредственно впереди линейных кораблей, шла 4-я эскадра легких крейсеров коммодора Ле-Мезурие. (*Calliope, Constance, Comus, Royalist* и *Caroline*). Легкие крейсера, прикомандированные в распоряжение старших флагманов эскадр линейных кораблей—*Active, Boadicea, Blanche* и *Bellona*, держались позади, занимая места согласно объявленного походного порядка [1]). При таком строе выдвинутые вперед суда освещали фронт длиною в сорок миль. Но видимость все ухудшалась и, чтобы сохранить визуальную связь, дозоры пришлось сблизить. Освещаемое пространство сократилось до двадцати миль.

1-ая эскадра линейных кораблей в.-адм. Бернея в составе 6 дивизии—*Marlborough* (флаг), *Revenge, Hercules, Agincourt* и 5-ой дивизии—*Colossus* (флаг к.-ад. Гаунта), *Collingwood, Neptune, St. Vincent* находилась на правом фланге. С левой стороны шла самая сильная—2 эскадра в.-адм. Джеррама в составе 1-ой дивизии—*King George* (флаг), *Ajax, Centurion, Erin* и 2 дивизии—*Orion* (флаг к.-адм. Левесона), *Monarch, Conqueror, Thunderer*, при чем место на фланге занимала 1-ая дивизия. В центре шла 4-ая эскадра. Ближайшую к правому флангу дивизию (четвертую)—*Benbow* (флаг), *Bellerophon, Temeraire, Vanguard* вел старший флагман в.-адм. Стерди, а шедшую от нее слева 3-ью дивизию—*Superb* (флаг), *Royal Oak* и *Canada* к.-адм. Дефф. Впереди *Superb*'а шел на *Iron Duke*'е адм. Джеллико. Таким образом, в непосредственном распоряжении главнокомандующего было (не считая четырех линейных кораблей 5-ой эскадры) двадцать четыре дредноута против шестнадцати германских дредноутов и шести линейных кораблей до дредноутского типа. В отношении артиллерийского вооружения преимущества тоже были на стороне Джеллико, т. к. противник не располагал орудиями выше 12″ калибра, а мы имели и 15″ орудия. Но,

[1]) Походный порядок № 1: левая половина дозорной линии—*Cochrane, Shannon, Minotaur*; правая—*Defence, Warrior, Duke of Edinburgh, Black Prince, Hampshire* (для связи). Расстояние между крейсерами восемь миль. (В 3 м. 10 м. центру дозорной линии было приказано держаться в 16 милях от линейных эскадр). 4-я эскадра легких крейсеров была в четырех милях впереди линейных эскадр, а легкие крейсера, прикомандированные в распоряжение флагманов, на флангах.

с другой стороны, германские суда обладали лучшей броневой защитой и большим количеством подводных торпедных аппаратов.

Явное неравенство в артиллерии вызвало и разницу в тактике английского и германского адмиралов, при чем эта разница особенно сказывалась во взглядах на боевое использование второстепенных сил флота. Оба адмирала, конечно, одинаково стремились к тому, чтобы всемерно использовать все свои боевые средства, но каждый из них имел свой собственный метод, выработанный в соответствии с тем количеством главнейших боевых единиц, которыми он располагал. Адм. Джеллико значительно превосходил противника числом линейных кораблей и видел успешное разрешение задачи в том, чтобы нанести сокрушительный удар линейными кораблями, и адм. Шеер естественно должен был стараться избежать этого удара или же во всяком случае сделать все, чтобы энергичным использованием второстепенных сил своего флота его ослабить. Таким образом, всегда ожидалось, что Шеер полностью использует мины, подводные лодки и миноносцы. Однако, фактически он имел при себе лишь последние. Задача, возложенная на германские миноносцы, носила наступательный характер. Для ее облегчения они были разделены на две почти равные группы, при чем одна группа состояла при авангарде, а другая при арьергарде и обе держались со стороны нестреляющего борта. Для Джеллико было важно обрушиться на противника полной мощью своих линейных сил и, следовательно, было настоятельно необходимо охранить дредноуты от торпедных и подводных атак и не отвлекать их внимания заботами в этом направлении. Поэтому функции миноносцев Гранд-Флита были не наступательные, а оборонительные. Инструкции начальникам дивизионов миноносцев ограничивались требованием, главным образом, отражать неприятельские торпедные атаки, но в то же время им предоставлялась полная свобода атаковать противника, если они увидят к тому подходящий случай. На крейсера и легкие крейсера возлагались приблизительно те же обязанности. Они должны были оперировать или против отдельных подобных им немецких судов, или же поддерживать свои миноносцы. Так же, как и начальникам дивизионов, командующим эскадрами крейсеров предоставлялась неограниченная инициатива в бою. Крейсера и миноносцы занимали места на обоих концах боевой линии, откуда они могли оказать наибольшую помощь линейному флоту, не мешая его стрельбе.

Кроме вышеизложенных причин, влиявших на тактику Джеллико, был еще один крупный фактор, с которым должен был считаться главнокомандующий. Гранд-Флит пре-

восходил противника не только числом, но и калибром орудий, и мог вести бой на большей дистанции, чем противник. Поэтому было важно использовать преимущество начать бой с расстояния, недоступного торпедному выстрелу, т.-е. с 75 каб., и не сближаться до тех пор, пока не выяснится, что противник начинает сдавать. Это исключительно важное обстоятельство надлежит всегда твердо помнить для того, чтобы составить правильное представление о бое и судить о том, „что было и чего не было сделано".

В 2 ч. 20 м. дня, когда адм. Джеллико начал принимать радио-сигналы *Galatea*, он все еще находился более чем в двенадцати милях от точки полуденного рандеву. Задержка, как уже говорилось выше, произошла из-за необходимости осматривать встречные пароходы, которые могли быть неприятельскими разведчиками [1]). В виду того, что первоначальные донесения указывали на присутствие лишь легких сил, возможно даже только неприятельских миноносцев, Джеллико не увеличил скорости и продолжал делать зигзаги, но приказал подымать пары для полного хода [2]). Однако, как только стала выясняться вероятность более крупных событий, он прекратил зигзагирование и пошел постоянным курсом SO 50°, увеличив ход до 17 узлов (2 ч. 43 м.). Через двенадцать минут ход был увеличен до 18 узлов и поднят сигнал „приготовиться к бою". Одновременно было приказано принять все меры, чтобы скорее поднять пары. Затем, в соответствии с разработанным планом, Джеллико лег на SOtS в направлении на Horn Reefs и приказал своим крейсерам выдвинуться на шестнадцать миль вперед. Выполнить это приказание крейсерам было не легко, т. к. линейные корабли ко времени, когда было получено место Битти, указанное им в 3 ч. 15 м., развивали уже 19 узлов. Как читатель уже знает, места обоих флагманских кораблей были не вполне точны. Место, в котором считал себя *Iron Duke* в 3 ч. 26 м., отстояло от *Lion*'а в семидесяти одной мили на NW 16°. Битти телеграфировал, что его курс NO, ход 23 узла, а *Galatea* сообщал, что он видит противника на NW. На основании этих сообщений Джеллико пришел к заключению, что линейные крейсера гонятся за какими-то неприятельскими крейсерами, уходящими в северном направлении, и поднял сигнал с приказанием всем флагманам поставить вверенные им эскадры в известность об обстановке. В 3 ч. 30 м. Джеллико предупредил начальника минных флотилий Гранд-

[1]) По записям в вахтенном журнале *Iron Duke*'а он в 2 ч. дня находился в $19^1/_2$ милях на NW 40° от точки рандеву, но, повидимому, фактически он был на четыре мили ближе, т.-е. в $15^1/_2$ милях.

[2]) Эскадренный ход был связан с экономическим ходом миноносцев.

Флита коммодора Хокслея, что в 4 ч. неприятель войдет в соприкосновение с нашими крейсерами.

Казалось, что все идет прекрасно. Но не успели спустить последнего сигнала, как положение дел резко изменилось. Срочное радио с *Lion*'а сообщало, что показались неприятельские линейные крейсера с значительным числом миноносцев. Следующее радио давало курс противника (SO 55°), а третье (3 ч. 55 м.) гласило, что Битти вступил в бой.

Надежда на быструю встречу с врагом—рушилась. Создавалось впечатление, что происходит повторение прежних операций набега. Однако, главнокомандующий, не теряя времени, увеличил ход до 20 узлов и приказал адм. Худу немедленно следовать на поддержку линейных крейсеров.

Invincible, на котором держал флаг Худ, находился в двадцати пяти милях на левом крамболе *Iron Duke*'а и несколько впереди назначенного ему места. Когда в 3 ч. 15 м. адм. Худ принял радио *Galatea* о том, что неприятельские легкие крейсера идут на север, он уклонился немного к Ost'у и пошел 22-узловым ходом с целью их отрезать. Полчаса спустя, узнав, что немцы спустились к S-у, он повернул обратно и лег на SO 26°. Таким образом в момент сигнала следовать на поддержку Битти *Invincible* находился в сорока трех милях на StW от места, показанного *Lion*'ом. Не обладая значительным преимуществом в скорости, Худ не надеялся нагнать Битти на этом курсе и поэтому повернул на SSO, развивая свой максимальный ход—25 узлов. О той пользе, которую принес этот поворот, будет видно из дальнейшего.

В течение томительного получаса радио-станции молчали; главнокомандующий не получил от адм. Битти ни одного слова о том, как идет бой. О 5-ой эскадре также не было никаких известий, и Джеллико запросил, находится ли адмирал Эван-Томас с линейными крейсерами. На запрос последовал ответ—„Да, я завязал бой с неприятелем". Затем по мере того, как главные силы спускались все дальше к югу, мысль Джеллико устремилась к Скагерраку, выход из которого оставался открытым. В 4 ч. 38 м. он сделал радио адм. Тепперу, приказав ему занять восточный дозорный район крейсерами 10 эскадры, чтобы не дать проскользнуть неприятельским вспомогательным крейсерам и заградителям.

Едва только успели передать последнее приказание, как радио-станция *Iron Duke*'а приняла сообщение *Southampton*'а: „Видел неприятельские линейные корабли по пеленгу приблизительно SO курс N".

Сообщение *Southampton*'а было первым известием, полученным в тот день о Шеере. Все предыдущие сведения говорили о том, что он все еще стоит в устьи Яде. Но через несколько минут радио с *Lion*'а подтвердило сигнал *Southampton*'а. Хотя радио Битти пришло в искаженном виде,

для Джеллико было достаточно и того, что он узнал. В 4 ч. 47 м. на *Iron Duke* развевался сигнал: „Неприятельские линейные корабли следуют на N“. Если главнокомандующий и сомневался некоторое время в том, с какими именно силами ему предстоит встретиться, то его сомнение длилось не долго. Доблестное поведение Гуденеффа принесло свои плоды. Выясненные им подробные сведения о противнике были сообщены не только командующему линейными крейсерами, но и Джеллико. В 4 ч. 50 м. главнокомандующий передал в Адмиралтейство—„Эскадренный бой неминуем“ [1]).

По мере того, как полученное сообщение с быстротой молнии распространялось повсюду, всеобщее напряжение росло. В портах все пришло в движение; буксиры подымали пары, готовясь к выходу в море на помощь поврежденным судам. Но нигде это напряженное состояние не ощущалось столь остро как на тех эскадрах и отрядах, которые все еще стояли в гаванях. Когда в Гарвиче разобрали только первые слова радио и поняли, что происходит в Северном море, Тирвит с трудом удерживался, чтобы не сорваться с места, так как было предусмотрено, что в случае неминуемости эскадренного боя он должен идти полным ходом на присоединение к главным силам. Тирвит только что телеграфировал в Лондон, запрашивая инструкций, но минуты шли, а ответа не было.

В 5 ч. адм. Брадфорд передал в Адмиралтейство, что он оставляет устье Темзы и направляется к плавучему маяку Slack Deep. Дальше Тирвит ждать не мог и в 5 ч. 15 м. тоже уведомил Адмиралтейство о своем выходе в море. Но Адмиралтейство было еще не в состоянии дать Тирвиту желательных ему инструкций и в ответ на его первую телеграмму ограничилось приказанием—„Принять полный запас топлива. Быть готовым сменить впоследствии легкие крейсера и миноносцы, состоящие при линейных крейсерах“. Тем не менее Тирвит продолжал следовать дальше в надежде, что по получении его второй телеграммы решение изменят. Однако, на Адмиралтействе лежала слишком тяжелая ответственность за южный район, чтобы пойти навстречу желаниям начальника Гарвичского отряда. Отряд должен бы стоять в Гарвиче в полной готовности на слу-

---

[1]) Радио Битти служит ярким примером трудности точной передачи сведений в бою. Радио-сеть *Lion*'а была сбита и командующий линейными крейсерами после поворота на N передал семафором на *Princess Royal*—«Донесите главнокомандующему: линейные корабли неприятеля на SO». В вахтенном журнале *Princess Royal* этот сигнал записан в следующих выражениях: «Главнокомандующему через *Princess Royal*—экстренно. Видел неприятельские линейные корабли на SO. Мое место $\varphi - 56^0 36'$ N; $l - 6^0 4'$ Ost». Некоторыми судами сигнал был принят правильно. На *Iron Duke*'е же его поняли так: 26—30 линейных кораблей повидимому на SSO идут курсом SO. Но сообщение *Southampton*'а, касавшееся курса противника, было расшифровано правильно.

чай, если от него потребуется выполнить задачу, предусмотренную основным планом дислокации флота. Двадцать минут спустя Тирвит с тяжелым сердцем читал — „Немедленно возвращайтесь и ждите приказаний“.

В 5 ч. 30 м. адм. Битти, потеряв временно из виду неприятеля, шел курсом NNW на сближение с главнокомандующим. Адм. Эван-Томас, находившийся в четырех милях позади, шел N-ым курсом и все еще продолжал бой. С того момента, что мгла скрыла немцев от Битти, 5-ая эскадра беспрерывно поддерживала огонь. *Barham* и *Valiant* с 95—100 каб. посылали свои залпы в германские линейные крейсера, а *Warspite* и *Malaya*—в линейные корабли. Но мгла на востоке совершенно поглотила силуэты немецких судов и только орудийные вспышки показывали их места. Наши же корабли отчетливо проектировались на желтом фоне западной части горизонта.

Несмотря на преимущества в ходе, эскадра еще не вышла из-под обстрела, и концевые корабли страдали от огня головных линейных кораблей немцев. Причина невозможности выйти из-под неприятельского огня была та, что Шеер все еще оставался в строе пеленга, продолжая идти на сближение. Адм. Эван-Томас мог парировать маневр противника только уклонившись к W-у, но это неминуемо привело бы его эскадру на курс, расходящийся с главнокомандующим.

Вплоть до этого времени, ни на *Lion*'е, ни на *Barham*'е не знали точно места адм. Джеллико, но так как счислимый пеленг был NW 16° Битти в 5 ч. 33 м. повернул NNO. За семь минут до этого адм. Хиппер, получив приказание Шеера—„Преследовать противника“, следуя движению своего главнокомандующего, склонился к W-у и вся эскадра оказалась теперь на сходящихся курсах. В результате в 5 ч. 40 м. Битти снова обнаружил неприятеля во мгле, и бой возобновился с прежней силой с расстояния всего лишь 70 каб. [1]).

Одновременно и адм. Эван-Томас заметил немецкие линейные крейсера. *Barham* и *Valiant* присоединились к огню эскадры Битти, а *Warspite* и *Malaya* продолжали обстрел скрывающихся в пелене тумана силуэтов головных линейных кораблей Шеера. Преимущества освещения были теперь на нашей стороне и крейсера Хиппера начали жестоко страдать от сосредоточенного огня. Однако, они только несколько увеличили расстояние, но продолжали бой с едва заметным противником, оставаясь в полном неведении о развертывающихся событиях.

В 5 ч. 33 м. флагманский крейсер к.-адм. Непира *Falmouth* (3 эскадра легких крейсеров), который шел в четырех милях

[1]) См. схему 21.

вперед *Lion*'а, обнаружил право-фланговый крейсер эскадры адм. Арбутнота — *Black Prince*. Визуальная связь между обоими отрядами Гранд-Флита, наконец, установилась. Так как эскадра Арбутнота составляла право-фланговый сектор завесы, выдвинутой Джеллико, *Black Prince* занимал крайнее место, на западном конце дозорной линии. По мере ухудшения видимости Арбутнот постепенно склонялся на сближение с эскадрой к.-адм. Хита, составлявшей лево-фланговый сектор завесы, и шел курсом SO по диагонали к курсу линейных крейсеров. Таким образом, *Black Prince* находился ближе всех к неприятелю и, как только адм. Битти возобновил бой, он донес Джеллико, что видит от себя к югу пять линейных крейсеров. Опознал ли их *Black Prince* за наши или германские—осталось неизвестным. Во всяком случае главнокомандующий получил донесение о появлении неприятельских крейсеров. Сообщение это только усилило неопределенность и путанность сведений об обстановке на юге, которые создались в результате поступивших на *Iron Duke* отрывочных и неясных донесений о противнике. Неприятельские линейные корабли должны были находиться лишь в нескольких милях позади своих линейных крейсеров, из радио же *Black Prince*'а выходило, что они в двадцати милях на NW от того места, которое было указано в последнем донесении Гуденеффа. Поэтому Джеллико пришел к заключению, что обнаруженные крейсера—английские [1]). Таким образом, соприкосновение с противником началось ощущаться при полной неуверенности в обстановке. Уже в 3 ч. 10 м., когда выяснилось, что адм. Битти обнаружил какие-то более крупные силы, чем миноносцы, Джеллико приказал крейсерской завесе выдвинуться вперед на 16 миль, но он сам настолько быстро увеличивал ход, что крейсера не смогли выиграть и половины этого расстояния. Подходил срок начинать боевое развертывание, а времени для получения главнокомандующим донесений о таком важном факторе, как точное место неприятельских главных сил, оставалось мало.

В тот момент, когда правый фланг завесы вошел в связь с адм. Битти, на левом фланге произошли весьма важные события. Здесь 3-ая эскадра линейных крейсеров адм. Худа, выполняя сигнал следовать на поддержку крейсеров Битти, вышла на двадцать пять миль вперед от главных сил. Один из прикомандированных к эскадре легких крейсеров, *Canterbury*, находился в пяти милях впереди *Invincible*'я, другой крейсер, *Chester*, держался на таком же расстоянии к W-у на правом траверзе адмирала. Четыре миноносца — *Shark*, *Acasta*, *Ophelia* и *Christopher* составляли противолодочную за-

[1]) См. схему 21.

весу и шли в голове эскадры. Таким образом, *Chester* был ближайшим к неприятелю.

В 5 ч. 27 м. командир крейсера капитан 1 р. Лаусон, услышав на SW канонаду, повернул в этом направлении, чтобы осветить обстановку [1]). Вскоре вдалеке, там где 5 эскадра еще продолжала бой, заблистали в тумане вспышки выстрелов, а через минуту—другую *Chester* обнаружил неясный силуэт трехтрубного крейсера с несколькими миноносцами, пересекающими его курс. Сразу же опознав в нем неприятеля, Лаусон повернул вправо, чтобы ввести в действие свои орудия, но так как его маневр представлял одному из неприятельских миноносцев удобный случай атаковать *Chester* слева по носу, он резко повернул к N-у и открыл огонь. Одновременно из тумана выскочили еще два крейсера, шедшие в кильватер первому, и *Chester* был засыпан снарядами. Не прошло и пяти минут, как три орудия оказались выведенными из строя, большинство артиллерийской прислуги ранено или перебито. В действии осталась лишь кормовая пушка. *Chester* повернул и начал уходить на NO, развивая самый полный ход и бросаясь из стороны в сторону, чтобы избежать неприятельских залпов.

Встреченные *Chester*'ом крейсера—*Франкфурт* (флаг), *Висбаден*, *Пиллау* и *Эльбинг*—принадлежали ко 2-ой разведочной группе и входили в состав эскадры к.-адм. Бедикера. Эскадра держалась со стороны нестреляющего борта Хиппера и, выдвинувшись к северу, находилась теперь на правом крамболе Хиппера в расстоянии четырех миль. Казалось, что судьба *Chester*'а решена, но помощь уже спешила. Адм. Худ, услышав канонаду позади своего правого траверза, сразу повернул на NW (5 ч. 37 м.). Немецкие легкие крейсера шли в это время на Ost и курсы быстро сходились. Через несколько минут с *Invincible*'я заметили показавшийся из тумана *Chester*, делавший зигзаги и буквально заливаемый вплесками от падающих кругом снарядов [2]). Еще через минуту показались и его преследователи. Противник быстро понял опасность и немедленно положил право на борт, но было поздно. Залпы *Invincible*'я обрушились на германские крейсера. *Chester*, сделав последний выстрел, вышел под нос *Invincible*'ю и потерялся во мгле. Что же касается эскадры Бедикера, то она избежала 12″ залпов *Invincible*'я только благодаря выпущенным торпедам. Уклоняясь от них, Худ был вынужден отвернуть в сторону, и неприятель пропал из виду. Однако *Invincible* успел совершенно подбить *Висбаден* и нанести тяжелые повреждения *Франкфурту* и *Пиллау*.

---

[1]) См. схему 20.
[2]) См. схему 21.

Но на этом дело не кончилось. Когда Худ повернул на помощь *Chester*'у, его четыре миноносца остались на левой раковине *Invincible*'я. Вскоре они заметили силуэты идущих на SO, им навстречу, немецких крейсеров, наполовину закрытых водяной стеной всплесков недолетов. Головным нашего дивизиона был *Shark*. Им командовал кап. 2 р. Лофтус Джонс, тот самый офицер, который во время набега немцев на Скарборо своим смелым преследованием противника произвел замешательство среди крейсеров завесы адм. Ингеноля и заставил Флот Открытого моря вернуться обратно [1]). Видя теперь удобный случай для атаки, он решительно бросился вперед, сопровождаемый остальными миноносцами своего дивизиона (*Acasta*, *Ophelia* и *Christopher*). По мере сближения с неприятелем, впереди немецких крейсеров показалась из мглы группа миноносцев, явно готовящихся произвести атаку на эскадру Худа. Но как только немцы разобрали курс *Shark*'а, они сразу повернули для защиты крейсеров Бедикера. Завязался жаркий бой. *Shark* выпустил торпеду в один из крейсеров, но сразу был засыпан снарядами. Едва командир успел повернуть обратно, будучи уверен, что атака на эскадру Худа предупреждена, как его миноносец остановился. *Acasta* поспешил на помощь к *Shark*'у, предлагая подать буксир, но Лофтус-Джонс, не желая подвергать поврежденного *Acasta* неминуемой гибели, отказался и приказал ему отходить. В этот момент появился подходивший с SO-а легкий крейсер *Canterbury*. Повернув на S, он увлек за собой неприятельские крейсера, и *Shark* был на время оставлен в покое. Вскоре, однако, из тумана вышли еще несколько миноносцев, высланных Хиппером для атаки эскадры Худа с целью прикрыть свой отход. Новые пришельцы открыли по погибающему *Shark*'у ужасающий огонь. Кормовое орудие было снесено, прислуга перебита. Командиру оторвало ногу, но он продолжал подбодрять людей и лично управлял огнем уцелевшей пушки. Через несколько минут *Shark* с развевающимся флагом затонул [2]).

Пока длился последний бой *Shark*'а, Джеллико быстро подвигался вперед и в момент гибели доблестного миноносца находился от него в расстоянии четырнадцати миль на NW. Главнокомандующий продолжал идти в походном порядке, так как до сих пор не получил никаких донесений, где находятся главные силы немцев, и делал тщетные попытки выяснить точное место противника, чтобы правильно решить вопрос боевого развертывания.

---

[1]) 16 декабря 1914 года.

[2]) Командира успели перенести на спасательный плот, но он умер от потери крови. Шесть оставшихся в живых человек снял с плота датский пароход *Vidar*.

В шести милях на SW от Джеллико находился адм. Битти. Орудия его крейсеров снова заговорили и при поддержке 5 эскадры он заставил немецкие линейные крейсера повернуть к Ost'у. Следуя их движению, Битти тоже начал склоняться вправо и в 5 ч. 56 м. усмотрел головные линейные корабли Гранд-Флита. „Поэтому", писал он в своем донесении, „я изменил курс на Ost и дал самый полный ход [1])". Причины, вызвавшие этот поворот, ни в каких исторических источниках не приводятся, но нельзя отрицать, насколько было важно, чтобы Битти „крепко держал" неприятельские линейные крейсера с целью не дать им возможности усмотреть наши главные силы и донести об их появлении Шееру. Если, как вероятно думал Битти, адм. Джеллико намеревается произвести развертывание вправо, т.-е. в сторону фланга, ближайшего к неприятелю, ost'овый курс линейных крейсеров не принесет вреда. Соображения же, по которым главнокомандующий считал развертывание вправо тактически невозможным, вряд ли могли занимать мысли командующего линейными крейсерами. Но для Джеллико маневр Битти был непонятен. Руководствуясь полученными скудными донесениями, он все еще ожидал увидеть неприятеля прямо по носу. Опознав английские линейные крейсера, идущие на пересечку его курса и ведущие бой с невидимым противником, он сделал Битти сигнал прожектором: „Где неприятельские линейные корабли?" (6 ч. 1 м.). Было очевидно, что произошла какая-то ошибка, т. к. эскадра Битти появилась гораздо дальше к W-у, чем должна была быть, судя по поступившим радио. Недоразумение произошло из-за ошибки в счислении на обоих флагманских судах. *Lion* ошибся почти на семь миль к W-у, а *Iron Duke* на четыре мили к Ost'у, благодаря чему общая ошибка равнялась почти одиннадцати милям. Джеллико теперь представлялось, что неприятель, вероятно, появится не прямо на носу, а несколько правее. Поэтому, с целью выиграть пространство, он немедленно лег на S (6 ч. 2 м.) [2]).

Несколько минут спустя, он быстро сообразил, что новый курс неудачен. Поворот привел бы к тому, что головные корабли дивизий оказались бы в строе пеленга, а левый фланг выдвинут вперед, т.-е. к строю, невыгодному для развертывания к Ost'у, т. к. линия строя не составила бы прямого угла с пеленгом на противника. Последнее условие с точки зрения тактики было необходимо для успеш-

[1]) Сигнал „повернуть последовательно на Ost" был сделан в 6 ч. В 5 ч. 56 м. был поднят сигнал: „повернуть последовательно на NOtO ход 25 узлов". Этим ходом он продолжал идти двадцать пять минут, затем прибавил еще один узел.

[2]) См. схему 22.

ного развертывания и до того, как к нему приступать требовалось привести головные корабли левофланговых дивизий на траверз флагманского судна. Однако, становилось очевидным, что неприятель находится слишком близко, чтобы успеть построиться в желательном порядке. К тому же ошибка в счислении привела к тому, что приходилось ожидать появление неприятеля на двадцать минут раньше, чем думали [1]). Поэтому было чрезвычайно важно, чтобы эскадры находились в таком строю, при котором можно было сразу произвести развертывание в любом направлении. В 6 ч. 6 м. Джеллико поднял сигнал „курс SO“, чтобы снова привести головные суда на траверз.

Как раз в этот момент адм. Битти, который начал пересекать курс правофланговой дивизии линейных кораблей и проходил лишь в двух милях впереди *Marlborough*, сделал сигнал прожектором, отвечая на запрос главнокомандующего. Но его ответ гласил лишь—„неприятельские линейные крейсера на SO“. Сообщение Битти не только не разъяснило обстановку, а наоборот, еще более затемнило. За десять минут до последнего сигнала Джеллико получил донесение Гуденеффа, что их неприятельские линейные корабли изменили курс к N-у и что линейные крейсера находятся на SW от них. На основании этого сообщения представлялось невероятным, чтобы крейсера противника открылись первыми, и главнокомандующий повторил свой запрос адм. Битти—„где неприятельские линейные корабли?“ Но *Lion* потерял противника из виду и не дал сразу ответа. Драгоценные минуты шли, а новых сведений, могущих пролить свет на обстановку и тем дать возможность выбрать надлежащее направление для развертывания, не поступало.

Сигнал Битти, которым он сообщал направление на германские линейные крейсера, но не указывал их курса, не послужил к разрешению сомнений Джеллико. Причина неуказания курса заключалась в том, что Битти не знал его, так как крейсера скрылись. Хиппер попал под жаркий обстрел, его флагманский крейсер пылал и он повернув, полным ходом пошел на присоединение к Шееру. Однако, Хиппер далеко еще не избежал опасности. Наступил удачный момент для миноносца *Ophelia*. Отогнанный неприятельским обстрелом во время атаки *Shark*'а, он теперь воспользовался случаем и выпустил торпеды в немецкие линейные крейсера. Хотя торпеды и не попали, но смелая попытка наших миноносцев не прошла бесследно. Обстреливаемый слева эскадрой Битти и беспрерывно атакуемый английскими миноносцами, Хиппер утвердился в том мнении, которое у него создалось под впечатлением появления

[1]) См. схему 23.

крейсеров Худа. Как объяснял Хиппер впоследствии, он повернул на свои линейные корабли именно потому, что был твердо убежден, что столкнулся с главными силами Гранд-Флита. Об этом он передал Шееру раньше чем снова лег NO-ым курсом, тем же самым, которым шли главные силы Флота Открытого моря (6 ч. 14 м.). Однако, и на этом курсе миноносцы не оставили в покое Хиппера и вскоре он оказался атакованным с обоих бортов. С левой стороны был миноносец эскадры Битти—*Onslow*, а с правой *Acasta*. Поеле того, как командиру *Onslow* не удалась его совместная атака с *Moresby*, он занял место со стороны стреляющего борта *Lion*'а и, когда Битти повернул на Ost, *Onslow* обнаружил *Висбадена*. Немецкий крейсер находился всего лишь в 30 каб. и представлялся идеальный случай для торпедного выстрела. *Onslow* немедленно открыл огонь и бросился на *Висбадена*, но едва сблизившись с ним до 10 каб., совершенно неожиданно заметил, что он идет на левом крамболе неприятельских линейных крейсеров. Головные крейсера сразу открыли огонь по *Onslow*, но цель была слишком заманчива, чтобы ее бросить и командир не повернул, а с 40 каб. приказал выпустить все торпеды в концевые суда колонны. К несчастью, в то же мгновение снаряд попал в середину миноносца и он весь закрылся паром. Командир полагал, что вылетели все торпеды, но на самом деле выпущены были только две.

Onslow промахнулся, но наступила очередь *Acast*'ы. Когда Хиппер снова ложился на NO, *Acasta* отходил от подбитого *Shark*'а и вскоре опознал *Лютцова*, показавшегося у него слева по носу. Несмотря на град снарядов *Acasta* отчаянно кинулся на сближение и выпустил торпеду. Казалось, что торпеда попала, так как последовал сильный взрыв. Неприятель прошел и *Acasta* стал медленно отходить в сторону, получив такие повреждения, что не мог ни застопорить машин, ни пользоваться рулем [1]).

Тем временем *Onslow* снова оказался в деле. Выяснив, что не все торпеды были выпущены, командир выстрелил в находившегося по близости *Висбадена*. Торпеда попала под боевую рубку, но крейсер остался на плаву. Не успел еще заглохнуть звук взрыва, как показалась новая, гораздо более важная цель. В пяти милях впереди из тумана показалась вся колонна германских линейных кораблей, идущая полным ходом прямо на миноносец. В аппаратах оставалось только две торпеды. Ход упал до десяти узлов; атака грозила верной гибелью. Но потеря лишнего миноносца не имела существенного значения, а удачная атака могла

[1]) Считалось, что торпеда попала в *Зейдлица*, но впоследствии выяснилось, что в *Зейдлиц* попала только одна торпеда—выпущенная в начале боя с *Petard*'а.

повлиять на участь боя. Не колеблясь доблестный командир пошел на сближение с головным неприятельским судном. Выждав удобный момент он с 40 каб. выпустил две последние торпеды и, повернув, начал медленно отходить. Торпеды пошли хорошо, но немцы во время заметили опасность и отвернули [1]).

Уклонившись от атаки *Onslow*, Шеер вернулся на прежний курс, что сделал также и Хиппер. Впереди беспомощно стоял объятый пламенем *Висбаден*, жестоко обстреливаемый несколькими английскими крейсерами. Это была первая крейсерская эскадра к.-адм. Арбутнота, которая, как указывалось выше, с ухудшением видимости начала сближаться с 2-ой крейсерской эскадрой. К 5 ч. 50 м. Арбутнот оказался прямо впереди *Iron Duke*'а [2]). Вместе с *Defence*'ом шел *Warrior*, *Duke of Edinburgh* держался в двух милях справа, а *Black Prince* находился за горизонтом в направлении на W. В это время Арбутнот заметил справа по носу вспышки выстрелов *Chester*'а, дравшегося с легкими крейсерами Хиппера, и повернул влево, чтобы его поддержать. Поворот совпал с поворотом Хиппера, отвернувшего в этот момент вследствие сосредоточенного огня наших линейных крейсеров и эскадры Эван-Томаса. Мгла чуть чуть рассеялась, и адм. Арбутнот открыл огонь по показавшимся силуэтам, но так как орудия давали недолеты, он повернул к S-у и вскоре обнаружил *Висбадена*. Одновременно с последним поворотом Арбутнота, Битти, чтобы не упустить Хиппера, повернул к Ost'у и *Defence* увидел показавшегося от W *Lion*'а, быстро идущего на пересечку его курса [3]).

Боевые наставления определенно гласили, что первейшая обязанность крейсеров—уничтожать крейсера противника, и *Defence*, с идущим ему в кильватер *Warrior*'ом, продолжал идти на сближение с *Висбаденом* [4]). Стремясь скорее выполнить задачу, они пронеслись настолько близко от носа *Lion*'а, что последний был вынужден положить руля, чтобы их не протаранить. *Duke of Edinburgh*, находившийся дальше к W-у, повернул к Ost'у и вышел на сторону нестреляющего борта крейсера Битти. Как *Defence*, так и *Warrior*, уже сделали несколько удачных залпов по обреченному *Висбадену*, но тем не менее продолжали лететь вперед. Только сблизившись до $27^1/_2$ каб. Арбутнот повернул вправо. К этому моменту оба наши броненосные крейсера были

---

[1]) Выйдя из района боя, *Onslow* встретился с миноносцем *Defender*'ом. Последний тоже был подбит, но все-таки смог взять *Onslow* на буксир и оба они к утру 2 июня добрались до Абердина.

[2]) См. схему 21.

[3]) См. схему 22.

[4]) До боевого развертывания крейсера должны были вместе с легкими крейсерами и при поддержке последних нести разведку.

буквально в урагане неприятельского огня. Немцы, спасая горящий *Висбаден*, всю стрельбу сосредоточили по ним. Через четыре минуты после прохода Арбутнота под носом *Lion*'а, в *Defence* один за другим быстро попали два тяжелых залпа и он исчез в море пламени (6 ч. 20 м.). *Warrior* только случайно избежал участи своего флагмана. С поврежденными машинами он с трудом выбирался из сферы боя и на свое счастие оказался вблизи *Warspite*'а. В критический момент *Warspite*, по причинам, которые будут указаны ниже, вышел из строя, подняв сигнал — „не могу управлять ся" и описал циркуляцию вокруг подбитого *Warrior*'а. Несколько минут оба судна засыпались снарядами, но затем шторм боя пронесся дальше к Ost'у и обстрел прекратился.

Так закончилась первая храбрая и, быть может, нерассчитанная попытка смелого и решительного начальника эскадры вести самостоятельный бой.

Немцы, потеряв одно судно, уничтожили два английских линейных крейсера и один броненосный, но Шеер об этом еще не знал [1]). Неожиданно вся картина совершенно переменилась. Облако дыма и столбы пламени на месте гибели *Defence*'а растаяли в воздухе и головные суда немцев увидели выходящую из серой мглы и пересекающую их курс длинную колонну линейных кораблей, конец которой скрывался из глаз [2]). Для Шеера, считавшего, что английский флот действует отдельными, самостоятельными отрядами, появление всего Гранд-Флита было равносильно удару грома посреди ясного неба. В расстоянии пушечного выстрела от него вся масса британских дредноутов производила боевое развертывание. Вместо надежды отрезать часть неприятельского флота, Шееру грозила опасность оказаться в западне.

Почти вплоть до момента появления германских линейных кораблей, Джеллико лишен был возможности судить о том, на каком расстоянии они от него находятся. Вследствие неизбежных ошибок в счислении полученные им разноречивые донесения давали возможность лишь приблизительно разрешить этот вопрос. Создавшаяся обстановка была именно та, которой он опасался. Весь его опыт, приобретенный за время долгих и многих тактических упражнений, говорил за то, что она непременно будет таковой и он стремился сделать все, чтобы парализовать ее недостатки. Не сомневаясь, что правильное развертывание зависит исключительно от знания места противника, его курса и скорости, Джеллико в своих приказах и боевых наставлениях постоянно напоминал о важности обеспечения визуаль-

---

[1]) Джеллико узнал о своих потерях только в полдень на следующие сутки.

[2]) Hase. *Kiel und Jutland*, стр. 177—8.

ной связи в первые моменты обнаружения неприятеля и предупреждал о невозможности рассчитывать на обеспеченность радио-переговоров.

Для визуальной связи главнокомандующего с завесой легких крейсеров и с выдвинутыми крейсерами разведчиками был назначен крейсер *Hampshire*. Но читатель уже знает, что большой ход, который развили главные силы, как только стало известно, что неприятель находится в море, не позволил разведчикам достаточно продвинуться вперед. На линейных крейсерах в этом отношении дело обстояло много хуже. Хотя Гуденефф блестяще держал свое место в тылу, адм. Битти при частой перемене курсов, происходившей в первые периоды боя, на время потерял соприкосновение с эскадрами Гуденеффа и Томаса. Последние могли войти в визуальную связь с *Lion*'ом только в 5 ч., т.-е. тогда, когда для них уже не оставалось времени, чтобы в свою очередь войти в такую же связь с разведчиками главнокомандующего.

Таким образом, адм. Джеллико не оставалось другого выхода как руководствоваться разноречивыми радио, которые и привели его к заключению, что линейные корабли противника находятся значительно впереди и ближе к Ost'у, чем они были фактически. Только благодаря разыгравшимся впереди схваткам он не оказался введенным в еще большее заблуждение. Во время преследования отряда Битти на N Флот Открытого моря растянулся. В 5 ч. 45 м.,—когда Шеер почуял присутствие английских главных сил,—он оказался вынужденным уменьшить ход, чтобы дать своим более тихоходным эскадрам возможность подтянуться и построиться в боевой порядок [1]). Пять минут спустя он услышал радио потерявшего способность управляться *Висбадена* и уклонился по направлению к нему, на 2 R вправо. Если бы не этот поворот, головные суда немецкой колонны открылись бы на несколько миль западнее от того места, в котором их усмотрели с *Iron Duke*'а.

Узнав о появлении неприятельских линейных крейсеров, Джеллико, несмотря на все сомнения, начал склоняться к мысли о необходимости произвести развертывание к Ost'у и в 6 ч. 8 м. приказал трем своим минным флотилиям занять места согласно объявленному боевому порядку [2]). Но в 6 ч. 14 м., через четыре минуты после повторенного срочного запроса о том, где находятся германские линейные

---

[1]) См. схему 21.

[2]) Боевой порядок (диспозиция) № 1, согласно которому две флотилии выходили слева от линии строя, которым флот приближался к противнику, а одна справа. Перед началом развертывания, одна флотилия занимала место в трех милях на правом крамболе право-флангового крыла флота, одна в трех милях на левом крамболе левофлангового, а третья в двух милях на

корабли, остатки сомнений исчезли. Как раз перед тем, как *Defence* проскочил перед форштевнем *Lion*'а, показалась из мглы справа по носу *Lion*'а голова колонны Шеера, и адм. Битти смог сделать сигнал „Вижу неприятельские линейные корабли на SSW". Одновременно *Lion* и *Princess Royal* подверглись жестокому обстрелу головных кораблей Шеера, оставаясь под огнем в течение нескольких минут. *Barham* тоже обнаружил германские линейные корабли, но на SSO, и сделал сигнал флагами, но флаги невозможно было разобрать, а отправленное им радио достигло места назначения тогда, когда уже было поздно.

В прошлом британские адмиралы не раз бывали в такой обстановке, когда им приходилось мгновенно решать исключительно трудные вопросы, но не было еще случая, при котором начальник должен был проявить столь высокие качества флотоводца (qualities of leadership) и принять с полным хладнокровием столь быстрое решение, которое требовалось от адм. Джеллико в этот исключительно важный момент. Для того, чтобы развернуться во-время, нельзя было терять ни минуты. Но германские корабли открылись не прямо по носу, а справа, и главнокомандующий мог только догадываться о том, каким курсом идет противник. Мгла и дым затянули весь горизонт, видимость ограничивалась несколькими милями, а обстановка менялась с такой сказочной быстротой, которая никогда не снилась адмиралам былых времен. С невиданной доселе скоростью устремлялись навстречу друг другу два неприятельских флота; линейные крейсера, крейсера и миноносцы неслись полным ходом, занимая свои места по диспозиции, при чем суда, пересекавшие курс главнокомандующего, застилали перед ним все кругом облаками густого черного дыма [1]). Гром выстрелов тяжелых орудий слышался по всему горизонту. Канонада гремела как прямо по носу, так и справа. В этой трудной, „слепой" обстановке, главнокомандующий должен был принять решение, от которого зависели судьбы отечества.

Как пишет Джеллико, его естественным и первым намерением было произвести развертывание на правый фланг — ближайший к неприятелю [2]). Но для такого маневра, полученные им окончательные сведения о противнике запоздали и последний был слишком близко. Тяжелые неприятельские

траверзе левой флотилии. Таким образом, после развертывания две флотилии оказывались в голове флота, а одна в хвосте. Трехмильная дистанция считалась наилучшей, так как обеспечивала возможность нашим миноносцам производить атаки на большие суда противника и отбивать атаки его миноносцев.

[1]) Кроме линейных крейсеров, сильно дымили некоторые легкие крейсера и миноносцы, а особенно *Duke of Edinburgh*. Мешал также и дым горящего *Висбадена*.

[2]) Jellicoe. *The Grand Fleet 1914—16*, стр. 348.

снаряды уже начали ложиться между колоннами линейных кораблей. Если бы Джеллико начал развертывание в том направлении, в котором он хотел первоначально, то эскадра адм. Бернея (первая), слабейшая из всех, неминуемо бы попала под сосредоточенный огонь лучших неприятельских дредноутов и флот был бы поставлен перед опасностью подвергнуться в момент развертывания торпедной атаке. Кроме того развертывание вправо было связано с необходимостью произвести затем и поворот влево с целью избежать „охвата головы“ („crossing the T“) противником. А это означало, что эскадры будут принуждены поворачивать почти на 12 R, находясь в гуще неприятельских залпов. Но главный минус такого развертывания заключался в том, что бой начался бы с дистанции, доступной торпедному выстрелу германских линейных кораблей. Подобного риска Джеллико всемерно стремился избежать.

Вряд ли можно сомневаться, что соображения главнокомандующего были правильны. В настоящее время мы знаем, что если бы бой начался именно так, то при тех условиях видимости, которые существовали, неприятель получил бы в свои руки то, чего он так жаждал. Тактика, на которой был построен разработанный Шеером план наступательного боя слабейшего флота, безусловно базировалась на стремительном сосредоточении подавляющего артиллерийского огня и столь же быстром использовании торпедного оружия против части неприятельской линии, после чего следовал отход под прикрытием дымовой завесы, раньше чем противник успеет сосредоточиться. Этот смелый маневр часто практиковался при тактических упражнениях и Флот Открытого моря был в нем натренирован.

Правда, для Джеллико оставался еще один выход—произвести развертывание на флагманский корабль главнокомандующего, т.-е. на центр, но такой маневр был связан с слишком сложными эволюциями для данной обстановки. А на глазах у неприятеля маневрирование должно было быть наивозможно проще. Поэтому Джеллико не оставалось другого выхода как выстраиваться влево, на эскадру адм. Джеррама (вторую). В 6 ч. 15 м. он поднял Джерраму сигнал с приказанием ложиться на SOtO.

Разумность решения быстро сказалась. Едва только адм. Берней успел повернуть свою дивизию, как она попала под огонь авангарда германского флота с дистанции в 70 каб., т.-е. оказалась досягаемой для торпедных выстрелов неприятельских больших судов. Лишь тогда, когда медленно рассеялся дым дивизий, ворочавших впереди эскадры Бернея, они смогли оказать ему поддержку. Но по счастью Берней получил другую, более мощную помощь. Когда адм. Эван-Томас впервые заметил *Marlborough*, он решил,

что развертывание уже закончилось. Густая мгла мешала видеть остальные дивизии и он заключил, что *Marlborough* идет в голове строя. К этому времени, следуя движению Битти, он повернул к Ost'у и также, как и Битти, шел с тем, чтобы пересечь курс неприятеля с носу. 5-ая эскадра снова вела жаркий бой, а т. к. она шла курсом, сходящимся с Бернеем, но значительно скорее, то адм. Томас выходил ему в голову и занял место впереди *Marlborough*. Однако, истинная обстановка скоро выяснилась. По мере своего движения, адм. Томас увидел, что флот еще не закончил перестроения и что развертывание происходит к Ost'у. В этом случае ему надлежало занять назначенное ему место впереди линейных крейсеров, но теперь об этом не могло быть и речи. Следовать за адм. Битти, т.-е. другими словами проходить перед фронтом линейных кораблей—значило оказаться еще в худшем положении, чем он был. Поэтому Томас решил, что ему остается только одно, а именно, описать широкую циркуляцию и занять то место, которое он может, т.-е. позади [1]).

При создавшейся обстановке выполнить это было не легко. Легкие крейсера и миноносцы Битти, а также минные флотилии главных сил, занимая места по диспозиции, неслись по всем направлениям, и маневр требовал большой выдержки и искусства. К тому же риск усугубился положением *Warspite*'а, у которого после полученных повреждений начало сдавать рулевое устройство. Как только *Warspite* положил руля, последний заклинило, и он начал описывать циркуляцию, которая и спасла *Warrior*'а. Подбитый миноносец *Onslow* видел, как *Warspite* буквально исчезал в столбах воды, подымаемых неприятельскими тяжелыми снарядами, но все время оживленно отстреливался. Командующий 5-ой эскадрой продолжал маневр с остальными судами. Великолепно вступив в строй, он вновь открыл огонь, вызывая „восхищение как друга, так и недруга“ точностью стрельбы своей эскадры [2]).

На другом конце боевой линии происходило не менее блестящее маневрирование. Вскоре после 6 ч. вечера, когда адм. Худ еще обстреливал неприятельские легкие крейсера, он услышал выстрелы к W-у и повернул в этом направлении. Никаких судов не было видно, но отдаленная канонада все усиливалась и, наконец, обратилась в сплошной гул, подобный раскатам грома. Весь горизонт опоясался

---

[1]) Оперативным приказом предусматривалось, что при развертывании флота в сторону Гельголанда, как это было в данном случае, как Битти, так и Томас, должны находиться впереди главных сил, в противном же случае—место Томаса было позади.

[2]) См. схему 24.

огненной лентой. Затем неожиданно показался *Lion*, а за ним остальные наши линейные крейсера, ведущие жаркий бой с противником. Адм. Худ продолжал идти им навстречу, намереваясь вступить в строй впереди *Lion*'а. Задуманный маневр представлял собою очень трудную задачу. Хиппер, прикрывая свой отход, только что послал в атаку миноносцы. Линейные крейсера Битти отвернули, и строй их нарушился. Хотя ни одна торпеда не попала и крейсера снова быстро заняли свои места, тем не менее можно только удивляться тому необыкновенному искусству, с которым Худ провел свой рискованный маневр в гуще выстраивающейся в боевой порядок массы судов. У стоящих на мостиках офицеров буквально захватывало дыхание, настолько казалось столкновение неизбежным. Однако, все обошлось благополучно и 3 эскадра линейных крейсеров лихо заняла место впереди эскадры Битти [1]).

Итак, Джеллико оказался именно в том положении, желательность которого подсказывал ему весь его долгий опыт, приобретенный за время многих и многих тактических упражнений.

„Бой на приблизительно параллельных курсах", писал он в своих оперативных приказах, „является одним из основных правил (underlying objects) моей тактики, так как такая форма боя более других сулит дать решительные результаты". Флот находился теперь в одной кильватерной колонне. В голове колонны шла одна быстроходная эскадра, в хвосте—другая. Все шансы были за то, что бой начнется на параллельных курсах. Действительно, как только немцы убедились, что перед ними находятся крупные неприятельские силы, *Кениг* начал склоняться к Ost'у и ложиться на курс, который они, повидимому, считали параллельным курсу противника (6 ч. 27 м.). Фактически этот курс был параллелен курсу, которым шел Битти, стремясь занять место в голове главных сил. Дым и мгла, вероятно, помешали Шеру увидеть, что наше развертывание происходило на курсе, быстро сходящемся с его собственным. Возможно также, что маневр был предпринят с целью прикрыть эскадру Хиппера. За пять минут до этого Хиппер под огнем наших линейных крейсеров, от которого особенно жестоко страдал *Лютцов*, повернул к S-у и пошел почти параллельно эскадре Худа.

Пока Шеер старался разобраться в неожиданно создавшейся обстановке, Джеллико уже с ней освоился. Он только что вытянулся на курсе развертывания (deployment course), но крейсера Битти шли ему под нос

[1]) *Invincible* и *Indomitable* повернули вправо. Концевой *Inflexible* влево.

и Джеллико, давая им дорогу, был вынужден уменьшить ход. Дым теперь несколько рассеяло, и отдельные германские суда по временам показывались из мглы, освещаемые заходящим солнцем. Противник ворочал к Ost'у, а наши линейные крейсера энергично обстреливали его авангард. Было совершенно очевидно, что наступил момент нанести сокрушительный удар, предусмотренный всем оперативным планом. Стремясь поскорее использовать представляющийся случай, Джеллико поднял сигнал повернуть по полудивизионно на SSO, чтобы сблизиться с противником. Однако, главнокомандующий быстро сообразил, что маневр не удастся. Необходимость уменьшить ход, чтобы дать пройти Битти, нарушила прекрасное во всех отношениях развертывание. Задние мателоты скучились, а две концевые эскадры еще не достигли точки поворота, благодаря чему в линии строя получился излом, и намеченный маневр грозил помешать закончить развертывание. Помимо этих соображений было еще одно затруднение. Хотя адм. Битти, увеличив ход до 26 узлов, миновал хвост колонны, но он все еще продолжал мешать авангарду и быстро сходился с линейными кораблями. В то же время адм. Джеррам (командующий 2 эскадрой) отходил влево, склоняясь от неприятеля, с целью получить больше места для маневрирования (to obtain more sea room). Поэтому для Джеллико не оставалось иного выхода как отменить сигнал и остаться на прежнем курсе. Лишь в 6 ч. 33 м. линейные крейсера настолько выдвинулись вперед, что главнокомандующий смог снова дать эскадренный (17 узлов) ход. Таким образом, адм. Битти был вынужден пройти перед фронтом вследствие внезапного появления неприятеля по неожиданному румбу, которое, в свою очередь, вызвало необходимость развертывания влево. Этот маневр Битти привел к невозможности начать бой в ожидавшихся выгодных условиях. Основной задачей линейных крейсеров, как о том указывалось в оперативных приказах по Гранд-Флиту, было уничтожение линейных крейсеров противника. Кроме того линейным крейсерам предписывалось в начале боя занять место в голове колонны линейных кораблей, чтобы воспрепятствовать неприятельским линейным крейсерам атаковать с дальнего расстояния торпедами авангард наших главных сил. При таких обстоятельствах указанный маневр адм. Битти был неизбежен.

Только в 6 ч. 30 м., находившийся в центре флагманский корабль Джеллико открыл огонь. По мере того, как головной линейный корабль противника склонялся к Ost'у, *Iron Duke* и его задние мателоты начали обстрел *Кенига* и тех неприятельских судов, которые временами показывались из медленно двигавшихся облаков дыма и пелены мглы.

В 6 ч. 32 м. адм. Битти вышел в голову главных сил. Впереди него шел адм. Худ с своими тремя линейными крейсерами, при чем не менее трех из пяти крейсеров Хиппера сосредоточили огонь по *Invincible*'ю. Выгоды освещения были теперь на нашей стороне. Противник сильно страдал под обстрелом эскадры адм. Худа. „Несколько снарядов", пишет старший артиллерийский офицер *Дерфлингера* Хазе, „попало в нос и с страшным грохотом разорвались внутри крейсера. Крейсер дрожал по всем швам. Командир несколько раз выходил из строя, чтобы уйти от накрытий". Расстояние уменьшалось до 44—45 каб., но плохая видимость не позволяла держаться дальше и адм. Худ, который вместе с флаг-капитаном все время стоял на мостике и управлял боем, видя прекрасные результаты стрельбы, не хотел менять дистанции.

Адмирал окликнул старшего артиллериста кап. 2 ранга Данрейтера и передал ему по переговорной трубе: „Ваша стрельба великолепна, каждый залп дает накрытие. Стреляйте как можно чаще". Это были последние слова доблестного адмирала. Пелена мглы ненадолго рассеялась, и неприятель ясно увидел освещенного солнцем *Invincible*'я. *Дерфлингер* сразу получил накрытие и сосредоточил свой огонь по флагманскому крейсеру Худа, поддержанный, повидимому, *Кенигом*. Залп за залпом поражали *Invincible*'я. Крейсер покрылся громадными облаками дыма и огненными языками, вырывавшимися высоко к небу, и снова повторилась та же страшная картина, что и при гибели двух других линейных крейсеров. Когда *Indomitable* и *Inflexible* проходили место гибели своего флагмана, было видно, что *Invincible* разорвало пополам. Средняя часть исчезла в пучине, а корма и нос торчали из воды, создавая впечатление, что они уперлись в дно. Несколько человек взобрались на смытый с палубы спасательный плот и громко кричали ура проносившимся мимо крейсерам [1]).

ГЛАВА XIX.

Ютландский бой. Третья фаза. С 6 ч. 30 м. до наступления темноты.

Схемы 24—34.

Гибель *Invincible*'я ознаменовала новую фазу боя. Маневрирование Джеллико привело приблизительно к тому же, что и маневрирование лорда Гоу сто двадцать два года тому назад при встрече с французским флотом адмирала

[1]) Миноносец *Badger* поднял старшего артиллериста кап. 2 р. Данрейтера, лейтенанта Сандорфа и четырех матросов.

Вилларе-Жуаеза. Но тогда маневрирование заняло промежуток времени с 28 мая по 1 июня, теперь же эти несколько суток обратились в часы. Адм. Шеер неожиданно столкнулся с противником в момент боевого развертывания последнего. Однако, Шеер не только не смог обрушиться на часть противника и тем расстроить его боевую линию, но, наоборот, сам оказался в таком положении, при котором его авангарду грозила опасность быть окруженным подавляющими силами готовых к бою английских эскадр. Введенный в заблуждение донесениями своих подводных лодок о том, что Гранд-Флит разделен на отряды, германский адмирал все еще не знал, что перед ним целиком все главные силы неприятеля. Мгла окутывала английские суда, но Шеер видел, что огненная лента выстрелов опоясывает почти половину горизонта. Только благодаря густому дыму и стоявшему в воздухе туману он не в полной мере испытал мощь встреченного им флота.

Английские главные силы почти закончили развертывание. Наши линейные корабли так же, как и германские, с трудом различали силуэты неприятельских судов, лишь временами вырисовывавшиеся на тусклом горизонте. Однако, все они, за исключением немногих, вели бой и, совершенно не страдая от огня противника, метко посылали свои залпы. Головные суда германской колонны уже пришли в расстройство. *Лютцов* был настолько избит, что адм. Хиппер готовился садиться на миноносец, чтобы перенести свой флаг. *Дерфлингер*, у которого мачты были сбиты, а из пробоины в носу, когда он поднимался на зыби, хлестала вода, был не в лучшем положении. Линейные корабли немцев были вынуждены отвернуть к Ost'у; на одном из „Кенигов“ был замечен большой пожар [1]). Командир *Inflexible*'я, заняв место своего погибшего флагмана, так лихо вел колонну, что остальные германские линейные крейсера, повидимому, приняли его за авангард английских главных сил и отвернули к W-у (6 ч. 35 м.) [2]).

Таким образом, благодаря искусному маневрированию Джеллико, Шеер оказался в чрезвычайно трудных условиях. Ему не оставалось другого выхода как „вытягивать шею из петли“ („to get his neck out of the noose“). Но сделать это было не легко. Не приходилось и думать о том, чтобы повернуть последовательно, так как точка поворота явилась бы гибельной западней. Для поворота же „всем вдруг“ на 16 R флот Шеера находился в это время в исклю-

---

[1]) Сразу после боя многие из наших судов утверждали, что этот корабль погиб. Ошибка объясняется тем, что его спутали с вышедшим из строя *Люцовым*.

[2]) См. схему 24.

чительно неблагоприятном положении. Концевые суда еще не достигли точки поворота на Ost и продолжали идти курсом NO, а авангард—на SO, благодаря чему в момент поворота линейных крейсеров к W-у боевая линия получила три излома. Однако, иного выхода, как повернуть „вдруг", не было. Хотя растянутый строй, которым шел Шеер, давал достаточно места для маневра, тем не менее в условиях боя поворот „всем вдруг" под огнем представлялся весьма рискованным. Но возможность подобного случая была предусмотрена немцами [1]).

В германских тактических наставлениях этот маневр назывался Gefechtskehrtwendung — („Battle turn away") „выход из боя", или, иначе говоря „отрыв от противника", т.-е. одновременный отход, аналогичный маневру, применявшемуся с таким успехом французами в конце эпохи парусного флота, против которого оказывались бессильны наши величайшие тактики прошлого. Указанный маневр был настолько важен для слабейшего немецкого флота, что он постоянно в нем практиковался при самых различных условиях боевого строя. Это обстоятельство не оставалось для нас тайной, и английский флот уже с первых дней войны, во время тактических упражнений, искал способ парализовать немецкий прием, но тщетно. Единственно, что могло бы воспрепятствовать успешному отходу неприятеля—это немедленная упорная погоня, но поворот Kehrtwendung должен был происходить под прикрытием торпедной атаки и дымовой завесы, которые скрыли бы направление уходящего неприятеля и сбили бы преследование.

Сто лет тому назад, в дни коротких дистанций и высокого рангоута, подобные средства не помогли бы замаскировать маневра. Но в наше время, когда эскадры завязывают бой на громадном ходу и на дистанции, граничащей с пределами видимости, они могли применяться с успехом, в особенности в Северном море, которое постоянно подернуто легким туманом.

Однако, Шеер не без колебаний решился на поворот „вдруг". Маневр никогда еще не производился под огнем; сражающиеся флоты находились очень близко друг от друга и несколько германских судов уже жестоко пострадали. В случае же, если бы более быстроходный английский флот во-время заметил маневр и повернул вслед за германским, последний попадал в весьма опасное положение. Но колебание такого решительного начальника, каким был Шеер, длилось не долго. В 6 ч. 35 м., сразу после взрыва *Invincible*'я, он поднял соответствующий эволюционный сигнал и

[1]) Шеер говорит, что его суда шли в это время на дистанции от 4—5 каб. друг от друга. У Гранд-Флита интервалы составляли не более $2^1/_2$ каб.

одновременно послал в атаку миноносцы, приказав им выпустить дымовую завесу. Лучшего результата он не мог и желать. Через две-три минуты германский флот, до того едва видневшийся с английских судов, совершенно скрылся. Стрельба прекратилась [1]).

Что неприятель повернул—Джеллико понял очень скоро, но повернули ли немцы прямо на SW или же по направлению к Гельголанду — определить было невозможно. Что следовало делать главнокомандующему? О немедленном повороте подивизионно, вслед за неприятелем, не могло быть и речи. Такой поворот поставил бы английский флот под торпедные аппараты больших немецких судов, которые могли стрелять с дальних дистанций. Следует помнить, что в то время еще не знали, насколько реальна опасность от торпед, выпущенных с больших судов. Эта опасность не была проверена на опыте и никакой разумный начальник не пошел бы на то, чтобы рисковать своим флотом, тем более в самом начале боя. Кроме того немедленный поворот по дивизиям привел бы к тому, что германские миноносцы оказались бы прямо по носу у английского флота, т.-е. в самых идеальных условиях для атаки. Поворот „последовательно“ тоже был нежелателен, хотя при этом маневре торпедная атака угрожала меньшему количеству судов, но зато флот неминуемо попадал в водное пространство, по которому только что прошел неприятель, и, следовательно, подвергался не менее грозной опасности подорваться на минах, которые могли быть поставлены отходившим противником. Но помимо этого поворот „последовательно“ во всяком случае не помог бы снова завязать бой, так как после поворота Шеера прошло несколько минут и расстояние быстро увеличивалось. Оставалась другая альтернатива— повернуть к W-у и таким образом сохранить свое N-овое положение, но такой маневр привел бы лишь к тому, что противник вместо того, чтобы быть по носу, оказался бы на крамболе и опасность от торпед уменьшилась бы не на много. Единственно, что могло бы частично разрешить вопрос, это разделение флота на отдельные самостоятельные отряды. В ясную погоду и имея впереди достаточно времени до захода солнца, они могли бы кое-что сделать, чтобы парализовать „тактику уклонения“ (*evasive tactic*) противника. Но при существовавших атмосферных условиях, а тем более незадолго до наступления темноты, надежная связь между отдельными эскадрами не была бы обеспеченной.

В течение двух веков все флотоводцы всегда предпочитали держать флот соединенно, не взирая на недостатки, присущие такому боевому порядку, так как не считали

[1]) См. схему 25.

возможным подвергать выделенные эскадры риску встречи с подавляющими силами неприятеля. Теперь этот риск оставался по прежнему; к тому же в лице Шеера мы имели весьма искусного тактика.

Благодаря преимуществу в ходе, английский флот мог заставить неприятеля возобновить бой, следуя за ним вплотную в полном составе; подобный метод всегда считался наиболее действительным. Но с появлением минных заграждений и подводных лодок рамки этого метода значительно сузились. Еще в октябре 1914 года адм. Джеллико подал в Адмиралтейство докладную записку, в которой сообщал, что при тех условиях, которые наиболее вероятны при встрече с германским флотом, он „не намерен связывать свою тактику движением в ту сторону, в которую будет его *приглашать* противник" (*invited direction*). „Если, например", писал главнокомандующий, „неприятель повернет от приближающегося нашего флота, и я приду к заключению, что он собирается навести нас на мины и подводные лодки, я уклонюсь от следования за ним". Ответ Адмиралтейства, во главе которого тогда стоял адм. Фишер, гласил: „лорды Адмиралтейства не сомневаются в вашем глубокопродуманном образе действий в эскадренном бою". Шестимесячный опыт войны не поколебал взглядов Джеллико и 5 апреля 1915 года он снова сообщил Адмиралтейству о своих намерениях и снова не встретил возражений.

Но случилось так, что принципы, изложенные в докладных записках, почти что не повлияли на его тактику в бою. Обстановка при появлении Флота Открытого моря оказалась иной, чем ожидалось. Правда, главнокомандующий имел все основания думать о присутствии германских лодок. Он знал, что в Северном море их находится не мало, и донесения о замеченных лодках поступали с судов одно за другим. Но в докладах, поданных Адмиралтейству, говорилось об эскадренном бое при таких условиях, когда противник будет сам его искать и со всею осмотрительностью к нему подготовится. Теперь же Джеллико застал немцев врасплох и представлялось мало вероятным, чтобы они успели поставить минное поле или же устроить подводную ловушку. Поэтому соображения, которые привели Джеллико к выполненному им маневру, были совершенно не те, которые легли в основу его соображений, сообщенных Адмиралтейству. Слова Адмиралтейства о „глубокопродуманном образе действий в эскадренном бою" ни в какой мере не повлияли на последующие события.

В поисках контр-маневра, могущего парировать ожидаемый маневр противника, Джеллико пришел к заключению, что „только преимущество в ходе и избыток времени могут решить вопрос, а, следовательно, если встреча флотов не

произойдет рано утром, будет трудно, а, быть может, и невозможно довести бой до конца."

Но день уже близился к концу. А потому, принимая во внимание „тактику уклонения" адм. Шеера и плохую видимость, трудно себе представить, как можно было бы довести бой, даже и столь хорошо начатый, до решительных результатов.

Главнокомандующий не мог судить—в каком направлении отходит неприятель — и ему не оставалось ничего другого, как возможно скорее занять положение перпендикулярное линии отхода германского флота к своим берегам. Рано или поздно неприятель должен был открыться на направлении к Гельголанду. Суда Гранд-Флита находились в таком строе, который позволял им в каждую данную минуту выстроиться в боевой порядок на курсе параллельном этому направлению. В 6 ч. 44 м. главнокомандующий, с целью сохранить положение, повернул по дивизиям на SO. Насколько он мог разгадать обстановку, принятое решение более других вело к поставленной цели [1]).

Обстановка продолжала оставаться неизвестной. Линейные крейсера находились в трех милях на правом крамболе *Iron Duke*'а и, хотя с них было легко судить о движении противника, они сделали немного, чтобы помочь главнокомандующему разобраться в том, что происходит. Крейсера Битти тоже прекратили стрельбу и это обстоятельство, в связи с поворотом их вправо, указывало, что неприятель еще не идет в направлении на Гельголандскую бухту. Не получая никаких донесений о противнике от авангарда, Джеллико, закончив поворот (6 ч. 50 м.), сделал сигнал командующему I эскадрой линейных кораблей (дальше других выдвинутой к W-у)—„Видите ли неприятеля"? Ответ последовал отрицательный. Решив на этом основании, что он достаточно прошел к Ost-у, чтобы встать между германским флотом и его базами, главнокомандующий приказал головным кораблям дивизий изменить курс на 4 R вправо и сделал сигнал адм. Битти—„Курс S" (6 ч. 54 м.).

Вступивший после гибели адм. Худа в командование 3 эскадрой линейных крейсеров командир *Indomitable*'я, кап. I р. Кеннеди, уже шел курсом S, так как этим курсом в течение последних пяти минут, шел головной крейсер *Inflexible*. Адм. Битти не сразу разобрал сигнала с *Iron Duke*'а, но он следовал движению *Inflexible*'я и таким образом тоже держался на курсе S [2]).

---

[1]) См. схему 26.

[2]) В донесении адм. Битти от 12 июня указано, что он принял сигнал только в 7 ч. 6 м.

Неприятеля нигде не было видно и, чтобы не оторваться от главных сил, адм. Битти в 6 ч. 54 м. уменьшил ход до 18 узлов. Одновременно он приказал *Inflexible*'ю и *Indomitable*'ю занять место в хвосте своей колонны и начал описывать циркуляцию вправо, но из-за неправильного действия гирокомпаса, сделал гораздо большую циркуляцию, чем предполагал, и описал полный круг. В результате, в 7 ч. 1 м. он снова оказался в точке своего последнего поворота, потеряв 7 минут драгоценного времени [1]). Когда приказание главнокомандующего лечь на S дошло до *Lion*'а он со всеми остальными крейсерами шел в SW-ом направлении, чтобы снова войти в соприкосновение с противником.

Выпущенная немцами дымовая завеса вполне оправдала их ожидания, но мало энергичная торпедная атака не удалась. Несколько торпед пересекло линию нашего строя и некоторым дивизиям пришлось отвернуть, но это не помешало выполнению маневра Джеллико, имевшего целью сближение с противником. Однако, как только маневр закончился, адм. Берней сообщил, что его флагманский корабль *Marlborough* получил торпедное попадание. Кем была выпущена торпеда — сказать трудно, вернее всего *Висбаденом*, который еще держался наплаву. Повреждение *Marlborough* было серьезно, но не помешало ему продолжать бой. Что же касается несчастного *Висбадена*, то этому доблестному крейсеру только теперь пришел конец. После десяти минутного жестокого обстрела он исчез в море пламени.

Тем временем адм. Шеер повернул к W-у. Благодаря маневру (Kehrtwendung), его боевая линия расстроилась. Четыре дивизии дредноутов шли в строе пеленга, в обратном порядке номеров; к югу от них, стараясь выйти в голову колонны, шли в том же строю две дивизии линейных кораблей додредноутского типа. Линейные крейсера Хиппера следовали в хвосте, на левой раковине *Кенига*. Головные суда германского флота пострадали жестоко. Но зато адм. Шеер искусно вывел свои эскадры из той ловушки, в которую чуть было не поймал его адм. Джеллико. Теперь германский флот мог отходить, рассчитывая, что в темноте он не будет обнаружен противником. Однако, до захода солнца оставалось больше часа, а сумерки в этих широтах продолжаются долго и, следовательно, опасность далеко не миновала [2]).

Многие из судов были подбиты, потеряли в скорости и легко могли быть настигнуты противником. В случае, если бы английский флот пошел на *S* (что Джеллико и сделал), легко могло случиться, что еще задолго до наступления

---

[1]) См. схему 27.

[2]) Солнце заходило в 8 ч. 7 м.

темноты германский флот оказался бы вынужденным снова принять бой, при чем преимущества были бы на стороне противника. Так как при этом английский флот получал возможность отрезать противника от Гельголанда, дело могло закончиться полным уничтожением Флота Открытого моря. „Поэтому", говорит Шеер, „оставался только один выход из положения" [1]). А именно—не взирая на последствия, снова повернуть и послать в атаку все наличные миноносцы. Шеер считал, что подобный маневр, после его удачного *Kehrtwendung*'а, не может не застать нас врасплох и нарушит план действий английского главнокомандующего, составленный на конец дня. Если атака будет проведена достаточно решительно до конца, германскому флоту вероятно удастся скрыться под покровом ночи. Задуманный Шеером удар был достаточно рискован, но искусство, проявленное его командирами во время последнего поворота на 16 R под жестоким огнем неприятеля, вселяло в нем уверенность в успехе. Идея заключалась в том, чтобы под прикрытием торпедной атаки нанести короткий удар по центру, предоставив авангард противника линейным крейсерам. Около 7 ч. вечера на *Кениге* был поднят сигнал „повернуть всем вдруг на 16 R, курс Ost".

Так пояснил адм. Шеер свои намерения всему свету. Вполне возможно, что эти объяснения были рассчитаны на вкусы германской публики и ее невежество в морских вопросах. Но это объяснение не вяжется ни с высокой репутацией Шеера, как искусного тактика, ни даже со здравым смыслом. При том взаимном положении флотов, как учитывал его Шеер, нанести удар центру неприятельской боевой линии при условии, что эскадры идут в одной кильватерной колонне, значило дать противнику случай произвести „охват головы" („crossing the T"). Подобный промах в мирное время, как заметил начальник штаба Шеера (о чем говорилось и чему мы охотно верим), привел бы к приказанию немедленно спустить флаг и сдать должность.

Во всяком случае обстоятельства этой фазы боя, выясненные теперь с достаточной точностью, определенно говорят за то, что намерения Шеера были фактически совершенно иные и гораздо более разумные.

Из диаграмм самого Шеера мы знаем, что когда в 6 ч. 35 м. он повернул обратно на 16 R, то считал, что британский флот расположен на части окружности, ограниченной пеленгами OtS и NOtN от его флагманского корабля. Расстояние Шеер оценивал в 7 миль и полагал, что курс неприятеля должен быть SO-ый. Принимая нормальный эскадренный

---

[1]) *Jutland. Despatches*, стр. 591.

ход в бою 18 узлов, выходило, что к моменту окончания поворота германского флота к Ost'у в 7 часов для выполнения намеченного удара англичане оказались бы на 15 миль в стороне на дуге, ограниченной румбами SO и Ost.

Руководствуясь теми же диаграммами, можно кроме того придти к выводу, что в описываемый момент Шеер думал, что он видит на NO в расстоянии 7 миль только что повернувшие к Ost'у отдельные большие суда „противника" (принятые им за „Queen Elisabeth'ы"). По этим судам авангард Шеера и открыл огонь, после того как его флот лег на Ost-вый курс [1]). Весьма вероятно, что обнаружение „отдельных больших судов" привело Шеера к мысли, что Гранд-Флит в поисках противника разделился на отряды. Курс к Ost'у не только открывал возможность отрезать отделившиеся английские суда, но и давал случай проскользнуть незамеченным позади арьергарда неприятельского флота. Помимо этого, следуя к Ost'у, Шеер встретился бы с *Висбаденом*, на спасение экипажа которого он все еще надеялся. Кроме того, заняв Ost'вое положение, германский флот получил бы все выгоды освещения, при чем с каждой атакой немецких миноносцев английский флот уклонялся бы все дальше и дальше от линии отхода Флота Открытого моря к Horn Reefs.

Подобное объяснение причин поворота мы считаем гораздо более правдоподобным и более соответствующим талантам адм. Шеера, чем то, которое он пожелал опубликовать. Поэтому вряд ли можно сомневаться, что к этому времени германский адмирал, выражаясь его собственными словами, уже искал случая „вырваться на свободу" („to break loose"). Что он рассчитывал захватить противника врасплох—тоже вполне вероятно. Однако, Джеллико успел настолько разгадать обстановку, что был готов к встрече германского флота и снова встреча оказалась неожиданной не для Джеллико, а для Шеера.

В 6 ч. 55 м. английский главнокомандующий повернул к S-у и после того, как 5 минут продержался на новом курсе, получил радио с *Lion*'а—„Неприятель находится к W-у" [2]). Полученное сведение подтвердило убеждение Джеллико, что он находится в желательном для себя положении и в 7 ч. 5 м. он повернул „все вдруг" на 3 R вправо, чтобы сблизиться с противником.

Сомневаться в правильности донесения не приходилось. Как и обычно, командующий 2 эскадрой легких крейсеров Гуденефф находился именно там, где ему следовало. „Уцепившись" за противника, он не оставлял его все время,

---

[1]) Вероятно Шеер видел отделившегося *Warspite*'а и повернувшую к Ost-у эскадру Гуденеффа.

[2]) См. схему 27.

пока шел бой на N-ом курсе, но не последовал за эскадрой Битти, при ее проходе перед линейными кораблями. Когда же во время развертывания флота 5-я эскадра вступила в арьергард, Гуденефф занял надлежащее ему место на ее правой раковине. Там он оставался в течение первого периода боя, а затем, когда Шеер скрылся из виду, спустился к S-у, стараясь восстановить утерянное соприкосновение с неприятелем. Таким образом, когда *Кениг* начал склоняться к Ost'у, флагманский крейсер Гуденеффа—*Southampton* оказался от него в 60 каб. и немедленно попал под жестокий обстрел. Однако, так же, как и при первой встрече с германскими главными силами, Гуденефф не отошел и держался вплотную к противнику до 7 ч. вечера, пока не сделал радио о том, что немцы повернули обратно [1]).

Через несколько минут после поворота на сближение с неприятелем, главнокомандующий получил донесение от передних мателотов о появлении слева по носу подводной лодки. Не будучи уверен, что сообщение является ложной тревогой, которых в этот день было не мало, он повернул прямо по указанному направлению. Новый поворот (опять к S-у) принес только пользу, т. к. дивизии снова оказались в кильватерных колоннах, в готовности произвести любой необходимый маневр.

Почти одновременно на правом крамболе *Iron Duke'a* были замечены неприятельские миноносцы. Следовавшая позади 4-ая эскадра тоже их увидела и в 7 ч. 8 м. адм. Стерди поднял сигнал: „Вижу неприятельские миноносцы на SW“. Двумя минутами позже заблистали вспышки выстрелов 1-ой эскадры. Из тумана показался авангард неприятельского флота и адм. Берней открыл огонь. За шесть минут до этого, Берней сделал последний залп по *Висбадену*, теперь же он стрелял по противнику, опознанному им за *Кенига*. Уже в 7 ч. 12 м. гремели все орудия 1-ой эскадры—крупная артиллерия стреляла по немецким кораблям, средняя—по миноносцам.

Marlborough открыл жаркий огонь по головному, сделав четырнадцать залпов в течение шести минут, из которых не менее четырех дали накрытие. На шестом залпе вся носовая часть неприятельского корабля окуталась серо-белым дымом; следующие попадания были замечены под передними мостиками [2]).

Второй корабль адм. Бернея—*Revenge* опознал показавшиеся неприятельские суда за корабли типа „Кайзер“. Он

---

[1]) Радио *Southampton'a* адмиралу Битти гласило: «Неприятельские линейные корабли идут курсом OSO. Вижу их на SSW. Число неизвестно. Мое место φ 57°02′ N; l—6°07′ Ost».

[2]) См. схему 28.

тоже открыл огонь по головному, но убедившись, что цель уже обстреливается, начал посылать свои залпы в четвертый немецкий корабль. Всего он сделал шестнадцать залпов и тоже достиг нескольких накрытий.

Третий корабль—*Hercules*, обнаружив справа от своих передних мателотов три неприятельских линейных крейсера, обстрелял второй из них. Пятый и шестой его залпы попали. *Revenge* одновременно выпустил торпеду в концевой немецкий крейсер—*Фон-дер-Тан*. За *Hercules* ом шел *Agincourt*—концевой в колонне. Он тоже обнаружил четыре немецких линейных корабля и совершенно правильно опознал в них 5-ую дивизию Шеера. *Agincourt* открыл огонь с 55 каб. и так же, как и остальные суда его эскадры, стрелял успешно.

Тем временем в бой вступила и наша 5-ая дивизия, которую вел *Colossus* (флаг адм. Гаунта). Дивизия шла значительно впереди *Marlborough*, благодаря чему *Colossus* обнаружил справа по носу не линейные корабли немцев, а показавшиеся из тумана крейсера Хиппера. С 45 каб. все четыре корабля Гаунта открыли убийственный огонь. Стрельба противника успеха не имела. Попадания были только в *Colossus*, но без серьезных последствий.

Джеллико видел, что его концевые дивизии завязали жаркий бой, но мгла не позволяла сказать наверное, с какими именно судами происходит схватка. Во всяком случае для главнокомандующего было ясно, что арьергард находится в опасном положении, и он сделал сигнал адм. Бернею с приказанием вступить в кильватер. Адм. Стерди, который, следуя установленному правилу, уклонился перед тем на два румба в сторону от немецких миноносцев, теперь тоже вступил в кильватер в свое место позади главнокомандующего.

По мере приближения противника, Джеллико становилось ясно, что как только эскадры выстроятся в боевой порядок—ему представится случай произвести маневр „охвата головы". В 7 ч. 16 м. адм. Джерраму был сделан сигнал „занять место впереди" и через несколько минут почти все суда наших главных сил открыли сильнейший огонь с расстояния от 45 до 60 каб. по крейсерам Хиппера и авангарду Шеера. *Iron Duke* открыл огонь в 7 ч. 13 м., стреляя по *Кенигу*. Вслед за ним и остальные корабли центра начали обстрел неприятеля, посылая свои залпы то в немецкие линейные корабли, то в крейсера, по мере того как их силуэты вырисовывались из дыма труб, пожаров и орудийных выстрелов. Расстояние колебалось от 55 до 70 каб. Через минуту-другую вступила в бой и эскадра Джеррама, но ее стрельба велась с несколько большей дистанции.

Таким образом, когда Шеер, следуя на Ost, обнаружил неприятеля, то встреча оказалась неожиданной не для Гранд-Флита, а для самого Шеера. Вместо того, чтобы выйти на „свободную дорогу", германский флот устремлялся прямо в страшные объятия противника, расположенного полукругом поперек его курса.

Вся громада Гранд-Флита развернулась теперь перед Шеером ввиде длинной цепи чуть видных грозных силуэтов, наполовину скрывающихся в сгущающейся на востоке мгле. Немецкие же эскадры временами показывались из медленно двигавшейся пелены тумана и дыма, отчетливо проектируясь на светлом фоне западной части горизонта. Вторично германский флот увидел себя в полукольце огненных вспышек, но теперь эти вспышки блистали гораздо ближе. Неожиданность была полная.

Видя, что план вывести флот из западни рухнул, Шеер сразу же понял, что единственный способ спасти положение— это вновь рискнуть и повторить маневр Kehrtwendung. Не теряя ни минуты (7 ч. 12 м.), германский главнокомандующий бросил в атаку миноносцы, приказав им выпустить дымовую завесу, чтобы прикрыть свой опасный маневр. Однако, на этот раз поворот „вдруг" на 16 R был много труднее [1]). Неприятель находился ближе, а линия строя германского флота значительно изогнулась. Чтобы ввести в действие все орудия, авангард уже лег на курс параллельный противнику и попал под жестокий обстрел, который грозил усилиться, так как дистанция падала. Огонь противника быстро распространялся по всей боевой линии англичан от арьергарда к авангарду и положение крейсеров Хиппера становилось отчаянным. Однако, им оставалось одно—стойко держаться. Едва лишь успели броситься в атаку миноносцы, как Шеер увидел, что их помощи мало и что для успешного „отрыва от противника" надо сделать что-то большее и сделать это как можно скорее. Другого выхода, как пожертвовать линейными крейсерами для спасения линейных кораблей, не было, и Шеер решился на отчаянное средство, приказав Хиппери атаковать авангард неприятеля [2]).

Для такого маневра германский флот имел специальный сигнал, соответствующий нашим старинным сигналам для нападения на неприятельские авангард, центр или арьер-

---

[1]) См. схему 29.

[2]) В записках Шеера (*Флот Открытого моря*, стр. *156—7*) описание этого момента боя оставляет место для сомнений, но Хаазе определенно указывает, что сигнал крейсерам атаковать и довести атаку до конца был поднят одновременно с сигналом о Kehrtwendung'е, т.-е. в 7 ч. 12 м. Судя же по диаграммам Шеера, последний сигнал был спущен пятью минутами позже.

гард. Но для немцев с их любовью к героическим фразам подобная простота была недостаточна. Они называли этот сигнал „Ran an den Feind—сблизиться вплотную с неприятелем". Как пишет Хаазе, сигнал означал—„атаковать, таранить; указанным судам исполнить приказание во что бы то ни стало".

Линейными крейсерами продолжал командовать командир *Дерфлингера*, кап. I р. Хартог, так как адм. Хиппер все еще не мог перенести флага. *Лютцов* попрежнему держался вне строя и горел. Хартог только что выстроил четыре оставшиеся крейсера в кильватер и, несмотря на то, что все крейсера имели серьезные повреждения, он, не моргнув глазом, повел их в „атаку смерти" („death ride") против английского авангарда.

Немцы безусловно имели все основания называть свой отчаянный маневр „атакой смерти", даже в том случае, если бы линейные крейсера были менее избиты, чем в действительности. Дивизия адм. Гаунта и большинство дивизий, шедших слева от него, продолжали их обстреливать, хотя все они теперь отражали атаку немецких миноносцев. Почти одновременно обнаружил неприятельские линейные крейсера и адм. Битти, оказавшийся у них слева, впереди траверза.

В 7 ч. 10 м., т.-е. тогда, когда главные силы возобновили бой, Битти находился в 8 милях на SO от адм. Бернея и в трех милях на левом крамболе флагманского корабля адм. Джеррама. Десятью минутами раньше он лег на тот же курс, что и главные силы, и, идя 18-узловым ходом (чтобы сохранить свое место на левом фланге), начал склоняться вправо, стараясь снова войти в соприкосновение с противником, пока не лег курсом SWtS.

В 7 ч. 15 м., находясь в 2—3-х милях ближе к Ost'у, чем ближайшая к неприятелю дивизия линейных кораблей, адм. Битти неожиданно обнаружил несколько германских судов по пеленгу WNW.

Неприятель показался в расстоянии 90 каб., но так как солнце зашло позади облаков, видимость в этом направлении настолько улучшилась, что уже через пять минут *Lion* и остальные крейсера смогли открыть огонь. Одновременно Битти увеличил ход, чтобы отрезать противника, принятого им за авангард неприятельской колонны [1]).

Тяжелое положение немцев еще ухудшилось. Впереди виднелось только огненное кольцо крупных орудийных вспышек, а страшные залпы английских линейных кораблей за-

[1]) *Lion* оценивал расстояние в 87½ каб., а *Princess Royal* в 90 каб., *Tiger* считал, что в 7 ч. 16 м. дистанция равнялась 99 каб.

сыпали их судна. Не прошло и нескольких минут, как на *Дерфлингере* взорвались две башни; верхняя палуба была разворочена, приборы управления огнем перестали действовать. На крейсере начались сильные пожары, носовая и кормовая часть покрылись пламенем. Дым горящего *Лютцова* несло прямо на *Дерфлингера* и заслоняло все кругом. Казалось, что гибель крейсеров неминуема, но новый сигнал главнокомандующего их спас.

Германский флот повернул вправо, но флагманский корабль Шеера повернул влево. „В мои намерения", объяснял впоследствии Шеер, „входило помочь судам, шедшим впереди *Фридрих-дер-Гроссе*, выйти из трудного положения, в которое их ставил маневр" (повидимому он хотел дать им больше места для поворота). Шеер признает, что проделанная им эволюция могла привести концевые суда к мысли, что произошла ошибка в сигнале. Но адмирал Шмидт, который держал флаг на головном корабле 1-ой эскадры— *Остфрисланде*, понял, как говорит Шеер, смысл событий. Не ожидая, чтобы повернули корабли, шедшие позади него (что всегда делалось ради уменьшения риска столкновения), Шмидт немедленно положил „право на борт" и все его корабли повернули за ним на обратный курс. „Этот маневр", пишет далее Шеер, „с очевидностью показал уменье флагманов и командиров управляться своими эскадрами и кораблями, а также быстро и правильно оценить обстановку". Однако, мы со своей стороны можем сказать, что маневр также показал и то, что поворот Kehrtwendung не был лишен известного рода торопливости.

Как бы там ни было, но риск помог делу. К 7 ч. 20 м. все линейные корабли почти закончили поворот. Затем германский главнокомандующий сделал радио „маневрировать в направлении головы неприятеля" и отозвал миноносцы. Гром стрельбы стал затихать. Мгла как бы по заказу стала сгущаться и темная пелена разделила противников. На время флот Шеера был спасен. Однако, тактика внезапности, на которую он рассчитывал, не принесла успеха, она не нарушила планов Джеллико на конец дня. Что же касается атаки миноносцев, то она, как признает Шеер, „обрушилась не достаточно тяжело" и не облегчила задачи „вырваться ночью на свободу".

Дымовая завеса тем не менее сделала свое дело. Густой ее дым, мгла и слабеющее освещение привели к тому, что Джеллико временно потерял всякое представление о том, где неприятель. Единственно, что он знал, это только то, что перед тем как скрыться Шеер произвел своими многочисленными миноносцами серию торпедных атак. Атаки начала 11-ая полуфлотилия, встреченная столь жарким огнем,

что миноносцы выпустили торпеды с предельных дистанций. Всего было выпущено одиннадцать торпед, но ни одна не попала, так как Джеллико произвел маневр, который уже давно был проверен на опыте и показал, что единственно он дает возможность уклониться от атаки миноносцев. Адм. Джеррам еще не успел занять свое место в голове флота и ему было приказано повернуть „вдруг“ на 4 R в сторону, остальным же кораблям был сделан (7 ч. 21 м.) сигнал „подготовительный“ (Preparative), по которому надлежало быть готовыми в указанный момент повернуть по полудивизиям на 2 R. Затем, когда прошел промежуток времени, достаточный для приближения торпед к линии строя, был поднят „исполнительный“ и корабли повернули. В это же время находившийся при специально спроектированным для этой цели приборе кап. 2 р. Беллерс доложил главнокомандующему, что сделанный поворот недостаточен. Джеллико приказал повернуть еще на 2 R влево.

В этот момент он почти не имел в своем распоряжении никаких легких сил для защиты от неприятельских миноносцев. За время маневрирования на сближение с противником его минные флотилии не успели занять своих мест в строю и для контр-атаки у него была лишь 4-ая эскадра легких крейсеров коммодора Ле-Мезурие [1]). Ле-Мезурие держался на левом фланге и, как только принял сигнал главнокомандующего, самым полным ходом бросился вперед. Под огнем крейсеров 4-ой эскадры и линейных кораблей вторая атака немецких миноносцев также не имела успеха. Торпеды были выпущены рано и когда они подходили к линии строя, то были уже, что называется, при „последнем издыхании“. Благодаря повороту на 4 R корабли достаточно отошли и легко увернулись от медленно идущих торпед.

Десять минут спустя последовала третья атака, произведенная 3-ей и 5-ой флотилиями, состоявших при линейных кораблях немцев, и с тем же результатом [2]).

Неприятельские флотилии сразу встретили такой энергичный отпор эскадры Ле-Мезурие, что так и не видали наших линейных кораблей. Джеллико, который не мог знать, насколько далеко отошел Шеер, даже сделал сигнал, предупреждая Ле-Мезурие, чтобы он не подходил слишком близко к линейным кораблям противника. За время всех трех атак, ни одно из английских судов не пострадало, неприятель же потерял миноносец *S-35*. Несколько его миноносцев получили тяжелые повреждения. Неудача немцев при тех благоприятных условиях, при которых происходили

[1]) *Calliope, Constance, Comus, Royalist* и *Caroline*.
[2]) См. схемы 30 и 31.

атаки, объясняется легкостью, с которой можно было уклоняться от торпед [1]).

Единственный успех, достигнутый неприятельскими миноносцами, заключался в дымовой завесе, выпущенной ими при отходе. Густой черный дым совершенно скрыл германский флот. Главнокомандующий не получил никаких донесений о том, чем закончился поворот Шеера, а так как его концевые суда все еще продолжали стрелять, он объяснял невозможность для себя разглядеть неприятеля дурной видимостью в западной части горизонта. Фактически же, выстрелы, которые Джеллико слышал в арьергарде, были последними залпами, посылаемыми вдогонку уходящим немецким миноносцам. Этого он, конечно, не мог знать и изменил курс на 5 R в сторону противника, т.-е. на StW (7 ч. 35 м.), рассчитывая, что как только мгла и дым немного рассеятся он снова увидит немцев. Впредь до получения дальнейших сведений о противнике ему не оставалось ничего другого, как лечь именно на этот курс, который давал ему возможность сохранить свое положение между немцами и их базой, т.-е. обеспечить возможность принудить неприятеля к решительному бою.

Однако, новые сведения поступили почти немедленно. Адм. Битти, шедший SW-ым курсом, все еще видел силуэты некоторых германских судов, хотя и не настолько отчетливо, чтобы взять их под обстрел. В 7 ч. 40 м. от него было принято радио, сообщавшее, что неприятель виднеется на NWtW, в расстоянии около десяти миль. *Lion* не был виден с *Iron Duke*'а, но показанное им место было явно не верно. Джеллико сразу же сообразил, что расстояние между ним и головными линейными кораблями не должно превышать 5—6 миль, немедленно сделал сигнал „построиться в одну кильватерную колонну“ и лег на SW, курс, указанный адм. Битти [2]).

Тем не менее обстановка продолжала вызывать сомнения. В 7 ч. 45 м. Гуденефф, который, вероятно, видел последний поворот Шеера, в 7 ч. 15 м. сделал радио, сообщая, что было замечено несколько силуэтов неприятельских судов, идущих курсом NW. Вслед за этим на *Iron Duke*'е были приняты два важных донесения от адм. Битти. Первое сделанное пеленгатором (в 7 ч. 45 м., нешифрованное), сообщало, что неприятельские линейные корабли замечены по пеленгу NWtW

---

[1]) Полная неудача торпедных атак явилась одной из неожиданностей боя. Если бы это обстоятельство могло быть учтено раньше, инструкции, касавшиеся уклонения от этих атак были бы значительно смягчены.

[2]) Руководствуясь местом, показанным *Lion*'ом, выходило, что в 7 ч. 30 м. он находился в двух милях на левом траверсе *Iron Duke*'а. Фактически же он был на 5—6 миль дальше к SW. Таким образом, в 7 ч. 40 м. *Lion* находился в $5^1/_2$ милях впереди адм. Джеррама.

и что их курс приблизительно SW. В 7 ч. 59 м. сигнал доложили главнокомандующему и он, чтобы сблизиться с противником, немедленно повернул по дивизионно к W-у.

На этом курсе он продержался двадцать минут и за это время получил второе донесение, отправленное в 7 ч. 50 м. [1]), которое гласило: „Рекомендовал бы послать головные линейные корабли вслед за мною: мы тогда сможем отрезать весь неприятельский флот". Это радио было принято в 7 ч. 54 м., но так как требовалось время для его расшифровки, оно не могло быть вручено главнокомандующему раньше как через десять минут. Однако, уже в 8 ч. 7 м., адм. Джеррам, находившийся в это время значительно впереди, получил приказание следовать за линейными крейсерами.

Надо признать, что необходимые распоряжения действительно были сделаны чрезвычайно быстро. Адмирал Джеллико не потерял ни одной лишней минуты. Правда, крейсера Битти были далеко не в таком состоянии, чтобы встретиться с линейными кораблями немцев, но не оставалось ничего другого, что могло бы еще до наступления темноты принудить противника к бою.

Однако, обстановка попрежнему оставалась туманной. К тому же было не ясно, чем, собственно говоря, было вызвано предложение, сделанное адм. Битти. К этому времени командующий линейными крейсерами окончательно потерял из виду скрывшиеся в дымовой завесе неприятельские суда. Сам он менял курс к WSW-у и выслал 1-ую и 2-ую эскадры легких крейсеров с приказанием осветить пространство к W-у и постараться обнаружить голову германской колонны.

Что же касается главнокомандующего, то для него обстановка окончательно погрузилась в полный мрак. Ни от своих судов, ни из Адмиралтейства он не получал никаких более или менее точных сведений как о составе, так и о строе противника. Сам же он временами видел только туманные очертания нескольких германских судов, но совершенно не мог решить—представляют ли они собою авангард, центр, или арьергард неприятельского флота. Теперь же даже и эти неясные очертания изчезли и адм. Джеллико оставалось только догадываться, закрыла ли противника сгустившаяся мгла, или он скрылся из виду благодаря произведенному им какому-то тактическому маневру. Положение было исключительно трудным и даже Джеллико при всей его исключительной способности быстро проникать в сущность самой непонятной обстановки долго не мог себе составить никакого представления об истинном положении дел.

---

[1]) См. схему 32.

Как только адм. Шеер, под прикрытием дымовой завесы, вывел свой флот из-под огня наших судов, он повернул к S-у. Очевидно, Шеер надеялся, что если британский флот начнет гнаться за ним к W-у—он сможет проскользнуть к Horn Reefs, оставив противника к S-у. Не сомневаясь более, как пишет Шеер, что он столкнулся со всем Гранд-Флитом, германский главнокомандующий решил, что ему не остается иного выхода как идти к Horn Reefs кратчайшим путем и по возможности в сомкнутом строю. При этом, чтобы помешать всякой попытке отрезать германский флот, он должен был ночью послать в атаку все минные флотилии, не взирая на риск их растерять и в случае возобновления боя утром оказаться вовсе без миноносцев.

Шеер был убежден, что мы будем стараться отжать его к W-у и с этой целью в сумерки сосредоточим все усилия линейного флота, а ночью всемерно используем миноносцы. При том состоянии, в котором находились теперь суда Шеера, не приходилось долго думать о могущих последовать результатах. Головная дивизия его линейных кораблей в последней схватке понесла тяжелые повреждения, линейные же крейсера пострадали значительно больше. Адмирал Хиппер все еще не мог найти крейсер, на котором можно было поднять флаг [1]). Когда он подошел к *Зейдлицу*, то оказалось, что крейсер принял несколько тысяч тонн воды, сильно сел носом и что у него сбита антенна. Тогда адмирал направился к *Мольтке*, но последний в этот момент засыпался снарядами и командир не рискнул застопорить машины. *Дерфлингер* был в еще худшем состоянии, чем *Зейдлиц*, и Хиппер в конце концов перешел на *Мольтке*. Поднимая на нем флаг, он мог с радостью убедиться, что *Лютцов*, который представлял собою едва ли не груду развалин, снова вошел в строй.

Решив избегнуть участи быть отжатым к W-у, Шеер в 7 ч. 53 м. повернул к S-у. Боевая линия расстроилась, все суда шли в обратном порядке номеров и сильно растянулись. Эскадра „Дейтчландов“ находилась справа по носу от колонны дредноутов, а линейные крейсера со своими легкими крейсерами шли к Ost-у от нее, стараясь насколько позволяла упавшая скорость, выйти вперед и занять положенное им место в строю. Легкие крейсера, состоявшие при главных силах (4-ая разведочная группа), заняли место линейных крейсеров адм. Хиппера в качестве передовой завесы. S-овый курс, которым шел германский флот, не являлся кратчайшим путем к Horn Reefs, но он все-таки был настолько близок к кратчайшему, насколько

[1]) Хаазе пишет, что и после 8 ч. вечера командир *Дерфлингера* продолжал командовать линейными крейсерами.

позволяла осторожность адм. Шеера. Однако, даже и на этом курсе над немцами продолжала висеть угроза, которой опасался главнокомандующий их флотом.

Тем временем адм. Джеррам, получив приказание главнокомандующего следовать за линейными крейсерами, терялся в догадках, как его выполнить. В последнем радио адм. Битти, в котором он просил о присоединении к нему головной эскадры линейных кораблей, не указывалось место *Lion*'а и адм. Джеллико был совершенно убежден, что командующий линейными крейсерами и адм. Джеррам видят друг друга. Фактически же *Lion* и *King George V* не находились в визуальной связи и Джеррам не имел ни малейшего понятия о том, где находится Битти. Затем адм. Джеррам неожиданно услышал канонаду слева по носу. Ориентироваться только по звукам выстрелов, конечно, очень трудно, но в данную минуту Джерраму не оставалось ничего другого. Подняв сигнал „следовать за мной" он повернул на 2 R влево и, сделав радио Битти с запросом о месте, курсе и скорости *Lion*'а, пошел на WSW (8 ч. 21 м.). Ответа не последовало и Джеррам остался на новом курсе [1]).

Канонада, услышанная на *King George V*, объяснялась следующим: адм. Непир (*Falmouth*), командующий 3 эскадрой легких крейсеров, выполняя приказание Битти осветить пространство к W-у, чтобы отыскать голову неприятельского флота, вошел в соприкосновение с передовой крейсерской завесой противника. В 8 ч. 10 м. он смог донести Битти, что видит какие-то суда по пеленгу NtW, а в 8 ч. 15 м. обнаружил по пеленгу WtN пять германских легких крейсеров, идущих поперек его курса. Замеченные суда составляли 4 разведочную группу Шеера и шли S-овым курсом впереди его линейных кораблей. *Falmouth* немедленно лег на параллельный курс и открыл огонь. Крейсера Непира шли растянутым строем, в миле расстояния друг от друга, и не смогли сразу поддержать своего флагмана, но по мере его сближения с противником, они подтянулись и присоединились к обстрелу. Завязался короткий, но оживленный бой, длившийся около четверти часа. В 8 ч. 32 м. немцы повернули на 8 R и хотя наши крейсера немедленно сделали тоже самое, они быстро потеряли из виду неприятельские суда, скрывшиеся в сгустившейся темноте. В 8 ч. 15 м. адм. Битти лег на тот же курс, что и линейные корабли, и через четыре минуты обнаружил крейсера Хиппера и эскадру „Дейтчландов", идущих на S. Повернув на 1 R влево, он тотчас же открыл огонь. Одновременно Джеллико получил новые сведения, проливающие свет на обстановку.

---

[1]) См. схему 33.

Десятью минутами раньше коммодор Хокслей [1]), державший брейд-вымпел на легком крейсере *Castor* и находившийся с частью 11-ой минной флотилии на правом крамболе *Iron Duke*'а, заметил дым на WNW и, прибавив ходу, пошел по его направлению. Вслед за ним повернул и коммодор Ле-Мезурие с крейсерами *Calliope*, *Constance* и *Comus*.

Благодаря этому, раньше, чем адм. Джеррам пошел на поиски крейсеров Битти, *Calliope* поставил его в известность, что на NW обнаружено двенадцать неприятельских миноносцев. Курс, которым шли миноносцы, говорил за то, что они готовят атаку на наши линейные крейсера. Крейсера Ле-Мезурие, а также *Castor* с миноносцами, открыли сильный огонь и кинулись за повернувшими миноносцами противника. Через несколько минут погони показались идущие на S германские линейные корабли. Быстро повернув на параллельный им курс, *Calliope* с $32^1/_2$ каб. выпустил торпеду, но сразу же попал под жестокий обстрел и, засыпаемый германскими залпами, был вынужден отойти. Ловко зигзагируя, он избежал попаданий.

Теперь для Джеллико все было ясно и в 8 ч. 28 м. он повернул по дивизионно на SW по направлению звуков орудий Битти. Эскадры линейных кораблей снова шли в одной кильватерной колонне.

Лучшего положения нельзя было и желать. Адм. Битти, находясь значительно впереди противника, крепко „вцепился“ в головную его эскадру, а адм. Джеллико, шедший на траверзе германского флота, в боевом порядке спускался сходящимся курсом на его главные силы. Что же касается адм. Джеррама, то даже зная место линейных крейсеров в момент получения приказания идти к ним на присоединение, он не мог бы успеть во-время поддержать Битти. К тому же поддержка и не требовалась. Германские суда уже сильно страдали от огня эскадры Битти и не могли отвечать достаточно интенсивно, так как в туманных сумерках они снова не видели ничего кроме многочисленных орудийных вспышек. Особенно тяжело приходилось крейсерам Хиппера и в частности *Дерфлингеру*, у которого вышла из строя еще одна башня. Мы не знаем, насколько пострадали остальные немецкие линейные крейсера, но во всяком случае они не могли дальше противостоять огню наших судов; и только маневр командующего эскадрой „Дейтчландов“ адм. Мауве спас их от гибели. Эти устаревшие корабли находились теперь впереди и впервые за весь день попали в бой. Наконец им представился случай, как говорит Шеер, оправдать настояния адм. Мауве, уступая которым герман-

[1]) Хокслей командовал всеми минными флотилиями Гранд-Флита и непосредственно 11-ой.

ский главнокомандующий взял их с собою. Конечно, *Дейтчланды* смогли сделать немного, но тем не менее они доблестно держались пока линейные крейсера и легкие силы не укрылись за их нестреляющим бортом.

Для Шеера создалось положение, которого он больше всего опасался. Сумерки наступили и ему грозил бой с подавляющими силами противника, а, следовательно, и опасность быть отжатым к W-у. Не колеблясь, он в третий раз повернул и раньше чем его обнаружили наши линейные корабли, снова скрылся во мгле (8 ч. 35 м.). Стрельба стала замирать и, наконец, прекратилась вовсе.

Снова перед Джеллико встал вопрос, чем объяснить, что канонада смолкла. Справа по носу *Iron Duke*'а *Comus* еще продолжал перестрелку и на запрос—с кем он ведет бой—ответил: „неприятельские линейные корабли на W". Не будучи в состоянии разгадать обстановку, главнокомандующий сделал радио Битти, спрашивая, по какому румбу противник? (8 ч. 46 м.) [1]). Но едва только радио было отправлено, как *Falmouth* сообщил, что неприятель виден по пеленгу N и курс его WSW [2]). Одновременно адмирал Джеррам сообщал, что не видит наших линейных крейсеров (8 ч. 44 м.), а десять минут спустя было принято радио адм. Битти, в котором он спрашивал крейсер *Minotaur*, где находится эскадра Джеррама. Но *Minotaur* с 8 ч. 10 м. потерял из виду *King George* и не мог дать ответа. На *Lione*'е антенна была сбита и радио на него передавались не непосредственно, ввиду чего раньше чем Битти получил последний запрос Джеллико, о н у ж е успел послать просимые сведения. „Неприятельские линейные крейсера и Дейтчланды", телеграфировал Битти, „виднеются от меня по пеленгу NW 34° в расстоянии 10—11 миль. Их курс SW". Затем он сообщил свое место и курс SW [1]).

Благодаря последним донесениям, Джеллико мог теперь с известной точностью установить место противника, к тому же новое сообщение Гуденеффа пролило дальнейший свет на обстановку. Гуденефф занимал место в хвосте колонны и доносил, что ведет бой с немецкими миноносцами, пытающимися атаковать от W-а 5-ую эскадру линейных кораблей. Звуки его выстрелов доносились до *Iron Duke*, при чем одновременно слышалась также стрельба прямо по носу. Легкие крейсера 4-ой эскадры—*Caroline* и *Royalist* только что опознали эскадру „Дейтчландов" и старший из командиров кап. I р. Крук сделал сигнал „атаковать противника

---

[1]) См. схему 34.

[2]) Место, показанное *Falmouth*'ом, было не верно. Он находился на пять миль севернее.

торпедами". Но адм. Джеррам, который все еще не мог определить место адм. Витти и каждую минуту ожидал появления наших линейных крейсеров, в свою очередь сделал сигнал: „Атака отменяется. Это наши линейные крейсера". Однако, кап. I р. Крук отлично видел, что ошибается не он, а адмирал и не исполнил приказания— *Caroline* и *Royalist* бросились в атаку и несмотря на ужасающий огонь, с 40 каб. выпустили торпеды. Оба крейсера получили несколько попаданий, но все-таки благополучно отошли под прикрытием дымовой завесы. Миноносцы, хотя и занимали место позади *Caroline*, но не смогли присоединиться к крейсерам, т. к. адм. Джеррам, не будучи уверен, что перед ним не крейсера Витти, не открыл огня. Идти же в атаку до наступления темноты без артиллерийской поддержки было тактически неразумно.

Столкновение не принесло вреда противнику, но зато дало возможность главнокомандующему окончательно убедиться, что он находится в желаемом им положении, т.-е. между немцами и их базами, а, следовательно, имеет шансы отжать противника к W-у. Однако, солнце зашло уже час тому назад, сумерки сгущались и начинало темнеть. Дальнейшие попытки завязать бой неминуемо привели бы к развитию его ночью, и Джеллико решил так же, как решил 31 мая 1794 года лорд Гоу,—не рисковать.

Современные условия боевых столкновений на море только подтверждали давным давно установившийся взгляд на недопустимость ночного эскадренного боя и Джеллико не оставалось ничего другого, как избрать такой курс, чтобы перехватить неприятеля утром.

„Я был вынужден", писал Джеллико в своем донесении, „отказаться от соблазна воспользоваться преимуществами того положения, к которому привел бы меня Ost-ый или W-ый курс и решил идти на S, чтобы иметь возможность возобновить бой с наступлением дня".

Эти слова относятся к 9 ч. вечера, когда стрельба еще продолжалась. Через десять минут главнокомандующий получил радио адм. Джеррама, в котором последний сообщал, что видит наши линейные крейсера на WNW, идущие SW-ым курсом. Но на самом деле Джеррам обнаружил не крейсера Витти, а линейные крейсера немцев. В то время не было никаких оснований считать полученное донесение ошибочным и оно не повлияло на решение принятое Джеллико. Сообщение лишь указывало на то, что весь Гранд-Флит теперь „в кулаке" и в 9 ч. 17 м. главнокомандующий сделал сигнал с приказанием перестроиться в ночной походный порядок и сомкнуть строй, дабы обеспечить в темноте визуальную связь и избежать возможных ошибок при опознании своих и неприятельских судов.

Следуя сигналу, флот перестроился согласно ордера № 2, образовав из шести колонн по дивизиям три колонны по эскадренно, имея на левом фланге 5-ую эскадру адм. Эван-Томаса. Адм. Битти сохранил свое место впереди главных сил. В 9 ч. 16 м. он принял общий сигнал Джеллико, которым давался курс S, и, повидимому, пришел к тому же заключению, что и его начальник, т.-е. что в виду наступления темноты будет неразумно пытаться возобновить бой до наступления рассвета. Причины, которые он выставил в своем донесении, заключались в следующем: большое расстояние до неприятельского флота, который шел соединенно и имел при себе значительное количество миноносцев, серьезные повреждения *Lion*'а и других линейных крейсеров и, наконец, необходимость занять стратегическое положение, „долженствующее дать уверенность, что с рассветом мы обнаружим противника при наиболее благоприятных для себя условиях". „На основании этих соображений",— писал адм. Битти, „я считал нежелательным и неправильным сближаться с неприятельскими линейными кораблями в ночное время и поэтому пришел к заключению, что должен следовать желаниям главнокомандующего и повернуть на курс главных сил. О принятом решении я немедленно донес на *Iron Duke*. При данной обстановке моя обязанность заключалась в том, чтобы не дать неприятельскому флоту проскользнуть в его базу, обогнув южный фланг наших сил. Ввиду этого я в 9 ч. 24 м. вечера повернул на S и дал 17 узлов . . . . имея 1-ую и 3-ью эскадру легких крейсеров в дозоре на S и на W".

Вряд ли какое либо другое решение могло бы больше отвечать намерениям адм. Джеллико. Центр тяжести всего стратегического положения заключался в возможности для противника уйти к Ost-у, проскользнув ночью впереди или позади нашего флота. Было три протраленных фарватера, по которым Шеер мог искать спасения: первый—мимо банки Amrum к Horn Reefs, второй—к W-у от Гельголанда и третий — вдоль фрисландского побережья мимо Эмса в Яде. Следуя выбранным им курсом и имея впереди линейные крейсера, Джеллико считал, что он находится в положении „благоприятном для того, чтобы перехватить неприятеля в случае, если последний пойдет в свою базу, проложив курс на Гельголанд или в направлении на Эмс" [1]). Однако, положение Гранд-Флита оказывалось значительно менее благоприятно, если противник, решив идти на Horn Reefs, попытается обойти Гранд-Флит с севера. Правда, три подводные лодки гарвической флотилии находились на позиции на линии плавучего маяка Vyl, но этого было

[1]) Донесения об Ютландском бое, стр. 21.

недостаточно, чтобы воспрепятствовать проходу немцев у Horn Reefs. Поэтому Джеллико в, соответствии с первоначальными инструкциями, данными лидеру *Abdiel*, приказал ему продолжить минное заграждение к югу от дозорной линии подводных лодок. Кроме того Джеллико принял еще одно чрезвычайно важное и совершенно правильное решение— сосредоточить все минные флотилии в пяти милях позади флота. Риск, связанный с отделением миноносцев от флота, был не велик. Хотя ночью флот оставался без противолодочной защиты, но главнокомандующий мог вполне рассчитывать, что с рассветом ему удастся снова стянуть их к себе. Между тем присутствие миноносцев в пяти милях позади обеспечивало от неприятельских торпедных атак хвост колонны Гранд-Флита и ставило немцев под угрозу массовой атаки английских миноносцев, в случае, если они попытаются обогнуть наш флот с севера.

ГЛАВА XX.

Ютландский бой. Четвертая фаза. Ночь.

Схемы 35—37 a, b, c, d, e, f, g и h.

В то время, как адм. Джеллико в стремлении не дать германскому флоту избежать решительного боя, делал все то, что подсказывал ему его собственный опыт и вековой опыт прошлого, адм. Шеер уже повидимому решил, что именно даст ему больше всего шансов парировать намерения противника.

Уже раз, если не дважды, ему неудалась попытка пробиться на Ost, теперь нельзя было больше откладывать осуществление новой попытки уйти от неприятеля [1]). Не взирая на риск, надо было избрать кратчайший путь к берегам Германии, хотя бы этот путь и приводил к неизбежности пересечь струю неприятельского флота и, следовательно, к возможности снова попасть под такой же удар, который помешал его первой попытке.

Поэтому в 9 ч. 14 м., т.-е. за три минуты до того, когда Джеллико предпринял перестроение своего флота в походный порядок, Шеер сделал соответствующие сигналы. Главным силам был показан курс SSO $^1/_4$ к Ost'у и приказано иметь 16 узлов. Курс вел на Horn Reefs. Походный строй Флота Открытого моря был следующий: 1 эскадра линейных кораблей шла головной, за ней следовали 3-ья и 2-ая эскадры. Линейные крейсера составляли арьергард, 2-ая разведочная группа шла впереди главных сил, а 4-ая— справа. Однако, адм. Шеер не сразу лег на выбранный

[1]) См. схему 35.

им курс, он как будто не хотел приближаться к Гранд-Флиту, пока последний не пройдет значительно вперед. Кроме двух разведочных групп, все его легкие силы были брошены на поиски английского флота. Вскоре после 9 ч. 30 м. головные немецкие корабли начали ворочать влево и ложиться на Horn Reefs.

Трудно поверить, чтобы Шеер действительно рассчитывал пройти не замеченным, он не мог не чувствовать близости врага. Курсы нашего и германского флотов быстро сходились и выдвинутые вперед легкие крейсера Шеера почти немедленно снова вступили в бой, столкнувшись с легким крейсером *Castor* (брейд-вымпел коммодора Хокслей), и 2-ой минной флотилией, которые шли в арьергарде, на фланге ближайшем к неприятелю. *Castor* держался впереди флотилии, а за ним шел лидер *Kempenfelt* с остальными миноносцами [1]).

Через полчаса после того, как Шеер изменил курс, Хокслей, рассмотрел в темноте очертания каких-то судов, показавшихся слева по носу *Castor*'а и пошел к ним на сближение для опознания.

Незнакомцы сделали нам „опознательный", при чем два раза показали правильные огни, соответствующие данному дню, а в третий раз неверно. Но сомнения длилось недолго. Неожиданно головные суда осветили *Castor*'а прожекторами и с 10 каб. открыли огонь. Попадания с обеих сторон последовали сразу. В *Castor* попало 4 снаряда, которыми вывело из строя много людей, и зажгло стоявший в рострах моторный катер, который запылал как факел, освещая весь крейсер. *Castor* был вынужден отойти, но все же успел выпустить торпеду. Повидимому, уклоняясь от торпеды, противник тоже повернул и скрылся в темноте. Каждый из головных миноносцев— *Marne* и *Magic* тоже выпустили по торпеде, но их настолько слепили вспышки выстрелов *Castor*'а, что они почти сразу потеряли цель и больше уже не стреляли.

Остальные миноносцы не сделали ни одного торпедного выстрела, так как были в уверенности, что перед ними не германские, а английские суда. Итак, едва только наступила темнота, как риск ошибки в обстановке ночного боя наглядно подтвердился.

При всей краткости этого столкновения оно не могло не произвести на Шеера впечатления, что он подвергся тому нападению, которого ожидал, т.-е. имевшему цель отжать его к W-у. По всем данным, с *Castor*'ом столкнулись легкие крейсера Шеера, находившиеся в авангарде. Повидимому,

---

[1]) Кроме *Kempenfelt*'а, в состав флотилии входили *Ossory, Mystic, Morning Star, Magic, Mounsey, Mandate, Minion, Martial, Milbrok, Moon, Marne, Manners, Michel* и *Mons.*

это и привело его к решению еще отвернуть в сторону, так как в 10 ч. 6 м. (в тот момент, когда должен был уже получить донесение о случившемся) он повернул на 1 R вправо [1]). Однако, этого оказалось недостаточным. Не успел еще *Castor* с миноносцами лечь на S-ый курс, как Шеер вновь услышал перестрелку, но на этот раз к Ost-у. На Ost от германского флота находилась вторая эскадра легких крейсеров Гуденеффа, который в это время старался занять назначенное ему место в хвосте колонны линейных кораблей [2]).

Вторая эскадра значительно отстала от главнокомандующего, так как Гуденефф поддерживал связь с *Marlborough*. Флагманский корабль адм. Бернея вследствие повреждений от торпеды не мог давать больше 16 узлов и его эскадра была в 4-х милях позади назначенного ей места. Ввиду этого адм. Эван-Томас счел необходимым сблизиться с Берне́ем и в 10 ч. вечера повернул обратно. Несмотря на последний поворот Шеера на 1 R вправо, курсы обоих флотов продолжали сходиться. В результате четвертая разведочная группа немцев, которая, очевидно, держалась слева на носу германской колонны (а не справа), вскоре оказалась на траверзе флагманского крейсера Гуденеффа [3]). Для Гуденеффа встреча не была неожиданной. Он видел свет прожекторов и вспышки выстрелов к W-у, где дрался *Castor*, и понимал, что противник недалеко. Прислуга орудий правого борта стояла в готовности каждую минуту открыть огонь, на мостике и на верхней палубе все взоры искали неприятеля. Ночь уже спустилась, но западная часть горизонта еще чуть светлела и вскоре на *Southampton*'е заметили пять силуэтов крейсеров [4]). Обнаруженные суда показались из мглы очень близко, и курс их сходился с курсом наших крейсеров.

Сомнений быть не могло. Ненадолго с обеих сторон замелькали огни опознательных сигналов, а затем командир *Dublin*'а приказал открыть огонь. Было отчетливо видно, как снаряд *Dublin*'а пронизал борт одного из неприятельских судов, сделав в нем огромную пробоину. Мгновенно десяток прожекторов осветил *Dublin*'а и *Southampton*'а и оба крейсера попали под жестокий огонь всей неприятельской эскадры. Через минуту все слилось в сплошном шуме рвущихся снарядов, дыме и вспышках выстрелов и в ярких лучах прожекторов. Бой сразу принял форму отчаянной схватки в стиле времен парусного флота, когда противники

---

[1]) См. схему 36.

[2]) Время этого боя в английских и германских источниках показано различно, но он происходил между 10 ч. 15 м. и 10 ч. 45 м. вечера.

[3]) *Штеттин* (коммодор фон Рейтер), *Мюнхен*, *Фрауенлоб*, *Штуттгард* и *Гамбург*.

[4]) См. схему 37 (а).

сближались на пистолетный выстрел и не попасть было трудно. Наши суда страдали жестоко, но и противник также. Командиры *Nottingham*'а и *Birmingham*'а не светили прожекторами и, оставаясь незамеченными, метко обстреливали немцев. Вместе с тем *Southampton* с обнаружением противника немедленно приготовился к торпедному выстрелу и в момент, когда его палуба, мостики и все надстройки попали под ураган снарядов, им была выпущена торпеда. Послышался оглушительный взрыв, яркое пламя осветило неприятельскую линию. Прожектора на немецких судах сразу погасли и противник исчез. Бой длился 15 минут. На *Southampton*'е была перебита артиллерийская прислуга средней артиллерии и прислуга прожекторов. Весь крейсер пылал как свечка и каждую минуту ожидалось, что он взлетит на воздух. По *Dublin*'у стреляли только два неприятельских крейсера, но тем не менее и он пострадал серьезно. Жилая палуба представляла собой море огня. Штурманская рубка со всеми картами была уничтожена, старший штурман убит. Благодаря этому *Dublin* очень скоро потерял связь с *Southampton*'ом и не мог определить своего места. К эскадре он присоединился лишь утром на следующий день. Немцы вероятно, пострадали не меньше [1]).

Один из немецких крейсеров, *Фрауенлоб*, погиб со всем экипажем. Торпеда *Southampton*'а попала в него и через четверть часа крейсер затонул. Его гибель не была замечена ни *Southampton*'ом, ни *Dublin*'ом, так как им пришлось отойти, чтобы тушить пожары. Быстро справившись с огнем, Гуденефф снова пошел на Ost. Встретившись с эскадрой адм. Томаса он собрал свои крейсера (кроме *Dublin*'а) и занял назначенное ему место в конце колонны для отражения неприятельских миноносцев.

Радио-станция *Southampton*'а была выведена из строя, крейсера временно потеряли связь друг с другом и Гуденефф при таких условиях не мог донести главнокомандующему о случившемся. С *Iron Duke*'а видели свет прожекторов и вспышки выстрелов, но не могли выяснить, что происходит. Джеллико ожидал торпедной атаки на арьергард и потому почти не сомневался, что атака состоялась. Около 11 часов вечера, т.-е. в момент гибели *Фрауенлоб*, он сделал радио коммодору Хокслей: „С кем вступили в бой, с неприятельскими миноносцами?“ Одновременно *Iron Duke* принял встречное радио Хокслея: „Был в бою с неприятельскими крейсерами“ и сделали из него вывод, что крейсера, о которых доносил Хокслей, поддерживали свои миноносцы.

---

[1]) *Штеттин*, *Мюнхен* и *Гамбург* потеряли в этом бою, также и при перестрелке с *Falmouth*'ом 31 чел. убитыми и 71 ранеными, потери *Штуттгардта*—неизвестны.

Неприятельские миноносцы действительно были замечены нашей 4-ой минной флотилией кап. 1 р. Винтоура, ближайшей к Ost-у от Хокслея [1]).

Около 10 ч. вечера, когда Винтоур повернул на 16 R, чтобы занять назначенное место, и лег на S-овый курс, концевые его миноносцы заметили к N-у от себя три немецких миноносца, которые выпустили по ним торпеды и после первых двух-трех выстрелов с нашей стороны быстро исчезли в темноте. Вскоре один из стрелявших миноносцев— *Garland* — заметил к W-у легкий крейсер типа „Грауденц", шедший курсом S (10 ч. 35 м.). В соответствии с полученными инструкциями Винтоур остался на курсе. Пять минут спустя, состоявший при эскадре Джеррама легкий крейсер *Boadicea* донес, что видит неприятельские суда у себя слева по носу. Ни это донесение, ни донесение *Garland*'а не были переданы на *Iron Duke*, так как считалось, что они не настолько существенны, чтобы, посылая радио главнокомандующему, дать противнику лишний шанс узнать место главных сил английского флота. Таким образом, Джеллико не получил никаких сведений, могущих поколебать его уверенность, что Гранд-Флит находится между германским флотом и его базами. Причин менять принятое решение не было и Джеллико продолжал следовать S-ым курсом.

Адм. Шеер, однако, имел более определенные сведения об обстановке. Сигнал английским минным флотилиям был перехвачен германской радио-станцией в Нейминстере и передан Шееру и он знал, что наши миноносцы находятся в пяти милях позади линейных кораблей и что передовые немецкие крейсера уже имели короткую схватку с частью этих миноносцев. Повидимому, к этому времени он также получил донесения, что его миноносцы обнаружили и другие английские миноносцы к S-у от первых, но что они не нашли никаких следов английских линейных кораблей.

На основании этих сведений, Шеер, вероятно, решил, что английский флот прошел слишком далеко вперед, и можно рискнуть пересечь его струю. Во всяком случае вскоре после 10 ч. 30 м. Шеер повернул влево и лег на курс SO ¼ к Ost-у прямо на плавучий маяк Horn Reefs.

---

[1]) Кап. 1 р. Винтоур имел всего лишь 12 миноносцев. Он держал брейд-вымпел на лидере *Tipperary* и вел одну полуфлотилию. Кап. 2 р. Аллен—командир миноносца *Broke* вел 2 полуфлотилию. Два оставшихся миноносца из состава дивизиона *Shark*'а—*Ophelia* и *Christopher* охраняли крейсера Битти, а *Owl, Hardy* и *Midge*—броненосные крейсера. Из числа 20 миноносцев, составлявших всю флотилию, три стояли в ремонте. Первая полуфлотилия состояла из *Spitfire, Sparrowhawk, Garland* и *Contest*. Вторая полуфлотилия *Achates, Ambuscade, Ardent, Fortune. Porpoise* и *Unity*, входившие в последний дивизион, шли за второй полуфлотилией. В описываемый момент флотилия шла в двух кильватерных колоннах, но через полчаса Винтоур перестроил ее в одну колонну.

К этому времени небо заволокло тучами и наступила полнейшая тьма. Германский флот подвигался вперед, „нащупывая“ дорогу крейсерами второй разведывательной группы, шедшими в одной кильватерной колонне. Впереди главных сил держались в завесе оставшиеся миноносцы, построенные ввиде буквы „V“ на ONO и SSW от головного линейного корабля [1]).

Надо полагать, что суда, с которыми столкнулась флотилия Винтоура, были левофланговые миноносцы этой завесы. В течение часа ничто не нарушало тишины и мрака ночи. Произошло это, быть может, потому, что после боя с *Castor*'ом, Шеер несколько уклонился вправо и курсы неприятельских флотов сходились не так быстро, как до 10 ч. вечера. Однако, какова бы ни была причина продолжительного затишья, оно лишь утверждало главнокомандующего в его мнении, что неприятель находится к W-у и он продолжал следовать на S, не зная, что эскадра адм. Бернея отстает все больше и больше.

В 15 милях справа по носу *Iron Duke*-а шел адм. Битти. Все его линейные крейсера охранялись двумя дивизионами 1-ой флотилии и *Christopher*'ом и *Ophelia* 4-ой флотилии [2]). На правой раковине *Lion*'а держались 3-ья и 1-ая эскадры легких крейсеров. Последней было приказано занять место на правом крамболе флагманского крейсера и особенно внимательно „смотреть вперед“ на NtW, но *Lion* скрывался в темноте и легкие крейсера знали его место только приблизительно. Битти тоже, вероятно, мало сомневался, что Гранд-Флит отжимает немцев от германских берегов и рассчитывая увидеть их утром к W-у. Фактически же германский флот уже час тому назад прошел позади наших линейных крейсеров, и Шеер, идя к Horn Reefs, находился в 11 ч. 30 м. вечера в 15 милях на NO от *Lion*'а.

В этот самый момент начался новый бой; пришла пора испытать, насколько сосредоточенные Джеллико минные флотилии способны помешать прорыву Флота Открытого моря.

Когда наступил час, который должен был решить вопрос, служивший предметом столь многих размышлений и многолетней упорной работы — начальник 4-ой флотилии кап. I р. Винтоур вел свою флотилию в одной кильватерной колонне на S. В 7 милях к Ost'у легкий крейсер *Champion* вел семь миноносцев 13-ой флотилии [3]) и два миноносца 10-ой флотилии *Termagant* и *Turbulent*. На траверзе *Cham-*

---

[1]) См. Шеер «Флот Открытого моря», стр. 160. В завесе находились 2-ая, 5-ая и 7-ая флотилии, а также часть 6-ой и 9-ой флотилий. Всего около 40 миноносцев. Большинство из них в течение дня израсходовали все торпеды. Часть миноносцев находилась около *Лютцова*.

[2]) См. схему 37 (в).

[3]) *Obdurate, Moresby, Nerissa, Narborough, Nicator, Pelican* и *Petard*.

*pion'*а находились четыре гарвичских миноносца 9-ой флотилии [1]), и *Morris*, принадлежащий к 10-ой флотилии [2]), затем шел лидер *Faulknor* с четырнадцатью миноносцами 12-ой флотилии [3]). Между двумя группами было значительное расстояние ввиду того, что восточные флотилии держались у эскадры адм. Бернея, которая из-за повреждения *Marlborough* все больше и больше оттягивалась назад.

Такова была обстановка, когда около 11 ч. 25 м. вечера кап. 1 р. Винтоур и несколько миноносцев его флотилии обнаружили от себя справа чуть заметную туманную линию каких-то судов, идущих сходящимся с ними курсом. Начальник флотилии не смог сразу решить—кто перед ним и несколько минут продолжал идти вперед, имея все торпедные аппараты повернутыми на правый борт.

Замеченные суда не делали никакого сигнала, но так как они уже начали проходить вперед флотилии и расстояние упало до пяти каб., Винтоур сам сделал «опознательный». Ответом последовали быстрые и точные залпы почти что в упор. Через минуту *Tipperary* исчез в пламени, выпустив однако обе торпеды. Четыре миноносца его дивизии и *Broke* также выпустили торпеды Концевые миноносцы все еще не были убеждены—не произошла ли ошибка и ждали, пока случайно луч неприятельского прожектора не осветил одно из концевых немецких судов. Сомнений больше не оставалось и все миноносцы бросились в атаку. Сколько торпед попало—осталось невыясненным, но несколько из них безусловно достигли цели, так как взрывы были ясно видны. Во всяком случае один из немецких крейсеров нашел свою могилу. Уклоняясь от атаки, неприятельские крейсера 2-ой разведочной группы повернули и прорезали строй головной эскадры главных сил. *Франкфурт* и *Пиллау* проскочили благополучно, но *Эльбинг* попал под форштевень л. к. *Позен*. Хотя *Эльбинг* после столкновения и остался на плаву, но позднее был оставлен командой и затонул.

Стоявший на мостике *Tipperary* начальник флотилии первым же залпом был снесен за борт вместе с мостиком и от миноносца осталась лишь пылающая масса обломков. Следующим за *Tipperary* шел *Spitfire*. Из-за полученных повреждений он не мог перезарядить торпедных аппаратов и „удовольствовался“ тем, что снес артиллерийским огнем одному из неприятельских судов прожектор, после чего повернул на помощь *Tipperary*. Ослепленный огненными

---

[1]) *Lydiart, Liberty, Landrail* и *Laurel*.

[2]) *Moorsom*, днем получил попадание в нефтехранилища и был отправлен в порт.

[3]) *Marksman* (кап. 2 р. Сюлливан начальник 2-ой полуфлотилии), *Obedient, Mindful, Marvel, Onslaught, Maenad, Narwhal, Nessus, Noble, Opal, Nonsuch, Menace, Munster, Mary Rose*.

вспышками выстрелов и яркими лучами прожекторов, командир *Spitfire'a*, кап.-лейт. Трелойни, ничего не видел в окружающей тьме, как вдруг заметил, что два судна, принятые им за крейсера, идут прямо на его миноносец. Через минуту другую разыгрался инцидент наиболее поразительный за все время боя. „Ближайший крейсер", доносил командир *Spitfire*'a, „повернул с явным намерением меня таранить. Поэтому я положил право на борт и мы оба столкнулись носовыми частями левого борта. Полагаю, что я значительно повредил этот крейсер, так как на полубаке миноносца осталось 20 фут. германской обшивки". Залпы носовых орудий немцев не могли, конечно, попасть в *Spitfire*'a, но пороховыми газами снесло мостик, прожекторные платформы и носовую трубу. Раненые, оглушенные и наполовину задушенные газами офицеры и команда лежали под грудой обломков. Как только командир освободился из-под остатков мостика, он первым делом выбросил за борт стальной ящик с секретными книгами и документами. Никакой миноносец, казалось бы, не мог уцелеть после подобного приключения, но *Spitfire* каким-то чудом уцелел. Случай представляется особенно невероятным потому, что как теперь известно, он столкнулся не с крейсером, а с дредноутом *Haccay*. Благодаря исключительно крепкой постройке. *Spitfire*'у удалось справиться с повреждениями и малым ходом добраться до порта, имея в виде трофея кусок обшивки германского дредноута. Остальные суда германского флота не выдержали атаки. В момент, когда стрельба достигла своего апогея, головной корабль положил руля и покатился вправо до тех пор, пока не лег на SSW, т.-е. пока не повернул почти на 8 R от своего курса. Через 8 минут флагманский корабль Шеера достиг точки поворота и германский главнокомандующий приказал лечь на SOtS. В 11 ч. 34 м. *Вестфален* (головной) снова повернул прямо на Horn Reefs.

Тем временем *Broke* занял место погибшего *Tipperary*. За ним шли *Sparrowhawk*, *Garland*, *Contest*, *Ardent*, *Fortune* и *Porpoise* и кап. 2 р. Аллен повел их на S [1]). Вскоре—около 11 ч. 40 м.—с *Broke* заметили справа по носу силуэт большого судна, идущего на пересечку его курса. *Broke* сделал „опознательный" и снова ответом явился ослепительный свет прожекторов и жаркий артиллерийский огонь. Выждав момент для производства торпедного выстрела из кормового аппарата, Аллен положил „лево на борт". Командир *Sparrowhawk* кап. 2 р. Хопкинс сделал то же самое, но к своему ужасу заметил, что *Broke* не перестал катиться, а продолжает циркуляцию и прямо идет в середину его

[1]) См. схему 37 (с).

миноносца. Оказалось, что в момент поворота неприятельский снаряд заклинил руль *Broke*'а и последний потерял способность управляться. Избежать столкновения было невозможно и *Broke* с полного хода врезался в *Sparrowhawk* впереди его мостика. *Garland* проскочил *Sparrowhrwk*'а буквально на волосок, но *Contest*, который не видел столкновения, ударил в корму *Sparrowhawk*'а и начисто срезал ему ахтерштевень [1]).

С кем именно встретились миноносцы—они не могли сказать наверное. Лучи прожекторов и вспышки выстрелов блистали со всех сторон. Некоторые командиры считали, что первое замеченное ими судно был корабль типа „Вестфален" и надо полагать, что они действительно атаковали головную эскадру Шеера в то время, когда она пересекала струю английского флота. Атака не прошла безрезультатно. Одна торпеда безусловно попала. Флагманский крейсер командующего германскими миноносцами коммодора Михельсона—*Росток*—был серьезно поврежден и, продержавшись, как и *Эльбинг*, некоторое время на плаву, затем затонул.

Broke и *Sparrowhawk* после столкновения не могли больше держаться в строю. В командование 2-й полу-флотилией вступил командир *Achates* кап. 2 р. Хутчинсон и снова повел ее на S, вслед за нашими главными силами. *Contest*, пострадавший при столкновении незначительно, а также *Garland* присоединились к флотилии. В тот момент, когда они вступали в строй, впереди показалось еще несколько линейных кораблей и снова в темноте ночи разыгралось то же, что и при первых двух встречах. Хутчинсон, считая, что между ним и неприятелем находятся несколько английских крейсеров, задержался с атакой и опоздал. Едва только *Ambuscade* выпустил две оставшиеся торпеды, как на него и на *Achates* бросились немецкие крейсера и отогнали их к Ost'у. Следующий за ними миноносец *Ardent* атаковал неприятельское судно, которое засыпало залпами его заднего мателота *Fortune*. *Ardent* выстрелил торпедой и, видимо, попал, но *Fortune*, поддерживающий оживленный огонь, уже был объят пламенем и тонул. Надо полагать, что *Fortune* обстреливался также и германским крейсером, которого обнаружил у себя справа впереди траверза *Porpoise*. В последний сразу попал 8″ снаряд и он не мог атаковать противника. Будучи сильно поврежденным, он все-таки смог выбраться из района боя. Таким образом, единственно, кто

---

[1]) *Broke* с рассветом снова вступил в бой с двумя неприятельскими миноносцами, но ушел от них на норд, рассчитывая добраться до Скапа или Кромарти. Свежий NW помешал это сделать и он был вынужден спуститься на S. В 5 ч. дня 3 июня он прибыл в Тайн.

еще мог действовать, был *Ardent*. Оставшись в одиночестве *Ardent* пошел на S, в надежде соединиться с остальными миноносцами своего дивизиона, который фактически уже перестал существовать. Однако, ему пришлось встретиться совсем не с тем, кого он ожидал.

С момента развертывания, когда эскадра Арбутнота была сметена, один из крейсеров — *Black Prince*, потеряв связь с флотом, остался значительно позади. Повидимому, он старался нагнать флот и шел на S, когда неожиданно оказался на траверзе ядра Флота Открытого моря. Мгновенно *Black Prince* скрылся в урагане снарядов и через несколько минут только море огня показывало его место. Еще через минуту-другую раздался взрыв и он исчез.

Эскадры Шеера продолжали следовать к Horn Reefs и вскоре командир *Ardent*'а заметил прямо по носу дым. Полагая, что это идут миноносцы его дивизиона, он остался на курсе. Затем показался силуэт большого германского корабля. Не раздумывая, командир бросился в атаку и с близкого расстояния выпустил торпеду. Но раньше, чем он мог увидеть результаты, миноносец был ослеплен светом прожекторов четырех линейных кораблей и чуть ли не в упор засыпан снарядами. Не прошло и минуты, как *Ardent* представлял собой кучу перекрученного и исковерканного железа. Противник закрыл освещение и скрылся в темноте. *Ardent* затонул со всей командой, кроме командира и одного матроса, которых удалось спасти.

Так закончились (12 ч. 19 м. ночи) доблестные действия 4 минной флотилии. Ей выпала на долю тяжесть встречи со всем германским флотом, но ни один человек не дрогнул и миноносцы выполнили свой долг до конца. Проявленная флотилией храбрость, стойкость и умение, говорили за то, что не она виновна в неудаче, и если миноносцы не оправдали надежд, то причиной этому была переоценка значения торпедного оружия.

За время этих коротких ночных боев, арьергард Гранд-Флита продолжал идти на S, не подозревая их истинного значения. На *Iron Duke*'е видели на фоне низких облаков разрывы неприятельских светящихся снарядов, сначала на правой раковине, затем прямо за кормой, а потом и ближе к Ost'у. Но все командиры свидетельствуют, что замеченные вспышки создавали впечатление, что это наши легкие крейсера и миноносцы отбивают немецкие торпедные атаки на арьергард Гранд-Флита. Один из кораблей адм. Стерди— *Vanguard* доносил об атаке эскадры адм. Джеррама, которая держалась у него справа по носу [1]). Адм. Бер-

[1]) Концевой корабль Джеррама—*Thunderer* доносил, что в 10 ч. 30 м. ему сделал опознательный сигнал немецкий крейсер, но что он не стрелял,

ней, хотя и находился в нескольких милях позади и ближе к Ost'у, видел не больше. Все, что он мог сообщить, сводилось к тому, что он слышал короткие перестрелки, сначала на правом траверзе, а затем за кормой. В некоторые из этих моментов 5-ая эскадра бывала ближе всех к неприятелю и, казалось бы, могла дать наиболее точные сведения об обстановке. Однако, адм. Томас в своем донесении о бое, говорит только о том, что в 10 ч. 15 м. слышал сильную канонаду немного впереди правого траверза, „которую", как он пишет, „я приписывал отражению атаки неприятельских миноносцев и легких сил нашими легкими крейсерами и миноносцами [1]). В 10 ч. 39 м. на 5-ой эскадре снова услышали канонаду, на этот раз на правой раковине, а затем в 11 ч. 35 м. прямо за кормой, но как и раньше ее объяснили столкновением немецких миноносцев с нашими крейсерами.

Valiant—второй в колонне—видел бой *Castor*'а, а в 11 ч. 30 м. другой бой в 2-х милях на своей правой раковине. Шедший за ним *Malaya*, повидимому, был единственный из кораблей 5-ой эскадры, который более остальных имел основание предполагать, что наши миноносцы атаковали германские линейные корабли. В 11 ч. 40 м. он увидел несколько английских миноносцев в 3 R впереди правого траверза, атакующих какие-то большие суда, но эти суда, насколько можно было разобрать, шли тем же курсом что и наш флот. С *Malaya* заметили также и взрыв от торпеды и опознали в атакованных судах немецкие дредноуты типа „Вестфален". По какой-то причине эти сведения, которые могли бы послужить предупреждением для главнокомандующего, что он обогнал неприятеля, не были переданы на *Iron Duke*.

Однако, к этому времени адм. Джеллико получил чрезвычайно важное сообщение Адмиралтейства со сводкой перехваченных германских радио. Первое радио, отправленное Шеером в 9 ч. 6 м. вечера с требованием выслать к рассвету воздушную разведку к Horn Reefs, определенно указывало тот путь, по которому Шеер намеревался отходить. Второе—относительно отхода флота к германским берегам—было сделано в 9 ч. 14 м. и в нем давался курс, которым надлежало идти ночью. Третье радио—в 9 ч. 46 м.—несколько изменяло сообщенный только что курс. Суммируя все три радио, Адмиралтейство приходило к следующему выводу: 1) приказание возвращаться было отдано

т. к. считал нежелательным преждевременно показывать место главных сил. Кроме того он утверждает, что затем видел, как наши миноносцы атаковали этот крейсер.

[1]) У-адм. Томаса [было в это время только три корабля *Barham*, *Valiant* и *Malaya*; *Warspite* после последних повреждений не мог давать больше 16 узлов и был отправлен в Розайт.

Шеером в 9 ч. 14 м.; 2) германский флот идет курсом SSO$^3/_4$ к Ost'у и развивает 16 узлов; 3) линейные крейсера следуют в арьергарде [1]). Определенных указаний на Horn Reefs не было сделано, вероятно потому, что 9-часовое место концевого корабля германского флота было уже сообщено Джеллико и курс SSO$^3/_4$ к Ost'у достаточно ясно указывал путь избранный Шеером. Но для главнокомандующего не было очевидно, что Шеер идет к Horn Reefs. Место германского флота, указанное Адмиралтейством (φ 56°33′ N; l 5°30′ Ost) он не мог считать правильным, т. к. выходило, что в момент поворота Гранд-Флита на S флот противника находился в 10 милях на SW от авангарда, а Джеллико знал, что к этому времени немцы должны были находиться на NW от *Iron Duke*'а [2]). К тому же главнокомандующий считал, что если бы место германского флота, сообщенное Адмиралтейством, было бы правильно и если бы Шеер действовал на основании радио, сделанного им в 9 ч. 14 м., вряд ли возможно, чтобы на *Iron Duke*'е не получили бы, хотя бы за час до радио Адмиралтейства, каких нибудь указаний о движении противника.

Кроме того в последнем донесении, полученном Джеллико от коммодора Хокслея, говорилось о том, что его обстреливают одни только крейсера. Таким образом, главнокомандующий мог быть уверен, что его арьергард во всяком случае продолжает находиться в соприкосновении с частью неприятельского флота. Он считал совершенно невероятным, чтобы, наблюдая впереди себя ночные бои, Шеер мог бы продолжать идти прямо в их направлении. Было гораздо вероятнее предполагать, что эти бои и заставили германский флот уклониться к W-у или повернуть к N-у. Если же германский адмирал пойдет на риск и не изменит курса, то сосредоточенным английским миноносцам представится случай для массовой атаки противника.

Итак, вследствие отсутствия более достоверных сведений о линейных кораблях неприятеля, Джеллико остался на курсе. Дальнейшие же сведения, которые он получил, не дали ему оснований изменить мнение об обстановке. Через полчаса *Iron Duke* принял два новых радио и оба они показывали, что Шеер еще не уходит. Первое радио было от Гуденеффа, который наконец смог через *Nottingham* сообщить о столкновении с 4-ой разведочной группой. У *Nottingham*'а во время боя уцелела радио-станция и он теле-

[1]) Радио Адмиралтейства было отправлено в 10 ч. 41 м. вечера и принято на *Iron Duke* в 11 ч. 5 м. вечера. Считая время, потребное на расшифровку, надо полагать, что оно могло быть вручено адм. Джеллико около 11 ч. 30 м. вечера.

[2]) Это радио было принято на *Iron Duke* в 10 ч. 23 м. вечера и после расшифровки передано главнокомандующему на мостик около 11 ч. вечера.

графировал следующее донесение своего флагмана: „В 10 ч. 15 м. вел бой с неприятельскими крейсерами, находившимися от меня по пеленгу WSW“, что определенно указывало, что в это время неприятель все еще находился к W-у от наших главных сил [1]).

Второе радио отправил командир *Birmingham*'а, который, отходя после боя к Ost'у, вынужден был повернуть влево, чтобы не столкнуться с 5-ой эскадрой, и разлучился с Гуденеффом. Радио гласило следующее: „Линейные крейсера, вероятно, неприятельские, замечены в 10 ч. 15 м. на NO. Число неизвестно, курс S. Мое место φ 56°26′ N, l 5°42′ Ost».

Сообщение командира *Birmingham*'а только подтверждало предположение главнокомандующего, что германский флот идет не на Horn Reefs и что происходящие бои—ни что иное, как отражение попыток неприятельских легких сил атаковать с кормы арьергард английского флота. С момента встречи с неприятелем Гуденефф блестяще исполнял свою роль разведчика и все присланные им сведения о противнике отличались исключительной точностью. Поэтому совершенно очевидно, что его донесения заслуживали большего доверия, чем сообщение Адмиралтейства, основанное на перехваченных германских радио. Таким образом, адм. Джеллико не имел никаких оснований менять намеченный им на ночь план и остался на S-ом курсе [2]).

Хотя радио *Birmingham*'а создало ложное представление о положении противника, тем не менее оно фактически соответствовало действительности. Когда авангард германского флота вторично столкнулся с нашей 4-ой флотилией, он резко повернул на SW. Как читатель уже знает, в 11 ч. 30 м. Шеер снова лег на S и в момент отправки донесения командира *Birmingham*'а находился на этом курсе. Однако, через 4 минуты неприятель опять повернул на Horn Reefs, но даже и тогда, когда германские линейные корабли в третий раз вошли в соприкосновение с 4 флотилией, Джеллико не получил донесения о том, кого именно атаковала флотилия. И звуки выстрелов, услышанных на *Iron Duke*'е только, доказывали новую попытку неприятельских легких сил атаковать его арьергард.

Несмотря на то, что в критическую минуту Шеер получил возможность проскользнуть за кормой противника, он еще не миновал всех английских минных флотилий и Джеллико еще имел времени воспрепятствовать его уходу.

Но счастие, которое немцы заслужили своим смелым движением, продолжало им сопутствовать. Курс, которым

---

[1]) См. схему 36.

[2]) Радио *Birmingham*'а было принято и на *Lion*'е, но расшифровано не верно. Курс противника был S, а разобрали WSW.

шел германский флот, и расположение наших миноносцев неминуемо должны были привести Шеера к встрече с W-овой группой миноносцев. Однако, случилось так, что этой группе пришлось уклониться от своего S-ового курса. Произошло это вследствие столкновения 4 флотилии с противником, когда перелеты немцев стали ложиться среди миноносцев 13 флотилии, находившейся ближе других к W-у.

В замешательстве от ослепительных лучей прожекторов, вспышек выстрелов и пламени взрывов командир крейсера *Champion*, шедшего во главе 13-ой флотилии, понял, что обстреливается его крейсер, и считая, что между ним и неприятелем находятся английские суда, не решился идти в атаку и повернул к Ost'у.

Поворот был сделан без сигнала и за *Champion*'ом последовали только два ближайших задних мателота, но затем повернули влево, сначала шедшие позади гарвичские миноносцы, а после них и 12-ая флотилия. В результате, для немцев открылся свободный проход и за исключением *Франкфурта* и *Пиллау* они прошли незамеченными. Повидимому, именно эти суда и напали в момент поворота 12-ой флотилии на SO на концевые миноносцы *Menace* и *Nonsuch*. Германские крейсера прошли столь близко, что *Menace* с большим трудом увернулся от таранного удара, а *Nonsuch*, после попытки атаковать, избег столкновения с одним из них, кинувшись самым полным ходом на Ost. Впоследствии он так и не присоединился к своей флотилии.

Из-за поворота *Champion*'а вся восточная группа миноносцев рассеялась, потеряв случай для атаки. 12-ая флотилия описала полную циркуляцию и только в 12 ч. 20 м. ночи смогла опять лечь на S. Большая часть флотилии не нашла *Champion*'а и вступила в кильватер головному гарвичскому миноносцу *Lydiard*'у (кап. 2 р. Гольдсмит). *Unity* тоже встретился с *Lydiard*'ом и таким образом у Гольдсмита оказался отряд в тринадцать миноносцев, которых он и повел полным ходом на SW в надежде выйти на неприятельские линейные корабли [1]).

Гольдсмит не знал точного количества следующих за ним миноносцев, но курс, которым он шел, выводил его прямо в голову авангарда Шеера. После полуночного столкновения с остатками 4-ой флотилии, германский флот опять повернул на Horn Reefs и шел теперь курсом, составлявшим почти прямой угол с курсом *Lydiard*'а. В 12 ч. 25 м. ночи

---

[1]) *Lydiard*, *Liberty*, *Landrail* и *Laurel*—9-ой флотилии; *Morris*, *Termagant* и *Turbulent* 10-ой флотилии; *Nicator*, *Narborough*, *Nerissa* *Pelican*, *Petard*—13-ой флотилии; *Unity*—4-ой флотилии.

Lydiard пересек путь германских судов, но их не заметил. Однако, он прошел от них настолько близко, что четыре концевых миноносца заметили силуэты головных кораблей неприятельской колонны. Два передних проскочили вперед и уже не могли атаковать, но два задних оказались в лучшем положении. Один из них—*Petard*—неожиданно увидел в расстоянии 3 каб. идущую прямо на него черную массу и сразу опознал в ней неприятельский линейный корабль. Представлялся идеальный случай для торпедного выстрела, но из всех миноносцев как раз *Petard* израсходовал все торпеды и ему не оставалось ничего другого как кинуться вправо, чтобы не попасть под таранный удар. Неприятель мгновенно открыл освещение прожекторами и *Petard* увидел идущие в кильватер четыре линейные корабля—те самые, которые незадолго до этого были атакованы *Ardent*'ом. Осыпанный снарядами противоминной артиллерии *Petard* удачно выскочил из лучей прожектора и скрылся в темноте, получив сравнительно ничтожные повреждения, но следующий за ним *Turbulent* был разрезан пополам головным неприятельским кораблем.

На этом ночные торпедные атаки закончились. Несмотря на сосредоточение всех минных флотилий в арьергарде Гранд-Флита, адм. Шееру удалось до наступления рассвета пересечь струю неприятельского флота, при чем ни одно из его больших судов не пострадало [1]).

Минные флотилии оказались не в силах выполнить возложенную на них задачу; стратегический маневр, направленный к тому, чтобы преградить путь линейному флоту противника, не удался. Условия освещения и погоды были вполне благоприятны для торпедной атаки, тем не менее немецкие прожектора, светящиеся снаряды и противоминная артиллерия отразили наши миноносцы. „Порыва“ было проявлено много, но существует взгляд, что при другой организации службы миноносцев, командиры могли бы проявить больше инициативы. Если бы флотилии были разделены на более мелкие самостоятельные отряды, миноносцы достигли бы лучших результатов. Однако, не следует забывать, что при наличии большого числа таких отдельных отрядов увеличивались и шансы ошибок при опознании своих и неприятельских минных сил. Во всяком случае успех отражения торпедных атак, достигнутый германскими судами, превзошел все ожидания. За ночь погибло четыре английских миноносца и три были окончательно выведены из строя. Противник потерял два легких крейсера, но его линейный флот остался нетронутым.

---

[1]) См. схему 37 (d, e и f).

Германские миноносцы тоже не оправдали надежд своего главнокомандующего. „К удивлению и сожалению“, пишет Хаазе, „нашим миноносцам за всю ночь не удалось найти английских главных сил, хотя им была точно известна точка отшествия неприятельского флота“.

ГЛАВА XXI.

Ютландский бой. Последняя фаза. 1 июня.

В Северном море летняя ночь коротка. Через час с небольшим после того, как замерли звуки последних ночных боев, начинался рассвет. Адм. Джеллико должен был узнать, правильно ли было его решение. Наступающее утро должно было показать, повторятся ли великие события 1 июня, сделавшие бессмертным имя адм. Гоу, и не займет ли грядущий день еще более крупное место в морской истории. Сто двадцать два года тому назад Гоу и его командиры с таким же нетерпением ждали восхода солнца. Адм. Джеллико не менее Гоу имел основания верить, что его расчеты были правильны. Если Гоу был уверен, что увидит французов под ветром, то и Джеллико не сомневался, что находится между неприятелем и его базами и что так же, как и Гоу, будет в состоянии снова принудить неприятельский флот к бою.

Джеллико полагал увидеть противника к N-у.

Считая томительные минуты, остающиеся до восхода солнца, все ждали, что скажет рассвет. Мало кто сомневался, что он не оправдает надежд. Но не нашлось ни одного человека, который предугадал бы то, что случилось. Беспокойство внушала одна лишь погода. С наступлением темноты, мгла немного рассеялась, но затем снова сгустилась, и задувший ветер не сулил ясного летнего дня. Рассыпанные в районе боя поврежденные суда начинали терпеть от подымающейся волны. *Sparrowhawk* со срезанным форштевнем продолжал оставаться на плаву. *Tipperary* тоже еще не утонул, однако его последние минуты уже наступили. *Porpoise* и *Spitfire* могли держать пары и не лишились возможности двигаться, но *Ardent* и *Fortune* погибли. Все флотилии, принимавшие участие в ночных атаках, растянулись и у большинства из них не осталось больше торпед. Противник в это время покидал тонущий флагманский крейсер Хиппера—*Лютцов* и пострадавшие ночью *Росток* и *Эльбинг*.

Из всех флотилий могла еще преградить путь германскому флоту только одна 12 флотилия. Поворот *Champion*'а увлек ее сначала к Ost'у, а затем и к N-у, в результате чего она оказалась почти в 30 милях на NNO. от наших главных сил. Таким образом, когда флотилия пошла на S, она непременно должна была встретиться с неприятель-

скими эскадрами. Командир лидера *Faulknor* кап. 1 р. Стирлинг вел 1-ую флотилию. На правой раковине *Faulknor*'а шел 1 дивизион в составе *Obedient*, *Mindful*, *Marvel* и *Onslaught*, а на левой—второй дивизион—*Maenad*, *Narwhal*, *Nessus* и *Noble*. За кормой шли миноносцы 2-ой полуфлотилии—*Opal*, *Menace*, *Munster* и *Mary Rose* во главе с лидером *Marksman* (кап. 2 р. Сюлливан). Итак, не считая двух лидеров, в распоряжении кап. 1 р. Стирлинга находилось 12 самых новых 34-узловых миноносцев, вооруженных четырьмя торпедными аппаратами [1]). К Ost'у от *Faulknor* находился *Champion* с двумя последовавшими за ним миноносцами—*Obdurate* и *Moresby*. Курсы *Champion*'а и 12-ой флотилии сходились с курсом неприятеля [2]).

В 1 ч. 45 м., как только начал светлеть горизонт, командир *Faulknor*'а заметил справа по носу темную линию больших судов, идущих SO-ым курсом. Мгла и темнота не позволили сразу определить, какие именно это суда, но как только расстояние немного уменьшилось, Стирлинг опознал в них германские дредноуты. Не сомневаясь больше, что перед ним не английские корабли, он лег на параллельный противнику курс и послал в атаку *Obedient*'а (кап. 2 р. Кэмпбелль) с 1-ым дивизионом. Одновременно он увеличил ход до 25 узлов и сделал радио главнокомандующему, сообщая, что видит неприятельские линейные корабли. О судьбе этого радио мы скажем впоследствии.

Не успел Кэмпбелль с *Marvel*'ем и *Onslaught*'ом развить полный ход, как потерял противника из виду. Уклоняясь от атаки, немцы повернули „вдруг" на 6 R и скрылись. Стирлинг приказал 1 дивизиону вступить ему в кильватер и не сомневаясь, что неприятельский флот снова ляжет на прежний курс, бросился полным ходом на SO, чтобы атаковать его с носу. Через десять минут он повернул на 16 R и не ошибся. Почти сразу же противник вновь появился слева по носу. Головными шли шесть линейных кораблей типа „Кайзер", а за ними „Дейтчланды". Положение для атаки было исключительно благоприятное. Мгла в значительной степени скрывала миноносцы, при чем было настолько светло, что противник не мог уже пользоваться прожекторами. *Faulknor* выпустил две торпеды—одну в первый и одну во второй неприятельские корабли. *Obedient* тоже выпустил две торпеды, а *Marvel* и *Onslaught* по четыре. *Mindful* вследствие неисправности котлов не мог развить максимального хода и не последовал за остальными миноносцами, а еще до поворота *Faulknor*'а на SO, пошел прямо на противника. Но его лихой маневр не удался. Атакующие с носа миноносцы

---

[1]) Два двойных. *Ред.*
[2]) См. схему 37 (g и h).

закрыли цель и ему не пришлось сделать торпедного выстрела.

Неприятель встретил атаку сильнейшим огнем не только с линейных кораблей, но и с трех крейсеров, шедших в хвосте колонны, которые сначала погнались за *Faulknor*'ом, а затем повернули и обрушились на миноносцы. Обстрел был настолько меткий и жаркий, что миноносцы не могли судить о результатах своей атаки. Они только слышали шум ужасного взрыва, после которого один из неприятельских кораблей, занимавший место в середине колонны, исчез. Благодаря своевременно выпущенной дымовой завесе, все миноносцы, кроме концевого *Onslaught*'а избежали попаданий. В *Onslaught* снаряд попал в мостик, убил командира и старшего офицера. Исчезнувший немецкий корабль был *Поммерн*, который от попавшей торпеды разлетелся буквально на атомы. С какой частью неприятельского флота столкнулись миноносцы—было трудно сказать, т. к. среди атакованной эскадры были и дредноуты и корабли додредноутского типа. Но во всяком случае это был арьергард. Линейные крейсера шли позади, а авангард уже миновал нашу флотилию. Вследствие предыдущих ночных атак походный строй германского флота нарушился. Уклоняясь от торпед, суда выходили из боевой линии, описывали циркуляции и затем уже вступали в строй „по способности". Благодаря этому за ночь перепутались даже эскадры [1]) и Флот Открытого моря находился в самом неблагоприятном состоянии для возобновления боя.

До плавучего маяка Horn Reefs оставалось еще около 1 миль, с каждой минутой становилось все светлее ерманские моряки с тревогой искали по всему горизонту ротивника. Но несмотря на значение каждой пройденной мили, германский флот не мог остаться на курсе и был вынужден отвернуть от атаки *Faulknor*'а и 1-го дивизиона 12-ой флотилии. Из-за поворота немцы потеряли некоторое количество пространства, но зато избежали атаки остальной части флотилии. Миноносец *Maenad*—головной 1-го дивизиона (*Narwhal*, *Nessus* и *Noble*)—повел свой дивизион за 1-ым дивизионом, но, полагая, что Стирлинг хочет сблизиться с противником и атаковать его с правой стороны, повернул аппарат на правый борт, в результате чего в нужную минуту оказался неготовым для выстрела. Однако, он продолжал лететь вперед, пока не смог выпустить одну торпеду с левого борта. Затем, переведя оба аппарата на правый борт, он повернул на 16 R и пошел в атаку самостоятельно, сблизившись с немецкими судами до 25 каб. Положение для атаки было, конечно, неблагоприятное,

[1]) Хаазе. *Kiel und Jutland*, стр. 220.

и смелая попытка неудалась. Ни одна торпеда не попала. *Narwhal* тоже выпустил две торпеды с левого борта, но столь же неудачно. Остальные миноносцы 2-го дивизиона не смогли атаковать вовсе. Что же касается 3-го дивизиона, то его отогнали неприятельские крейсера. Лидер дивизиона *Marksman* отделился и скрылся, а следующий за ним *Opal*, как только подошли немецкие крейсера, повернул на S и повел дивизион вслед за английскими главными силами, вместе с присоединившимися к нему миноносцами дивизиона *Maenad*'а.

Тем временем, спускавшийся с N-а вместе с миноносцами *Obdurate* и *Moresby* легкий крейсер *Champion*, услышав выстрелы, в 2 ч. 15 м. повернул к W-у на звуки стрельбы. На новом курсе он скоро встретился с *Marksman*'ом, который и вступил ему в кильватер (2 ч. 25 м.). В этот момент с S-а показались какие-то суда. На запрос *Marksman*'а—свои ли это или неприятельские—*Champion* ответил—„я думаю, что немецкие". Некоторое время *Champion* продолжал идти на сближение, но затем в 2 ч. 34 м. по какой-то причине начал склоняться к Ost-у. Поворот был сделан слишком рано, т. к. немцы как раз снова легли на генеральный курс и концевой миноносец *Moresby* ненадолго увидел в расстоянии с 20 каб. на W идущие полным ходом четыре „Дейтчланда".

„Я поднял сигнал, указывающий, что неприятель от меня на W", писал командир *Moresby*, „вышел из строя влево и выстрелил торпедой". На миноносце оставалась только одна торпеда, но как только он повернул на присоединение к своему дивизиону, раздался взрыв. Сомнений не было, торпеда попала, однако, не в линейный корабль, а в один из находящихся при эскадре миноносцев—*V-4*. Обе концевые эскадры Шеера прошли нетронутыми вслед за своими главными силами. Между Флотом Открытого моря и его базами не оставалось больше ни одного судна Гранд-Флита.

Атакой *Moresby* закончился Ютландский бой. Но Джеллико еще не оставил надежду нанести тот удар, который не смог обрушиться на немцев сразу после развертывания. По несчастью радио, отправленное командиром *Faulknor*'а перед его атакой в 1 ч. 52 м., не было принято на *Iron Duke*.

Двадцать минут спустя, когда неприятель вторично повернул, с *Faulknor*'а было сделано новое радио: „Неприятель", телеграфировал кап. I р. Стирлинг, „идет курсом SSW", т.-е. почти что на встречу *Iron Duke*'а. Оба радио были повторены, но ни одно из них флагманский корабль адм. Джеллико не принял. С 11 ч. 30 м. главнокомандующий не имел никаких сообщений о противнике ни от своих крейсеров, ни из Лондона. Вплоть до этого времени все

указания сводились к тому, что адм. Шеер находится к N-у от Гранд-Флита и идет S-ым курсом. А следовательно, как только начнет светать, или *Iron Duke* или *Lion* увидят противника. Но, конечно, обстановка продолжала оставаться гадательной. Около 2-х часов ночи Джеллико решил, что, повернув через полчаса, т.-е. в момент наступления полного рассвета, на обратный курс, он скорее всего восстановит соприкосновение с неприятелем. В 2 ч. 30 м. ночи с *Iron Duke*'а был сделан сигнал с приказанием повернуть на N и быть в строе одной кильватерной колонны согласно „походного ордера № 5“ [1]).

Битти со своей стороны полагал, что германский флот находится к W-у от него, и считал своей обязанностью „не дать возможности противнику достигнуть своей базы; обогнув южный фланг наших сил“. „В мои намерения“, писал 12 июня адм. Битти в своем отчете о бое, „входило испросить разрешение произвести с рассветом поиск на SW, но приняв радио о том, что главнокомандующий поворачивает на N и приказывает мне следовать его движению, я пошел в указанном направлении“. В это время германский флот находился в тридцати милях на NO от *Iron Duke*'а и в расстоянии лишь часового перехода до Horn Reefs. Сильно отставшая дивизия адм. Бернея шла в двенадцати милях позади своего места, и в 15 милях от неприятельского авангарда, но переборки *Marlborough* начинали сдавать и Берней уведомил главнокомандующего, что он не рискует давать больше 12 узлов. Адм. Джеллико уже ночью знал, что *Marlborough* с его дивизией отстают; с рассветом же он получил донесение от младшего флагмана 1-ой эскадры адм. Гаунта (*Colossus*), что Гаунт потерял связь с командующим эскадрой. Таким образом, главнокомандующий оказался лишенным целой дивизии линейных кораблей. *Marlborough* вышел из строя. С первыми лучами рассвета, обнаружив легкий крейсер *Fearless*, потерявший связь с 1-ой минной флотилией, следовавшей за дивизией, в 2 ч. 21 м. Берней потребовал *Fearless* к себе и перенес свой флаг сначала на него, а затем на *Revenge*. После чего по указанию главнокомандующего он отправил *Fearless* для конвоирования *Marlborough* в порт, а сам с *Hercules*'ом и *Agincourt*'ом отправился на присоединение к идущим на N главным силам. Курс, которым шел теперь Гранд-Флит, не вел на Horn Reefs, хотя мы знали, что главнокомандующий, решив идти ночью на S, намеревался с рассветом приблизиться к Horn Reefs, если к этому времени он не обнаружит

[1]) 2-я эскадра линейных кораблей шла головной, за ней 4-ая эскадра, а затем 1-ая эскадра. Когда подошла 5 эскадра, она заняла место впереди 2-ой эскадры.

неприятеля. Сосредоточивая все миноносцы в 5 милях позади арьергарда, адм. Джеллико рассчитывал, что утром ему не составит труда войти в соприкосновение, если не со всем неприятельским флотом, то во всяком случае с частью его. Однако, смелый прорыв Шеера через наши минные флотилии опрокинул все планы. Во время отчаянных ночных атак миноносцы оказались рассеянными далеко, а вести линейный флот в воды противника без охраны крейсеров и миноносцев явно противоречило всем принципам тактики. Наилучшее, что мог сделать Джеллико, это следовать на N, пока не соберутся его легкие силы.

Строй одной кильватерной колонны тоже был связан с немалым риском, но главнокомандующий все еще надеялся, что он находится между неприятелем и его базами. Германский флот мог появиться каждую минуту, а т. к. погода предвещала туманное утро и видимость была не более —4 миль, надо было быть готовым к немедленной встрече.

„Поэтому", говорит Джеллико, „я счел правильным пренебречь опасностью от подводных лодок, которой подвергались корабли, следуя в одной длинной колонне, и решил немедленно построиться в боевой порядок на случай, если неприятель появится раньше, чем я смогу войти в соприкосновение с моими крейсерами и миноносцами" [1]).

В 2 ч. 39 м. *King George V* повернул вправо и главнокомандующий в боевом порядке пошел на N в поисках легких крейсеров и минных флотилий.

Эскадра адм. Эван-Томаса шла в двух милях впереди, а три корабля адм. Бернея, которые все еще находились за горизонтом—на правом крамболе *Iron Duke*'а.

Ни крейсеров, ни миноносцев нигде не было видно, равно как и не наблюдалось никаких признаков отряда Тирвита. Суда Тирвита все еще стояли на своих бочках, т. к. Адмиралтейство, руководствуясь имевшимися в его распоряжении сведениями, не могло еще быть уверенным, что при Шеере находятся все суда Флота Открытого моря. Другими словами, не исключалась еще возможность набега на южный район. Во всяком случае задержка в высылке Тирвита не могла иметь значения. Если бы даже Тирвит и получил разрешение выйти в 5 ч. дня накануне, т.-е. тогда, когда в Лондоне получили радио—„эскадренный бой неминуем", все равно он не успел бы соединиться с Гранд-Флитом раньше 4-х часов утра.

К моменту прихода он израсходовал бы весь запас топлива на миноносцах и кроме того, как будет видно ниже, уже не успел бы повлиять на обстановку.

---

[1]) *Jutland Despatches* стр. 26.

Около получаса Джеллико шел на N и за это время не получил ни одного сообщения, могущего пролить луч света на вопрос, где находятся главные силы немцев. Мгла все сильнее затягивала горизонт и шансы встретить противника все падали. Около 3 ч. утра главнокомандующий получил радио Адмиралтейства, в котором сообщалось о выходе германских подводных лодок и что в полночь поврежденное неприятельское судно, вероятно,—*Лютцов*—находилось в широте 56°26′N и долготе 5°41′Ost, идущее со скоростью 7 узлов [1]). Как только это сообщение было передано адм. Джерраму с приказанием смотреть, не покажется ли по носу поврежденный немецкий крейсер, на WSW послышалась постепенно усиливающаяся канонада. Звуки выстрелов могли означать, что Битти столкнулся с противником, и главнокомандующий в 3 ч. 42 м. повернул по направлению канонады, заняв место в голове флота. Но, увы, противника не было. Появился лишь германский цеппелин, которого и обстреливал *Indomitable* и несколько легких крейсеров 3-ей эскадры.

Через 10 м. Гранд-Флит перестроился снова в одну кильватерную колонну, имея впереди эскадру адм. Джеррама и опять лег на N. Надежды снова вступить в бой, не собрав предварительно миноносцев, оставалось мало. К этому времени Джеллико уже знал, что гарвичский отряд не успеет оказать нужной ему помощи. Вскоре после трех часов, когда всякие опасения набега на южный район отпали, Адмиралтейство приказало Тирвиту выходить в море и в 3 ч. 20 м. отправило на *Iron Duke* радио с сообщением, что из Гарвича отправляются пять легких крейсеров и 13 миноносцев в точку рандеву, находящуюся поблизости от места Гранд-Флита (φ 55°30′N; *l* 5°Ost), для замены судов, у которых приходит к концу топливо.

Хотя в действительности Тирвит в 3 ч. 50 м. вышел с пятью крейсерами, двумя лидерами и шестнадцатью миноносцами, однако, этот мощный отряд не мог уже иметь теперь никакого значения, даже если бы он и прибыл по назначению за час до своего выхода из Гарвича. Адмиралу Джеллико оставалось только как можно скорее найти свои собственные минные флотилии и он продолжал подвигаться в северном направлении. Вскоре появился новый неприятельский воздушный корабль, который в течение трех минут обстреливался всем линейным флотом, но т. к. он держался очень высоко, то избег попаданий и скрылся.

---

[1]) Радио было отправлено из Лондона в 1 ч. 48. м. и получено на *Iron Duke*'е в 2 ч. 40 м. *Lion* принял его от главнокомандующего в 3 ч. 40 м., а через *New Zealand* в 4 ч. 10 м.

Становилось очевидным, что противник должен знать место Гранд-Флита. Джеллико же оставался в полном неведении о местонахождении Флота Открытого моря, все еще не получая никаких сведений от своих легких сил. Правда, кап. 1 р. Стирлинг с частью 12 флотилии только что вошел в соприкосновение с дивизией адм. Бернея и донес о своем удачном столкновении с германскими линейными кораблями. Главнокомандующий еще не знал об этом, когда в 4 ч. 15 м. получил ошеломляющее сообщение из Лондона. Адмиралтейство телеграфировало, что в 2 ч. 30 м. германские главные силы находились только в 16 милях от плавучего маяка Horn Reefs и шли 16-узловым ходом на SOtS [1]). Для Джеллико не оставалось больше никаких иллюзий. Битти, который, возможно, не получил еще сообщения Адмиралтейства, продолжал оставаться при своем убеждении. Считая, очевидно, что поиск в N-ом направлении ошибочен, он в 4 ч. 4 м. отправил главнокомандующему радио (которое неприятельский цеппелин старательно перебивал), указывая, что неприятель в последний раз был виден на W, медленно движущийся на SW и просил разрешения пройти в этом направлении [2]). Главнокомандующий, будучи лучше осведомлен об обстановке, не согласился на это и адм. Битти был вынужден удовлетвориться высылкой к W-у дозора своих легких крейсеров с приказанием тщательно сохранять с ним визуальную связь при посредстве репетичных судов.

Затем, не желая признать, что противник выскользнул у нас между пальцами, он, чтобы подбодрить людей, сделал следующий сигнал:—„Вчера обе стороны пострадали одинаково тяжело. Сегодня мы надеемся отрезать неприятеля и уничтожить весь германский флот. Каждый должен сделать все, что только может“.

Главнокомандующий не имел подобных надежд. Он отлично понимал горькую истину и ясно видел, что нет никакой возможности вернуть тот счастливый час, который представился тогда, когда он впервые поймал врасплох своего противника. Пользуясь мглой, искусный и ловкий противник сумел спастись. В 4 ч. 30 м. утра дивизии Гранд-Флита уже ворочали, выстраиваясь в походный порядок. Не успел флот вытянуться на N-ом курсе, как левофланговая дивизия увидела показавшийся отряд линейных крейсеров, и главнокомандующий сделал адм. Битти сигнал: „Неприятельский флот возвратился“.

---

[1]) Радио было отправлено в 3 ч. 29 м. утра, получено на *Iron Duke* в 3 ч. 55 м. утра.

[2]) Радио Адмиралтейства было передано на *Lion* с *New Zealand* в 3 ч. 54 м. у. Битти отправил свое радио с просьбой произвести поиск на SW в 3 ч. 50 м. *Iron Duke* принял его в 4 ч. 4 м.

Джеллико был прав. В 3 ч. 30 м. Флот Открытого моря подошел к Horn Reefs. С наступлением рассвета взоры немцев с тревогой искали Гранд-Флита. Становилось все светлее и светлее, но на мглистом горизонте не было видно никаких английских судов. Адмирал Шеер уже знал, что высланные по его просьбе пять воздушных кораблей несут дозор мористее флота и решил задержаться с целью прикрыть отход двух потерявших с ним связь линейных крейсеров [1]). Один из них, *Зейдлиц*, находился неподалеку и медленно приближался, но был в таком состоянии, что никто не мог сказать, долго ли смогут выдержать переборки. Другой — флагманский крейсер адмирала Хиппера *Лютцов* — вызывал еще большее беспокойство.

Когда Адмиралтейство сообщило Джеллико место *Лютцова*, он находился почти в ста милях на WNW от Horn Reefs и так сел носом, что почти не подвигался вперед. Наконец носовая часть настолько погрузилась, что винты вышли из воды, и в 2 часа было решено его оставить. Находившиеся при крейсере четыре миноносца сняли команду и затем один из них утопил *Лютцов* торпедой.

Шеер узнал о судьбе *Лютцова* лишь в 3 ч. 30 м. и он пишет: „Мне не составило никакого труда вывести заключение. От N-а не показывались даже легкие силы противника и поэтому было очевидно, что неприятель отходит“ [1]). Подобное заявление можно рассматривать только как весьма понятное желание смягчить перед общественным мнением нежелательное впечатление от факта отступления германского флота перед лицом врага. О том, что было в действительности, он достаточно откровенно говорит в другом месте.

В 2 часа ночи ближайший к N-у цеппелин донес, что он обнаружил флотилию неприятельских миноносцев и шесть подлодок в 50-ти милях на W от Bovbjerg, т.-е. в 60 милях к северу от Horn Reefs. Миноносцы открыли огонь по цеппелину, а он сбросил на них бомбы. Но т. к. ближайший из наших миноносцев находился в это время в тридцати милях к S-у от показанного места, надо думать, что цеппелин атаковал одну из тех германских флотилий, которых английские миноносцы принудили уходить через Скагеррак. Нависший низко над морем густой туман, конечно, вполне оправдывал ошибку, но воздушный дозор немцев вскоре снова ошибся. Продолжая разведку на N, до высоты Скагеррака, цеппелин донес, что видел на побережьи Дании, в заливе Jammersbucht, группу из двенадцати больших линейных кораблей и многочисленных крейсеров, идущих

[1]) См. Шеер стр. 163—4. В донесении командира цеппелина *L*-11 говорится, что *L*-11 был один из пяти воздушных кораблей, высланных для «охраны фланга Флота Открытого моря».

полным ходом на юг и только из-за облаков потерял их из виду.

Возможно, что призрак, замеченный немецким воздушным кораблем, был конвой коммерческих пароходов, но во всяком случае это не были английские боевые суда. Однако донесение пошло своим порядком и должно было достигнуть Шеера в тот момент, когда он остановился у Horn Reefs. Одновременно он получил еще одно сообщение воздушной разведки от цеппелина *L-11*, на этот раз более точное. В 3 часа утра *L-11* увидел много дыма на полпути между Horn Reefs и Tershelling'ом и через десять минут донес Шееру о том, что в тумане было принято за двенадцать линейных кораблей и много крейсеров. Обнаруженные *L-11* неприятельские суда открыли по нему сильный огонь и цеппелин был вынужден скрыться к Ost'у. Это были линейные крейсера Битти, спешившие на присоединение к главнокомандующему, но Шеер, получив донесение, сделал из него совершенно неверный вывод. Он решил, что замеченные *L*-11 суда представляют собой какой-то новый английский отряд, который, получив сведения о бое, „только что вышел из Канала на присоединение к Гранд-Флиту и идет прямо на нас". Считаясь с тем фактом, что *L-24* сообщил о замеченных столь далеко к N-у (в заливе Jammersbucht) двенадцати линейных кораблях, вывод Шеера понятен, но его слова об „отходе" противника совершенно не вяжутся с опасением появления новых отрядов от N-а и S-а, направляющихся к нему полным ходом. Во всяком случае поступки Шеера противоречат его утверждению.

Стоя у Horn Reefs, он, повидимому, запросил своих флагманов о состоянии их отрядов. „Донесения, полученные с линейных крейсеров", пишет Шеер, „показали, что первая разведочная группа не может вести серьезного боя. Головные корабли третьей эскадры (дредноуты типа „Кениг") тоже значительно пострадали. Из быстроходных легких крейсеров в моем распоряжении остались только *Франкфурт*, *Пиллау* и *Регенсбург*, а из-за дурной видимости нельзя было рассчитывать на воздушную разведку. Поэтому было невозможно пытаться возобновить бой с появившимся на юге противником. В случае столкновения результаты были бы сомнительны. На этом основании я решил прекратить дальнейшие операции и приказал возвращаться".

Приведенные слова достаточно ясно рисуют причину, заставившую Шеера предоставить „поле сражения" противнику, но в настоящее время известны еще и другие подробности.

---

[1]) См. Шеер стр. 154.

В 3 ч. 24 м., т.-е. через несколько минут после получения донесения от *L-11* о появлении неприятельских сил от S-а, Шеер приказал линейным кораблям идти в порт. Четверть часа спустя, кружившийся в Ost-ом направлении *L-11* сделал радио—„Шесть больших линейных кораблей идут N-ым курсом". Замеченные суда были головные корабли наших главных сил. В момент их обнаружения цеппелином они повернули по дивизиям к W-у по направлению звука выстрелов крейсеров Битти, еще продолжавших его обстрел. Незадолго до последнего донесения воздушной разведки Шеер начал перестраивать свои эскадры, готовясь возвращаться. Пока шел маневр, *L-11* продолжал поддерживать соприкосновение с последней замеченной им неприятельской эскадрой, находившейся ближе к Флоту Открытого моря, чем обнаруженная им раньше. Однако, он очень скоро заметил третью по счету эскадру, показавшуюся еще ближе. На этот раз цеппелин увидел дивизию адм. Бернея, которая, следуя движению главнокомандующего, шла к W-у. В это время к Бернею присоединялся *Faulknor* с *Obedient*'ом и *Marvel*'ем и *L-11* донес, что видит по пеленгу NO, между собой и германским флотом три линейных крейсера и четыре легких крейсера или миноносца.

Донесение было получено Шеером в 3 ч. 50 м. утра, а уже в 3 ч. 54 м. на его флагманском корабле развивался сигнал: „Курс SO, следовать к Ost-у от банки Amrum".

Невозможность проследить с точностью до минуты время получения германским главнокомандующим донесения цеппелина не позволяет нам сказать наверное, в какой непосредственной связи находилось сообщение *L-11* с принятым решением Шеера. Но сделанный им на основании установленных фактов общий вывод достаточно ясен.

Достигнув Horn Reefs, Шеер пришел к заключению, что его флот настолько пострадал накануне, что не в состоянии возобновить эскадренного боя. В момент принятия решения возвращаться в базу, или же через минуту-другую после этого, он узнал, что не менее трех сильных английских отрядов замечены к W-у. Их маневрирование могло только привести к мысли, выражаясь словами Шеера, что они сосредоточиваются для того, чтобы „идти прямо на нас". Никаких признаков, указывающих на „отход" противника не было, при чем положение Шеера было очень тяжелое. Легкие крейсера отсутствовали, туман мешал доверять воздушной разведке и налицо были все шансы оказаться застигнутым врасплох подавляющими силами противника. При таких обстоятельствах нельзя было рисковать и оставалось только одно—уходить, что он и сделал.

Осудить Шеера за принятое им решение никто не может, хотя он и уклонился от встречи с противником, который

явно искал боя, и оставил „поле сражения“ непобежденному врагу. Встретившись неожиданно со всем Гранд-Флитом, он с большим искусством „вытащил шею из готовой затянуться петли“ и проявленные им смелость и искусство говорили достаточно за то, чтобы имя его вошло в историю наравне с именами других крупных флотоводцев.

Однако, германский флот далеко еще не был в безопасности. Прямо по курсу, которым флот шел в протраленный проход к Ost-у от банки Amrum, находились три наши лодки, а за ними новые минные заграждения, поставленные *Abdiel*'ем.

E-55, *E-26* и *D-1* только что заняли назначенную им по плану 28 мая позицию, которая была признана ненужной, когда стало известным о выходе немцев. Позиция вполне отвечала создавшейся в описываемый момент обстановке. Но по несчастью, согласно инструкций, предусмотренных отмененным планом 28 мая, лодки должны были оставаться на грунте до 2 июня. Имея такие приказания, лодки 30 мая вышли из Гарвича, совершенно не зная об изменившихся обстоятельствах.

В результате они спокойно лежали на дне, когда над их головами проходил германский флот, ничего не подозревавший об опасности, которой он миновал столь необычайным образом.

Тем не менее немцы все еще „не выбрались из леса“ Предстояло еще пройти поставленное *Abdiel*'ем заграждение и только чудо могло спасти от крупных бед. Идя генеральным курсом SO 9° от точки, отстоящей на 15 миль на SW от плавучего маяка Vyl, и зигзагируя, *Abdiel* поставил сорок мин, по десять на миле, а затем, повернув на SW 34°, таким же способом поставил еще сорок. К 2 ч. 4 м. ночи операция была закончена и *Abdiel* 30-узловым ходом ушел на N. Насколько можно было судить, *Abdiel* остался необнаруженным. Правда, он заметил огни трех рыбачьих судов, но ночь выдалась очень темная. Шел сильный дождь и командир считал, что его видеть не могли и во всяком случае не заметили, что именно делал миноносец. Кроме последнего заграждения имелось еще одно, поставленное *Abdiel*'ем 4 мая, или по крайней мере его невытраленные остатки. Ширина фарватера между обоими минными полями не превышала двенадцати миль. Шеер не имел никаких причин подозревать о приготовленной западне, но, конечно, принял обычные меры предосторожности. 4-ая разведочная группа шла впереди, а все наличные миноносцы образовали противолодочную завесу. Одна только предусмотрительность вряд ли спасла бы германский флот от тяжелых потерь, но счастье, заслуженное смелым адмиралом, его не оставило.

Спускаясь от NW'а, Шеер прошел как раз между маяком и новым заграждением. Но все таки не вполне благополучно. В 5 ч. 30 м. послышался сильный взрыв в голове 1-ой эскадры линейных кораблей. *Остфрисланд* наткнулся на одну из мин, поставленных *Abdiel*'ем 4 мая, но причина взрыва по началу была неясна противнику. О наличии в этом районе заграждения немцы ничего не знали. „Несколько подводных атак", пишет Шеер, „произведенных на главные силы во время возвращения, не имели никакого успеха". Но мы знаем, что эти атаки были не более, как плод нервного возбуждения. После того, как беспокойство улеглось, Шеер поднял сигнал: „Следовать дальше" и, несмотря на полученное повреждение, *Остфрисланд* оказался в состоянии выполнить сигнал. Хотя наши лодки насчитали одиннадцать взрывов, следовавших один за другим вплоть до 5 часов 30 минут утра, нет никаких причин приписывать слышанные ими звуки взрывам мин. Вернее всего звуки взрывов объясняются той граничавшей с паникой стрельбой, которую производил Флот Открытого моря. Один из спасенных немецкими миноносцами наших офицеров показал, что судно, на котором он находился, открыло бешеный огонь по несуществующим английским лодкам. Кроме того известно, что вскоре после взрыва *Остфрисланда* легкий крейсер *Штеттин* сделал сигнал, что его обстреливает одна из немецких линейных эскадр.

В 6 ч. 30 м. все большие германские суда находились „вне досягаемости". Только *Кениг*, принявший много воды, и *Зейдлиц*, подходивший в очень опасном положении, должны были ждать три часа прилива, чтобы пройти у банки Amrum [1]).

В течение всего этого времени адм. Джеллико искал в районе Horn Reefs следующие в базу поврежденные неприятельские суда. Он еще не терял надежды их найти, т. к. знал, что *Лютцов* был оставлен позади.

Как мы знаем, в 4 ч. 30 м. он перестроил флот в походный порядок, преследуя двоякую цель. Во-первых, для того, чтобы уменьшить риск от подводных атак и, во-вторых, чтобы искать немецкие суда на более широком фронте. Перестроение флота еще не было закончено, как командир легкого крейсера *Dublin* донес, что видит неприятельский крейсер с двумя миноносцами. *Dublin* ночью потерял связь с эскадрой Гуденеффа и шел теперь N-ым курсом. Место, показанное *Dublin*'ом, находилось в 15 милях на Ost от *Iron Duke*'а, но оно было дано лишь приблизительно, т. к. штур-

[1]) Через 36 часов после прохода главных сил *Зейдлиц* добрался до Яде, где и приткнулся у входа к берегу.

манский офицер был убит, а рубка с картами разбита. Надо думать, что фактически *Dublin* находился значительно ближе к Horn Reefs.

Вскоре после того, как Шеер узнал, что *Лютцов* потоплен и что четыре миноносца, переполненные спасенной командой, следуют на присоединение к флоту, было принято радио с сообщением, что у одного из миноносцев произошла авария машин и что его ведут на буксире. Коммодор Хейнрих, державший брейд-вымпел на крейсере *Регенсбург*, немедленно повернул на помощь, „не думая о том", пишет Шеер, „что он может встретиться с подавляющими силами англичан". Такое заявление германского главнокомандующего мало соответствует высказанному им мнению об „отходе противника". Миноносцы, кроме того, доносили, что они дважды встречали неприятельские крейсера и миноносцы, при чем каждый раз атаковали и теперь благополучно следуют к Гельголанду. При второй встрече *G-40* был выведен из строя, повидимому, при стычке с *Champion*'ом и находившимися при нем миноносцами.

В 3 ч. 30 м. ночи *Champion* с *Obdurate*, *Moresby*, *Marksman* и *Maenad*, идя на NNW, заметили следующие контр-курсом четыре неприятельских миноносца и открыли по ним огонь. Противник не „ходил в атаку", как говорится в немецких источниках, а, прибавив ходу, скрылся во мгле. *Champion* продолжал идти дальше. Когда же *Dublin* не надолго заметил неясные очертания *Регенсбурга*, то последний уже соединился с миноносцами, на которых находилась команда *Лютцова*. К этому времени туман настолько сгустился, что повернувший по направлению к *Регенсбургу Dublin* сразу потерял его из вида.

Донесение командира *Dublin*'а не повлияло на решение главнокомандующего. Он продолжал идти на N, высматривая, не покажутся ли на горизонте пострадавшие суда немцев. Адм. Битти, который разлучился со своими миноносцами, тоже принял радио *Dublin*'а. Когда в 5 ч. 15 м. он вошел в визуальную связь с *Iron Duke*'ом, то предложил произвести поиск на S и Ost, чтобы постараться обнаружить крейсер (по его мнению—*Лютцов*)—замеченный *Dublin*'ом. Получив разрешение, Битти в 5 ч. 40 м. повернул на SO. Пройдя полчаса новым курсом и не обнаружив ничего, он лег на S. В 6 часов утра адм. Джеллико несколько уклонился к SO'у и вскоре получил радио Адмиралтейства, что поврежденный неприятельский легкий крейсер, о котором сообщалось в 4 ч. 30 м., все еще держится на плаву и должен находиться прямо по курсу Гранд-Флита. Однако, ничего обнаружено не было.

В 7 ч. утра Битти донес, что если через полчаса он не обнаружит никаких неприятельских судов, то предполагает

пройти на NO. Ответ главнокомандующего ставил в известность командующего линейными крейсерами о заграждении, выставленном *Abdiel*'ем, при чем адм. Джеллико сообщал, что предполагает произвести поиск на N и предлагает адм. Битти держаться к Ost-у от главных сил.

В 7 ч. 16 м. Гранд-Флит повернул на север. 5-ая эскадра линейных кораблей, составлявшая право-фланговую колонну, находилась в это время в тридцати милях на WNW от маяка Horn Reefs. Через четверть часа Битти повернул обратно и лег на NNO. Вероятно вследствие ошибки в счислении он остался на новом курсе недостаточно долго для того, чтобы выполнить инструкции главнокомандующего, и в 8 часов, находясь в тридцати милях позади *Iron Duke*'а, повернул на W.

Идя на север, наш линейный флот вскоре вошел в тот район, из которого ночью выскользнули немцы. Масляные пятна, плавающие буйки, спасательные пояса и трупы говорили о жарких ночных атаках миноносцев. Еще дальше к N-у, окутанные густой серой пеленой тумана, шли подбитые суда. *Sparrowhawk*, со срезанным ахтерштевнем мог медленно двигаться только на W. В 2 ч. ночи команда беспомощного миноносца заметила медленно выходящий из тумана силуэт большого судна, оказавшийся затем трехтрубным немецким крейсером. Прошло десять томительных минут, как вдруг крейсер, как бы по волшебству, начал быстро погружаться и скрылся под водой.

Кто именно погиб в этот момент—сказать наверное нельзя, но возможно, что—*Росток*. Крейсер был выведен из строя во время одной из ночных атак и тонул, но командир не решался его бросить. Однако, судя по германским отчетам, *Росток* затонул значительно позже и значительно южнее места *Sparrowhawk*'а. Другой немецкий крейсер, затонувший ночью,—*Эльбинг*—находился ближе к *Sparrowhawk*'у. Шеер в донесении о бое указывал, что *Эльбинг*, столкнувшись с *Позеном*, был оставлен как раз тогда, когда *Sparrowhawk* ожидал решение своей участи. После исчезновения немецкого крейсера, *Sparrowhawk* в течение часа оставался один. Заметив подводную лодку, командир приготовил к бою уцелевшее орудие, но тревога оказалась ложной. То, что было принято за лодку, оказалось плотом с державшейся на нем уцелевшей командой *Tipperary*. Только через час удалось сблизиться с плотом и снять всех людей. Вскоре показались *Dublin* и *Marksman*. Последний пытался буксировать *Sparrowhawk*, но никакие усилия не могли спасти миноносца. В 8 ч. 45 м., когда подошла дивизия Бернея, адмирал приказал утопить его артиллерийским огнем. Другой из поврежденных миноносцев—*Acasta* продолжал еще держаться на плаву, но запас нефти кончался. Его взял на буксир подо-

шедший *Nonsuch*. *Marksman* обнаружил на плавающих обломках *Ardent*'а его командира, а *Obdurate*—двух матросов. Все они пробыли в воде пять часов. Около 5 ч. утра *Maenad* снял с плота десять человек команды *Fortune*. *Porpoise* под конвоем *Garland*'а дошел в Тайн, куда самостоятельно добрался и *Spitfire*.

Все линейные корабли, за исключением 6-ой дивизии и *Marlborough* с *Warspite*'ом держались на своих местах в строю. *Marlborough* с *Fearless*'ом, малым ходом шел в Тайн, проложив сначала курс на SW, чтобы миновать заграждение, поставленное немцами в 1915 году. Опасаясь нападения на *Marlborough* неприятельских лодок, адм. Джеллико сделал радио Тирвиту с приказанием выслать дивизион миноносцев для его охраны. Но гарвичский отряд находился все еще далеко к S-у и раньше, чем он успел войти в соприкосновение с поврежденным кораблем, *Marlborough* был обнаружен лодками. В 10 часов утра показались две немецкие „U", быстро погрузившиеся. Курс был немедленно изменен и атака произошла только через 45 минут. Торпеда прошла с кормы и, повернув влево, не коснулась цели. Опасность, грозившая *Marlborough*, продолжалась три часа, так как гарвичские миноносцы не нашли его сразу и показались только в 2 часа дня. Подошедший Тирвит сразу же отрядил еще один дивизион для охраны и *Marlborough*, не опасаясь дальнейших нападений, прибыл в 8 ч. утра 2-го июня в Хумбер.

Приключения *Warspite*'а были примерно такие же, но грозившая ему опасность была большая. Получив приказание отделиться от флота и идти в Розайт, *Warspite* отправился по назначению, но на его пути как раз находилась подводная ловушка. Немецкие лодки, высланные первоначально к выходам из английских баз, получили приказание остаться в море еще на сутки. Благодаря совершенно исключительной работе и уменью, с которыми были устроены подкрепления переборок, командир *Warspite*'а смог утром дать 19 узлов и шел зигзагами. В 9 ч. 35 м. две торпеды прошли вплотную по обоим бортам, однако, никаких следов лодки обнаружить не удалось. Решив рискнуть переборками командир увеличил ход до 22 узлов и сделал радио в Розайт, телеграфируя об опасности. Охрану выслали немедленно и через несколько часов два миноносца появились на горизонте, но одновременно в нескольких кабельтовых показалась лодка. Положив руль на борт, командир бросился ее таранить, но лодка успела увернуться и *Warspite* прошел от нее лишь в нескольких футах. Атаковать лодка не смогла и в 3 ч. 15 м. поврежденный корабль благополучно прибыл в Розайт.

Что касается *Warrior*'а, избежавшего участи остальных судов эскадры адм. Арбутнота, то он с затопленными машинными отделениями пытался достигнуть Кромарти. Когда машины крейсера начали окончательно сдавать, он повстречался с авиатранспортом *Engadine*, который и взял его на буксир. Вместе с *Engadine*'ом они с трудом прошли около 100 миль, но к 7 ч. утра стало совершенно очевидным, что дольше двух-трех часов *Warrior*'у не продержаться. Поэтому командир решил, пока еще не поздно, его оставить. *Engadine* блестяще ошвартовился у тонущего *Warrior*'а и снял всю команду. Как только *Engadine* отошел, палуба *Warrior*'а стала покрываться водой, и через несколько минут крейсер затонул.

В 8 ч. 50 м. утра опасность от подводных атак, которой подвергались главные силы флота, миновала. Большинство миноносцев Гранд-Флита присоединилось к своим эскадрам и главнокомандующий повернул на SSW, а адм. Битти продолжал идти на N. Подвигаясь назад, линейные корабли снова вошли в кучу плавающих обломков, среди которых были замечены спасательные буйки *Black Prince*'а.

Адм. Джеллико оставался на курсе около часа, пока не вошел в связь с линейными крейсерами. В 10 ч. утра он снова повернул на NtW. Прошло уже 8 часов с момента прибытия германского флота к Horn Reefs. За это время английские суда покрыли район в 60 миль длиною и 50 миль шириною, который с юга подходил вплотную к заминированному пространству, а с востока от него не хватало только 20 миль до маяка Horn Reefs. Но никаких судов кроме *Регенсбурга* наш флот не видал. Поэтому Джеллико решил, что дальнейшие поиски бесполезны и в 10 часов 44 мин. уведомил о том Адмиралтейство. „Гарвичский отряд", телеграфировал главнокомандующий, „кроме миноносцев для охраны *Marlborough*, более не нужен. Я убедился, что поврежденных неприятельских судов не осталось и возвращаюсь в базу. Поиски по всему району боя остались безрезультатными".

На этом все кончилось. В 11 часов утра 1 июня Гранд-Флит повернул на NW и пошел в Скапа. Адм. Битти, все еще не хотевший признать горькую истину, уклонился на NNO.

Приложение I.

Дислокация судов Гранд-Флита перед выходом 30 мая 1916 года.

В Скапа-Флоу.

Линейный корабль *Iron Duke* флаг главнокомандующего адмирала **Джеллико.**

Суда, состоящие при флагманском корабле.
- Эск. мин. *Oak.*
- Лидер *Abdiel* [1]).
- Легк. крейсер *Active.*
- Авиатранспорт *Campania* [2]).
- Пароход с привязным возд. шаром *Menelaus* [3]).

1 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль	*Marlborough*	флаг вице-адмирала Бернея.
»	*Revenge*	
»	*Hercules*	
»	*Agincourt*	
»	*Colossus*	
»	*Neptune*	
»	*St. Vincent*	
»	*Collingwood*	
»	*Royal Sovereign* [3])	
Легкий крейсер	*Bellona*	

4 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль	*Benbow*	флаг вице-адмирала Стерди.
»	*Bellerophon*	
»	*Temeraire*	
»	*Vanguard*	
»	*Roal Oak*	
»	*Superb*	
»	*Canada*	
»	*Emperor of India* [4])	
Легкий крейсер	*Blanche*	

---

[1]) Был оборудован для заградительных операций.

[2]) Не мог выйти вместе с флотом. Вышел в 1 ч. 30 м. ночи, но в 4 ч. 30 м. дня 31 мая вернулся вследствие повреждений в машине.

[3]) В море не выходил.

[4]) Стоял в доке.

3 эскадра линейных крейсеров.

Линейный крейсер *Invincible* флаг контр-адмирала Худа.
» » *Indomitable*
» » *Inflexible*
Легкий крейсер *Chester* временно прикомандирован к 3 эскадре линейных крейсеров
» » *Canterbury* временно прикомандирован к 3 эскадре линейных крейсеров.

2 крейсерская эскадра [1]).

Крейсер *Minotaur* флаг контр-адмирала Хита.
» *Hampshire*
» *Cochrane*
» *Shannon*
» *Achilles* [2])
» *Donegal* [3])

4 эскадра легких крейсеров.

Легкий крейсер *Calliope* брейд-вымпел коммодора Ле-Мезурие.
» » *Constance*
» » *Comus*
» » *Caroline*
» » *Royalist*

4 минная флотилия.

Лидер *Tipperary*
» *Broke*
Эскадренный миноносец *Achates* *Shark*
» » *Porpoise* *Acasta*
» » *Spitfire* *Christopher*
» » *Unity* *Owl*
» » *Garland* *Hardy*
» » *Ambuscade* *Midge*
» » *Ardent* *Ophelia*
» » *Fortune* *Cockatrice*
» » *Sparrowhawk* *Paragon* [4])
» » *Contest* *Victor* [5])

11 минная флотилия (часть).

Легкий крейсер *Castor* брейд-вымпел коммодора Хокслея.
Эскадренный миноносец *Marne* *Michael*
» » *Monners* *Mons*

12 минная флотилия.

Лидер *Faulknor* брейд-вымпел капитана 1 ранга Стирлинга.
» *Marksman*

---

[1]) Была временно прикомандирована к 3 эскадре линейных крейсеров.
[2]) Стоял в доке.
[3]) В море не выходил.
[4]) Стоял в доке.
[5]) В море не выходил.

Эскадренный миноносец	*Obedient*	*Narwhal*
» »	*Maenad*	*Mindful*
» »	*Opal*	*Onslaught*
» »	*Mary Rose*	*Munster*
» »	*Marvel*	*Nonsuch*
» »	*Menace*	*Noble*
» »	*Nessus*	*Mischief*
» »	*Napier* [1])	*Mameluke* [1])

В Инвергордоне.

2 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль *King George V* флаг вице-адмирала Джеррама.
» » *Ajax*
» » *Centurion*
» » *Erin*
» » *Orion*
» » *Monarch*
» » *Conqueror*
» » *Thunderer*
Легкий крейсер *Baadicea*

1 крейсерская эскадра.

Крейсер *Defence*
» *Warrior*
» *Duke of Edinburgh*
» *Black Prince*

11 минная флотилия (часть).

Лидер *Kempenfelt*

Эскадренный миноносец	*Ossory*	*Mandate*
» »	*Mystik*	*Minion*
» »	*Morning Star*	*Martial*
» »	*Magic*	*Milbrook*
» »	*Mounsey*	*Moon*
» »	*Marmion* [2])	*Musketeer* [2])

В Розайте.

Линейный крейсер *Lion* флаг вице-адмирала Битти.

5 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль *Barham* флаг контр-адмирала Эван-Томаса.
» » *Valiant*
» » *Warspite*
» » *Malaya*
» » *Queen Elisabeth* [3])

---

[1]) В море не выходили.
[2]) Стояли в доке.
[3]) Стоял в доке.

1 эскадра линейных крейсеров.

Линейный крейсер *Princess Royal* флаг контр-адмирала Де-Брок.
» » *Queen Mary*
» » *Tiger*

2 эскадра линейных крейсеров.

Линейный крейсер *New Zealand* флаг контр-адмирала Пакенгама.
» » *Indefatigable*
» » *Australia* [1])

1 эскадра легких крейсеров.

Легкий крейсер *Galatea* брейд-вымпел коммодора Александер-Синклера.
» » *Phaeton*
» » *Inconstant*
» » *Cordelia*

2 эскадра легких крейсеров.

Легкий крейсер *Southampton* брейд-вымпел коммодора Гуденефа.
» » *Birmingham*
» » *Nottingham*
» » *Dublin*

3 эскадра легких крейсеров.

Легкий крейсер *Falmouth* флаг контр-адмирала Непира.
» » *Yarmouth*
» » *Birkenhead*
» » *Gloucester*

1 минная флотилия (часть).

Легкий крейсер *Fearless* брейд-вымпел коммодора Ропера.

Эскадренный миноносец	*Acheron*	*Lizard*
»	*Ariel*	*Lapwing*
»	*Attack*	*Botha* [2])
»	*Hydra*	*Jackal* [2])
»	*Badger*	*Archer* [2])
»	*Goshawk*	*Tigress* [2])
»	*Defender*	*Phoenix* [2])

13 минная флотилия.

Легкий крейсер *Champion* брейд-вымпел капитана 1 ранга Фери.

Эскадренный миноносец	*Nestor*	*Moresby*
»	*Nomad*	*Nicator*
»	*Narborough*	*Negro* [2])
»	*Obdurate*	*Nereus* [2])
»	*Petard*	*Paladin* [2])
»	*Pelican*	*Penn* [2])
»	*Nerissa*	*Pigeon* [2])
»	*Onslow*	*Nepean* [2])

---

[1]) Стоял в доке.
[2]) Стояли в доке.

9 минная флотилия (часть).

Эскадренный миноносец *Lydiard*
» » *Liberty*
» » *Landrail*
» » *Laurel*

10 минная флотилия (часть).

Эскадренный миноносец *Moorsom*
» » *Morris*
» » *Turbulent*
» » *Termagant*
Авиатранспорт *Engadine*

Приложение II.

Организация Гранд-Флита 30 мая 1916 года.

Главные силы.

Ордер № 2 — *Iron Duke* — Ордер № 5

2 эскадра линкоров.

1 дивизия:

- *King George V*
- *Ajax*
- *Centurion*
- *Erin*

→ **1 дивизия**

- *Orion*
- *Monarch*
- *Conqueror*
- *Thunderer*

→ **2 дивизия**

4 эскадра линкоров.

2 дивизия:

- *Iron Duke*
- *Royal Oak*
- *Superb*
- *Canada*

→ **3 дивизия**

- *Benbow*
- *Bellerophon*
- *Temeraire*
- *Vanguard*

→ **4 дивизия**

1 эскадра линкоров.

3 дивизия:

- *Marlborough*
- *Revenge*
- *Hercules*
- *Agincourt*

→ **6 дивизия**

- *Colossus*
- *Collingwood*
- *Neptune*
- *St. Vincent*

→ **5 дивизия**

Прикомандированные легкие крейсера.

- *Boadicea*
- *Blanche*
- *Bellona*
- *Active*

Эск. мин. *Oak*
» » *Abdiel.*

Линейные крейсера.

3 эскадра линейных крейсеров.

Invincible
Inflexible
Indomitable

Крейсера.

1 крейсерская эскадра.

Defence
Warrior
Duke of Edinburgh
Black Prince

2 крейсерская эскадра.

Minotaur
Hampshire
Cochrane
Shannon

Легкие крейсера.

4 эскадра легких крейсеров.

Calliope
Constance
Comus
Caroline
Royalist

Легкий крейсер *Canterbury*.

Минные флотилии.

12 флотилия.

Faulknor
Marksman
Obedient
Maenad
Opal
Mary Rose
Marvel
Menace
Nessus
Narwhal
Mindful
Onslaught
Munster
Mischief
Nonsuch
Noble

11 флотилия.

Castor
Kempenfelt
Ossory
Mystic
Moon
Morning Star
Magic
Mounsey
Mandate
Marne
Minion
Manners
Michael
Mons
Martial
Milbrook

4 флотилия.

Tipperary
Broke
Achates
Porpoise
Spitfire
Unity
Garland
Ambuscade
Ardent
Fortune
Sparrowhawk
Contest
Shark
Acasta
Ophelia
Christophor
Owl
Hardy
Midge

Линейные крейсера (отряд адм. Битти).

Lion

1 эскадра линейных крейсеров.

Princess Royal
Queen Mary
Tiger

2 эскадра линейных крейсеров.

New Zealand
Indefatigable

5 эскадра линкоров.

Barham *Warspite*
Valiant *Malaya*

Легкие крейсера.

1 эскадра.	2 эскадра.	3 эскадра.
Galatea	*Southampton*	*Falmouth*
Phaeton	*Birmingham*	*Yarmouth*
Inconstant	*Nottingham*	*Birkenhead*
Cordelia	*Dublin*	*Gloucester*
		Chester

Минные флотилии.

1 флотилия.	13 флотилия.	9 и 10 флотилии.
Fearless	*Champion*	*Lydiard*
Acheron	*Nestor*	*Liberty*
Ariel	*Nomad*	*Landrail*
Attack	*Narborough*	*Laurel*
Hydra	*Obdurate*	*Moorsom*
Badger	*Petard*	*Morris*
Goshawk	*Pelican*	*Turbulent*
Defender	*Nerissa*	*Termagant*
Lizard	*Onslow*	
Lapwing	*Moresby*	
	Nicator	

Авианосец *Engadine*

Приложение III.

Судовой состав Флота Открытого моря.

Линейный корабль *Фридрих-дер-Гроссе* флаг главнокомандующего вице-адмирала Шеера.

1 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль *Остфрисланд* флаг вице-адмирала Шмидта.
» » *Позен*
» » *Тюрингеи*
» » *Гельголанд*
» » *Ольденбург*
» » *Рейнланд*
» » *Нассау*
» » *Вестфален*

2 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль *Дейчланд* флаг контр-адмирала Мауве.
» » *Ганновер*
» » *Поммерн*
» » *Шлезвиг-Гольстейн*
» » *Гессен*
» » *Шлезиен*

3 эскадра линейных кораблей.

Линейный корабль *Кениг* флаг контр-адмирала Бенке.
» » *Кайзер*
» » *Гроссер Курфюрст*
» » *Маркграф*
» » *Кронпринц*
» » *Принрегент Луитпольд*
» » *Кайзерин*

Разведочные силы.

1 разведочная группа.

Линейный крейсер *Люцов* флаг вице-адмирала Хиппера.
» » *Зейдлиц*
» » *Мольтке*
» » *Дерфлингер*
» » *Фон-дер-Тан*

2 разведочная группа.

Легкий крейсер *Франкфурт* флаг контр-адмирала Бедикера.
» » *Пиллау*
» » *Эльбинг*
» » *Висбаден*
» » *Росток*
» » *Регенсбург*

4 разведочная группа.

Легкий крейсер *Штеттин* брейд-вымпел коммодора Рейтера.
» » *Мюнхен*
» » *Штутгарт*
» » *Гамбург*
» » *Фраунлоб*

Минные флотилии.

Легкий крейсер *Росток* брейд-вымпел коммодора Михельсена.
» *Регенсбург* брейд-вымпел коммодора Хейнриха.
и восемнадцать полу-флотилий эскадренных миноносцев.

Подводные лодки.

U—24; U—32; U—63; U—66; U—70; U—43; U—44; U—52; U—47; U—46; U—22; U—19; UB—22; UB—21; U—53; U—64.

Воздушные корабли.

L—11; L—17; L—14; L—21; L—23; L—16; L—13; L—9; L—22; L—24.

Приложение IV.

Организация Флота Открытого моря 31 мая 1916 года.

Линейные корабли.

3 эскадра	*Кениг* *Гроссер Курфюрст* *Кронпринц* *Маркграф*	5 дивизия
	Кайзер *Кайзерин* *Принрегент Луитполь д*	6 дивизия
1 эскадра	*Фридрих-дер-Гроссе* *Остфрисланд* *Тюринген* *Гельголанд* *Ольденбург*	1 дивизия
	Позен *Рейнланд* *Нассау* *Вестфален*	2 дивизия
2 эскадра	*Дейчланд* *Гессен* *Поммерн*	3 дивизия
	Ганновер *Шлезиен* *Шлезвиг-Гольстейн*	4 дивизия

Линейные и легкие крейсера.

1 разведочная группа	2 разведочная группа	4 разведочная группа
Люцов	*Франкфурт*	*Штеттин*
Дерфлингер	*Висбаден*	*Мюнхен*
Зейдлиц	*Пиллау*	*Гамбург*
Мольтке	*Эльбинг*	*Фраунлоб*
Фон-дер-Тан		*Штутгарт*

Минные флотилии.

Легкий крейсер *Росток*	Легкий крейсер *Регенсбург*
1 флотилия	2 флотилия
3 флотилия	6 флотилия
5 флотилия	9 флотилия
7 флотилия	

Приложение V.

Список погибших судов.

	Английские.	Германские.
Линейные корабли. . .	—	*Поммерн*
Линейные крейсера . .	*Indefatigable* *Invincible* *Queen Mary*	*Лютцов*
Крейсера	*Black Prince* *Defence* *Warrior*	—
Легкие крейсера . . .	—	*Эльбинг* *Фраунлоб* *Росток* *Висбаден*
Эскадренные миноносцы	*Ardent* *Fortune* *Nestor* *Nomad* *Shark* *Sparrowhawk* *Tipperary* *Turbulent*	*S—35* *V— 4* *V—27* *V—29* *V—48*

Приложение VI.

Потери английского флота в личном составе.

Название судна.	Убито.	Ранено.	Попало в плен.	Примечание.
Barham	26	37	—	
Colossus	—	5	—	
Malaya	63	33	—	
Marlborough	2	—	—	
Valiant	—	1	—	
Warspite	14	16	—	
Indefatigable	1017	—	2	Утонул
Invincible	1026	—	—	Утонул
Lion	99	44	—	
Princess Royal	22	78	—	
Queen Mary	1266	7	2	Утонул
Tiger	24	37	—	
Black Prince	857	—	—	Утонул
Defence	903	—	—	Утонул
Warrior	71	27	—	Утонул, команда снята
Calliope	10	9	—	
Castor	13	23	—	
Chester	35	42	—	
Dublin	3	24	—	
Southampton	35	41	—	
Broke	47	36	—	
Tipperarg	185	2	8	Утонул
Acasta	6	1	—	

Название судна.	Убито.	Ранено.	Попало в плен.	Примечание.
Ardent	78	2	—	Утонул
Defender	1	2	—	
Fortune	67	1	—	Утонул
Moorsom	—	1	—	
Nessus	7	7	—	
Nestor	6	—	80	Утонул
Nomad	8	—	72	Утонул
Onslaught	5	2	—	
Onslow	2	3	—	
Petard	9	6	—	
Porpoise	2	2	—	
Shark	86	2	—	Утонул
Sparrowhawk	6	—	—	Утонул
Spitfire	6	19	—	
Turbulent	90	—	13	Утонул
Всего	6097	510	177	

Приложение VII.

Потери германского флота в личном составе.

Название судна.	Убито.	Ранено.	Примечание.
Гроссер Курфюрст	15	11	
Кайзер	—	1	
Кениг	45	27	
Маркграф	11	13	
Нассау	12	15	
Ольденбург	8	14	
Остфрисланд	1	10	
Поммерн	840	—	Утонул
Рейнланд	10	20	
Шлезиен	1	1	
Шлезвиг-Гольштейн	3	8	
Вестфален	2	8	
Дерфлингер	154	26	
Лютцов	111	54	Утонул, команда снята
Мольтке	17	22	
Зейдлиц	98	50	
Фон-дер-Тан	12	35	
Эльбинг	4	10	Утонул
Франкфурт	3	21	
Фрауэнлоб	342	—	Утонул
Гамбург	14	25	
Мюнхен	8	19	
Пиллау	4	23	
Росток	14	6	Утонул
Штеттин	9	27	
Висбаден	570	—	Утонул
B—98	2	11	
G—40	1	1	
S—32	3	1	
V—4	18	4	
V—48	90	—	
6 флотилии	3	16	
9 флотилии	120	15	
Всего	2545	494	

Приложение VIII.

Число попаданий, полученных судами английского флота [1]).

Название судна.	Число попаданий.		Время окончания ремонта.	Примечание.
	Крупного калибра.	Мелкого калибра.		
Barham	6	—	4 июля	
Malaya	7	—	24 июня	
Marlborough	—	—	2 августа	Попадание торпедой.
Warspite	13	—	20 июля	
Lion	12	—	19 июля	
Princess Royal	6	—	15 июля	
Tiger	10	—	2 июля	
Chester	—	17	25 июля	
Dublin	—	8	17 июня	
Southampton	—	18	20 июня	
Broke	—	9	31 августа	
Acasta	—	2	2 августа	
Contest	—	—	19 июня	Столкновение.
Defender	1	—	23 июня	
Moorsom	—	1	17 июня	
Onslaught	—	1	23 июня	
Onslow	—	5	8 августа	
Petard	—	3	27 июня	
Porpoise	—	2	23 июня	
Spitfire	—	2	31 июля	Кроме того поврежден при столкновении.
Всего	55	68		

[1]) Показаны лишь те суда, ремонт которых не мог быть произведен судовыми средствами.

Приложение IX.

Число попаданий, полученных судами германского флота.

Название судна.	Число попаданий. Крупного калибра.	Число попаданий. Мелкого калибра.	Время окончания ремонта.	Примечание.
Гроссер Курфюрст	8	—	18 июля	
Гельголанд	—	—	19 июня	
Кайзер	2	—	14 июня	
Кениг	10	—	3 августа	
Маркграф	5	—	—	
Нассау	—	2	—	
Ольденбург	—	1	19 июня	
Остфрисланд	—	—	29 июля	Подорвался на мине при возвращении в базу.
Рейнланд	—	2	—	
Шлезиен	1	—	—	
Шлезвиг-Гольштейн	1	—	—	
Вестфален	—	1	—	
Дерфлингер	20	9	3 ноября	
Лютцов	40	—	—	Крупного и мелкого калибров.
Мольтке	4	—	—	
Зейдлиц	24	3	16 сентября	
Фон-дер-Тан	4	—	15 августа	Время точно не установлено.
Франкфурт	1	3	—	
Гамбург	—	4	—	
Мюнхен	—	5	—	
Пиллау	1	—	—	
Штеттин	—	2	—	
B—98	—	1	—	
G—40	—	1	—	
S—32	—	3	—	
S—36	—	—	—	Число попаданий не известно.
S—52	—	—	—	Число попаданий не известно.
Всего	121	37		

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
	Предисловие	3
Глава:		
I.	Общее положение после отставки адмирала Фишера и первого лорда Адмиралтейства Черчилля к моменту образования коалиционного министерства в мае 1915 г. Действия на второстепенных театрах. Месопотамия	5
II.	Дарданеллы. С 5 по 7 июня. Подвиги подводных лодок E 14 и E 11 в Мраморном море. Гибель *Triumph*'а и *Majestic*'а. Третий бой у Критии	27
III.	Западный фронт и Дарданеллы. Обстановка в июне и июле в Отечественных водах, в Белом море и в Балтике. Уничтожение *Кенигсберга*	44
IV.	Дарданеллы с 20 июня по 31 июля. Новый план. Активность подводных лодок в Мраморном море. Прибытие подкреплений	73
V.	Сувла	89
VI.	Общее положение после высадки в Сувле. Прорыв русского фронта. Перемена во взглядах во Франции. Английские подводные лодки в Мраморном море	112
VII.	Положение в Отечественных водах и Балтийском море в августе и сентябре 1915 года. Потопление парохода *Arabic* и случай с *Baralong*. Протест Америки против подводной кампании немцев	124
VIII.	Изменение германского плана кампании. Позиция Болгарии. Содействие флота осеннему наступлению во Франции	146
IX.	Салоники	157
X.	Месопотамская экспедиция. С июля по октябрь	183
XI.	Судьба Галлиполи. Бой у Ктесифона	201
XII.	Эвакуация Галлиполи	229
XIII.	Отечественные воды с сентября 1915 года до марта 1916 года.— Операции германского вспомогательного крейсера *Меве*	254
XIV.	Обращение германской армии за помощью к флоту. Гибель парохода *Sussex*	272
XV.	Воздушный набег на аэро-базу в Шлезвиге и бомбардировка Ловестофта	281
XVI.	Канун Ютландского боя	304
XVII.	Ютландский бой. Первая фаза. Бой линейных крейсеров	319

XVIII. Ютландский бой. Вторая фаза. Первое соприкосновение главных сил 336
XIX. Ютландский бой. Третья фаза. С 6 ч. 30 м. до наступления темноты 357
XX. Ютландский бой. Четвертая фаза. Ночь 380
XXI. Ютландский бой. Последняя фаза. 1 июня 395

Приложения:

I. Дислокация судов Гранд-Флита перед выходом 30 мая 1916 года 412
II. Организация Гранд-Флита 30 мая 1916 года 417
III. Судовой состав Флота Открытого моря 420
IV. Организация Флота Открытого моря 31 мая 1916 года . . . 422
V. Список погибших судов 423
VI. Потери английского флота в личном составе 424
VII. Потери германского флота в личном составе 426
VIII. Число попаданий, полученных судами английского флота . . 427
IX. Число попаданий, полученных судами германского флота . . 428

Карты и схемы.

В тексте. **Карта 5.**—Операция у Сувлы (высадка XI дивизии) 98
Карта 6.—Побережье бухты Сувлы во время эвакуации 234

В приложениях. **Карта 1.**—Нижняя Месопотамия.
Карта 2.—Операция у Курнах.
Карта 3.—Мраморное море.
Карта 4.—Операция у Сувлы.
Карта 7.—Бомбардировка Ярмута и Ловестофта.
Схемы 8—37 a, b, c, d, e, f, g, h.—Ютландский бой.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№